

Пастырь добрый составитель Сергей Фомин

Из наследия Алексея Мечева

Краткое правило для благочестивой жизни

Исповедь внутреннего человека, ведущая ко смирению

Старческие советы Алексея Мечева

Алексей Мечев – Проповеди

Алексей Мечев – Письма

Воспоминания об о. Алексии Мечеве

Кончина отца Алексея Мечева

Маросейский батюшка. Сергей Дурылин

О своем рождении отец Алексей рассказывал так: когда наступили роды, покойная мать почувствовала себя очень плохо. Роды были трудные и так затянулись, что родильница была близка к смерти, за благополучный исход доктора не отвечали. В горе и тоске Алексей Иванович¹, отец покойного батюшки, поехал в Алексеевский монастырь² к обедне, которую по случаю какого-то праздника, служил сам митрополит Филарет³. Алексей Иванович вошел в алтарь и стал молиться, полный печали. Митрополит, горячо его любивший, заметил его и, подзывая к себе, благословил и спросил: «Что ты сегодня такой печальный? Что у тебя?» – «Ваше Высокопреосвященство, жена в родах умирает». – «Бог милостив. Помолимся вместе. Все будет хорошо. Родится мальчик. Назови его Алексеем, в честь святого Алексия, человека Божия⁴, сегодня ведь как раз память его в Алексеевском монастыре». Когда, отстояв обедню, Алексей Иванович вернулся домой, то его встретили с радостью: родился мальчик, – это был отец Алексей.

К митрополиту Филарету и его памяти у отца Алексея было особое благоговение и любовь. Я слышал от него много рассказов о Митрополите, и это всегда были слова глубокой любви, истинного понимания и какой-то родственности, на первый взгляд (но лишь на первый) непонятной: Митрополит представлялся суровым и сухим, в полную противоположность отцу Алексею, который был весь любовь и привет, но это несоответствие себя с Митрополитом отец Алексей резко отрицал, махал рукой и отвечал: «Не понимают». Вот что он рассказывал о своем отце, Митрополите и своем детстве.

Ему было семь лет, когда умер Митрополит. Он помнил хорошо Троицкое подворье⁵ времен Филарета, где жил с отцом, занимавшим тогда место регента митрополичьего Чудовского хора, бывшего тогда на высоте своей славы (до освящения храма Христа Спасителя⁶ в Москве, как ни странно, не было своего городского кафедрального собора. Успенский – был за Синодом, и в нем даже не поминали митрополита, если он не служил там. Благовещенский – это был придворный собор, место кафедрального собора занимал Чудов монастырь, именовавшийся кафедральным собором. Поэтому митрополичий хор, по кафедральному монастырю, именовался Чудовским).

Певчие помещались также на подворье. Алексей Иванович учился в Московской семинарии, отличался прекрасным голосом и редким слухом. Митрополит знал все и всех в своей епархии, и когда Алексей Иванович, еще совсем юноша, приближался к окончанию семинарии и думал о поступлении в Духовную Академию и, может быть, о священстве в будущем, Митрополит, давно имевший его на примете, высказал ректору свое намерение поставить впоследствии Алексея Ивановича во главу своего хора. Ректор передал желание Митрополита Алексею Ивановичу, тот стал отказываться: думается в этом отказе было место и страху – постоянно быть на глазах у Митрополита и всецело от него зависеть. «Подумай, – сказал

ректор, – что тебя ждет. Ну, будешь где-нибудь священником в уезде, а тут около Владыки, он тебя не оставит». Узнав, что Алексей Иванович колеблется и смущен сильно предложением, Владыка позвал его к себе и тихо сказал: «Я тебя не неволю, решай сам». Кроткая приветливость Митрополита решила дело, и Алексей Иванович, по окончании семинарии, исполнил желание Митрополита.

Отец Алексей всегда с живейшей благодарностью, иногда со слезами вспоминал заботу и ласку Митрополита к их семье, и к нему самому, маленькому мальчику. Митрополит находил время и охоту входить во все нужды и заботы регентовой семьи и свято исполнял обещание: «Я тебя не оставлю». Отец Алексей чтит в митрополите Филарете великого Святителя, подвижника, вдохновенного проповедника, и особенно Святителя, полного любви и жалости к низшим себя, несмотря на кажущуюся его замкнутость и даже суровость. В 1920 году было решено отслужить панихиду в день памяти митрополита Филарета, а затем прочесть нечто из его творений и жизнеописание. Батюшка отец Алексей очень этому обрадовался, и сам, несколько даже неожиданно, поделился своими детскими впечатлениями о личности великого Святителя: он говорил прекрасно, одушевленно и с глубоким благоговением и сумел дать почувствовать самое трудное, то, о чем обычно умалчивают даже благоговейно пишущие о митрополите Филарете: то, что Владыка был полон любви, подлинной христианской любви, умеющей прощать и нести тяготы ближнего. Это же сквозит в тех рассказах о митрополите Филарете, которые уцелели в моей памяти.

В профиле отца Алексея, в тонком прекрасном благородстве его черт, в обличии его носа и лба, в живом огне его мудрых глаз, в особенности, когда он смотрел за Литургией из-под низко надвинутой на лоб камилавки; наконец, в его росте было что-то тонкое и прекрасное, схожее с великим Святителем. Это не только мое наблюдение, то же заметил мне один близко знавший отца Алексея профессор-медик, всматривавшийся для сравнения в известный портрет митрополита Филарета в митре. В характере отца Алексея были подлинно Филаретовские черты. Укажу на некоторые: как тот, так и другой были необыкновенно, до безжалостности требовательны к себе и исполнительны во всем, что касалось их служения и долга. Оба были великие воздержники. Про митрополита Филарета известно, что, будучи наделенным острой наблюдательностью, он замечал мгновенно все погрешности и опущения при его служении, но в отличие от многих достойных служителей Церкви, никогда никому не делал никаких замечаний в церкви, не желая смущать служителей алтаря. Также поступал и отец Алексей. Великолепный знаток устава и службы, он все замечал, все видел, все погрешности, ошибки и опущения в службе, особенно у той молодежи, с которой служил за последние годы (и любил служить с ними), но было такое впечатление, что он ничего не видит и ничего не замечает. Через много времени, в удобные и наиболее благоприятные для того минуты, он скажет бывало и поправит. Ошибки же слишком вопиющие, или отражающиеся на ходе Богослужения, поправит сам и незаметно для ошибившегося и тем более для богомольцев: сам запоет как надо, сам совершит то, что нужно сделать другому. Это величайшая редкость среди священнослужителей.

Отец Алексей рос в небогатой обстановке («У меня никогда не было отдельной комнаты, – говорил он не раз, – я всю жизнь жил на людях и при людях»). Уединения он никогда не испытал. В последнее время он раза два говорил мне, что хотел бы побыть один и что народ одолевает. Но это было раза два-три не более. «Все уйдем в монастырь, вы и я вместе с вами», – говорил он полушутя. Про детство же вспоминал, что у него никогда не было своего угла. Уроки учил при всех. Он ходил в Заиконоспасское училище⁷ на Никольской с Самотеки. Был очень старательный к учению, а по росту был самый маленький в классе, такой маленький, что казался ребенком среди других. Однажды, нагруженный всеми книгами в ранце, он, не справившись с часами, так рано забрался в училище, что оно оказалось запертым; он сел у запертой двери на морозе и ждал чуть ли не два часа. Учитель однажды попросил его отнести письмо на другой конец Москвы, предполагая, что он зайдет домой, поест и отдохнет, а потом уже, не спеша, выберет время и исполнит поручение, а старательный и готовый на всякую услугу мальчик, не поевши, прямо из школы отправился исполнять поручение. Он вернулся только поздно вечером, перепугав мать и еле держась на ногах.

«Ум – это только рабочая сила у сердца», – любил повторять покойный батюшка. Это было заветное и любимое его слово. Рабочая сила пусть работает, и это хорошо, что она работает. Оттого он никогда не отрицал ни науки, ни знаний, привлекая к ним и благословляя учиться, быть ученым, писателем и т.п. Но хотел, учил и требовал, чтобы эта рабочая сила была в работе у верховного хозяина и мастера жизненных дел – у сердца. Я десятки раз слышал это от него.

Пастырь должен разгружать чужую скорбь и горе. Столь же многократно и упорно учил он разгружать другого, перегружая чужую ношу горя и беды с его плеч на свои. Это и делал он в течение всей своей жизни. Иногда бывало войдешь к нему в комнатку, после такой разгрузки, когда выйдет от него кто-нибудь, им разгруженный, в слезах, но с просветленным и умиленным лицом или без слез, а с одним открытым обновленным взором, выйдет точно поднявшись, прибавив росту. А он, разгрузчик, сидит и лица на нем нет. Оно полно безграничной сочувственной скорби, в глазах слезы, голос прерывается от них, голос делается каким-то бесконечно мягким, ласкающим, тихим и, вместе с тем, глубоко скорбным. «Вот, – скажет, – была у меня...» – назовет местность, откуда была и расскажет страшную страницу жестокого горя, столь обычного, нами и не замечаемого, особенно горького, женского горя. Казалось нечем помочь, муж бьет, дети бьют, муж почти преступник по отношению к семье, дети воры, муж в церковь даже не пускает – украдкой сбежала; все в душе у нее оплевано, избито, все тело болит от побоев и непосильного труда; чуть ли не из петли вынули ее. Петля или прорубь на уме или еще хуже: «убью его». И все это он взял на себя. Прибавилось новое имя в его молитвах, прибавилась новая вечно памятуемая скорбь в его сердце, прибавилась новая молитвенная забота: лишний раз упорно, постоянно стучать за нее Богу, за какую-нибудь скорбящую рабу Божию Параскеву. Прибавился тяжкий груз на его больном сердце и любовью болеющей душе. А ей сказано кратко и весело: «Бог милостив, все обойдется, буду молиться за тебя», – и вместе с просвиркою, иконкой и листочком ей отдано дорогое, драгоценное веселье, накопленное молитвой и трудом. Она ушла веселая. Она никогда не узнает, что груз, ею оставленный, бесконечно тяжел. Она покойна – он будет стучаться за нее Господу, он бдит о ней. Бывало идет ранняя Литургия и вдруг записка от него: «Помянуть такую-то», – с особой припиской к

служащему священнику: «Скорбящую». Это значит, что его болеющее о другом сердце вспомнило кого-то особенно, наипаче в данный момент нуждающегося в Литургической молитве и жертве – и он просит помянуть, помолиться, вынуть частицу. Нельзя было не привыкнуть за частое служение с ним ко множеству имен, поминаемых им на проскомидии, во время Херувимской, при пресуществлении Св.Даров, на заздравных ектениях, в молитвах Богоматери и св.Николаю (это были вставки, не предусмотренные текстом молитвы, но предусмотренные его любящим и пекущимся сердцем), за водосвятием; служащие с ним привыкли настолько ко множеству поминаемых им имен, что многие из них и сами знали наизусть, но всегда и неизменно прибавлялись в них целые потоки новых имен – а каждое новое имя для него значило – новая слеза, новая горячая молитва, новый вопль к Богу о помощи, помиловании и прощении. Иногда он совершал проскомидию часа полтора и даже больше, вычитывал один, с помощью сослужащих и даже с помощью молящихся в алтаре мирян, целые тетради имен; заздравная ектения на Литургии при его служении превращалась в целый поток молитв, плескавшийся бесчисленными именами болящих, скорбящих, заблудших, заключенных, путешествующих. Этот поток столь широкий, почти бесконечный, вмещало его больное сердце. Имена эти – для большинства молящихся только имена, – жили в нем, как живые существа, наполняя сердце скорбью, горем и печалью, и редко радостью и благодарностью к Богу за милость и счастье. Но это все – напряженнейшая, неусыпная молитва – были только частью его разгрузки. «Где батюшка? – спросишь бывало. – «Увезли в Марьину Рощу». Увезли еле дышащего, полубольного, слабого. Дождешься его. Машет рукой, как бы сам над собой посмеиваясь. – «Где, батюшка, были?» – «Да целый день ничего не делал, потерял целый день. Вы вот тут служили, а я чай пил у такой-то в Марьиной Роще». Этот «чай» был его вход в какую-нибудь развалившуюся семью, где все погибло и за него ухватились, как за последнюю соломинку, оттого его и увезли. Выпитый им «чай» приносил мир в семью, ибо он приносил с собой только любовь, только всепрощающее

понимание каждого и всех: для него не было виноватых, и оттого виновные молча и тайно начинали чувствовать свою вину. И не виня их, он, виноватых, обращал к любви и прощению; шуткой, народным словцом для всех понятным и близким. Он рассеивал тучи, низко ходившие над семьей, тучи злобы, будничного, мелкого, самого могучего вседневного зла. И «чай» этот дорого стоил ему: усталый, измученный возвращался он из какого-нибудь Московского, а иногда из за-Московского захолустья, дома его ждет накопившийся за его отсутствие народ. Он тотчас начинает прием, новую разгрузку, не отдохнув от только что совершенной. Впрочем, с Марьинорощинскими ему было, пожалуй, легче; а какого труда стоила «разгрузка» какого-нибудь профессора или современного общественного деятеля, художника, писателя, которых только безысходное отчаяние кидало в его комнатку. Самый приступ к разгрузке требовал несколько часов, и совершенно исключительного, душевного, духовного и умственного подвига и труда; разгрузка длилась зачастую годами, ибо на место грузов, только что разгруженных отцом Алексеем, жизнь нагружала новый тягчайший груз, а сгибавшийся под ним уже привычно и неизменно шел к отцу Алексею, и отказа не было никому никогда. Это был великий перегрузчик чужих скорбей на свои слабые плечи.

«Помолитесь о такой-то», – скажет он бывало, и назовет совершенно неизвестное имя. «Батюшка, не умею молиться. Как же молиться?» В ответ он не переставал повторять слышанный от отца Иоанна Кронштадтского рассказ из самых первых лет служения великого молитвенника. Отец Иоанн еще совсем молодой, никому не известный священник, шел рано утром в собор служить. На площади ему встретила неизвестная женщина и сказала: «Батюшка, у меня сегодня решается такое-то дело, помолитесь обо мне». – «Я не умею молиться», – смиренно отвечает о. Иоанн. – «Помолитесь, – настаивала женщина, – я верю, по вашим молитвам Господь пошлет мне». И о. Иоанн, видя, что она возлагает такие надежды на его молитвы, еще более смутился, утверждая, что он не умеет молиться, но женщина заметила ему: «Вы, батюшка, только помолитесь, я вас прошу, как там умеете, а я верю, Господь услышит». Почти принужденный женщиной о. Иоанн согласился и стал поминать за проскомидией и Литургией, где только мог. Через некоторое время он опять встретил эту женщину, и она сказала ему: «Вот вы, батюшка, помолились за меня и Господь послал мне по вашим молитвам, чего я просила». Этот случай повлиял на о. Иоанна так, что он понял всю силу иерейской молитвы. Он рассказал этот случай покойному о. Алексею, когда тот приехал к нему в величайшем горе, пораженный неизлечимой болезнью жены⁸, оставшись с маленькими детьми на руках, в бедном приходе, в развалившемся гнилом доме. Он жаловался на свое горе о. Иоанну и просил указаний как быть, что делать и чем помочь. О.Иоанн сказал ему: «Ты жалуешься и думаешь, что больше твоего горя нет на свете, так оно тебе тяжело. А ты будь с народом, войди в его горе. Чужое горе возьми на себя и тогда увидишь, что твое горе маленькое, легкое в сравнении с тем горем, и тебе легко станет»⁹. Отец Алексей так и сделал: он принялся за разгрузку чужого горя. Тогда же о. Иоанн указал ему на первое и сильнейшее средство к излечению горя – молитву.

О.Алексей много раз повторял этот рассказ о. Иоанна и этот совет, которому он следовал всю свою жизнь, в котором видел высшее руководство для пастыря и к следованию которому непрестанно звал всех. Этот совет о. Иоанна есть ключ к пониманию всей жизни и деятельности о. Алексея. Совет этот о. Алексей исполнял до конца, до последнего издыхания.

Я помолюсь, это был его неизменный ответ всем и всегда на всякую просьбу, на всякое горе, скорбь, беду, недоумение, сомнение, надежду, радость, на все и всегда: «Я помолюсь». Он верил непоколебимо, свято, глубоко в силу, дерзновение, всемогущество молитвы, – во всеобщую ее доступность, во всегдашнюю помощь и близость. Рассказать о нем, значит рассказать о том, как он молился. Рассуждать о молитве он не любил. «Бог дал мне твердую детскую веру», – вот что не раз слышали от него; это совершенно точно записанные слова. Однажды ему привелось исповедовать одного архиерея, довольно известного деятеля, и архиерей этот изумился силе, крепости и дерзновению его веры и изумление свое выразил тут же на исповеди о. Алексею. Рассказав мне однажды об этом, о. Алексей с извиняющейся улыбкой, как бы не понимая, что особенного нашел в нем архиерей, прибавил: «А просто Бог дал мне детскую веру».

«Я неграмотный», – часто говорил он, когда слышал и примечал у кого-нибудь нечто холодное, умовое в мысли, религиозном сочинении, разговоре. Бывало, заумствуешься при нем, вознесешься, пустишься в величайшую отвлеченность, а он скажет, смеясь: «А я неграмотный, не понимаю», – и этим вернет к чему-то более теплomu, действительному, более истинному и насущному. Ум же у него был глубокий, светлый, способный все понять. Единственный человек в Москве, с которым можно было говорить обо всем, твердо зная, что он все поймет, был он. К нему шли советоваться и делились с ним, плакали священники, ученые, писатели, художники, врачи, общественные деятели и «неграмотный» их понимал.

Я позвал однажды на его службу, за Литургию, знаменитого художника М.В.Н. [естерова]¹⁰, никогда раньше его не видавшего. Он отстоял всю долгую службу, был у о. Алексея, пил с ним чай, и когда я спросил его: «Ну что, как?», – ответ был: «Да чего уж, чудесный, из-под рясы отовсюду мальчишки выскакивают, настоящий он, подлинный». «Мальчишки выскакивают». Чудесно сказано. О.Алексея ни на минуту нельзя представить без людей, без толпы, которая обступала его и жужжала вокруг него как пчелы, и дети особенно; правда, что мальчишки сыпались даже из-под рясы, когда при выходе из храма его рука уставала благословлять, а от любящего и ласкового напора толпы ему становилось тяжело дышать, и приходилось провожать его через толпу, чтобы она не заласкала его.

Он горячо любил и чтит покойного настоятеля оптинского скита о. игумена Феодосия¹¹, и обоюдно был глубоко чтим этим благодушным, любящим, тихо-величавым старцем. Карточка о.Феодосия стояла на столе у него. Он был однажды в скиту у о.Феодосия и рассказывал, как отец Феодосий с необычайным радушием угощал его какими-то особенно большими блинами «по-оптински». Часто, потчuya чем-нибудь, о. Алексей приговаривал: «Что же вы не кушаете, это ведь по-оптински?» О.Феодосий приехал как-то в Москву, посетил храм о. Алексея. Был в церкви, видел как идут вереницы исповедников, как истово и долго проходит служба, как подробно совершается поминовение, какие толпы народа ожидают приема, как долго длится этот прием. Видел и сказал о. Алексею: «Да, на все это дело, которое вы делаете один, у нас в Оптине несколько человек понадобилось бы. Одному это сверх сил. Господь вам помогает»¹².

Об о.Анатолии Оптинском¹³ батюшка отзывался с такой любовью, с таким признанием, и с таким благоговением, как ни о ком из живущих подвижников и духовных отцов. Мы с ним одного духа, много раз говорил он. И это так и было: одного духа любви благодатной, всепрощающей и всеисцеляющей силой любви. Самое лицо его делалось особенно светлым, когда он сам или при нем другие говорили об о.Анатолии. Никогда и ни в чем не усумнился он в глубокой правде и мудрости всех путей, дел и советов о.Анатолия. Причина совершенно ясна: ни в ком не видел о. Алексей такого совершенного понимания и воплощения старчества, как служения любви, как в о.Анатолии.

Связь его с о.Анатолием была неразрывна и глубока. Хотя у отца Анатолия он был только один раз, о.Анатолий, по собственным словам его, переданным батюшкой, «проезжал раз мимо церкви Клёник, хотел заехать, да народ давно ждал в другом месте, нельзя было». Между ними было общение, которое, шутя, близкие называли «беспроволочный телеграф». Была благодатная близость, благодатное единство старчества. Сколько раз я в этом убеждался. О.Анатолий всегда москвичей посылал к о. Алексею. То же делал о.Нектарий¹⁴, другой Оптинский старец, который однажды сказал кому-то: «Зачем вы ездите к нам? У вас есть о. Алексей». Это оптинское свидетельство об о. Алексее нельзя не признавать величайшим по значению. В нем выражено глубокое единство опытно-духовного пути о. Алексея с тем, которым шло Оптиное старчество, истоком своим восходящее к великому старцу Паисию Величковскому¹⁵ и через него к Афону и живому святоотеческому преданию всего Православия. О.Алексей был Оптинский старец, только живущий в Москве. В этом заключена величайшая радость и величайший смысл. У о. Алексея была живая связь с Оптиными – духовными и светскими питомцами Оптиного духа и поучения. Из всех русских монастырей в глазах о. Алексея Оптина пустынь была высшим, совершеннейшим очагом истинного подвижничества и старчества – этого святого иноческого пастырства.

Однажды о. Алексей спросил: «Думали ли вы отчего все святые апостолы, все до единого приняли мученический венец, погибли на крестах, были усечены мечом, а апостол Иоанн Богослов дожил до глубокой старости и мирно скончался. На отрицательный ответ о. Алексей сказал: «Оттого, что у апостола Иоанна была такая безпримерная, великая, неодолимая христианская любовь, что ее силе и мучители покорялись, и гонителей обезоруживала она, их злобу она загасила и превратила в любовь»¹⁶.

О любви были все наставления, все слова, все проповеди покойного о. Алексея. Он бывало исповедует во время Литургии и прислушивается к проповеди, произносимой кем-либо из сослужащих вместо причастного стиха. Однажды одному сослуживцу-священнику пришлось прочесть перед Литургией слово св. Иоанна Златоуста. Оно поразило священника одной мыслью, которую он и выразил в своей проповеди. Почему Бог не создал всех равными, одинаково умными, прекрасными, богатыми и сильными? Потому, что тогда не было бы места и дела любви на земле: любовь покрывает недостающее – ты богат, другой беден, люби его и любовью восполнишь недостающее ему; ты умен, другой малоумный, люби его и любовью восполни его скудость, ты образован, а он нет – люби его и твоя любовь заставит тебя дать ему знание и т.д. Получается при неравенстве природном круговое восполнение любовью: ты богат, но скорбен, другой беден, но весел – любите друг друга и вы обоюдно восполните недостающее. Любовь здесь свобода и полнота. Еще во время Литургии о. Алексей улучил минуту и шепнул священнику: «Какое глубокое слово вы сказали». Слово в действительности не принадлежало священнику, но он понял, как бесконечно дорога была о. Алексею каждая мысль, уясняющая единое и высочайшее, чему служил он, – любовь. Он сиял, глаза его источали голубой радостный свет. Он был счастлив и, наоборот, как тревожен и печален становился о. Алексей, с какой святой страстностью противился он всякому слову проповеди, книг, мыслей от кого бы они ни исходили, если они преуменьшали или не уделяли достаточно места любви: все было тогда не так, не нужно, он становился строг, почти грозен (если вообще приложимо к нему это слово, а как-то в особом великом смысле оно приложимо), он знал, что забывший о любви, что бы он ни говорил и как бы ни говорил, говорит ложь, ибо Бог есть любовь, а лжи о. Алексей не терпел ни в чем и никогда, сам же он, говоря о любви, плакал, сердце его болело: чего ему стоили такие

проповеди: любовью о любви, – знает тот, кто видел его вернувшегося с амвона к престолу, после проповеди. Он был бледен, слезы текли по лицу: он хватался рукой за сердце и опирался в изнеможении грудью о престол, виновато говорил чуть слышно сослуживцам, сияясь улыбнуться: «Скандал просто». Через силу оканчивал службу, еле слышным голосом делал возгласы.

Милующая Любовь (слова св.Исаака Сирина) – вот чем он был богат. Сколько тут открывалось неожиданного и милующего. «А ведь я венчал Вяльцеву¹⁷», – сказал он однажды. «Какую, батюшка, Вяльцеву?» Нельзя было не переспросить его: до того странно слышать в его устах имя знаменитой цыганской певицы. «Да вот известную». Что-то теплое и ласковое прошло по лицу покойного батюшки при этом воспоминании. «Она пришла ко мне и говорит: “Вы меня не прогоните, о. Алексей, и не осудите?”» Венчание было совершенно уединенное, без пышности. Она исповедовалась перед венчанием. О.Алексей удивлялся и умилялся теплоте ее веры и настоящему смирению, и с любовью вспоминал ее. Это была одна из многих неожиданностей, которыми была полна его жизнь и о которых никто не знал. Анастасия Дмитриевна Вяльцева Анастасия Дмитриевна Вяльцева

Анастасия Дмитриевна Вяльцева

В начале своей деятельности в Клениках он говорил: «Восемь лет я служил Литургию каждый день при пустом храме», – и прибавлял с грустью: «Один протоиерей говорил мне: как ни пройду мимо твоего храма, все у тебя звонят. Заходил я в церковь – пусто. Ничего не выйдет у тебя: понапрасну звонишь». А о. Алексей продолжал служить непоколебимо и пошел народ. Это он рассказывал [в ответ] на вопрос, как устроить приход, как оживить церковь. Ответ был один – молиться.

Он жил на людях, посреди людей и для людей, никогда, кажется, не бывал один. Всегда с людьми и на глазах у людей, стены его комнатки были точно стеклянные, все видно. И однако, я думаю, редко, редко, кто имел столько тайного и таимого, как о. Алексей – это бесконечное сокровище добра, любви и помощи людям в самых неожиданных, бесконечно разнообразных формах, сложных, как сложна жизнь города, посреди которого он жил. Никто не знал и никогда не узнает, скольким он помогал и скольких он обнимал своей любовью: это была его тайна. Полагали, что они его знали. Преждевременно и невозможно приоткрывать самую малую часть завесы, которая эту его тайну отделяет от нас, – малая часть только и будет нам открыта. Господь же знает все, что нужно, скажу одно: о. Алексей находил друзей там, где ожидал найти врагов, и над ним самим сбылось то, что он рассказывал об Апостоле любви.

Священник Сергей ДУРЫЛИН

Публикуется по машинописной копии из архива Е.В.Апушкиной. Название по машинописной копии «Из воспоминаний об отце Алексии (отца Сергея Дурылина)». Первая публикация под измененным названием («Памяти о. Алексея») в кн.: Отец Алексей Мечев. С.15–26.

Об авторе см. комментарии к воспоминаниям Во граде, яко в пустыне живой..., открывающим наст.издание.

Памяти Батюшки. Константин Апушкин

«Всем земным начало нашего спасения Ты еси, Богородице Дево».

Служба предпразднества Благовещения Пресвятой Богородицы.

День Благовещения Пресвятой Богородицы 1922 года останется памятным для меня на всю жизнь.

Отстояв раннюю Литургию в церкви в Армянском переулке¹⁸ (куда тоже попал в первый раз), я уже в середине поздней Литургии попал на Маросейку. Служил сам Батюшка о. Алексей, которого я до сих пор не видел, хотя слышал о нем хорошие отзывы. Отчасти предубежденный против духовенства вообще, а особенно не будучи опытно знакомым с руководством духовным, я и к слухам об отце Алексее относился довольно хладнокровно.

Отец Алексей Мечев

Не помню точно, как подействовала на меня его служба, но что ясно сохранилось в моей памяти, так это самый конец. Служба кончилась, и Батюшка через левый придел вышел, чтобы идти домой. Его сразу же обступили со всех сторон молящиеся, из которых главная масса были женщины. Батюшка благословлял их. Меня что-то неудержимо повлекло тоже под его благословение, почувствовалось в нем что-то такое близкое и родное, чего душа давно искала. Нерешительно подхожу к толпе, – нерешительно, потому что благословит ли меня Батюшка, меня утопавшего во грехах, да и доберусь ли до него через толпу, но Господь помог: Батюшка увидел меня, посмотрел своим ласковым и ободряющим взором и благословил. А я почувствовал, – почувствовал своим грубым каменным сердцем, чрез расплавленные бесчисленные наслоения греха, – что это есть именно то, чего смутно ищет душа, почувствовал, что Батюшка мне поможет. Действительно, нужно вполне согласиться с тем, как Батюшка учил, что в жизни нет случаев. Всюду действует благая воля Божия.

Припоминаю то состояние, в котором я был до Батюшки. Тяжелые 1918–1919 годы, когда только все рушилось и не видно было просвета, рушилось не только физически, но и морально... Пустой университет, занятия с микроскопом в шубах при замерзающей воде... оскверненные святыни Москвы и Троицкой Лавры... тиф... конина... Шатурское торфяное болото с его селедками... – все это близко коснулось меня, удручало, расслабляло физические и духовные силы. Однако, когда это безпросветное прошлое встает передо мною теперь, то и в нем видны задатки хорошего, виден благой Промысл Божий. Вера в свои силы и надежда на них были во мне убиты, но вместе с тем вера в помощь Божию, хоть и тускло, но освещала и согревала временами душу. По молитвам преп.Сергия и по милостивой помощи от иконы Божией Матери Казанской был перенесен мною сыпной тиф, а затем к осени 1920-го года удалось возвратиться в Москву к занятиям. Душа искала пищи, и Господь дал ее. Попав на лекцию Христианского студенческого кружка (которую читал Вл. Филим. Марцинковский¹⁹) «Христос грядущий», – я с радостью записался тут же изучать Евангелие. Медленно, но животворно шло воздействие слова Божия на каменистую почву, рыхлило ее, освежало и удаляло терния. От разбора Евангелия от Марка перешли к посланиям Апостолов.

Помню, – это было после Рождества 1921 года, т.е. в начале 1922 года, шли мы несколько человек с собрания. Один из нас – Володя Чертков – сильно был увлечен идеей создания занятий по знакомству с Православием – и приглашал нас. Меня это тронуло мало и, как сейчас помню, идя Собачьей с Кречетников, я высказался об этом в том духе, что я еще мало разбираюсь в вопросах церковных, что для меня по существу нет разницы между католицизмом, Православием, протестантизмом.

В Кречетниковском переулке на Арбате было общежитие студентов – членов Христианского студенческого кружка. Там же и происходили занятия по Евангелию.

Кружок согрел благодатью Христова учения, благими примерами радостной христианской жизни, минутами

чувствуемой и мною, но он не смог дать мне главного – помочь побороть личный грех, который так удручал. Была борьба, но ее исход был еще смутен. Воля была слаба и немощна, но Господь помог. Начались беседы о.Сергия²⁰. Первая беседа была о мире, вторая – о грехе, затем – о рассудительности. Чувствовалось что-то новое, хорошее, на эти беседы тянуло, но они еще не вполне целостно доходили до сознания и сердца.

После благословения Батюшки слово о рассудительности подействовало более глубоко, а вопрос о воле Божией уже теоретически был разработан мною в докладе в Студенческом кружке, но у меня было больше головного, чем истинного, серьезного, а, главное, хотя и смутно, оставался неразрешенным вопрос о том, как же практически узнать волю Божию и как ее творить. Путь, указываемый Друммондом, не разрешал вопроса так, как этого требовала душа, хотя ценно у него было указание, что самое достойное в человеке – это желание творить волю Пославшего. Характерно, как Господь Сам ведет неопытных и блуждающих людей к Себе. Вот, что читал я в заключение своего доклада:

Человеческая природа по существу своему уклонилась от нормального пути развития, и в мире появилось так называемое зло. Поэтому все мы часто склонны впадать в грех и уклоняться от истины. Св.Писание во многих своих местах предвидит все эти моменты, – так ап.Иаков (гл.1, ст.12) говорит: «Блажен человек, который переносит искушение, потому что, быв испытан, он получит венец жизни, который обещал Господь любящим Его». Кроме того, в Евангелии от Иоанна, гл.15, говорится: «Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел», – однако это не должно смущать христианина, так как «сие сказал Я вам, чтобы вы имели во Мне мир. В мире будете иметь скорбь, но мужайтесь: Я победил мир» (Ин. 16:33).

Одному человеку бывает трудно бороться и быть совершенным. Поэтому Христос и здесь идет ему навстречу и дает новую заповедь взаимной любви. Эта братская любовь поможет и нам в достижении совершенства во Христе. Апостол Петр (гл.1, ст.2) говорит: «Послушанием истине через Духа,

очистивши души ваши к нелицемерному братолюбию, постоянно любите друг друга от чистого сердца». Эта сила любви помогает нам как познать волю Божию в каждом отдельном случае, так и научить быть послушными той истине, которую принес Христос.

Два пути познания воли Божией, указанные в беседе о рассудительности, – путь самоличного спасения, связанный часто с опасностью гордости, и путь смирения через послушание духовному отцу, были как бы естественным заключением того, что не было мною постигнуто в вопросе о воле Божией.

Через несколько дней, в пятницу на Страстной неделе, я пришел к Батюшке на первую исповедь.

К церкви я пришел еще тогда, когда она была заперта, и пришлось ждать на бульваре около Ильинских ворот. На соседней лавочке читал газету Н.А.Бердяев²¹. Я все время следил за дверями церкви, и вот, наконец, они открылись. Я хотел было сразу же встать в очередь, но потом решил сделать это после вечерни. Последнюю совершали все соборне. После выноса плащаницы и окончания службы очередь оказалась очень большая, – а я в конце ее. Было у меня много волнений. Батюшка долго исповедывал Бердяева и затем ушел отдохнуть на час. Очередь моя уже подошла близко. Исповедывал в это время о.Сергий Дурылин. Мне все же очень хотелось попасть к Батюшке. (Не помню, перед этим ли или несколько после на этот вопрос мне удачно ответили слова Иоанна Лествичника: «По гнилости ран потребен для нас и врач весьма искусный»). Наконец, после многих волнений с моей стороны, Батюшка снова начал исповедь на обычном месте, и я, по милости Божией, попал к нему и излил душу, как мог. «Веруешь ли в Бога?» – первый вопрос Батюшки. Батюшка утешил меня, и большой груз снял с меня. В облегченной душе, может быть впервые, зародилась настоящая надежда. Господь подал помощь. Что мне тогда сказал Батюшка, – не помню, – очень я волновался и, к сожалению, ничего не записал потом.

Не могу обойти молчанием и самую Пасху. Заутреню мне пришлось, чтобы не разделяться со своими, быть у Спаса²². Долго не мог я примириться с мыслью встречать заутреню у

Спаса и сосредоточиться вполне, но великие слова торжественнейшей службы пасхальной растопили остатки сомнений, и я молился под конец утрени умиленно и радостно. Но душа рвалась туда, где получила только что духовное возрождение и опору. Бывают моменты, когда время как бы утрачивает свое значение. Таким моментом и был тот «полет», который как бы уничтожил расстояние от Сухаревки до Маросейки, и я, радостный, очутился в битком набитом, маленьком, но таком светозарном храме, каким бывает Маросейка в дни Пасхи. Здесь чувствовалась необыкновенная гармония, та гармония, которая охватывает целиком все существо человека, без разделения или преобладания отдельных сторон его личности. Здесь все, начиная с самого Батюшки до самого последнего богомольца-пессимиста, каким по натуре был я всегда до Батюшки, дышит радостью, той «совершенной радостью», в которой весь человек целостно сливается в слова пасхальных песнопений: «Сей день, его же сотвори Господь: возрадуемся и возвеселимся в оны!» «Воскресения день, и просветимся торжеством и друг друга обнимем, рцем, братие...»

И самые эти песнопения, исполняемые от чистого сердца, и все внешнее убранство храма, в котором так отражается внутренняя любовь к нему, и эта залитость светом, пронизывающим всю пасхальную атмосферу, – все это вместе взятое красноречиво свидетельствует о том величии внутреннего богослужения, которое здесь совершается, живым выражением которого является сам Батюшка о. Алексей, – эта воплощенная христианская любовь, радость и действенность.

Литургия кончается. Батюшка выходит с крестом и мощно, дерзновенно, «по-мечевски» осеняет им паству.

«Христос воскресе!», – гремит заключительный аккорд его богослужения, и чувствуется, что этот аккорд врезается не только в души молящихся Маросейки, но и всей России, может быть всей вселенной, – он силою Креста Христова, через рассечение мечом любви отца Алексея сердец людей и всей твари, доходит до самых отдаленных тайников души, расплавляет до последней все оболочки окутавшего ее греха, и

уже не устами, но всей сущностью бытия вызывает ответное: «Воистину воскрес!»

За праздниками настали будни, началась обычная жизнь: университет, лаборатория, паровичок, «Петровка» и снова университет, – но к ним прибавилась Маросейка, – потянуло к церковным службам.

9-го июля попал на вторую исповедь к Батюшке. Снова тот же вопрос: «Веруешь ли в Бога?» Я не знал, что Батюшка задает его часто. Напоминаю о своей первой исповеди. На этот раз исповедь идет покойнее; осаждаю Батюшку рядом вопросов. Батюшка благословил меня оставить погоню за двумя зайцами и вместо совмещения университета и Петровки остановиться на последней, потому что в Университете больше теории, а Петровка ближе к жизни. «Все будете сыты», – заключил Батюшка. За счет несоблюдения строгости поста внешнего (в пище) советовал углублять духовный: молитву, борьбу со страстями и т.п. Благословил читать Иоанна Лествичника²³ и Духовный Алфавит Димитрия Ростовского²⁴, о которых я спросил Батюшку, и кроме них посоветовал читать «Псалтирь» Ефрема Сирина²⁵.

При вопросе о занятиях в Христианском (студенческом) кружке Батюшка благословил продолжать их, хотя спросил: чем мы там занимаемся. Я ответил, что разбираем Евангелие. Батюшка, осторожно подходя ко мне, дал понять, что Церковь смотрит не совсем так на Евангелие, как кружок; он указал, что Евангелие надо разбирать под опытным руководством. Только после уже я понял, как это верно, а тогда возразил, что мы и разбираем с «руководителями». – «Надо больше заниматься деланием, – добавил Батюшка, – а поменьше словопрениями». Уже порядочно спустя, когда я ближе подошел к Церкви, и на Христианский кружок у меня не стало хватать времени, Батюшка благословил оставить его. Исповедываться для начального укрепления Батюшка благословил каждый месяц.

Борьба с грехом шла, но уж слишком расслабла от него душа, и страсть болезненно побеждала. Исповедью перед Батюшкой раскрывалась налипшая грязь, а он снова очищал ее

и бодрил, вливая свежую струю воздуха в смрадное вместилище греха.

В третий раз на исповеди 13/26 августа Батюшка посоветовал читать во время обуревания помыслами молитву Иисусову, читать духовные и другие интересные книги и т.п.

По молитвам Батюшки месяц прошел сравнительно благополучно, и на четвертой исповеди Батюшка очень быстро отпустил меня, так что я даже удивился: хотел было ему о чем-то сказать, а он уже начал разрешительную молитву (это было 17/30 сентября). Пятая исповедь 5-го ноября н.ст., а 9.XI был у Батюшки на совете дома. К сожалению, ничего я не записал. Помню, Батюшка лежал, а я сидел возле него в кресле. Заходил разговор о домашних и т.д.

Шестая исповедь – пятница перед Рождеством Христовым 23.XII.1922 г. На душе опять тяжело. Хотел пойти несколькими днями раньше, но не пришлось. Читал много Златоуста о покаянии и грехе. Было состояние сознания сильной греховности и в то же время состояние уныния. О последнем я сказал Батюшке. После Рождественских часов (они были в семь часов утра) при помощи отца Сергия попал к Батюшке. Он опять лежал в постели. Рассказал ему о своем унынии и общем духовном состоянии. Батюшка утешил и очень много мне всего говорил. И вот с этой постели, из чуткого сердца больного старца полился бальзам утешения.

Для нормальной жизни необходима постоянная сосредоточенность, молитва Иисусу Сладчайшему, мученику Трифону, собранность, духовная сосредоточенность в деле и слове, чтобы не принести вреда ближнему. Наша цель – спасти себя и других. Наше время характеризуется чрезвычайным слабоволием, и пример стойкого христианина очень много значит. Так приблизительно говорил о. Алексей и рассказал, как пример, случай. В начале революции его позвали, как приходского священника, отслужить молебен при открытии ресторана на месте бывшей Сибирской гостиницы. Батюшка приходит в пустую еще залу несколько раньше назначенных двух часов. К нему подходит «председатель» ресторана. «А, батюшка? Пожалуйста. Знаете только, нельзя ли этак покороче,

самую квинтэссенцию молебна». На это Батюшка возражает вопросом: «Так стоит ли вообще-то служить?!» Но «председатель» отвечает: «Нет уж, как же, помилуйте-с! Для порядка все же надо, порядок требует!», – и просит обождать, так как народ еще не собрался. Через некоторое время входит мужчина в длинном сюртуке, с большой бородой – по виду старинный русский человек, крестится и здоровается с Батюшкой: «Батюшка, вы пришли служить молебен? А где же иконы-то? Ведь мы привыкли, чтобы все было по-настоящему, по-христианскому». Ему показывают на висящую в самом верху в углу маленькую икону, но он не удовлетворяется и настаивает, чтобы принесли «настоящую» большую икону и повесить лампаду перед ней. Поднял всех на ноги, и после долгих поисков икона нашлась, были прибиты необходимые поддержки для нее и лампы, – как надо, «по-положенному». Тогда старичок положил перед иконой три настоящих русских поклона, поклонился «по-положенному» по сторонам пред собравшимся народом и, обратясь к Батюшке, сказал: «Вот, Батюшка, теперь и молебен служить можно». И так начался молебен, настоящий молебен. Старик молился, молились и все присутствовавшие. Увлечен был общим примером и «председатель», забыв уже про «квинтэссенцию».

«Так пример одного стойкого человека действует на окружающих», – добавил к рассказу Батюшка.

Этот пример Батюшка очевидно любил, так как на исповеди 1 февраля (канун Сретения 1923 г.) он опять привел его мне. Это было по поводу того, что я стыдился креститься перед церковью в Петровке. Когда я сказал об этом Батюшке, он внимательно и строго посмотрел на меня и спросил: «А ты веруешь в Господа Иисуса Христа?» Я ответил: «Да, верую». – «Ну так что же ты?!» – и Батюшка начал уже ласково:

Стыдиться исповедания Господа Иисуса Христа никогда нельзя, – это есть отречение от Него. Вот ты идешь и стыдишься встречного студента, а, он, может быть, тебя стыдится, ему, может, в душе-то тоже хочется перекреститься, а твердости-то воли и нет. А если ты перекрестишься, – глядя на тебя, и он укрепитя, и вам обоим будет польза. Перед церковью

необходимо креститься всегда, ибо, видя Святый Крест и святые иконы, мы не должны отказываться, от их помощи, а, напротив, призывать на себя крестным знаменiem их благодать.

И снова Батюшка повторил о том, что наше время характеризуется отсутствием христианской стойкости, и повторил рассказ о Сибирской гостинице. В этот же канун Сретения я говорил Батюшке о том, что иногда хочется поговорить с приятелями-студентами о Боге, религии, о Христе, а чувствуешь свой грех, свою немощь, и не решаешься, а иногда и решаешься, но ничего не выходит. На это Батюшка отвечал, что «по мере сил, призывая на помощь Господа, необходимо при одиночных беседах с неверующими людьми, исповедывать имя Господне и не скрывать своего христианства, ссылаясь на свою греховность. Христос пришел призвать не праведников, а грешников к покаянию, и **с Его помощью, надеясь не на свои силы, а именно на помощь Божию**, мы и грешные можем высказывать православные мысли (то есть Господь Сам высказывает их через нас)».

Но возвращаюсь снова к исповеди в Рождественский сочельник. Далее Батюшка увещевал меня не осуждать ближних: «Не судите, да не судимы будете», – вот основной христианский закон. Весь суд надо предоставить Богу, как Сердцеведцу всеведущему, Который знает не только все наши дела, но и все наши мысли, все нарождающиеся помыслы и все прочее. Он знает и все обстоятельства и потому может судить нас. А наше суждение несовершенное, мы можем судить человека, который уже давно раскаялся и стал вести иной образ жизни» и т.п.

Под влиянием чтения Св.Златоуста у меня была мысль такого содержания, что я так грешен, что, может быть, мне нельзя в церковь ходить и нужно понести епитимью или вообще наказание. Я высказал это Батюшке. Он внимательно посмотрел на меня. Этот устремленный в глубину души проникновенный взор чувствовался не раз. Он как бы читал всего тебя. «Как телесные очи видят солнце, так и озаренные Божиим Светом видят образ души». При чтении этих слов [преп.] Макария Египетского (Бес.7. С.66) мне живо вспомнился

взгляд Батюшки, который делал иногда излишними слова на исповеди. Так и в данном случае Батюшка увидел все то, что я собой представлял. Он увидел, вероятно, мою полную расслабленность, и духовную, и физическую, увидел, что то, о чем я сейчас говорил, еще далеко не было убеждением всего моего существа, а скорее мимолетным проблеском, вызванным в унылой моей душе чтением святых книг, – и снова внимательно и бережно подходил ко мне. Батюшка говорил о том, что при наказании человека надо учесть прежде всего силы наказуемого, чтобы не наложить на слабого тяжести сверх его сил, которая может его так придавить, что он не встанет, да и вообще может оттолкнуть его окончательно.

Один раз на Маросейке в церкви появился Студент и стал подпевать правому клиросу, не имея хорошего слуха. Регент грубо попросил его не петь. Студент, смущенный, отошел. Батюшка, заметив это, подошел к нему и, желая его ободрить, отвел на левый клирос. «Давай-ка, – говорит, – попробуем здесь вместе петь. Он ведь (указывая на регента) больно высоко берет, хочет Чайковского из себя изобразить!» Ободренный студент стал понемногу петь на левом клиросе, и хотя вначале врал из-за плохого слуха, но все же, в конце концов, по выражению Батюшки, «выпелся» и стал петь лучше. Кроме этой соразмерности сил при наказании надо учесть обстоятельства, которые побудили к преступлению, – и Батюшка вновь приводит конкретный случай из своей практики.

Одна девушка, которая не была любимицей ни отца, ни матери, к взрослому возрасту накопила в себе изрядную нервозность, раздражительность, вспыльчивость, – как результат затаенной обиды. Благодаря этому ей трудно было и жить. Она устроилась на службу, и сначала дело шло хорошо. Против ее квартиры (из дверей в двери по одной лестнице) жил молодой человек, с которым она познакомилась, и они каждый день ходили вместе на службу. Неизвестно, какие чувства питал к ней молодой человек, но она сильно увлеклась им, и вот в самый разгар ее увлечения его призывают на войну. Девушка, оставшись одна, начинает тосковать о нем, в ней развивается сильная страсть, под влиянием которой она не находит себе

покою, начинает путать дела на службе и т.п. Наконец она получает трехдневный отпуск от врача, приходит домой, отворяет форточку и, под влиянием страсти, зовет к себе первого пришедшего во двор за сбором сырья татарина, запирает дверь и вешается ему на шею. Перед самым моментом окончательного падения что-то осеняет ее и точно электрический толчок отталкивает ее от него ударом, и она выгоняет его вон. Батюшка, отец Алексей, духовной дочерью которого была девушка и который много ей помог (за месяц до знакомства с молодым человеком она ездила в Киев на поклонение святыням и писала оттуда восторженные письма с благодарностью отцу Алексею за его духовную поддержку), получает после приведенного случая от нее письмо, полное отчаяния. В нем она благодарит Батюшку за все его советы и помощь и просит помолиться о ее душе, которой скоро, может, и не будет (как бы перед замышляемым самоубийством), и пишет, что она теперь великая грешница, которая не может быть помилована и не может прийти к отцу Алексею. Последний, получив письмо, тотчас пошел в Панкратьевский переулок (где она жила) и узнал от нее все вышеизложенное... «Этот пример, – заключил Батюшка, – указывает нам, как при осуждении и наказании следует считаться с обстоятельствами преступления».

В заключение всей исповеди и беседы Батюшка, как бы извиняясь, сказал: «Ну, я тебе очень много всего наболтал, утомил тебя», – и отпустил меня утешенного и снова окрыленного надеждой на помощь Божию по Батюшкиным молитвам.

На упомянутой уже исповеди в канун Сретения Господня Батюшка учил меня также, что при отношениях к ближним необходимо постоянно следить за своими не только поступками, но и мыслями, отгоняя помыслы дурные в самом их зарождении, отнюдь не допуская остановиться на какой-либо греховной мысли и полюбоваться ею, ибо это уже ведет непосредственно к греховному действию.

Когда при отношении с ближним является злоба на них или что-нибудь в этом роде, или обуревают блудные помыслы,

необходимо тотчас обратиться с молитвой к Иисусу Сладчайшему, Трифону мученику, Святителю Николаю (и вообще к святому, чье имя ты носишь) и в тяжких случаях тотчас погрузиться в чтение Евангелия или других святых книг, постараться пережить то, что в них написано, и тем направить мысль в другую сторону.

При вопросе о духовном чтении Батюшка спросил меня, что я читаю. Я ответил, что читаю Авву Дорофея, Макария Египетского и Лествицу. Он затем внимательно и долго посмотрел на меня, как бы стараясь проникнуть всю мою сущность, а, может быть, сразу поняв ее, находил те пути, те выражения, которые дали бы мне верное представление о том, как надо относиться к духовному чтению. – «Ты наверно так читаешь: прочел книжку, да и забыл потом, о чем прочел». Одобрил чтение аввы Дорофея. «Только надо читать с серьезным вниканием в смысл читаемого, с полной сосредоточенностью, продумыванием (не философствуя, а скорее переживая прочитанное). Очень хорошо составлять конспект читаемого». К авве Дорофею Батюшка разрешил прибавить Макария Египетского.

Жалуюсь Батюшке, что плохо сдаю экзамены. Начинаешь готовиться, возникает много сложных вопросов, и этим дело очень надолго затягивается. Батюшка не советовал мне так отвлекаться и настаивал на том, чтобы сдавать экзамены скорее, не философствуя, а сдавать, что есть. Получше изучить вопрос, конечно, хорошо, но наше время не подходящее для этого. Надо сначала разгрузить себя, а потом можно заняться любым вопросом. «Ведь у меня бывают и студенты, и профессора, ведь теперь и требования другие», – говорит Батюшка, улыбаясь, и тут же берет с меня слово сдать в кратчайший срок ближайший экзамен (физиологию животных).

Суббота Крестопоклонной недели (26.11). Не перекрестившись с достаточно чистым сердцем перед церковью в Петровке, я впал в лень, захворал и вообще впал в большие грехи, после очень тяготившие. Хотелось попасть к Батюшке на исповедь, но к нему было нельзя, и в пятницу о.Сергий отказал

мне. В субботу после обедни он же и утешил меня, унывшего, сказав, что Батюшка будет на всенощной в церкви.

«Веруешь ли в Бога и надеешься ли на Его помощь?» – так встретил меня Батюшка. И опять тяжелый груз постепенно снят с души. Снова она ободрена. Батюшка благословляет продолжить до конца пост, также и на возможно частую молитву в церкви и на сдачу экзаменов. На студенческом кружке в Петровке я хотел повторить с соответствующими добавлениями свой доклад «О воле Божией», но внутренне чувствовал, что сейчас взял груз совсем не по силам. «Тебе это трудно», – сказал Батюшка, и разрешил мне оставить это, сказав, что лучше пока заниматься экзаменами, а уже после можно будет и всем другим. «Ты сперва разгрузись, а потом, придет время, ты сможешь и духовными вопросами заняться с пользой». Так приблизительно говорил Батюшка.

В воскресенье 12.III ст.ст. исповедался у Батюшки за ранней Литургией уже перед самым причащением, с большим смущением, но Батюшка видел мое состояние и допустил до причастия: «Дай Бог тебе быть хорошим, Константин».

В Пасху мне не пришлось видеть Батюшку, так как он был болен. Вскоре передо мной встал вопрос о перемене секции растениеводства на агрохимию, о нем я и написал Батюшке в письме, прося его благословения. Он ответил через отца Сергия, что необходимо лично видеть меня, и для этого представился случай как раз в день святителя Николая 9 мая. Батюшка сам служил Литургию. Когда я рассказал ему суть дела, указывая на то, что по агрохимии я работал в университете, что по состоянию здоровья общественная агрономия мне не подходит, и привел другие доводы. Батюшка благословил мне перейти, и прямо из церкви я поехал в канцелярию и подал заявление, после оказавшееся удовлетворенным.

* * *

Дальнейшее записано в воскресенье 11 июня (после кончины Батюшки).

Вспоминается последняя исповедь в день Ангела. Вот он, еще такой живой в памяти, Батюшка. Он пришел в церковь,

помолился перед алтарем левого придела, приложился к иконам Феодоровской Божией Матери и Николая Чудотворца, быстрой походкой прошел мимо нас, исповедников, к св. иконе Иоанна Предтечи. Маленький, в синей рясе старичок, с такими дорогими глазами и чертами лица! Вот началась исповедь, идет быстро. Батюшка многих знает и прямо отпускает грехи. Я нервничаю, как обычно, но подхожу. – «А, старец Константин! Ну, как твои дела? Перевелся?» (Это Батюшка спросил о переводе на секцию агрохимии). – «Да, Батюшка», – ответил я. – «Ну, слава Богу!» – сказал Батюшка и так радостно горячо обратился с молитвой ко Господу. Я не придавал тогда особенно большого значения этому переходу, только уже после понял все. Этот переход спас меня от исключения из Академии еще летом 1923 года. Так исполнились и на Батюшке слова Макария Великого: «Как внешние очи издали видят терния и стремнины, так и прозорливый ум, будучи бодр, предусматривает козни и противления сопротивной силы и предостерегают душу, служа ей как бы оком» (Слово 1-е. С.347).

День моего Ангела был в канун Петрова поста, и я спросил Батюшку, – «поститься ли мне». Он, как часто, отвечал вопросом: «Ну, а как ты раньше-то?» Я сказал, что Великим постом постился, и спросил, что, может быть, первую неделю попоститься, а там видно будет. Он на это согласился, но спросил – у кого я живу и как домашние, указывая, что иногда, чтобы не осуждать и не унижать своим постом других и не смущать хозяев (например, в гостях), лучше смириться и есть, что дают, а, главное, велел обратить внимание на внутренний духовный пост – молитву, мысли, взгляд, осуждение, гнев, гордость, плотские помыслы и т.д. Так как я чувствовал нездоровым свой желудок, то просил благословения пойти к доктору. Батюшка благословил и велел назначенную им (доктором) пищу принимать как лекарство.

Эта исповедь была последней. Батюшка уехал в Верею.

* * *

Вскоре я почувствовал себя очень плохо в физическом смысле, – не работал желудок; вместе с физическим упадком

была сильная раздражительность, уныние.

В пятницу 9 июня вечером я был у доктора. Идя к нему, я молитвенно призывал Батюшкину помощь. Выйдя от доктора, я был очень радостным, определенно чувствовал помощь именно Батюшки, воспринял все, как его заботу о нас грешных. Так и в день смерти своей он придал мне новые силы, ободрил упавший и унылый дух и снова зажег светильник теплой веры.

Кончина Батюшки не была разрывом с ним, и его могилка, его дух постоянно с нами, постоянно на страже, а его имя – могучее оружие нашего спасения. «Слава Богу за все!» Аминь.

* * *

Приписки на полях (на стр.19 подлинника): «Человек должен делать и говорить правду – исповедывать в себе и дары благодати, и действие греха» (Макарий Великий, С.354).

Об Иверской (иконе Божией Матери).

В дни скорби Господь воздвигает светильники, чтоб они светили всем. Батюшка светил во мраке церковного распада.

На стр.15. Что бы ни говорил кто о Батюшке, я могу про себя сказать: «Я был слеп, а он отверз мне очи». Может быть, это очень смело сказать, но и слепой не сразу прозрел, и он постепенно привыкал к тому миру, которого столько не видел и от которого отвык.

Там же. Очень помогает молитвенное призывание имени родителей, духовного отца. Константин АПУШКИН

Печатаются впервые по машинописной авторизованной копии. Название воспоминаний в оригинале – «Памяти Батюшки отца Алексея Мечева. (Воспоминания К.К.Апушкина)».

Батюшкина любовь. Священник Георгий Тревогин

После закрытия духовных школ лица, стремившиеся отдать себя служению Церкви, стали готовиться к пастырству на практике подле видных пастырей, следуя их слову, и воспитывались на их примерах. Особым авторитетом пользовался батюшка о. Алексей. И в его храме собралось несколько священнослужителей – молодых священников и диаконов.

В 1919 г. принял священство сын Батюшки о.Сергий (Сергей Алексеевич): во диакона он был посвящен в Вербное Воскресение²⁶, а в сан иерея – в Великий Четверг²⁷. Обладая глубоким умом, о.Сергий унаследовал от отца широкое пламенное сердце и ревностно вступил на служение Церкви. Очень скоро к нему присоединились о.Сергий Дурылин²⁸, за ним пришел о.Петр [Петриков]²⁹, о.Лазарь Судаков, диаконы о.Владимир Сысоев³⁰, о. [Сергий] Толстой (внук писателя) и другие.

Особенно был близок Батюшке о. Алексею о.Лазарь своим смирением и кротостью. О.Лазарь обратился к Батюшке за благословением ехать в Нилову пустынь³¹ и принять там монашество. Батюшка оставил его у себя: «Ты – рыжий и я – рыжий, – простодушно сказал Батюшка, – давай вместе служить. У нас будет свой монастырь». Отец Лазарь принял к сердцу Батюшкины слова, сделался его искренним и преданным послушником. Любил о.Лазарь молитву: часто, когда в храме служил очередной священник, о.Лазарь, чтобы ему не мешать, служил у себя на квартире³² всенощную, куда собирались многие из сестер и братьев маросейского храма, также и его духовные дети, заполняя собой не только его комнату, но и коридор и прихожую. Кроткий и тихий, он всего два года прослужил с Батюшкой. Страдая пороком сердца, он скончался внезапно. В 1922 г. рано утром, собравшись к Литургии в самый праздник Рождества Христова. Он упал, чтобы больше не подняться. Этот последний пост он чувствовал себя физически

особенно плохо, но как будто предчувствуя близость конца, пожелал неопустительно ежедневно служить до самого праздника, и служил все 6 недель, никому не жалуясь на свое недомогание. В сочельник он был у Батюшки, глубоко и сокрушенно исповедался, а утром перед началом Литургии Великого Праздника неожиданно вышел на амвон о.Сергий и провозгласил о.Лазарю «Вечную память».

Глубоко переживал Батюшка его кончину. Сам готовясь к исходу, он предполагал ему передать многих своих духовных чад.

Перед отпеванием сестры и братья остались в храме и всю ночь по очереди читали псалтирь подле гроба почившего. Было особенно тихо, светло и мирно. Вечером в тот же день многие собрались на квартире у Батюшки поздравить его с праздником и почтить память о.Лазаря. Батюшка сказал: «Вот о.Лазарь за свое послушание в два года сделал то, что нужно – сумел подготовиться. Никто так меня не слушался, как он». Говорил Батюшка и о том, что и его отшествие недалеко.

Вместе со священнослужителями около Батюшки все более и более спланивались молодые души, горевшие желанием служить Христу. Почувствовав в Батюшке то, чего давно смутно искала и жаждала душа, они постепенно образовали при храме крепкое ядро, хотя все это пока шло самотеком, как бы случайно. Некоторые уже постоянно бывали в храме утром и вечером, утром за Литургией перед уходом на службу, вечером – за всенощной; приходили со всех концов города пешком, забывая о скудном питании, каким довольствовались в то время москвичи. При этом многим, в особенности из семей интеллигенции, приходилось претерпевать порицания и упреки от родителей и других родственников, которые считали частое посещение храма «ханжеством и фанатизмом» и какою-то «ненормальностью».

Молодые сослужители Батюшки поделили между собою дни недели: каждый имел определенный день, в который совершал Божественную Литургию, а накануне служил вечерню и утреню. Кроме того, каждый из них по окончании вечернего богослужения вел беседы.

Сын Батюшки о.Сергий брал для своих бесед Св.Отцов, Авву Дорофея, Иоанна Лествичника³³, Добротолубие³⁴. Хорошо владевший словом, умный и образованный, он привлекал на свои собеседования много интеллигентной молодежи, для которой они были целым откровением – ведь интеллигенция за немногими исключениями забыла все церковное и опыт Св.Отцов.

О.Сергий Дурылин рассказывал об оптинских старцах, а о.Лазарь любил Евангельские темы.

Сам Батюшка о. Алексей вел беседы по житиям святых. Он приносил с собою Четьи-Минеи или жизнеописания отечественных подвижников, и, как сам говорил, что, в то время как его помощники освещали духовный путь теоретически, он показывал, как эта теория проводится или может проводиться в жизнь практически разными людьми, с разными характерами, в разные времена, при всяких условиях – а, следовательно, это возможно и в условиях современных.

Обычно, прочитав часть жития, иногда несколько строчек, он начинал пояснения, разъяснял смысл тех или иных слов мучеников или преподобных, показывал глубокую и внутреннюю необходимость каждого подвига и поступка их и таким образом раскрывал духовный путь данного святого. При этом давность происшедших событий, разница в земной обстановке жизни теряли всякое значение. Из слов Батюшки вытекало, что святые угодники Божии нам близки и дороги, ибо и они были такими же как все мы, с такими же слабостями и ошибками, с такими же чувствами в семейной жизни и везде, какие свойственны всем нам, но, выполняя и выполнив свой долг на земле, они стали светочами для других. Закон духовной жизни один на все времена, поэтому и на каждом из нас – христианине – лежит долг спасти себя и, поддерживая других людей, приводить окружающих путем веры, страдания, терпения и покорности воле Божией – ко спасению, ибо спокойное перенесение человеком страданий окрыляет других это видящих и приводит ко Христу. И как бы ни было тяжело то, к чему призывает Господь, должны мы все принять спокойно.

После Батюшкиной беседы святой, о котором он говорил, становился понятным, живым, близким, родным и даже любимым, – был ли это мученик времени Нерона или Диоклетиана, преподобный Египетской или Палестинской пустыни или русский святой, как св. князя Феодор, Давид и Константин, Ярославские чудотворцы.

Свои беседы Батюшка вел в храме по понедельникам, а с конца 1919 г. прибавились еще его беседы по средам на квартире после вечернего богослужения.

С закрытием Кремля³⁵ духовные дети владыки Арсения, посещавшие возглавляемый им Чудов монастырь, остались без отца-руководителя и без святой обители, в которой постоянно молились, рассеялись по различным храмам, не зная, где преклонить голову. Многие из этих скорбных «сирот» пришли к Батюшке о. Алексею, и он с необыкновенной любовью и лаской принял их под свое отеческое попечение: «Вас и Владыка благословил ко мне: мы с ним одного духа, – не раз говаривал он. – Ходите в наш храм, я вас не оставляю».

Примерно около этого времени сын Батюшки о.Сергий пригласил знатока церковного устава Андрея Гавриловича Кулешова³⁶ (он, кажется, был одним из делегатов Поместного собора от Перьми) прочитать курс лекций по богослужению. Занятия этих курсов происходили в храме Влмч.Георгия в Лубянском проезде³⁷, ближайшем к храму Николо-Кленники. Там не было вечернего богослужения, как у Батюшки, и потому храм был свободен для занятий³⁸.

Но случилось так, что участники этих занятий, многие из которых не знали ничего о Батюшке ранее, стали посещать Батюшкин храм, образовав как бы особую группу молящихся, которых стали называть «курсовыми», в противовес «чудовским». Эти две новые струи, влившись в число прежних богомольцев и духовных детей Батюшки, не сразу могли поладить друг с другом и ужиться. Для их объединения и начал Батюшка свои беседы на дому по средам. Прийти на них могли все желающие, несмотря на тесноту Батюшкиной квартиры. В столовой все размещались как кто сумел: кто на стульях, кто на полу, а кто стоял в передней.

Присутствие Батюшки, его простота и ласковое обращение придавали этим беседам глубоко интимный характер: чувствовалось, что это не просто собрание людей, но духовная семья, объединенная желанием служить Богу.

Многим духовным детям Батюшка советовал писать дневники своей духовной жизни, а не событий и происшествий дня. Про последние он говорил:

Это все пустяки, а каждый вечер надо вспомнить и поразмыслить о том, что сделал плохого и что хорошего; за хорошее благодарить Бога, а в плохом каяться, да и записать: «Хотел, например, раздражиться, но помолился и Господь отстранил это. Господи, прости мне мою злобу» и т.д. Потом, когда прочитаем свои записи, увидим, что Господь всегда нам помогает... А когда и поплачем о своей неисправности.

Такие записи, представлявшие собою как бы ежедневную исповедь, духовные дети передавали затем Батюшке. А некоторым он предлагал и описать всю свою прошедшую жизнь и чистосердечно рассказать, что было в ней сделано плохого. Такие дневники и жизнеописания Батюшка приносил по средам на беседы и, не называя имен, читал вслух из них выдержки, делая на них свои пояснения.

Это чтение вызывало особый интерес в слушателях, потому что описывалась знакомая всем жизнь, затрагивались вопросы, общие для всех присутствующих. Слушая Батюшку, его простую, иногда шутливую речь, каждый видел и чувствовал в нем не проповедника, не судью или учителя, а любящего, родного отца, желающего всем добра. Как-то он сказал: «Все вы мне дороги и ваши чувства для меня как бы мои или моего сына или дочери. Поэтому прошу вас не грешить».

А для некоторых, не имевших близких и родных, Батюшка и действительно заменял отца и мать. А поскольку всех своих духовных детей он любил одинаково, не давая никому никакого предпочтения, то здесь, в стенах его скромной квартирки, оставались и самолюбие и всякие личные счеты: все шло к нему объединенные одним искренним и горячим желанием почерпнуть у него поддержку, силу, бодрость и назидание. Здесь не стыдились высказать свои вопросы, недоумения, иногда

доводящие до слез, потому что знали, что окружающие понимают и сочувствуют, что все они братья, дети одного любящего отца, который здесь с ними со своей обычной доброй улыбкой и глубоким пониманием каждого.

Одним из вопросов, которых касались Батюшкины беседы, был вопрос о браке и воспитании детей.

Но множество и других жизненных вопросов поднималось и решалось на этих беседах.

Однажды он взял для чтения житие преп.Авраамия³⁹ и Марии – чрезвычайно трогательное по силе выраженных в нем любви и покаяния. В Батюшкином же чтении и с его комментариями, оно произвело потрясающее впечатление даже на священнослужителей. Батюшка говорил глубоко прочувствованно, со слезами, он говорил о любви, которая выше закона (преп.Авраамий ради спасения души Марии надел мирское платье, ел скоромную пищу и т.д.). Сын Батюшки, о.Сергий, так почувствовал на этом чтении свое ничтожество в отношении Батюшки, что долго задумчиво молчал, а когда кто-то из уходящих попросил у него благословения, он, хотя и благословил, но тихо сказал: «Зачем же у меня? Попросите лучше у Батюшки».

В связи с этим житием Батюшка много говорил и о том, каким должно быть покаяние.

В это время во многих храмах начала входить в практику общая исповедь, и многие из ложного стыда стали предпочитать ее исповеди частной, считая «неудобным» говорить все о себе в присутствии «постороннего человека» (священника). Батюшка же говорил – каким должно быть покаяние, и что исповедь непременно должна быть частной, даже лучше, если не по записке. «Недостаточно, – говорил он, – прочел все грехи по записке и конец – ничего и не получилось. Надо так себя подготовить, чтобы все внутри перегорело: вспомнить грех, подойти к нему со всех сторон, привести на память все мелочи, все подробности его, чтобы грех опротивел, и тогда, подходя к исповеди, будете каяться Самому Богу, и будет все равно – есть ли кто-нибудь подле тебя или нет. Глубоко надо почувствовать, что “грешен я, виноват”... Исповедь помогает сильнее осознать

свою вину и возненавидеть грех. После такой исповеди мы уже не скоро вернемся к этому греху, а может быть и совсем его оставим, а то опять за то же». Кто-то заметил относительно записки: «А если забудешь?» – «Если что болит, того не забудешь. Где мне больно, тут я и покажу»...

Что же касается общей исповеди, Батюшка считал ее недоразумением: «Многие думают, что они исповедались, а в действительности – нет». Ссылки же на практику о. Иоанна Кронштадтского считал необоснованными: «То был отец великой духовной силы, и мы с ним себя сравнивать не можем»⁴⁰.

На беседах этих почти всегда присутствовали молодые сослужители Батюшки, и потому он сильно говорил о том, что со стороны священника не должно быть формального подхода к кающемуся, что надо вникать во все обстоятельства греха или преступления, учитывать силы и возможности данного человека, что требник с его правилами и эпитимиями является лишь показателем тяжести греха, а не таким руководством, которого во всех случаях следует буквально держаться. При этом Батюшка, как всегда, приводил разительные примеры сухого формального подхода некоторых духовников к исповедующимся, рассказывал и о случаях, когда ему приходилось спасать от покушения на самоубийство людей, пришедших в отчаяние. Рассказал и такой случай:

Приходит ко мне женщина на исповедь: встала на колени, а подняться не может от одышки: грузная она такая, никак не встанет, а я тоже «грузный» – никак не подниму ее. «Выполнила, – говорит, – эпитимию в 50 поклонов в день за то, что в Успенский пост ела скоромное, а теперь-то вот и не могу, совсем задыхаюсь от одышки и отеков.

Однажды на многолюдном собрании всеми присутствующими, а особенно о.Сергием и чудовскими сестрами было отмечено, что храм переполняется, а надлежащего порядка в храме нет. Было выражено желание участвовать в жизни храма, но неизвестно, кто за что отвечает. Было решено распределить между сестрами, постоянно бывающими в храме, обязанности по поддержанию в нем

чистоты и порядка; выделить ответственных за ризницу, за ежедневное пение и чтение на клиросах; назначить помощниц Лидии Александровне (просфорне)⁴¹ по печению просфор; братьям, прислуживающим в алтаре, поручить ежедневную там уборку, и многое другое. Так образовались «послушания». Сестрам, чтобы выделить их от прочих богомольцев, выражено было пожелание: кто может, сшить себе серые платья и белые или черные косынки.

Часто на этих собраниях Батюшка вскрывал печальные факты вспышек самолюбия, нетерпения, обид, эгоизма своих духовных чад.

Пришла одна женщина в первый раз помолиться в наш храм, встала перед образом; приходит другая, из завсегдатаев, и требует: «Подвиньтесь, это я здесь стою»... На выраженное недоумение следует уже настойчивое: «Я тут 25 лет стою, это мое место»...

«Что же, – со скорбью спрашивает Батюшка, – значит за 25 лет ничему не научилась?..»

Батюшка никогда не называл имен, но со слезами приводил факты, в которых заявляло себя себялюбие и ярко проявлялось непонимание духа его учения и его подвига любви и служения всем. Все более слабеющий, он тяжело переживал ссоры и мелочные недоразумения между сестрами. «Я готов, не покладая рук, работать, но ваши ссоры меня подкашивают окончательно: вы сами подпиливаете сук, на котором сидите»... И эта глубокая скорбь, никого не обижающая и не задевающая, невольно пробуждала совесть, сознание виновности у ее причинивших и была самым действенным средством воспитания и врачевания недугов душевных. Батюшкины беседы производили глубокое впечатление на всех присутствующих и были незабываемы.

До того времени богослужение в маросейском храме совершалось по общепринятому в приходских храмах порядку, при участии наемных певчих⁴² и довольно сокращенно. Особенностью было только совершение утрени с вечера, тогда как везде она предваряла Литургию.

Но когда около Батюшки собирались ревнители духовной жизни, да еще люди изучавшие богослужебный устав, создавалась возможность более точного соблюдения устава. Инициатором этого был о.Сергий Мечев, особенно его поддерживали духовные дети владыки Арсения, привыкшие к монастырскому чину церковной службы. Сам Батюшка давно тяготился и поспешностью и сокращением службы и театральным пением наемного хора и неблагоговейным служением своего старого диакона, но все терпел «нужды ради».

Конечно, он благословил начинание и предложение о.Сергия, и однажды обратился к чудовским: «Я откажу наемным певчим, которых прямо-таки не переносу, а пойте и читайте вы». Старшей из них он предложил быть канонархом⁴³, поскольку она четко и громко могла произносить стихи, чтобы народ мог без труда петь стихиры: «Я надеюсь, что с Божией помощью вы справитесь с церковной службой. Господь да благословит вас начать и исполнить это дело».

На первых порах большая длительность богослужения, новые более строгие порядки вызывали немалое недовольство и ропот у привыкших к привольной старинке прихожан, но Батюшка не любил отступать от раз принятого пути, одобрял и клиросных и всех остальных: «Ничего, не смущайтесь, потом все будут утешаться и вас благодарить. А я таков, что если в добром деле на пути встают препятствия, то мне тем более хочется преодолеть».

Враждебно было встречено и запрещение стоять на солее, но постепенно уставная служба и порядок в храме наладились, и церковь Николо-Кленники прославилась по Москве своим одухотворенным богослужением и церковным порядком.

Батюшка был очень музыкальным человеком, любил строгое и молитвенное пение, не любил за богослужением концертов, создающих настроение, а не устроение.

Но и при введении уставного богослужения в Батюшкином храме долго не налаживалось такое пение. Пение в основном было общенародное, но ведущими должны были быть клиросы, а тут было много недочетов, на что некоторые богомольцы

Батюшке жаловались: «Все у вас хорошо, а вот пения вашего не могу слушать»... Батюшка и сам это понимал, горячо молился и ждал помощи Божией.

Однажды побывала у Батюшки регентша одного из закрытых монастырей; вероятно она приходила за советом, как ей лучше устроить в дальнейшем свою жизнь. Батюшка попросил ее и благословил заняться налаживанием пения в его храме, т.е. взять на себя то же послушание, какое она несла в своем монастыре. Она согласилась, но недолго выдержала. Батюшка не раз ее одобрял, поддерживал, советовал потерпеть и подождать. «А если уйдешь, – сказал он ей наконец, – то выйдешь замуж». (Трудность заключалась в том, что в монастыре она привыкла к постоянному составу певчих, а клиросные Маросейского храма не были певчими-профессионалами, все они или были обременены семьями или служебными обязанностями, в силу чего не могли регулярно посещать спевки, а иногда и самое богослужение, и это парализовало усилия регента). Эта монахиня так и не выдержала Батюшкиного послушания, уехала и, действительно, вышла замуж.

Предложил однажды Батюшке свои услуги и регент прославленного Синодального хора, известный всей Москве Данилин. Он, видимо, был чем-то обязан Батюшке и в качестве благодарности хотел помочь ему в том, в чем Батюшка в данное время больше всего нуждался. Но и Данилин продержался всего месяца полтора-два, так как встретился с теми же трудностями, что и регентша-монахиня.

Только когда из самого хора подросли одаренные слухом и музыкальными способностями девушки, хорошо знавшие по опыту все трудности и особенности маросейского клиросного послушания, то их трудами, взаимным терпением друг друга, а, главное, молитвами, неусыпным надзором и попечением Батюшки над каждым, пение постепенно получило подобающее благолепие и слаженность.

Поначалу регенты допускали некоторые вольности, например, выбирали для пения тот глас, который казался им полегче, чтобы пение получалось более стройным и дружным,

но Батюшка не позволил это делать. Не позволял он и выбирать стихиры по своему усмотрению (какие казались певчим более содержательными), наказывал брать то, что установлено, и петь непременно на указанный в богослужебной книге глас. «Когда я был псаломщиком в храме Знамения Пресвятой Богородицы (на Знаменке)⁴⁴, – при этом вспоминал Батюшка, – однажды ошибся и взял стихиру на “Господи воззвах” с малой вечерни. Настоятель как выбежит из алтаря да ударит меня по щеке: «Так-то ты закончил семинарию, чтобы исказить устав Святых Отцов, которые Духом Святым его составляли!»

На вопрос, почему нельзя менять гласы, Батюшка говорил: «Потому что каждая стихира по смыслу и гармонии подходит именно к тому гласу, который указан. Вот, например, какая-либо стихира покаянная, умилительная помечена 8-м или 3-м гласом, а ты запоешь 5-м или 4-м, – и уже нет того умилительного впечатления (чувства). Ну, запой стихиру на 5-й глас, и что получится у тебя и у всех молящихся? Вот, взгляни, – в Минее или в Октоихе на “Господи воззвах” все меняются гласы. И это не потому, что как вздумали, так и написали. Нет, – твердо сказал Батюшка, – так по внушению Св.Духа Св.Отцы составили твердый порядок стихир, и каждый глас по музыке гармонирует со смыслом песнопения. Поэтому, прошу тебя (Манюшка)⁴⁵, не смей менять гласы по своему измышлению. Они составлены Св.Отцами Духом Святым в строгом согласии смысла напева этой святой музыки. И в этом состоит наша молитва и симфония Божия, которая пелась у Святых Отцов и в их сердцах. И пусть лучше певчие соврнут разок-другой, зато потом научатся. А если кто будет шуметь и не слушаться, все мне скажи, а я уж знаю, кому что сказать».

Со временем, молитвами Батюшки и еще более трудами о.Сергия после Батюшки, певчие и богомольцы поняли силу и красоту строгого церковного пения. В них выросла и укоренилась любовь к неспешному благоговейному чинопоследованию, чуждому всяких внешних эффектов, молитвенному и действительно церковному. В этой «церковности» храмового богослужения и пения они увидели единую вечную **ИСТИНУ** духовную, и любовь к ней пронесли

потом через все превратности жизни до самой своей смерти, как самое дорогое и незабываемое.

По временам к уставному богослужению прибавилось и чтение псалтири по живым и умершим. Это послушание Батюшка поручил одной из сестер певчих, хозяйке квартиры, у которой жил о.Лазарь⁴⁶. Батюшка сказал одной из регентш: «Я поручил (дал послушание) Анне Степановне читать неусыпную псалтирь, но она не знает, как ее надо читать. Пойди к ней и скажи, что я велел так читать, как ты читаешь. Поучи ее». Анна Степановна все с любовью выслушала и просила благодарить Батюшку за наставление. «Теперь я спокоен, – сказал Батюшка, узнав об этом, – я могу ей дать читать помянник о всех новопреставленных и заказные годовичные поминания». Псалтирь Анна Степановна читала утром в храме, начиная от проскомидии до окончания Литургии, днем у себя дома, а вечером опять в храме до конца всенощной.

Батюшка любил молиться за ушедших в иной мир, и панихида в его храме, по его благословению, неопустительно служилась с заупокойным канонам, по окончании Литургии, с чтением всех положенных тропарей. Своим духовным чадам Батюшка советовал по мере возможности участвовать в этой службе. «Еще раз, – говорил он, – ты войдешь в общение со своими близкими». Вообще он заповедовал всегда молиться за умерших. «Когда ты предстанешь перед Богом, – говорил он, – они все молитвенно воздвигнут за тебя свои руки, и ты спасешься».

* * *

Однажды Батюшка был приглашен в общину покойного о.Валентина Амфитеатрова⁴⁷. Вечер был посвящен памяти почившего уважаемого пастыря и его деятельности. Во время беседы Батюшка особенно остановился на теме отношения покойного о.Валентина к монашеству. О.Валентин считал, что монашество в том виде, в каком оно было до революции, не является в настоящее время подходящим образом жизни для желающих служить Христу. Его девиз был «монашество в миру». Если хочешь работать Христу, то не уходи в монастырь, а устрой себя в жизни подлинным христианином в миру. Есть у

тебя духовный отец – и ты можешь проходить послушание, даже работая где-нибудь на фабрике, заводе или на какой-либо другой службе. Можешь посвятить себя служению ближним, пребыванию в молитве, хождению, даже ежедневному, в церковь. Можешь совершать основное делание монахов, проходить умную молитву, иметь откровение помыслов своему духовному отцу.

Батюшка, в основном, был согласен с этими воззрениями о.Валентина на монашество, но монашество и как таковое он не отрицал. Сама же идея о монастыре в миру⁴⁸ была у него общая с о.Валентином. На одном из собраний в предпоследний год своей жизни, в кругу самых близких духовных детей своих, Батюшка снова затронул этот вопрос. Как обычно, за чаем он взял для чтения Авву Дорофея, главу о совести, а потом предложил каждому высказаться, кто как умел. Сам же потом добавил:

И в миру и в монастыре есть отречение от мира; в миру, чтобы нас не захватывало то, что делается кругом нас: «нет Бога» и проч. И в миру и в монастыре есть общение с людьми, поэтому и тут и там надо бороться со своим «я». Молитесь, – говорил он, – утром и вечером, представляйте себе, что вы стоите перед Господом; это заставит вас и днем чаще обращаться к Господу с сердечной молитвой. Как какой соблазн, какой случай ко греху, вспомните: а как же я вечером буду молиться, какими глазами взгляну на икону? – и вам захочется удержаться от греха, и днем чаще будете сердечно обращаться ко Господу: «Господи, помоги мне», «Владычице, помоги мне быть Твоим чистым сыном или дочерью». А потом эта работа над собой, эти труды вас так завлекут, что вы не будете уже жалеть, что вы не устроились замуж... И куда бы вы ни пришли, везде будет хорошо... Может быть, и в монастырь вас кого-нибудь Господь благословит, и туда вы придете уже готовые, и там будете солнышками, которые всех согревают, всех объединяют.

Осенью 1921 г. в Богословском переулке, в помещении церкви во имя Святителя Григория Богослова⁴⁹, была открыта

Народная Духовная Академия города Москвы. Храм помещался в центре города между Большой Дмитровкой и Петровкой.

Лекции читали лица, которые ранее не имели никакого отношения к прежней Духовной Академии. Например, «аскетику» читали о.Сергий Дурылин или о.Сергий Мечев. Слушать лекции мог каждый желающий, не только юноши, но и девушки. И последних оказалось большинство.

На открытии этой Академии вступительную лекцию должен был прочитать Батюшка о. Алексей. Тема лекции: «Высота пастырского служения и каким должен быть священник».

Посредине храма были поставлены скамейки и вольнослушателям была предоставлена возможность записывать.

После молебна Батюшка о. Алексей бодро взошел на амвон и обвел глазами слушателей. Тут он заметил, что среди собравшихся был только один человек мужского пола, остальные все – девушки или женщины. Тема лекции была о пастырстве, и это на мгновение озадачило о. Алексия, но он быстро сориентировался, выразил вслух, что из всех собравшихся только один юноша, и тем не менее сразу же начал лекцию.

Он вел беседу так, как будто говорил ее перед многочисленной аудиторией будущих пастырей Церкви. Самые первые слова, что тут только один юноша, сильно подействовали на этого единственного. Эти слова внушили ему, что никогда не следует отказываться от поучения, если есть хоть один слушатель и не следует отменять проповеди из-за малочисленности богомольцев в храме. Этот юноша впоследствии действительно стал священником⁵⁰.

«Первейшая обязанность пастыря, – говорил о. Алексей, – быть молитвенником. Пастырь должен молиться за всех людей, данных ему Богом, и молитвою и любовью врачевать их немощи и болезни душевные – это самое главное».

Второе, чему о. Алексей придавал важнейшее значение, – это истовое совершение Богослужения. При наличии этих двух только качеств священник уже будет хорошим пастырем. Но и проповедь священника имеет большое значение.

Вокруг пастыря образуется постепенно круг его близких духовных детей. О.Алексий говорил, что не надо стремиться к широте этого круга, а к тому, чтобы эти немногие получили хорошее духовное воспитание, чтобы они имели хорошее духовное руководство. Надо действовать не вширь, а вглубь, широта же придет сама собою.

Пастырь же должен входить во все нужды своих духовных детей, должен служить им любовью. Никого не должен отвергать, никем не должен гнушаться. Христос на земле не гнушался ни мытарями ни блудницами, а приводил их к покаянию. Тут Батюшка рассказал множество случаев и примеров из своей богатейшей практики.

Особое значение придавал Батюшка исповеди, считая лучшей ту исповедь, на которой кающийся сам, не дожидаясь вопросов, исповедует свои грехи. Но, добавлял Батюшка, не всякий это может, приходится помогать. Очень сильно говорил он против так называемой «общей исповеди».

Итак молитва, любовь к прихожанам, вхождение в их нужды, истовое богослужение – основы пастырского служения. Эта лекция как бы подводила итог собственной пастырской деятельности Батюшки, его целожизненного опыта.

В своем старческом руководстве Батюшка всегда возводил руководимых им к подвигу духовному, т.е. наиболее трудному и существенному. Но все трудное начинается с легкого. Внешний подвиг необходим – хотя бы самый малый. Он воспитывает силу воли, без которой невозможен никакой, тем более духовный подвиг. Но надо прежде всего взвесить силы и возможности. «Семь раз примерь – один раз отрежь, – говорил Батюшка, – а на что уже решился, того надо держаться во что бы то ни стало. Иначе цель не достигается. Например, молитвенное правило пусть будет небольшое, но оно должно выполняться неопустительно, несмотря на усталость, занятость и другие помехи. Если в этом твердость есть, Батюшка не давал ограничиваться этим и не увлекаться, придавая внешнему довлеющее значение, но как бы забывая первое, возводил внимание к высшему духовному подвигу, в котором надо было проявлять ту же, если не большую твердость. Это

касалось не молитвенного только правила, но и всякого другого подвига: «Царство Небесное силою берется, и только те, кто проявляет усилие над собой, наследуют его, а ты палец о палец не ударяешь».

По учению Батюшки, путь человека к Богу, ко спасению в том, чтобы *полюбить Господа* всем существом и отдать Ему всего себя. Все мысли, чувства, желания направлять на то, чтобы угодить Господу, чтобы делать на земле то, что Ему было бы приятно. «А что Спаситель сказал? А что Спаситель велел?» Что первое и самое Ему приятное? Чего Он желает и чему радуется, если мы это исполняем? – Это любовь к ближнему. Что может быть для Него радостнее, как, когда Он видит, что мы лишаем себя чего-нибудь, чтобы отдать ближнему, что мы стесняем себя в чем-нибудь, чтобы дать покой ближнему, что мы сдерживаемся и стараемся направить душу свою, характер свой так, *чтобы ближнему было бы легко с нами жить?* Трудное это дело и скорбен путь, ведущий к Господу; идти по этому пути можно только с помощью Божией; предоставленные самим себе мы погибли бы в самом начале. Поэтому нужно ежеминутно молить Господа о помощи: *помоги Господи, помилуй меня Господи*. Надо просить прощения во грехах, просить силы жить, исправиться и служить Ему, как Он того желает. Благодарить Его за великое терпение и милосердие. И как в жизни и поведении надо забывать свое «я», забывать себя, быть как бы чуждым себе, а жить скорбями и радостями каждого человека, с которым нас Господь поставил. Так и в молитве нужно искать не для себя радостей и утешения, а, забывая себя, отстраняясь от себя, просить силы у Господа исполнять Его повеления на земле, куда Он нас послал, чтобы мы, исполняя Его волю, работали Ему, трудились для Него.

В требовании этого терпеливого, кроткого, снисходительного, внимательного и любовного отношения к людям Батюшка не ослабевал никогда. А покаянное сознание поддерживал частою исповедью.

«Я плакала, – пишет одна сестра, – горячими слезами, уткнувшись в кровать, на которой лежал Батюшка (последний год-два он принимал, не вставая с постели), о том, что,

несмотря на постоянные требования Батюшки, все скажу да скажу когда-нибудь грубое слово маме; плакала от своего безсилия преодолеть себя. Батюшка нежно гладил меня по голове, жалея мою маму: “А как ей тяжело. Как она тебя любит... У нее все сердце в царапинах...” В его голосе звучало столько жалости, задушевности и нежности к моей маме, что это добавляло мне слез. Дав выплакаться, Батюшка поднял мою голову: “Ну довольно... Буду надеяться, что ты будешь лучше”».

«Правило выполняй первым делом», – говорил Батюшка. – «Батюшка, я читаю все, что вы мне благословили». – «Под правилом разумею: следить за собой, гнать мысли и никому не грубить. Таковое правило всегда предлагаю тебе, а ты забываешь».

В основу духовной жизни Батюшка полагал внимание, духовное бодрствование над собой. Внимание же по существу состоит в том, чтобы перед всеми и во всем смиряться и возрастать в любви к Богу и к людям, хотя не должно пренебрегать и другими сторонами жизни человека.

Состояние же противоположное, потерю духовного бодрствования, рассеянность, увлечение чувствами и мыслями, каковы бы они ни были, Батюшка называл сном.

Хочешь жить духовной жизнью, следи за собой, будь внимателен.

«Однажды, – признавалась одна, – во время всенощной под праздник буря помыслов волновала меня и смущала все существо. Подхожу, как обычно, к елеопомазанию после Евангелия. Батюшка, внимательно всмотревшись в меня, серьезно заметил: “Спишь никак...”»

Но это внимание не должно сводиться к праздному наблюдению своих мыслей, состояний и переживаний. Следить за собой, как говорил Батюшка, значило не только замечать дурные мысли и пожелания, но и сопротивляться им, прогонять все недолжное. А так как силы наши немощны и ничтожны, то постоянно надо призывать помощь Божию, молиться, а чтобы внутреннее око было зорче и чище, необходимо все время приносить покаяние в неизбежных ошибках.

Перед кротким, смиренным и любящим Батюшкой я чувствовала себя, как на Страшном Суде, особенно когда он вслух читал мои письменные исповеди, иногда добавляя: «Зачем же ты это делаешь? Ну послушай?.. Я краснею за тебя». Лучше бы, казалось, провалиться сквозь землю, чем слышать его огорченный голос. И тут же было надо во что бы то ни стало дать обещание так больше не грешить. «Нет, ты скажи: ты больше не будешь так поступать? Ты будешь хорошей?» И приходилось обещать и стараться потом сдерживать свое слово, а в следующий раз каяться в новых проступках с еще большими слезами и стыдом. Он болел за каждого из нас, он любил нас, хотел видеть чистыми и угодными Богу.

Когда же кто отвыкал от явных проявлений гнева и нетерпения, Батюшка начинал также строго взыскивать за мысли и пожелания, даже за малейшее внутреннее нетерпеливое движение души, и этим постоянно поддерживал покаянное чувство и приводил к собранности.

Каждую нашу душу он видел насквозь. Однажды на собрании своих духовных чад на его квартире он взял стакан чистой воды и спросил: «Видите ли вы что-нибудь в стакане?» – «Нет, ничего не видим, чистая вода». Тогда он бросил в стакан какую-то соринку. «А теперь видите?» – «Видим, маленькая соринка плавает». – «Вот так Господь открыл мне ваши души – всякая соринка, всякий изгиб души мне известны».

Однажды, исповедавшись, я ждала разрешительной молитвы, но он не давал и все спрашивал: «А еще что?» – Я ответила, что намеренно ничего не скрыла, если что забыла, то простите меня ради Бога. Тогда Батюшка сказал: «Мы не только грешим, но и не помним своих грехов. Припомни хорошенько, может что и вспомнишь?» Не получив от меня ответа, сам напомнил...

* * *

Никогда Батюшка не требовал к себе внимания, каких-либо знаков почтения и уважения, и не только не требовал, но и сторонился их. Избегал пышных служб, особенно архиерейских. Если же и приходилось ему участвовать в них, то старался встать позади всех, приходилось уговаривать его занять место

по достоинству. Тяготился, не любил и чуждался всяких наград и почестей: они обременяли его и вызывали искреннюю глубокую скорбь.

В 1920 г. чудовские сестры подняли вопрос о том, чтобы выхлопотать Батюшке награду – «крест с украшениями». В 1922 г. исполнялось 30 лет служения Батюшки в сане иерея, но награду эту предлагали выхлопотать заранее, не дожидаясь этого срока. «Что же вы, – говорили чудовские другим Батюшкиным духовным детям, – столько времени находитесь подле Батюшки, и не думаете о том, что ему пора выхлопотать эту награду».

Все, конечно, с радостью согласились, да и кто бы мог не желать этого. Где-то добыли и крест с камушками, какой только можно было достать в те трудные годы, и не так-то это было тогда просто.

Настал день, когда Батюшка был вызван на патриаршую службу и награжден этим крестом. Это был воскресный день. Когда же все собрались на вечернее богослужение, то с волнением и радостью ожидали прихода Батюшки. Как и постоянно было в те годы, храм был переполнен молящимися. Батюшка пришел уже после начала службы и прошел в алтарь. На его лице не только не было заметно какой-либо радости, но не было и обычной улыбки. Он был каким-то встревоженным и глубоко огорченным. По окончании вечернего богослужения открылись царские врата и все сослужители Батюшки вышли на солею поздравить его с наградой. Вышел и сам Батюшка, тоже в облачении.

После короткого молебна он обратился ко всем присутствовавшим в храме, которые так сочувствовали его награждению, и начал слово, которое все время прерывалось горькими слезами. Закрывая лицо рукой, он говорил о своем недостоинстве, о том, что он всегда готов всем служить, но что всякое внимание призывает его к еще большим трудам, а теперь, когда силы его слабеют, что же сможет он дать больше того, что дает?.. Его слово было всенародным потрясающим исповеданием своего ничтожества, своей полной во всем недостаточности, негодности и слабости. Казалось, что этот

крест с камушками совсем задавил его. В конце этой слезной, потрясшей всех исповеди Батюшка с глубочайшим смирением поклонился до земли, прося у всех прощения.

Тут не только богомольцы, но и священнослужители забыли свою недавнюю радость и в глубоком раздумье, даже сожалении о том, что наградой возложили на него новую скорбь, новую тяжесть, тихо пошли в алтарь. А Батюшка в слезах стал давать крест и благословлять, как всегда, всех подходивших. Храм понемногу стал пустеть, и один из Батюшкиных духовных сыновей⁵¹, ошеломленный всем виденным и слышанным, став несколько поодаль от амвона, чтобы не мешать подходящим ко кресту, возвысил свой голос в защиту Батюшки. Он не мог вместить такого самоуничтожения, он хотел возвысить, поднять Батюшку в его собственных глазах. Он напоминал Батюшке, что его, такого по его словам, ничтожного, знает не только вся Москва, но и многие за ее пределами... Батюшка кротко прервал эту не совсем уместную речь: «Миша, – сказал он грустно и тихо, – тебе это только так кажется. Если бы ты только знал, сколько мне дал Господь, сколько оказал милостей, сколько показал великих примеров, ты бы так не говорил... Я должен был быть гораздо лучше».

На другой день старшая из чудовских сестер, первая затеявшая это дело с наградой, была у Батюшки на дому и сокрушенно говорила: зачем он так вчера о себе говорил? Он для нее – все, никто и никогда ей его не заменит...» – «Что я, – ответил Батюшка, – я черное пятно на белом месте...», – обнял ее и горько заплакал.

В 1921 году вышел еще указ о награждении Батюшки палицей. Он был вызван для этого в храм Адриана и Наталии⁵² на Мещанской на патриаршее служение. Предстояло получить при большом стечении народа награду и почесть. Все это было крайне не по душе Батюшке. Накануне ко всенощной в этот храм Батюшку сопровождал один из братьев, прислуживающих в алтаре, по имени Петр. Во время службы, когда Батюшка подошел за благословением, Святейший потрепал Батюшку по щеке и что-то сказал ему. Немного спустя Батюшка попросил Петра Борисовича⁵³ не забыть захватить утром палицу, «которая

у нас сделана». Хлопоты о палице велись тайком от Батюшки и о палице ему ничего не говорили. Утром Петр Борисович и передал палицу Батюшке, но тот, к его удивлению и недоумению, засунул ее в дальний угол за аналой. Началась Литургия. После малого входа настоятель храма получил митру, а батюшкина палица не нашлась. По окончании богослужения, когда Петр Борисович укладывал облачение, к нему подошел Батюшка, веселый и довольный, и напомнил не забыть палицу, лежавшую за аналоем.

Через неделю Батюшка был вызван на служение митрополита Евсевия⁵⁴ в одну домовую церковь, избегнув таким образом публичных почестей.

Как-то вскоре после этой награды, по окончании Литургии в своем храме, Батюшка подошел к тому же Петру Борисовичу, сказав: «Ну и обрядил же ты меня сегодня, отец Петр. Запутался я в своих мечях. Как поднимаюсь с колен – то на один наступлю, то на другой».

Некто М.Д. [Асикритов]⁵⁵, человек большой эрудиции и многих исканий, решил обратиться за разрешением внутренних духовных вопросов к о.Павлу Флоренскому⁵⁶, который, как ему казалось, мог дать исчерпывающий ответ на все, как обладавший исключительно сильным и широким умом. Но отец Павел отказался и совершенно просто указал ему на о. Алексия, заявив, что удовлетворить его сможет только о. Алексей Мечев.

В это время Москва голодала.

М.Д. шел к о. Алексию с чувством глубокого благоговейного удивления: «Каков же должен быть тот, на кого указывает сам о.Павел Флоренский!»

Его провели в комнату Батюшки, попросил немного подождать, т.к. Батюшка был чем-то занят. Оставшись один, М.Д. стал оглядывать комнату. На глаза ему попала маленькая баночка варенья, стоявшая на подоконнике. На баночке была наклеена бумажка с надписью: «Дорогому Батюшке». У М.Д. пробежала мрачная мысль: «Однако... Попик-то хорошо живет, когда в голодное время варенье ест». И разом все доверие к Батюшке пропало. «Такой же, значит, как и все».

В эту минуту в комнату стремительно вошел Батюшка. «Так, значит, – сказал он с благостойной улыбкой, – этому старику не стоить доверять, раз он варенье ест?» С этими словами он как будто взял все сомнение и недоверие М.Д. и выбросил в окно, и стало легко и хорошо.

М.Д. сделался преданнейшим духовным сыном о. Алексия. (Это он-то и взялся защищать о. Алексия от самого себя после награждения крестом с украшениями).

* * *

Воспитывая в жизни духовной, Батюшка любил, чтобы внешне человек не изменялся, оставался таким как был. Нужно смиряться, нужно иметь почтение к старшим, можно говорить слова «простите», «благословите», а в остальном надо оставаться таким как прежде. «Не одежда делает монаха», – говорил он.

Он требовал внешней и внутренней подтянутости, приучал не только на исповедь, но и на откровение помыслов приходить, собравшись с мыслями и чувствами, подготовившись. Всегда заметит, если войдешь рассеянным, и делается строже. Внимателен бывал Батюшка и к тому, чтобы все на тебе было чисто и аккуратно. Заметит булавочку вместо пуговицы: «А это что такое? Булавочка? А тут должна бы быть пуговичка. Придется обратить внимание на твои пуговички».

Приучал Батюшка постепенно к тому, чтобы жить, обдумывая, что хорошо и что плохо. Жить, а внутренне «ходить» осторожно. А если что пропустишь по невнимательности, не заметишь чего, сам вытащит наружу и станет ясно, где прозевал и что в тебе сидело.

Если человек приходил с бурей в душе, Батюшка его никогда тут же не укорял и не вменял ему его проступка. Он уходил обласканный и с легким сердцем. Но когда тот же человек приходил к Батюшке в спокойном состоянии духа, Батюшка бывало выставит перед ним его грех так, что не почувствовать или забыть это было невозможно.

Волна всевозможных исканий в 1920-х гг. была так велика, что захватывала даже и уважавших Батюшку о. Алексия его духовных детей-священников и неприметно для них заводило

их в сети суемудрия и заблуждения, стоило им только последовать самим себе. В квартире одного священника начали собираться некоторые видные московские пастыри для обсуждения разных вопросов церковной практики. Прежде всего было решено обсудить во всех подробностях «Учительное известие», приложенное к иерейскому служебнику, которое обычно прочитывалось рукополагаемым при посвящении его в иереи, а потом уже редко кто в него заглядывал. Некоторые из участников этих собраний выражали желание обсудить Литургию, чтобы не только самому благоговейно совершить безкровную Жертву, но чтобы все время при совершении Литургии держать в молитвенном напряжении сердца мирян, часто не понимающих и не сознающих, что они участвуют в совершении великого Таинства.

Священник, на квартире которого происходили эти собрания, был духовным сыном Батюшки. Он сообщил ему о данном начинании.

– Зрящее вы это дело затеяли, – воскликнул Батюшка с обычной своей живостью. – Совсем этого не нужно теперь. В переживаемое нами время, когда иссякает христианская любовь, когда вся окружающая нас атмосфера насыщена злобою, – пастыри прежде всего должны думать о том, чтобы всюду сеять семена любви, и призывать к ней верующих⁵⁷. И во время совершения церковных служб, и во время произнесения проповедей прежде всего иметь эту цель, чтобы необходимость для христианина заповеди Христовой об упрочении любви между людьми была для всех ясна. Вот это действительно нужно, а не решать вопрос, – как стоять священнику во время Литургии пред престолом и какие соблюдать формальные требования «Учительного известия». Ведь мы – христиане – «надзаконные» люди, а не «подзаконные». И бывают моменты, когда в жертву любви нельзя не принести соблюдения установленной формы.

Заклучил Батюшка свои слова обещанием, что он непременно придет на одно из этих совещаний в ближайшую пятницу.

О.Алексий действительно приехал и развил перед собравшимися пастырями ту же мысль о задаче священника в переживаемое время и добавил: «Давайте лучше сделаем так: я приеду к вам послужить, вы приедете к нам на Маросейку, вместе помолимся и будем в постоянном общении, дабы нам всем прежде всего осуществлять заповедь Христа о любви».

Когда Батюшка уехал, все признали, что все высказанное о. Алексием, конечно, правильно и ничего нельзя против этого возразить, но раздались голоса, что тем не менее не следует оставлять в забвении и прежде поставленных задач и что разрешение их никак не может помешать укреплению в людях христианской любви. Совещания решено было продолжать.

После этого было еще несколько собраний. На одном из последних хозяин квартиры, под впечатлением беседы с одной больной римско-католического исповедания, поднял вопрос, что на верующих расхолаживающим образом действует то обстоятельство, что православный священник за Литургией оглашенных не все время стоит пред престолом, погруженный в молитву, как католический, но часто отходит к жертвеннику, где фактически продолжает совершать проскомидию, вынимая частицы из приносимых просфор. Такие постоянные отлучки от престола к жертвеннику и обратно происходят до самой Херувимской, причем некоторые возгласы произносятся не у престола, а у жертвенника. Большинство участников совещания признало этот вопрос заслуживающим самого серьезного внимания и немедленного обсуждения. Многие заявили, что их давно заботит вопрос о том, как достигнуть того, чтобы верующие подавали просфоры с записками только во время проскомидии, чтобы с начала Литургии священник мог сосредоточиться на совершаемом богослужении, ничем не отвлекаясь от молитвы.

На совещании было признано, что каждому настоятелю храма надлежит проводить с прихожанами беседу, чтобы приучить их к строгому порядку: приходить к началу проскомидии, чтобы частицы из просфор вынимались своевременно.

Через некоторое время священник, на квартире у которого происходили описываемые собрания, пришел в Батюшкин храм накануне одного из больших праздников, чтобы принять участие в богослужении. Пришел он задолго до начала службы и, к своему удивлению, застал Батюшку уже в алтаре, сидящим на стуле налево от престола. Увидев вошедшего, Батюшка, крайне взволнованный, обрушился на него со словами: «Все это ваши штуки, все это ваши затеи... Я говорил, что зрящее вы дело начинаете, и вышло по-моему. Посмотрите, что вышло!» Пришедший никогда не видал Батюшку, обычно такого спокойного и ласкового, в таком возбуждении и негодовании. Зная, что Батюшка болен сердцем, поспешил поскорее его успокоить, говоря, что если сделана ошибка и оплошность, то можно все уладить, исправить и изменить, и что Батюшке следует беречь свое здоровье и не принимать так близко к сердцу того, что его так возмутило и огорчило. Несколько успокоившись, Батюшка поведал ему, что один из участников указанных совещаний, служивший раз в неделю в Батюшкином храме, так горячо отнесся к скорейшему осуществлению принятого на совещании решения достигнуть порядка в отношении Литургии, что, не переговорив с Батюшкой и не спросив его разрешения, объявил в амвона за вечерним богослужением, что в те дни, когда он будет совершать Литургию, все прихожане должны подавать просфоры для поминовения их родственников только на проскомидии и что все просфоры, поданные позже, будут оставлены без внимания, т.к. он не намерен нарушать свое молитвенное настроение несвоевременным исполнением действий, положенных на проскомидии.

На другой же день произошло следующее. Один из прихожан, жена которого серьезно заболела, проходя по дороге на службу мимо храма, зашел в него перед самым чтением Евангелия и хотел, чтобы из купленной им просфоры была вынута частица о здравии его жены. Служил как раз священник, объявивший новые порядки, и пришедшему было отказано в его просьбе, и объявлено, что проскомидия уже совершена и просфор больше не будут приносить к жертвеннику. Крайне

огорченный всем этим, человек этот немедленно отправился к Батюшке на квартиру и начал жаловаться на новые порядки в его храме, лишаящие его утешения в трудную минуту.

Батюшка, изумленный тем, что без его ведома и благословения сделано такое распоряжение, приказал немедленно же удовлетворить желание прихожанина. Священник же, которому передали Батюшкины слова, то ли от торопливости, то ли от смущения, что настоятелем отменено его распоряжение, так неудачно вынул из просфоры частицу, что у изображения на просфоре Божьей Матери оказалась отрезанной голова.

Увидав просфору в таком виде, пришедший пришел в еще большее огорчение, и снова обратился к о. Алексею с горестным предположением, что жена его умрет, раз голова Божией Матери на просфоре отрезана. Батюшка оставил просфору у себя, ему дал другую, и отпустил его утешенным и успокоенным. После Литургии служивший священник пришел к Батюшке, эта просфора была ему показана... И было же ему от Батюшки, который мог своими слезами довести до слез.

Распоряжение, вызвавшее такое событие, было немедленно же отменено. «Вот видите, какие последствия может иметь соблюдение во что бы то ни стало всех формальных требований во время совершения Литургии и как часто лица, подобные этому прихожанину, за недосугом заходят в храм буквально на одну минуту, чтобы помолиться и помянуть на Литургии или только что скончавшихся, или тяжело больных, или впавших в несчастье близких им людей. И до сих пор никто из них не уходил без утешения. Что же будет, если из-за соблюдения формальности им будут подносить такое же огорчение, как этому человеку. Как согласовать такое буквоедство, которое вы на пастырских совещаниях одобрили, с любовью, которую нам заповедал Христос, исполнителем заповедей Которого прежде всего должны быть мы – пастыри. Но вы неправы и по существу: поминать живых и умерших и вынимать за них частицы из просфор возможно до самого момента освящения Св.Даров, что во всех приходских храмах на самом деле и происходит. Епископ, совершающий Литургию,

поминает живых и умерших, вынимая частицы за них, во время Херувимской песни и фактически совершает вторую проскомидию. Если встать на вашу точку зрения, то он не имеет права этого делать, т.к. проскомидия уже совершена священником и Св.Дары покрыты.

После такого разъяснения виновный, в сильном смущении, но и преисполненный благодарности к Батюшке за наставление, встал у престола на колени и просил прощения в том, что, вопреки его указанию, продолжал участвовать в совещаниях и даже без его благословения, как духовного руководителя, поднял вопрос, обсуждение которого привело к таким нежелательным последствиям. Просил также Батюшку помолиться за него, чтобы ему укрепиться в смирении и послушании, а не «ходить по воле сердца своего». Батюшка ласково облобызал его, сказал, что все забыто и с веселым благодатным лицом начал облачатся.

Во всем этом происшествии Батюшку взволновало и возмутило не только то, что два сослужащих ему священника действовали помимо него, а один из них нарушил даже установленные в храме порядки, сколько то, что через этот поверхностный подход к делу пастырских обязанностей страдающий от горя человек должен быть отторгнут, а два священника, руководимые им, узко поняв свои обязанности, могли стать формалистами, не исполняющими своей главной обязанности: показывать людям на деле, что христианство есть деятельная любовь.

Но, протестуя горячо всем и всегда, что любовь христианская выше богослужебного устава, Батюшка одновременно оказался решительным и непримиримым врагом обратного течения. В те же примерно годы возникло в среде некоторого духовенства желание и стремление, ссылаясь на требования любви и другие соображения, пересмотреть устав, как устарелый. Этим людям Батюшка противопоставлял устав, как непоколебимую скалу и действовал при этом сурово и резко, не допуская никаких уступок. Устав был для него святыней, запечатленной любовью, и эта святыня никогда не могла быть отменена, а лишь в известные моменты она

заливалась живым вдохновением любви, взлетом над миром закона, закона подлинного, незыблемого и священного.

* * *

Однажды в беседе с близкими Батюшка спросил: «Вдумывались ли вы когда-нибудь в то, что все святые апостолы приняли мученический венец, погибли на крестах, усечены мечом, а апостол Иоанн Богослов достиг глубокой старости и мирно скончался?» – Все (а здесь были и священники) ответили отрицательно. Тогда Батюшка объяснил: «Оттого, что у апостола Иоанна была такая великая, безпримерная, неодолимая христианская любовь, ее силе покорялись и мучители; она загашала всякую злобу, обезоруживала гонителей, превращала их злобу и ненависть в любовь».

Батюшкина любовь также загашала злобу и так укрощала страсти, что он часто находил друзей там, где, казалось, были враги.

Тем не менее до последних дней жизни Батюшки находились люди, которые его не понимали, осуждали и порицали. Священник Георгий ТРЕВОГИН

У Батюшки на Маросейке. Елена Апушкина

Верить в Бога и молиться научил меня мой дедушка⁵⁸, очень меня любивший как первую внучку. Сам он был глубоко верующим человеком. И потом Господь не оставлял меня и всегда посылал людей, которые поддерживали во мне искру веры, несмотря на многие неблагоприятные в этом отношении обстоятельства. Однако, несмотря на это, к моменту окончания средней школы я была почти неверующей. Мне казалось, что в Церкви нет ничего «интересного», что все это старое, отжившее. Раз в год на Страстной неделе я говела, но делала это «ради мамы». При этом я иногда получала очень большую, но непонятную радость и удивлялась себе самой.

После окончания школы я поступила в университет, думая в философии найти «смысл жизни». Мне казалось, что можно всю жизнь делать и неинтересное дело ради хлеба насущного, но заниматься надо тем, что поможет найти Истину.

Помимо университета я посещала разные лекции и диспуты, ходила во «Дворец Искусств» в «Вольную Академию Духовной Культуры»⁵⁹. В последней Вячеслав Иванов⁶⁰ своим «Мистическим курсом древней Греции», проводя некоторые параллели, заинтересовал меня церковным богослужением и вообще христианством.

Я стала несколько чаще бывать в церкви. Настоятель нашего приходского храма (Николы Явленного⁶¹) о. Александр Добролюбов⁶² на исповеди отнесся ко мне очень тепло. В храме увидела я знакомые лица Тани⁶³ и Жени – наших институтков, старших меня. Мы стали бывать друг у друга. Таня заинтересовалась философским отделением (до того она училась живописи во ВХУТЕМАСе) и поступила в университет. Вместе мы посещали лекции, вместе готовились к зачетам (помню первый был по логике – по Гуссерлю), но мы больше разговаривали, чем занимались. Разговоры были самые жаркие. Таня рассказывала мне о себе, о своем детстве, о церковной жизни Пензы, откуда она только что приехала. Постепенно я познакомилась со многими ее тамошними друзьями и

загорелась желанием поехать на каникулы вместе с Таней. Осуществить это мне не пришлось, так как я не сумела достать командировки, а в те годы иначе нельзя было никуда поехать.

В этом году мы уже вместе с Таней говели, вместе читали книгу епископа Михаила о Таинствах. Впервые я исповедалась сознательно, до глубины, рассказала о самом больном. Впервые и причастилась с верой и пониманием совершающегося.

* * *

Однажды в раздевалке Психологического Института мы с Таней сидели на подножии пустых вешалок. К нам подошел один из студентов (которого мы считали большим чудачком, в особенности потому, что он иногда почему-то приходил в университет босым) и сказал нам: «Мне кажется, что мы с вами одного духа». Он пригласил нас на свой доклад о русской культуре, который должен был состояться в частной квартире где-то на Пречистенском бульваре 25-го марта. Мы пришли туда. Студент, пригласивший нас, Володя Чертков сделал доклад, содержания которого я теперь уже не помню, но который начинался эпиграфом: «У лукоморья дуб зеленый»... Доклад имел чересчур общий и «всеобъемлющий» характер, мне он скорее не понравился, да видно и других не «зажег», потому что, хотя и говорили, что надо бы еще собраться, но так и не сделали этого до следующего года.

Но через год уже интересы наши изменились. Может быть и другие чувствовали недостаточность философии, но как-то все сошлись на том, что надо изучать религиозный опыт Святых Отцов, что только здесь мы найдем истинное, вечное, насущно-необходимое. Попробовали раза два собраться одни на квартире у Тани, но разговоры сразу пошли заумные – об отрицательном богословии, о «Божественном Ничто» и проч., что очень напугало нас, в особенности Женю. Мы поняли, что нам нужен в этих занятиях знающий и опытный руководитель.

Володя к тому времени бывал уже иногда на Маросейке (хотя был духовным сыном о.Владимира Богданова⁶⁴), знал и о.Сергия Дурылина⁶⁵ и о.Сергия Мечева. Мы с Таней уже отчасти знали С.Н.Дурылина по его выступлениям в Вольной

Академии Духовной Культуры, и нам он казался подходящим для этой роли. Но в конце концов решили обратиться к Батюшке о. Алексею с просьбой порекомендовать нам, к кому обратиться. Володя вызвался побывать на Маросейке. Батюшка направил его к о.Сергию. Последний очень горячо отозвался на нашу просьбу, говоря, что такие занятия – дело его жизни, но окончательное согласие отложил до личного свидания с нами. Был назначен день, в который он обещался прийти к нам (на квартиру к Е.С.).

Этого дня мы ждали с нетерпением и с некоторым страхом. Дверь открылась и вошел высокий и худенький молодой священник, довольно коротко подстриженный, темноволосый, с живым взглядом больших темных глаз. На рясе был прикреплен университетский значок. Нам с Таней последнее не понравилось: мы побоялись университетской учености, заумности. Мне еще он показался строгим, и я сразу стала его бояться. О.Сергий сделал небольшое введение, говоря о двух путях, формах христианской жизни – семейной и безбрачной, а затем стал расспрашивать всех по очереди о том, каким путем желает каждый идти, чего ищет в жизни, чего ждет от занятий. Все отвечали, только одна я не смогла открыть рта, стеснялась и пряталась за чужие спины.

Со следующего раза стал говорить о.Сергий. Трудно передать, с какою радостью мы его слушали. Казалось, он открывал нам совершенно новый мир. Это были не отвлеченные университетские лекции, это была сама жизнь, это был хлеб насущный. Мы жили от одного понедельника до другого, едва могли дождаться как пройдет неделя. Помню, первая беседа была о церковном понимании слова «Мир», об отвержении Мира, как греха. Затем были беседы о Церкви, о молитве, о страхе Божиим, о совести, о рассудительности, о выборе духовного руководителя и др. Вся жизнь озарилась новым светом.

Не все остались в нашем «кружке», кое-кто ушел. Оставшиеся почти все сделались духовными детьми о.Сергия. Всем казалось: куда же еще идти, когда тут тот, кто открывал нам Христовы «глаголы жизни вечной»? Я же все еще боялась и

стеснялась о.Сергия, не умела даже с ним разговаривать и чувствовала, что не в силах пойти к нему, хотя он был дорог душе. Что же делать? Я надумала обратиться к его отцу – Батюшке о. Алексею. Батюшка принял меня.

Кроме понедельников у Е.С. я стала посещать беседы о.Сергия в храме. Батюшка благословил меня вести записки по ним, а позднее мы с Таней записывали и проповеди о.Сергия во время богослужения⁶⁶. Учение, которое мы слышали от о.Сергия и жизнь под руководством Батюшки слились для меня в одно целое. Самого о.Сергия я по-прежнему боялась и не умела ни разговаривать с ним, ни исповедываться у него. Батюшка, впрочем, и не позволял этого. «У них, у молодых, свои методы», – говорил он. Даже когда Батюшка был болен и под домашним арестом, он не позволял мне исповедываться ни у кого, а исповеди я ему писала и время от времени, крадучись, попадала к нему.

Но вот Батюшка стал все чаще и чаще говорить о своей приближающейся кончине (день смерти о.Лазаря, день Ангела Батюшки⁶⁷), а в день Св.Пасхи, когда мы тайком рано утром пришли к нему христосоваться, он прошептал мне, когда я наклонилась к нему, лежавшему в постели: «Теперь исповедывайся у о.Сергия!» Выйдя от него, я горько заплакала, поняв, что Батюшка уходит от нас. Еще несколько раз пришлось мне повидать Батюшку, но наступило 9-е июня и Батюшки не стало.

* * *

Когда умер Батюшка, мне от всей души хотелось вспомнить каждое слово, от него слышанное, вспомнить и никогда не забывать все, с ним связанное, все впечатления от его личности, от его молитвы, от обращения с людьми (и со мной), так сильно действовавшего на душу. Влияние Батюшки не ограничивалось лишь смыслом его слов, но было во всем его существе, в звуке его голоса, в его движениях. Хотелось все восстановить в памяти, записать, закрепить. В первые недели после его кончины я и делала это, вторично переживая жизнь с ним.

С тех пор истекает уже 30 лет. Ушла молодость, давно оземленилась внутренняя жизнь души, но еще светится в глубине ее радость и озарение почти полутора лет общения с Батюшкой и приобщения через него к вечной жизни, встает его образ светлый, светящийся, заставляя понимать, почему на иконах головы угодников Божиих окружает сияние; встает и будит унылую душу, вновь подымает ее, согревает и зовет горе.

Многие видели от Батюшки случаи прозорливости, чудеса молитвы, – я много об этом слышала впоследствии. Но в моем непосредственном опыте главным было не то. Главное: Батюшка вел к Богу, Батюшка, в тебе самой показывая, выявлял чистоту и святость, на фоне которой особенно стыдной была грязь ежедневных грехов. И еще, самое важное, Батюшка являл нам любовь Божию, Батюшка своею любовью приобщал нас к переживанию любви Божией.

При общении, при беседе с ним казалось, что он любит тебя со всею исключительностью, как можно любить только самого родного человека, одного из всех, но когда случалось собраться вместе многим духовным его детям, то с такою же полнотою жившая в нем любовь изливалась на всех, всех наполняла и объединяла, во всех рождала такое же чувство, ободряла душу; направляла ее к Богу, к добру. Может быть потому не было около него соперничества, ревности и проч. греховного, разделяющего. Зато бывало, если встретишь кого-нибудь из Батюшкиных, хотя бы и мало знакомых, то казалось встретил самого близкого родного.

Батюшка не требовал каких-либо особых подвигов, не налагал больших молитвенных правил, но требовал, чтобы имеющееся малое исполнялось неукоснительно, не взирая на усталость и другие обстоятельства. И в жизни Батюшка от меня, например, не требовал многого, – а лишь хорошего отношения к близким родным. Зато уж это он неукоснительно требовал на каждой исповеди. Кроткие его упреки и обличения поражали душу стыдом, как на Суде: «Мне больно за вас»... «Я краснею за тебя». Хотелось сквозь землю провалиться. И тут же надо было во что бы то ни стало дать обещание так больше не грешить: «Нет, ты скажи: ты больше не будешь так поступать?»

Ты будешь хорошей?» И приходилось обещать и потом, хоть и неизменно падая, все же стараться сдержать свое слово, а потом каяться с еще большим стыдом.

Свои воспоминания я делала для себя, нет даже хронологического порядка. Дорого в них лишь, что в них передано много его подлинных слов.

* * *

Впервые увидела я Батюшку о. Алексея под день его Ангела в марте 1922 г. Это было в его храме, на Маросейке. Поздно вечером, после университетских лекций зашла я туда. Всенощная уже отошла, кончился и молебен у иконы св.Алексия, Человека Божия. Батюшка стоял перед нею с крестом в руках, благословлял и принимал поздравления, улыбаясь необычайно ласковой и светлой улыбкой. Мне очень захотелось, чтобы он и мне так же улыбнулся, но Батюшка как бы вовсе не заметил меня.

Памятно мне первое мое соборование. Я тогда только подходила к Церкви вообще и к Маросейке в частности, и все меня интересовало. Я слышала, что в Маросейском храме каждый понедельник происходит общее соборование, так как Батюшка считает, что здоровых людей теперь почти нет, а кроме того в этом таинстве прощаются грехи забвения, которых у всех нас много. Меня потянуло пойти посмотреть, как это происходит. Пришла в церковь, где собралось уже порядочное число желающих приступить к таинству елеосвящения. Стояли в очереди, записывались на соборование. Я не стала записываться и покупать свечу, потому что не собиралась, да и не могла собороваться. Какая-то женщина, к которой я обратилась с вопросом, – где мне лучше стать, чтобы не помешать, сказала, что можно остаться тут же в толпе и уговаривала собороваться. – «Да я не могу и не готовилась». – «А вы попросите Батюшку, он великий старец». – «Да нет, зачем же, я не хочу». Началось богослужение. Впервые я слышала умилительный канон елеосвящения, читавшийся Батюшкой, и необычный напев: «Многомилостиве Господи...»

Мне захотелось молиться за этих больных духом и телом людей, вымолить для них у Господа исцеление. Я вся ушла в

это.

Кончился канон, прочитали первую молитву. Первым помазывать в нашу сторону пошел сам Батюшка. Тут я поняла, что попала в неловкое положение, – в храме были только соборующиеся. Но уходить было поздно. Батюшка подошел ко мне: «Как Ваше имя?» – «Батюшка, я не могу собороваться, мне нельзя!» – «Как ваше имя?» Я вновь пыталась объяснить Батюшке, что я не могу собороваться. – «Как вас зовут?» – спросил он уже настойчиво. Я подчинилась. Батюшка помазал мой лоб, глаза, лицо, руки, и потом, читая в следующий раз молитву елеосвящения, поминал то впереди, то в конце списка мое имя. Молитвенное настроение не покидало меня, и когда соборование окончилось, я почувствовала особенный, ни с чем не сравнимый мир и тишину на душе, поняла, что каждое таинство кладет на душу свою особую печать, дает особое переживание.

Произошло это на Страстной неделе. А исповедывалась я у Батюшки в первый раз на Святой.

На исповедь шла я с великим страхом. На душе был большой, хотя и давний, не до конца исповеданный грех. Когда поднялась на амвон, – дух захватило. На незнакомое лицо мое Батюшка смотрел серьезно и внимательно. Трудно было говорить, но он понял меня с двух слов: «Не надо обетов давать! Забудьте все, не вспоминайте! Ведь больше к этому не возвращаетесь? Нет? И слава Богу, ну и хорошо!» Он начал улыбаться и утешать меня и сейчас же заговорил об отношении моем к родителям (папе с мамой), но я плохо слушала, была полна своим, боялась забыть то, с чем пришла.

Мой духовник из прихода, о. Александр Добролюбов, хотя и хороший священник, хотя и любила я его, не удовлетворял меня, как руководитель, да и по обстоятельствам жизни он стал для меня временно недоступен, – его арестовали по делу о изъятии церковных ценностей. Могла бы я обратиться, как и мои подруги, к о.Сергию, который так много открыл душе, научил пониманию духовного пути своими беседами, пробудил желание духовной жизни, – но он был еще очень молод, строг и резковат,

– я его стеснялась и даже боялась. К Батюшке же я пошла, как к его отцу, а о самом Батюшке почти ничего не знала.

Я спросила Батюшку, – не плохо ли, что я пришла к нему (Батюшке), не спросившись о. Александра. – «Ну вот, ничего, ничего... – ответил Батюшка, – еще если бы к молодому пошла, тогда... А я ведь старше о. Александра. А потом, когда его выпустят, опять к нему вернетесь». (О.Александра выпустили не скоро и я так и осталась на Маросейке).

Спрашивала я о своем учении. (Тогда без конца шла реорганизация университета вообще и нашего отделения в частности). Батюшка слушал меня внимательно, с задумчивым видом: «Ну ничего... Учись, занимайся. В молодости только и заниматься. А кем вы будете (в результате учения)? Учительницей?» (Я и сама не знала).

После службы Батюшка выходил из церкви. Его сейчас же окружила толпа народа, ждавшего его благословения. Батюшку теснили со всех сторон, задавали ему здесь же вопросы. Какая-то женщина плакала во весь голос: «Горе-то, Батюшка, горе какое!..» Батюшка нахмурился: «Тише, тише, матушка! Какие у нас с тобой горя?!» – а тише добавил: «Приходи ко мне после церкви, поговорим».

Попасть под благословение к Батюшке стало и для меня великим счастьем. Верно Батюшка чувствовал, как душа моя тянется к нему. Почти всякий раз я робко подходила сзади к толпе, провожавшей Батюшку из церкви, не решаясь тесниться, и всякий раз Батюшка с улыбкой обертывался ко мне и благословлял, иногда и не один раз; а как-то дал мне подряд 2 просфоры, одну за другой, как будто одной было мало.

Увидев меня впервые в пенсне, Батюшка сказал мне: «Ну вот, нехорошо, нехорошо! Сними, сними!» Я не поняла, – в шутку ли это было сказано им или всерьез, но с полгода совсем не носила стекол даже во время работы, пока не спросила об этом Батюшку. «Одевай, если тебе нужно. Я только так сказал», – ответил он.

Когда позднее мы иногда подходили вместе с Таней К.⁶⁸ ко кресту, Батюшка называл нас «баловницами».

Когда однажды Батюшка выходил из церкви, я решилась попросить у него разговора на дому. Он был такой усталый, что ответил мне не сразу; переспросил и разрешил прийти.

Это был один из тех дней, которые раньше были приемными у Батюшки. Приемы были уже отменены, но и теперь лестница была полна народа. Всем отвечали, что Батюшка не принимает, но мне посоветовали сказать, что Батюшка сам мне назначил. Действительно после некоторого ожидания меня впустили в темную переднюю и оттуда в Батюшкин кабинетик, где в углу стоял образ Святителя Николая в белой рамке. Святитель был изображен в белой ризе на фоне зеленых полей и деревьев. Взгляд его был очень строгий. Я дожидалась Батюшку с замиранием сердца, не смея присесть. Наконец Батюшка вошел – маленький, светленький, с живым взглядом, с живыми и быстрыми движениями. Он велел мне сесть на низкий черный диванчик у двери и сам сел на другой его конец.

Вновь, только еще более подробнее рассказала ему свои трудности и сомнения относительно моего учения в университете, которое приходилось совмещать с работой. Программа все время подвергалась всяким изменениям, университет реорганизовали; к тому же начинала терять интерес к выбранной мною науке. В то же время мне хотелось бросить работу, чтобы учиться, но родители мне этого не позволяли, в особенности потому, что выбранная мною специальность – философия – была так непрактична. Папе хотелось, чтобы я стала инженером. Батюшка спросил:

– А может быть и хорошо будет? Я, правда, еще не знаю, какие бывают женщины-инженеры, что-то еще не видал, а может быть?..

– Батюшка, ну какой же из меня инженер выйдет?.. – жалобно сказала я.

Батюшка посмотрел на меня, рассмеялся:

– Ну хорошо! Я по своим знаю, что напрасно детей заставляю заниматься не тем, чего они хотят сами. Оставьте все по-старому (т.е. продолжать учиться и служить), а я за вас молиться буду.

Так продолжалось некоторое время. Наконец мне удалось уговорить мою маму пойти к Батюшке, главным образом для того, чтобы поговорить обо мне. После этого разговора Батюшка сказал, что теперь он видит, что об оставлении службы сейчас не может быть и речи, да что и занятий у меня слишком много, что нельзя так рваться на три части между университетом (ФОН), Психологическим институтом и службой. Перед тем я все жаловалась Батюшке, что меня очень смущают, наполняют душу мою смятением и сомнениями университетские учебники со всеми их нападка на религию. Раньше Батюшка не обращал на это внимания и указывал мне относиться к таким смущениям, как к хульным помыслам, а теперь сказал: «Ну что же против совести заниматься, и не надо». О занятиях в Психологическом Батюшка спросил: «А кем же ты будешь после этого – учительницей-то ты будешь?» – «Не знаю, Батюшка, это меня и смущает». (Тогда правда трудно было понять, что получится из бесконечных реорганизаций. Психологической институт был потом уничтожен). Батюшка подумал немного:

– Ну, будешь, будешь учительницей!

Но на этом дело не кончилось. Когда я оставила ФОН, у меня все же еще оставалось очень много занятий и я была уже очень переутомлена, в Психологическом у меня ничего не выходило. Здесь мне все казалось мертвым, неинтересным, в этой школьной психологии не было ничего, что бы могло меня привлечь; раньше мне казалось, что философия мне нужна, чтобы найти смысл жизни, чтобы найти и познать Бога, а теперь, когда путь к Богу был найден непосредственный, и философия казалась ненужной. Я и Батюшке жаловалась на мертвость нашей челпановской психологии, говоря, что она не дает никакого знания о душе. Батюшка согласился со мной и сказал улыбаясь:

– Я вот не учился философии и психологии (то есть учился немного, когда был в училище), а теперь вот, пожалуй, мы вашего Челпанова⁶⁹ за пояс заткнем (в отношении знания человеческой души).

Но пока все еще не позволял мне Батюшка бросать ученья, которым я так тяготилась. Наконец весной мне представился

случай заниматься английским языком, который я с детства любила: у нас на службе организовалась группа. Английским языком Батюшка мне заниматься посоветовал, сказав, то у него есть духовный сын, знающий английский язык, который поэтому хорошо зарабатывает. И когда я после этого опять стала объяснять, почему меня тяготит Психологический институт, Батюшка сказал:

– Ну, хорошо. Что же против воли заниматься. А ты занимайся английским.

Так и кончилось мое ученье в университете. Впрочем, я и правда очень была переутомлена, память моя не воспринимала ничего, и я, хорошо учившаяся в средней школе, начала теперь «проваливаться» на зачетах, хотя готовилась к ним усердно.

Я далеко ушла от рассказа о первом разговоре с Батюшкой. Вернусь к нему.

После вопроса об учении я рассказала Батюшке о своем желании выйти замуж и чтобы непременно муж мой стал священником. Мне казалось, что это даст мне особую близость к Церкви. Батюшка опять улыбнулся и велел мне молиться об устройении моей судьбы Царице Небесной, святителю Николаю и мученику Трифону.

Спросила я его относительно переписки с одним человеком, который мечтал о духовной карьере:

– А вам очень хочется переписываться с ним?

– Да.

– Ну, тогда пишите.

Батюшка собирался уезжать на дачу. На исповеди он уже дал мне указание о мере причащения при нем:

– Я думаю, раз в неделю. Думаю, что так... Думаю, что так будет... Но теперь я спросила о том, как причащаться без него и получила ответ:

– Каждый раз, как будет общая исповедь (он не разрешал пока ни у кого исповедываться, кроме него).

Спросила я о том, как мне поститься. (Домашние не постились).

Батюшка сказал, что нельзя заставлять маму готовить для меня отдельно или всем для меня менять стол. «Нечего нам с

тобой со своим уставом соваться». Он не велел только есть мяса: «Если будет мясной суп, его есть можно, а самое мясо оставь, скажи, что тебе не хочется». Но более всего внимание Батюшка указал обратить на духовный пост: быть особенно кроткой, смиренной, ласковой к окружающим в дни поста.

При упоминании о моих прежних грехах, Батюшка снова спросил меня: «Ведь этого уже нет больше, не повторяется? Так забудьте об этом, точно и не было ничего». Батюшка крепко обхватил руками мою голову поверх ушей и легонько ее потряс. На прощанье он благословил меня, и по движению его руки я почувствовала, что пора мне уходить: он как бы отталкивал меня.

* * *

Интересно мне проследить, как Батюшка охранял мою молодую душу от увлечений, которые так естественны в молодости. Он не насиловал душу, не собирался сделать из меня монахиню, но не давал слишком сосредоточиться мыслями на этом. С самого первого раза он указал мне, как и кому молиться об устройении моей судьбы, а мысли об этом отгонять.

Первое мое увлечение было основано на переписке, и даже я более увлекалась перепиской и своими мечтами, чем человеком. Мне все хотелось писать письма так, как если бы я их намеревалась показать Батюшке, но они такими не выходили, я чувствовала, что иногда в них проглядывает кокетство. Однажды мой корреспондент собрался переехать из провинции в Москву, чтобы служить здесь и учиться. Я спросила Батюшку, можно ли мне попросить одного знакомого устроить М. на службу. Сказала при этом, что боюсь, что намерения мои в этом отношении не безкорыстны; на последнем Батюшка не остановился, а спросил:

– А ты знаешь, как он работает? Можешь ли ты его рекомендовать и поручиться за него?

– Нет, Батюшка, не знаю.

– Ну, тогда и не надо просить, а то может быть неприятность. А как зовут твоего знакомого? Я за него помолюсь, чтобы он устроился.

Я подчинилась, но мне понравилась мысль, что можно Батюшку просить молиться за М. По письмам было видно, что он очень унывал. Однажды, когда Батюшка исповедывал, я подошла к нему и передала ему мою просьбу. Батюшка выслушал меня недовольно, нахмурившись:

– Ты что – исповедываться что ли?

По его тону почувствовалось, что я ему мешаю. Мне стало стыдно.

– Нет, я только попросить помолиться. Благословите, Батюшка! Батюшка благословил, но рука его меня отталкивала.

Наконец я решилась рассказать Батюшке всю историю этого знакомства, все мои мысли по этому поводу. Я исписала чуть ли не полтетради мелким почерком и захватила с собою два письма М. Так велел мне Батюшка.

– Дай мне его письмо, я сразу увижу, что это за человек и скажу тебе.

Одно из писем, последнее из полученных, казалось мне очень хорошим по настроению, но меня несколько смущало, что в нем М. описывал свое впечатление от встречи с Батюшкой в очень восторженном тоне. Глупо, конечно, было думать, что на Батюшкино суждение могло оказать [влияние] то или другое высказывание о нем! Батюшка спросил именно последнее письмо; взял и исписанные мною листочки. На следующий раз оказалось, что он не смог их прочесть.

– А по письму вижу, что он человек очень нервный. Вот какое письмо написал, и все об одном и том же говорит, носит с собой, размазывает свои мрачные переживания. Это он-то хотел священником быть? Ну какой же это пастырь? Унывает... А ты тоже нервная, это на тебя очень действует, это тебе бесполезно, и поэтому я бы не советовал тебе эту переписку продолжать.

Я стала спорить, хоть и жалобным тоном, что М. это будет больно, особенно теперь, когда он в таком унынии и лишился близких; что письмо такое, потому что он в таких обстоятельствах. Батюшка не возражал, а потом спросил:

– А ты ответ написала?

Я испугалась, что и мое письмо надо будет показать Батюшке.

– Нет.

– Ну, напиши.

Но после этого разговора я никак не могла написать. Как ни возьмусь за перо, ничего не выходит. На следующей исповеди говорю:

– Что-то не могу, Батюшка, написать ответа.

– Ну, и не надо, не пиши.

– Да я боюсь, что ему будет больно, что он будет беспокоиться, ведь он ничего о моих мыслях не знает.

– А разве некому еще писать? Ты говоришь, – твоя подруга пишет. Вот пускай она и пишет, а мы с тобой не будем.

– Батюшка, а можно попросить подругу написать, что вы мне запретили писать. Он поймет, потому что я ему писала, что это может быть.

– Ну, хорошо, пускай напишет.

Так и окончилась волновавшая меня переписка да и вообще все связанные с ней смущения. Я думаю, что это молитва Батюшки сделала, что я не могла написать письма и что вообще все это прошло безболезненно. Интересно, что этот человек так и не стал священником и вообще духовным отцом.

Было у меня при Батюшке и другое переживание этого рода. Опять Батюшка вел меня и оберегал.

Один раз папа привел к нам домой одного своего сотрудника, молодого человека. Как-то вышло, что он с первого раза многое нам о себе рассказал, а ему пришлось много перенести. Мне было жаль его и он мне понравился. Оказалось, что и он раньше меня видел и я однажды, не зная его, оказала ему какое-то внимание. «Вот тебе и жених», – сказал папа. Он и раньше в подобных случаях не раз так говаривал, но на этот раз это произвело на меня впечатление и немного вскружило голову. Я чувствовала, что и я тоже нравилась. Но все это меня испугало. Я старалась делать вид, что ничего не замечаю, но мне хотелось все разорвать, убежать от этих смущавших душу отношений. Я сказала об этом Батюшке.

– Ну, папа лучше нас с тобой знает.

Я не поняла Батюшку, не обратила внимания на его слова. Но он и в другой раз их повторил и добавил: «Нет, зачем же так? Не бегай. Будь с ним приветлива, вежлива, разговаривай. Но только ничего не думай и молись Матери Божией, Святителю Николаю и мученику Трифону, чтобы они устроили твою судьбу».

Через некоторое время пришлось помянуть о том же.

– А он с тобой говорил?

– Нет.

Батюшка на минуту задумался, а затем особенно крепко наказал мне не думать и не предполагать ничего, а только молиться, ничего не изменяя в своем поведении. «Только ты ничего не думай, а то ты себя доведешь до того, что не в силах будешь сдерживаться». Я молилась указанным Батюшкой угодникам, но это было как-то неопределенно, пока Батюшка не угадал мое недоумение и не написал мне в единственном полученном мною от него письме текст молитвы. Она мне очень помогала.

* * *

В 1922 году мои именины приходились под Троицын день. Мама моя напекла пирогов и вечером хотела справить мои именины. Между тем в те годы, когда я только подходила к Церкви, когда передо мной открывалась богатейшая сокровищница церковная, я и думать не могла не пойти ко всенощной и намеревалась исповедываться у Батюшки. Встала я в конец длиннейшей очереди к нему на исповедь и простояла в ней до конца службы. О.Сергий в середине всенощной сказал проповедь о значении Троицкой вечерни, о реальности приобщения к вечности через церковное богослужение, о ежегодном обновлении в Церкви, в каждом верующем благодати Святого Духа.

Ничего подобного я раньше никогда не слыхала, да и на душе был такой восторг, свет, какого я никогда не испытывала: казалось, что обновление благодати уже наступило.

Всенощная кончалась. Я уже почти потеряла надежду на исповедь. Очередь была еще большая, а с правой стороны все

подходили певчие в косынках... Но пришла, наконец, и моя очередь.

– Тебя как зовут? Елена? Ну что же у тебя?

Я покаялась во лжи.

– Ну зачем? Не надо лгать, Леля. А то вот скажут: «Вот Леля какая, – неправду говорит», – и никто верить не станет. Знаешь, какая должна быть девушка? Девушка должна быть чистая, как нежный цветок, в него ничто не должно попадать, ничто грязное не должно его касаться.

Батюшка так говорил, точно видел этот цветок, точно держал в руках что-то драгоценное и нежное. И я как бы увидела в темноте клироса сияющий белизной цветок, увидела, какова должна быть чистота, непорочность христианской души. А какова я?

– Тщеславие? Не надо тщеславиться! Чем нам гордиться? Ничего у нас нет, а если и есть что хорошее, так Господь дал. Надо все делать ради Господа. Не надо думать о чужом мнении. Один скажет так, другой иначе... Не надо об этом думать. Какое уж теперь общественное мнение! (Батюшка махнул рукой). Мне хочется, чтобы вы все у меня были чистые сердцем, простые.

– Болтаешь? Нельзя болтать, слышишь, Леля, нельзя, нельзя!

– А какая же мера должна быть в разговоре, Батюшка?

– Какая мера? Говорить только дело!

(В другой раз я жаловалась, что на работе ко мне относятся несерьезно, смеются надо мной, называют по имени. Батюшка посмеялся, погладил меня по голове: «А мы с тобой будем серьезнее, солиднее, не будем болтать, – тогда хоть «Леля» будет, а лучше тех, кого по имени и отчеству величают»).

– Батюшка, родители недовольны, что я слишком много хожу в церковь.

– А что – твои родители разве неверующие? Ходи, ходи на Маросейку. Маросейка тебя дурному не научит.

Я передала Батюшке, что моя мама хочет прийти к нему, поговорить обо мне.

– А как твою маму зовут? У меня была сегодня одна мама. Не твоя это?

– Нет, Батюшка.

Маме Батюшка велел приходить, желая и сам с нею поговорить. На прощанье я задала Батюшке вопрос:

– Батюшка, сегодня канун Великого праздника, и я собираюсь завтра приобщаться, а мама еще сегодня хочет праздновать мои именины...

К моему изумлению Батюшка велел мне послушаться:

– Ничего, ничего, справляй свои именины. Уж мама лучше знает!

После исповеди мне пришлось еще дожидаться подруг, исповедовавшихся на дому у о.Сергия, который в конце всенощной почувствовал себя нездоровым. Благодаря этому я была еще в храме, когда усталый-усталый Батюшка уходил оттуда в 12-м часу ночи. Народу уже мало оставалось. Благословляя нас, Батюшка сказал кому-то, глядя на меня: «А вот одна Елена у меня уже исповедалась».

Домой к нам мы пришли очень поздно. Мои родители не спали и у них сидела мать подруг моих. Нас стали бранить. Подруги мои расплакались, а у меня на душе точно броня была одета. Я не спорила с мамой, не возражала ей. Она бранит меня, а у меня на душе радость невозмутимая, и возражать ей я не могу, хоть и не было сознания вины. Наконец все успокоилось, все мы помирились и даже, присев на кровать к папе, я уговаривала его как-нибудь пойти со мною в Маросейскую церковь.

* * *

Раз Батюшка сказал мне, что ему больно, что я так плохо отношусь к моим родителям и при этом называл меня [на] «вы». Как стыдно было! Когда Батюшка умер, первой мыслью и чувством было сознание своей огромной вины перед ним: отдавали ему свои кресты, нагружали его, брали у него все силы, а сами – утешались, и только. Сознавалось это и раньше. «Батюшка, как ужасно виновата я перед Господом и перед вами!» С великой простотой и смирением ответил Батюшка: «Что ты? Что ты? Перед Господом, правда, виновата, а передо

мной несколько не виновата. Я ведь знаю, с кого что можно спросить», – и несколько раз повторил: «Сколько у меня вас таких перебывало».

Батюшка очень оберегал душу от уныния. Даже когда, бывало, начнешь очень винить себя, Батюшка утешает, что дело не так еще плохо: «Ишь ты какая, тебе хочется прямо на небо взлететь?» Я слышала раз, как Батюшка говорил одной сестре: «Что ты говоришь, что не исправляешься? – И исправлялась, и еще исправишься». Мне: «Ну какие у тебя грехи, у тебя грехи детские», а М.Т. сказал: «Ну какие это грехи: да мы с тобой безгрешные!» А в самую последнюю исповедь Батюшка сказал мне, смеясь: «Ты что же на себя наговариваешь, ты и вправду не могла ко мне прийти». – «Почему же, Батюшка?» – «Да ведь ты же именинница была!»

* * *

В Рождественский сочельник 1922 года я исповедывалась у Батюшки на квартире. Батюшка лежал на кровати. Во время исповеди я расплакалась и стала просить за это у Батюшки прощенья. – «Вот это и хорошо, что каешься со слезами», – сказал Батюшка (впрочем это были слезы не о грехах, а отчасти от стыда, отчасти от радости, которая охватывала душу при общении с Батюшкой). Я уткнулась носом в его постельку, а Батюшка долго-долго гладил меня по голове. Уходя, я все еще не могла унять слез своих, но стыдилась их и извинялась за них. «В чем простить-то? – спросил Батюшка. – Что ты? Что ты?» Но взглянув мне в лицо, Батюшка весело рассмеялся.

Редко я уходила от Батюшки не заплаканная. Батюшкино обращение не могло не размягчить души. Как начнешь каяться все в тех же грехах, которых столько раз обещалась не делать, а Батюшка станет вновь и вновь ласково увещевать, не знаешь, куда и деться. Он никогда не «пробирал», но как на Страшном Суде чувствовала я себя перед нашим кротким, смиренным и любящим Батюшкой, когда он иногда читал мне вслух мои письменные исповеди, а в особенности когда бывало скажет: «Зачем же ты это делаешь, ну послушай. Я краснею за тебя». Лучше хотелось провалиться сквозь землю, чем слушать огорченный его голос. Он болел за нас, он любил нас, хотел

видеть нас чистыми, угодными Богу. В этот момент казалось, что это тебя только он так любит, казалось всю жизнь и всех окружающих он рассматривает с точки зрения именно твоей пользы, только о тебе заботится. Но каждый из нас знал, что это не так, что точно также дороги и все. Это особенно чувствовалось, когда изредка нам случалось собраться вместе.

Придя к Рождественской заутрени, все мы были удивлены, услышав заупокойные напевы. Многие испугались – не Батюшка ли умер. Оказалось, что скончался перед самой заутреней любимый Батюшкой священник нашего храма – о.Лазарь. У него был порок сердца. Вечером этого дня мы собрались после молебна за чаем у Батюшки на квартире. Сестры спели заранее приготовленные «духовные стихи»: «Вечер морозен» (на смерть святителя Иоасафа⁷⁰), «Днесь родился наш Спаситель», «Господи помилуй, Господи прости...», «В неизвестности смиренно», «К Тебе, о Мати Пресвятая...» Квартира была набита народом. Батюшка стал говорить о смерти о.Лазаря, о том, что он был «спелой пшеницей», что Господь берет к Себе каждого человека в лучшую пору его жизни. Говорил об усердии о.Лазаря, превосходившем его физические силы: ему были вредны земные поклоны, но он не мог от них воздержаться. Вместе с тем Батюшка и сам прощался с нами, говорил, что он проводит с нами последнее Рождество, что и его отшествие недалеко, не более полгода. Слышать это было больно, но до конца это и не осознавалось, казалось невероятным. Слишком хорошо было на душе. Говорил еще тогда Батюшка о том, что не только каждому человеку, но и каждому народу дается Богом свой талант – и для России это – терпение и любовь.

Батюшка был грустен, но нам с ним было хорошо.

Когда после смерти Батюшки пели ему «вечную память», мне часто вспоминалось это последнее Рождество, а также последний день Батюшкиного Ангела. Очень рано перед ранней обедней Батюшка служил молебен. Батюшке пели многолетие, и он слабыми руками крестообразно осенял нас, – в первый раз – крестом, в другой – поднесенной ему тяжелой иконой Св.Алексия, Человека Божия, еле-еле ее подымая. Говоря с нами, он плакал. Глядя на него, у нас разрывалось сердце.

Батюшка говорил, что может быть в последний раз видит нас в этом храме, в последний раз проводит с нами день своего Ангела, говорил, как тяжело ему быть отделенным от нас, от народа; просил, чтобы и после его кончины мы не покидали храма, чтобы и после него этот храм, в котором Батюшка столько потрудился, остался местом утешения для всех, в него приходящих.

* * *

Я однажды с огорчением сказала Батюшке, что родители подходят часто к детям не с точки зрения пользы детей и наказывают их не потому, что дети этого заслужили, а срывают на них свое настроение: иной раз все, что угодно сойдет с рук, а иной раз под плохую руку и за пустяк попадет. Батюшка согласился со мной и рассказал, как пришла к нему одна женщина и жаловалась, что ее сын в нее ножом запустил, и так она этого мальчишку ругала. А Батюшка говорил, что она сама виновата, потому что и от нее он видел вечный гнев. Кажется и ножом-то в нее запустил, когда она с колотушками на него набросилась.

Вообще тема о воспитании была Батюшке близка, он на нее охотно отзывался и сам рассказывал случаи из жизни. Говорил об этом на проповедях.

По средам Батюшка, когда еще лучше себя чувствовал, имел обыкновение в храме рассказывать житие святого, чья память праздновалась утром. К сожалению, я была только на трех таких «средах». Первые две я помню лучше: о преп.Феодоре Сикеоте и о муч.Фомаиде. На третьей Батюшка освящал икону преп.Нила Столобенского, служил молебен и затем говорил о Преподобном, но я стояла далеко и плохо слышала.

Батюшка, рассказывая о святых, казалось воочию видел их чистые, стремящиеся к Богу души; казалось, что сами они присутствуют здесь. Батюшка вполне жил их жизнью и через свою любовь заставлял и нас переживать ее. Попутно он останавливался и на «случаях из своей практики». Эти двое святых, о которых я раньше ничего не знала, с тех пор стали близки, как бы лично знакомы.

Каждое житие Батюшка начинал с описания детства данного святого и на нем особенно останавливался, с любовью и умилением говоря о нем, как о собственных детях. Он говорил, как воспитывались эти святые, и вместе просил тех, у кого есть дети, бережно относиться к их душам и действовать на них хорошим примером. Вот Батюшка рассказывает, в какой обстановке воспитывалась св.мученица Фомаида, как была она чиста и целомудренна, – и рядом приводит примеры того огрубения, зверства, какие царят в наших семьях. Вот прибежала к Батюшке исповедываться девочка, у которой брат перерезал всю семью...

С умилением говорит Батюшка о детстве преп.Феодора Сикеота, – как подражал он подвигам жившего в их доме старца, вместе с ним молился и постился, и даже затворился в одной из дальних комнат дома от Крещения до Пасхи. И это – маленький мальчик, а мы, взрослые люди, даже самого малого не хотим сделать для Бога. Преподобный Феодор стремится на молитву, в церковь, убегает для этого тайком из училища днем, ночью встает, чтобы помолиться в храме св.Георгия Победоносца, а мать его удерживает, препятствует ему и наконец за волосы вытаскивает его из церкви, бьет его, привязывает к кровати... Батюшка говорит, что и теперь есть такие матери: только ребенок захочет в церковь ходить, его душа тянется к Богу, он к хорошему приучается, а мать не только сама не ходит, а еще и ребенка не пускает, чтобы он «без дела не шатался»... Но хотя мать преп.Феодора и плохо поступала, но все же в те дни души христианские были проще, чище и ближе к Богу, и явился ей св.великомученик Георгий и, устрашая ее, запретил ей препятствовать сыну в его добрых стремлениях. И растет, растет душа Преподобного, умножаются его подвиги, приближая его к Богу. Еще совсем юноша он, а по его молитве в засуху Господь посылает сильный дождь.

Говоря о детстве святых и о детях вообще. Батюшка сказал: «Вы посмотрите, как они спят: ручки у них подняты кверху, как на молитву воздетые. Это говорит о чистоте детской души, о ее близости к Богу. «А как мы спим? И руки у нас опущены, и сами мы все опущенные»...

Требую кротости и любви в отношении к родным, Батюшка вместе с тем не велел мне быть откровенной с одной моей очень близкой родственницей, потому что в недобрые минуты она иногда колола меня самым для меня дорогим: «Ну, тогда не надо быть откровенной!» Сказав это, Батюшка спохватился, что этого недостаточно: «Я вас очень прошу, не будьте с ней откровенны, очень прошу, а то еще хуже раскол будет между вами. А ведь она мне обещала что этого не будет!»

Был у меня недавно один ваш приват-доцент. Жена у него тоже нервная, больная, скрытная, – у них там неприятности... Он и пришел насчет нее поговорить, посоветоваться. Я ему тоже начал говорить, как к ней надо относиться, стал говорить о назначении воспитания, как иногда бывает, что люди становятся скрытными от той обстановки, в которой выросли, а потому посмотрел на него, – вижу он весь в слезах. Я его спрашиваю: «Что с вами?» Вижу человек такой серьезный, солидный – и плачет. А он мне и говорит: «Батюшка, да ведь это про меня говорите», – и начал рассказывать про свое детство, как у них в семье не было никому до него дела.

Батюшка еще раз попросил меня не быть с М. откровенной.

Предостерегал Батюшка и от откровенности с подругами, хотел познакомиться с последними.

Однажды, когда я каялась, что плохо отношусь к своим родителям, Батюшка вдруг сказал мне: «Ты сейчас старайся свой характер исправить, а то как замуж выйдешь, тогда уж не исправишься. Твои родители тебя любят, а ты вот помани мое слово: выйдешь замуж и будет у тебя свекровь злющая-презлющая, поедом тебя есть будет. Помани мое слово». – И засмеялся.

Безпокоясь о душе моего брата, Батюшка велел мне быть с ним все время, какое я бываю дома. Может быть внимание сестры окажет на него хорошее влияние. – «Батюшка, да я мало дома бываю». – «Ну что там – мало, сколько ни бываешь».

Я писала выше, что у меня было много занятий, и только два вечера в неделю свободных. Их велел мне Батюшка посвятить церкви. – «Батюшка, мама говорит, что лучше бы я эти вечера хозяйством занималась, чем в церковь ходить!» –

«Хозяйством? Ничего, ничего, у тебя ученье и служба. Где уж тебе еще дома помогать. Пускай сестра делает».

Раньше он мне говорил: «Ходи-ходи на Маросейку, Маросейка тебя дурному не научит. Скажи маме: я все для тебя сделаю, только пусти меня в церковь».

Батюшка был очень против лжи, но разрешал скрывать от домашних, что была в церкви, но это было ему тяжело и неприятно. Разрешал иногда пропускать службу ради экзаменов или усталости, но каждый раз надо было представлять свидетельство от врача.

Несмотря на то, что я была очень занята, Батюшка благословлял меня вести записи бесед о.Сергия, не позволял это оставлять, считая это для меня полезным.

– Батюшка, я невнимательна к папе. Надо бы его делами поинтересоваться, расспросить...

– Ну что ты в его делах понимаешь?

– Батюшка, можно ли молиться вместе с тетей?

– А вы с ней в хороших отношениях?

– Да.

– Ну, тогда можно, молись. Это хорошо.

В случаях ссор между домашними Батюшка не велел в них вмешиваться, не велел даже никого мирить, уговаривать, а лишь молиться потихоньку Божией Матери, чтобы Она Сама их умиротворила. Совет этот оказался очень хорош и действенен.

На Маросейке бывали по временам ночные службы, начинавшиеся в 10 часов вечера и продолжавшиеся часов до 5-ти, заканчивавшиеся ранней обедней. С непривычки были они очень утомительны, но много давали душе. Почему-то в первое время я испытывала на них сильную мысленную брань. На первой же такой службе напали на меня какие-то дурные мысли. Я совершенно изнемогала в борьбе с ними и, подойдя в конце службы к Батюшке под благословение, умоляла его: «Батюшка, помолитесь за меня». – «Хорошо, помолюсь. А как Ваше имя?». Батюшка ласково-ласково посмотрел на меня.

Потом Батюшка говорил мне: «Когда приходят тебе какие-либо дурные мысли, плотские, хульные, помыслы неверия, ты скажи им: “Я вам не сочувствую”, – и обратись к Господу:

“Иисусе Сладчайший, спаси мя!” или же к Царице Небесной: “Пресвятая Богородице, спаси мя”».

Как-то стала говорить, что иные помыслы как бы извне приходят, а другие внутри тебя рождаются, но Батюшка остановил меня и не велел в этом разбираться, а только давать им отпор:

– Ну что там «извне, изнутри». Скажи им: «Я вам не сочувствую».

В другой раз после ночной службы, в продолжении которой измучили меня помыслы неверия, под самый конец Литургии, когда уже о.Лазарь стоял в левом приделе с Чашей и дожидался тех, кто не успел еще исповедаться (а и после меня были еще исповедники), подбежала я к Батюшке, вся дрожа от охватившего меня смятения: «Батюшка, вера моя на волоске висит, все шатается». Батюшка взволновался: «Что ты, что ты! Успокойся, успокойся! Нельзя так! А ты скажи этим мыслям: «Я вам не сочувствую», – и помолись: «Верую, Господи, помози моему неверию», – и прочитай Иисусову молитву: «Иисусе Сладчайший»... или «Пресвятая Богородице, спаси мя». Читая отпущение грехов, Батюшка через епитрахиль крепко-крепко сжал мне голову.

После ночных служб бывали «агапы», то есть общие чаепития. Но собственно я была на одной из них – в день Ангела о.Сергия. Именинник пришел первый, до Батюшки и прочитал вслух слово Иоанна Златоуста о мученичестве, где говорилось, что каждый христианин должен быть готовым за Христа, когда Он того потребует, лить свою кровь как воду, но что не надо стремиться к мученичеству самовольно, так как это дерзость и может быть негодно Богу.

Затем пришел и Батюшка. О.Сергий рассказал ему о прочитанном, и просил сказать что-нибудь от себя о том же. Но видно было, что Батюшка был чем-то недоволен, потому что он буквально повторил за о.Сергием все его слова, как заученный урок, как будто не понимая этих слов и даже влагая в них какой-то иной смысл. «Ну а что же еще надо сказать?» – спросил Батюшка. О.Сергий смутился: «Да нет, Батюшка, я ничего не хочу. Я только хочу рассказать, о чем мы говорили, и прошу,

чтобы вы от себя что-нибудь по этому поводу прибавили». Но Батюшка перевел разговор на другое.

Кто-то говорил Батюшке, что все хорошо у него в церкви, только вот сестры, придя в храм, сразу начинают здороваться друг с другом, целоваться, разговаривать. Слова эти Батюшку очень огорчили. «В храме Божиим не должно быть никаких поцелуев и разговоров. Храм – земное небо, и придя в него, надо положить три поклона Господу, поклониться на обе стороны и идти на свое место. Я поручаю о.Сергию написать для вас об этом устав и дам ему в руки дубинку». Батюшка улыбнулся, а о.Сергий как будто слегка обиделся: «Что же это мне – дубинку?» – и куда-то ушел. Тут Батюшка стал еще проще говорить с сестрами, угощая то одну, то другую, а видно всем было радостно получить что-нибудь от него. Нельзя передать того счастья, которое заключалось в том, что мы были с Батюшкой и все вместе, казалось, самый воздух был напоен любовью и радостью.

Одна сестра (Шура бедовая⁷¹), не предупрежденная об агапе, опоздала и пришла, плача, с жалобой, что между сестрами нет любви и что будто нарочно ее не предупредили. С какою кротостью, с какою любовью начал Батюшка ее утешать: посадил ее рядом с собой, отдал ей свой стакан. «Ну, иди, садись. Вот мы с тобою вместе чай пить будем!» Долго она не унималась, а все-таки Батюшка умиротворил ее своей лаской.

Именинник скоро вернулся, но Батюшка до конца говорил все ему не в тон. Так о.Сергий что-то жаловался в шутку на М.Д.⁷², называя его (по куртке) «кожаным человеком», а Батюшка сказал: «Что же, кожаный человек – хороший человек!» Затем Мария⁷³ – говорила, что она душой разрывается между Маросейкой и Серафимо-Знаменским скитом⁷⁴ (где в это время жил ее духовный отец владыка Арсений⁷⁵): в скиту думает о Маросейке, а на Маросейке скучает по скиту. О.Сергий возразил ей, что надо поступать наоборот и думать о том месте, где находишься в данное время, а иначе это будет бесплодная мечтательность. Но Батюшка заметил на это тоном возражения: «Нет, мы с владыкой Арсением одного духа!»

Говорят, что с этого дня было введено пение тропаря преп.Сергию на Литургии и что Батюшка говорил о том, что теперь нас будут называть «Сергиевскими» и из нас выйдут люди на различное служение Церкви Божией, но я этого совершенно не помню.

Еще при Батюшке мне рассказывали сестры, что до моего прихода, когда Батюшка чувствовал себя лучше, он по понедельникам собирал у себя на квартире многих духовных детей – сестер и беседовал с ними. Сестры делали для Батюшки свои жизнеописания, а он частично читал их вслух всем собравшимся, конечно, не объявляя, чьи они, и приводя много и других примеров. Говорят, что эти чтения бывали очень плодотворны для слушавших, но слушать чтение своей тетрадки было иногда трудно. Одна сестра рассказывала, как, увидя свою рукопись в руках Батюшки, она забралась под стол, чтобы по ее лицу никто не догадался об авторе. Хотя «понедельники» кончились, но и мне захотелось, чтобы Батюшка узнал мою жизнь и я его об этом спросила. Батюшка позволил, но читать ее досталось уже о.Сергию.

* * *

Однажды сослуживица моя В.В.Р., певшая в хоре у Архангела Гавриила⁷⁶ в Телеграфном переулке, придя на работу, в присутствии третьей нашей сослуживицы, вылила на меня, со слов своего духовника П.П.П., целый ушат сплетен и клеветы на Батюшку. Говорилось, что Батюшка сам себя рекламирует, сам распускает слухи о своей прозорливости, будто бы нарочно выходит к ожидающему его народу и выкликает: «Эй, тульские, выходи, рязанские, выходи!», – чтобы произвести впечатление на толпу; что он подделывал какие-то исцеления и будто бы о.П. сам был в клинике, где это было подстроено; что Батюшка сам говорит о своей праведности и других в ней уверяет. Нельзя и повторить этого клубка сплетен. Все это было совершенно нелепо и ни в какой мере не вероятно для того, кто знал Батюшку. Возражать В.В. и обвинять ее духовника во лжи и пристрастии мне казалось нехорошо, но молчать было больно и на душе была буря, тем более, что третья сослуживица начала подливать масла в огонь. Не знаю,

как я работала в этот день. После работы я тоже не находила себе места и бродила по улице. Единственным желанием было повидать Батюшку. Без него я не знала, что делать и что говорить. Мне не приходило в голову, что это может быть неудобно, что я огорчу Батюшку, – он казался мне выше всего этого. Но Батюшка лежал больной, пускали к нему очень скупое, а я только накануне довольно продолжительно у него исповедывалась. Я решилась обратиться к о.Сергию и просить через него Батюшку назначить мне день и час разговора. Неожиданно Батюшка захотел меня принять сейчас же.

– Раздевайтесь и проходите, только не задерживайте Батюшку долго, он устал сегодня!

– Хорошо, мне только два слова сказать.

Но я растерялась, не ожидала попасть к Батюшке сразу, в таком смятении. Я не знала, что ему скажу.

По дороге от передней до Батюшкиной комнаты, Серафима Ильинична⁷⁷, зная, что накануне я исповедывалась, еще раз предупредила меня, что «Батюшку нельзя долго держать».

Войдя к Батюшке, я выпалила ему, что мне пришлось столкнуться с клеветой на него, и что, хоть я не верю ни единому слову, но не знаю, как надо отвечать на эту клевету. «Батюшка, вас называют прозорливым, а они говорят, что это все обман».

Больше ничего не могла я сказать, несмотря на все Батюшкины расспросы и уговоры. Он хотел успокоить меня, но и сам взволновался. Еще недавно перед тем о.П.П. виделся с о.Сергием, был любезен. О нем самом Батюшка отзывался без гнева, но как о человеке несерьезном, ищущем успеха. В 1905 г. он старался принять революционный тон, и с этой целью читал Богородичное Евангелие на молебне без положенного пропуска, чтобы подчеркнуть слова: «Низложи сильныя со престол...»

Я иду мимо и слышу: что это он читает? Спрашиваю:

– Что ты читаешь?

– А мне, – говорит, – это место нравится, я и прочел.

– Да, «нравится, нравится», а ведь это не положено.

Батюшка даже и Евангелие достал и показал мне положенную отступку.

– А ведь я с народом возился, со всеми этими курсистками и студентками, – прибавил Батюшка. – Они не понимают, что старцем не всякий может быть, что старческая работа не каждому годится. Они могут быть хорошими организаторами, говорить проповеди, но этого они не могут. Я знаю, что в Москве многие меня не любят, потому что завидуют, что ко мне народ идет. А теперь приходится самим советовать со мною, потому что они не знают, что делать с народом. Я вот раньше тоже беседы вел, служил, а теперь лежу, не могу в храме даже бывать, уже не придется мне беседы вести, а вот осталось у меня еще одно только дело – руководство, старчество.

О прозорливости же Батюшка так сказал:

– Я не прозорливый, а просто у меня большой опыт, потому что я всю мою жизнь с народом, и когда приходит ко мне человек, – сразу вижу, какой у него характер и что его беспокоит. Но у меня такая уж работа. Кто бы ни был на моем месте, хотя бы идиот какой, все равно он начал бы понимать. Ведь я почти сорок лет работаю так. Да если бы человеку и три года, и даже один год проработать, он и то уже будет иметь опыт.

Батюшка рассказал несколько случаев.

Однажды пришлось ему быть на одном торжественном заседании, кажется на открытии какого-то учебного заведения. Какой-то важный господин сделал доклад о воспитании. Все восхищались этим докладом, но Батюшке, как человеку опыта, многое показалось пустыми словами, многое было недодумано. Батюшка сделал несколько замечаний. Важному господину это не понравилось. Он презрительно, свысока посмотрел на Батюшку и сказал, что человек он занятой и не имеет возможности вести с Батюшкой разговора по этому поводу, но что он найдет для этого другое время и спросил Батюшкин адрес. Среди присутствовавших дам были Батюшкины духовные дочери, которые возразили, что и у Батюшки времени тоже очень мало. Тогда докладчик записал Батюшкин телефон. Но, конечно, позвонить он и не подумал. Между прочим, жена этого господина знала Батюшку, иногда у него бывала, советовалась с ним.

Прошло несколько месяцев. Однажды ночью Батюшку спешно вызвали в это семейство: сын их, почти мальчик, стрелялся. В доме была роскошь, богатая обстановка, но среди всего этого великолепия лежал раненный юноша, рассказавший Батюшке, что в семье он не знал ни любви, ни ласки; что родители в его воспитании почти не принимали участия, – рос он на руках наемных людей; отца видел лишь за обедом, раздражавшимся на домашних, делавшим замечания. Юноша говорил, обнявши Батюшку: «Зачем же вы до сих пор не приходили? Зачем же я не знал, что есть на земле такие люди?» – «А как мог я прийти раньше? – сказал Батюшка. – Они бы на меня собак спустили». Другой случай.

Батюшка поехал в Крым лечиться. Один раз, лежа на солнце на песке, случайно разговорился он с незнакомым господином, оказавшимся известным психиатром. Этот человек, пораженный знанием человеческой души, высказанным Батюшкой в нескольких замечаниях, недоумевал, откуда оно у него. Батюшка ответил, что он священник и приобрел их долгим опытом. Тогда психиатр стал уговаривать Батюшку начать с ним общее дело, т.е. открыть лечебницу для душевнобольных, в которой они вдвоем – Батюшка со своим опытом и психиатр со своими большими теоретическими знаниями – делали бы чудеса.

Больше я ничего не запомнила из слов Батюшки. Он разволновался и продержал меня у себя часа два. Несколько раз стучала и входила Серафима Ильинична, входил о.Сергий. При виде его я вскочила, но Батюшка удержал меня со словами: «Ничего, ничего, о.Сергий хороший человек».

Однако домашние Батюшки, долго не могли мне простить этого продолжительного разговора и попадать к нему мне стало труднее. Да и сама я боялась их, боялась идти на квартиру, а когда попадала к Батюшке, готова была вскочить от малейшего стука и убежать. Батюшка каждый раз удерживал меня, иной раз за руку, заставляя высказаться до конца: «Ишь ты какая у меня, Лелька, непослушная», – а на прощанье всегда говорил: «Приходи ко мне всегда, когда тебе нужно».

Когда бывало просишь Батюшку помолиться за кого-нибудь больного, он расспрашивал, что с ним. Видно было, что он жалеет этих чужих людей, которых совсем не знал, переживает за них, и охотно соглашается молиться. Вообще Батюшка почти никому не отказывал в помощи. О ком бы я его ни спросила: можно ли к нему прийти, – он всегда говорил: «Можно». Его мучило, когда к нему не пускали или прерывали беседу с ним.

Бывало иногдаходишь к нему, измученному и больному, и со страхом начинаешь извиняться, что пришла, он уже говорит: «Входи, входи. Мне теперь уже делать нечего. Я теперь человек не занятой». А иногда остановишься на пороге, не зная, куда идти, – вперед или назад, – такой измученный вид у Батюшки, лежит и от слабости не может приподняться, и все-таки говорит: «Входи», – и не отпускает, пока все не выложишь, а потом и он, и ты забываем про его усталость.

Как хорошо вспоминается это ожидание в темном коридоре перед дверью, пока к Батюшке будет можно. Как потомходишь, как в другой мир, в эту маленькую комнатку, наполненную каким-то особым, приятным запахом, и опускаешься на колени перед кроватью больного Батюшки, чтобы здесь получить и прощение грехов, и совет, и утешение, и ласку. Он, больной телом, отдавал нам силы свои, – и физические и духовные.

Однажды я спрашивала Батюшку по поручению моей подруги Жени, как ей быть: она постоянно смущается, что утомляет своего духовного отца (о.Сергия), и так уже больного, вопросами, которые со стороны иногда кажутся мелочными, а ее мучают. – «Этим смущаться нечего, – сказал Батюшка. – Что же здоровье? Здоровье ничего у него, а духовному отцу гораздо хуже, когда его не спрашивают. Скажи ей, чтобы она не стеснялась спрашивать, и если мучают, значит уже не мелочь».

Когда Батюшка был болен, одна его духовная дочь рассказала мне, что многие сестры читают за его здоровье акафисты и посоветовала то же сделать и мне. Я это исполнила. Когда Батюшке стало лучше, я исповедывалась у него на дому и, уже совсем прощаясь, сказала: «Батюшка, когда сказали, что вам плохо, я так испугалась, что уже стала

отчаиваться». Батюшка взглянул на меня весело-весело и ласково: «Спасибо тебе за твои молитвы обо мне!» Я очень смутилась: молилась-то я очень мало. – «Какие уж мои молитвы, Батюшка!» А он все: «Спасибо, спасибо», – пока я не вышла.

* * *

Раз пришла я к Батюшке и сидела в столовой вместе с Ольгой Петровной⁷⁸. В передней сидели две посторонние женщины, пришедшие к Батюшке на совет. В дверь кто-то постучался; женщины открыли, и вошедший стал о чем-то их расспрашивать. После нескольких вопросов, он стал кричать, ворвался в столовую, чем-то грозил. Оказалось, что это был «участковый». – «Вы опять народ принимаете, я вам запретил». Ему сказали, что женщины пришли исповедываться. «Какое – исповедываться? Они сами сказали, что одной надо корову продавать, другой дочь замуж выдавать!..» Вышел бледный и взволнованный о.Сергий, и еле уговорил участкового. Все домашние были крайне взволнованы, потеряли голову от испуга. Когда ушел участковый, я, хоть и сама перепуганная, все-таки пошла к Батюшке. Из всех он один остался спокоен, говорил со мною так же ласково и внимательно, как и всегда, только сама я поспешила уйти, а потом уже долго не могла попасть к нему. Он был, кажется, уже под домашним арестом, и попадать к нему было можно только тайком даже от о.Сергия.

Постом Батюшка читал мефимоны⁷⁹, читал так, что все, что было в сердце окамененного, растоплялось и плакало вместе с ним и с преподобным Андреем. После повечерия Батюшку увели, он никого не благословлял. Случилось, что я стояла на клиросе около исповедального аналая. Батюшка прошел почти вплотную ко мне, не благословив.

К концу службы я устала и хотела спать. Когда я потом каялась в этом, Батюшка спросил удивленно и улыбаясь: «Ты что же и за мефимонами спала?»

Когда в последнее время Батюшку провожали из церкви, он был особенно закутанный. Скуфеечка надвинута низко-низко, воротник рясы большой, и от всего Батюшки видны только седые вьющиеся волосы, борода, да острый, пронизательный,

да подчас любовный взор, да протягивается благословляющая рука, а ведь он такой маленький-маленький, и как-то его жалко.

Как я говорила, в последнюю зиму Батюшка бывал болен, и по этой и остальным причинам почти не бывал в церкви, да и к нему не пускали. Бывало стоишь на заднем крылечке церкви или сидишь у церковного колодца, и смотришь, смотришь на Батюшкино окошечко, – не покажется ли в нем хоть тень его, но и окно бывало завешено. Стоишь и думаешь: «Батюшка, помолитесь за меня!» Тяжкое это было время. Общие исповеди всегда были недостаточны, а больше ни у кого Батюшка не позволял мне исповедываться. Наконец мне удалось писать Батюшке свои исповеди, а он их заочно разрешал. На первую из них в ответ я получила его письмо, которое было мне как бы его завещанием на всю жизнь. К весне же удалось мне еще несколько раз повидать Батюшку.

Вот Батюшкино письмо: Добрая Леля!

В чем ты письменно покалась, я тебя разрешил и каяться вновь не следует, если к этому не возвращалась. Что касается описания твоей жизни, как делали М.А. и другие, то опиши.

Молись усердно и неопустительно. Не забывай, что ты находишься пред лицом Всеведущего Господа. Милосердый Господь тебя видимо оберегает и не посылает тебе особых испытаний. Поэтому благодари Его постоянно и будь спокойна, Он Милосердый, Одинаков всегда.

Вдумывайся во все. Старайся в жизни своей выявлять Христа Спасителя. Прежде чем что сделать или что сказать, подумай, как бы поступил или сказала в данном случае Сам И. [исус] Христос.

Относись ко всем внимательно и любовно, и будет хорошо.

Проверяй себя и найденное в себе нехорошее, греховное старайся на другой день не делать.

О твоём суеверии забудь: что говорили о тебе в институте, что ты приносишь всем тем, которые с тобою соприкасались, одно несчастье, и потом сама ты замечала, что, если что предположить, выходило наоборот, – больше не думай. Это все ложь и пустяки. Я тебе на исповеди говорил и вновь считаю долгом повторить: на будущее время ничего не предполагай, а

положись во всем на Твоего вселюбящего Небесного Отца и Матерь Божию. Призывай на помощь Святителя Николая, муч.Трифона, цар.Елену и св.Ангела-Хранителя твоего, и чаще зывай к Милосердому Творцу! И нашей общей Матери-Царице Небесной: «Вам поручаю свою жизнь и слезно молю: устройте мою жизнь, как будет вам благоугодно. Верю твердо, что вы исполните мою недостойную, грешную молитву, и поможете мне возрасти духовно в этой жизни и в будущей устройте лицезреть Небеснаго Царствия, где не будет ни печали, ни воздыхания, но жизнь безконечная». Благословение Господне да почиет над всеми вами. гр.А.

* * *

Однажды я пришла на исповедь к Батюшке с безконечным числом вопросов (больше двух десятков). Накопились они постепенно: одно никак не могла спросить, другое забывала и, наконец, попросила разрешение их записать. «Запиши, запиши», – сказал Батюшка. Вот я и написала их поразборчивее, – думала, что, может быть, отдам этот список Батюшке, а он потом ответит. Дело было под какой-то праздник. Поднялась я к Батюшке на солею, а там темно, одна лампочка горит. Я и говорю Батюшке: «Я записала свои вопросы, да темно и их много, может быть в другой раз?» – «Ничего, ничего, давай свои вопросы», – сказал Батюшка и куда-то ушел. Через минуту выходит из алтаря со свечкой, чтобы посветить мне. Я уж и не знаю, куда деваться: «Батюшка, простите, у меня очень много вопросов». Он посмотрел – у меня страниц шесть исписаны мелким почерком. – «Да, ты грамотная, грамотная, умеешь писать» (эти слова в продолжении исповеди он повторил несколько раз). Я начинаю читать и чувствую, что здесь все мелочи, а Батюшку целая очередь ждет, а я тут со своими вопросами, и оттого, что волнуюсь, дело идет еще медленнее.

– Надо ли креститься всякий раз, когда идешь мимо храма?

– А что же? Почему вы спрашиваете? Что всеобщее внимание на себя обращаете? – Батюшка остановился на минуточку. – Ну ничего, ничего, надо креститься.

– Батюшка, да когда пешком идешь еще ничего, а когда на трамвае едешь, то получается, что, не переставая, крестишься. Вот, например, в Охотном ряду, так там с трех сторон все церкви.

– А ты можешь так: Прасковее Пятнице и кн.Александру Невскому один крест положить: «Господи Иисусе Христе»... – Батюшка с благоговением положил на себе крестное знамение.

– Как читать молитвы (домашние) – вслух или про себя? – Как тебе лучше, так и читай, все равно... Как лучше чувствуешь.

– Я очень рассеиваюсь за Херувимской. Что бы здесь читать, чтобы лучше сосредоточиться?

– А какая здесь священническая молитва?.. – сказал Батюшка и остановился в нерешительности. – Читай вот что: «Помилуй мя Боже»...

– Сколько раз (в неделю) бывать в церкви и как часто причащаться?

– Я думаю – раз в неделю, думаю, что так... Самый тяжелый был последний вопрос:

– Батюшка, сейчас такое беспокойное время... Если что-нибудь с Вами случится, к кому идти?

Лицо Батюшки потемнело от печали и он, глядя в сторону, сказал:

– Ну, тогда к кому? – иди к о.Лазарю или к о.Сергию, – и ушел для возгласа в алтарь.

А вообще Батюшка не любил, чтобы я обращалась к кому-нибудь другому, и если это случалось по необходимости во время его пребывания в отпуске в Верее, он расспрашивал обо всем, что мне было сказано, одобряя или порицая сказанное. «У них, у молодых, свои методы», – говаривал при этом Батюшка! Я однажды просила его, чтобы он благословил меня на дружбу с кем-нибудь, потому что иной раз на душе тяжело, а попасть к самому Батюшке трудно. Батюшка как будто не понял вопроса и взволновался: «Что ты? Благословить тебя к кому-нибудь другому?»

На прощанье Батюшка еще раз назвал меня «грамотной». Спрашивала я Батюшку как-то о том, что мне делать во время предпричастных молитв, когда я не причащаюсь.

– Не знаю, что тебе и посоветовать... Ну что ж? Читать Иисусову молитву или размышление о содержании этих молитв? Да зачем же это тебе? Так когда же тебе приходится быть за обедней и не причащаться?

А я и не знала, что Батюшка видит, что я редко бываю за обедней. Когда я только начинала ходить на Маросейку, у меня была книга «Службы страстной недели», и я с ней часто становилась возле правого хора, чтобы следить за службой, которую тогда плохо знала. Одна из певчих затащила меня на клирос из-за этой книги, а я так там и осталась, пока регентша Маруся не спросила меня, кто меня благословил там стоять. Я пошла к Батюшке. Оказалось он уже обратил внимание на то, что я там стою: «А я-то смотрю: почему она там?» – но петь благословил.

Когда я с благословения Батюшки надела косынку, он не раз, видя меня в черной косынке, говорил: «Ах ты моя монашка! Теперь и до ушей никак не доберешься, выдрать нельзя!»

Не позволял мне Батюшка распорядиться моим жалованьем, но отдавать маме и тратить только с ее согласия. Даже когда раз я заплатила дороже за понадобившуюся мне для записок Триодь, он по миновании в ней надобности взял ее у меня и отдал деньги. Трудно мне было расстаться с этой книгой, но возражать я не смела. «Ведь тебе же она в самом деле не нужна, (т.е. нужна) только теперь, а потом я ее тебе устрою, у меня тут спрашивали. А ты уж от мамы (таких) секретов не имей».

* * *

– Батюшка, иной раз ловлю себя на том, что хороша особенно с вашими домашними, чтобы легче попасть к вам.

Батюшка улыбнулся: «А я хочу, чтобы вы были хороши не только с моими домашними, а ко всем относились ласково и любовно ради Господа».

* * *

Спросила как-то Батюшку о милостыне. Сначала он мне сказал:

– Подавай, когда есть с собою деньги. Подать милостыню наедине хорошо, а из тщеславия не нужно. А лучше выбрать

кого-нибудь одного, какого-нибудь человека, о котором наверняка знаешь, что он нуждается, и ему помогать. А то часто бывает, что нищие обманывают.

– Батюшка, а не лучше ли просто класть на тарелку для бедных?

– Можно и так.

* * *

У меня были знакомые старики – муж и жена, с которыми я когда-то познакомилась на лекциях во Дворце искусств. Она болела ревматизмом и подагрой, руки у нее были скрюченные, ноги не ходили, муж возил ее на колясочке. Потом и он заболел, они нуждались в помощи. Надо было помочь им продавать вещи. Хотя это были мои знакомые, но моя мать и сестра тоже у них бывали. Мне же Батюшка не велел к ним ходить: «Ну что ж, не ходи, ведь мама помогает. А что касается продажи вещей, то это не всякому можно, ты и не берись». Когда же Батюшка узнал, что эти люди считают для меня веру вредным увлечением и всячески стараются меня отвлечь от церкви, то и вовсе запретил к ним ходить.

* * *

Как-то мне неприятно было сказать неправду человеку, который ко мне относился хорошо. (Я пропускала работу из-за экзамена).

– Ну что там – в хороших отношениях? Не все ли равно – лгать. А грех твой я тебе разрешаю, – сказал Батюшка со властью, благословляя меня.

* * *

О прислуге: – Если медленно делает – ничего, только была бы честная. А то тут одни взяли прислугу и не могли нахвалиться: «Дуня, Дуня», – дело в руках горит. А ушли все и вдруг приходят – квартира обокрадена. Дуня и воров привела. Вот какой народ теперь!

* * *

– У тебя есть мое правило? Ну как оно тебе (нравится)? Я вот тут дал одной учительнице, она мне сказала, что оно ей очень помогло. (Речь шла о «Кратком правиле благочестивой жизни», которое называлось у нас «Батюшкиным» и было взято

им из книги еп.Платона Костромского «Напоминание священнику о его обязанностях». Еще была в употреблении, с благословения Батюшки, «Исповедь внутреннего человека», принадлежащая кому-то из Оптиных старцев).

* * *

Один раз на исповеди я засмеялась по какому-то поводу, – что-то в Батюшкиных словах показалось мне шуткой. Никогда не забуду той грозной синей искры, которая как молния блеснула в Батюшкиных очах.

* * *

«К Святой Чаше надо подходить со вниманием и благоговением».

Когда бывало подходишь приобщаться, то на словах «приобщается раба Божия девица Елена во оставление грехов ея и в жизнь вечную» голос Батюшки приобретал какую-то особенную мягкость, выражая особый мир и любовь.

* * *

Раз я должна была причащаться, а накануне у меня поднялась тошнота. Батюшка обезспокоился, велел на ночь положить на желудок грелку; причащаться же разрешил с условием часа на два после причастия воздержаться от пищи.

* * *

Однажды пришло мне на ум, что надо бы читать правило перед исповедью, как это бывает в других церквях. Когда я входила к Батюшке, он вдруг начал читать молитву: «Се, чадо, Христос невидимо стоит»..., чего раньше никогда не делал. Когда же я после исповеди высказала ему свои мысли о правиле и о том, что его нет на Маросейке, Батюшка сказал: «Какое тебе еще правило?»

– Да вот раньше читали акафисты Божией Матери, Спасителю...

– Какое тебе еще правило? Вот я тебе правило прочел, когда ты взошла.

* * *

Ревниво относился Батюшка к чтению в храме вечерних и утренних молитв. Я спросила: нужно ли читать вечерние молитвы после того, как их выслушаешь в храме?

– Нет, не нужно, они для того и читаются.
– А если невнимательно слушаешь?
– Да что же, всего ведь десять минут.
– Дома легче быть внимательной, здесь ногами шаркают, подходя под благословение, не дают слушать.

Но выражение лица Батюшки говорило, что все же как ни хорошо молиться дома, а в храме лучше. (Только после исповеди, если придется дома поест, указывал Батюшка вечернее правило читать снова).

* * *

Не позволил мне Батюшка ухаживать за одной близкой душевнобольной, говоря, что мне это вредно, так как я сама нервная.

* * *

Одна приятельница на работе заставила меня насильно за себя дежурить, говоря: «Ты христианка, и потому должна делать все, что тебя ни попросят». Я сказала Батюшке. Он рассердился:

– Не надо давать наступать себе на ноги. Ты ей скажи: зачем ты мне про это говоришь? Какое кому дело до этого? Ведь я не лезу и не говорю о том, что у тебя на душе?

Меняться дежурствами Батюшка не велел, а если будут настаивать, то сказать: «Не могу, я не здорова и мама у меня нездорова».

* * *

Когда хоронили сестру Лизу, Батюшка очень тепло говорил о ней, в особенности о том, какая она была кроткая и как огорчалась болтовней сестер в храме.

* * *

Когда я начала читать Иоанна Лествичника, Батюшка не позволил, а велел перечитывать и конспектировать авву Дорофея:

– Ты думаешь: прочтала и ладно, и все. А надо делами читать. Еще и еще перечитывать. А то – прочла и ничего не осталось.

* * *

– Без помыслов молитва может быть только у Ангелов. Ты, может быть, устала. Ты все нервничаешь, это тебе и в молитве и во всем мешает. И в работе ты будь спокойнее.

* * *

– Церковь не кооперация, как некоторые говорят, не отдельные зерна, а одна душа.

* * *

– Святые, когда приближаются к Богу, начинают лучше видеть свои грехи.

* * *

Вспоминается, как при мне приводили к Батюшке прощаться на ночь его внучат: Зою, Ирочку и Алешу⁸⁰, в одних рубашечках. Они складывали ручки под благословление, а Батюшка за хорошее поведение давал им по кусочку шоколаду. Дети относились к нему с благоговением, а в глазах Батюшки, когда он их благословлял и трепал по щечкам, светилась любовь, в особенности во взгляде на Алешу. Алеша, когда был маленький, был очень схож с Батюшкой. Это особенно поразило меня, когда на Рождестве Батюшка вывел его в столовую за ручку.

* * *

Помню я подходила исповедываться, а о.Сергий вышел из алтаря что-то спросить Батюшку. Как сейчас вижу Батюшку, смотрящего на него с улыбкой, с любовью, с радостью о том, что у него такой сын. Нельзя по-иному сказать, что глаза его «светились» этими чувствами.

* * *

Какая живость была у Батюшке – и дома, и в служении в храме.

То, что давал Батюшка душе, заключалось не только в советах его, не только в словах, но во всем его существе, в его виде, в голосе, в движениях, в его ласке, в том, что он иногда похлопает по щеке или потреплет за уши. «Ишь какие они у меня стали, до ушей не доберешься!» (под косынкой). Бывало рассказываешь что-либо Батюшке, а он сидит против тебя, засунув руки за пояс и или улыбается, или слушает серьезно, немного наклонив голову, и вдруг перебьет, смеясь: «Послушай,

Лелька, я что тебе говорю!» Или полулежит на кровати, опершись локтем на подушку и потом встрепетается: «А я что говорю? Надо быть хорошей с мамой, кроткой, не дерзить!» Или: «На службе надо быть серьезной, солидно себя держать», или: «А я говорю: не надо болтать, слышишь, Лелька? Нельзя болтать!» А сколько раз бывало Батюшка благословит, пока с ним разговариваешь: что ни скажет сделать, тут же и благословит, и не один раз, даже рука не поспевает сложиться для благословения.

А когда делаешь что-нибудь, как Батюшка велел, как же он рад! А сколько раз скажет: «Ну, Леля, будешь хорошей? Обещай мне, что будешь хорошей! Обещай, что не будешь делать (того-то и того-то)». И не перестанет спрашивать, пока не обещаешь. И потом, когда сделаешь дурное, вдвойне совесть мучает: обещание Батюшке нарушила, а иногда и удержишься от греха.

* * *

Батюшка не боялся сказать, если ты в чем была права против другого, – все бывало рассудит по справедливости, и это его свойство как-то ободряло.

* * *

– От дурных разговоров не будет ничего хорошего.

* * *

Когда на службе не было работы, Батюшка не позволял заниматься чтением.

– Недавно была у меня одна. Ее сократили за то, что она, когда мало было работы, романы читала, а какое-то ее начальство подсмотрело, чем это она занимается, и ничего ей не сказали. А потом, когда она стала расспрашивать, за что ее увольняют, ей и говорят: «Вы вот тем-то и тем-то на службе занимаетесь».

* * *

Раз я спросила Батюшку о светских книгах, читать ли их.

– Не надо, не читай, – ответил он мне.

Но папе моему это не нравилось, и он то и дело давал мне что-нибудь прочитать, сердился, когда я отказывалась.

– Ну, если папа дает, – сказал Батюшка, – бери и читай. А если увидишь, что книга не совсем хорошая, потом ее отложи.

В другой раз, когда о том же зашел разговор, Батюшка сказал:

– А ты смотри, как на тебя книга действует и сообразно с этим поступай.

– Батюшка, часто будто и не плохая книга, а потом чувствуешь, что внимательно молиться после нее трудно.

– Ну, тогда и не читай.

* * *

– Как часто читать Иисусову молитву? Некоторые читают постоянно, все время...

– Ну что ты, постоянно... Иисусову молитву надо читать, чтобы все время помнить о Боге, – вот для чего это нужно!

* * *

Рассказал мне Батюшка, что тот священник, который клеветал на него (через свою духовную дочь, мою сослуживицу) приходил к нему за советом, убитый горем и тревогой, потому что не под силу взял на себя исповедничество.

* * *

Я как-то спросила, можно ли для записи бесед брать на работе бумагу. Батюшка посмеялся:

– Да, кажется, это у вас за обыкновение считается. Мне тут одна прислала письмо, а на конверте полностью штемпель учреждения. И у вас тоже так? Ну уж ладно!

* * *

В молитве, которую дал мне Батюшка в своем письме, присланном за два месяца до смерти, кажется мне, отразилось предчувствие или предвидение им своей кончины, о которой он начал нам говорить за полгода, начиная со дня смерти о.Лазаря. Говорил он об этом всем нам и в день своих именин. А на Пасхе, когда на второй день рано утром мы пришли к нему на квартиру христосоваться, он, давая мне иконочку Казанской Божией Матери, сказал: «Ну, теперь исповедывайся у о.Сергия» (что раньше запрещал), – и в этот раз я более всего поняла, что это прощание, что скоро его не будет, и особенно больно это пережила. После этого я еще несколько раз у Батюшки исповедывалась.

Это было весной. Накануне я была у подруги (Тани К.⁸¹) в санатории. Там собирали мы с ней первые фиалки. Я отнесла их Батюшке на квартиру, а он через Серафиму Ильиничну⁸² велел мне зайти к нему на другой день. Пришлось выбрать время, когда о.Сергий служил в храме, так как он мог быть недоволен, что Батюшка больной (и подарестный) меня примет. Батюшка встретил меня ласково. Его маленькая комнатка была залита солнышком. Батюшка был в белом и не лежал на кровати. Каким-то детским жестом он усадил меня на кресло, достал мою последнюю исповедь, начал читать ее вслух и попутно отвечать на мои мелочные вопросы. Спросил и о сослуживце моем и папином, совсем ли он уехал или только в командировку, и одобрил, что я читаю его молитву и что эта молитва успокаивает мое сердце. «А, молишься? Хорошо!» Встав, чтобы благословить меня, когда я собралась уходить, Батюшка уронил баночку с цветами. Я подняла ее, она не разбилась. «Вот какие чудеса у нас делаются», – пошутил Батюшка. Прощаясь, я опустила голову. Батюшка гладил меня по голове, потом поцеловал в щеку. Затем несколько раз благословил меня и сказал, чтобы я занималась английским.

В одно из последних посещений Батюшка, как обычно, стал говорить мне, чтобы я всегда приходила к нему, когда мне нужно, но, не окончив фразы, вдруг замолчал.

* * *

В день отъезда Батюшки в Верею в 1923 г. я была за обедней и приобщалась Св.Тайн, а исповедывалась накануне у него на квартире. Вообще в последние дни перед отъездом я как-то часто видела Батюшку. Удалось еще раз привести к Батюшке мою маму, хотя это стоило мне многих хлопот. Она исповедывалась, но потом оказалось, что Батюшка говорил с ней почти исключительно обо мне. Еще сказал про папу, которого в жизни не видел, что он у него все время перед глазами.

Обедня служилась в левом пределе. По окончании ее Батюшка вышел служить молебен перед Феодоровской иконой Божией Матери. Как сейчас вижу Батюшку такого маленького-маленького, стоящего на коленях и читающего любимую им

молитву Божией Матери: «Кому возопию, Владычице?» – и целиком углубившегося в молитву. Помню, мне стало его как-то особенно жалко, сердце защемило.

Когда все уже кончилось, Батюшка дал крест, а потом стал благословлять всех, раздавая при этом бумажные иконочки. Я не спешила подходить, хотелось подольше глядеть на Батюшку и слушать, что он кому скажет. Помню, что Батюшка радовался на Веру с Лизой⁸³: «Вот у меня теперь два своих доктора». Наконец, подошла и я к нему: «А, Леля!» Порывшись несколько в пачке иконок, которую держал в руках, Батюшка вынул оттуда иконку Святителя Николая: «Ну, Леля, поручаю тебя Святителю Николаю». Батюшка благословил меня иконкой и протянул ее мне, я приложилась к ней и хотела взять ее, но Батюшка не отдал, а благословил меня вторично со словами: «Ну, Леля, будь хорошей, будь твердой!» – и дал мне поцеловать свою руку, после чего отдал иконку. Я не поняла его последних слов, но задумалась над ними.

Вскоре подошел взволнованный о.Сергий и увел Батюшку. Батюшку живым я уже более не видела.

После его отъезда у меня стало почему-то страшно тяжело на душе, совершенно безотчетно. Я не находила себе места. Наконец решила написать Батюшке. Это было поздно вечером 8/21 июня. Я достала его карточку и прочитала его письмо, стала писать. Я как будто была опять с Батюшкой, переживала ту же необычайную радость, плакала и молилась. С тем и уснула, не совсем dokonчив письмо.

На другой день письмо было закончено, я должна была его отправить с оказией, но вместо того узнала, что Батюшка умер накануне, примерно в те часы, когда я ему писала.

Первую весть об этом я получила от Ольги Ал. О.⁸⁴ С нею мы пошли в храм, а затем поехали к матушке⁸⁵ в «Листвяны» на дачу, чтобы не оставлять ее одну. Она поделилась с нами многим из жизни с Батюшкой.

На похоронах я почему-то не пошла в хор, а осталась стоять в цепи, окружавшей Батюшкин гроб в церкви, рядом с Наташей Л.⁸⁶, которую знала совсем мало, – только однажды Батюшка послал меня сказать ей, чтобы она к нему пришла. Но

теперь мы чувствовали себя совсем близкими, и Господь судил нам и потом в жизни встретиться в тяжелые годы.

Помню впечатление от надгробного слова Батюшки. Каждое слово вспоминалось как самая настоящая правда, не было никаких сомнений и смущений. Все, что там говорилось о Батюшке, было правдой, и вместе с тем слово звучало как его собственное. То, что написал потом о.Павел, было очень умно и, может, кому-то нужно, но тогда только чувствовалось, что мы слышим последнюю Батюшкину речь, обращенную к нам, и душа вся открывалась навстречу ему, плакала и радовалась. Вообще около гроба Батюшки все чувствовали светлую радость. Сестры даже просили разрешения за причастным петь «Пасху».

* * *

Горе, огромное горе, но и необъяснимую радость переживали мы на батюшкиных похоронах. Это переживание точно еще больше сплотило нас друг с другом и с о.Сергием в единую и горячо любимую семью.

На о.Сергия свалилось бремя, превышающее человеческие силы. Что было ему делать? Принять на себя, на свои плечи всю духовную семью Батюшки – как же это можно? Ведь Батюшка имел силы, превышающие силы обыкновенного человека, он имел любовь Божию, он видел душу человека и знал, как надо ее вести к Богу. Что же тут было делать молодому и еще неопытному священнику? Но ведь мы любили Маросейку всей душой, любили Батюшкин храм, любили нашу семью, видели в о.Сергии Батюшкиного сына, были напитаны через него святоотеческим учением. Мы не могли никуда уйти. Не мог же и о.Сергий прогнать нас – ведь мы тоже были ему родными.

Протоиерей Сергей Мечев

Но вот случилось нечто, что как будто положило конец всем раздумьям: еще на половине Батюшкиного сорокоуста о.Сергия арестовали. Это показалось ему ответом на его недоумение, на его молитву: значит Господь снимает с него непосильный крест. В ночь, кажется, под сороковой со смерти Батюшки день о.Сергий в тюрьме очень близко почувствовал присутствие Батюшки. Он не видел Батюшку, но всем существом ощутил,

что Батюшка приласкал его, как бывало в детстве, когда, уходя из дома рано утром, он подходил к спящему сыну, крестил его и совал ему под подушку яблоко или пряник. Очнувшись, о.Сергий долго чувствовал светлую радость. Он подумал, что его сегодня вероятно выпустят на свободу и что это будет знаком того, что он должен взять на себя Маросейку. Но день прошел, ничего не случилось. Освободили о.Сергия только месяца через полтора в день памяти преп.Феодосия Тотемского и в то же время день рождения его покойной матери. Из Бутырок о.Сергий поехал прямо на Лазаревское кладбище, на могилу родителей (где его встретил К.⁸⁷, бывавший там почти ежедневно). Домой он ехал с чувством, что хоть его и освободили, но что теперь все равно с Маросейкой все покончено – ведь в тот решительный Батюшкин день он не был освобожден. Дома дверь открыла ему его тетка – Ольга Петровна, среди первых восклицаний радости напомнившая ему, какой это был день, дорогой для Батюшки. На душе у о.Сергия все переменялось, – его освободили все-таки в «Батюшкин» день (и в день чтимого на Маросейке святого), и этим Господь говорил ему, что он должен принять Батюшкино наследство.

Наследство это было нелегкое. Уходить никто не хотел, но и не понимали мы, что нельзя требовать от о.Сергия того же, что давал Батюшка; что он располагает в основном только естественными человеческими силами; что там, где Батюшке довольно было одного взгляда, о.Сергию нужны были все усилия ума, все напряжение молитвы. А молиться было некогда: за Всенощной, за Литургией шли исповедники, дома всегда был народ, так что некогда было даже изредка выспаться, поесть не на ходу. Наконец, хотя о.Сергий был Батюшкин сын и стремился каждого вести по намеченному Батюшкой пути, но ведь все-таки сам-то о.Сергий был другой человек и у него были «свои методы» (по выражению Батюшки)⁸⁸. А духовные дети приходили со своими требованиями, со своими обидами, с ревностью друг к другу за то, что другим уделяется времени больше и т.п.

Надо сказать, что и мы были в тяжелом положении. Нас научили тому, что надо проверять свою совесть, подробно исповедываться, что все надо делать с благословения, обо всем спрашивать, – это была, казалось, наша обязанность перед Богом, – а получалось, что вопросы, связанные с ежедневной жизнью и требовавшие немедленного разрешения, накапливались и носились в душе неделями и даже месяцами. Это создавало угнетенное состояние. Получалось: «Хочу проступить как надо, а это обертывается виной». Не хватало разума найти правильный выход, выход в молитву, к Богу, Который все знает и все может устроить, а терпенья не хватало, душа разрывалась. Это было действительно очень тяжело и безвыходно. Конечно, это не всегда бывало так. Если удавалось добиться беседы, она давала большое удовлетворение. Советы о.Сергия были очень мудры не только с духовной, но и с житейской стороны. Всегда старался он найти «меру» данного человека, и я не помню случая, когда бы я ушла от него с неудовлетворенной совестью. Совесть о.Сергий придавал огромное значение, требовал от духовных детей, как и от себя, крайней честности, искренности, правды. Говорил, что если рассудок и совесть вступают в конфликт, надо предпочесть глас совести.

Вместе с тем о.Сергий старался дать каждому указания в соответствии с физическими силами и духовной мерой каждого. Понятие «о мере» он сообщил нам еще в первых своих беседах. Многим, имевшим слабое здоровье, он разрешал посты, вернее не разрешал поститься физически, но, по Батюшкиному выражению, указывал «усилить духовный пост», т.е. усилить внимание к своей душе и своему поведению, к молитве. Как и Батюшка, о.Сергий позволял нам часто причащаться в положенные сроки, как правило. «Не ждите для этого особого настроения или благоприятных условий, но приходите к Господу всегда из того состояния, в каком вы находитесь, преодолевая трудности». Так же, как и Батюшка, о.Сергий требовал не большого правила, но постоянного и неотменного. В крайнем случае, если проспийшь, можно было читать краткое «правило преп.Серафима»⁸⁹ или, уж в самом крайнем случае, положить

три поклона Спасителю. Помню еще, что о.Сергий советовал вечернее правило не откладывать до позднего часа, когда человек уже валится от усталости, но читать его заранее, часов в 7 вечера, когда голова еще свежа, и еще можно понудить ум войти в слова молитвы. Говорил, что молитва должна быть делом не настроения, а подвига. Настаивал на «правиле» и в отношении отдыха, т.е. чтобы регулярно каждый день отдыхали днем после работы хотя бы в течение 40–60 мин. (не более), а ночью тоже спали положенное время: 6, 7 или 8 часов.

По-прежнему необыкновенно содержательны были проповеди о.Сергия. Каждая из них давала что-то новое для духовной жизни и для понимания церковного и церковности. Время от времени о.Сергий собирал нас в храме во внебогослужбное время, читал нам (помню: жизнеописание митрополита Киевского Филарета⁹⁰, [преп.] Паисия Афонского⁹¹ и даже выдержки из Тома Сойера) или беседовал с нами. Он часто старался дать нам понять, каким путем он сам хочет идти и каким призывает идти и нас. Он не раз говорил, что путь, нужный его душе, это не путь [преп.] Исаака Сирина⁹², не путь обличения других, но путь [преп.] Пимена Великого⁹³, который находил нужным успокоить заснувшего на бдении брата и положить его голову на колена свои, – лишь бы не осудить, не обличить и таким образом не войти в грех самому. О.Сергий предупреждал нас, что если мы не захотим работать на этом пути, то, может быть, настанет время, когда мы с ним перестанем понимать друг друга. О.Сергий не только руководствовался примером преп.Пимена, но и молился ему и ввел пение припева ему при окончании вечернего богослужения после тропаря Божией Матери «Под Твою милость», наряду с припевами другим, почитавшимся на Маросейке угодниками (свт. Николаю и Алексею, препп. Сергию, Серафиму, Феодосию, Алексею, человеку Божию и впоследствии – [преп.] Феодору Студиту). Вообще о.Сергий считал, что в отношениях с духовными детьми ему нужно исходить из потребности своей внутренней жизни. Я никогда не забуду, как однажды видела, что о.Сергий поклонился в ноги одной из наших капризниц, прося прощения. А ведь о.Сергий был

человек очень горячий, вспыльчивый. Многие, может быть, и не понимали его труда над собой, – кто злоупотреблял этим, а кто и осуждал его, считая, что надо бы выказать строгость.

Характерным для о.Сергия было отношение к своим духовным детям, как к младшим друзьям. Наиболее выдающиеся из них по духовному росту, по уму и сердцу, по доброй воле, по преданности Господу и семье были его более близкими друзьями, но ко всей пастве в целом он относился так же. Сознавая свою недостаточность заменить Батюшку, он хотел идти к Богу вместе с духовными детьми, находил нужным открывать им основы своего личного пути даже как бы советоваться с ними. Старался делиться с нами тем, что было ему дорого, раскрывал в проповедях то, что особенно трогало его при чтении Свв.Отцов. Непонятно, когда он мог читать и готовиться к проповедям. Внешне его проповеди часто были не отделаны, но в них всегда была новая, живая мысль. Часто, слушая его слово, человек чувствовал, как будто это говорится лично для него.

О.Сергий любил «красоту церковную» во всех ее проявлениях. Любил и понимал древнюю иконопись и старался и нас просветить в этом отношении: объяснял сам, посылал нас на выставки и на лекции о древней иконе, которые в то время читались Грабарем, Анисимовым⁹⁴ и др., даже практически организовал обучение иконописи сначала М.Н.⁹⁵, а потом и некоторых других.

Любил о.Сергий и красивые старинные облачения, хотя в будни больше всего служил в легких холщевых⁹⁶.

Не признавал о.Сергий так называемого «нотного» пения за богослужением, говорил, что оно затягивает и обезличивает богослужение, мешает молиться, развлекает «оперными», страстными мотивами, изобретенными зачастую неверующими композиторами. На Маросейке было пение простое: на гласы и на старинные напевы (Херувимская песнь, Симоновская, Скитская, Софрониевская и т.п.); затем в последние годы стало вводиться пение стихир на подобны Оптинского распева⁹⁷.

Интерьер храма Свт.Николая в Кленниках

О.Сергий всячески заботился о благолепии храма. Старинные иконы были при нем промыты и реставрированы, защищены стеклами. Была написана икона четырех преподобных: Пимена Великого, Арсения Великого, Макария Великого и Антония Великого⁹⁸. Только на Светлой неделе все стекла снимались, а храм убирался гирляндами искусственных цветов, очень хорошо сделанных руками сестер. В таком виде храм снимали⁹⁹. Вид его был очень праздничный.

В последние годы о.Сергий взялся за реставрацию нижнего этажа храма. Оттуда были выселены жильцы, была восстановлена опытными мастерами древняя архитектура здания, откопаны ушедшие в землю нижние ряды каменной кладки, восстановлены старинные окна, наличники. О.Сергий собрал много старинных икон и в части первого (полуподвального) этажа устроил как бы храм-музей, воссоздававший обстановку древне-русского храма¹⁰⁰. Там был старинный иконостас с деревянными царскими вратами, престол и проч. Когда-то и был в этом первом этаже храм во имя прп.Симеона Дивногольца¹⁰¹. Он существовал еще чуть ли не во времена Грозного¹⁰². (Кажется он упоминается в житии Василия Блаженного¹⁰³ – Никола-Кленники, а название Кленники происходит от кленовой рощи, которая была вокруг него¹⁰⁴). Устраивая храм-музей, о.Сергий, может быть, думал спасти этим верхний храм от закрытия, но это не помогло и все впоследствии было разрушено. Но в другом отношении этот нижний храм пригодился о.Сергию. Он освятил его малым освящением и совершал там с кем-нибудь из певчих по очереди тихие вечерние богослужения. Там он мог иногда избавиться от приема людей, сосредоточиться, отдохнуть душой в молитве.

Там же бывали у нас спевки и совершались общие исповеди сестер перед ранней обедней в большие праздники.

Богослужение не было растянутым, но по возможности полным. «Не по-монастырски служим, а так, как полагается по богослужебным книгам», – говорил о.Сергий. Пение с канонархом помогало лучше понимать стихиры и глубже их чувствовать. Но вообще о маросейском богослужении можно было бы написать много, и все равно не передашь того, что оно

давало. Достаточно сказать, что в праздники маленький храм был битком набит народом, было жарко, не хватало воздуха, но люди не уходили, а стояли и молились до самого конца, потому что радость молитвы все преодолевала. Каждый чувствовал, что здесь не просто пели и читали или вычитывали положенное, но что здесь жили богослужением, воспитывались на нем. Конечно, в основе лежала молитва Батюшки отца Алексея, но и горячая любовь и проникновенное понимание красоты церковной о.Сергием довершали чудное здание. Не хватает слов для благодарности Богу и отцам нашим, которые так много нам дали. И сейчас при одном воспоминании душа горит.

О.Сергий любил богослужение, понимал его красоту, его вечное значение – и старался и нас приобщить к этой своей любви и пониманию. Когда он служил, то уже, входя в храм, в самом низу лестницы (храм был на втором этаже) можно было почувствовать, что служит он: так торжественно и проникновенно было и праздничное и будничное богослужение; чтение было особенно внятным, пение – более стройным. (О.Сергий и сам хорошо пел). Все подтягивались, и вместе с тем души молящихся влеклись к Богу через молитву служащего, становились благоговейными через его благоговение. Одной из любимых мыслей о.Сергия была мысль о приобщении через богослужение к вечной жизни; о том, что служба праздника не есть воспоминание, но как бы окно в вечность, что оно есть самое празднуемое событие, в котором могут участвовать, в меру своего духовного возраста, верующие всех времен.

В связи с таким пониманием богослужения стояло и отношение о.Сергия к церковному календарю. Он считал не случайной и не условной связь между празднуемыми событиями [и] теми сроками, которые были установлены для них Православною Церковью¹⁰⁵. Богослужение связано не только с вечностью, но и с жизнью мира¹⁰⁶; вся тварь участвует в нем, но приносится оно тварью через высшую ее точку, через венец творения – через человека, через Церковное богослужение. Во всяком случае только вся Православная Церковь в целом, а не одна какая-либо поместная могла решить вопрос о календаре. Вся Церковь в целом должна

одновременно и согласно участвовать в вечных событиях нашего спасения. (Да и с технической стороны вопрос этот более сложен, чем кажется с первого раза, так как на протяжении двух тысяч лет памяти более ранних святых меньше отставали от григорианского календаря, чем более поздние и т.д., а кроме того и «новый» стиль в конце концов не идеально точен с точки зрения астрономии)¹⁰⁷.

О.Сергий рассказывал, как он, смущенный вестью, что Русская Церковь изолированно перейдет на гражданский календарь¹⁰⁸ прибежал к Святейшему Патриарху Тихону, высказал ему свое смущение, прося прощения, что душа его не принимает перехода, и прося не считать его бунтовщиком. – «Да какой же ты бунтовщик, – ответил ему Святейший, – я тебя знаю».

Переход так и не совершился¹⁰⁹ и, может быть, в этом была «капля меду» и о.Сергия.

Кое-кто говорил, что если перейти на новый стиль, то у нас будут праздники Рождества и Крещения, которые тогда считали по новому стилю неprisутственными днями. «Уверю вас, скоро они не будут праздноваться ни по какому стилю!» – ответил о.Сергий. Так и вышло. Скоро введена была пятидневка, затем шестидневка, затем непрерывка или скользящая неделя.

О.Сергий делился со своей «покаяльной семьей» и своими взглядами на церковные события, потому что это было для него также вопросом совести, жизни его души. Он старался, чтобы мы его поняли, он никого не принуждал следовать ему. «Если вы не разделяете моего пути, идите, своим, но я не могу идти по-другому». О.Сергий никогда не «отделялся», не осуждал «инакомыслящих», но душа его не принимала того, что казалось ему противоречащим его взглядам на существо Церкви, он ссылался на свою «немогущую совесть». А как он болел и мучился этими вопросами, знали только близкие ему люди. Ему даже в мелочах неприемлем был компромисс, душа его не переносила и тени неискренности, он не мог быть другим. Многие хорошие, можно сказать, святые люди, шли совсем другим путем; многие осуждали о.Сергия, многие считали его

бунтарем. Но это не так. Это был протест не гордости, но чуткой совести, протест души, бесконечно преданной Христу и Его Церкви, горевшей любовью к Ним.

О.Сергий находил поддержку себе в житии преп.Феодора Студита, молился ему и присоединил и его имя к числу всегда поминавшихся на отпусте. К последнему дню его Ангела, который о.Сергий проводил с нами, в числе других подарков ему преподнесена была икона преп.Феодора с житием, написанная М.Н.¹¹⁰ Подарок чрезвычайно его обрадовал. Вскоре о.Сергий был арестован и после непродолжительного заключения выслан из Москвы в день памяти преп.Феодора. Для него это было утешением и ободрением. (А одна его простодушная духовная дочь сказала по этому поводу: «Так вот почему М.Н. написала ему эту икону, а мы-то и не знали!»). Мне хочется привести здесь один случай. У меня был один знакомый, который знал меня с детства и в свое время был послан Господом, чтобы поддержать во мне веру в то время, когда дома я не могла получить многого в этом отношении. Он был человек церковный, глубоко верующий и, можно сказать, поплатившийся здоровьем и жизнью за свои убеждения. Он мог бы стать преподавателем, но, не желая входить в конфликт с совестью, сделался простым санитаром. До того, в гражданскую войну, он попал в плен к полякам, которые выбили ему зубы, морили голодом и всем невыносимым обращением довели его до туберкулеза гортани. Когда мы встретились после продолжительной разлуки, я уже была на Маросейке. Однажды Е.В. выразил желание побывать там. Вся обстановка ему не понравилась, он всегда отзывался о Маросейке с иронией, в особенности в связи с ее церковным направлениями: «Вы все там хотите быть уж очень святыми!» В 1929 г. в моей жизни было много тяжелых и внутренних и внешних событий, я доходила иногда до изнеможения, все валилось у меня из рук. Наш служебный врач, не зная того, что со мною происходило, счел меня душевнобольной и послал лечиться амбулаторно в Донскую лечебницу. На Донской жил Е.В. с женой и сестрами. Я зашла к ним. Е.В. сидел за столом. Он говорил мне о своем здоровье, о загадочности своей болезни, о том, что у него не

нашли туберкулезных палочек (туберкулез у него как-то «вышел наружу», на шее образовались опухоли), собирался лечиться... Но наряду с этим он говорил совсем другое: просил меня позаботиться о его жене, о его близких, просил их не забывать, навещать. Как будто в душе его жило два человека: один еще держался за этот мир, а другой уже смотрел из другого, уходил... Поделилась и я с ним своими горями и самым большим из них – разлукой с духовным отцом: «Вы ведь знаете, какое это для меня горе!» И вдруг, к великому моему удивлению, Е.В. ответил мне очень торжественным, шедшим в разрез с его обычной насмешливостью тоном: «Это потеря не для вас только, но и для всей Церкви: ведь о.Сергий – столп Церкви!» Я даже не нашлась, что ответить, настолько это было неожиданно. Только когда я пришла в следующий раз и узнала, что Е.В. умер на второй или на третий день после моего первого посещения, я поняла, что это был уже голос из другого мира, что эта фраза была сказана Е.В. не от своего земного я.

На Маросейке каждую среду пелся на два хора параклис Божией Матери «Многими содержим напастьми» (но с ирмосами). Первый раз он был совершен в (1923) году по следующему поводу. Бремя Батюшкиного наследства иногда становилось для о.Сергия непереносимым. Он изнемогал и физически и нравственно, отдавал все силы, а очень многие и многие были недовольны им. Наконец он стал думать о том, что его Ангел – преподобный Сергий, когда на него было недовольство в монастыре, и братия избрала игуменом его брата Стефана, тайно ушел и основал новый монастырь. О.Сергию показалось, что может быть он нашел здесь указание на то, как ему надо поступить (между прочим о.Сергий всегда говорил, что когда приходится уйти от трудности, кажущейся непереносимой, надо сначала найти свою вину, и уйти с чувством покаяния, а не своей правоты). Для окончательного решения вопроса он поехал к о.Нектарию¹¹¹, но благодаря каким-то путевым неурядицам не сумел добраться до Старца, просидел долго на железнодорожной станции и, обдумав все еще раз наедине, решил, что он не имеет права уйти от Батюшкиного дела, что Батюшка «вымолил» его, чтобы он

пошел в священники и принял потом его паству. Он понял, что не найдет себе покоя, если уйдет от своей семьи. С этим он и вернулся ко дню нашего храмового праздника – осенней Казанской. Вечером в день праздника был совершен параклис перед иконой Феодоровской Божией Матери, которая была для этого вынесена на середину храма. Затем о.Сергий собрал нас в храме, рассказал нам о своих переживаниях и о решении остаться. В память пережитого решили параклис совершать каждую среду.

Раньше же, еще при Батюшке и после него канон параклис читался на молебне у Феодоровской иконы Божией Матери в субботу после всенощной, но почему-то с Богородичными ирмосами «Отверзу уста моя».

* * *

Всенощными о.Сергия были пятница и воскресенье вечер. Это были тихие, сосредоточенные службы, в особенности покаянная служба на понедельник.

Непомерные труды сказывались на здоровье о.Сергия и без того не богатырском. Сначала он пробовал освободить от исповеди всенощную в воскресенье вечером, но это плохо удавалось, и даже когда удавалось, и давало возможность помолиться, то нужен был и физический отдых. Тогда о.Сергий взял себе свободный день (понедельник). Странно сказать, но не все этим были довольны, так как попадать к о.Сергию становилось еще менее возможным.

Особенно подкосилось здоровье о.Сергия после того, как в лесу в Богородске на него напали хулиганы и ударили его по голове, отчего он серьезно заболел, и долго не восстанавливалась у него способность поддерживать равновесие.

Каждое воскресенье перед всенощной о.Сергий совершал панихиду на могилке Батюшки на Лазаревском кладбище (в 4 часа дня). С тех пор я особенно полюбила канон «Отверз уста моя, Спасе...»; и до сих пор в нем звучит для меня голос о.Сергия.

Каждую первую пятницу месяца совершалась заупокойная всенощная по Батюшке. Это были любимейшие наши службы,

очень торжественные и проникновенные. В дни же годовых памятей Батюшки всенощная совершалась особенно торжественно, даже как-то пели целиком псалом 103-й, как на ночных службах.

Эти ночные службы совершались главным образом в удобные для молящихся дни. Так почти каждый год, пока праздновалось «новое Рождество». На второй его день, т.е. в память пяточисленных мучеников совершалось настоящее всенощное богослужение, начинавшееся часов с 10 вечера и продолжавшееся до очень ранней обедни. Введены эти богослужения еще при Батюшке, кажется Андреем Гавриловичем Кулешовым¹¹², который, приехав в Москву на Поместный Собор в качестве делегата, сблизился с Батюшкой и организовал в храме Никола-Кленники Богословские курсы. Сестры, прошедшие эти курсы, долго носили прозвище «курсовых»; в противоположность «чудовским», которые пришли в Батюшкин храм после закрытия Чудова монастыря и также помогли наладить пение и богослужение. На этих всенощных богослужениях совершалось полностью по уставу и несколько раз, в положенных местах, прерывалось чтением. Пелись на них целиком хвалитные псалмы («Хвалите имя Господне» и «Исповедайтесь Господеви»), как, впрочем часто делалось и вообще на полиелейных службах больших праздников. Стихи начинал петь хор священнослужителей (которых при Батюшке бывало всегда много в праздник), второй стих пел правый хор, третий – левый хор и т.д.

* * *

При наступлении Великого поста о.Сергий каждый раз давал нам какое-нибудь маленькое дополнительное правило. Один раз это была молитва «Премудрости Наставниче» (певшаяся, кроме того, постом вместо «Под Твою милость»), в другой – стихира Великой Среды, творение инокини Кассии: «Яже во многия грехи впадшая жена», в третий – «Покаяния двери отверзи ми, Жизнодавче»...

* * *

О.Сергий заказал для всех по иконке Ангела Хранителя и благословил ежедневно читать по одной песне канона ему (на

понедельник приходилось две, т.к. понедельник посвящен Небесным силам).

В другой раз всем дал он в благословение иконочку Феодоровской Царицы Небесной.

Почти всем духовным детям о.Сергий благословлял читать ежедневно по главе Евангелия и Апостола, а однажды решил, что читать надо одну и ту же главу всем, чтобы это чтение и в разлуке нас объединяло.

* * *

Когда я впервые пришла к Батюшке, он сказал мне: «Я по своим знаю, что напрасно заставляю молодежь заниматься не тем, чего она хочет». Так было и с о.Сергием. Батюшка очень любил сына и всегда желал иметь его своим наследником и преемником. Но о.Сергий, хотя и любил Церковь и богослужение, помогал Батюшке в служении в храме, но стремился к светскому образованию и пошел учиться в университет. Священником он стал под влиянием Святейшего Патриарха Тихона и после поездки в Оптину (посвящен в 1919 г.).

Когда о.Сергий впервые приехал в Оптину, там было два старца: о.Нектарий и о.Анатолий¹¹³. О.Сергий с первого взгляда выбрал о.Анатолия. Впоследствии, после смерти о.Анатолия, он обращался к о.Нектарию и даже, по завещанию самого Старца¹¹⁴, хоронил его, на что очень обиделись оптинцы.

Разницу между старцами очень ярко охарактеризовал один духовный сын отца Нектария. Приезжавшие в Оптину приходили на благословение к обоим старцам и шли на совет к тому, к кому душа лежит. О.Анатолий принимал всех просто, радушно: обласкает снимет тяжесть с души, даст совет (мне думается, что он был похож на нашего Батюшку), отпустит пришедшего с легкой душой. Если же кто впервые попадал к о.Нектарию, тот проходил целое испытание. Вместе со всеми он приходил в хибарку; его обещали принять, но он тщетно ожидал приема до самого вечера, когда выходил послушник Старца с сообщением, что Батюшка сегодня больше принимать не будет и что надо прийти завтра. На завтра повторялась та же картина, – и так несколько дней. Люди недостаточно терпеливые возмущались и

уходили к о.Анатолию; другие же оставались ждать еще, постепенно вживались душой в молитвенную атмосферу хибарки, и им уже не хотелось уходить из нее. Вот тогда-то о.Нектарий принимал терпеливого и вознаграждал его «велиим духовным утешением».

Приходилось слышать, что о.Нектарий не боялся ставить человека в труднейшие положения и поставлять на его пути большие испытания, находя это полезным для души. Был случай, когда о.Сергий приехал к о.Нектарию (а ему нелегко было выбраться со своей страды), а тот его не принял и только уже вслед благословил его из окна. Может быть, и завещание о похоронах было подобным испытанием и о.Сергию, и оптинцам.

В связи с о.Нектарием вспоминается один небольшой случай, рассказанный о.Сергием. О.Сергий обычно при чтении Евангелия пропускал родословную Спасителя. Вот однажды он приехал к о.Нектарию, а тот и попросил «отца протоиерея» прочитать ему именно это место из Евангелия.

* * *

В нашем храме был ковчег с мощами преподобных Феодосия и Сергия. Ковчег, довольно большой, был сделан из серебра, и в 1918 году его украли. И Батюшка, и о.Сергий любили и почитали этих угодников Божиих. В Сергиеве Батюшке дали новую частицу мощей Преподобного Сергия, а до Тотьмы, куда раньше Батюшка ездил, теперь добраться было трудно. Господь послал о.Сергию частицу мощей преподобного Феодосия совершенно необычным, чудесным путем. Никогда не забуду, с каким непередаваемым благоговением и с какой торжественностью бывало выносил о.Сергий крест с мощами: чувствовалось, что тут присутствовал сам угодник Божий. Я ни у кого и нигде больше не видела такого отношения. Преподобный Феодосий был особенно близок о.Сергию. В последнее свидание с одной духовной дочерью о.Сергий сказал ей: «До сих пор вы просили меня молиться за вас, а теперь просите преподобного Феодосия. Он всегда был скоропослушлив к моим просьбам. Верю, что и вас, духовных детей моих, он не оставит своею помощью».

(Лично у меня неожиданно получилась живая связь с преподобным Феодосием, хотя даже жития его я долго не знала. Однажды я расстроила о.Сергия своими «откровениями». Он с горечью сказал мне: «Ну, спасибо!» – и отказался, кажется, меня благословить. Мне казалось, что он неправильно понял меня, и мне было очень тяжело. Расстроенная и до изнеможения усталая пришла я с работы в храм ко всенощной под праздник преподобного Феодосия. Служба еще не началась. Я подошла к его иконе, и в душе сказалось: «Преподобный Феодосий, ты видишь, как я устала. Но помоги мне все же помолиться тебе и помири меня с о.Сергием!» Я встала на клирос. Спать так хотелось, что перед глазами словно стоял туман. Глаза закрывались, и не знаю, как я не падала. Но на сердце стало хорошо и, хотя я не понимала стихир полностью, но в каждой из них звучал для меня лейтмотив: «преподобный Феодосий все оставил ради Христа!» – и это наполняло душу светом и радостью. Когда же после Евангелия все мы пошли прикладываться к иконе преподобного Феодосия и ко кресту с мощами, о.Сергий, помазуя мой лоб елеем, наклонился и, заглядывая мне в лицо сбоку, весело сказал: «С праздником, Ляля!» Преподобный Феодосий исполнил обе мои просьбы, и с тех пор стал очень дорог мне. Впоследствии в очень тяжелые для меня годы он очень знаменательно и очевидно вмешивался в мою жизнь).

* * *

Когда о.Сергий расстался с нами, было очень тяжело.

Долго дожидалась я возможности поехать к духовному отцу. Несколько раз поездка назначалась и отменялась, и я почти отчаялась в ней. Но, наконец, наступил долгожданный день. При моей непригодности многое было мне трудно. Просили меня подъехать к дому в темноте, но ямщик не слушался меня, спешил, и приехала я среди бела дня. Не помню, как и встретил меня отец, я была очень смущена моим невольным непослушанием. У него гостили тогда младшие девочки и при них Маня К. Бросилось мне только в глаза, что он был непокоен духом, видно было, страдала его душа, он куда-то уходил гулять и мало разговаривал со мной. А у меня тоже

душа была утеснена давно лежавшей на ней печалью, которую хотелось снять с себя через исповедание ее, но приступить к этому было трудно.

Наступил вечер. Отец облачился, стал в красный угол. Началась вечерня. Пели мы вдвоем, Маня и девочки присутствовали. Чудная служба, любимые стихиры, которые не раз переживались дома, – но окамененная душа молчала.

Кончилась вечерня. Отец поставил аналойчик с иконой Спасителя. Подошли девочки, поклонились отцу; ласково благословил он их, отпустил спать. Маня пошла их укладывать. А мне отец дал в руки поминание и велел медленно читать его вслух. Я сначала не поняла – зачем, и стала читать имена подряд. Он остановил меня, чтобы читать каждое имя отдельно.

И вот каждое имя он повторял за мною, каждого, казалось, видел перед собою, каждому имени кланялся до земли, как живому человеку, каждого благословлял как бы присутствовавшего. Некоторые имена он произносил с каким-либо ласковым эпитетом: «Володя, дорогой», «Танюша», и т.д., многие произносил со слезами. Казалось, вся его семья была здесь с ним, и каждое имя вспоминалось со всеми скорбями, со всеми переживаниями человека, которому оно принадлежало. Казалось, время и расстояние не существовали в этот момент. Даже окамененная душа моя не могла несколько не поддаться и не растопиться в этой атмосфере великой любви, преодолевающей человеческую ограниченность.

Прочитано последнее имя. Отец в последний раз поклонился иконе Спасителя. После вечерни мы сели ужинать. О чем-то я его спросила, но он не в силах был ни о чем говорить, хотя видно было, что тоска его рассеялась. Он был полон вечерней, «свиданием» с семьей, молитвой о ней.

Мне посчастливилось прожить у отца целую неделю. Видимо, Господь дал мне это утешение перед тяжелым испытанием, чтобы запастись силами, да и несколько освободиться от душевной тяжести. Вдвоем прочитали мы все службы первой седмицы «от А до Зет», как он говорил, шутя; вместе пели ирмосы Великого канона по привезенным мною нотам. Напевал он еще мне и выучил меня одному подобну:

«Тридневен воскресл еси, Христе, от Гроба». Беседовал со мною об особенностях службы нашей чтимой чудотворной иконе Божией Матери Феодоровский (канон обращен к Спасителю), говорил, что икона Божией Матери есть всегда вместе с тем икона Спасителя. Диктовал мне толкование великого повечерия постного.

Приезжала в эту неделю на короткое время Кира В., бывшая в то время «на сносях». Отец очень о ней тревожился, уложил ее спать на свою кровать, а сам лег чуть ли не на полу. (Потом воспоминание о совместном пребывании нашем у отца нас с ней очень сблизило).

Но проходила неделя, а я еще не поговорила с отцом о своей душе, о своих грехах и скорбях. Он уже сказал, что пора мне уезжать. С трудом я ответила, что ведь еще не поговорила с ним. Он как будто этому удивился: «Ну, давайте, поговорим!» Трудно было начать этот разговор, но он был очень нужен. Казалось, что душа была сожжена скорбью. То, что я говорила, было для него почти новостью. Слушал он меня с большою любовью, состраданием, и эта жалость ко мне потом осталась у него до конца его жизни, точно я ему стала более своя. Старался он не дать моей душе ожесточиться, а идти путем любви, путем духовным; говорил о других и о себе. И, действительно, душа моя наконец ожила, отошла. Я уезжала от него другой, чем приехала.

Все это было так нужно тогда, когда суждены были мне еще новые скорби, новые испытания, встречи с чужими людьми и разлука с дорогой семьей. Елена АПУШКИНА

Печатается впервые по машинописной копии из архива Е.В.Апушкиной. По желанию автора воспоминания об о. Алексии и о.Сергии Мечевых объединены в одно.

Елена Владимировна Апушкина, урожд. Быкова (21.3/3.4.1901 – 25.1» 7.2.1999) – духовная дочь о. Алексия и о.Сергия Мечевых. Училась на философском факультете Московского университета (1919–1920). Отбывала ссылку в Казахстане (1932–1935). Вышла замуж за К.К.Апушкина (1936) – также духовного сына о. Алексия и о.Сергия Мечевых. В предвоенные годы работала в Москве секретарем-машинисткой;

во время войны – в различных артелях в Москве. Вышла на пенсию (1956), получив инвалидность (I группы) по зрению. Перепечатывала труды для епископа Афанасия (Сахарова). Собирала материалы о церковной жизни России эпохи гонений. Писала воспоминания. Отпевали ее в храме свт.Николая на Маросейке. Была погребена рядом с могилой о. Алексия Мечева (до обретения его мощей).

Исходя из свидетельств, содержащихся в тексте, воспоминания (во всяком случае, об о. Алексии Мечеве) в настоящем их виде были записаны около 1953 г.

Памяти дорогого Батюшки. Александр Добровольский

Памяти Батюшки

«Не случайно это в твоей жизни. Это – Божий о тебе Промысл. Да и ты сам это должен знать. Посмотри только внимательней на твою жизнь. Сколько раз в ней проявлялся этот чудесный о тебе Промысл. Верь в него. Ты все думаешь: вот пришли скорби, вот несчастья, которых нет ни у кого, вот обстоятельства, из которых нет выхода, а это Бог с любовью посмотрел на тебя, это Бог приближается к тебе», – так учил меня Батюшка, и вспоминая сейчас его слова, я не могу не видеть в нем самом лучшего подтверждения этих слов о чудесном Промысле Божиим, о спешащей к нам Любви. Разве случайно, что я узнал Батюшку в самую тяжелую пору моей жизни¹¹⁵, в годы, когда все рушилось и погибало, когда, казалось, спастись могут только одни сильные, цепкие, вооруженные, и я, я со всем моим укладом и воспитанием, неприспособленный, больной, беспомощный, оставшийся без средств, среди несчастной семьи, среди великого крушения, казалось одно – я должен погибнуть, я должен быть уничтоженным. – и вот «Бог приближается ко мне», Бог посылает мне Батюшку, – и годы скорби переплавляются в годы безконечной радости, годы ненависти наполняются светом любви, годы самые незащищенные становятся самыми спокойными, и посреди волн меня – малый корабль – ведет Батюшкино благословение. Жалостливое сердце Батюшкино увидело сердце человеческое – больное, испуганное, ожесточившееся, тревожно бьющееся в своих собственных ошибках и грехах, и он привлек это сердце к себе, стал для него врачом и воспитателем, и терпеливо и внимательно, с неослабевающей любовью, со всем возможным снисхождением, с теплым участием повел его.

Помню осень самого страшного – девятнадцатого года. Москва, умирающая от голода и тифа. Эти черные улицы, разоренная толпа. Храм еле освещенный, неотопленный и отсыревший. Всенощная скорбящих, всенощная плачущих, всенощная стекшихся сюда от скорби жизни невыносимой.

Батюшка со своим скорбным лицом, сам слабый и больной, только что вставший после простуды от служб в холодном храме, трогательный от своих еще таких слабых движений, вот он обнимает всех-всех своим любящим взглядом, он говорит:

Вот, дорогие мои, я был болен, и во время болезни я читал Библию. И вот, дорогие мои, послушайте, что говорит пророк Захария: «Две части возьму из вас и вымрут. Одних, говорит Господь, Я истреблю их мором. Одних истреблю голодом. А третью часть (так бывало: голос слабый вдруг он превращался как бы в трубный, с жестом выбрасываемой руки он говорил как знающий, как пророк) – Я расплавлю их». Обратите внимание, как говорит Господь: Я расплавлю их. То есть, когда будете как олово расплавленное, когда поймете, дорогие, что перед Богом вы ничто. Со смирением – Господи, ничто я. «И отдам их сребреннику. И очистит их, как серебро...»

Скольким, скольким в тот день он явился как сребренник, и он взял эти «расплавленные» души и, терпеливый ювелир, к каждой приложил все возможное ему внимание и всю возможную ему любовь.

В 1917 году проездом из Оптиной Анна Александровна Исакова¹¹⁶ была у нас. Она сказала мне: «У вас в Москве тоже есть священник высокой духовной жизни – отец Алексей на Маросейке»¹¹⁷. Она была вся напитана светом Оптиной¹¹⁸, восторжена и возбуждена. Под впечатлением ее рассказов я пошел в названную мне церковь. Я пошел посмотреть священника, которого знают, на которого указывают из Оптиной. Во мне было разбужено любопытство к новому миру, который уже выступал для меня в эстетическом очаровании общего увлечения русской иконой, церковным пением, иконописной красотой необыкновенных святых. Я поднялся в маленькую церковь, почти пустую (4 часа, вечерня, неделя Великого Поста). Несколько старушек суетились в церкви. Быстрой, бегущей походкой вошел священник. Старушки бросились к нему под благословение, целуя его руки. Я испугался, что сейчас он увидит меня и обратится ко мне. Я поспешил уйти. Я был разочарован. Но что-то не прошло бесследно. Потому что,

очень редко что-нибудь записывающий, я почему-то счел нужным записать такие слова:

28-го февраля. Ходил к вечерне в церковь Николы в Кленниках. Странное впечатление произвел на меня этот священник¹¹⁹. Есть в нем что-то выделяющее его сразу. Недаром куча женщин бросается к нему под благословение – зрелище непривычное для меня в других церквях. Но что-то казалось мне в нем чужое, я это подметил и Анне Александровне, – какая-то торопливость и простота. Неужели никогда не проникну я в русскую святость? Душе моя, душе моя, восстани, что спиши.

А в этот день в Петрограде уже совершались великие события.

Прошло два года.

Уже не из любопытства, не за тем, чтобы посмотреть неизвестного священника... Я погибал, я хотел молиться – и не умел, я просил утешения – и не знал, где его найду; все рушилось, все погибало, я не знал, что же теперь делать, что же теперь нужно.

На Маросейке (я пошел сюда, потому что вспомнил, что здесь есть служба каждый день) я узнал, что нужно *покаяние*.

«Братья и сестры, теперь нам нужно покаяние. Мы будем молиться каждый день»... Это начиналась Патриаршая неделя покаяния.

Я не пропускал ни одной службы. И помню в один вечер точно шелест прошел среди молящихся: «Батюшка приехал». Мое сердце сжалось. Я был смущен: как я взгляну ему в глаза. То, что я как бы оскорбил его, то, что я пренебрег им, мучило меня. Что, если он увидит меня и укажет мне, что мне не место в этом храме? На другой день уже Батюшка служил Литургию. Вместе с народом я подходил ко кресту и к Батюшке. В первый раз. И вот я еще не дошел к нему, и он, смотря на меня ласковым, смеющимся лицом, громко на всю церковь, привлекая внимание всех: «Вот и он, наш усердный богомолец».

Да, я усердно молился. В эти дни, как никогда прежде, ни потом, не пропускал ни одной службы, я первый приходил..., но

ведь Батюшка этого не видел, он только вчера приехал и меня видел в первый раз, или его всезнающее сердце уже узнало все, и он видел и мое усердие, и мое смятение, и как евангельский отец, еще издали приветствовал меня и спешил навстречу¹²⁰.

– Верушь ли ты в Бога? – Первая исповедь у Батюшки. Моя очередь. Шепот: «Идите». Сердце, остановившееся на мгновение – этот детский момент, когда бросаешься в воду, зажмурившись и перекрестясь, – так перехватившее дыхание.

– Веруешь ли ты в Бога?

Я ему нес все свои десять лет на стране далече: эти руки, уставшие от праздности, это сердце, замкнувшееся в себялюбии, сердце ожесточенное и больное.

– Верую, – это я мог сказать.

Это была самая необыкновенная исповедь. Точно одного меня он всегда ждал, точно мне он все хотел пересказать. Он говорил мне о себе, о своей жизни, о своих испытаниях, о своем священнослужении, о горестях и трудностях избранного пути, о благословении [о.] Иоанна Кронштадтского, о своем упорстве к добру, о своей любви к народу и служении ему; он говорил мне о любви. «Ты болен. Ты замкнулся в себе. Смотри, какое у тебя сердце! Оно не живет, оно никого не греет. Ходи же в церковь. Не забывай ходить в церковь. Только здесь, в церкви, в атмосфере любви твое сердце согреется и отойдет». Я ушел от него в слезах. Он был серебрянник, в моих слезах он переплавил мое сердце.

Жар новонаначального, – он сгорает как пламенный столп, который пройдет перед всей твоею жизнью, и он осветит далеко, – но нужно ежедневное усилие, нужно напряжение всех своих сил, нужен постоянный подвиг: скучно – принудь себя, досадуешь – потерпи, осуждаешь – воздержись, пренебрегаешь – пересиль себя. Пришло уныние, пришла скука. Батюшка звал меня – я не приходил к нему. Батюшка поручал – я не исполнял. Батюшка привлекал – я уклонялся. А Батюшка, никогда не изменявшийся, не упрекнувший, неизменно внимательный, ласковый, любящий, не отпускающий, терпеливо следящий, вовремя спешащий на помощь, удерживающий, руководящий...

Помню, летом Батюшка уезжал, я его долго не видел. Это было время народных академий, лекций в храмах. Меня затянули к Богоявлению¹²¹. Я слушал Боголюбского¹²², Попова¹²³, уже хотел оформить, записаться. Своим умом решил, что это и интересно, и полезно, и удобно. В это время приехал Батюшка. На исповеди говорю ему про свое увлечение, про лекции, курсы. Он все выслушал ласково, точно одобряя: «Хорошо, это хорошо...» Потом вдруг обнял меня. крепко-крепко прижал к себе, как бы защищая и не отпуская: «Вот что, оставайся ты лучше с нами» ¹²⁴.

Это было удивительно. Ведь казалось бы – вот он. Он не знает ничего из моей биографии, из моей жизни, никаких подробностей моей семейной жизни, моего происхождения, образования, привычек. Точно, отбросив всего внешнего человека, он приближал к себе самого человека, его любил, его ценил, им интересовался, о его пользе болел. Тысячи людей проходили мимо него. Как можно различить в этой массе одного, запомнить, и мало того, что запомнить, – следить, вести, знать о нем все, вовремя поспешить и помочь. Помню, когда после поездки на фронт и в Сибирь я, наконец, вернулся в Москву. Я приехал в субботу. В воскресенье пошел на Маросейку. Прошел почти год. Я не сомневался, конечно, что Батюшка меня забыл. За это время там много переменилось. В храме я увидел новых людей. И потом это была не прежняя Маросейка. Храм был переполнен. Безконечная толпа подходила под благословение к Батюшке. Он едва смотрел, казалось, ничего не замечал. Я мучился: напомнить ли о себе или пройти молча. Подхожу. Лицо Батюшки осветилось улыбкой:

– Худой-то какой! Что они там с тобой сделали, что они там с тобой сделали? – Разве мог Батюшка кого-нибудь забыть?

Удивительно. Откуда являлось это чувство, это убеждение, что Батюшка тебя любит больше всех. «Батюшка меня любит больше всех». Как это ни было нелепо, просто невозможно – такая уверенность жила. Но ведь другие, настоящие его духовные дети, преданные ему, послушные ему, полезные ему и храму. Они давно пришли к нему, отдали ему всех себя, – и разве недостойны они, чтобы Батюшка любил их больше тебя –

случайного, бесполезного, ненужного храму, раба ленивого и лукавого. И все-таки Батюшка любит меня больше всех! Может быть, это просто оттого, что каждому Батюшка давал какой-то максимум любви. У него не было, как у Отца Небесного, первого и одиннадцатого часа. Ты пришел ко мне, – и вот вся та любовь, которую ты можешь от меня иметь, я ее даю тебе. Весь тот максимум любви, который я вообще мог бы иметь, Батюшка мне его дал, и поэтому для меня он любил меня больше всех.

И эта любовь давала ему возможность проникать во всякое душевное состояние, знать его, угадывать его, предупреждать его, делала его прозорливым.

Помню, один раз я был в отчаянном, угнетенном состоянии. Нужно было исполнить одну ответственную работу в невозможно короткий срок, с такими средствами, которые не давали никакой возможности ее выполнить. Время проходило. Я чувствовал, что мне не на кого надеяться, что мне никто не придет и не поможет, что я никому не нужен со всеми своими огорчениями и затруднениями. Пойти в церковь помолиться? – Но каждая минута дорога, а пойти в церковь – это потерять весь вечер. И я пошел. Служил не Батюшка, но я надеялся, что Батюшка будет вести беседу, что я его увижу, и он благословит меня.

И вот служба кончена. Батюшки нет. Чего-то жду. Но все кончилось, сейчас все разойдутся. И вдруг – Батюшка. Он спешит. С книгами. Задышется. Он начинает беседу. Он говорит об апостоле Фоме. О его маловерии. Он говорит о необходимости веры, сильной веры. Что это не может быть, что как бы ни было трудно, страшно, – Господь здесь. Господь не оставит. Только прибегни к Нему, только воскликни с Фомой: «Господь мой и Бог мой!» Я подхожу к Батюшке уже побежденный его словами, его верой, его горячностью. И вдруг Батюшка удерживает меня, обнимает, целует, начинает передавать мне свое волнение: как он был расстроен посетителями, как он думал, что не сможет вести беседу, – так потрясло его человеческое горе, – и это все мне, точно самому близкому во всей этой толпе человеку, точно забыв обо всех, точно меня одного считал достойным разделить тяжелый свой

груз, меня, который только что считал себя одиноким, самым брошенным и забытым. И вот покрыть такой любовью, согреть такой верой: «Вспомни о Фоме, воззови с ним “Господь мой и Бог мой!”» Я ушел от Батюшки точно исцеленный. Никогда в жизни я не был так спокоен. Спокойно уже, в надежде на Бога смотрел я на свое затруднение. И Господь чудесно все устроил.

Это знание Батюшкой скрытого состояния человека я испытал не раз. Помню однажды, прихожу под благословение. Он смотрит на меня встревоженно: «Да ты больной!» Я удивляюсь. Кажется у меня ничего не болит, я чувствую себя здоровым. – «Больной, совсем больной! Иди домой, скорее ложись!» И действительно, пришел домой, – вечером пришлось лечь, я заболел. Батюшка увидел болезнь, которую я еще не чувствовал.

Перед тем как я тяжело заболел в 1921 году, когда в последний раз я был в церкви, Батюшка, благословляя, сказал мне: «Ну, Александр, будь сильным». Я отошел, не понимая, к чему он мне это говорит, – а он предупреждал меня о готовящемся мне испытании.

И еще о болезни. Как-то весной, уже в 22-м году, стою в первой арке у входа. Служба кончилась. Вдруг передо мной Батюшка. «Ну, как живешь?» – «Да вот, Батюшка, опять болею». Батюшка стал строгим: «Вот что, брось ты это! Давай твою болезнь. Это мне нужно болеть».

Я сейчас думаю: в практике старческой исповеди там был такой прием. Старец брал руку кающегося и клал себе на шею, этим перенося на себя бремя грехов своего духовного сына. Может быть, обнимая нас во время исповеди, прижимая к себе, – скрытно делал то же, что восточные старцы-духовники, перекладывая на себя, на свою грудь наши безчисленные грехи и болезни. Как тяжел был этот груз, как трудно было это бремя – думали ли об этом когда-нибудь мы, думающие только о себе, спешащие скорее переложить на него все наши печали и несчастья? И как он был терпелив, спокоен, ровен! Только один раз я видел Батюшку необычайным. Великий Пост, Страстная пятница. Сотни людей уже прошли перед Батюшкой, и сотни их ждали в длинной, вытянувшейся очереди. – «Идите». Как

всегда перехватило дыхание, и я очнулся у аналая. Батюшки не было рядом – он не сидел, он стоял, прижавшись всем телом, спиной, руками к стене, точно его заливало море, точно тысячи брызг летели снизу и смывали его, а он изо всех сил старался удержаться. Его лицо было бледно и искажено, волосы отнесены как бы ветром, глаза закрыты. Он задыхался. Он не видел меня. Откуда-то издали прозвучало его: «Веруешь ли в Бога?» – «Верую». И сейчас же он бросился ко мне со своей лаской и любовью. Батюшка, Батюшка! Как тяжело ему было, как тяжело ему было!

Батюшка поразительно знал душу человека. Недаром он мне рассказал такой случай с собой. На пляже в Крыму он разговорился с одним профессором. После беседы тот обращается к нему: «Вы ведь врач?» – «Нет». – «Но кто же тогда вы? Только врач может так знать психику человека». – «Я священник».

Это знание давало Батюшке возможность часто ограничиваться каким-нибудь замечанием, где другой бы говорил несколько часов. Помню, я его спрашивал о монастыре. Батюшка не отговаривал меня. Он видел: я увлечен, разгорячен. Слушал мои горячие вопросы и улыбался. «А ты знаешь, как в монастыре к иконам прикладываются? Боже сохрани, если ты подойдешь перед кем-нибудь раньше тебя поступившим в монастырь».

Для меня это маленькое замечание тогда оказалось убедительнее, может быть, самых пространств уговоров.

Иногда Батюшка перебивал, точно не понимая, точно удивляясь: «Да что ты? Это с тобой от жары. Смотри, жара-то стоит какая!» – мудро указывая, чтобы я сам даже не задерживался вниманием на том, о чем я начал говорить.

У него было умение какими-то простыми словами, каким-то приемом русского доброго простеца успокоить самую страшную тревогу.

– Батюшка, как же мы переживем эту зиму?..

– Слушай, вот что я тебе скажу: ехал я сегодня мимо Смоленского рынка. Сколько там всего – муки, мяса, сахара!.. Ну, так и нам с тобой хватит.

У него был необыкновенный свой громадный опыт, и он делился им, спеша к каждому с тем, что ему нужно. Часто не успеешь сказать ему, только начнешь: «Батюшка...», – а он уже прерывает: «Какой у меня случай был. Недавно приходит ко мне одна женщина»... И он рассказывает, рассказывает то, что потрясает меня, что является обличением моего греха, что заставляет меня возненавидеть грех, отвернуться от него.

Иногда ему и ничего не нужно было говорить. Он сам знал и сам спешил успокоить твое смущение. Одно время меня мучило: чей же я духовный сын? Если я слушаю беседы только отца Сергия, только его слушаю, только у него учусь, – не нужно ли прямо сказать Батюшке: «Батюшка, благословите меня перейти от вас к о.Сергию!» Но спросить об этом казалось почему-то невозможным, обижающим Батюшку. До самой последней минуты я так и не решил, скажу или не скажу. И вот во время исповеди Батюшка начинает меня обнимать и ласкать: «Вот какой у меня духовный сын! Мой духовный сын! Мой духовный сын!» И Батюшка начинает объяснять мне, почему поручил заниматься с нами отцу Сергию. «Пусть так и будет, а уж я буду наблюдать и молиться за вас».

Батюшка был необыкновенно скромен. Как-то говорю ему: «Батюшка, вот горе у меня – время очень занято, не могу посещать ваши беседы». – «А зачем тебе мои беседы? Ну, что я могу на них сказать? А вот ученые у меня есть, их беседы посещай непременно!»

Спросит: «Ходишь ли ты на беседы к о.Сергию?» – «Хожу». – «Непременно ходи».

Один раз останавливает: «Я слышал, как ты о.Сергию на беседе отвечал», – и смотрит такой довольный.

И вот издали, из-за других, почти незаметно, он вел тебя единственным путем, учил своей великой науке. И как радовался он, когда в какой-нибудь мелочи, в какой-нибудь черточке проскальзывало, что наука эта усваивается.

Один год я как-то особенно усиленно посещал разные московские храмы. Это было связано с большой затратой сил, своего рода было подвигом. Истощенный, голодный, после службы идешь вечером по страшной темной Москве пешком,

без трамваев, куда-нибудь в Хамовники, в Кудрине, в Рогожскую – ко всенощной. Я считал это большой заслугой и как-то сказал об это Батюшке, думая, что он похвалит. Он только удивился. «А ты чего ходишь-то, чего ищешь?» Я так смутился, что не знал, что сказать. «Тебе что у нас не нравится, чего не хватает?» Наконец, решился сказать: «Пения». – «Ну вот, ты много ходишь по разным храмам, где же по-твоему поют лучше?» И я задумался. И вот все концертное пение показалось таким ненужным, фальшивым, несоответствующим великому таинству богослужения, и я мог назвать только один храм – Марфо-Марьинский. Батюшка так обрадовался, точно я выдержал какой-то экзамен: «Ах, Марфо-Марьинский, да, да, говорят, там хорошо поют, вот мне и Преосвященный Тихон все говорит, что хорошо, а мне все некогда, все хочу туда поехать. Ну вот и хорошо, хорошо».

Иногда он точно приоткрывал такой тайничок, точно впускал в свое сокровенное. Сам начинал учить. Один раз он рассказал мне о прилоге и о помысле. «Помни о прилоге, это тебе полезно знать и помнить». Один раз, когда я говорил о монастыре, приласкал меня и сказал: «А как, ты не пробовал Иисусову молитву. Ты бы и начинал к ней понемногу привыкать».

Уже изнемогающий, задыхающийся в последнюю зиму – его проводили по церкви. Только прикоснешься губами к рукаву его шубы. Он смотрит своими ласковыми глазами, а губы шепчут: «Отче Александре».

* * *

Последняя исповедь.

..."Не люблю, осуждаю, гневаюсь, завидую"... Он смотрит. Его глаза залиты слезами, он шепчет: «И это Александр, который был всегда такой любящий, такой терпеливый, такой кроткий, такой добрый!»

Батюшка, но когда же вы видели меня любящим, терпеливым, добрым? Или он плакал о том образе, о том первом Александре, которого я помутил своими грехами?

Я уходил. Он удержал меня:

– Почему ты не придешь ко мне?

Молчу. Ведь как объяснишь, что скажешь?

– Ты приходи. Придешь?

Молча отвечаю: «Приду». Но он обезпокоился:

– Нет, ты пообещай, что придешь ко мне.

Обещаю, Батюшка радуется. Радостный благословляет, радостный отпускает меня. «Ты приходи ко мне», – это его последние ко мне слова. Может быть, уже прозревая свою смерть, он, зная мою неустойчивость, хотел обещанием связать меня, чтобы я не отходил от него, не забывал его, чтобы я приходил к его могилке.

Исцеление

(Сила молитвы Батюшки отца Алексия)

Когда я вернулся из Сибири¹²⁵, я первым делом, конечно, пошел на Маросейку к отцу Алексею. Много меня смущало. У меня собственно не было никаких документов, кроме телеграммы Луначарского и отношения **Поарм-5** о том, что такой-то откомандировывается в распоряжение тов. Луначарского.

Батюшка меня успокоил: «Все устроится. Будешь жить в Москве».

И действительно молитвами дорогого Батюшки все устроилось, как он сказал. Я остался в Москве. Демобилизовался. Получил документы. Стал опять жить с мамой и Варей, как жил до Сибири. Нужно было где-то служить. И это устроилось. Через Серафимовича попал в **ЛИТО** Наркомпроса.

Существовать литературной работой в то время было почти невозможно. Писатели приспособлялись кто как умел. Устраивались на службу в качестве секретарей, референтов, консультантов при театрах, издательствах, в профессиональных организациях.

В Москве стали открываться книжные лавки, где торговали писатели. Группа моих товарищей Ютанов¹²⁶, Ашукин¹²⁷, Ляшко¹²⁸ открыли летом 1921 г. такую лавку у Серпуховских ворот, под вывеской «Литературное звено». Они уговорили меня бросить **ЛИТО** и присоединиться к ним.

Это место меня устраивало. Это не была казенная служба. Начальство было всё свои хорошие товарищи, которые были мне нужны.

Все случившееся со мной на военной службе в Сибири и в пути туда и обратно, Божественная милость и помощь, получаемая там не один, а десятки раз, конечно по молитвам Батюшки, привязало меня прочно и навсегда, так я хотел думать, к Церкви и к тому пути, которым вел меня отец Алексей. Храм и богослужение сделали для меня жизнью, воздухом,

без чего вообще жизнь мне не мыслилась. На Маросейке я бывал каждый день вечером за всенощной. Конечно, каждое воскресенье и праздники у Литургии. Все мои путешествия я совершал пешком. Два конца из Демидовского переулка к Серпуховским воротам да два конца, а, может быть, и четыре на Маросейку – это ежедневно. А ведь еще надо было помогать маме и Варе. Очереди в магазинах, рынок, поиски продовольствия. Жизнь была тяжелая, голодная. Питался я собственно тем, что мне мог предложить Ютанов. Он жил на Малой Серпуховке, недалеко от нашей лавки. И вот его старая нянька каждый день приносила мне в лавку немного холодной каши. Дома была пища повкуснее, но тоже очень скудная.

А к этому надо еще прибавить, что я соблюдал все посты, выполняя длительное и строгое молитвенное правило с тысячными поклонами. Я худел, слабел и наконец свалился.

Картина болезни быстро выяснилась. Высокая ежедневная температура до 39°. Кашель, который душил и разрывал мне грудь. Ужасные ночные поты. За ночь мама переменяла мне не одну, а две рубашки...

Друзья мои всполошились. Степан Павлович Галицкий¹²⁹, главный врач Сокольницкой больницы, лично посетил меня и внимательно осмотрел и не скрыл, что положение мое тяжелое. Он прописал мне полную неподвижность в постели, а затем посоветовал употребить все усилия, чтобы попасть в туберкулезный санаторий или больницу, так как наши домашние условия он нашел невозможными.

Горячее участие во мне принял отец Сергей. Он поручил сестре Павле держать его в курсе всего случающегося со мной, а сам начал изыскивать через многие связи какую-нибудь лазейку, чтобы добиться для меня приема и врачебного осмотра в одном из туберкулезных диспансеров. В те годы больных было множество и для осмотра надо было включиться в бесконечную очередь, что крайне осложняло дело. А моей болезни шел второй месяц и положение мое было очень плохое.

Наконец стараниями отца Сергея устроилось, что меня вне очереди согласились принять в диспансере на Яузском

бульваре (бывшая лечебница доктора Шимана). Павла стала подготавливать меня к этому осмотру.

Идти, конечно, надо было пешком. Меня все это страшило и волновало. Но я понимал, что это необходимо. Конечно, мы молились. Молились за меня и на Маросейке, молились все дома и сам я горячо молился.

И вот мы с Павлой пошли на Яузский бульвар.

Принял меня главный врач диспансера. Отнесся ко мне очень внимательно. Осмотр длился чуть ли не час. Я так от всего этого замучился, так устал, что домой пришел едва живой. Какой результат был от моего визита, что сказал доктор, – я уже ни во что не входил. Я признавал, что дело мое плохо, чувствовал это по реакции моих домашних. Все кругом были страшно расстроены, и, как ни старались скрыть от меня свое горе, я видел, что все они, не переставая, плачут.

А надо было опять идти на Яузский бульвар, на рентген. Прodelали мы с Павлой и этот второй утомительнейший путь.

О моей болезни знали уже все мои друзья. Очень встревожились и мои друзья писатели. Иван Алексеевич Белоусов¹³⁰ в своем разговоре с Телешовым рассказал, что вот погибает молодой писатель, и что надо что-нибудь предпринять, чтобы его спасти. Телешов¹³¹, в свою очередь, переговорил с Семашко¹³², в то время наркомом здравоохранения, и заручился от него согласием на всякое содействие. Было намечено отправить меня в Болшевский туберкулезный санаторий. Так как мои родные не могли хлопотать за меня, за это дело взялся один знакомый мой, молодой поэт Петр Зайцев¹³³. Очень толковый и энергичный, он посетил все медицинские учреждения и центры, от которых зависело в то время направление больных, и связался с Семашко. Прежде всего от него потребовали справки от моего диспансера, что у меня действительно открытый процесс, и Зайцев эту справку получил.

Я ко всем этим хлопотам оставался безразличным. Теперь, когда картина моей болезни была совершенно ясной, мне хотелось только одного – увидеть Батюшку и просить его

приготовить меня к возможному концу, исповедовать и причастить.

* * *

Я думал, если я сам два раза смог дойти до Яузского бульвара, почему я не дойду до Маросейки, и я просил через Павлу Батюшку, чтобы он разрешил мне придти в церковь ко всенощной накануне праздника Святителя Николая 6-го декабря. Ответ от Батюшки пришел такой: «Ко всенощной придти мне нельзя, а чтобы я пришел в самый праздник, и так, чтобы быть в храме между ранней и поздней обеднями. Тогда Батюшка примет меня на исповедь, а за поздней обедней меня причастит».

Замечательно, что вечером накануне 6-го декабря все, кто приходил с улицы к нам в дом, рассказывали, что творится что-то невозможное: такой буран, такой снег, такая метель. Я заволновался, – а как же я пойду завтра, но утром погода была изумительная, так было все тихо, спокойно, такое чистое небо.

Мы с Варей, сопровождавшей меня, вышли из дома очень рано. Я боялся, что, так как я ходил очень плохо, мы опоздаем и не исполним наказ Батюшки. Но мы пришли точно, как он велел.

Какая радость охватила меня, когда я стал подниматься по лестнице наверх в храм. Опять я в этом святом и дорогом мне месте. Все кругом встречали меня так приветливо. Уступали дорогу. Меня провели мимо длинной очереди стоявших к исповеди, и поставили на амвон первым, чтобы первым идти к Батюшке. И сейчас же я увидел его. Он шел ко мне своей быстрой походкой, протягивая ко мне руки. Такой бодрый, светлый.

– А я все спрашиваю всех, где же отец Александр? Говорят болен. Опять спрашиваю, – да что же нет отца Александра? И опять слышу, – он очень болен.

Батюшка прижал меня крепко к себе, потом как-то оттолкнул и пристально, пристально на меня взглянул.

– И опять говорят, он очень болен, – повторил он, как-то задумавшись.

Мы стояли у аналая с крестом и евангелием. Я хотел опуститься на колени и начать исповедь, но Батюшки уже не было около меня. Я только видел, что он ушел в алтарь.

Я сосредоточился в молитве и как-то забылся. Ко мне шел Батюшка. Он взглянул на меня так радостно, точно он только сейчас меня в первый раз увидел. Он смотрел на меня пристально, пристально. Его глаза как-то раскрылись, углубились. Он дышал прерывисто, точно после крутого подъема, точно он сейчас всходил на высоту или быстро с нее сошел. И сейчас же Батюшка повернулся, и опять ушел в алтарь.

Я ничего не понимал, что происходит. Почему Батюшка только вернется и сейчас же опять уходит. А Батюшка уже снова подходил ко мне. Я невольно упал на колени.

Такого Батюшку я никогда не видел. Он был точно охвачен духовным восторгом. Он ликовал. Его лицо было полно такого света и радости, что я, не смея на него смотреть, приткнулся лицом к аналою. И сейчас же Батюшка накрыл меня епитрахилью и крестя всего, – спину, голову, грудь, прочел разрешительную молитву.

Я поднялся. Я все еще боялся взглянуть на него. Слышу его спокойный, громкий, немного глухой голос:

– Отстоишь Литургию.

(Слово «отстоишь» он как-то отчеканил, даже рукой сделал приказывающий жест).

– Отстоишь Литургию, отстоишь молебен, после молебна подойдешь ко мне.

Всю службу и молебен я стоял, как Батюшка мне велел. Варя несколько раз упрашивала меня:

– Саша, ты бы сел, ты же очень устанешь, – но я отмалчивался. Кончился молебен. Мы с Варей подошли к Батюшке. Он ласково, но молча, благословил и пропустил нас, и мы пошли домой.

Пришли мы домой в пятом часу. Мама встретила нас в страшной тревоге. До того она переволновалась, что нас так долго нет. Она думала, что с нами что-нибудь случилось.

– Саша, ложись скорей. Я пойду разогревать тебе обед. Только поставь градусник.

Я лег. Я так устал. Мама подошла взять градусник.

– Ну вот, ты так устал, что даже держать градусник не мог. На поставь снова.

Через десять минут она вынула его и очень разволновалась.

– Градусник наш испортился.

Она принесла другой. Но другой показал все то же: 36 и 5. У меня была нормальная температура. В первый раз после двух месяцев. А я так устал, что, не дождавшись обеда, уснул.

На другой день утром температура опять была нормальная. Мама спросила:

– Ты принял лекарство?

– Да нужно ли? – ответил я. – Я совсем не кашляю.

Так прошло два дня. Пришел Зайцев. Он мне рассказал, что все налажено. Теперь дело за одной формальностью. Надо получить заключение врачебной комиссии. Без этого меня не могут направить. Я сказал, что я на очереди, но что очередь не скоро. Надо ждать.

– Ну, идите, поговорите с главным врачом. Ведь это формальность. Пусть комиссуют вне очереди.

Зайцев так меня убеждал, что я послушался. Почувствовал я себя несколько крепче, так что и Павлу не стал беспокоить, и на Яузский бульвар на этот раз пошел один.

Сразу мне не повезло. Моего врача не было.

– Еще не пришел, – сказала мне сестра. Подождите.

Ждал я целый час. Я устал, стал нервничать. Пошел к сестре. Я сказал ей, что я очень болен и так ждать не могу. Что я пришел не для осмотра, а для разговора. Я сказал ей про Семашко, про хлопоты, что мне нужно только ускорить комиссию, из-за чего задерживается моя отправка в санаторий.

– Ну что же я сделаю? Хотите я проведу вас к другому, к доктору **Л.** Он сейчас заменяет вашего врача.

Доктор **Л.** мне понравился: очень мягкий, приятный. Он принял меня приветливо, и я подробно изложил ему мою

просьбу, рассказал опять про Семашко, про хлопоты обо мне, про Болшевский санаторий и чего я от них хочу.

Он был как-то нерешителен.

– Ваш врач должен обязательно быть. Я его жду с минуты на минуту. Разрешите я вас пока посмотрю.

Начался осмотр. Я видел, что доктор смущен. Наконец он сказал:

– В Болшево вас не примут.

– Почему?

– Вы не подходите. Туда поступают только с открытым процессом.

– А я какой? Вы же дали, ваш диспансер дал справку, что у меня открытый процесс!

Мне было не по себе. Что он говорит. Что же я обманщик?

Не помню сейчас – вызвал ли он сестру или сам куда-то сходил. Только перед ним появилась история моей болезни. Он читал, смотрел рентген и оставался все в том же недоумении.

Дверь открылась и вошел главный врач.

Мой доктор поспешно встал из-за стола.

– Наконец-то! Идите, разберитесь сами. Я ничего не понимаю. Они поговорили между собой. Потом мне предложили раздеться. Меня стал смотреть главный врач.

– Что вы делали?

Он так закричал на меня, что я оробел. Чего они хотят от меня?

– Ничего я не делал, – сказал я, чуть не плача. – Я лежал.

– Ну и лежите! – услышал я.

Но сказал он это с таким раздражением, что другой приятный доктор вмешался.

– Вам не нужен никакой санаторий. У вас НИЧЕГО НЕТ. Есть следы старого процесса. Но это все давно зарубцевалось. А вот что вы страшно истощены, – это верно. Что вам сейчас нужно это – хорошее питание, отдых, покой. Вы говорите, что в вас принимает участие Семашко. Так вот пусть он возьмет вас к себе в здравницу. Это здесь в Николо-Воробьинском переулке. Кормят там прекрасно. Состав отдыхающих исключительный.

Через два месяца вы себя не узнаете. Вы будете совершенно здоровы.

Так и сделали мои друзья. И через несколько дней я уже был в Николо-Воробьинском переулке.

Врач в диспансере сказал правду. Общество здесь было исключительно интересное. Очень много первоклассных музыкантов: Барабейчик¹³⁴, Добровейн¹³⁵, Шор¹³⁶, Цейтлин¹³⁷, Матковский¹³⁸. Отдыхал здесь при мне Михаил Александрович Чехов¹³⁹. Были и другие артисты Художественного театра. Были артисты Большого и Малого театров. Каждый вечер я слышал серьезную музыку в прекрасном исполнении. Раз в неделю устраивался концерт для всех отдыхающих. О питании нечего и говорить.

И все же я едва дотянул и один месяц. Мне хотелось на Маросейку, в церковь, к Батюшке. Мне хотелось молиться. Быть в святой и единственно ценной для меня атмосфере. И я выписался.

* * *

Когда один раз я рассказывал о моей болезни и о всем, что со мною было, одной женщине с большим духовным опытом, она, слушая меня внимательно, при описании моей необыкновенной безмолвной исповеди, прервала меня.

– Отец Алексей оттого покидал вас, что он уходил молиться перед святым престолом. Он возвращался и его духовный восторг рос, потому что каждый раз он видел в вас все те изменения, которые вам самому были неощутимы и незримы. ОН ВЫМОЛИЛ ВАМ ИСЦЕЛЕНИЕ. 1961. Москва. 24 июня.

Рождество св. Пророка и Предтечи Крестителя Иоанна.

* * *

Мой доклад

Из всех Господних праздников на Маросейке ни один не справлялся с таким торжеством, как праздник Светлого Христова Воскресения. Если случайный человек попадал когда-нибудь к светлой заутрени на Маросейку, то он уже после всегда стремился в эту святую ночь в наш маленький храм. Что же говорить про нас, братьев и сестер, Батюшкиных духовных детей. Для нас Пасха на Маросейке была действительно «праздник из праздников», праздник величайшего духовного торжества и ликования.

Я вспоминаю сейчас Пасху на Маросейке, первую после моего возвращения из Сибири. Боже, что только со мной было. Такое это было торжество, веселие и радость. Я всю Светлую неделю жил только в храме. Приходил сюда каждый день утром и вечером. Приходил чуть не бегом, а уходить всегда так не хотелось. Как говорил отец Сергей: «Вас теперь из храма не выгонишь».

Служба моя не мешала отдавать храму все время. Служил я в **ЛИТО** Наркомпроса. Обязательных часов у меня не было. Нужно было только зайти на час, по своему усмотрению, поговорить, узнать новости, иногда съездить в район. Я был заведующий отделом связи. Меня моя работа не интересовала никак, а за пасхальные дни я совсем о ней не вспоминал. И вот, после обедни в воскресенье на Фоминой неделе, я, идя домой, сообразил:

– А ведь завтра в понедельник в **ЛИТО** назначен мой доклад. Вот так история! Я ведь не принимался за него. Импровизировать я никогда не умел. Мне нужно было, чтобы все было написано. Будет скандал! Надо было скорее садиться и писать. Но голова моя была занята другим. Мысли за прошедшую неделю так далеко отошли от всего связанного со службой, что дело мое не ладилось. К пяти часам я увидел, что у меня не написано ничего. И тут я подумал: «Пойду лучше в церковь на Маросейку, к Батюшке. Возьму его благословение. Может быть он мне что-нибудь скажет, что прояснит мою голову.

Но другой голос, голос «благоразумия» стал сейчас же останавливать меня. – С Маросейки ты придешь часов в десять. Тогда тебе придется над докладом сидеть всю ночь, и какой же ты будешь завтра.

И все-таки я пошел на Маросейку.

К моему огорчению служил не Батюшка, а отец Сергей. Идти домой? Но я никогда бы себе не позволил уйти от церковной службы, а потом я надеялся, может быть Батюшка придет на беседу, какие по воскресеньям он проводил иногда с народом. Напрасно я надеялся. Службы кончились. Я с огорчением встал чуть ли не последним, и в очереди, за народом медленно подвигался ко кресту. Я шел углубленный в свои мысли, что вот не послушался, не остался, а теперь и время ушло и Батюшка меня не утешил.

И тут я увидел. Из боковой двери алтаря вышел и быстрыми шагами направляется к нам САМ БАТЮШКА. Он отстранил отца Сергея и встал на его место как раз, когда я подходил к кресту. Видно было, что он пришел очень поспешно. Грудь его тяжело поднималась и опускалась. Он наклонился ко мне и прерывисто зашептал:

Ты прости меня. Я никак не мог раньше придти. У меня сидел епископ (он называл его имя). – «Понимаешь, мне никак нельзя было его оставить. А я так рвался к тебе...

И совсем тебе не надо сидеть всю ночь. Придешь домой, ложись спать. Все будет хорошо. Только воздохни от всей души к Господу, вместе с апостолом Фомой: «Господь мой и Бог мой».

А ведь я даже не успел Батюшке что-нибудь сказать.

Молча я поцеловал благословившую меня руку и пошел из церкви. И вот на меня, всегда такого нервного (Батюшка так и говорил мне: «Ты очень нервный»), безпокойного, всегда от всего волнующегося, нашло такое необычное спокойствие, какого я, кажется, не испытывал никогда. Когда я шел домой, я уже не думал о докладе, а дома очень скоро, как мне сказал Батюшка, лег спать.

Утром так же спокойно, хотя у меня ни в кармане, ни в портфеле ничего не было, пошел в Гнездниковский, где в двухэтажном особняке помещалось наше **ЛИТО**. Поднялся на

второй этаж и вошел в комнату секретаря. Секретарь наш, Гольдебаев¹⁴⁰, старый писатель, сотрудник еще горьковских сборников «Знание», при виде меня стал неловко вылезать из-за стола, и поспешно пошел мне навстречу.

– Александр Александрович, – сказал он, – будем просить у вас прощения. Мы тут посвоевольничали и без вашего согласия перенесли ваш доклад на будущую неделю. Дело в том, что Озаровская¹⁴¹ завтра уезжает в Ленинград и боится, что она там задержится, а она хотела бы до отъезда провести свой доклад. Вот она и просила об этой перестановке. Так вот, милый, если вы не возражаете...

Я не возражал. 1961 г. Москва. 1-го сентября.

Святого Симеона Столпника.

* * *

Успенский пост

С любовью вспоминаю я ту пору, когда я «новоначальный» начинал на Маросейке, под духовным руководством Батюшки отца Алексея путь своего спасения. После первой же моей исповеди у отца Алексея он, благословляя меня, вручил мне книжечку епископа Феофана¹⁴² «Что нужно знать покаявшемуся и вступившему на путь спасения»¹⁴³. С этих пор чтение книг епископа Феофана сделалось моим обязательным занятием. Епископ Игнатий Брянчанинов¹⁴⁴ и епископ Феофан Затворник, эти два русских подвижника, стали для меня и образцами, и учителями. Все сердце мое потянулось к тому монашескому пути, по которому шествовали они, содевая свое спасение.

Книги о монашестве, история монашества восточного и русского, аскетика, монашеские уставы и правила – все это я поглощал с жадностью. Я не уставал собирать и прочитывать все книги о жизни святых отцов и подвижников, о насельниках египетских и палестинских монастырей.

Как любил я авву Памва¹⁴⁵, никогда не улыбавшегося и улыбнувшегося на безсилие бесов. Или Павел Препростый¹⁴⁶, по послушанию пришедший исцелить бесноватого и, услышавши от беса «не выйду», просто сказавший ему: «Смотри, лучше выходи, а то я встану на молитву к Господу моему Иисусу, и худо тебе будет». Святые Пимен Великий¹⁴⁷ и Пимен постник Печерский¹⁴⁸, в день памяти которых я родился, весь сонм земных ангелов и небесных человеков, звезд и столпов монашества свидетельствовал и говорил мне: монашество – вот самый быстрый, прямой и верный путь к Богу. Несколько раз просил я у Батюшки благословить меня на монашество, но Батюшка всегда отказывался: «Это не твой путь и не твоя мера. Твое монашество – любить тех, с кем в жизни Господь тебя поставил. И в миру можно быть монахом». Один раз на мою настойчивую просьбу: «Батюшка, благословите меня идти в монастырь», – он сказал: «А ты знаешь, как в монастыре подходят прикладываться к иконе праздника? Прежде всех подходит игумен». И дальше Батюшка подробно описал мне,

кто идет за игуменом. Как подходят иеромонахи, все священствующие и диакона, как идут схимники и старцы. Он нарисовал передо мной движение всей монашествующей братии и показал мне в конце всех идущего последним послушника. Так он, не говоря прямо, намекнул мне, каким смирением, каким терпением и самоотречением должен быть наделен человек, избравший для себя этот путь, и как бы спрашивал меня: «А у тебя разве это есть?» Я огорчился очень его отказом дать мне свое благословение, но продолжал думать по-своему: «Монашество – вот единственный путь к Богу». Свои воззрения я не скрывал, если мне приходилось беседовать с кем-нибудь из маросейских братьев, и это дошло до отца Сергия. В разговоре со мной он высказал мне свое неудовольствие, и если не точно такими словами, то все же с таким смыслом сказал мне: «Если вы дальше будете вести здесь свою монашескую пропаганду, я вас выгоню с Маросейки».

Помню, как-то раз отец Сергий позвал нас, нескольких братьев, к себе. Он устроил беседу наверху, в столовой. В беседе речь коснулась и монашества. Я не вытерпел и начал горячо говорить, что я думаю об этом.

Я видел, что отец Сергий все больше и больше хмурится, но я так разгорячился, что не мог остановиться. Я не заметил, что в комнату вошел Батюшка и что он подошел ко мне и слушает меня. Вдруг Батюшка согнутым пальцем стукнул меня по лбу, как завравшегося ребенка: «Все монастырь да монастырь, а ты... (тут Батюшка сказал с особенным чувством, как-то глубоко и вдохновенно) – а ты сам построй свой скит». И сейчас же, при всех, с особенной лаской и любовью благословил меня и ушел к себе. Собственно, этим кончился и наш спор, и вся беседа. Батюшка как бы сказал отцу Сергию: «Ты прав, и я с тобой, но и его я тебе в обиду не дам».

Слова Батюшки произвели на меня большое впечатление. Я уже и раньше потихоньку старался в своей жизни хоть немного приблизиться к монашескому образу жизни и подчинить ее, сколько возможно, монашескому строю. Иисусова молитва, телесные подвиги, поклоны, посты стали для меня обязательны.

Боясь, что Батюшка будет и здесь меня останавливать, я часто делал свои «подвиги» самочинно, не говоря ничего Батюшке.

Из русских подвижников я очень любил старца отца Феодора Санаксарского¹⁴⁹. У меня была брошюра с его жизнеописанием и с описанием одного Арзамасского женского монастыря¹⁵⁰, где жизнь монахинь проходила под руководством отца Феодора. Жизнь эта отличалась необыкновенной строгостью. В конце брошюры было напечатано и молитвенное правило¹⁵¹, которому следовали монахини этой обители. Вот это строжайшее правило я и выбрал для себя.

Как-то отец Сергей спросил меня о моем молитвенном правиле и поклонах, и, когда я назвал число поклонов, которое я себе определил, он с возмущением воскликнул: «А кто же вам это разрешил?»

То же самое было и с постом. Когда приближался очередной пост, отец Алексей всячески меня уговаривал не переусердствовать и знать свою меру. А отец Сергей просто сердился: «Нечего, нечего, никакого постного масла я не разрешаю».

На многое я смирялся и поступал так, как от меня требовали, но посты я любил, всегда их ждал и уверял, что, кроме пользы, я от них ничего не получаю. Исполнял я их в смирении. Дома никому даже не говорил, пощусь я или не пощусь. Пусть знает об этом Один Бог.

Шел Успенский пост. Пост короткий и, как я считал, легкий; и я, молча, никому ничего не говоря, его выполнял. Вечером мы ужинали втроем: я, мама и Варя. Еда наша была очень скромная. Обычно это была пшенная каша, и на ужин ее хватало только-только, чтобы нам троим поесть. Ужин всегда готовил я, и я так делал, что разогревал для мамы и Вари кашу на скоромном масле, себе отделял кашу без масла.

Не помню почему, может быть, мне попалась какая-нибудь очень меня увлекшая духовная книга, но только я забыл об ужине. И вот меня окликнула Варя, которая, не дождавшись меня, сама приготовила ужин и, подав его на стол, позвала: «Саша, иди ужинать!» Машинально я встал и пошел за стол. И, только сев на стул, на свое место спиной к окнам, точно

очнулся. Мама сидела против меня, Варя с левой стороны. Они уже кушали.

Конечно, Варя ничего не знала о моем посте и приготовила все на скоромном масле. А ведь так немного осталось до конца поста, и я теперь все испорчу. Если бы я вспомнил обо всем этом, из своей комнаты крикнул бы Варе: «Кушайте без меня, я после». Но теперь встать из-за стола, отказаться от ужина, который Варя готовила со всем старанием, значило ее глубоко огорчить. К тому же я очень хотел есть и знал, что другой еды больше нет.

И тут я рассердился на все. Так трудна и тяжела наша жизнь, а я еще ее так усложняю. Ну что переменится, если я съем эти пять или шесть ложек скоромной каши. Съем ли я их или не съем – все останется то же. Ведь не обратится же эта каша в червей. И я, взяв ложкой кашу, понес ее ко рту, но тут же, отшатнувшись, бросил ее с отвращением и ужасом. Каша в ложке шевелилась. В тот же момент я услышал тихий голос испуганной мамы: «Что же это? Казнь Египетская?»

Варя резко отодвинула свой стул и встала вся прямая. Лицо ее было багровое. Сейчас она упадет. Но она перекрестилась и поспешно собрала и унесла тарелки. Потом она пришла с совком и метелкой стала сметать со стола. Тут только я увидел, что не только тарелки, но и вся клеенка на столе была усыпана маленькими белыми червячками. Они двигались на клеенке, шевелились, сгибались и разгибались. Варя смела их со стола и вынесла ведро.

Никто не сказал ни одного слова.

Я видел, как мама ушла к себе в комнату, как она, притихшая и опечаленная, села на кровать и взяла свою Псалтырь.

Я видел, как Варя встала на колени перед иконой Тихвинской Божией Матери и молилась Ей.

А я? Я ничего не говорил, не объяснял, не молился, не каялся, не просил у Бога прощения. Я оцепенел.

Господи! Нет, не под силу мне мой пост, не под силу мне и Твое, Господи, вразумление. Москва. 1961 год, 26 июня.

Праздник иконы Божией Матери Тихвинской.

* * *

Ливень

После смерти Батюшки отца Алексея многие маросейские братья и сестры в течение сорока дней ежедневно ходили на могилку Батюшки на Лазаревском кладбище ¹⁵².

Ходил так и я. Ходил пешком. Путь из Демидовского переулка на Лазаревское кладбище был не близкий, но горячее усердие рождало силы, и шел я туда – летел, срезал углы, сокращал, как возможно, путь. Возвращался же я медленно. Идешь, раздумываешь, перебираешь все пережитое с Батюшкой, вспоминаешь все его слова, все его уроки. И путь не укорачиваешь, а удлиняешь. Так, назад с кладбища я всегда шел Самарским переулком. Выходил на Божедомку и по Божедомке и Мещанской спускался к Сухаревской площади.

На углу Самарского переулка и Божедомки в двухэтажном доме помещалась богадельня, а, может быть, приют, уже не помню теперь это точно. Помню только, что в этом приюте была домовая церковь во имя преподобного Серафима Саровского ¹⁵³ и икона преподобного Серафима, где святой угодник изображен был в белом балахоне, находилась над дверью, ведущей в церковь во втором этаже дома.

Как-то иду я так, возвращаясь от Батюшки под вечер, Самарским переулком и смотрю, к дверям богадельни подходят женщины в платочках, богомольцы. «Господи, – вспомнил я, – да ведь завтра память преподобного Серафима». Я уже хотел пройти, но тут мне стало стыдно. Вот я в дверях храма и пройду, не почтя память моего так любимого святого. Что из того, что я устал. Преподобный помолится за меня и, видя мое усердие, подаст мне силы. И я перекрестился и вместе с народом вошел в храм. Очень я был доволен, что сделал так. Такая была тихая и радостная служба, так она меня согрела и утешила, с таким чувством я молился, с такою радостью и благоговением прикладывался к иконе святого Божия угодника, мне даже уходить не хотелось. С самыми последними богомольцами вышел я из храма.

Днем, когда я шел на кладбище, стояла прекрасная солнечная погода. И как же я был смущен, выйдя из храма на улицу и взглянув на небо. Большая черная туча обложила все кругом. Все потемнело и притихло, точно ожидая надвигающейся грозы. «Господи, – подумал я, – что же будет со мной?» На мне не было ничего сверху тоненькой летней рубашки, голова ничем не покрыта, на ногах тонкие тапочки. Если я попаду под ливень, что со мной будет? Укрыться здесь негде. Пережидать ночную грозу дело опасное. Она может длиться всю ночь. Идти же мне до дома больше часа.

Несколько капель, тяжелых и крупных, упали мне на лицо. Дождь начинается. И я взмолился преподобному Серафиму: «Батюшка, отец Серафим. Это же из-за тебя. Если бы я не зашел в твой храм, я бы давно был дома, я бы сейчас спокойно молился бы Богу, готовясь к отходу ко сну. Батюшка, отец Серафим, не оставь меня, сохрани от ливня, удержи тучу, дай мне пройти благополучно до дома».

Я шел самым быстрым для меня шагом и все молился Преподобному. Повернув на Мещанскую, я переместился по отношению к туче. То она была сзади меня, теперь я видел ее еще и сбоку от себя, и мне совсем стало страшно. Черная-черная, она обложила все кругом. Я иду. Только еще Сухаревская площадь. Как еще далеко до дома. А капли опять закапали мне на непокрытую голову. Я не перестаю читать тропарь Преподобному: «От юности Христа возлюбил еси, блаженне...»

Я кончаю его и начинаю снова. Мне кажется, только одна молитва сейчас покрывает меня. В ее словах я в безопасности. Ее течение передвигает меня к дому. Я, наверно, иду уже больше часа, и больше часа стоит надо мной остановленная и удерживаемая непонятной силой, готовая каждую минуту обрушиться на меня гроза. Я гляжу вверх. Туча там. Мне кажется, ее край все время ровно проходит над моей головой. Она неподвижна, пока мое движение внизу ставит ей невидимую преграду. Ее чернота, охватившая все сзади меня, как бы спустилась. Она тянется к моим плечам. Я уже не иду, а бегу. Мое сердце так колотится! Лоб влажен от пота. Я пробегаю

наш переулок. Калитка, двор, крыльцо. Какая-то сила ударяет меня сзади. Это хлынул ливень. Но я уже под крышей. Я в комнате. Я подхожу к окну. В черной тьме не видно ничего. Только водяной поток струится по стеклу. Шум и гул ливня сотрясает наш дом. Не видно, но чувствуется, как кругом мчатся дождевые реки. Боже мой! Боже мой!

Но вот в руках у меня акафист Преподобному. Радость моя! Успокоение! От раскатов грозы и рева ливня я окружаю себя тихо льющим «радуйся» молитвы.

Радуйся, прелюбимое иноков похваление,
Радуйся, живущим в мире предивное поможение,
Радуйся, преподобие Серафиме, Саровский чудотворче.

Москва. 1961 год, 28 июня.

Память свв. мучч. и целителей Кира и Иоанна.

* * *

Послесловие. (Десять мин)

С Батюшкой я никогда не говорил о моей профессии писателя. Я уже начинал сознавать, что мое дело – недоброе дело, и трудно мне, служа ему, очистить сердце свое от страстей. И вот как-то на исповеди, говоря Батюшке о том, как трудна для меня эта борьба, я сказал:

– Батюшка, мне это особенно трудно, ведь я писатель.

– Знаю, знаю, – заговорил Батюшка очень быстро, и все больше разгораясь. Он даже не на меня смотрел, а точно говорил кругом стоящим:

– Какое дарование! – Он покачал головой. – Какое дарование! И как расцветет, и облагодухает многих.

– Батюшка, – сказал я с недоумением, – но ведь это путь греха. Писатель идет туда, куда влекут его демоны.

Батюшка точно не слышал моих слов. Он на них ничего не ответил. Он сидел молча, а потом сказал тихо и очень просто:

– А ты бы попробовал написать что-нибудь назидательное, что-нибудь на пользу для людей, близких тебе по духу. [...]

Александр ДОБРОВОЛЬСКИЙ Москва. 1961 год, 11 августа.
День памяти муч. архидиакона Евпла

Автор воспоминаний – Александр Александрович Добровольский (1886–1964), литературный псевдоним А.Тришатов – писатель. Был членом Телешовской Среды. Встречался с Л.Андреевым, И.Буниным, Б.Зайцевым, И.Шмелевым и др. крупными писателями. В 1922 г. участвовал в журнале «Маковец». Библиотекарь в Московском доме литераторов. Арестовывался по делу поэта Даниила Андреева (1948). Отбывал срок в Потьминских лагерях (до 1954). Все рукописи законченных рассказов, дневники, записные книжки и литературные наброски были сожжены во время следствия. По свидетельству известного православного поэта А.А.Солодовникова (1893–1974), умер он «в условиях одинокой старости, но не оставленный друзьями по духу» (Московский журнал. 1992. № 3. С.50). Воспоминания, так же как и рассказы, известные под общим авторским названием «Десять мин»

(«Кремль», «Сережа», «Мама», «Петроград», «1917–1918 годы», «Красноярская обедня», «Исцеление», «Мой доклад», «Успенский пост», «Ливень» и Послесловие) были написаны в 1961 г.

Публикации: «Православная Русь». Джорданвилль. 1989. № 1. С.10–12; № 2. С.13–14; № 4. С.13–14; № 5. С.15–16; № 6. С.12–13; № 7. С.11–12; № 9. С.11–13; № 10. С.10–11; № 11. С.8–10; № 13. С.9; № 14. С.10–12; Храм Николая Чудотворца в Кленниках. Московский приходской сборник. Вып.1. Издание «Московского журнала». М. 1991. С.149–203; *Добровольский А.* Рассказы о старце Алексее Мечеве, о чудесах, им совершенных, и о других чудесах. М. «Мега-Сервис». 1995.

В настоящем издании публикуются лишь те воспоминания, которые непосредственно относятся к о. Алексею Мечеву и Маросейке.

Печатается по машинописи из архива Е.В.Апушкиной.

И после, все восемнадцать дней моего пути (взорванные мосты, разрушенные станции... Медленно, медленно ехали мы на Восток), я чувствовал около себя силу батюшкиной молитвы. Явно творилась надо мной Божественная помощь.
А.Добровольский. «Красноярская обедня»

На «Понеделниках». Клеопатра Иванова

Батюшка весь был любовь. Бывало придешь к нему чем-нибудь расстроенная или с большим сокрушением о грехах, и как войдешь в комнатку, так и разрыдаешься. А Батюшка посмотрит на тебя ласково-ласково и спросит: «Ну, что с тобой, голубушка?» А ты и слова промолвить не можешь от слез и только еще сильнее разрыдаешься. Тогда Батюшка подойдет к тебе, обнимет, прижмет к своей груди и начнет целовать твою голову, лоб и щеки, точно лаской своей хочет он заглушить в тебе горечь твоего переживания, а глазами своими любящими точно хочет прочесть в душе причину этой горести, а сам все спрашивает: «Ну, что с тобой, дорогая, скажи мне». И чувствуя такую сильную любовь к тебе грешной, хочется высказать Батюшке все наболевшее, хочется раскрыть свою душу, как она есть, без прикрас, со всеми язвами, но вместо того только вздохнешь тяжело и, рыдая, прижмешься к Батюшке, да так и замрешь у него на груди. И Батюшка тоже как бы замрет вместе с тобой. Видно, в тот момент он молился, и сразу легко и радостно станет на душе, точно и горя у тебя не было. Взглянешь на Батюшку веселыми глазами, с благодарностью. Батюшка поймет тебя и скажет: «Ну, теперь расскажи, что с тобой было?» Стало быть Батюшка уже знает, что не стало твоего горя, что он тебя «разгрузил», и сам весь засияет от радости. Расскажешь ему все и, получив благословение и просфорочку, или яблоко, или листок духовный, или иконочку, летишь как на крыльях.

Как-то написала я ему в Верею, что его Краткое правило очень трудное. А Батюшка в ответ написал, что младенцам духовным, таким шаловливым баловницам прежде всего надо поучиться слушаться отца духовного и маму, и тогда это правило легко покажется.

На Маросейке мне как-то все сразу родным стало: и храм, и сестры, и оба священника, и Батюшка, и о.Сергий. Меня позвали петь на клиросе, а потом стали звать и на квартиру, «на понеделники». Сначала мы собирались возле передней в

комнатке, а когда народа стало больше, перешли в столовую. Незабвенные это беседы! Бывало, чтобы никому не мешать, заберешься под стол и вприщипь взгляд в Батюшкино личико: оно было такое сияющее, когда он говорил, что глаз отвести не хотелось. На этих «понеделниках» ярко и характерно рассказывал Батюшка разные случаи из жизни его духовных детей: дурным примером предупреждая нас от греха, а хорошим научая добру. Евангельские слова Батюшка говорил точно свои собственные.

Пришла я как-то на «понеделник», с искренним желанием работать Богу, не обращая внимания на укоры людей, не желая рисоваться в их глазах, желая делать одно добро. Я еще не знала, как это трудно. Можете вы представить себе мое разочарование, когда я услышала чисто женские мелочные споры и ссоры, ничего общего не имеющие с идеалом любви и всепрощения, о которых твердил Батюшка. Мне было так больно, что я горько заплакала и сказала: «Батюшка, да что же это?» Батюшка весь сжался в клубочек и обратился к сестрам:

Видите, как вы младенца духовного смутили, будет вам ссориться, любите друг друга и прощайте всё. Ну, одна сказала, а другая бы смолчала, не всякое лыко в строку. Ты нервная, а она еще нервнее. Заботьтесь друг о друге. Вот некоторые стремятся в монастырь. А я хочу, чтобы у нас **БЕЛЫЙ** монастырь был, чтобы не было дразг и женских мелочных ссор, чтобы в душе у каждой был монастырь. Ведь стенами от греха и окаяшки не отгородишься. Яшка и окаяшка больше всего нашему спасению мешают. Любви и смирения в нас нет, – скорбно сказал Батюшка. – Вы все говорите: «я», да «я». А разве вы забыли, что «я» последняя буква в алфавите? Смирять себя во всем. Смирять себя, вознесется. Никогда не садись на первое место, иначе со стыдом должна будешь уступить место. Смиряться, носите тяготы друг друга, тако исполните закон Христов. Любите друг друга, а любовь состоит в том, чтобы мы поступали по заповедям Божиим. Смотрите, какую любовь дал нам Отец, *чтобы нам называться и быть детьми Божиими*. Мы теперь – дети Божии, но еще не открылось, что будем. И так подвизайтесь войти сквозь узкие

врата. Прошу вас: *не осуждайте друг друга*. Если кто видит брата своего согрешающего, пусть молится о нем. Как можно осуждать, когда я сам в тысячу раз хуже другого. Кто скажет: «я люблю Бога», а брата своего ненавидит, тот лжец, ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит? Мы имеем от Него заповедь, чтобы любящий Бога любил и брата своего.

Нужно было видеть Батюшкино личико – такое лучезарное, светлое, и какой был уверенный и искренний его голос: «Господи, кто же может спастись? Неужели мало спасающихся?» – спросили Апостолы. Вижу я на ваших лицах тот же вопрос. «Не бойся, только веруй и спасена будешь», – сказал Господь, и я вам тоже говорю. Вера – великое дело. Твердо веруй в Бога, и все сможешь одолеть – и духовные препятствия, и скорби, все понесешь безропотно». Батюшка пояснил и главу о Страшном Суде и заканчивал: «Каким же должно быть нам, ожидающим и желающим дня пришествия Божия? Ожидая сего, потщитесь явиться пред Ним неоскверненными и непорочными в мире». И мы расходились с обновленными душами, с запасом духовных сил на всю неделю, до следующего такого же благодатного «понедельника».

Однажды, незадолго до смерти Батюшки, пришла я к нему с иконкой перенесения мощей святителя Алексия и просила благословить меня ехать в деревню. Он поглядел на меня внимательно и сказал: «Хоть я и не митрополит, а человек Божий Алексей, но что мне пора умирать, это верно. Хорошо, что ты мне напомнила, что я зажился. А вот тебе от меня просфорка и Державная Божия Матерь. Она сохранит тебя от всякого зла». И, благословив, отдал мне и «перенесение мощей» обратно. Я спросила: «Что вы, Батюшка, живите, Господь с вами! Простите меня грешную». – «Приедешь хоронить меня... А, может, и мое тело по каким-либо причинам перенесут с кладбища на кладбище. Устами младенца говорит сама истина».

Все так и случилось. Он умер 9 июня, и мы все вместе, получив телеграмму, выехали на похороны. Хоронили его на

Лазаревском кладбище, а через несколько лет перенесли на Введенское.

Один раз Батюшка долго держал мою голову, сжав своими руками, и все приговаривал: «Не более так за других душой, помни: тебе самой придется очень тяжело хворать». Я ответила: «У меня и так туберкулез». – «Это скоро пройдет, а ты и не предполагаешь, как тяжело будешь болеть головой». И, помолившись со слезами, благословил меня. Да, я не знала, что через несколько дней после его смерти заболею нервным расстройством.

В большие праздники и по воскресеньям после обедни Батюшка посылал меня «на верх», на квартиру разливать чай духовенству и рекомендовал меня им: «Вот младенец духовный!» И всегда они с лаской желали, чтобы я осталась такой, как была.

Батюшка весь был любовь. Как бы он ни устал, как бы ни торопился, всегда находил время ободрить и утешить проходящих к нему. С необыкновенной любовью совершал он Литургию, часто плакал, и это передавалось всем молящимся в храме, и все стояли и молились усердно, несмотря на тесноту.

«Любите друг друга», – вот основное, что внушал Батюшка. «Иго Божие благо, и бремя Его легко есть. Помните это и смиряйтесь во всем».

Усталые, голодные, плохо одетые и обутые мы ежедневно до службы и после нее спешили в храм, чтобы быть с Богом. Материально у нас не было почти ничего, но как много было сил духовных! Поразили пастыря, и рассеялись овцы, не стало уже того единения душ, той духовной поддержки, что была в храме. Куда ни придешь, везде чужая, нет руководства духовного, остались только случайные исповеди.

Помню, после смерти Батюшки многие не хотели его сына признавать за продолжателя его дела. А ведь Батюшка всегда говорил: «Если Господь Бог даст ему сил и здоровья, то он будет больше меня. Не капризничайте, не огорчайте его!» И вот я вижу сон: наш храм, открыты царские врата и Батюшка дает крест, и вдруг он превращается в о.Сергия, потом снова стоит

сам. Этим сном, конечно, Батюшка хотел показать, что он него сын – одно.

Как-то после именин видела я сон, будто рассказываю Батюшке, как я довольна своими именинами. В церкви мы пели акафист или канон Божией Матери на распев, после этого все пошли ко мне домой. Откуда-то появился и Батюшка. Сел среди нас и стал поучать любви и всепрощению, кротости и смирению. Проснувшись я с неземной радостью и решила все, что знаю о Батюшке, записать.

На Маросейку пришла я совершенно случайно – приложиться к плащанице в Великую Пятницу, и впервые ощутила, что это Сам Господь умерший. Конечно, я не думала, что через знакомство с Батюшкой найду ответы на недоуменные вопросы: почему наша, а не другая религия правильная, что Христос был действительно на земле и что Его апостолы записали четыре Евангелия с Его личных слов, а вовсе никто их не выдумывал, как сейчас говорят. На Маросейке же я поняла что такое старчество и духовная жизнь, и поняла толкование Евангелий и жития святых, и полюбила молитву, особенно церковную. Поняла также, что необходимо иметь духовного отца, руководителя жизни, стала молиться и каяться от души, сознавая грехи свои, а не как раньше для проформы причащаться.

Батюшка всегда просил не терять общения с Богом, как можно чаще причащаться.

Вечная память тебе, праведник Божий! Прости, если что не вполне точно передала. Клеопатра ИВАНОВА

Публикуется по машинописи из архива Е.В.Апушкиной. Название в оригинале «Воспоминания Капы. Маросейский Батюшка».

(Автор воспоминаний – Клеопатра Иванова – одна из певчих левого хора. См. письмо № 32)

Записки о Батюшке. Петр Юргенсон

1. Батюшка говорил, что теперь такое время, что все пещерники, схимники должны выйти из пещер и затворов и идти в народ.

2. Батюшка считал необходимым исполнять все заповеди, данные Св.Церковью, но ради любви, которая множество грехов преодолевает, считал возможным все нарушить кроме того, что шло во вред душе; он часто говорил:

Это такое тяжелое преступление, когда кто формальным отношением отстранит, охладит ко Св.Церкви, соблазнит кого; иной и опоздает к началу Литургии, к исповеди, но хочет примириться со Св.Церковью, покаяться в тяжком грехе, много лет, может быть, у исповеди не был, и если ему отказать, то это может его еще более ожесточить, отстранить от Господа.

И Батюшка сам никогда не препятствовал приходить к исповеди даже в то время, когда уже выносили Св.Чашу, и хотя многие, особенно духовенство, соблазнялись им, Батюшка этим не смущался; Батюшка любил приводить в пример многим духовным лицам и архиереям один случай, у него в жизни бывший (надо сказать, что Батюшка приводил его даже в присутствии лица виновного, о чем сам говорил). В одном храме была прихожанка, она вышла замуж гражданским браком за человека неверующего и даже врага Св.Церкви; когда об этом узнал настоятель храма, то он не только не допустил ее до Св.Тайн, но и строго запретил посещать его храм. Однажды в удрученном состоянии духа она решила пойти ко всеобщей в храм; когда же настоятель, кадя храм, увидал ее, то сказал ей удалиться; она вышла в отчаянии (в замужестве она не была счастлива), готова была покончить с собой; случайно кто-то направил ее в храм Христа Спасителя, где ей указали Батюшку, который, когда она пришла к нему, принял ее с отеческой любовью и разрешил, сподобив Св.Тайн, и этим спас душу христианскую от гибели.

3. Однажды, в разговоре о том, как формальным распоряжением иерархов, не учитывающих жизни, могут

соблазнять верующих, Батюшка рассказал случай, бывший сравнительно давно, при покойном митрополите Сергии¹⁵⁴. Митрополит, человек сухой и ученый, издал распоряжение, запрещающее поминание умерших в праздничные и воскресные дни. Батюшка, зная, что народ ходит по большей части в храм по праздникам и будет скорбеть при отсутствии гласного поминовения от диакона, пошел к митрополиту просить отмены его приказа. Митрополит выслушал, изложил богословские основания к своему действию, и сказал, что отменить его нельзя. Батюшка подчинился, и вот в первое же воскресение на Литургии произошло недоразумение; когда Батюшка вышел, по окончании служения, с крестом, то к нему при всех обратилась богато одетая дама, укоряя его в том, что он не прочел ее поминания, несмотря на то, что она дала пять рублей. «Я приехала, услышав о вас, с другого конца Москвы, и не думала, что вы так поступаете, если вам мало, возьмите больше», – говорила она, никак не понимая, что поминание читали в алтаре и Батюшка не причем, а виною ученое распоряжение митрополита.

4. Нарушая иногда правила церковные по любви своей обильной, Батюшка был строг к нарушающим церковное благочестие, не радеющим о чистоте и порядке в храме и не имеющим страха Божия пред св.Престолом и неблагоговейно ведущим себя за богослужением, о чем усердно поучал в проповедях и беседах, и часто повторял, что храм – земное небо, и что «в храме славы Твоея, Господи, не небеси стояти мним», и гневался Батюшка только тогда, когда ревность ко славе храма Божия снедала его.

5. Особенно часто любил Батюшка приводить в пример житие Исаакия Постника, после 30-летнего пустынножительства и чудотворения впавшего в тяжкий грех и снова покаявшегося, а также житие Авраамия преподобного и Марии.

6. Говоря со мной на свадьбе моей сестры о высоком значении брака, Батюшка сказал, что «наивысший и совершеннейший образец воспитания будущей матери – есть воспитание правв.Иоакимом и Анной Пресвятой Владычицы нашей, Которая обучалась рукоделью, Св.Писанию и

проч. богоугодным занятиям, а какое предназначение может быть выше предназначения быть Материю Господа».

7. Батюшка избегал торжественных, пышных служб в храме, особенно архиерейских, так как (тогда) не мог молиться свободно и без стеснения, а если и приходилось ему служить, то он старался стать позади всех и избежать каких-либо почестей, так что его приходилось насильно уговаривать стать на место по заслугам.

8. Батюшка не чуждался общества, любил поговорить, пошутить с молодежью, а в молодости и сам играл на рояле.

9. Говоря о том, что при воспитании детей даже состоятельных родителей нельзя без внимания оставлять приучение к самостоятельности, Батюшка рассказал случай, бывший в его деятельности: у одной молодой девушки были богатые и чиновные родители, и жила она без всякой заботы, окруженная роскошью, – за ней ухаживал целый штат прислуги – одна одевала, другая обувала и т.д., так что ей не приходилось заботиться ни о чем. Вдруг родители внезапно умирают, не оставив ничего в ее пользу, и она осталась без средств к существованию, а так как она не могла применить себя ни к чему, то ей пришлось нанять квартиру на окраине и сдавать ее по углам крючникам, готовить, стирать на них и самой спать в убожестве на детской кровати, где она не могла и ног вытянуть вдоволь.

10. Батюшка тяготился наградами, знаками почета и роскошными облачениями. Как-то по окончании Литургии, после награждения его палицей, он, смеясь, обратился ко мне: «Ну, обрядил ты меня сегодня, отец Петр, запутался я совсем в мечях своих: как поднимусь с колен, то на один наступлю, то на другой». Вообще Батюшка не обращал внимания на себя: облачение у него всегда сбивалось на сторону, камилавка тоже. (Камилавку он вообще не любил носить). Облачения любил самые простые и легкие (в тяжелых из парчи с иконами, ему было тяжело и жарко). Из крестов он любил из слоновой кости и из перламутра, с камнями же надевал лишь по праздникам.

11. За несколько месяцев до смерти Батюшка на приглашения Верейского священника о. Петра Пушкинского

ответил: «Я к вам помирать приеду». Тот же о.Петр, придя к Батюшке за день до кончины с иконой Владимирской Божией Матери, спросил: «Когда же вы, Батюшка, к нам служить придете?» На это Батюшка ответил: «Вот поправлюсь немного, приду, хотя, как поправлюсь? Вот сегодня всю ночь не спал, думал помру».

12. Своим близким о своей скорой кончине и о том, что он себя плохо чувствует, Батюшка ничего не говорил, и лишь по его кончине узнали об этом от о.Петра и О.А.Стренихиной. Последней он незадолго об этом рассказал: «Гулял я в саду и кажется мне, что я иду по дорожке. Оглянулся: оказалось, что я лежу на дорожке. Я поднялся и пошел дальше».

13. По всему видно, что Батюшка совершенно умышленно уехал умирать в Верею, желал, между прочим, и закончить там на свободе свое последнее загробное слово¹⁵⁵, причем все бывшие при нем замечали, что он очень торопился писать, отказываясь от прогулки на солнце, что он очень любил ранее; когда его звали перейти из тени в комнаты на солнце, он говорил: «Нет, я здесь в тени посижу, у меня там мысли рассеиваются, и я не успею написать». Также он говорил: «Ведь я для того и приехал, чтоб написать, в Москве мне бы не дали». Нужно заметить, что обычно с трудом уговаривали его уехать из Москвы, в этот последний раз он уехал охотно и сам назначил день отъезда.

14. Насколько мягок и деликатен был Батюшка в обращении показывает то, что даже сатану он большей частью называл «окаяшкой».

15. В молодости, когда Батюшка был псаломщиком в церкви Знамения на Знаменке, настоятель храма был весьма несправедлив и придирчив к нему и крайне жестоко с ним обращался, заставляя его исполнять самые тяжелые и даже не ему, а сторожу приличные обязанности, как-то: топка печей и т.д. И когда что-либо оказывалось неисправным, то даже ударял его. Местный же диакон заступался за Батюшку, который сам безропотно терпел и все выносил без единой жалобы. Когда много лет спустя его бывший настоятель умер, Батюшка будучи тогда уже иереем, ко всеобщему удивлению тех, кто знал

дурное обращение с ним покойного, пришел отпевать его, провожал до кладбища и плакал, говоря, что покойный был его благодетель, показывая этим свою незлобивость и любовь.

16. Во диакона Батюшка был посвящен в Никитском монастыре¹⁵⁶, во иерея в Заиконоспасском¹⁵⁷.

17. Батюшка не любил и чуждался наград и почестей. Когда прихожане поднесли ему наперсный крест с камнями, он был крайне расстроен, плакал и говорил, что этим крестом на него новый непосильный крест налагается, тогда как он и так делает все, что в силах его.

18. После указа о награждении Батюшки палицей, его пригласили на служение Патриарха¹⁵⁸ в храм Адриана и Наталии¹⁵⁹, на Мещанской, куда я его и сопровождал ко всенощной. За службой, когда Батюшка подошел за благословением к Патриарху, тот потрепал Батюшку по щеке и что-то сказал ему; немного погодя Батюшка подходит и говорит мне, чтобы я не забыл к Литургии принести палицу, которая у нас сделана (Надо сказать, что хлопоты о палице делались тайно от Батюшки). Я так и сделал. Утром прихожу и передаю палицу Батюшке, а он ее взял и, к моему недоумению, засунул в дальний угол за аналой; начиналась Литургия, я подумал, что палицу приготовил уже настоятель. Но нет, проходит малый вход, настоятель о.Павел получил митру, а Батюшка – без палицы, к моему полному удивлению. После Литургии я стал укладывать облачение. Ко мне подходит Батюшка веселый, довольный, и говорит, чтоб я не забыл палицу за аналоем (не то Батюшка сам мне ее оттуда достал). Через неделю Батюшка был вызван на служение митрополита Евсевия в одной домово́й церкви и был награжден, таким образом избежав публичных почестей.

19. В последний год жизни для Батюшки самой тяжелой скорбью было то, что, будучи духом, а иногда и физически бодрым, он был лишен возможности посещать и служить в храме; особенно он скорбел в большие праздники и в Великую Четыредесятницу, которые он в течение более чем 30-ти лет никогда не пропускал. Также удручающе действовало на Батюшку то, что он, по предписанию врачей и по другим

причинам, был лишен возможности принимать к себе народ, с которым он прожил всю свою жизнь одной жизнью. Он тяготился бездействием и был рад беседовать с тем, кто к нему приходил в его уединении от жизни, долго не отпускал и когда говорил о затруднениях к посещению его, то по его голосу чувствовалось, что для него это большой, мучительный вопрос.

20. Батюшка, по присущей ему необыкновенной чуткости и такту, никогда не делал вида, что замечает прегрешения кого-либо, никогда не укорял прямо, а старался навести человека на раскаяние и сознание, как бы случайно заводя речь о подобных поступках, приводя подходящие примеры из жизни.

21. Батюшка редко, в тех случаях, когда просили его совета, отвечал непосредственно на вопрос, а большей частью рассказывал какой-либо бывший ранее в его опыте, случай, отвечавший на данный вопрос.

22. Батюшка никогда никого не понуждал настойчиво к исполнению его воли и даже не подчеркивал своего желания в данном деле и волю свою духовным детям не навязывал. Когда у него просили благословения на какой-либо поступок, то он обыкновенно с первых же слов высказывал свое мнение и отношение к данному предмету. Если же кто-нибудь настаивал на своем мнении, приводя доказательства, то Батюшка бывало и согласится и благословит, но свое мнение он высказывал однажды.

23. Батюшка часто отвечал в неопределенной, неясной форме, так что иной раз можно было его ответ понимать по-разному, бывали случаи, что некоторые переспрашивали его, желая получить точный, ясный ответ.

24. Батюшка своим духовным детям не позволял посещать других старцев и духовников, а особенно различных блаженных и т.п. Он говорил, что духовник должен быть только один и что к нему только и должно обращаться. Также Батюшка не позволял ходить в иные церкви, кроме своей.

25. Батюшка не одобрял дающих обеты сходить пешком в Киев или иную обитель, говоря, что молиться можно и дома, и

даже не пускал идти и давших обет, заменяя паломничество домашним правилом и мысленным поклонением.

26. Батюшка как порицал не посещающих храма Божия по разным житейским недосугам, так и не одобрял ради храма запускающих дом и, особенно, оставляющих детей на произвол, иногда он даже таких матерей прогонял из храма домой.

27. В вопросе об имяславии Батюшка воздерживался от богословских рассуждений, но говорил, что подобные высочайшие вопросы должны разрешаться не всяким, а с величайшим благоговением, страхом и молитвой, а отнюдь не так, как это происходило на Афоне. Рассказывая мне, со слов очевидца, о действиях имяславцев там, Батюшка страшно негодовал, ужасался и говорил, что не может быть истины в такой злобе и неистовстве. (Рассказывал это Батюшка со слов свящ.Алексея с Шанского завода М.Д.У., бывшего послушником на Афоне в то время).

28. О.Константин Ровинский¹⁶⁰ рассказывал о том, как смиренно воздерживался Батюшка от открытия своих духовных достижений. По рукоположению о.Константина во иереи, Патриарх предлагал ему поступить в лучшие приходы Москвы, он же решил сперва спросить благословения Батюшки. Когда он к нему обратился, то Батюшка прямо сказал ему: «Мне для тебя сказано: ступай в Иверскую общину¹⁶¹». Говоря это, Батюшка и не знал, что оттуда уходит священник, а о.Константин и не знал о существовании общины. Когда же о.Константин спросил у Батюшки, как он узнал это, то он ответил ему молчанием и ничего не сказал.

29. Батюшка, давая крест после Литургии для целования, обращающимся к нему за указаниями – как молиться за без вести пропавших, отвечал различно; иным он говорил, что нельзя молиться за упокой, ни за здоровье, а только о спасении души пропавшего и, обернувшись к царским вратам и творя молитвенный поклон, говорил – молись за здоровье или же за упокой – совершенно определенно.

30. Когда в храме случались припадки с беснующимися, то Батюшка никогда не читал над ними молитв и т.д., а делал вид, что не замечает случившегося.

31. Батюшка редко в соборном служении проявлял свои чувства и настроение, но служа один раннюю Литургию, он иногда, от охватывающих его рыданий, затруднялся произносить возгласы, особенно «Приимите ядите» и далее; здесь у него между словами бывали большие промежутки, и говорил он прерывающимся от рыданий голосом.

32. Однажды к Батюшке привели на прием мальчика, приучившегося воровать; Батюшка, ничего не зная о нем, сам отворил дверь кабинета и строго обратился к мальчику: «Ты зачем крадешь? Нехорошо красть».

33. Будучи в последних классах семинарии, когда предстоял выбор между университетом и духовным званием, Батюшка вместе со многими товарищами очень желал поступить в университет и стать доктором, но мать его воспротивилась его желанию, говоря, что желает видеть его своим молитвенником, как священника (Батюшка говорил, что она говорила: «Ты такой маленький, куда тебе быть доктором»). Батюшка покорился ее желанию, но жалел очень о расставании с друзьями и плакал, прощаясь с ними. Батюшка говорил, что до сих пор благодарит мать за ее настояние и с этим рассказал мне раз следующую историю из своей жизни: приходит к нему на совет одна дама и говорит, что она жена одного известного профессора, и по разным причинам не живет с мужем, и просит примирить их; Батюшка дал совет, указал как поступить и устроил взаимный мир. Вскоре приходит после этого к Батюшке муж с благодарностью за его помощь, и с удивлением узнает в нем своего товарища по семинарии. Они очень обрадовались друг другу, и профессор сказал: «Вот я достиг известности, пользуюсь любовью учеников, но сам должен был обратиться к тебе. Твое дело больше моего, и ты напрасно плакал, оставаясь в семинарии».

Последние дни перед кончиной его окружающие замечали, что как будто с ним что-то случилось: тихо говорил, двигался как-то, словно боясь нарушить что-то, что его наполняло, и был каким-то просветленным.

Последний вечер перед кончиной был весел, шутил. Все время был особенно ласков со всеми, часто вспоминая

отсутствующих, особенно внука Алешу. Петр ЮРГЕНСОН

Печатается по машинописной копии из архива Е.В.Апушкиной. Полное название – «Записки-воспоминания о Батюшке отце Алексее Мечеве Пети Юргенсона». Автор – один из братьев, прислуживающих в алтаре, – Петр Борисович Юргенсон.

Открытие учебного года в Народной Духовной Академии гор. Москвы

Народная Духовная Академия находилась в помещении церкви во имя Григория Богослова в Богословском переулке, названном потом Петровским, а затем переименованном в улицу Москвина. Этот храм помещался в центре города между улицами Большой Дмитровской и Петровкой, рядом с театром Корша. В настоящее время этот большой и красивый храм снесен. В 1921 (или в 1922) году должны были начаться занятия в этой Академии. В ней читали лекции видные ученые и профессора бывшей Духовной Академии Троице-Сергиевской Лавры, которая тогда не работала. Читали лекции и такие лица, которые ранее никакого отношения к прежней Духовной Академии не имели. Например, «аскетику» читал Сергей Николаевич Дурылин или отец Сергей [Мечев]. Слушать лекции мог каждый. Среди слушателей были не только юноши, но немало было и девушек. Их, кажется, было даже больше. Однажды, когда я был на квартире у батюшки отца Алексия, Серафима Ильинична, лицо, которое обслуживало Батюшку во всех его житейских нуждах, сообщила мне, что такого-то числа начнет работать Народная Академия, и что первую вступительную лекцию на открытии ее прочтет сам Батюшка. Меня же она просила сопровождать Батюшку в Академию и обратно. Не помню точного названия вступительной лекции, но тема должна быть такая: «О высоте пастырского служения и каким должен быть священник». После молебна, вступительная лекция должна была быть произнесена почему-то в южном приделе храма. Остальные лекции читались всегда посередине храма, где были поставлены скамейки, а студенты, вольнослушатели с бумагой и тетрадками в руках их записывали. Отец Алексий быстро взшел на амвон южного придела, обвел несколько раз глазами всех своих слушателей и заметил, что среди всех собравшихся, я единственный, пишущий эти строки, был мужского пола, а остальные были девушки или женщины. Тема же была о пыстырстве, каким

должен быть священник. Это как бы на одно мгновение озадачило отца Алексия, но он быстро сориентировался, сказал вслух, что из всех собравшихся только один юноша, и тем не менее сразу начал лекцию-беседу так, как будто он говорил перед многочисленной аудиторией юношей, будущих пастырей Церкви. Само выступление его с беседой сразу внушило мне, что никогда не следует отменять проповеди из-за малочисленности народа, никогда не следует отказываться от поучений, хотя бы был и один слушатель. Впоследствии, через очень много лет мне пришлось вести беседы с оглашаемыми, то есть лицами, готовящимися ко святому крещению, и мне никогда не приходило в голову смущаться тем, что я веду беседы с одним, двумя или тремя лицами. – Первейшая обязанность пастыря, – говорил отец Алексей, – быть молитвенником. Пастырь должен молиться за всех людей своих, данных ему Богом. Молитвою и любовью врачевать их немощи и болезни духовные. Это самое первое, – повторял отец Алексей. Второе, чему отец Алексей придавал наиважнейшее значение, – это истовое совершение богослужения. При наличии этих только двух качеств священник уже будет хорошим пастырем. Но и проповедь священника имеет большое значение. Добавьте к этим двум качествам еще пастыря-проповедника! Вокруг пастыря образуется постепенно круг его близких духовных детей. Отец Алексей говорил, что не надо стремиться к широте этого круга, а к тому, чтобы круг близких духовных детей получил хорошее руководство, чтобы они воспитались духовно. Надо действовать вглубь, а не вширь. Широта же придет сама собою. Пастырь должен входить во все нужды своих детей, должен с любовью служить им. Никого не должен отвергать, никем не должен гнушаться. Христос на земле не гнушался мытарями и блудницами и приводил их к покаянию. Он приводил к этому множество примеров из своей богатой практики. Это всегда было в стиле всех его бесед. Не помню, был ли этот случай рассказан в другое время или на данной беседе, не смогу сказать точно. Но он особенно запомнился мне, как один из его многочисленных примеров. Одна женщина, по-видимому из высших слоев общества, была

настолько обуреваемая плотской страстью, что, услышав из своей квартиры старьевщика, собирающего поношенные вещи («Шурум-бурум берем»), позвала его к себе, накинула крючок на дверь и бросилась на шею татарину. Опомившись, она выгнала его вон. После этого она не находила покоя и хотела утопиться в Москве-реке. Сколько нужно было такта и осторожности, терпения к этой женщине, чтобы ободрить ее, извлечь ее из глубины отчаяния! Особо большое значение отец Алексей придавал исповеди. Он считал лучшей формой исповеди ту, когда исповедующийся сам, не дожидаясь вопросов, исповедывал свои грехи. Но не всякий это может, приходится помогать. Очень сильно он говорил против так называемой «общей исповеди». Он называл ее недоразумением. «Многие думали, что они поисповедались, а в действительности нет». Он говорил также о необоснованности оправдания общей исповеди ссылками на [о.] Иоанна Кронштадтского. То был отец великой духовной силы, и мы себя с ним сравнивать не можем. Итак, молитва, любовь к прихожанам, вхождение в их нужды, истовое отправление богослужения – основа пастырского служения. После открытия Богословской Народной Академии, вступительной лекции отца Алексея, он уже больше не читал. На смену ему пришли основные кадры преподавателей этой Академии.

Печатается по машинописной копии из архива Е.В.Апушкиной. Автор неизвестен

Батюшкины фотографии. Александра Лазарева

Ходила ко мне одна девица и все просила меня сходить к Батюшке отцу Алексею. Долго я собиралась и, наконец, решила: пойду, да и все. Пришла в церковь, простояла обедню. Батюшка просфоры раздавал и все выбирал, какую мне дать; благословил, улыбнулся и крепко мне руку пожал. «Какой он хороший», – подумала я, а святости его не узрела.

Стала я ходить изредка в церковь. Старушки там мне советовали, чтобы я чаще причащалась. Я и начала причащаться каждые шесть недель, а как к Батюшке поближе подошла, он мне и говорит: «Причащайся как можно чаще; как выйдешь из дому, так и причащайся».

Запил у меня муж, пропадал по неделям. Много я сокрушалась о нем: где он у меня, не замерз ли, не то еще что случилось, Одному Богу известно. Бегу к Батюшке с горем, рассказываю, а он повернулся к алтарю, помолился: «Завтра пьяный придет». На другой день, действительно, приходит муж пьяный, – опять горе. А Батюшка, бывало, пожалеет меня: «Ах, ты, моя плачущая!»

Стал у меня муж просить отдельную квартиру. Спрашиваю я Батюшку: «Может в чем я виновата?» Обвел меня Батюшка глазами: «Дурачится он у тебя. Жалей детей, а он у тебя в своем разуме». – «А как же вещи и квартиру?» – «Не давай ничего». Не послушалась я Батюшки, сняла мужу квартиру, отдала несколько вещей, работу из мастерской. Недели две пропадал муж, все заложил и ко мне же назад вернулся.

Было у меня сильное желание вытащить мужа в церковь: думаю снимет с него Батюшка всю ту кору, которой он покрыт, и станет мне с ним легче. В то время сильно болела сестра мужа, а у нас в храме был престольный праздник – Николая Чудотворца. Я и зову мужа: «Пойдем, да пойдем, помолимся о сестре», – а он упирается. Насилу я его уговорила. Подвожу к Батюшке: «Вот, мол, мой муж». – «Вот и хорошо, очень рад».

Поцеловал его раза три. С тех пор, хоть изредка, а все муж ходит в церковь, характер помягчал и пить стал реже.

Хотела я одно время продать портновскую мастерскую. Спрашиваю Батюшку, а он говорит: «Нет, не продавай. Как была портниха, так и останешься». По молитвам Батюшки и посеючас работаю.

В голодный год теребил меня муж: «Поедем да поедем в урожайную губернию!» А я ему-то, хошь и не говорю, а думаю, что без Батюшкиного благословения ни за что не поеду. Прихожу к Батюшке во время всенощной.

– Куда ты удумала, никуда я тебя не пущу!

– А муж-то?

– Муж, муж!

Стали мы Батюшку провожать из церкви, а подошел Батюшка к двери, обернулся, приподнялся на пальчиках, погрозил мне рукой:

– Лазарева, Боже упаси тебя, не езд!

Муж же не перестает настаивать: «Продай все, поедем». Тогда я решаю вести мужа с собой к Батюшке. «Владыка, – говорю, – будет служить – Тихон», – уж не знаю, чем его заманить.

Пришел муж в церковь, видит народ подходит к Батюшке. Я и говорю: «Спроси его, ехать в деревню или нет». Муж и спрашивает:

– Благословите в деревню.

– Вот тебе деревня, – показал Батюшка на меня, – и живи с ней. Куда ты поедешь, свои старые кости повезешь? Мы с тобой любим чайку попить, а там дожидайся, когда тебя позовут. Дома вздумал, поставил самовар и попил.

Так мы и остались, никуда не поехали.

Сами-то не поехали, а дети-то из ума не выходят: как быть с ними. Пошла опять к Батюшке. «Хотим, – говорю, – детей отправлять к родным». Личико у Батюшки поскучнело: «Да ну, пожалуй, отправь». Неохотно благословил Батюшка детей отправить. Около года прожили дети в деревне; пропуску туда не было, так мне их и видать не приходилось. Иду к Батюшке в день его Ангела на квартиру, а он тут же мне и говорит: «Давай

помолимся, чтобы тебе их в живых увидеть. Хлопчи пропуск, а я помолюсь. Туда-то хорошо доедешь, а оттуда тебе трудно будет».

Ну и действительно, трудно было вернуться: три ночи на станции с детьми сидела, на четвертую ночь говорят: поезд подают, ехать можно будет. Со мною двое детей, два пуда пшена везу, справлюсь ли со всем этим одна. Как стала на поезд-то садиться, девочка у меня и упала под поезд, хочу ее поднять, – темь такая, что найти не могу, насилию подняла.

Приехала в Москву, иду к Батюшке. Обрадовался он нам, благословил детей.

* * *

Служил как-то раз Батюшка в нашем приходе, у первомученика архидиакона Стефана, пошли мы туда помолиться со старшей дочерью и зятем. Увидела моя дочь Батюшку, да и говорит: «Пойду сейчас домой, уберу, приготовлю стол, а ты зови-ка Батюшку к нам чай пить».

Кончилась обедня, выходит Батюшка из алтаря, удивленно так посматривает на меня: «Да ты здесь?»

– Батюшка, говорю, – ко мне чай пить!

А он так охотно соглашается:

– А проводишь ты своего Батюшку?

– Провожу.

Идем с Батюшкой вместе, а зять идет сзади. Пришли мы к нам. Батюшка заложил назад ручки, ходит по комнате веселенький:

– А все-таки мне нравится, как ты живешь-то!

Попили мы чайку, проводила я своего Батюшку домой. Прихожу обратно, а зять меня и спрашивает: «Что такой за Батюшка?» Объясняю я ему, что Батюшка духовный отец мой. А он говорит: «Шел я сзади вас и все смотрел и дивился: идете вы как все люди, а Батюшка идет по воздуху, палочкой помахивает; я так и сяк смотрю: что такое, – идет Батюшка и земли не касается».

* * *

В голодное время понадобилось зятю за хлебом поехать. Прихожу к Батюшке на совет: «Благословите за хлебом зятю

поехать».

– Как его звать?

– Александр.

– Как тещу?

Стал Батюшка молиться:

– Ух, какой он, уж какой! Ну пусть едет, дай Бог.

Ну и правда, тяжелый характер у зятя был: самолюбивый, настойчивый, гордый, ужас какой.

Не везло нам одно время в деле. Я и думаю: пойду Батюшку позову – молебен на дому отслужить. Пошла к нему в девять часов утра: часов до четырех прождала я у него. Выйдет Батюшка, посмотрит на меня: «Жаль мне тебя, а пойти не могу». Я ему скажу: «Батюшка, Батюшка». Он уйдет, через некоторое время опять выйдет, опять то же говорит. Наконец выходит Батюшка: «Иди, целый день ты у меня засиделась, приходи завтра».

А нужно вам сказать, в это самое время уж больно мой муж был сердит на Батюшку.

Прихожу на другой день. Батюшка пошел со мной. Привожу его к себе, а у меня комнаты не топлены, закрыты, пришлось принять Батюшку в мастерской. Была у меня на руках внучка – Лидушка. Горько я о ней сокрушалась: не любил зять эту мою внучку. Стою перед Батюшкой, смотрю то на него, то на девочку, а сама горько плачу.

– Да ты что плачешь-то? – удивился Батюшка.

– Да как же не плакать-то, – говорю, – уж больно отец-то ее не любит.

Батюшка встал, погладил мою внучку по головке, поцеловал, благословил.

С тех самых пор полюбил ведь зять Лидушку, жалеть ее и играть с ней стал; а то бывало лежит девочка как колтушка, а он на нее никакого внимания.

* * *

Вышел такой случай – не хотела моя дочь меньшая, Зина, в церковь идти, да так заупрямилась, что никак не могу на нее ни платья, ни пальто надеть: выпрямила руки, как палки, не согну, не разогну. Измучила она меня вот как. Прошу Матерь Божию:

«Помоги мне». Кое как одела, веду за руку, дело было зимой, а она все озирается, как бы удрать от меня. Так почти до самой церкви. Подвожу ее к Батюшке на исповедь, без очереди, становлюсь перед ним на колени, держу дочь за руки.

– Ты что, в церковь не хотела идти? Ну, иди сюда, Зинушка.
– Стал ее Батюшка исповедывать.

Кончилась обедня, выходит Батюшка из алтаря, а я ее как раз первую и подвожу. Батюшка развернулся, да раз по щеке ее, так что по церкви раздалось. «Ну и ударил же Батюшка», – подумала я, а дочь говорит: словно погладил, ничего не почувствовала. Пошла дочь моя его провожать, а он ее вплоть до двери все за шею щипал.

* * *

Пожелалось мне очень иметь Батюшкину карточку. Прихожу к нему в кабинет и говорю: «Батюшка, как мне хочется иметь вашу карточку».

– Голубушка, да ведь я бы тебе дал, да у меня нету. Будет – дам. А я ему так смело отвечаю: «Что если бы сняться».

– Ну, что же, да, пожалуй, ладно.

Крепко я задумалась, как мне поступить. Пошла к образу Феодоровской Божией Матери, молюсь и прошу Ее помочь мне. Деньги у мужа были, а дать знаю, что не даст, что делать? Пошла из церкви к крестной моей дочери Жене, знаю, что деньги у нее есть, сказать только ей боюсь. Понабралась храбрости, да и говорю: «Хочется иметь Батюшкину карточку, как быть не знаю». Вынимает она из кармана сорок рублей и дает; с этими деньгами к Батюшке на другой день. – «Как же, Батюшка, – говорю, – сняться-то?» А он мне: «Посмотри-ка сколько народу-то и на парадном, и в кабинете, и на черном ходу, – везде народ, а ты подумала сниматься, где же тут?» Огорченная ушла я от Батюшки. Опять же к Владычице, молю: «Помоги мне, как быть». Не успела я дойти до ворот, пришла мне в голову мысль: «Сходи в фотографию, уплати деньги, принеси квитанцию Батюшке. Вмиг я это сделала, уплатила деньги, принесла Батюшке квитанцию. – «Вот и возьми ее, – развел Батюшка руками. – Серафима, смотри что она делает-то.

Сказать мужу-то, Василию Петровичу, он ей задаст», – а сам радостный, веселенький.

Долго-долго Батюшка не снимался, много раз дочь моя Зина бегала, напоминала ему, все ему время не было. Подхожу как-то к Батюшке на исповедь, а он мне и говорит: «Я твое послушание исполнил – в трех видах снялся». Горько мне стало, как же это так, дала я Батюшке послушание. «Простите, – говорю, – Батюшка, что я Вам послушание-то дала». А он смеется: «Вот и тебе послушание...» Но этого послушания я до сих пор не исполняю.

Бегу я взять пробные карточки. Прихожу, мне говорят: «Батюшка только сейчас был». Я опять к Батюшке; пришла лежит он в кроватке, веселый: «А ты хотела вперед меня взять, ишь какая. Ну вот, подай-ка мне со стола-то. Какие-же?» – «Да вот, – говорю, показываю на одну, – это-то наш Батюшка, а это непохоже». – «Ну, эту и заказывай». – «Батюшка, у меня-то будет, благословите и другим». – «Ну вот видишь, и тебе и всем. Ну, дай Бог, что же с тобой».

Горела я сердцем, чтобы Батюшка мне карточку подписал. Подхожу ко кресту, а Батюшка смеется: «Поспеешь». Не поняла этих самых слов Батюшки, пошла к нему на квартиру, простояла целый день, так ни с чем и ушла. На другой день без всякой задержки, одной минутой Батюшка мне подписал.

* * *

Было такое предположение, что Батюшка в ссылку от нас уедет. Прихожу к нему и говорю: «Как же быть?» – «И там солнышко светит».

* * *

Заболела у меня рука. Батюшка мне говорит: «Иди к доктору». – «Батюшка, да я к докторам-то не хожу». – «Иди, иди, ты все от Бога чудес ищешь. Я за тебя помолюсь». При операции перерезали мне жилу, и доктор мне сказал, что палец мой сгибаться не будет. – «Верь ты мне, – посмеялся Батюшка, – будет сгибаться и будешь работать». Взял мою руку и много-много раз ее благословил.

* * *

Было нехорошо моей жиличке, никак она в церкви не могла стоять, валилась с ног, тянуло ее из церкви вон.

Пошла со мной к Батюшке на исповедь. Долго она перед этим не ходила в церковь. Почти всю всюнощную продержал ее Батюшка на исповеди, так что народ возроптал. Постоит, постоит около нее, уйдет в алтарь, помолится, опять придет, а разрешительной молитвы не дает. Долго так продолжалось. «Скажи, что ты хотела с собой сделать», – наконец спросил Батюшка. «Батюшка, хотела себя загубить: подавал мне человек о трех головах веревки: тебе, говорит, лучше будет». – «Глупая, глупая, на кого ты своих детей-то оставила бы?»

После исповеди и причастия стало ей легче. «Дай тебе Бог доброго здоровья, Александра Ивановна, что к своему Батюшке меня сводила», – поблагодарила меня жиличка.

В голодное время поехали ребята этой самой жилички за хлебом. Долго не возвращались. Послала я ее убрать за меня в церкви. «Пойди, – говорю, – убери, я тебе за это хлебца дам, да, может, там и Батюшку встретишь, попросишь его за детей помолиться». Чистила она на лестнице подсвечник, проходил Батюшка мимо нее, она его и просит за детей. – «Ну, помолюсь, как имена-то их?» Дня за два до Пасхи приезжают дети, разутые, раздетые и рассказывают о крушении того поезда, в котором они ехали, – один единственный вагон остался, где они сидели, и тот перекувыркнулся. Ужас, чего только они не натерпелись, только что целы остались.

* * *

Переводили моего зятя из Мясницкой в Рогожский комиссариат. Вся в слезах пришла ко мне дочь и с ужасом в лице рассказывает о переводе мужа. Предполагалось, что жизнь ее вместе с этим сильно ухудшится. – «Иди к Батюшке», – посоветовала я ей. Не допустили мою дочь к Батюшке, когда она к нему пошла. Повела я ее сама на другой день. Встречаем мы Батюшку около самого крыльца и рассказываем, что дело это уже можно считать конченным, бумаги пересланы, как быть не знаем. «Приятель, поди-ка сюда, – обратился Батюшка к зятю, который тут же поодаль стоял, – ты похлопочи, а я помолюсь». Зять остался на прежнем месте.

Накануне отъезда Батюшки в Верею я была у него часа в три-четыре. – «Смотри, приходи завтра. Не забудь: последнюю обедню служу, девчонок приводи». – «А ну, как муж-то ворчать будет, да и детей-то ведь рано будить, не проснутся они, Батюшка!» – «Проснутся, проснутся, приводи!!!» – «Батюшка, благословите поехать отдохнуть! – «Поезжай, поезжай». – «Да что-то душа болит, Батюшка, большой охоты ехать-то нет, как словно в церкви что должно случиться». – «Говорю тебе, поезжай, отпускаю. Что тебе еще нужно, на все воля Божия».

Терпение, смирение и кротость. Последние словечки Батюшки.

Благословил и пошел домой.

Александра ЛАЗАРЕВА

Воспоминания публикуются по машинописи из архива Е.В.Апушкиной. Название в оригинале «Воспоминания Александры Ивановны Лазаревой».

Священник

Сказывали, Вы любите эти цветы. Под впечатлением сказа посылаю их с благодарной памятью.

Смотрите, какую любовь дал нам Отец...

(1Ин.3:1)

А заповедь Его та, чтобы мы [...] любили друг друга, как Он заповедал нам.

(1Ин.3:23)

Прощеное воскресение. Храм переполнен, дышать трудно, но за богослужением все забывается. Литургия окончена. В открытых царских вратах появляется священник, останавливается, медленным взором обводит толпу, низко опускает голову и грустно говорит: «Недолго я еще буду с вами... Скоро, скоро Господь отнимет меня от вас, недостойного служителя...» Слезы навертываются у него на глаза, он быстро их смахивает, поднимает голову, долго смотрит, казалось, сам в себя, словно еще просматривает, еще раз проверяет что-то, и твердо, но как-то задумчиво, медленно, словно для себя, произносит: «Сознательно я никого не обижал». Он отрицательно качает головой. «Я старался каждому помочь...» Последовала маленькая пауза. «Но вот, может, нечаянно...», – и голос Батюшки задрожал. Он весь вдруг как-то изменился, стал маленьким и слабеньким. «Но вот... может быть... кого не поравнял, может к одному проявил любви больше, другому меньше». Голос Батюшки прерывался от сдерживаемых слез, голова ниже и ниже опускалась на грудь. «Может, по немощи моей, что не доглядел... опоздал с помощью, пришел не во время... А может быть...», – он больше не сдерживал слез, он плакал. Голос его стал почти беззвучным, дыхание затруднительным; весь он как-то согнулся, словно громадная тяжесть налегла на него, и вот со словами: «Простите, простите меня, многогрешного», – он, нельзя сказать – сделал земной поклон, – нет, он как бы упал, ослабевши и задыхаясь под тяжестью своих грехов, перед народом и приник лицом к земле... Батюшке помогли встать. Он едва переводил дыхание

и отирал лицо. Но вот ему подали крест. Словно новая сила влилась в Батюшку, он сделал несколько шагов вперед и быстро, но необыкновенно твердо, словно воин, короткими, но сильными ударами рассекая воздух мечем, благословил всех крестом. Он подался еще вперед; народ почти вплотную приблизился к нему, их разделяла только решетка. Стоя теперь, очевидно, на ступеньках амвона и выделяясь больше чем на голову над толпой, спокойный, серьезный, с опущенными вниз глазами, как бы не присутствующий здесь, он казался теперь большим и могучим. Несколько человек, прикладываящихся ко кресту, Батюшка пропустил молча. Потом он облегченно вдохнул полной грудью и поднял глаза. Быстро и зорко обвел взглядом толпу и, всматриваясь в одного из приближающихся к нему, улыбнулся, а через несколько мгновений с любовью, чему-то радуясь, давал целовать крест, благословляя его, и что-то тихо ему говорил. Подошедший казался очень счастливым. Едва ли многие слышали, что говорил Батюшка, но на многих-многих лицах вокруг, некоторых даже стоявших вдали и, конечно, уже ничего не слышавших, а только глядевших на Батюшку, засветилась радость, появилась улыбка. Батюшкина радость, словно солнца лучи в каплях воды, отразились в сердцах многих. Новые и новые лица подходили к кресту, и Батюшка почти всех встречал по-разному. Вот он слушает сочувственно, со слезами к нему подошедшую, быстро повертывается к алтарю и крестится, а потом говорит ей что-то, видимо, утешительное, так как женщина перестает плакать и, отойдя, усердно, но спокойно молится перед иконой. Одних только благословлял, другим что-то спокойно говорил, третьим – словно удивлялся, с некоторыми был строг: по временам будто и не замечал подходивших, даже пытавшихся с ним говорить, с кем-то, казалось, шутил, иных как будто ласково пробирал, а то при виде приближающихся черты его туманились скорбью, страданием. Выражение лица Батюшки постоянно менялось, и видно было, что слова, улыбка, взгляд или движение Батюшки не пропадали, они отзывались в душах подходивших и иногда заметно меняли их состояние, и, казалось, приготовлялся путь Господу, прямыми делались стези

Ему, дол наполнялся, горы и холмы понижались, кривизны выпрямлялись и неровные пути делались гладкими. По временам Батюшка молча подпускал к кресту нескольких лиц, а взгляд его серьезный поднимался и с какой-то думой останавливался на «постороннем наблюдателе», стоявшем далеко и не могущем в безумной голове своей соединить воедино только что прошедший перед глазами «вид великого грешника» с его словами покаяния – с необыкновенной, выявляющейся теперь силой духа. Много лет потом в вечность кануло... Божие милосердие и Ваше привели сего наблюдателя видеть благодатный край, Батюшкой любимый, прислушиваться к течению его рек, дышать воздухом его полей и лесов, любоваться его цветами, внимать пению его птиц, слышать там и Ваше слово, через которое слепец сей, взглянувший назад за многие годы, увидел совершившееся чудо: как незримо для улицы шумящей, для многолюдной толпы мимо идущей, во дворе дома Божьего, на земле сердца, любовью к Богу и ближнему горящего, в трудах, человеческие силы превосходящих, в слезах неизмеримого сокрушения, смирения и самоуничижения строилась Церковь святая Алексия, Человека Божия. И потом смотрел, как чудесная, в вечность вставшая, сокрушению недоступная, многогрешная, лучезарная, словно дерево плодовитое окружилась она храмами малыми, забелевшими, засиневшими, зажелтевшими, золотистыми, алыми. Увидевшему приключилась радость тихая, радость вечная.

Публикуется по машинописи из архива Е.В.Апушкиной. Сокращенный вариант см. в кн.: Отец Алексей Мечев. С.60–62.

Отец Алексей и преподобный Серафим

Отец Алексей был в Сарове на открытии мощей Преподобного, видел многие чудеса, совершаемые им, и всегда с глубокой верой и умилением вспоминал Преподобного. Праздник же Преподобного всегда особенно радостно и торжественно праздновался на Маросейке.

В 1922 году летом отец Сергей Николаевич Дурылин, возвратясь от Литургии на Маросейке в часовню Боголюбской Божией Матери¹⁶², где он был настоятелем, рассказал следующий случай:

Говорят, чудес нет. А я вот сегодня был свидетелем такого чуда. В наш храм на Маросейке пришла женщина, она много плакала и рассказала о себе следующее: она жила в Сибири, в городе Тобольске. Во время гражданской войны у нее пропал сын, она не знала, жив ли он или умер. Она много плакала и молилась. Однажды она много плакала об этом в молитве к преподобному Серафиму. В молитве она изнемогала от слез и вдруг видит преподобного Серафима, который топориком рубил дрова. Вдруг, обернувшись к ней, он сказал: «А ты все плачешь! Поезжай в Москву на Маросейку, к отцу Алексию Мечеву. Сын твой найдется».

И вот женщина, которая ни разу в Москве не была, имени отца Алексия Мечева не слыхала, решила на такой дальний, по тем временам, путь. Ехать приходилось то на товарном, то на пассажирском поезде. Бог знает как она добралась, но, наконец, не только добралась до Москвы, но и нашла и церковь, и Батюшку, на которого указал Преподобный. Вот поэтому-то слезы умиления и радости текли у нее по лицу.

Так закончил свой рассказ отец Сергей. Что же стало с ее сыном, нашла ли она его? Кого спросить об этом, я не знал. Сотни необыкновенных случаев совершались еженедельно в храме, случай этот как бы утонул среди всех других, а отец Сергей уехал в ссылку. Я думал, что никогда не узнаю конца этой чудесной истории.

22 июня 1923 года преставился к вечным обителям отец Алексей.

На поминках его было собрано весьма много народа, большинство его духовных детей. Говорили о разных случаях из его жизни, о его прозорливости, о его умении утешать страждущих и умиротворять их, но никто не вспомнил, или не знал о случае с этой женщиной. Тогда я, пересказав рассказ отца Сергия, спросил, не знает ли кто из присутствующих эту историю, не знают ли, нашла ли мать своего сына?

Кто-то из далеко стоящего от меня стола оказался сведущим. Михаил Данилович А. [сикритов]¹⁶³ сказал всем присутствующим: «Да, была эта женщина, нашла своего сына, приезжала еще второй раз в Москву и поставила в церкви свечку в знак благодарности».

Вот так любвеобильный старец отец Алексей оказался связанным с другим любвеобильным старцем, святым и преподобным отцом Серафимом Саровским.

Из жития Преподобного мы знаем, что он отсылал Мотовилова для исцеления на мощах святителя Митрофана Воронежского¹⁶⁴.

С другой стороны, когда один болящий молился святителю Митрофану Воронежскому, тот отослал его просить исцеления у преподобного Серафима, говоря, что он велик перед Господом.

Настоящий случай показывает духовное родство батюшки отца Алексея к нашему великому святому преподобному отцу Серафиму Саровскому.

Печатается по машинописной копии из архива Е.В.Апушкиной. Автор неизвестен.

Дух Маросейки. Диакон Владимир Сысоев

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

«Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, якоже возлюбих вы» (Ин.15:12–13). Так написано на скромном деревянном кресте, водруженном на могилке батюшки о. Алексея. И когда приходишь к этой могилке, когда читаешь эти бессмертные слова, то никогда не приходит на мысль, что Батюшка умер, что любовь его, великая и самоотверженная, погребена здесь, в сырой могиле. Нет, Батюшка жив, и любовь его жива, как живо Евангелие, как жив Христос, Которому, как добрый и верный раб, служил покойный старец. И приходят к этой могилке труждающиеся и обремененные, алчущие и жаждущие правды, приходят, как приходили когда-то на Маросейку, и вот весь Батюшка; такой простой, живой и любящий, встает перед нами в написанных на кресте евангельских словах. «Дети мои, – как бы говорит он, – вы страдаете вы томитесь, вам тяжело жить на свете? Но все это оттого, что нет любви между вами, что зло и грех повелевают вами. Имейте же усердную любовь друг к другу, потому что любовь покрывает множество грехов (1Петр.4:8). Любите же друг друга! Носите тяготы друг друга, – ибо в этом заключается весь закон Христов».

Храм Свт.Николая в Кленниках

Да, давно были написаны эти божественные слова, давно был принесен на Землю закон любви Христовой, – но и до сих пор люди не поняли любящего и велевшего любить Христа. «В мире был, и мир через Него начал быть, и мир Его не познал» (Ин.1:10). И только такие подвижники, которые могли любить горячо и самоотверженно, которые побеждали кротостью злобу мира сего, заставляли человечество обращаться к Распятому, искать у Него разрешения своих вечных мировых загадок, учиться у Него любить безкорыстно и искренне. Трудно человеку одному жить на свете, трудно справляться с жизненными бурями, ему нужен спутник, нужен кормчий. «...Дьявол ходит, как рыкающий лев, ища кого бы поглотить» (1Петр.5:8). И души,

блуждающие во мраке одиночества, легче всего поддаются его искушениям, легче воспринимают от него семена зла, питающие его порочные наклонности или самолюбие. Здесь-то и нужен вожатый, опытный и искусный, который знал бы малейшие изгибы человеческих душ, который и сам был бы примером любви для ведомого. «Повинуйтесь, – сказано, – наставникам вашим и будьте покорны, ибо они неусыпно пекутся о душах ваших...» (Евр.13:17). Ими, этими наставниками, вожатыми душ, старцами, как мы их называем, держится мир христианский. Это опора, на которой воздвигнуто здание любви и добрых дел. Это поистине возгреватели души христианства, без которых оно превратилось бы в холодную рутину, в собрание умственно понимаемых догматов и обрядов. А знавшие о. Алексея поймут, что для многих, многих и многих он был возгревателем, кормчим, наставником, пламенным херувимом, который сумел возжечь во многих святой огонь любви, загаснувший было в холоде людской злобы и ожесточения. Не знавшим же Батюшку оставляются эти записки, которые хотя и плохо написаны, и человеком, недостойным ничьего внимания, но написаны искренне и с теплым желанием пробудить в душе каждого читающего их – любовь к этому великому человеку. Не жалеете, не знавшие Батюшку, что вы не были его духовными чадами! Пойдите к его могилке, наклонитесь к травке ее или покрову снежному и попросите его принять вас в число его детей духовных. И будьте уверены, что он услышит просьбы ваши, что он ежедневно будет возносить молитвы свои за вас перед престолом Божиим. Приходите к нему, читайте слова Евангелия на его деревянном кресте и учитесь любить! Читайте о нем, ищите людей, которые его знали, говорите с ними, расспрашивайте, поучайтесь. И тогда много-много скажет вам эта скромная могилка, и хоть вы и не знали его на земле, он будет для вас тем же добрым, любящим Батюшкой, каковым знали его мы.

* * *

Поминайте наставников ваших, которые проповедывали вам слово Божие и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их. (Евр.13:7)

Я познакомился с Батюшкой о. Алексеем вскоре же после февральской революции 1917 года. Помню, когда я в первый раз пришел в церковь на Маросейку, то меня многое здесь смущало. Это было поистине столкновение разума с сердцем, законничества, с одной стороны, и великой любви, покрывающей и исполняющей закон, с другой стороны. Я много буду говорить об этом первом впечатлении, об этом смущении внутреннем, потому что многие, подобно мне, смущались, а, может быть, и до сих пор остаются в смущении и неведении относительно «духа Маросейки», а кроме того необходимо указать, как пагубно бывает разумное понимание религии, и сколь часто это понимание препятствует понять мировоззрение даже таких подвижников, как Батюшка, каждый шаг которого – есть убеждающая и покоряющая любовь.

Итак, я был смущен, что мало любил Бога, что в религии видел только путь к удовлетворению жаждущего и любопытствующего рассудка. Мне нравилась строгая, стройная и целесообразная система догматов, меня восхищала красота и однообразие повсеместное священных обрядов. Я веровал в Бога, был предан Церкви, но мало любил Господа. Это разумное, холодное отношение к религии и погубило меня впоследствии и заставило отойти даже от Батюшки. Так учитеесь же, особенно вы – молодежь, на примере падшего человека, как страшно веровать и не любить. Эта вера подобна вере падших ангелов, как написано у апостола (Иак.2:19). Эта вера мертвит, а не животворит, заставляет трепетать – отнимает молитву, заставляет отдавать дань Богу и в то же время погашает надежду. В механическом выполнении обрядов, во внешних формах религиозной жизни, – она видит смысл религии, а о любви и добрых делах говорит вскользь, как о чем-то второстепенном.

Придя на Маросейку (как помню, это было не то в среду, не то в пятницу: обедня была поздняя и после нее водосвятие), я увидел следующее: низенький, морщинистый, со включенной бородой священник и старый диакон совершали службу. На священнике была полинявшая камилавка: служил он как-то поспешно, и, казалось, небрежно, поминутно выходил из

алтаря, исповедывал на клиросе, иногда разговаривал, смеялся, искал кого-то глазами, сам выносил и подавал просфоры. Все это, а особенно исповедь во время совершения Литургии, на меня подействовало весьма неприятно. И то, что женщина читала Апостол, и то, что слишком много было причастников, и неурочное водосвятие после Литургии, – все это совсем не вязалось с моими убеждениями о необходимости однообразия церковного чина. Как помню, эти «Маросейские порядки» смущали многих непонимающих, да и мне понадобилось много времени, чтобы привыкнуть к ним, а затем и понять их как должно. Ушел я из церкви в великом томлении духа. И когда, потом, я узнал, что этот низенький, старенький священник есть тот самый о. Алексей, к которому ходят на советы, – то это заставило меня еще больше задуматься над вопросом: как же это такой уважаемый и известный пастырь может допускать в своем приходе отступления от Устава, каждая буква которого для ревнителя Православия должна быть священна?

Однако, все же я иногда заезжал на Маросейку в церковь, а потом стал ходить очень часто, потому что особенно нравились мне вечерние проповеди, вернее, разговоры душеспасительные с народом, которые Батюшка одно время довольно часто вел в будние дни. В этих проповедях я старался вникнуть в личность о. Алексея, понять, что он есть за человек, и чем больше я думал об этом, тем больше меня тянуло к этому доброму улыбающемуся старичку, который в простых словах беседы сумеет так нежно и бережно затронуть твою душу, что невольно хочется плакать и смеяться, и, кажется, никогда не вышел бы из этой маленькой церковки, никогда не ушел бы от маленькой фигурки Батюшки на амвоне, за аналоем, со свечкой в руке читающего и объясняющего слова святых подвижников или жития их.

Батюшка любил жития святых. Он сам много перечитал их, и в каждом он умел найти назидание, необходимое для пришедшего к нему человека. И проповеди эти вечерние состояли большей частью из объяснений житий.

Скоро я, как-то невольно, зачастил на Маросейку, привык к богослужению, и «неуставность» его меня более не смущала. Наоборот, нигде я не мог молиться так горячо и искренне, как на Маросейке. Здесь чувствуется какая-то «намоленность», какая-то заражающая молитвенная атмосфера, какой не находишь в других церквях. В то время, как люди по традиции или из желания послушать диакона и хор идут в богатые и известные храмы, – сюда люди ходили исключительно молиться. Этим и объясняется тот всеобъемлющий дух молитвы, который не только меня, верующего, но и неверующих – заставлял молиться здесь.

Я помню, как на моих глазах совершилось одно превращение. Ходил на Маросейку какой-то мужчина, по всей видимости неверующий, – потому что, сколько раз я за ним ни наблюдал, – он никогда не крестился, не кланялся и несколько насмешливо поглядывал на священнослужителей. Так продолжалось несколько месяцев. Затем, приходя в храм, я застал его молящимся на коленях и истово крестящимся. Это меня и удивило и обрадовало. А когда я заметил, что он подходит к Евангелию, принимает благословение и целует руку священника, я окончательно убедился, что он добрый православный. Да и лицо у него стало какое-то другое: радостное и умиротворенное. Таких примеров сотни. Придет человек полюбопытствовать, иногда даже покритиковать, посмеяться, а, смотришь, через месяц-другой стоит у амвона и двигается к Причастию. Кто же виновник таких чудесных превращений? Батюшка! Это он создал на Маросейке дух любви, молитвы и отрешения от суетного мира, который жив и теперь, после его смерти, и будет жить до тех пор, пока пасут Маросейское стадо преемники и духовные наместники Великого пастыря.

Теперь только, когда я уже был знаком с Батюшкой лично и когда удостоился служить вместе с ним алтарю Христову, – я вспомнил мое первое впечатление, смущение и затем первое озарение духом Батюшки, – и понял, насколько глубоко я заблуждался тогда.

«...Знание надмевает, а любовь назидает» (1Кор.8:1). Это любил говорить Батюшка, когда я был уже его духовным сыном и приходил к нему за разрешением волнующих меня вопросов. Разум мой «кичил», и довольно часто, так что при всей моей любви к Батюшке и радости «по Бозе», которую я испытывал, находясь с ним, – я не был свободен от мудрствования и сомнений. Придешь, бывало, к нему и спросишь о каком-нибудь сложном догматическом положении. А он ответит с улыбкой: «Да что ты меня спрашиваешь? Я неграмотный». А если уж очень увлечешься толкованиями и размышлениями, он возьмет меня за плечо, ласково-ласково посмотрит, иногда поцелует и скажет: «Ишь ты какой! Ты все умом хочешь жить, а ты вот живи как я, – сердцем».

Этой-то жизнью сердцем и объяснялись те многие «неустановности» в церковной службе, которые допускал Батюшка. В то время, как разум говорил, что нужно считаться с предписаниями Устава, не исповедывать во время Литургии, не вынимать просфор после «Херувимской», не причащать опоздавших после Литургии в северных дверях и т.д., и т.п., сердце Батюшки, горячее и любвеобильное, заставляло его не слушаться разума. «Ну как я откажу в исповеди, – говорил он. – Может эта исповедь – последняя надежда у человека, может быть, оттолкнув его, я причиню гибель его душе. Христос никого не отталкивал от Себя. Он всем говорил: «Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененные и Аз упокою вы». А кто теперь не труждается, кто не обременен различными скорбями? Все угнетены, все озлоблены; и на улице, и на службе, и даже в домашней обстановке кроме ссор, свар и злобы ничего не встретишь, – единственное место, где человек может отдохнуть и примириться с Богом и людьми: это храм Божий. И вдруг – он увидит, что его отталкивают, не допускают ко Христу! Вы говорите: закон! Но там, где нет любви, закон не спасет, а настоящая любовь – есть исполнение закона» (Рим.13:8.10). Поэтому-то Батюшка с чистым сердцем и спокойной совестью

исповедывал во время Литургии, причащал в неурочное время, желая всем и каждому доставить утешение и радость духовную.

И сколько бы ни было исповедников, – он не отойдет от аналоя на левом клиросе (где обыкновенно совершалась исповедь) до тех пор, пока не отпустит и не удовлетворит всех. «И пришедшего в шестый, якоже и единодесятый час» – он одинаково принимает, одинаково улыбается ему своей доброй, согревающей улыбкой. Сам возьмет поминание или записку, сам вынесет просфору, а то скажет пару теплых слов, похлопает по плечу, и скажет: «Ишь ты какой!», – и отходит человек просветленный, и успокоенный. Кажется, ничего такого не сказал Батюшка, но от одного его лица, от улыбки, его глаз – струится такая нежность, такое понимание человека, – что это само собой утешает и ободряет без всяких слов.

Вот почему Батюшка мог за день принимать безчисленное количество народа. Очередь к нему на квартиру «труждающихся и обремененных» становилась с раннего утра. И Батюшка успевал с каждым поговорить, каждого приласкать, каждого утешить! И в то время, как другой священник какой-либо успеет едва с одним поговорить, – Батюшка отпустит уже десять человек. Все это происходило потому, что Батюшка утешал скорбящих и давал советы не разумными толкованиями, не учеными рассуждениями, а голосом своего сердца, многолетним опытом своей любви. И случалось так, что в одном-двух словах – он отвечал на вопросы всей жизни, на сложнейшие жизненные запутанности. Эти слова, правда, иногда были странны. Придешь, бывало, к нему: на душе тяжело, кошки скребут, а он расскажет тебе какой-нибудь веселенький анекдот – и не поймешь сначала, в чем дело? А потом окажется, что этот анекдот и был ответом на все твои скорби и сомнения. Очень часто в этих коротких ответах, анекдотах или рассказах из своей пастырской практики сквозила и прозорливость Батюшки, его предвидение будущего.

Он сам объяснял это своим многолетним опытом, но несомненно, что кроме этого здесь действовала присущая святым Божественная благодать, позволяющая Батюшке проникать в самые сокровенные тайники сердец человеческих.

Поэтому к нему, чуждому светской науки, «неграмотному», как говорил он сам, – приходили и ученые, и профессора, и студенты, и инженеры, и оккультисты, и мистики различных толков, и врачи, и коммунисты, и протестанты, и католики, и даже евреи. Всем, без различия их национальности, положения, возраста, вероисповедания, умственного развития, – всем он был любящим, добрым отцом, который, не затрагивая их больных мест, не касаясь их веры, обычаев, убеждений, – умел дать добрый совет, приласкать, успокоить, помочь материально и нравственно. Нет человека, который знал Батюшку, и мог бы сказать о нем что-либо дурное. Никогда никого не обидит, не затронет ничьего самолюбия, не вспылит, не накажет.

Помню, – много оскорбляющих Батюшку поступков было совершено за время моего служения с ним, – и мною лично, и другими, – он никогда не сердился, никогда не наказывал. Скажет только: «Эх, ты какой? Разве так можно?» И все. И улыбнется при этом ласково-ласково. От одной этой улыбки виноватый чувствовал свою вину, падал в ноги дорогому Батюшке и просил прощения. А если уж очень оскорбят Батюшку нерадением о его духовных чадах, прекословием его любви, напоминанием о «букве убивающей», – Батюшка заплачет и скажет: «Простите меня, дорогие, может быть, я не так делаю, но уж очень жалко мне людей, и хочу, чтобы всем хорошо было». И в ноги поклонится.

И при этом нужно заметить, что Батюшка никогда не обижался на какую-либо грубость по отношению к себе лично. У него не было ни капли гордости или даже самолюбия. «Я – что, я убогий», – говорил он. Единственно, что делало ему больно, это непонимание его души, его сердца, его любви к ближнему. «Не понимаете вы меня», – скажет он, а сам плачет, плачет. Бывало откажет священник причастить опоздавшего или вынуть просфору после «Херувимской», а Батюшка уж весь дрожит от слез. «Да разве можно так?» – скажет он, и причащает сам, или сам же вынимает просфору, никому никогда в жизнь свою не сказал Батюшка грубого или оскорбительного слова. Даже для дьявола было у него ... выражение: «окаяшка»¹⁶⁵. «Это все окаяшка тебя смущает! Ишь он какой!» – скажет он бывало... Да,

многое значит «жить сердцем», и хорошо нужно знать Батюшку, чтобы понять многие его дерзновения перед Господом.

«...Знание надмевает, а любовь назидает». Но это не значит, что Батюшка был против знания. Он был лишь против холодного рассудочного знания, против «буквы убивающей», против растлевающего материализма. И в религии он прежде всего и выше всего ставил этическую сторону, и не любил отвлеченных догматических вопросов, а тем более, темной оккультной мистики, в которую иногда пускались духовные чада. Он не был ни догматистом, ни ревнителем правил и уставов; ни, с другой стороны, мистиком, плавающим в волнах трансцендентных фантазий. Он был пастырем-практиком, знающим жизнь и дающим жизненные советы не на основании отвлеченных умозаключений, а на основании жизненных же, реальных явлений.

Сколько пылких, восторженных юношей, фантазеров и мечтателей под его влиянием делались такими же практиками! «Это, знаешь, – говорил он мне, – можно в такие дебри залезть с умствованиями, что с ума сойдешь».

И вот придет к нему юноша, скажет: «Батюшка, я хочу жениться, я люблю безумно». И начнет говорить о вечной любви, пустится в философию, – а Батюшка слушает, слушает, да и скажет: «Да ты знаешь ли, что такое брак? Брак есть крест». Юноша начнет спорить, а Батюшка в ответ приведет какой-нибудь пример из жизни, например, – поженились двое, потом начались у них разлады да ссоры, и окончилась их горячая любовь разводом. Юноша сердится, не понимает, думает: «Мало ли там что бывает – значит они не любили друг друга, а вот у нас-то и есть настоящая вечная любовь». Так уйдет от Батюшки, не послушает мудрых слов, – а после приходится раскаиваться. Придет к Батюшке, станет плакать, а Батюшка поцелует его да скажет: «Ишь ты какой! Вот не слушался меня. Видишь что вышло? Будь же впредь послушным». И тогда поймет мечтатель, что жизнь есть жизнь, и что только крепко знающие жизнь могут давать мудрые жизненные советы. И закается делать что-либо без

благословения Батюшки, и станет ему легко и радостно жить на свете.

Так и всякого человека не догматом, не рассуждением умственным убеждал Батюшка, а примером из жизни. Любил он для этого брать жития святых и подвижников, творения Св.Отцов, а то и разные примеры из современной жизни. Книг отвлеченных он почти не читал. Помню, мне говорил часто: «Что это ты все философии да богословия читаешь. Ты возьми почитай жития, почитай авву Дорофея»¹⁶⁶. Не понимал я тогда, почему это мне Батюшка так советует. Не потому мне это советовал он, что считал это ненужным вообще, а потому, что меня лично, как мистика и фантазера, губило такое отвлеченное направление, делало жестким, сухим и неспособным к теплomu чувству. Я был далек от жизни, ее скорбей и радостей, ее праздников и будней, ее лица и изнанки, – а Батюшка хотел обратить мое внимание к жизни. «Учись жизни, изучай людей, делай добро», – вот в кратких словах то, к чему хотел направить Батюшка мои мысли. Религия – не в успокоенном блестяще скомбинированными догматами разуме, а в деятельной любви, служении ближним. Не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит? (1Ин.4:20). Любовь есть энергия и двигатель христианства, а разум есть только рабочая сила у сердца.

Быть с людьми, жить их жизнью, радоваться их радостями, печалиться их скорбями, – вот в чем назначение и уклад жизни христианина, а особенно пастыря. Для самого Батюшки давно уже не существовала личная жизнь, – он очень редко оставался наедине с собою, и, помню, когда даже тяжелые болезни заставляли его, по предписанию врачей, ограничивать приемы, не выходить в церковь, – он тяготился этим и весьма часто нарушал свой режим. И готовящимся быть священником он указывал на свой жизненный путь, как на образец пути пастыря. «Ты не думай, – говорил он, – что быть народным священником – удел немногих избранных. Вот я – всю жизнь с народом, я – народный священник, и на меня смотрят, как на диковинку, а между тем каждый пастырь должен быть таким, “народным”». И когда я, помню, приходил к нему с сомнениями насчет своего

пастырства, он успокоительно говорил: «Ты будь покоен. Пастырем ты будешь, я в этом уверен. Но нужно тебе измениться. Ты вот с собой носишься, «блажишь», свое личное переживаешь, а попробуй жить для людей, ну хоть для своих родных, или близких, живи их радостями и скорбями – и забудь о своем личном, увидишь, как хорошо тебе будет».

«Друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов». Батюшка о. Алексей носил на себе безмерные и безчисленные тяготы и скорби приходивших к нему людей, поэтому всем разумным толкователям религии он мог смело ответить словами Спасителя: «Не нарушать пришел Я закон, но исполнить» (Мф.5:17). И в том, в чем люди уже видели соблазн и нарушение закона, открывается для нас великая тайна Батюшкиной любви, покрывающей множество грехов. (Притч.10:12; 1Петр.4:8). «Я твои грехи на себя беру», – говорит Батюшка одному. «Ты меня только слушай, а отвечаю за тебя Господу – я», – говорит он другому, разум которого не может согласиться с советом или повелением Батюшки. Не знающему Батюшки человеку, а тем более неверующему в этих словах не показывается ничего особенного, но тем, кто знал пламенную веру старца, – понятно, что такие страшные и ответственные слова он не мог произносить механически, по заученной формуле, – но что в них он действительно перекладывал на себя тяготы другого. Этим и объясняется та удивительная легкость на душе, радость и спокойствие «обремененных», уходивших от Батюшки. Он действительно, как он сам говорил, «разгружал» их, превращал их из отчаявшихся, угнетенных пессимистов в христиан, постоянно радующихся о Бозе. Стоит только взглянуть в его памятную книжку, испещренную сотнями имен и живых, и усопших, книжку, с которой он никогда не расставался, чтобы понять его собственные слова, которые говорил он, указывая на свое сердце: «Я всех вас здесь ношу!»

Многие думали, что Батюшка, чуждый разумного понимания религии, проповедующий «жизнь сердцем», – является противником всех разумных достижений: культуры, науки, искусства, техники, что он есть именно один из тех «неприемлющих мира», каковыми являлись многие из

подвижников, особенно из числа монашествующих. Нет, окружающие его студенты, техники, художники, писатели знают, что Батюшка не только не высказывался против культуры, но, наоборот, поощрял тех, кто занимался науками и искусством, если все это делалось во славу Божию. Батюшка был только против обоготворения науки, обоготворения разума, – поэтому он многих предостерегал от уклонения в отвлеченность, указывая, что задача истинного пути – дать человеку практические, реальные знания, а вовсе не решать отвлеченные вопросы о происхождении мира или бытии Бога. Равным образом в жизни общественной: он был одновременно и добрым пастырем, и честным гражданином. Он призывал каждого из своих духовных чад честно выполнять свои обязанности гражданина, если только они не противоречат заветам Христа. Помню, в тяжелое голодное время 1920–1921 гг. многие служащие советских учреждений говорили Батюшке, что они манкируют службой, опаздывают, сидят без дела, потому-де, «все равно безбожникам не стоит работать», – и он в силу послушания заставлял их проникнуться чувством долга и честно работать «не за страх, а за совесть», указывая на пример древних христиан, исправно плативших подати безбожным римским властителям¹⁶⁷.

На светлой душе Батюшки не было ни одного греха и против гражданской власти: везде и всюду он был «правилом веры и образом кротости», побеждавшим сердца даже безбожников. И так, не в разуме, «кичащем и надмевающим», а в любви назидательной и согревающей, проходил Батюшка отец Алексей свой жизненный путь от детской колыбели до скромной могилки на Лазаревском кладбище. И эта могилка, как путеводная звезда, должна светить «ходящим во тьме и сени смертной» и напоминать мотающимся «по стихиям мира сего» известные слова поэта: Смерть и Время царят на земле, Ты владыками их не зови, Всё, кружась, исчезает во мгле, Неподвижно лишь Солнце любви¹⁶⁸.

К этому неподвижному, вечно новому и пребывающему Солнцу хочу обратить я ваши взоры, юноши и девушки! Горда и непокорлива юность! В вечном стремлении вперед, изнывании

по новизне, обоготворении «прогресса», – не видит юноша предостерегающих взоров, не хочет слышать мудрых советов. Он – один! Ему не нужны указчики, путеводители – он сам пробьет себе дорогу! И как безумный, жадно бросается он в житейское море и разбивает молодую жизнь о подводные рифы. И, глядя на тысячи, миллионы этих искалеченных преждевременно молодых жизней, этих «хулителей духа», грешников, преступников, нервных, истрепанных вином и наркозами, глядя и на себя, «валяющегося в бездне греховной», хочется крикнуть: «Вернитесь!» Вернитесь из этого ледяного холода, из этого мрака к неподвижному, ласковому Солнцу Любви. Смотрите: люди рождаются, страдают, мучаются, устраиваются, воюют, разрушают, ненавидят, мстят и размножаются, чтобы вновь и вновь безцельно влачить свое существование для какого-то «земного рая» и затем умереть, не дождавшись его. Неужели и мы рождены только для того, чтобы поплясать на маленьком вертящемся шарике и затем безцельно и бесследно исчезнуть?

Взглянем же, братья, вокруг себя: как меняются времена, как меняются люди! Сколько колоссальных завоеваний культуры древних и средних веков делаются нам уже ненужными. Неужели и мы должны напрягать сверхчеловеческие усилия, забывать Бога в дикой работе для грядущего человечества, воплощать небо в своих земных идеях, – для того, чтобы это грядущее человечество через несколько веков посмеялось над нами и сложило бы в архив наши, облитые потом и кровью, завоевания?

Все новое превращается в конце концов в старину, и старое, тоже через века, может воскреснуть, как новое. Но есть сила, живая и вечно новая. Имя ей – Любовь. И снова хочется крикнуть: «Вернитесь! Вернемся, братья!» К этому Солнцу, к этой силе, оставленной нам вместе с материнской грудью.

Отсюда, с Лазаревского кладбища, с убогой могилки – точит Любовь свое чудное миро, которого хватит на всех. Придите же сюда, юноши и девушки, придите вместе со мной все гордые, непокорные, непослушные. Здесь – тихое пристанище от бурь житейских. И если вы искалечены непослушанием, скажете

лежащему в этой могилке: «Батюшка, когда ты был жив, мы не слушали тебя, а многие из нас и не знали тебя, а многие – и осуждали тебя, – прости нас». И простит он нас, как прощал прежде, и засветит великая любовь его в сердцах наших, и превратятся Савлы в Павлов, и блудницы в святых, и поймут все кичащиеся разумом, что «... теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше» (1Кор.13:13). В послушании любвеобильном открывается дорога к небу для юноши прежде, и потом для всякого христианина, для всякого человека.

Каждый, предавший себя в послушание отцам, имеет безпечалие и покой.

(Авва Дорофей. С.38)

Великий послушник великого старца о. Иоанна Кронштадтского о. Алексей сам по себе знал, сколь благотельно послушание для души христианской. Искательства своевольного разума часто приводят человека к ошибкам и падениям, а нередко и к гибели. Предавший же свою волю воле духовного отца, свободен от блужданий. Многовековой опыт старческого окормления подтверждает это, и тысячи, миллионы спасенных послушанием побуждают нас держаться этого спасительного руля, безопасно управляющего жизнью христианина. Батюшка от всех своих духовных чад требовал послушания и указывал, что без этого не стоит и ходить к нему. Я сам по себе испытывал неоднократно, сколь губительно непослушание духовному отцу. Рано или поздно придется раскаиваться, рано или поздно последствия его дадут себя знать. Ввериться же на послушание праведному, опытному в жизни старцу – спасительно, потому что с того момента ты уже отсекаешь свою волю и свои желания, и что бы с тобой ни случилось, ты всегда мирен и спокоен: ты – на послушании, твоя совесть чиста. Причина непослушания, по словам Батюшки, кроется в гордости нашей, в самолюбии. «Самолюбив ты очень, потому и не слушаешь меня», – говорил часто мне Батюшка.

Не имея сам ни капли горделивого самолюбия, – будучи агнцем кротким и незлобивым, – Батюшка и непослушных детей своих любил и терпел их своеволие. Он не умел раздражаться или грозить, и, помню, сколько раз я и другие его духовные дети, выслушав его совет, – поступали все-таки по-своему, – он никогда не скажет с раздражением, не обвинит, не осудит, а скорее промолчит. И только тогда, когда непослушный на своей собственной спине почувствует губительные действия своеволия, – он скажет: «Ну вот, я говорил тебе, не делай так, видишь сам, что вышло».

Под послушание Батюшке объединилось много его духовных чад, составляющих ныне «ядро» Маросейки. Это ядро было так проникнуто духом Батюшки, что и теперь, после его смерти, Маросейка живет по-прежнему, в служении Богу духом и истиною, как жила при нем живом и действующем. Этот дух Батюшки, дух его старческого учения есть нечто своеобразное и самодовлеющее.

При жизни своей, например, Батюшка не любил, чтобы его духовные дети обращались одновременно и к другим старцам. Многих, просившихся к старцам в скиты или монастыри, – он прямо не пускал. Конечно, критики могут объяснить это нежеланием Батюшки иметь конкурентов, – но для тех, кто знал старца, – ясно, что это запрещение исходило из глубины его любящего и пекущегося сердца. Батюшка и его учение были так непохожи на учение многих других старцев и подвижников, по большей части монашествующих, далеких от реальной жизни. Конечно, для человека, впервые предающего себя на послушание, и эти старцы могли оказать спасительную помощь. Но для человека, уже бывшего на послушании у Батюшки, они не могли бы оказать пользы душевной и, наоборот, могли бы внести немалое смятение и беспокойство в его душу. Все это произошло бы не потому, конечно, что они не старцы или недостаточно опытные духовно, – а потому, что их путь расходится с тем путем, который предначертан для своих духовных детей Батюшкой.

Батюшка очень любил говорить, что «путь ко спасению у всякого свой и в своей мере».

Нельзя установить общий путь для всех, нельзя составить формулы спасения, которые объединили бы всех людей. Как рождаются люди с различными задатками, свойствами, умом и сложением, так и ко Христу идут они каждый в своей мере, каждый по своему пути. Посему христианство считает одинаково спасительными и целомудренную монашескую жизнь, и брачное сожителство, и состояние пастыря, и состояние мирянина, и состояние воина, и состояние судии.

И в самом достижении христианских совершенств немало градаций: иной дошел до высших ступеней, иной взбирается к

середине, а иной только вступает на лестницу добродетели. И каждый дойдет до Господа в своей мере. Поэтому точной формулы поведения, точного определения жизни у христианина нет.

Христианину поставлен идеал – Господь Иисус Христос, и в меру своих сил он должен стремиться к этому идеалу. А до какой степени дойдет он в своем достижении, – в такой и воспримет его Христос. Посему и путей ко Христу много. Каждое человеческое звание, состояние, должность, каждое индивидуальное свойство – есть уже особый путь. И задача старца, духовного отца – раскрыть в человеке его призвание и указать ему путь, каким он должен идти к Небу. А поскольку и у каждого старца есть свой личный, проторенный путь к Небу, свое личное разумение вещей, то скитание по старцам не может дать ничего устойчивого пытливым христианской душе.

Много значит здесь и духовное воспитание старцев. Одни из них, как Батюшка, с юных лет жили с народом, испытали радости и горести семейной жизни, не бегали от мира, жили, можно сказать, в самой гуще жизненной и опытны были опытом реальным, практическим. Другие же, не менее праведные, не менее угодные Богу, – жили в уединении от мира, в монастырях и скитах, семейной жизни не знали, людей видели лишь вскользь и мимоходом, и большую часть своего опыта заимствовали из личной борьбы и книжных сочинений. Конечно, их советы, их указания будут во многом разниться от указаний подобных Батюшке старцев и, принося, может быть, пользу людям со стороны, – раздвоят духовную жизнь пришедших от народных, мирских старцев.

Батюшка, поэтому, если и посылал кого-либо к какому-либо старцу, то только к такому, который «одного духа» с ним, начертанного Батюшкой. И когда некоторые его духовные дети спрашивали: «К кому же ходить после его смерти?», то Батюшка отвечал: «Ни к кому». Этим он хотел сказать, что «у вас есть мои слова, мои письма, мои указания, в вас жив мой дух, у вас есть люди, знавшие меня и преданные мне, которые от себя ничего говорить не будут, – наконец, и я сам невидимо с вами, поэтому в ином старце вы и не нуждаетесь. Сохраните

мой дух, берегите Маросейку, слушайтесь оставленных мной пастырей, – и этого достаточно».

Это, конечно, вовсе не означает концентрации Православия в Маросейском храме. Это совсем не есть, как думают некоторые, произвольное отчуждение Маросейки от остального Православия. Это не значит, что если, не дай Господь, храма Николы в Клениках не будет, то прихожане его будут, как сектанты, гнушаться других храмов и собираться в частных домах.

Нет, это значит лишь то, что духовные чада Батюшки остаются верными своему духовному отцу, что они не сойдут с пути, начертанного им во время его жизни, что они не предадут себя в руки старца духа, чуждого духу Батюшки.

Конечно, словами «ни к кому» Батюшка не запрещает исповедываться у других священников, принимать Св.таинства, ходить в другие церкви в случае нужды; он запрещает только жить другим духом и завещает всем помнить его жизнь – сплошной подвиг любви – и по ней устроить свое спасение.

3. Письма Батюшки

Память праведного с похвалами!

У меня остались несколько драгоценных документов: писем, писанных рукой Батюшки. Правда, некоторые из них носят характер интимный, они писаны для меня лично и не будут понятны читателям. Другие же, хотя написаны для меня, но имеют в себе разрешение вопросов, интересных для каждого, желающего что-либо узнать о Батюшке, почему я и решаюсь выписать их, исключая собственные имена и строчки интимного свойства.

Письмо 1-е

Горячо полюбив тебя,.. как сына, сердечно желаю видеть тебя истинным христианином, смиренным, кротким и чистым по сердцу. Прежде тебе я говорил, дорогой мой сынок, чтобы ты отвыкал от самомнения, гордости, которые, кроме гибели и горя, ничего не дадут. Губили они старых людей, могут погубить и тебя. Тебе советую, чтобы утвердиться в смирении, на утренней и вечерней молитве читать молитву Ефрема Сирина: «Господи и Владыко живота моего». Затем хорошо тебе делиться мыслью с опытными и хорошо известными тебе людьми и получать от них назидание; оно не мешает, даже полезно бывает, принимать участие или, лучше сказать, слушать разговоры в обществе о духовных серьезных вопросах, что может развить тебя еще более, но отнюдь не принимать участия и даже удаляться, когда будут вестись пустые разговоры. Старайся думать о Сладчайшем Иисусе и воплощать в себе Его жизнь и учение. Что скажут о тебе люди окружающие, неважно... Что же касается поездки на дачу к родителям, то, ввиду вашего с о.Сергием¹⁶⁹ решения: с Богом, исполни желание родителей, но в неделю не более двух раз. Я боюсь, что поездка в вагоне не совсем благотворно подействует на тебя, хотя поездка двухдневная в неделю несколько отвлечет тебя от... и может принести тебе пользу... Благословение Господне почиет на всех вас. Многогрешный прот. Алексей. Молитесь с о.Сергием за меня.

Это письмо было написано мне Батюшкой впервые после того, как я окончательно стал его духовным сыном. Из него видно, с какой любовью и вниманием подходит Батюшка к юной, еще мало тронутой жизнью душе. Усматривая в гордости и самомнении главную болезнь этой души, он дает свой старческий рецепт: читать молитву св.Ефрема, делиться мыслями с опытными людьми, принимать участие в серьезных разговорах и чаще думать о Спасителе. Действительно, после применения этого лечения, мне бывало много легче, и если бы я и в дальнейшем пользовался этими средствами, то, может

быть, и освободился бы от этого тяжелого недуга. Внимание Батюшки, его любовь простираются даже до того, что он боится отпускать меня часто на дачу, ввиду того, что вагонная публика и разговоры могут заронить в мою душу семена зла и соблазна. Так относится Батюшка к молодежи вообще, бережно и осмотнительно, дабы не погнулся преждевременно хрупкий стебелек молодой жизни.

Письмо 2-е

Дорогой...! Очень рад, что в настоящее время ты совершенно изолирован от всего и можешь, как следует, отдохнуть. Верю вполне, что ты будешь сперва скучать, но что делать, все это для тебя необходимо – и подкрепиться телом и отдохнуть душой. Будь уверен, что мы молимся за тебя и будем молиться и впредь, чтобы ты, совершенно подкрепившись, мог продолжать начатое тобою служение Богу от чистого сердца вполне добросовестно. Будь здоров. Христос с тобою. Горячо люб. тебя дух. отец твой, грешн. Алексей.

Это письмо написано Батюшкой во время моего пребывания в санатории, равно как и два последующих.

Письмо 3-е

Дорогой... Очень рад, что ты в санатории и начинаешь привыкать к санаторной жизни: там тебя ничего не волнует, ты можешь совершенно успокоиться. И, придя в себя, можешь начать настоящую духовную жизнь, следить за собой, и если будут появляться дурные мысли, желания, ты сможешь отбросить все греховное, как ребенок, через немедленное, хотя мысленное, обращение молитвенное к Пресвятой Богородице, как к общей Матери: «Владычице, спаси, сохрани меня, окаянного, я хочу быть чистым, близко стоять к Тебе», – а потом взывать: «Иисусе Сладчайший, спаси меня окаянного, привлеки к Себе, не возгнушайся блудницы и разбойника», – и такая молитва наверное сделает свое дело, даст тебе возможность выгнать из глубины души твоей греховную мысль; затем тотчас, смотря на то, в какое время придет тебе такая мысль, – брать серьезную книгу для чтения, работать, гимнастические делать упражнения, читать св.Евангелие или Псалтирь и, наконец, взять молитвенник и читать по нему, хотя сперва механически самые молитвы вечерние или утренние, а еще лучше покаянный канон Господу. Затем старайся не быть в праздности, читай авву Дорофея¹⁷⁰ и Добротолубие¹⁷¹, и, не сомневаюсь, настроишь себя по-настоящему. Тебе непременно нужно владеть собою, старайся осознать чувство долга и развить в себе силу воли, а это даст тебе возможность не быть преступником, а, наоборот, спасти себя, спасти и других, что требует от нас Христос Спаситель. Велик не тот, кто никогда не падал, а кто часто вставал. Дети при начале своего хождения часто падают, но при помощи старших встают – не будем и мы с тобою, дорогой мой сыночек..., бояться падать вначале, но тотчас с плачем обратимся к Господу: «Господи, спаси, сохрани и помилуй меня, немощного», – и Милосердный Господь тотчас откликнется и скажет: «Не бойся, Я с тобою». Прочти житие Иакова постника¹⁷², и ты поймешь, как слаб человек и как милостив Господь. Ты пишешь, что ты по природе нравственный и чистый, и картины разврата возбуждали в тебе отвращение. И

благо тебе: зачем же ты не принимаешь никаких мер, когда эти искушения стали к тебе приходить? Ты ведь сознаешь, что такие искушения можно побеждать, так и побеждай и благо будет тебе. Такая тактика даст тебе возможность развить в себе силу воли и привить себе чувство долга, и работай, дорогой..., в этом направлении поусердней, и увидишь плоды от этих усилий при помощи Божией. Я привык смотреть на тебя, как на серьезного молодого человека, у которого все рассчитано и размерено, и нет быстрых необдуманных поступков; поэтому я сердечно желал бы, чтобы ты принял меры к приобретению себе силы воли и чувства долга. [...] Прими к сердцу мой совет, подумай, поработай над собой и посмотри, что из этого выйдет; не будь поспешен в своих решениях: сама жизнь покажет, что сделать нам и к чему призывает нас Промысел Божий. Благословение Господне да почует над тобой, дорогой, горячо любимый мною сыночек... Грешный богомол. Алексей.

В этом письме Батюшка обращает особенное внимание на борьбу с помыслами и искушениями. Дурные мысли – один из сильнейших врагов всякого, идущего к Господу. Они изгоняются усердной молитвой и затем работой, чтением и вообще каким-либо серьезным делом.

Относительно молитвы следует заметить, что Батюшка, следуя словам Апостола: «Непрестанно молитесь» (1Сол.5:7), учил молиться во всякое время и на всяком месте: «Идешь по улице, делаешь ли что-либо руками, сидишь ли в вагоне – твори молитву». Особенно рекомендовал Батюшка молитву Иисусову: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного».

Затем Батюшка, как сам не любил праздности и безделья, так и другим указывал, что праздность является главной причиной дурных помыслов и желаний. «Ты думаешь, – говорил он мне, – у меня нет помыслов, нет искушений? И у меня есть они, но они не владеют мною, потому что я все время занят: или молюсь, или принимаю народ, или служу. Так и ты: будь все время в кипении, в работе, и будешь свободен от дурных мыслей». Безделья не любил Батюшка, и всегда ставил на вид какому-нибудь подпавшему под соблазн человеку: «Делать тебе нечего, вот и блажишь!»

Батюшка удивительно умел подмечать только еще зарождающиеся недостатки, которые другим не были заметны. Так, заметив во мне забвение долга и некоторую распушенность, он пишет: «Тебе нужно владеть собою, привить чувство долга, развить в себе волю». «Сила воли, – говорит Батюшка, – это не одно и то же, что упрямство. Когда ты настаиваешь на своем из чувства собственной выгоды или противоречия, то не воображай, что ты человек сильной воли. Равным образом, если ты воздерживаешься от чего-либо, что не сильно привлекало тебя, то ты также не можешь быть назван таковым человеком. Если же ты настаиваешь во имя послушания или воздерживаешься, имея к предмету воздержания неодолимое и крепкое влечение, то ты действительно показываешь силу воли. И особенно важно, по мнению Батюшки, было проявить силу воли в мыслях и желаниях, потому что от них рождаются действия, а кто не оказал себя сильным в отсечении мыслей, вряд ли может проявить эту силу в отстранении действий, проистекающих из мыслей.

«Спаси себя – спаси других», – это, можно сказать, девиз Батюшки, с которым он шел и работал всю жизнь¹⁷³. Этим девизом он всегда указывал критикам, что христианство не есть идеалистический эгоизм, духовная ипсоцентрика. Он всегда говорил, что христианин думает прежде всего о спасении ближних, а потом уже и о своем спасении. «Живи для других – и сам спасешься». А это происходит почти механически, без всякого особенного внимания к своему личному спасению. Если ты живешь для других, то этим самым ты должен быть им примером доброго христианина, – иначе не спасешь их, а погубишь. И в данном случае воздержание, подвиг, очищение совести есть не столько забота о своем личном спасении, сколько выработка в себе человека, могущего своим нравственным примером зажечь сердца многих.

Когда я, после многих своих нравственных падений приходил к Батюшке и, плача, говорил Батюшке, что «вот уже все кончено, – и нет мне спасения», то Батюшка всегда, как и в этом письме, говорил мне: «Велик не тот, кто никогда не падал,

а кто падал и умел вставать». Случайное падение, под влиянием тех или иных обстоятельств совершившееся, не есть признак нравственной гибели. поскольку ты тотчас же сознал, что согрешил, и слезно каешься в необдуманном поступке, – этим самым ты доказываешь, свое нравственное понимание вещей. Нравственно погиб тот человек, кто от случайного падения со спокойной совестью продолжает падать и в дальнейшем, опускаясь все более и более в бездну. Батюшка, поэтому, всегда остерегал людей, слишком строго относящихся к своим случайным падениям, и указывал, что уныние и отчаяние могут повести к полному моральному кризису души. Многие, как и сам Батюшка мне рассказывал, удивлялись, что «как же это, дескать, меня, такого великого грешника, падшего, – Батюшка не наказывает, не накладывает никакой эпитимьи и тотчас же допускает к причастию?» Да, Батюшка избегал юридических мер в исправлении грешника, и именно потому, что эти меры менее всего действуют на душу грешника, а, наоборот, ласка, любовь, отеческое предостережение, как целительный бальзам, умягчают сердце и возгревают раскаяние. Этим отличались все исповеди Батюшки.

Батюшка, надо сказать, исповедывал очень быстро, что многих приводило в смущение и заставляло даже осуждать Батюшку. Но эта быстрота происходила не от того, что у Батюшки было слишком много исповедников, а оттого, что Батюшка умел в немногих словах дать человеку все, что ему было нужно. Иногда приходил к нему человек, не успеет и слова сказать, а Батюшка уже дает ему отпущение. Что же это значит? Значит ли это, что Батюшка небрежен в таинстве? Нет, это значит, что Батюшка прозорливым оком уже видел этого человека, знал, зачем он пришел и в чем будет каяться, – и прощал его. Совершилась ли здесь исповедь? Совершилась. Смотрите: человек отходит от аналоя с умиротворенным, светлым лицом.

Батюшка всегда был противником книжного формализма в исповеди. Он часто говорил мне: «Знаешь ли, в монастырях очень принято исповедывать по требнику. А я всегда стоял против этой практики. В требнике есть многие вопросы, многие

грехи, о которых исповедник, может быть, и не догадывался. Подойдет к исповеди какая-нибудь чистая неиспорченная девушка, а ее спрашивают о таких пороках, о которых она и представления не имеет. И вместо очищения выйдет грех и соблазн. Всегда нужно не человека приспосабливать к требнику, а требник к человеку. Сообразно с тем, кто подходит к твоему аналою, – мужчина ли, женщина ли, подросток ли, ребенок ли, – и нужно вести исповедь. При этом не следует вдаваться в подобные вопросы, особенно об интимных грехах. Эти расспросы могут только потревожить душу исповедника, а никак не успокоить. Лучше всего дать человеку самому рассказать все, что он имеет на душе, а потом уже задавать вопросы, по мере надобности».

Батюшка так и начинал исповедь: «Ну, рассказывай – чем грешен?» И сразу же замечал основной недуг, разъедающий душу исповедника, и тут же давал врачевство против этого недуга. Батюшка был прозорлив, – это и давало ему право отступать от сухого формализма в исповеди. Он понимал, что цель исповеди не в юридической сатисфакции Бога человеком, что исповедальня не суд, не трибунал, а «врачебница» (см. Требник). Поэтому Батюшка на исповедях никогда не был судьей карающим, а врачом-целителем, чудесно исцеляющим самых безнадежных больных. Этим и объясняется его доброта и снисходительность к падшим и упавшим. Слова: «Не бойся, Я с тобою!» – принадлежат также к числу часто повторяющихся Батюшкой слов.

Очень часто после проповедей, бесед, разговоров Батюшка напоминал своим детям о близости к нам Господа Бога. Ощущая живое присутствие Господа с собою, Батюшка знал, как сладко, легко и покойно бывает на душе от этого ощущения, и хотел всех своих любимых деток привлечь к возлюбленному Спасителю. «Только придите к Нему, – говорил он, – воззовите от всего сердца: “Господи, спаси нас, погибаем”, – и Он непременно ответит вам: “Не бойся, Я с тобою”». И такой верой, таким сердечным убеждением дышали его слова, что как-то невольно взор обращался к Распятому, проливались обильные слезы, и сердце чувствовало сладкий голос: «Не бойся, Я с

тобою». Последние строки письма: «Подумай, поработай над собою: не будь поспешен в своих решениях», – указывают на то, что Батюшка в послушании требовал от своих духовных детей только отсечения своей воли, но никак не отсечения разума.

Идя против разумного понимания религии, Батюшка допускал работу разума в сферах практических достижений, признавая разум «рабочею силою сердца». Поэтому глубоко заблуждались те люди, которые в требовании Батюшки послушания видели нечто уничижающее разумную природу человека, делающее из человека слепого раба или, что еще хуже, автомат, заводимый и приводимый в действие руководителем. Послушание Батюшке отнюдь не отнимало у человека способности самостоятельно мыслить, рассуждать и умозаключать. Разум есть наивысший дар Божий в человеке, и уничтожать его значило бы уничтожать человека. Батюшка только ограничивал сферу разумного действования, умерял его эксцентрические полеты, указывал, что ему место – в практической жизни, а не в небесных сферах. И никогда не хотел Батюшка видеть в духовном сыне существо неразумное, недеятельное. И мне часто говорил: «Учись, работай, размышляй!» Часто придешь бывало к нему за советом, а он спросит: «А сам-то ты как думаешь? А как думает мама?» Ответишь: так-то и так-то. «Ну, так и делай – я благословляю».

Батюшка умел уважать личность, уважать разумное мышление и никогда не учил, что послушание – это уничтожение всякой самостоятельности. Учение Батюшки о послушании основывалось на подчинении воли. Он различал разум – свойство действующее, от воли – свойства направляющего и решающего. В жизни наибольшее значение имеют решающие волевые моменты, поворотные пункты. И здесь слабому и неопытному в жизни человеку необходима твердая направляющая рука старца. поскольку воля наша запятнана грехом и склоняется больше ко злу нежели к добру, – то человеку слабому безусловно необходимо подчинить свою волю воле другого человека, крепкого и опытного. В этом нет ничего уничижающего личность человека или свободу его. И

Господь молился Отцу Своему: «Отче Мой, аще возможно есть, да мимоидет от Мене чаша сия: обаче не якоже Аз хочу, но якоже Ты» (Мф.26:39).

Послушание воли может и не иметь вместе с собою послушания разума. Отсечение воли требуется от духовного сына даже и в том случае, если разум его противоречит своему послушанию. Такое положение вещей еще ценнее для предавшего себя послушанию, ибо оно впоследствии убеждает его в собственных ошибках. Степень послушания духовных детей Великого старца была также различна. Строго следуя принципу: «У каждого свой путь и своя мера», – Батюшка и здесь считался с индивидуальным строем покорившейся ему души. От одного он требовал послушания во всем, даже в маловажных предметах (например, читать ту или иную книгу, идти или не идти в такое-то место, говорить или нет с тем или иным человеком). От другого же требовал послушания лишь в вопросах жизненных, серьезных (вступать или не вступать в брак, пойти ли в монастырь, переменить ли место службы и т.д.), предоставляя остальное его личной воле. И во всяком случае в этом послушании старцу еще никто не раскаивался: плоды его рано или поздно давали возможность каждому убедиться в великой мудрости и прозорливости Батюшки.

Прибавление к письму 3-му

Дорогой...! Напрасно ты огорчился неполучением от меня письма, я в этом был не виновен, мне сказали поздно об отъезде к тебе, и я был занят, не смог вовремя передать тебе его. Ты пишешь, что в санатории много искушений и удивляешься, как хранит тебя Господь от падения. Помни и никогда не забывай, что Господь близок очень ко всем, и к тебе в особенности. Он, как чадолюбивая мать, принимает все меры к тому, чтобы составить тебе благоприятную атмосферу для твоего нравственного преуспевания. И прими все это к сведению и сердечно благодари Господа. Временно займись несколько и стихотворениями, но не забывай при этом главного: духовной жизни. Старайся о том, чтобы было светло на душе, и все наши с тобой греховные мысли и желания сами собою отойдут от нас, о чем усердно буду молиться Господу Богу, чтобы ты остался навсегда чистым, нравственным, райским цветком, солнышком для всех окружающих тебя. И все бы чувствовали, что ты дорог для них, как истинный христианин, вносящий в их серенькую жизнь и свет, и теплоту, и радость. Мужайся и крепись! Благословение Господне да почиет над тобою. Все наши шлют тебе горячий привет. Греш. Алексей.

Здесь Батюшка проводит ту же самую мысль: мысль о близости Господа к каждому человеку (и особенно к служителю Его Святой Церкви), о которой упоминалось в предыдущем письме. Из дальнейших строк письма видно, что Батюшка не пренебрегает и позволяет даже священнослужителям заниматься искусством, литературой.

Батюшку окружали многие священники, ученые, писатели, инженеры-теоретики, и Батюшка никогда не требовал от них забвения их знаний и узкой замкнутости в церковной жизни. Он говорил, что все: и наука, и искусство, и техника – все может послужить во славу Господа, лишь бы только при этом не забывалось главное: духовная жизнь.

Человек, «у которого светло на душе», и сам бывает «ярким солнышком» для всех окружающих. Батюшка сам был чист и

светел душою, – поэтому он всегда был весел, шутил, смеялся и одной своей улыбкой мог погасить пламень самой яркой страсти, утолить самую невыносимую боль души. И только непонимание, ожесточение или нравственные кризисы его духовных детей заставляли Батюшку горько задумываться и проводили новые морщинки на его добром, любящем лице. Но и это было заметно только людям очень близким к Батюшке и часто с ним соприкасающимся. Остальные привыкли видеть Батюшку ярким, ясным солнышком, без тучки горечи, согревающим и освещающим самые мрачные уголки томящихся сердец. Он и меня и других своих детей учил – быть чистым душою, не унывать и вносить в общество не тоску и раздумье, а «свет, теплоту и радость».

Письмо 4-е

Очень рад, дорогой мой сыночек..., что твое духовное состояние стало улучшаться, и ты, несмотря на удобнейшие случаи к падению и различного рода искушения, остался твердым. Несомненно тебе в этом помогли особенно заботы и любовь к тебе чадолюбивого общего нашего – Небесного Отца, непрестанно пекущегося о нашем спасении, о привлечении всех нас грешных к Себе, чтобы через то всем нам помочь, на данном каждому из нас образе Его запечатлеть посильно свойства Его, для чего каждому из нас указывает место и род занятий, сталкивает нас с тем, кто может быть полезным для нашего нравственного роста, и, если мы не замечаем этих путей Божиих, то, оставаясь любящим Отцом, пресекает зло и направляет к добру, избирая новых ангелов-хранителей в лице новых друзей, которые зарубцовывают нанесенные прежними друзьями раны и воздают нам должное. Видя такую заботу и любовь Божию ко всем нам, преступно с нашей стороны не отвечать тем же, мало думать о Нем, не стараться часто беседовать с Ним или, наконец, заведя беседу, – стремиться скорее окончить ее. Старайся же, дорогой..., глубже на все смотреть и отдавать себе отчет во всем, и милосердный Господь подаст тебе силы сделать это и быть истинным христианином. Поживи еще в санатории, поправься, чтобы вновь заработать тебе, как работал прежде. Благословение Господа да почиет над тобой. Недостойный прот.Алексий. Твой богомолец.

В этом письме, имеющем главную целью укрепить в юной душе теплую веру в премудрый Промысел Божий, – особенное внимание обращают слова: «Видя такую заботу и любовь Божию ко всем нам, преступно с нашей стороны не отвечать тем же». Почему, правда, человек очень часто не замечает над собою Промысла и попечения Отца и Создателя? Батюшка говорил, что это происходит от того, что человек мало думает о Боге, мало уделяет внимания Ему, и поэтому не в состоянии понять и уразуметь полноту Его любви к себе и ко всему роду

человеческому. Сколь часто человек, особенно молодой и горячий, видя множество скорбей и несчастий в сей жизни, испытывая на самом себе многие беды, говорит: «Стоит ли молиться Богу? Где же Его милосердие и справедливость, если грешники и преступники наслаждаются всеми благами жизни, а «работающие Ему со страхом», терпят нужду и унижение? Сказано: «Просите и дастся вам». Почему же Господь, сколько я Его ни прошу, не исполняет моих просьб и заставляет меня терпеть и страдать?»

На это у Батюшки было мудрое слово, которое принадлежит к числу часто повторяющихся им слов: «Все, что Господь делает, – все к лучшему». Ведь если бы Отец Небесный исполнил просьбу Богочеловека и Спасителя и пронес бы мимо Чашу страданий Его, – то и род человеческий не был бы спасен искупительной Жертвой Голгофы. Но совершилась воля Отца Небесного, и «узрела всякая плоть Спасение Божие». Видите посему, сколь спасительно восклицать: «Отче Мой, аще возможно есть, да мимоидет от Мене чаша сия: обаче не якоже аз хочу, но якоже Ты», – да будет. Видите, почему мы и ежедневно, читая молитву Господню, говорим: «Да будет воля Твоя». Господь лучше меня знает, что кому нужно, и ведет нас ко спасению разными путями, не желая, «чтобы кто-либо погиб». И сколь неразумно укорять отца, наказывающего детей своих в нелюбви к ним, столь же губительно и неразумно думать, что скорби, постигающие нас, есть признак нелюбви к нам Господа. Наоборот, для нашего же вразумления, исправления, спасения посылаются нам скорби. Для нашей же пользы и не исполняет Господь многих прошений наших, зная лучше, что нам нужно. И в неравенстве житейском и в антиномиях умовой жизни – усматриваем мы все тот же мудрый и непостижимый Промысел Божий, ведущий нас в страну света и прохладения.

Сколько раз и в моей личной жизни казалось мне, что если бы исполнилось желание мое, я был бы воистину счастлив. Но Господь не исполнил желаний моих, и лишь по прошествии известного времени приходилось убеждаться в слепоте своей и в мудрости Господа промысляющего. Батюшка всегда мне на это указывал.

Для укрепления в себе веры в Промысел Божий Батюшка указывает беседу с Господом, как средство верное, надежное и спасительное. Беседа с Господом большей частью рекомендовалась Батюшкой в форме молитвенного обращения к Нему. Молитва настоящая, слезная, искренняя, по учению Батюшки, есть драгоценное свойство души христианина, которое достигается не без труда. Чтобы дойти до такой степени молитвы, нужно преодолеть много препятствий, и главное из них – лень и привязанность к мирскому. «Преступно и нехорошо, – пишет Батюшка, – заведя беседу с Господом, стремиться скорее окончить ее». Для предотвращения этого Батюшка рекомендовал даже механическое чтение молитв. «Молись хоть сначала по молитвеннику, механически, а потом Господь, видя усердие твое, пошлет тебе дар истинной молитвы». Для побуждения к молитве Батюшка как-то написал мне места из Свящ. Писания, говорящие о молитве, и советовал чаще читать их, чтобы приобретать вкус к молитве. Вот эти места: Евангелия: Апостол:

Мф.

6:5–9

9–14

14–15

7:7–12

Деян.

4:8–10

11:31–32

Иак.

5:13–14

Мк.

14:32–40

Иуд.

1:20–21

Лк.

11:5–14

18:1–15

Рим.

Ефес.

8:21

6

Ин.

4:5–25

15:4–8

16:23–25

Фес.

Тим.

5:18

2:1–5

Особенно и как можно чаще советовал Батюшка творить молитву Иисусову, как это указывалось уже раньше.

Ревность Батюшки по молитве становится особенно понятной для тех, кто знал великий молитвенный дух Батюшки. Он и в письмах имел обыкновение подписываться: «Твой богомолец». «Скольким людям, – говорил он, – мы не имеем возможности оказать личную реальную помощь? Сколь спасительна тогда горячая молитва за них перед престолом Божиим, а особенно во времена Св. Жертвы?»

«Я помолюсь, я буду молиться», – отвечал Батюшка на многочисленные просьбы труждающихся и обремененных. И он действительно молился. Только лишь придет Литургический час поминания живых и усопших, он вынимает свою всегдашнюю записную книжечку со множеством еще вложенных в нее записок и начинает читать, надолго приостанавливая течение службы.

И если Батюшка придавал великое значение молитве вообще, – то церковной молитве, общению в таинстве Св. Евхаристии – он придавал исключительное значение. На богослужении он весь преображался, весь жил он этим молитвенным духом и не только, «начав беседу», не стремился скорее окончить ее, но, наоборот, сожалел, когда она оканчивалась. Богослужение в Кленниках всегда отличалось своей продолжительностью, часто бывали там ночные службы с вечера до утра, но Батюшка, полный молитвы, никогда не уставал духом и выстаивал целые часы в храме, несмотря на свои немощи и преклонный возраст.

«Ходите в церковь чаще, причащайтесь чаще!» – говорил он детям своим, зная, что для них церковь должна быть и будет тем духовным базисом, которые редко встречаются блуждающим по пустыне мира сего человеку. «И если на улицах, на службе, дома – гнев, брань, раздражение, злоба – то здесь вы почувствуете себя воистину дома – братьями, сестрами и детьми Отца Небесного», – говорил нам Батюшка. И действительно, стоило человеку прийти на Маросейку в церковь, как за стенами ее оставался весь мир с его злобой и несправедливостью, – и кто бы ни был этот человек, он чувствовал, что все стоящие здесь – не чужие ему, что все они и он с ними – дети одной христианской семьи, сплоченные, объединенные. И в горячей молитве – он забывал и свою серенькую, тоскливую жизнь и семейные разлады и неприятности на службе – и выходил из храма мирным и радостным.

Редкие храмы в Москве давали такое успокоение человеку. Этим и объясняется то, что живущие духом Маросейки, даже в суровые дни 1919–1920 гг., когда зачастую не было и хлеба, чтобы прокормить себя, – не чувствовали этого отчаяния, этих мук голода, какие испытывали в то время другие люди, маловерные и ропщущие на Бога, – и примером своим достаточно подтверждали истинность слов Спасителя: «Не хлебом единым жив будет человек» (Втор.8:3; Мф.4:4).

Интерьер храма Свт.Николая в Кленниках

Я удостоился великого счастья служить вместе с о. Алексеем алтарю Божию, – и за все это продолжение моего служения ни разу не мог заметить, чтобы Батюшка служил холодно, рассеянно или по привычке. Он всегда горел, вникал в каждое слово молитвы, жадно, поспешно, словно боясь упустить миг духовного восторга. Часто он и плакал, особенно во время слов: «Приимите, ядите...» или «Пийте от нея вси». Этот плач соблазнял иногда некоторых стоявших в алтаре духовных, особенно монашествующих: книжников и формалистов. Но Батюшка ни на кого не обращал внимания и только в интимном разговоре говорил иногда: «Ты слышал, отец... сегодня говорил, что я искусственно вызываю слезы?

Знаешь, дорогой, если у тебя нет чувства, то никакими стараниями слезы не появятся. Так и ты, если у тебя появились слезы в молитве, – не стыдись их, это дар Божий, и что люди говорят, не важно, когда-нибудь и они поймут нас с тобою». Да, только непонимающий мог говорить о Батюшке, как об артисте.

Я почти всегда сослужил Батюшке в совершении таинства Тела и Крови Христовой и видел сам, каким искренним умилением дышало лицо его, и как его слезы захватывали и меня и заставляли также плакать, пригнувшись к престолу. Да, «много может молитва праведного», и сколько непонимающих, критикующих и ожесточенных убеждалось впоследствии в великой силе и мощности этих слов. Великого молитвенника похоронили мы, и многие, кто не ценил его при жизни, начинают по смерти его чувствовать эту тяжелую потерю.

Письмо 5-е и последнее

Дорогой духовный сыночек... Очень рад, что ты съездил в скит и успокоился. Что касается меня, то не думай – я очень рад, что ты, относясь ко мне с доверием, открываешь все свои тайны, а тайны эти общечеловеческие, которые мне открывались тысячами людей, и я хорошо знаю, как они тяжело переживаются и, конечно, любя тебя, я горевал вместе с тобою отеческою любовью и молился усердно за тебя Господу Богу, чтобы скорее окончился у тебя этот период тяжелого переживания. Как ты меня порадовал, передавая о себе, что у тебя светло и хорошо на душе, и искушение у тебя по приезде из скита совсем прекратилось. Ну и слава Богу! Видишь, как милостив к тебе милосердный Господь, дорогой..., и будь спокоен, твердо верь в Бога и Его Премудрый Промысел. Он оберегал тебя во всем, относился, как нежно любящая мать, будет продолжать Свое милосердие к тебе и впредь. Помни, что ты, хотя и взрослый, но по духу – слабый младенец, и поэтому нельзя давать непосильной ноши, и Милосердный Господь устроит все по-хорошему. Ты пишешь, что у тебя появилась снова сила молитвы, и пользуйся этим, молись поусердней Господу Богу, читай покаянный канон Господу Иисусу, псалтирь, Ефрема Сирина, и все пройдет. Окончатся и все твои переживания, навеянные, несомненно, от лукавого. Очень рад, что ты 21 и 22 июля молился в нашем Николо-Кленниковском храме так хорошо, как давно не молился, за обедней и всенощной проповедовал, и очень хорошо. Я очень рад. Мне хотелось бы, чтобы ты взял на себя труд раз в неделю беседовать с народом в храме о жизни русских святых. До скорого свидания. Твердо верю, что по временам появляющаяся у тебя тоска скоро исчезнет совсем.... Грешн. богомолец Алексей.

Это письмо дышит любовью и непоколебимой верой в Господа. Чувствуется, как Батюшка, переживающий сам радости и скорби своих чад духовных, – радуется всем существом своим, что один из его любимых сыновей был утешен и

появившейся вновь силой молитвы и богослужением в храме. Правда, Батюшка в приведенных письмах ничего не пишет о Св.Причащении, но я коснусь этого, потому что Батюшка считал это Святое Таинство одним из самых могущественных средств к возгреванию в себе любви, молитвы и духовного восторга.

В большинстве православных храмов очень редко можно наблюдать большое число причастников. Почему-то установился взгляд, поддерживаемый, как это ни странно, и некоторыми пастырями, что часто причащаться грешно, что будто бы мы недостойны столь часто приступать к вечери Христовой, сколь часто приступали апостолы и первые христиане. «Те-де были святые люди, а мы грешники». И сокращалось участие в Евхаристии до двух, а иногда и до одного раза в год – Великим постом. В остальные же дни, даже праздничные, кроме младенцев, редко кто подходил к Источнику бессмертия.

Батюшка указал, что не для праведных, а именно для грешных установлено сие таинство, и побуждал своих духовных чад к частому причащению. «Не говори, что ты недостойн, – учил он нас. – Если будешь так говорить, то никогда не будешь причащаться, потому что никогда не будешь достоин. Не мы созданы для Причастия, а Причастие для нас. Именно мы, грешные, недостойные и слабые, более чем кто-либо нуждаемся в этом спасительном Источнике». У Батюшки всегда, ежедневно были причастники, и это приносило великую пользу и утешение грешникам, подтверждая тысячами примеров слова Спасителя: «Ядый Мою плоть и пияй Мою Кровь во Мне пребывает и Аз в нем».

4. Беседы Батюшки

В 1920 г. Батюшка устраивал по понедельникам беседы с духовными своими детьми, преимущественно с молодежью, в которых раскрывал волнующие тогда многих вопросы брака и воспитания детей. Беседы эти излагались простым, общепонятным языком, в теплой атмосфере семейного уюта, и изложение указанных вопросов было преподано не в форме отвлеченных поучений, а в форме рассказов из действительной жизни, личного опыта Батюшки, а также через чтение дневников его духовных детей, комментируемых им самим, что весьма заинтересовывало слушателей и оставляло в их душах назидательное воспоминание о беседах надолго.

Присутствие Батюшки, его ласковое обращение, чувство единства преданных старцу душ придавало беседам глубоко интимный характер: здесь, воспринимая в сознании те или иные явления жизни, каждый мог оценить их применительно к своему личному опыту и открыто высказать все появляющиеся сомнения. Это и делалось. Мало того – чувствовалось, что здесь одна общая семья, связанная одной неизбывной целью – служить Христу. Здесь не стыдились высказывать свои недоумения, иногда доходящие до слез, ибо знали, что окружающие понимают и сочувствуют, что все они братья, дети одного любящего отца, который сидит здесь с ними, и с обычной своей улыбкой «разгружает» их. Присутствие Батюшки придавало душе, томящейся, бодрости и свежести: слушая его простую, иногда шутливую речь, каждый видел в нем не проповедника, не судью или учителя, – а отца, не только духовного, но и действительного, ибо многим отверженным он заменял и отца и мать. И детей своих он любил одинаково, не давая никому предпочтения. Поэтому-то здесь, в стенах его скромной квартирки, оставлялось и самолюбие, и личные счеты, – все шло к нему, объединенные одним искренним желанием – почерпнуть в его словах назидание, получить ту или иную поддержку. Потому-то мы и имеем смелость утверждать, что драгоценные семена, посеянные Батюшкой в сердцах

слушателей, не остались бесплодными, что последние не только поняли, но и восприняли глубокие истины батюшковых бесед, имевших побуждением любовь, а целью – спасение своих любимых детей.

Основные моменты батюшковых бесед: брак и воспитание детей. И готовящиеся быть отцами и матерями, и самим матерям и отцам он указывал, что вопрос о христианском браке и христианском воспитании в наше время, время отрицания «всех и вся», является самым злободневным и важным. Вступая в брак, христианские родители должны думать не только о своем личном счастье, но и будущем своих детей, о том, чтобы воспитать в них христиан, полезных Церкви и обществу. Но, к сожалению, многие родители совсем не задумываются над воспитанием в своем ребенке человека, христианина. Они думают о его будущности в сферах внешних отношений, представляют его врачом, инженером, литератором, отдают его в соответствующее учебное заведение и думают, что этим ограничивается их забота о ребенке. Но в то же время мы видим, как часто в жизни внутренней, духовной дети предоставлены или гувернерам или самим себе. Не говоря уже о том, что многие дети вырастают буквально на улице, – даже те дети, на которых обращено внимание родителей, – подвергаются сплошь и рядом влиянию окружающей среды, дурных товарищей и постепенно сходят с нормального пути развития. Откуда это множество мальчиков, с 13–14 лет пьющих, курящих, развратничающих? Откуда эти девочки, едва вышедшие из пеленок и уже накрашенные, наруганные, подвитые? Это плоды небрежного отношения родителей к воспитанию. Сколь губительно это отзывается на Церкви, которая в каждой, вновь появившейся на свет человеческой душе чаёт видеть ревностного и усердного сына Своего?

Батюшка рассказывал, что, будучи у одной дамы, он расспрашивал ее, как она с мужем проводит время. «Да, вот, Батюшка, целыми днями заняты: то у знакомых, то в опере, то на журфиксах, – дня свободного нет». – «Ну а с детьми-то вы когда-нибудь занимаетесь?» – «Очень редко, Батюшка! Но вы не думайте: они у меня не как-нибудь воспитываются: у Сережи –

бонна, у Шуры – гувернантка, у Бори – гувернер». Легко представить себе результаты такого воспитания. Но хорошо, здесь хоть каким ни есть воспитателям поручили ребенка, а приходится чаще наблюдать, что дети растут без всякого воспитания, на дворе или на бульваре.

Многочисленными примерами из жизни и личной практики – склонял Батюшка слушателей к своим взглядам. Воспитание, по его мнению, должно быть христианским, с одной стороны, и церковным, с другой стороны. Мало внушить ребенку идеи Бога, бессмертия, возгреть в нем чувство долга, чувство любви к Богу и людям. Все это очень трудно достигается без параллельно идущего воспитания церковного. Богослужение, оставляя глубокие следы на впечатлительной душе ребенка, придает отвлеченным богословским истинам окраску реальную, жизненную, делает их более близкими и понятными. Воспитанный таким образом ребенок, знакомый с Господом чуть не с колыбели, может с большой смелостью и уверенностью отправиться в жизненный путь, нежели ребенок, не знавший Господа в детстве. В душе религиозно воспитанного человека зло торжествовать не может, и хотя бы он в будущем и уклонился от правого пути, – рано или поздно семена истины, посеянные в нем заботливой любовью родителей, возбудят его от сна греховного и приведут его к утерянному дому. Многочисленные жизненные факты, приведенные в подтверждение этого Батюшкой, заставляли многих убедиться в этом. Но для того, чтобы воспитать детей как должно, родителям следует взглянуть и на свой брак с чисто христианской точки зрения.

В чем неудачность и кратковременность современных браков? Батюшка утверждал, что в том, что, ища брачного сближения, люди думают только о себе, о своем личном счастье. Мужчина видит в жене только женщину, доставляющую ему чувственные наслаждения, и весьма часто закрывает глаза на нее, как на человека, друга, мать. Женщина также выходит замуж только по слепой страсти, которая весьма скоро угасает, или же по расчету. Этот эгоизм, проникший во все слои нашего общества, и служит причиной столь частых семейных драм и

разводов. «Молодой человек, – говорит Батюшка, – который хочет жениться, должен понимать, что брак есть крест, что ему вручается слабый сосуд – жена, которую он должен беречь и хранить для своего потомства». Цель брака – прежде всего в рождении и воспитании детей. Для несения креста брачного муж и жена должны отбросить свои эгоистические счёты и жить во имя и для своих детей. Любовь их между собой не должна ограничиваться чувствованными функциями, – она должна простираться и прежде всего охватывать духовную жизнь супругов. Муж должен видеть в жене лучшего друга, помощника, спутника жизни. Жена, со своей стороны, должна не только «бояться своего мужа», но и любить его, со всеми его недостатками, заботясь о его душе и спасении прежде всего.

В то время как жизнь супругов безбожных проходит в заботах о материальном благополучии и этим ограничивается по большей части, жизнь христианских супругов состоит во взаимном несении общего для всех христиан жизненного креста (а вдвоем всегда легче!) и совместном шествии к Господу. поскольку супруги проникнутся такой мыслью, брак их будет воистину благословенным и неразрушимым вовеки.

Обращаясь особенно к женщинам, Батюшка часто указывал, что жена в брачном союзе играет всегда большую роль, нежели муж. Не говоря уже о том, что она родит и воспитывает детей их, в то время как муж работает для их прокормления, она вносит атмосферу ласки и любви в самую личную жизнь мужа и зачастую оказывает благотворное действие в смысле искоренения его пороков. Батюшка приводил случаи из своей жизни и рассказывал, как один его товарищ по семинарии – ещё на школьной скамье начал пить и вскоре сделался типичным алкоголиком. Пил он и будучи диаконом, и ничто не могло отучить его от этого порока. Ему посоветовали жениться, сосватали жену из духовного звания, заставили его в пьяном виде подписать брачный договор и обвенчали его с женщиной, которой раньше он и в глаза не видел. Казалось бы – что хорошего могло выйти из такого брака? Но оказалось – обратное. Прошло несколько лет, и бывший пьяница, теперь степенный и трезвый человек,

является к Батюшке и сообщает, что давно уже бросил пить, и что в этом сыграла роль никто иная, как его добрая и любящая жена. На этом и на других примерах показывал Батюшка, какую великую силу представляет собой любовь и в семейной жизни, и как способна она покорить даже самые ожесточенные людские сердца.

Но не только о браке и воспитании детей говорил Батюшка. Множество всевозможных жизненных вопросов решалось на этих беседах, и интерес к этим вопросам особенно пробуждался при чтении Батюшкой дневников. Цель этого чтения, по учению Батюшки, состояла в том, чтобы развить нравственно слушателей, столкнуть их с действительной жизнью.

Дневники эти писались его духовными детьми для него специально и представляли собою как бы исповедь, изложение жизни тех, кто не имел возможности часто видаться с Батюшкой и рассказывать о себе. Интересуясь жизнью своих детей, Батюшка некоторым даже велел писать дневники периодически, чтобы следить по ним за развитием и уклонами любимой им души. Читал он эти дневники, конечно, не называя имени писавшего и выпуская интимные строчки. И чтение дневников, более чем какое-либо другое чтение, возбуждало интерес в слушателях, тем более, что там описывалась знакомая всем современная жизнь, затрагивались вопросы, известные каждой присутствующей личности. Таким образом работал Батюшка над нашим духовным ростом, и только непослушание ему и своевольная критика делали эту работу бесплодной в сердцах непонимающих людей.

Келлия о. Алексия (в углу видна грудa книг)

В домашней жизни своей Батюшка был крайне прост и скромн. В кабинете его, в комнатке: и груды раскрытых и нераскрытых книг, и письма, и множество просфорок на столе, и свернутая епитрахиль, и крест с Евангелием, и множество икон и образков, и общее хаотическое состояние комнат, – все это показывало, что Батюшка всегда занят, что ему все некогда, что его всегда ждет – и дома, и в церкви, и на улице – великая работа любви и самоотвержения. Часто бывало Батюшку зовут пить чай, обедать, а он сидит у себя в комнатке и, ничего не замечая, горячо убеждает кого-то. Когда домашние его, не вытерпев, стучат и входят в его комнату, говорят, что нельзя так относиться к своему здоровью, – Батюшка делает вид, что сердится (по-настоящему сердиться он не умел) и говорит: «Ну вот, опять вы за свое, разве я вас не знаю. Я же сказал, что занят – вот отпущу его и приду». А то, бывало, скажет мне: «А ну-ка,..., принеси мне стаканчик чайку...» И пьет на ходу, среди разговоров – чай, иногда и обедает также. Эта великая сутолока людей, эти бесконечные очереди и целодневная работа Батюшки заставляли его попросту игнорировать свое здоровье. Только настойчивые убеждения родных и близких «за послушание» заставляли его обращаться к докторам и пить лекарственные снадобья. Раз я, помню, провожал его к одному доктору, а он говорил мне: «Мне несколько лет назад доктора предсказали, что я умру, если буду переутомлять себя, а видишь вот – и до сих пор мы с тобой живем».

Летом уезжал Батюшка обыкновенно в Верею, где одно время и я с ним жил. Время отдыха своего Батюшка проводил больше в духовном чтении, заставлял иногда ему читать «Жизнь пустынных отцов»¹⁷⁴ или «Авву Дорофея», при этом любил приостанавливать чтение и размышлять или подкреплять что-либо особенно интересное фактами из личной практики. А то, замечая во мне какой-нибудь тайный порок или смущение, выберет при чтении назидательное место и прочтет

мне его. «Вот так-то и мы с тобой должны поступать», – скажет он, и чувствуешь, что он даже на отдыхе не перестает заботиться о своих детях и весьма мало времени уделяет себе.

Писем Батюшка писал много, приходило их к нему еще больше. Всякое письмо Батюшка успевал внимательно прочесть, иногда даже делал выписки в свою памятную книжку – и вскоре писал ответ. Вообще и в домашней жизни своей, и на отдыхе он не оставлял никогда забот о доверившихся ему душах, подтверждая этим собственные же свои слова: «Я вас всех здесь (в сердце) ношу!»

Что же еще остается сказать о дорогом Батюшке?

Сколько ни напиши страниц, сколько ни изведи бумаги, – жизнь Батюшки так многообразна и необъятна, что и в больших томах не охватишь ее целиком. Могу только пожелать всем, читающим эти записки, в которых сказано очень немного, проникнуться великим образом любвеобильного старца-Батюшки и напечатать в своих сердцах его единственный пламенный завет: «Люби!»

Дай Бог, чтобы этот скромный труд принес хоть небольшую пользу томящимся и отчаявшимся душам, особенно молодым, неопытным. Дай Бог, чтобы, вспоминая и знакомясь с нашим дорогим отцом, – они восприняли бы живительный дух его и восчувствовали бы (как и я – пусть даже поздно) – двигающую и спасающую силу Православия, для многих незаметную, многими непонимаемую; силу любви и свободы во Христе Иисусе, Ему же со Отцом и Святым Духом честь и слава во веки веков. Аминь.

Москва. В январе 1924 года. Диакон Владимир СЫСОЕВ

Полностью публикуется впервые по машинописной копии из архива Е.В.Апушкиной, озаглавленной «Диакон В [ладимир] Сысоев. Воспоминания о дорогом Батюшке». Первая неполная публикация в кн.: Отец Алексей Мечев. С. 27–41, 306–313.

Об авторе воспоминаний – диаконе Владимире Сысоеве – почти ничего не известно, за исключением того, что он сам сообщает о себе: познакомился он с о. Алексием вскоре после февральского переворота 1917 г., рукоположили его позднее, служил в храме Свт.Николая в Кленниках, вместе с духовным

отцом отдыхал иногда летом в Верее. Воспоминания датированы автором январем 1924 г. Написаны в Москве.

Баночка с вареньем

Пришел к Батюшке. А Батюшка куда-то вышел и оставил меня одного. В это время на окне у Батюшки стояла маленькая баночка с вареньем и на ней была приклеена записочка: «Дорогому Батюшке». Было это в самую голодовку. Вот увидел я эту баночку и подумал: «Однако попик-то хорошо живет, когда в такое голодное время варенье ест». И разом у меня все доверие к нему пропало и разговаривать уже не хотелось, – ну, значит, мол, такой же, как и все». Вот пока я раздумывал приходит Батюшка, посмотрел мне в глаза, улыбнулся и говорит: «Так, значит, этому старику не стоит доверяться, потому что он варенье ест». И так мне стало легко... Как будто он все мое недоверие к себе и сомнение взял и выбросил в окно. Михаил АСИКРИТОВ¹⁷⁵

У Патриарха

В день Ангела Святейшего Патриарха Тихона была я у обедни и подхожу ко кресту, а о.Сергий говорит мне: «Вам, Ирина, ехать поздравлять Святейшего. Батюшка болен, мне на работу и все разошлись – ехать Вам!» Я руками замахала, говорю: «Что вы, что вы, о.Сергий! Да я девчонка, боюсь, не поеду!» О.Сергий вынес большую просфору, дал мне и велел ехать к Патриарху, поздравить его от общины с днем Ангела. И вот я поехала. В подъезде меня встретил такой важный швейцар, что у меня душа в пятки ушла. Он спросил, зачем я приехала. «Поздравить Святейшего с днем Ангела от Маросейской общины». Он провел меня в зал и сказал, что Святейший сюда выйдет. Я прижалась к двери и ждала. Скоро в зал вошел Патриарх весь в белом, и такое у него было светлое в сиянии лицо, что я не могла оторвать от него глаз, а ноги мои окаменели, и вместо того, чтобы подойти к нему, поклониться земно и поздравить, я стояла, не двигаясь с места, и только смотрела на него. Тогда Святейший подошел ко мне, благословил, погладил по голове и спросил: «Ты откуда, детка?» – «От Батюшки», – ответила я и протянула просфору. «Ах, от Батюшки! – воскликнул Святейший. – Как же Батюшка, как Сережа, как все вы там поживаете?» – и с любовью большой слушал мои ответы на его вопросы. Наши дела были близки его сердцу. Ласково благословив, он отпустил меня, велев поблагодарить Батюшку и всю общину. ИРИНА¹⁷⁶

Монахиня Иулиания (М.Н.Соколова). Труд иконописца. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 1995. С.19.

«А любовь и по смерти не умирает».

Мария Тимофеева

Господи, благослови молитвами Пречистыя Твоея Матери, Св.Николая Чудотворца, преп. отца нашего Феодосия Тотемского, преп.Сергия Радонежского, преп. отца нашего Серафима, Саровского чудотворца написать мне о Батюшке старце моем и о пребывании с ним.

Приход мой к Батюшке был чудным Промыслом Божиим. Когда я была еще ребенком, моя мама говаривала: «Манюшка моя какая-то особенная, не как мои остальные дети: все тянется к Богу. Она у меня вымоленная бабушкой». А бабушка наша, как мама рассказывала, была святой человек, и она, помимо святых мест в России, побывала в старом Иерусалиме, поклонялась Гробу Господню.

С детства, как помню себя, моя душа особенно тянулась к Богу и искала святыню. Учась в школе, я очень любила Закон Божий и у меня всегда по этому предмету были отличные отметки. Особенно любила я батюшек, и когда встречалась с ними на улице, падала перед ними на колени, испрашивая благословение. Идя в школу, я каждое утро и вечер заходила в часовню преп.Серафима¹⁷⁷ (рядом с которой мы жили) и усердно молилась. А до молебна я рано потихоньку вставала и уходила к ранней обедне в наш приходской храм Филиппа митрополита, Московского чудотворца¹⁷⁸ (на 2-й Мещанской), а потом бежала к утреннему молебну преп.Серафиму. С вечера я усердно молилась Царице Небесной и ангелу-хранителю, чтобы он разбудил меня к Божественной литургии. Возвращаясь из школы, я вновь заходила в часовню преп.Серафима (где монахини подворья совершали свое правило) и отстаивала всю пятисотницу молитв Иисусовых с поклонами, а потом молебен. А если где совершалась всенощная, то уходила ко всенощной и поздно возвращалась домой. Конечно, мама моя беспокоилась обо мне, но не препятствовала мне. Уроки я учила ночью, а утром опять бежала в храм к Литургии, затем к молебну, после чего шла в школу.

Удивительное было у меня призвание еще в раннем детстве. Когда я была еще маленькой девочкой и еще не знала и не умела различать изображения угодников Божиих, явился мне преп.Серафим, благословил меня и велел мне открыть ему дверь. Мы тогда жили на Земляном валу в доме Вознесенского подворья, квартира наша была на втором этаже. Лестница была одна к нашей двери, совсем прямая. Он, Преподобный, дошел до верха и снова благословил меня. На меня, как на ребенка, сон произвел сильное впечатление, я рассказала его маме, на что она мне сказала: «Детка, это был преподобный Серафим», – и благословила меня его иконочкой. Как будто этим все кончилось. Но вот мы переезжаем на Первую Мещанскую, и я впервые захожу в часовню Дивеевского подворья, и что же вижу? Именно этого Старичка видела я во сне когда-то в раннем детстве. Я упала перед его иконой вся в слезах и по-детски молилась о спасении своей души и просила его: «Угодник Божий! Возьми меня к себе и надень на меня такую же одежду, она мне очень нравится». И так я ежедневно, не пропуская ни одной службы, посещала все молебны. Монахини меня знали и хотели меня взять в Дивеево, но мама не отпустила. На моем пути из часовни в школу на углу у Сухаревской башни (теперь Колхозная площадь) была водосточная труба, и я всегда бежала к ней с радостью, так как в желобке постоянно лежала новенькая копеечка. Поднимая ее, я как будто получала какую-то награду. Я отдавала эту копеечку первому встретившемуся нищему и этому особенно радовалась. Я маме рассказывала про это, и она ласково говорила: «Это тебе, детка, дает за твое усердие преп.Серафим».

И так молитве Иисусовой меня учил сам преподобный Серафим в его часовне, где я совершала пятьсот молитв Иисусовых с поклонами. Матушки монахини удивлялись моему детскому усердию и звали меня дочкой Преподобного.

Захотелось мне петь в храме. В школе меня считали лучшей ученицей, и с первого класса я уже на общей молитве перед ученьем задавала тон в зале, где собирались все классы на молитву. И как-то, придя в свой приходской храм, я подошла к регенту и сказала: «Как мне хочется у вас петь в хоре!» Он

взял меня за руку, ввел на клирос и сказал: «Пой “Господи помилуй”», – и я запела. А голосок мой он и раньше слышал, так как я бывала в храме ежедневно, и когда пел хор, я становилась возле клироса и подпевала. В этом хоре я потом выучилась обиходному и нотному пению.

Успешно закончила я городское училище, и по ходатайству старшей учительницы, которая меня очень любила, меня определили в Николаевский институт, что на Солянке. Вот здесь-то и произошло со мною то великое и чудное событие, которым Промысл Божий привел меня навсегда к Батюшке моему и старцу о. Алексею.

Батюшка сказал: «Кто в мой храм придет, тот уже больше не уйдет. А если и уйдет, то снова вернется – благодать Божия привлечет его». И это верно. Батюшку о. Алексея я видела в детстве. Мама с папой, живя на Вознесенском подворье, часто бывали в Кремле, так как их духовным отцом был о.Герасим¹⁷⁹, который стоял у раки мощей святителя Алексия (в Чудовом). Проходя из Кремля Маросейкой, всегда, помню, заходили в храм Николы в Кленниках, чтобы приложиться к чудотворному образу Феодоровской Царицы Небесной и к св. мощам преп.Феодосия Тотемского¹⁸⁰. Но, конечно, когда я начала учиться в Институте, то о батюшке о. Алексее я совсем не помнила, да и ни к чему это было: и заходили-то просто по пути. Но вот совершается чудесный Промысл Божий.

Из Института нас каждую субботу вечером на воскресенье брали домой родители. В одно воскресенье случилось, что меня некому было проводить обратно в Институт к 8 часам вечера, и я дала слово маме, что я дойду сама и нигде по дороге никуда не зайду. Мама понадеялась на меня и отпустила меня, умоляя меня быть умницей.

Доехав на трамвае до Ильинских ворот, я забыла про все свои обещания и сошла с трамвая, намереваясь зайти в еврейскую синагогу в Спасо-Голенищевском переулке, которая давно меня интересовала. «Зайду, – думаю, – и оттуда успею ко времени в Институт». Но Промысл Божий творил иначе. Проходя мимо Батюшкиного храма, я увидела в окно зажженное паникадило, храм был весь освещен. Забыв про синагогу, я

зашла в храм, и вижу тучу, стену народа. Закончилась служба. Певчие в то время были наемные – хор слепых – все разошлись. Остался один Батюшка и всех начал благословлять. Я влилась в толпу, и мне очень захотелось получить благословение. Да притом, как слышу, говорят: «Прозорливый». Вместе с толпой двигалась и я и придумывала: «А что же и о чем мне надо спросить», т.к. все шли с вопросами. Волнуюсь, что Батюшка святой и прозорливый увидит мои грехи, и я не смогу ничего спросить, а что спросить придумала. Наблюдая за Батюшкой и двигаясь с толпой, я была уже шагах в трех от амвонной решетки, за которой стоял Батюшка.

Между прочим Батюшка мне не понравился: какой-то маленький, трепленький, фелонь на боку, поручи развязаны, шнурки болтаются. Но взгляд острый! Мне стало страшно: из больших голубых глаз Батюшки, полных ласки, светились искры. Я волновалась и мне захотелось уйти, пряталась за людей, чтобы он не так видел меня. Но вдруг быстро протягивается его рука, прорезает толпу, расступившуюся от его громкого ласкового голоса, и Батюшка позвал, глядя добрыми глазами: «Манюшка, ну поди-ка ко мне!» Все оглянулись и я также: а где же Манюшка? Все смотрят и я тоже смотрю. «Манюшка, вот ты, ты поди ко мне!» Я заволновалась и, подходя, говорю ему: «Я не Манюшка». – «А как же тебя зовут?» – улыбаясь и хлопая меня по щекам рукой, спрашивает. – «Меня зовут Маруся Тимофеева». – «А где ты учишься?» – «В Николаевском институте». – «Ну и пускай тебя там так зовут, а у меня ты будешь Манюшка». – «А я не ваша, у меня мама есть», – от волнения не зная что делать, говорю. – «А в Финляндию-то мне можно ехать?» – «Нет, там голод будет. А ты приходи ко мне, петь будешь». – «Нет, я к вам не приду, я пою в Институте». И Батюшка, продолжая ласково улыбаться и хлопать меня по щекам одной рукой, другой рукой удерживал и приговаривал: «Приходи, Манюшка, будешь у меня петь, будешь моя». Я настолько разволновалась, что стала сквозь слезы говорить: «Нет, нет. Батюшка, я не ваша, а мамина, я к вам не приду». И с этим отошла. Отошла взволнованная, точно в дурмане, не

понимая, что со мной, встала в стороне и забыла все на свете и что надо в Институт.

Я дождалась покуда Батюшка всех благословит. Он уже шел домой, но толпа непроходимая не пускала его и снова подходили к нему со всякими вопросами. Я очутилась у выходной двери, которая вела во двор, и Батюшка, прорезая толпу, снова подошел ко мне, и снова потрепывая меня по щекам, ласково проговорил: «Приходи, приходи ко мне, Манюшка, петъ будешь, а сейчас скорее-скорее беги в Институт, тебя там ждудт».

Я вышла, вернее выкатилась вместе с толпой во двор и, проводив Батюшку, пустилась бежать, точно с меня спала какая-то пелена. Спросила у кого-то сколько времени. Мне ответили: «Одиннадцать часов». Я в страхе, в испуге, – что мне делать, куда деваться. В Институт? Но все двери закрыты. Мне грозила беда: исключение из Института за нарушение дисциплины. Какая скорбь для мамы-вдовы! Куда идти? К маме? Но чем оправдаюсь? В Институт? Но почему меня отпустили одну и где я была до половины двенадцатого часа? «Боже, помоги мне! – взмолилась я. – Царица Небесная, заступись за меня за молитвы прозорливого Старца!»

Иду в институт. Подаю звонок. Выходит швейцар и с ужасом на лице говорит: «Я не имею права впускать в такое время, все барышни спят и дежурная классная дама не разрешит нарушать покой». Умолила швейцара спросить классную даму, как она ему скажет со мной поступить. Слышу: «Давай мне ее сюда, ведь девочка всегда была хорошего поведения. Расспрошу ее, что с ней случилось. А может быть что у нее дома». Иду по широкой лестнице, покрытой чудным ковром, ведущей на площадку, где все в цветах и стоят мягкие кресла и диван.

«Ну где же, голубушка, пропадала? Или гуляла? И почему к назначенным часам не явилась с родными, а пришла одна в такое позднее время?» Слезы посыпались у меня градом и я еле могла проговорить, что была в храме у прозорливого Батюшки о. Алексея с Маросейки. Вначале она строго возразила: «Какой храм? В двенадцать часов ночи?» Но когда услышала о Старце, то тихо и мягко сказала: «Иди, умойся и

тихо ложись. Я пойду с тобой, так как барышни многие еще не спят, а завтра пораньше я тебя разбужу и возьму к себе, и ты мне подробно все расскажешь. А сейчас спи спокойно, я постараюсь защитить тебя перед начальницей».

Когда я вошла в будуар, многие не спали и хотели засыпать меня вопросами, но классная дама не дала никому пикнуть. Она стояла до тех пор, пока все шепоты прекратились и все успокоилось. Конечно, я не спала, да и какой тут сон, когда о моем отсутствии известно начальнице! Начальница у нас была очень хорошая и глубоко верующая, но и очень строгая.

Рано утром классная дама, которую звали Верой Васильевной, взяла меня к себе и все-все подробно заставила объяснить ей. Выслушав меня внимательно, она сказала: «Верю тебе, но начальницу надо убедить, т.к. твой пример может послужить другим плохо». И для меня было бы плохо, если бы не Господь и Царица Небесная и заступление Батюшки о. Алексея (а он все видел). Все обошлось благополучно по-хорошему и даже больше чем по-хорошему. Наша классная дама Вера Васильевна оказалась Батюшкиной духовной дочерью, и сказала мне: «А я уже пятнадцать лет его духовная дочь. Он не даст тебя в обиду. Потому он и сказал тебе: «Беги скорее в институт, там тебя ждут».

Все же мне пришлось очень много пережить, т.к. начальница вначале была неумолима, и Вере Васильевне пришлось много иметь с ней разговора. Чтобы не дать повода другим нарушать дисциплину, начальнице пришлось собрать все классы, всех классных дам и педагогов. Поставив меня на возвышение, она заставила меня рассказать все, что со мною случилось. Конечно, может быть каждый судил мой рассказ по-своему, но заключение начальницы было дивное. Она сказала так: «Я нарочно Тимофееву Марусю заставила все рассказать всем вам в назидание. Эта девочка, мы все знаем, исключительно дисциплинированная, вежливая, деликатная и всегда была отличного поведения. Отсутствие ее было делом Промысла Божия, и мы не знаем, куда ее Господь поведет, если уж Он ее привел к такому Старцу, духовной дочерью которого уже 15 лет является Вера Васильевна. Я ей все извиняю. Но

если подобный поступок сделает еще кто-нибудь из вас, я ту девочку сейчас же без всякого извинения удалю из Института. Я ваша воспитательница и мне девочки плохого поведения не нужны». И с этим начальница отпустила всех.

Между прочим, Вера Васильевна, чтобы удостовериться в правдивости моего рассказа, один раз привела меня, с разрешения начальницы, к Батюшке, и говорит: «Батюшка, это воспитанница наша Маруся Тимофеева, хочу вас познакомить с ней!» – «Какая гордость! «Наша воспитанница»! «Хочу познакомить»! Манюшка-то? Мы с ней давно знакомы. Она моя и будет ходить ко мне петь». – «Нет, Батюшка, я не могу у вас петь. У вас поют кто в лес, кто по дрова!» – «А вот ты мне и направишь все!»

Побывала я с Верой Васильевной раз-другой и так мне понравился Батюшка, что я стала тихонько ото всех к нему уходить, но начальница и Вера Васильевна знали, что я убегаю к Батюшке. А когда я возвращалась, то лазила в форточку на нижнем этаже в столовой, которая никогда не запиралась, и потом через столовую шла потихоньку по темным коридорам.

Так началась моя новая жизнь с Батюшкой.

Начались экзамены. Если мне какой урок не удастся, мысленно обращаюсь к Батюшке и все становится ясно и удачно.

Однажды у меня очень сильно воспалилась надкостница, температура 40 градусов, меня положили в больничку. Мысленно кричала: «Батюшка, помоги и исцели меня!» И вот в самый тяжелый момент болезни, под звон колокола (ко всенощной, к обедне?), я потеряла сознание и, находясь в обмороке, вижу подходит ко мне Св.Николай с вмч.Пантелеймоном, и Св.Николай, указывая на меня, говорит Великомученику: «Помажь страждущую схимонахиню Марию». Св.Пантелеймон молча подходит ко мне и прикасается кисточкой к больному месту. Прихожу в себя и вижу, что около моей постели находится врач, который держит меня за пульс, сестра и еще кто-то, а у меня вся подушка мокрая от гноя, все прорвалось и мне стало легче. Я лежу, а звон, звон доносится до меня, и я благодарю Господа, Матерь Божию, Святителя

Николая и Батюшку, что за святые молитвы его они дали мне исцеление.

Окончили мы городскую школу, Николаевский институт и нам, старшим девочкам, предложили держать экзамены в вуз на инженера-строителя. Какие-то, помню, экзамены сдали и приступили к занятиям. Должны были и еще держать экзамены.

Пришла я к Батюшке, все ему рассказала и просила помолиться о своем благополучии в жизни. А Батюшка, указывая рукой на небо, сказал мне: «Вот, голубушка, о каком экзамене нам с тобой надо подумать!» – «Так что же повелите мне Батюшка делать?» – «Приходи ко мне жить и будешь служить Господу, Матери Божией и Святителю Николаю, который будет твоим хозяином».

В будни я стала часто ходить к Батюшке петь. Александр Никитич¹⁸¹ (это был впоследствии наш диакон) заметил меня и одной из девушек говорит: «Какая хорошая барышня! Давай ее возьмем к себе».

Батюшка велел мне придти и сказал: «Будешь жить с Танюшкой» (которая жила уже в его квартире в одной из комнат). Я постеснялась и сказала, что Александр Никитич предлагает мне поселиться у него вместе с Зиной¹⁸², но ведь я боюсь, как на это посмотрит мама. «А мы ей не скажем: учишься и учишься». И вот я поселилась жить в квартире Александра Никитича. Это тоже было батюшкино помещение. Батюшкин дом. Так моя жизнь определилась у Батюшки.

Стали слетаться птички со всех сторон, и Святейший Патриарх Тихон открывает нашу маленькую общину, благословляет и форму¹⁸³. Открываются курсы по богослужению и апологетике. Принимает экзамен Святейший Патриарх Тихон. Его благословение объединить нашу общину с общиной Марфо-Мариинской обители, начинание единения. Курсы ведет профессор богословия Андрей Гаврилович Кулешов¹⁸⁴. А у Батюшки – практика. Объединяет и воспитывает духовно Батюшка у себя на квартире, куда мы собираемся в неделю раз. Проводятся ночные богослужения по полному Афонскому уставу. Поем 103-й псалом весь целиком. Поем псалом «Блажен муж» целиком и кафизму всю читаем. Стихиры

поем на 10. Кафизмы на утрени поем и читаем три с седальными и на седальнах ектения. Стихиры на стиховне все. «Хвалите имя Господне» все два псалма целиком без пропусков. Антифоны пелись и читались все. Канон – на 14. Пелись ирмосы двух канонов и покрывались катавасией вкупе двумя хорами. Канон святого на воскресной службе не опускался. Стихиры на хвалите пелись и читались все. После Великого славословия тропари воскресные «Днесь спасение миру» или «Воскрес Иисус из гроба» и ектении. Евангельская стихира и первый час полностью. А перед шестопсалмием пелся постоянно псалом «Благословлю Господа». На шестой и третьей песни канона ектения обязательно. Кондаки на шестой песни пелись, икосы читались, седален на третьей песне читался.

Хор собрался солидный. Я и другая регентша были избраны собором духовенства в составе о.Сергия Мечева, о.Сергия Дурылина, о.Лазаря (верный ученик Батюшки, особенно отличавшийся послушанием) и о.Константина Ровинского. (О.Лазарь пробыл в послушании у Батюшки три года и скончался под утреню Рождества Христова дома на ходу, собираясь идти начинать утреню).

После собора Батюшка позвал меня к себе и говорит: «Ну вот, Манюшка, собором ты избрана регентшей, благословляю тебя и вручаю хор в твои руки. Так благоволила Матерь Божия Феодоровская и Святитель Николай. Вот и послужи им и мне будь помощницей».

Слабенькая от природы девочка, как говорили врачи, я должна была принять это иго Христова послушания за благословение Батюшки. Не понимая силы послушания, я начала в слезах прекословить Батюшке, говоря, что я слаба и что не смогу руководить таким хором, и что я девчонка, меня не будут слушаться» а на клиросе должна быть строгая дисциплина, только тогда и будет хорошее пение. Я говорила об этом Батюшке, так как имела опыт пения в больших хорах, как например, в хоре Кондратьева, в котором полагала начало пения вместе с Софьей Гавриловной, которая теперь поет у нас в Обыденном¹⁸⁵ на правом клиросе. А затем продолжала петь в

хоре Александрова, который пел последнее время в Хамовниках¹⁸⁶ и который был во мне заинтересован. Он сделал меня исполлатчицей в службах архиерейских и солисткой. И потом готовил для выступления с его хором (у него были живущие мальчики) в Большом театре и раза два-три выступала я там. Была очень довольна этим и сказала Батюшке (о своем удовольствии), а он мне ответил: «Погибнешь, Манюшка». – «А что мне делать, Батюшка? Я ведь очень люблю красивое пение. Красота пения дает настроение». – «А ты старайся приобрести устройство и никуда не ходи, пой у меня и Матерь Божия научит тебя молиться. Помоги мне и вместе с тобой поведем устройство хора. Я знаю, что трудно будет тебе, ты музыкальный человек, но в трудности нам поможет Матерь Божия и Святитель Николай. Этого Они хотят (от тебя), это будет твой подвиг, и я тебя поддержу, только слушайся меня».

После этого разговора на другой день перед всенощной Батюшка велел собраться всем, встал на солее у решетки и, благословляя каждого в отдельности, делил певчих: кого на правый хор, кого на левый. Стояли около него и о.Сергий с Александром Никитичем. У многих проявлялось смирение: недостойны правого клироса. Батюшка не нарушал свободной воли: не хочешь на правый, иди на левый, а другие прямо повиновались. И оказалось, что ко мне на правый клирос попали все старушки и мало певчих. Я снова в скорби и слезах: «С кем мне петь-то, Батюшка!» – «А ты не скорби: как запоешь, они с левого-то все к тебе прибегут, а кого тебе нужно, я пошлю». Так образовалось у нас два хора. Неведомыми судьбами Господь готовил меня с юных лет на служение Ему, Матери Божией и святителю Николаю в помощь Батюшке. С юных лет маленькая я девочка, еще в городской школе в 1907 г. в присутствии всех классов, выделенная впереди перед образами, давала тон. Вначале скажу: «Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе!» – и запеваю: «Царю Небесный». Пишу и плачу, как трогательны неисповедимы пути Божии. Между прочим у нас в хоре были канонархи-уставщики. Одна старушка Мария Николаевна¹⁸⁷, духовная дочь владыки Арсения (инокиня Марфа), а другая, которая слыла как «Курсовая» Мария

Степановна¹⁸⁸, и стало быть нас два регента, Маруся Семенова¹⁸⁹ и я, грешная, Мария (Манюшка) Тимофеева. Помимо клиросного послушания у меня еще было послушание в просфорне. Два раза в неделю пекли просфоры. Батюшка звал меня главным пекарем, так как я пекла служебные просфоры, и они очень хорошо у меня выходили.

Хор был еще несовершеннолетний и управлять таким хором (около 90 человек) мне, молоденькой, было очень трудно (45 человек на одном клиросе и 45 на другом), ведь приходилось иногда петь вкупе, например, «Хвалите имя Господне» и догматики, великое славословие. Конечно если бы не такая любовь Батюшки и не его святые молитвы, я не смогла бы всего этого выдержать. По немощи и молодости капризов было очень много, а самое главное, заставить всех слушаться, старших себя, подчиняться мне как регенту очень было трудно! Конечно, Батюшке приходилось очень со мной нянчиться и духовно воспитывать. Ведь зачастую, когда я приходила к нему вся в слезах и говорила: «Меня никто не слушается, я уйду и буду петь в большом хоре, я не хочу никаким быть регентом», – Батюшка утешал, Батюшка учил терпению, учил молитве, Батюшка оставлял народ, закрывал дверь и говорил: «Ведь ты моя дочка, Господь мне дал тебя и, если любишь меня, помоги мне и никуда не уходи от меня, – погибнешь».

Помнится мне такой случай из собрания, которые были по понедельникам в его квартире. Нас было еще не так много, ну человек сто. Беседуя с нами, он как-то сказал: «Дайте мне стакан воды». Подали. Приняв стакан, он спрашивал нас: «Вы видите ли что-нибудь в стакане?» Отвечаем: «Нет, ничего не видим, чистая вода». Тогда он бросив туда какую-то соринку. «А теперь видите?» – «Видим, маленькая соринка плавает». – «Так вот Господь открыл мне ваши души, всякую соринку, всякий изгиб души известен мне». Батюшка почему-то очень жалел, когда мы, курсовые, пропускали богослужение. Говорил: «Практика больше даст, чем теория». Я была согласна с ним. Конечно, и курсы были нужны, но они отнимали время.

У Батюшки был дар слез, любви и утешения, и я плакала постоянно с Батюшкой. И вот он однажды говорит в собрании

при всех: «Манюшка, ты вся в меня. Передо мною воск – что угодно, то и вылей, – и, обнимая своими руками мою голову, говорит. – Я и сам-то до нее боюсь дотронуться, того и гляди развалится. Вот несут младенца в передней, и вдруг с полки падает галошек и прямо на темя младенцу – и он умирает. Вот какая осторожность и внимание должны быть у духовника и у всех нас, а вы у меня все младенцы».

Батюшка нас очень часто причащал. Он говорил: «Душа только тогда и живет, когда очищает свою совесть, а очищая совесть, примиряется с Богом и соединяется со Христом. И как я могу отказать приходящему ко мне? «Грядущего ко мне не изжену вон», а как же я смею отказать приходящему ко мне и в двенадесятый час?» А поэтому Батюшка и во время «Отче наш» выходил и исповедывал приходящего к нему. «Вы мои дети, и за вас я отвечаю Богу, а поэтому идите ко мне, идите, пока жив отец Алексей. Идите, не ленитесь, не будьте нерадивы, а я вам открываю двери Царства Небесного».

Московское духовенство осуждало Батюшку, мне это пришлось слышать самой. «Ну что это о. Алексей причащает своих духовных детей каждый день, точно ложку щей дает и из себя строит какого-то святошу. Запоют «Поклонимся Отцу», он и в землю бухается – грязь ни грязь, правило ни правило, правил для него не существует».

Разговор этот был за столом, они не знали, что я духовная дочь Батюшки. Больно было слушать, но я молчала.

Меня Батюшка особенно привлекал ко Св.Причастию. Если не иду, от исповедного столика пальчиком позовет и все: «Манюшка, беги скорее, Батюшка зовет». Бывало скажешь: «Батюшка, я не готова, я боюсь». – «А я тебе разрешаю, не бойся, пусть окаяшка боится (он так звал лукавого), а ты не бойся, у тебя есть Батюшка». «Вы у меня от кого страдаете? От яшки и окаяшки», – бывало скажет Батюшка.

Батюшка причащал не всех подряд, но вызывал из народа. Иногда стоишь на клиросе расстроенная чем-нибудь или найдет самолюбие и каприз, и сама себе говоришь: «Не пойду сегодня причащаться», – и вдруг Батюшка громко назовет твое имя и до тех пор (зовет), пока не подойдешь. «Батюшка, я боюсь, –

говору у Чаши, – я не могу», – а он твердит свое: «Причащается раба Божия девица Мария... Ну-ну, – ласково проговорит как дитяти, – открой ротик-то», – и реки слез сразу у тебя польются. Так Батюшка старался изо всех сил соединять нас часто со Христом, т.к. видел борющегося нас. Он никогда не давал нам поссориться друг с другом, всегда видел окаяшку, приступающего к нам, и предварял его своею прозорливостью: сейчас же заставлял нас поцеловаться. «Батюшка, а мы не ссоримся», – скажем ему. – «А окаяшка-то торопился вас поссорить».

Батюшка очень любил молиться за покойников, вся его жизнь была молитва за них. Как только дойдет до ектении заупокойной, то кончено: мы певчие все перепоем, перечитаем и заснем. Это еще пройдет целая Литургия.

Перед своей кончиной Батюшка мне говорит: «Манюшка, молись за покойников. Как ты предстанешь пред Богом, а они все за тебя, и ты спасешься. Молись за меня, а я за тебя. А любовь и по смерти не умирает. И если я буду иметь дерзновение пред Богом, за всех буду молить Бога, чтобы вы все там со мной были».

Литургию Батюшка служил особенно. Он был в великом подъеме духа, то он в изнеможении, то он вдруг в величии духа! Батюшка особенно переживал Литургию. В великие моменты он постоянно изнемогал от слез. И мы все певчие плачем и слезит народ. Он не мог без особенного чувства любви и благодарности произносить «Твоя от Твоих Тебе приносяще о всех и за вся». Он рыдал в изнеможении. И после этих слов он в великом чувстве произносил: «Изрядно о Пресвятей, Пречистой, Преблагословенней, славней Владычице...» Я, грешная, зачастую и тона не могла дать, рыдала вместе с Батюшкой. Неоднократно мне приходилось видеть его особенно светлым и даже, посмею сказать не в похвалу себе, но к славе его, стоящим на воздухе, из глаз сыпались искры, точно бриллианты, и страшно было смотреть на него. Когда мне пришлось ему об этом сказать, то он мне на это ответил: «Манюшка, никому не сказывай до смерти моей. Тебе дано видеть меня грешного по Божью милосердию в духе. Помни: это

только любовь и милосердие ко мне грешному». – «Батюшка, а я боюсь тогда к вам подходить, страшно!» – «Не бойся, помни, что я твой отец и беги ко мне. Знаешь мой адрес?» – и при этом засмеется.

Вся жизнь моя от юности была полна желанием уйти в монастырь. «А как же ты меня оставишь? Надюшка, Танюшка, Зинка – все захотят в монастырь, а я-то с кем же останусь? Нет, Манюшка, никуда я тебя от себя не отпущу. Ведь ты мой псаломщик, ты моя правая рука, ты мое зрение, ты мой слух, ты мое сердце. И разлука с тобой останется темным пятном в моем сердце, – приголубливал Батюшка. – Монастырей скоро не будет, и ты не сможешь понести те скорби, которые постигнут монастыри, а мне тебя жалко. У нас в миру свой монастырь. Сделай себе околицу и спасайся, а я тебе помогу. Хочешь монастырского пострига? В свое время получишь, и схиму дам тебе».

Батюшка, живя в миру, сам был настоящим монахом по духу, т.к. в письме к владыке Арсению Чудовскому (Серпуховскому) он писал (а уже Чудова монастыря не было): «Ваше Преосвященство, мне очень бы хотелось закончить последние дни в Чудовом монастыре», – так читал эту выдержку из письма преосв.Арсений нашему о.Сергию, когда я два месяца гостила у владыки в Шарапове (Шарапова Охота). Владыка спросил о.Сергия: «О чем Батюшка хотел здесь сказать, т.к. Чудова монастыря уже нет?» О.Сергий молчал. (Владыка так же, как Батюшка, нас всех с матушкой игуменией Фамарью¹⁹⁰ и другими сестрами каждый день причащал).

Батюшка очень берег мою душу. Периодически о.Сергий устраивал паломничества в Николо-Угрешу¹⁹¹ со всеми, но на все мои просьбы и слезы Батюшка никуда меня от себя не отпускал. Бывало приголубит, утешит и скажет: «Ну и пусть они едут с о.Сергием, а ты со мной. А то как же я один-то без тебя останусь, скучать буду. Мы с тобой поедem в другое место: в Оптину, в скит к владыке Арсению, в Саров». Я и успокоюсь.

Раз как-то отпускал меня Батюшка в скит к матушке Фамари¹⁹² Я там пожила у матушки Серафимы месяца два, а когда вернулась. Батюшка спросил у меня о моем впечатлении

и о игумении Фамари. Матушка игумения ко мне очень благоволила и хотела совсем оставить на жительство в скиту, но Батюшка не благословил и сказал: «Скита скоро не будет, и я тебя никому не отдам».

Захотелось в Оптину пустынь, я ездила с одной сестрой, которая меня от себя ни на шаг не отпускала. Оптина произвела на меня большое впечатление, и я готова была уйти в Шамордино¹⁹³. Во время богослужения в Оптиной я была точно на небе. Устройство монастыря, скит, старцы, – от всего этого веяло Ангельским житием. Я думала, что ослепну от слез от оптинского богослужения, от пения афонских подобнов. Были там старцы, но наш Батюшка о. Алексей, живя в миру, стоял выше пустынников.

Очень хочется рассказать, как у нас протекал пост и как мы встречали Св.Пасху. Воистину было небо на земле и мы были с ликами Ангелов и всех небожителей! Служба у нас была уставная. Батюшка днем принимал народ, а с 4-х часов начинал исповедь (постом). Собирались понемножку певчие, отправляли девятый час, вечерню, а потом и утреню. Читали правило ко Св.Причащению, трехканонник, т.е. акафист Спасителю, акафист Божией Матери, каноны Спасителю, Божией Матери и Ангелу-хранителю. Канон ко Св.Причащению и молитвы и канон покаянный читались перед Литургией. К исповеди постоянно было очень много народу. Батюшка не один раз делал общую исповедь и затем часто исповедовал, но за богослужением очень следил. Раз как-то мы на малой вечерни взяли не те стихиры, но Батюшка вмиг подбежал, перелистал книгу, сам запел и показал, как надо править службу, сказав: «Девчонки, вы не то взяли, вот что надо». Я поклонилась: «Простите, Батюшка». В храме была особая тишина, слышались только всхлипывания молящихся. В храме стоял полумрак, каждый стоял и вспоминал свои согрешения. Чувствовалась молитва, и Ангелы радовались. Стекались певчие и начиналась утренняя по всем правилам, со всеми поклонами. Если кто говорил: «Батюшка, а как вы устали!», – он ответит: «Христос никогда и нигде не говорил, что Он устал». Он примером учил нас бодрствовать. А если скажешь: «Батюшка, как я устала», – он

скажет: «Да ведь вы у меня старушки, а я молодой и вашего о.Сергия за пояс заткну». Он не любил унывающих и говаривал со слезами: «Нам надо день и ночь благодарить Господа, что Он Единородного Своего Сына изволил дать нам на спасение. Только как дитя воззови к Нему Петровым гласом. Он тут же поможет тебе».

Подходило Благовещение. Какое удивительное торжество и радость! Нельзя выразить с каким восторгом пел Батюшка «Архангельский глас» по-семинарски. Этот напев ни один священник не умел так пропеть. А потом уже мы пели трио – то правый клирос, то левый. Было особенно радостно и умирительно. С каким восторгом мы пели «Отверзу уста моя и наполнятся Духа, и слово отыгну Царице Матери, и явлюся светло торжествуя», именно с Батюшкой светло торжествуя... Затем пели «Твоя песнословцы, Богородице, живой и независтный Источниче, лик себе совокупльшыя» и просим вместе с подпевающим голосом Батюшки, «духовно утверди, в Божественной Твоей славе венцев славы сподоби». «Вот и просите Матерь Божию, чтобы Она Своих избранных фрейлин сподобила венцов славы, и я вместе с вами буду просить», – бывало в подкрепление Батюшка скажет нам.

Наступает пятая неделя. Среда. Вечерня на Преждеосвященную [литургию]. Батюшка сам читает покаянные стихиры и заливаясь слезами и еле проговаривает слова, а мы еле поем: «Господи, прежде даже до конца не погибну, спаси мя!» О ком же Батюшка так плакал? Конечно, о себе, чувствуя себя великим грешником, а также за нас, его духовных чад. Четверг, утренняя, стояние Марии Египетской. С первых слов: «Откуда начну плакати окаяннаго моего жития деяния»... Батюшка заливаясь слезами и нас подвигает на покаяние. Весь хор в слезах и все молящиеся, сплошной покаянный вопль, который за святые молитвы разверзал небеса, и чувствовалось: Сам Христос снисходит и утешает всех кающихся грешников. Не передашь словами этого молитвенного покаянного чувства! Да, этот маленький Батюшка, похожий порою на захудалого сельского священника, незримый учеными, стоял как столп огненный перед престолом Всевышнего, подобно Пророку

Господню, умоляя о грехах наших: «Господи, если не простишь им грехи их, то вычеркни и меня из книги живых!» Так вот такая сила благодати дана не пустыннику, не отшельнику, а среди мира живущему о. Алексею. Эта-то сила благодати и влекла к нему и старого и малого, и ученого и простолюдина.

Вот и моя грешная душа соприкоснулась с его духом и почувствовала ту благодать, которая жила в нем. Еще не искушенная миром, моя душа привязалась к нему верою и любовью и его любовь не отошла от меня. Он меня никуда до смерти своей не отпускал от себя, а если и отпускал в святые места, то я знала, что он обо мне беспокоится. Ни к кому я не прилеплялась душой, кроме своего старца о. Алексея, и любила его. Я послушалась Батюшку, как евангельского гласа: «Кто оставит отца или мать или братьев или сестер, сторицею получит и жизнь вечную наследует». Не имея ничего в жизни, бросила учебу и вверила ему, отцу своему, душу свою, пошла вслед его указаниям. И благодарю Господа день и ночь, что осталась цела и невредима в надежде живота вечного за его святые молитвы.

Конечно, не без скорбей и искушений духовных вел меня Батюшка, дорогой мой Старец. Капризничала, плакала, были порывы убежать к маме, в семью, обижалась... Но, наложив скорби, Господь давал мне и сильное утешение. Батюшка, видя меня унывающую, плачущую, прячущуюся от него за угол, в гордости и самости не желающую подойти к нему, – издалека своим святым взором привлекал, или сам подбежит или позовет ласково и спросит: «Кто тебя обидел, Манюшка?» Молчу. «Я тебя обидел?» – «Да, вы, Батюшка». – «Виноват, прости. А я и не заметал и не видал еще тебя». – «А как же, Батюшка, не видали? А помните – то и то сказали и назвали дрянной девчонкой». – «Я тебя так-то назвал? – с удивлением скажет. – Не знаю! Я тебя и не видал, это еще кого-нибудь, а только не тебя». – «Меня, Батюшка, меня!» – «Ну, прости меня. Пойдем со мной!» И надает гостинцев и утешит.

– «Батюшка, – плачу я, – я хочу к маме, благословите пойти». – «Нет, никуда не ходи, а пойдешь чайку, покушай и ляг отдохни. А потом приходи ко мне. Я пока в этот момент

народ принимаю». – «Батюшка, я соскучилась по маме». – «А я тебе заменяю отца и мать, и что тебе надо, ты скажи мне и я тебе куплю и сделаю, только никуда не ходи. Ты уйдешь, а я буду плакать: где моя дочка». – «Я скоро вернусь, только благословите». – «Нет уж, послушайся меня старика: Симка! – крикнет своей келейнице¹⁹⁴. – Ну-ка принеси нам с Манюшкой чаю и варенья, подай то и то!» – «Батюшка, – скажет Серафима Ильинична, – у вас там полна лестница народа и двор, ждут вашего приема и утешения». – «Ну и пусть ждут. Подождут-подождут и перестанут. А эта моя, я за нее в ответе перед Богом. Ты поняла?» – «Батюшка, она тысячу раз еще прибежит!» – «А ты что начала меня учить, кого принимать и кого отсылать и сколько времени на кого тратить? Это не твое дело!» Симочка вся съежится, скажет: «Простите, Батюшка», – и пойдет. А он все не успокаивается: «Ишь, начала учить меня старика, как мне надо себя вести!» Симочка возвращается с чаем, а он ей: «Пошла вон!» – «Простите, Батюшка, я вас огорчила». – «Ну вот, так-то. В следующий раз не дерзай учить о. Алексея: кого я принимаю, долго ли, мало ли времени – не твое дело». При этом разговоре как-то я пришла в страх, а он глазком мне моргнул, а потом сказал: «Это я ее пробрал, а не тебя. А мы будем с тобой чай пить, а потом святителю Николаю и Матери Божией будем акафист петь, а после молебна ты пойдешь поспишь, а я буду народ принимать, а потом зазвонят, и мы с тобой к службе пойдем. И буду я слушать, как моя Манюшка поет. Люблю, когда слышу твой голосок». Так после наложенного искуса утешит молодую душу, которая еще ничего не понимала. «Вы еще у меня младенцы, – бывало скажет Батюшка. – и вас надо питать молоком».

Ну вот приближается Страстная седмица. Службы утром и вечером полные, уставные. Исповедников ежедневно полон храм. Батюшка родной, оставляя прием на дому, сам ежедневно порану в храме в бодрости духа.

Для нас общие исповеди проводились отдельно. Батюшка умолял научиться терпению, **любви друг к другу** и смирению, учил нас подражать Христу и ни на кого не обижаться. Мне как-то лично сказал на мою жалобу, что я очень обидчивая:

«Манюшка, будь у меня терпеливая и кроткая и ни на кого не обижайся, а тем более на духовного отца». Я с удовольствием слушала Батюшкино учение, но говорила: «У меня. Батюшка, ничего не выходит». – «Постепенно научишься и все выйдет с помощью Божией. А как чувствуешь, что окашка подходит, беги скорее ко мне». Он Батюшку боялся. Батюшка отражал его от нас точно Архангел огненным мечом – своею святою молитвою. Как-то раз я бежала за Батюшкой по лестнице и очень запыхалась и говорю: «Батюшка, я очень устала!» – «Да ведь вы у меня старушки, а я молодой и вашего отца Сергия за пояс заткну». – «Батюшка, на меня напала апатия». – «Я неграмотный, этого не понимаю, а вот сейчас нам с тобой надо скорее-скоро ехать служить молебен, а потом соборовать и причащать. Ты готова?» – «Да, да, Батюшка, я тут». – «Ну вот то-то».

Иногда Батюшка так внимательно посмотрит на тебя, что сердце сожмется, при этом скажет: «Как мне жалко тебя», – и приголубит и поцелует в голову и крепко-крепко прижмет. Батюшка видел приближающегося окашку, чувствовал, что ты не устоишь, но святою молитвою его отражал. «Батюшка, я боюсь его». – «Не бойся. Помни, что о. Алексей не даст тебя ему в обиду». Видите, какая сила духовная была у Батюшки – окашка его боялся! А поэтому так легко, радостно и благодатно было пребывание с ним. Был с ним рай! Никакой не было заботы ни о чем, только бы быть с ним, – это было постоянное желание! Это подобно тому, как было у учеников Христовых: они шли за Ним и никакой заботы и мысли у них не было кроме Христа!

В свободные часы я зачастую сидела на подоконнике с распущенными четками и ждала, когда Батюшка пойдет или поедет на потребу, о которой он меня предупредит, чтобы я его сопровождала. Вот подъезжает извозчик к воротам, и Батюшка точно Ангел летит и скажет: «Ну, Манюшка, поедем, нас там ждут!» Господи, какая радость и чувство внутреннего достоинства: «Как это я сяду со святым Божиим человеком такая грешная!» И Батюшка на твои мысли отвечает: «Да, да, грешная, а грешников я очень люблю! И Господь пришел не

праведников, а нас с тобой, грешников, спасать», – и при этом похлопает по щекам и улыбнется. А улыбка была ангельская, и глазки-то точно стрелочки вонзятся в твою душу. Пишу и плачу! Недостойна была иметь такого Великого старца. Но я тогда этого не понимала, и не давала себе никакого отчета, но любила его и всей душой прилеплялась к нему, как к святому человеку Божию. Я забыла мать, забыла всех своих сестер и весь дом свой. У меня был Батюшка и все в нем.

Канонарх провозгласил и мы запели: «Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный, и одежды не имам, да вниду в оны...» Батюшка как великий грешник падал перед престолом и рыдал, рыдал! Рыдали и все мы. Невозможно передать тех чувств и переживаний! Рыдали не только мы, но был общий вопль всего народа, стоящего здесь! Это воистину было судилище совести каждого человека и общий вопль всех грешников кающихся разверзал небеса! Это наш дорогой Батюшка давал молитву молящимся и своим покаянием открывал сердца людей и все сливались в одно сердце и вопияли: «Господи, одежды не имам да вниду в оны!» Читалось Евангелие о смоковнице. Не передать тех чувств и переживаний, с которыми читал Батюшка. Нет, это **не воспоминание** того или другого момента Евангельской истории, нет, **это сама жизнь!** Батюшка старался из всех сил не только передать, но и вложить в наши души самую жизнь духа. Помню и никогда не изгладится из моей памяти ни огнем, ни мечем, как совершалась служба Великой Среды и Великого Четверга! Повторяю, это было воистину судилище Христово, где каждый плакал о своем окаянстве и все единым сердцем, и благодать всепрощения получали от нашего великого молитвенника старца о. Алексея, о.Сергия и других отцов.

Мне как-то пришлось спросить Батюшку: «Батюшка, а почему вы так всегда плачете за богослужением? Как мне хочется так научиться плакать!» – «Манюшка, я прежде всего чувствую себя великим грешником перед Богом и плачу о своих грехах, а потом плачу и о всех вас, чтобы Господь вас помиловал и принял ваше покаяние, и сподобил нас всех и там быть вкупе как здесь». – «А как же, Батюшка, и мне научиться

плакать?» – «Я помолюсь за тебя, чтобы Матерь Божия дала тебе слезы на очищение грехов. Помолимся вместе, и Матерь Божия даст. А ты придешь в храм, припади к Феодоровской иконе Божией Матери и скажи Ей: «Царица Небесная! Дай мне слезы, да омыю грехи мои. Она тебя и услышит». И вот когда служился молебен после Литургии Феодоровской Царице Небесной, Батюшка особенно сильно молился Ей. Он не молился, а просто разговаривал с Ней. Он как-то особенно торжественно взывал к Ней словами одного икоса, воздевая свои руки: «Радуйся, Красото несравненная, радуйся, Доброто несказанная! – и после этого баритончиком притянет, – Радуйся, Мати Божия Предстательнице и Заступнице наша усердная!»

«Батюшка, научите меня переживать Литургию!» – «Вот возьми книжку о. Иоанна Кронштадтского и прочти как он переживал, а потом придешь и расскажешь мне». И тут он мне поведал, как пришлось ему побывать у о. Иоанна: «Я приехал к нему в скорби, когда у меня умерла матушка, и осталось у меня четверо ребят. Стоя в соборе посреди толпы в десятки тысяч людей, я вдруг увидел взгляд о. Иоанна и услышал его голос: «Скорбящий отец Алексей, поди-ка ко мне». Затрепетало мое сердце. Толпа расступилась и я очутился на амвоне. Он возложил на меня руки и сказал мне безмолвствующему: «Свое горе разделяй с горем народа и твое горе будет вполгоря». И дальше продолжал: «Утешай, благословляй, молись за людей и помогай как и чем можешь, а сейчас будешь служить со мною Литургию». Во время Литургии не помню, где я был, точно на небе. Я не чувствовал под собою пола, точно стоял в воздухе, обливаясь слезами. А батюшка о. Иоанн рыдал и был весь в свете. После Литургии он подарил мне свои три носовых платочка, измоченных слезами и сказал: «Вот так и ты плачь о грехах своих и людских». Вот он, молитвенник земли Русской, научил меня молиться, а поэтому я тебя к нему посылаю: попроси и ты у него дар слез. Молитва без слез это сухая ветка», – сказал в заключение Батюшка.

Помню как я девочкой особенно обращала внимание на молитву после акафиста. Когда Батюшка доходил до слов «И научи мя, како Тебе молиться подобает», – я рыдала и кричала

к Ней: «И научи мя, како Тебе молиться подобает!» И воистину Она меня научила в сонном видении. Вот Ее слова: «Когда идешь исповедывать свои грехи, то повторяй слова: помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое». (Этого псалма я еще не знала наизусть). И с этими словами Она от меня отошла. Благодарю Господа и Пречистую Его Матерь, что Она за святые молитвы моего Старца не лишила меня исполнения моей просьбы. Я много плакала, и как еще от грехов моих остаюсь зрячей. Правда, Матерь Божия дала мне слезы, но я во всю жизнь свою употребляла их на обиды, когда-когда проглянет луч – поплачу и о грехах. Боюсь, что и за этот дар буду перед Богом отвечать, так как не умела его употребить на покаяние. Как-то один из батюшек сказал мне: «Какая вы, Мария, счастливая, что имеете дар слез!» И боюсь, что буду перед Богом в ответе, что не умела употребить этот дар на покаяние.

Но вот наступают еще великие Литургии: Великого Четверга и Великой Субботы. Кончилось судилище Христово. Церковь облачена в белые одежды и омыта таинством покаяния. Все в радости, в слезах благодарения приступают к Святой Чаше Христовой. Мы, певчие, поем тихо, спокойно: «Вечери Твоя Тайная днесь, Сыне Божий, причастника мя приими...» А Батюшка, дорогой наш старичок, подобно ангелу Божию, в белой ризе, в радости духа за чад своих и за мир и покой, с великим подъемом духа и с великой любовью отверзает нам кающимся, омытым слезами покаяния, двери Царства Небесного. «Не ленитесь, не будьте нерадивы, приступайте к Чаше Жизни, ко Христу. Я, о. Алексей, пока жив, отверзаю вам двери Царства Небесного!» – так и слышатся его слова, некогда сказанные нам.

Кончился Великий Четверг. Все омытые, соединенные со Христом, теперь идем, сшествуем Распятому Христу. Снова покаянное чувство. Снова плач и рыдание. «Благообразный Иосиф, с древа снем Пречистое Тело Твое, плащаницею чистою обвив, и вонями, во гробе нове покрыв, положи», – так поем мы, певчие, с умилением, слезами, тихостию душевною. А Батюшка наш дорогой весь согбенный, точно несет вместе с Господом

грехи всего мира. Он снова весь в слезах и изнемогает пред Распятием Господом. «Единородного Сына, – говорит он нам с амвона, весь в слезах, – Бог не пощадил дать в жертву за грехи всего мира и за наши грехи. Что воздадим Господу о всех, яже воздаде нам?»

Но вот Великая Суббота – «да молчит всякая плоть человека и да стоит со страхом и трепетом». Снова все причастники. С трепетом сердца ждем, когда торжественно запоем: «Воскресни, Боже, суди земли, яко Ты наследилши во всех языцех». И все меняется, облачаясь в светлую одежду, и мы, певцы, одеваем белые косынки. А Батюшка наш дорогой, живой, в величии духа, кажется неутомимым: снова принимает исповедников. Он уже в белом серебристом облачении, и все уже изменилось кругом. Кончилась служба, расходятся все по домам, а Батюшка, окруженный народом, снова благословляет всех и всем отвечает на вопросы, утешает скорбящих. Я видела как наш Батюшка дорогой, вынимая деньги из кармана и давая одной скорбящей женщине с детьми, сказал: Голубушка, не скорби, не плачь, жив твой муж, а завтра Пасха Христова. На вот тебе, иди купи к празднику и накорми своих детей!» – и при этом каждого ребенка погладил по головке и похлопал по щечкам. Батюшка неутомимо шел через толпу и раздавал любовь Божию, благословляя и что-то снова и снова говоря каждому, требующему помощи и утешения.

Начались приготовления ко Св.Пасхе. Беловы¹⁹⁵, Женя и Елена, принесли восковые гирлянды и начали украшать чисто убранный сестрами (по послушанию) храм, а я готовилась к пению. Неописуемая радость охватывала сердце: ведь через несколько часов запоем «Христос Воскресе». Я с великим трепетом ждала услышать первые звуки пения Батюшки: «Воскресение Твое, Христе Спасе, Ангели поют на небесех: и нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славить». С чистым сердцем! Кто же нам помог так встретить Воскресшего Господа? Это наш дорогой старец о. Алексей. Как же мощно и торжественно он запевал это песнопение со своими сослужителями. Он сам был как бы победителем ада вместе со Христом. Он нас ввел и сподобил быть сопричастницами этой

райской службы! Невозможно передать тех радости и восторга, которые охватывали сердце каждого из нас! Батюшка наш родной, одетый в праздничную Пасхальную ризу и в малинового цвета шелковый подрясник, с особо радостными голубыми глазами, сияющими точно бриллианты, мощно восклицал: «Христос воскрес!» Радости не было предела. И мы, певцы, подобно пророку, «скакал играя!» Улыбка на лицах, восторг в пении, все сливались в радости с народом, и радости не было конца! Кажется, что и стены-то и своды храма отдавали гул в радости звука: «Воистину Воскресе!»

Пишу недостойною рукою: воистину мы имели великого праведника, с которым не было у нас ни печали, ни воздыхания, ни злобы между нами, ни ненависти и зависти! Все были как одно сердце и одна душа. И это только он, наш дорогой Батюшка, мог своими святыми молитвами и силою духа Христова держать нас в раю. Когда пришлось мне однажды спросить Батюшку: «А почему иногда не в полном совершенстве вкушаешь эту радость Пасхи, жалеешь о днях поста и в особенности о Страстной Седмнице?» – «Это потому, – ответил мне Батюшка, – что мы с тобой еще не совершенны, не способны воспринять рай, а только потрудившиеся в посте и молитве угодники Божии. Пасха – это служба райская, а нам ближе покаяние, так как мы не совершенны».

Дойдя до икоса «Еже солнца, Солнце зашедшее иногда во гроб...», – Батюшка сам пел его особым гласом и напевом, и в особенности «и плачим, и возопиим: о, Владыко, восстани, падшым подай воскресение».

Всю неделю Пасхи мы все причащались без исключения. Были для нас краткие общие исповеди. Батюшкин глас постоянно был к нам, чтобы мы жили в любви и в мире. «Жить – любви служить!» Он очень любил петь: «Союзом любви связуеми апостоли, Владычествующему всеми себе Христу возложше: красны ноги очищаху, благовествующе всем мир» [(Вел.четв.)] (на предпразнество Рождества (22 дек.): «Союзом любви связуеми яко братолюбцы, Владущему всеми, мир зело Возлюбившему, и Давшему избавление Сына возлюбленного, дадим славу дающему всем мир»).

Кончились утренья и Литургия. Звон во вся тяжкая продолжался весь день. Вся Пасхальная неделя была одна радость. Разговлялись мы все вместе. Мне никогда не приходилось заботиться о пище, так как была масса дел по послушанию пения и служба была уставная.

Кто-то подарил мне четки из бусинок, но я не понимала, что это четки, и принимала их за бусы. Прибежала к Батюшке и говорю: «Батюшка, мне подарили бусы. Благословите их носить!» Батюшка взял их в руки, посмотрел и спросил: «А ты знаешь, что это за бусы?» – «Нет, не знаю, Батюшка». – «Это называется четки. Ты когда-нибудь читала молитву Иисусову?» – «Нет, Батюшка». – «Так вот я тебя благословляю читать молитву Иисусову». – «А как ее читать?» Батюшка взял четки и стал перебирать бусинки и вместе с ним велел мне повторять: «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя грешную!» Читал внятно, не быстро, и я за ним. И так перебрал всю сотню. Батюшка лежал в постели, отдыхал, а я сидела около него и повторяла за ним. Потом он дал книжечку «Рассказы странника о молитве Иисусовой»¹⁹⁶ и сказал: «Прочти ее, а потом придешь ко мне». Я прочитала эту книжечку и душа моя воспламенилась. Прихожу, Батюшка спрашивает: «Ну как, прочла «Странника»?» – «Да, прочла, Батюшка, и душа загорелась, хочу научиться молитве Иисусовой». – «Ну, вот, Манюшка, я тебе даю молитву Иисусову, читай вот так: Батюшка встал перед иконами, и я вместе с ним, он всю сотню протянул с поклонами, и я вместе с ним. Спрашивает: «Поняла?» – «Поняла, Батюшка». – «Ну так вот и читай пятьсот, а потом скажи мне, как она у тебя идет».

Горит моя душа, и по «Страннику» появились обильные слезы. Молюсь по ночам и спать не хочу. – «Ну, как, Манюшка, молитва идет у тебя?» – «Идет по всем правилам, дорогой Батюшка. И плачу и ночи не сплю, – говорю ему, – и спать не хочется». Видит Батюшка, что я слишком горячо взялась за нее и говорит мне, смиряя меня: «А ты знаешь, кому я даю молитву Иисусову?» – «Кому, Батюшка?» – «Только одним старухам». – «А почему, Батюшка, старухам?» – «А чтобы они поменьше языком болтали». – «А я-то ведь не старуха, Батюшка. Я и не

буду ее читать!» – «Нет, ты у меня, хоть не старуха, а все же читай, как я велел тебе». И вот бывало сяду на подоконнике во дворе, распушу четки и жду, когда Батюшка пойдет на потребу. «Ты что же четки-то распустила, Манюшка (а четки-то длинные)?» – «Молитву Иисусову читаю. Батюшка». Он потреплет по щекам, засмеется и скажет: «Вот ты какая у меня умница. Ну ты их на улице-то прячь, а в храм ходи с четками». Батюшка благословил всех иметь четки, а о.Сергий был против: «У нас не монастырь», – и велел всем их убрать. Многие носили в кармане, а многие повесили на шее, а я не убирала никуда. О.Сергий позвал меня и строго сказал: «Манюшка, четки убери». – «Не убери. Батюшка велел мне носить их в храме». Пришла к Батюшке, сказала, что о.Сергий бранится, велит убирать четки, а я его не послушалась. – «Ну, ничего, я ему скажу, а ты не прячь четки».

У Батюшки было соборование каждый понедельник и каждую неделю он нас соборовал. Пришло мне от лукавого на мысль: не буду собороваться и не пойду в храм. Сажу на подоконнике с четками, а соборование началось. – «Батюшка прислал за тобой, Манюшка, чтобы ты шла собороваться». – «Скажи, Ирина, что я собороваться не хочу и не пойду. Соберутся одни только старухи, а я не старуха». Ирина ушла. Батюшка снова присылает. Иду. «Батюшка, я ведь не старуха, – говорю ему, – и не больная, не хочу собороваться». – «Вы все у меня больные. И апостолы мазали маслом и люди исцелялись. Хочешь быть здоровой?» – «Хочу, Батюшка». – «Ну вот я тебя и помажу».

Что-то скучно мне стало. Прихожу к Батюшке и плачу. «Тебя кто обидел, Манюшка?» – «Никто, – говорю, – Батюшка дорогой! – а сама залилась слезами, – как мне надоело все: молись и кайся. Мне хочется в кино». – «В кино? – спросил Батюшка. – Симка, подай нам с Манюшкой чаю да вареньица получше да послаще. Мы вот с ней сейчас чайку попьем и отдохнем». Сима заворчала: «Она тысячу раз прибежит, а там народу туча, и во дворе и на парадном ждут вашего благословения, утешения и совета». Батюшка на нее крикнул и выгнал вон, сказав: «Ты опять затянула свою музыку, принеси все, что я тебе сказал, а

об этом не твое дело рассуждать». Сима ушла за чаем, а я плачу. «Батюшка, я сейчас уйду». – «Манюшка, никуда не уходи, я ее проберу, а мы с тобой попьем чайку, ты пойдешь погуляешь, в снежки поиграешь, а я буду принимать народ, а потом поедем на требу, поедем соборовать, молебен служить, а потом отпевать. Никуда, никуда не уходи, ты мне нужна». Попила с Батюшкой чаю, Батюшка лег, а мне дал читать Жития святых, а сам, отдыхая, читал молитву Иисусову. Потом сказал: «Ну вот, Манюшка, теперь пойд и поиграй в снежки». – «А с кем же я буду играть-то? Там один Тобик (это была наша собака) да вороны». – «А я сам к тебе выйду, вот только немножко попринимаю народ». Я ушла, побегала во дворе, потом взяла, да и в сугроб легла, чтобы сделать свою фигуру, и слышу, что Батюшка стучит в окошко и грозит пальчиком. Я тут же встала, а потом немножечко погуляла и пришла к Батюшке. «Ну вот, мы с тобой и управились: ты погуляла, а я народ принимал, а теперь поедем на требы. Но никогда не смей у меня на снегу лежать, – строго сказал Батюшка. – Симка, ну-ка стряхни с нее снег-то, вся вывалялась». – «Батюшка, мне хотелось на свою фигуру посмотреть». – «Глупая, а не думала о том, что могла заболеть от этого». – «Нет, и в голову не пришло». – «А ты слышала, как я тебе постучал в окошко?» – «Слышала и испугалась и тут же встала из сугроба». – «Ну вот и умница моя ты стала». Батюшка быстро одел рясу и побежал, а я за ним. Ждал извозчик.

Как-то раз решила никого не слушаться и жить самостоятельно, не понимая силы послушания. Решила без благословения пойти к своей подружке по институту, дочери одного фабриканта, Кузнецова. Семья очень хорошая, но светская. Возвращаюсь от них вечером часов в десять. Зина, моя духовная сестра, с которой мы жили в одной комнатке, говорит мне: «Манюшка, скорее к Батюшке. Он о тебе очень беспокоится». – «А чего беспокоиться-то, я ведь не его дочь-то, а мамина». – «Манюшка, где же ты была, я ведь не мог служить всенощную, все плакал и беспокоился, а куда же моя Манюшка ушла». – «Батюшка, я решила жить по своей воле. Я стала ведь большая, и что буду вас беспокоить пустяками. Я была у своей

подружки по институту». – «А кто тебя благословил? Василий дворник, что ли?» – «Нет, нет, сама». – «Вижу, что у Василия дворника взяла благословение. Ну уж в следующий раз никуда не уходи без моего благословения, даже за ворота, а то волки утащат, а я буду плакать». – «Батюшка, не плачьте, я никуда не пойду, я не буду так». – «Ну вот, то-то же».

Испытывая и рассматривая мои духовные силы, Батюшка благословил меня читать из правила и молитв все, что бы я ни захотела. А я, любя молиться, набрала на себя столько всяких канонов и акафистов, и по три кафизмы, и 500 молитв Иисусовых. Почти не оставалось времени для сна и я просто падала. Пожаловалась Батюшке, что падаю и ленюсь молиться. Батюшка проверил мое правило и сказал: «Так можешь заболеть. Правило твое все в храме, а дома правильце преп.Серафима и все». – «А как же молитва Иисусова?» – «Ну вот в течение дня и исполнишь, если сможешь одну главу псалтири, одну главу Евангелия. Если не сможешь всю главу – полглавы. Если и это трудно, то хоть зачало или даже одну строчку. Все благословляю читать, по немощи, сидя, но Евангелие, как бы ни была больна, читай стоя, хоть с постели ползком, но стоя».

Когда заболела серьезно, Батюшка сам приходил причащать каждый день и в храме причащал каждый день.

Иногда очень сильно совесть начнет беспокоить, что не исправляешься. Прибежишь к Батюшке и скажешь: «Батюшка, накажите меня, может быть это поможет, и я исправлюсь». – «Голубушка моя, – так ласково скажет Батюшка, – ну как я могу тебя наказать, когда ты и так наказана, так как по совершении греха благодать Божия оставляет человека, отходит от тебя, а я рад, что ты прибежишь и в покаянии примиришься с Богом. Ну, уж если так хочется, поди положи Божией Матери поклончик».

Как-то пришлось Батюшке сказать проповедь несколько раз об одном и том же святом, а мы певчие сидим на полу и канонарх – старшая говорит, шутя: «Как надоел Батюшка, все говорит об одном и том же. Ведь мы не один раз слышали». Подходим за благословением после службы, а Батюшка говорит, благословляя ее: «Мария, прости, пожалуйста, виноват.

Ведь я старик, стал забывать, все говорю каждый день об одном и том же». Батюшка видел всякое наше помышление.

Батюшка любил когда я пела и как-то сам в утешение мне говорил: «Люблю, Манюшка, когда слышу твой голосок. Твое пение тихое и спокойное утешает мой дух. Открою и слышу моя Манюшка поет: «Хвали, душе моя, Господа», «Благослови, душе моя, Господа», «Пою Богу моему (с ударением сказал) дóндеже есмь!» Не оставляй старика (так он называл себя), пока я жив, и попой, утешь его».

Батюшка наш был очень популярен, его знали не только в России, но и за границей. И оттуда Промыслом Божиим приезжали люди к нему. Помнится мне такой случай. Стою я и рассматриваю книжечки у Евдокии Ефимовны¹⁹⁷ (в храме продавались книги духовного содержания). Подходят двое – муж и жена и ломаным языком спрашивают, в тот ли храм они попали, где служит о. Алексей. «Да, – отвечаем, – тот». – «А как можно увидеть о. Алексея?» Отвечаем: «За службой, или вот там парадное, где народ стоит в очереди на прием». – «Нет, мы так не можем. Нельзя ли ему доложить, что мы приехали из Франции и хотим отслужить молебен». Конечно, я сейчас же помчалась. Батюшка мне отвечает так, как будто он их давно знает: «Скажи им, Манюшка, что я сейчас приду». Батюшка быстро пришел и направился прямо к ним, как своим, и говорит: «А я вас давно ждал». Те удивленно на Батюшку смотрят, как бы разглядывают. «Что вам угодно?» – очень вежливо спрашивает Батюшка. «Нам надо отслужить молебен. Мы приехали из Франции по указанию сонного видения вашего адреса. Сон был трижды и мы по этому указанию приехали, разыскали вас и просим помолиться». Резко и твердо отвечает им Батюшка: «Молиться не буду. Это дело, которое надумали вы, принесет вам большое несчастье». Они стали умолять Батюшку, но он сказал: «Я отслужу молебен Феодоровской Царице Небесной, чтобы Она избавила вас от великого несчастья, но если вы не послушаетесь моего совета, будет большое несчастье, повторяю вам! Вам надо оставить это дело и успокоиться. Живете хорошо, все у вас благополучно, чего еще хотите?» – «Батюшка нам...» Но Батюшка перебил их

разговор, строго сказав: «Я все знаю, что вы хотите мне сказать. Еще раз повторяю: большое горе ожидает вас, если вы не послушаетесь меня, и о вашем деле я молиться не буду. Давайте помолимся Матери Божией о вашей благополучной жизни, чтобы Она избавила вас от несчастья!»

Странно было слушать этот разговор. Батюшка, как пророк провидел их дело и разговаривал с ними точно со своими.

Молебен был отслужен, я пела. Благословляя их в путь, Батюшка умолял их не приступать к своему намерению, где ждет их гибель. «Батюшка дорогой! Простите меня грешную, но мне хочется знать, какая же гибель их ждет?» – «Манюшка, никому и ни о чем не рассказывай. Эти люди католики, приехали молить о. Алексея выиграть колоссальные деньги, но от этих денег они понесут большое несчастье. Господь мне открыл: у них сгорит все имение и все, что у них, и муж этой жены застрелится, и она погибнет самоубийством и все остальное разграбят. Мне приедут и скажут, но будет все поздно. Но если они не пойдут на эту сделку, то будут тихо жить. Но нет, эта бездна их ожидает, они меня не слушают», – со скорбью сказал Батюшка.

* * *

Многие наши по Маросейке тянулись ко мне и рассказывали о себе. Неудобно я себя чувствовала: кто я и что я? Чтобы выслушивать всякие скорби и нужды и передавать их Батюшке, к которому было трудно попасть. А Батюшка мне на это ответил: «Ведь ты моя помощница. Вот так и благословляю: все, что тебе поведают, приноси все мне».

* * *

Хочется сказать и еще об очень большом чуде за святые молитвы Батюшки, как человек был спасен от расстрела.

Полна лестница народа. Я в это время была у Батюшки. Он служил молебен, я пела. Только что хотела уйти, и Батюшка открыл входную дверь, как прорывается через всю толпу какая-то дама и с криком говорит: «Батюшка, помолитесь!» Батюшка не дал ей ничего сказать и с волнением и жалостью к ней говорит: «Успокойся, успокойся, голубушка, муж твой жив, иди его встречай, а сейчас помолимся». – «Батюшка, вот-вот в эти

часы и минуты назначено, я узнала». – «Нет, нет! – твердо ответил Батюшка. – Это ошибка, все будет хорошо, успеют разобраться, а мы давайте, помолимся». И начал молебен Казанской [иконе] Божией Матери, а я пела. Как же Батюшка молился! У него слезы лились рекой, он весь был в поту, и этот пот был действительно точно капли крови, чтобы вымолить человека. Плакала и я. Бедная женщина, стоя на коленях перед Батюшкой, ломала руки, взмаливалась к нему о спасении мужа. Ласково-ласково, точно Ангел, Батюшка прижимал ее к себе, целовал в голову и говорил: «Будь спокойна, будь спокойна, моя голубушка, Матерь Божия все разобрала и отец Алексей не даст в обиду. Иди! – сказал он твердо. – Встречай мужа и приди с ним ко мне». Более или менее утешенная женщина поблагодарила Батюшку и пошла встречать мужа, а Батюшка ей вслед продолжает говорить: «Жив, жив твой муж! Скорее, скорее встречай! Да не забудь ко мне придти!» – «Ну вот, Манюшка, грешный о. Алексей вымолил человека-то у Матери Божией, а не то погиб бы ни за что! Скоро Матерь Божия слышит грешного-то о. Алексея». Сказал Батюшка и при этом заплакал как дитя в благодарении к Матери Божией. «А теперь пойдем помолимся и поблагодарим Царицу Небесную за Ее великую милость к роду человеческому. Вот и встретила мужа-то! Была ошибка! – воскликнул Батюшка. – Да и все они там запутались, а окашка-то радуется, что души-то гибнут».

– «Батюшка, зачем же Господь попускает погибнуть?» – «А затем, что сильно прогневали Бога, гибнут и праведники, как в Содоме и Гоморре или как при падении Силоамской башни (Лк.13:4). Ты читаешь Евангелие, помнишь это изречение Господа?» – «Да, помню». – «Так вот так и погибнут души, неповинные ни в чем. Но кто обращается к о. Алексею, он вымолит. Матерь Божия дала ему дерзновение умолять о бедных людях». Со слезами Батюшка благодарил Матерь Божию, и я плакала с ним. – «Ну вот, мы с тобой и помолились, а теперь беги отдохни, а прежде поешь и попей чайку. Вот тебе и сладенькое». И при этом дал шоколадку, похлопал по щекам, приголубил, и я побежала.

Но не успела уйти, с чем-то замешкалась, как эта дама вернулась в слезах благодарения к Батюшке и с таким же крепким воплем: «Жив, жив! Батюшка. Вот он!» Батюшка с необычайной радостью и слезами встретил страждущих. «Ну, помолимся, голубчики! Господу, Матери Божией и Святителю Николаю». Снова молебен с акафистом служит дорогой наш Батюшка и благодарит Господа за великую милость к роду человеческому. Плачет Батюшка, плачут страждущие, плачу и я, не могу и петь. Всхлипывая в молитве к Царице Небесной, Батюшка от всего сердца взывал к Ней отрывисто: «Кому возопию, Владычице, к кому прибегну в горести моей, еще не к Тебе, Царице Небесная? Кто плач мой и воздыхание мое примет, еще не Ты, о Пренепорочная, Надеждо христиан и прибежище грешных...» И дальше молится Батюшка: «Царице моя преблагая, надеждо моя Богородице».

Батюшка на коленочках, прикинув головой к столу, изнемогает от слез в молитве, и я рыдаю, и предстоящие, страждущие с ним – эта чета. Кончается молебен. Батюшка так необыкновенно ласково гладит этого гражданина по голове и говорит: «Бедненький, настрадался, весь беленький стал! Ну ничего! За это Царица Небесная так возлюбила вас, видите какую радость ниспослала вам! Жизнь вернула... Но теперь требуется от вас что? – воскликнул Батюшка и вопросительно посмотрел на него. – Вера и добрые дела! Помните, что Вас Господь и Матерь Божия со Святителем Николаем спасли». Я вышла и Батюшка что-то долго с ними беседовал, я не смела слушать. А потом мне Батюшка сказал, что была ошибка из-за одинаковости фамилии. Но инициалы были разные. Оставалась одна минута жизни, как вдруг он слышит приказ: «Такому-то отменить расстрел», – и его вывели и тут же отпустили.

Еще вспоминается мне случай. Читались часы. Подъехала черная карета и вошли три солидных, на вид интеллигентных человека в трауре и встали против Феодоровской иконы Божией Матери, не крестясь и не молясь. Они молча, точно изваяния, стояли. Кончились часы. Батюшка должен начинать Литургию, но вместо этого Батюшка с твердостью духа, с большой выдержкой и деликатностью подходит и обращается к ним,

говорит: «Прошу вас удалиться из моего храма, я не могу начать Литургию в вашем присутствии», – и ушел. Они молча переглянулись и ни с места, а Батюшка пошел снова исповедывать и велел нам читать правило ко св.Причащению. Через несколько минут Батюшка быстро подбегает к ним и снова говорит более грозно: «Прошу вас оставить порог моего храма, я не могу в присутствии вашем начать Литургию». Снова молчание, переглянулись и ни с места. Батюшка ушел снова исповедовать. Кончается и все правило ко св.Причащению, надо начинать, а люди не уходят, молча стоят и никак не молятся. Тогда Батюшка, как Архангел с мечом, быстро в волнении духа подбежал и сказал: «Я не уйду от вас пока вы не оставите порог моего храма. Я не могу начать Литургии в присутствии вашем». И всею силою мощною духовною, напирая на них своею грудью, держа рукою высоко крест, гнал их. Они так же молча задом двигались к паперти, а потом с грохотом побежали по лестнице. Батюшка вернулся от паперти весь в волнении духа и пот с него лил градом! Когда мы наблюдали за этой сценой, нам было очень страшно. Всю эту Литургию Батюшка особенно молился и плакал до изнеможения. А после «Тебе поем» Батюшка, точно Ангел, весь в Духе Святом, точно на крыльях. «Батюшка, кто же эти люди были такие страшные?» – спросила я Батюшку дома. – «Это не люди. Это пришел сам окаяшка, сильный, наглый, страшный и взял себе в помощь еще двоих, и хотел о. Алексея искусить в молитве, помешать совершить Литургию и оставить вас всех и предстоящих без благодати, но Матерь Божия не позволила им искусить меня. Я видел их намерение и выгнал вон. Ты видела как?» – «Видела, Батюшка, как вы их гнали». – «Они испугались креста, – сказал Батюшка, – бежали в свою бездну с грохотом, наводя на всех вас страх. Благодарю Бога и Матерь Божию, что Она грешного о. Алексея не оставляет без помощи. Вот и ты молись».

* * *

Батюшка очень не любил, когда его духовные дети бегают в другие храмы и к другим духовникам. Однажды меня две духовные сестры постарше меня повели на Пантелеимоновское подворье¹⁹⁸ к о.Исайе (а старец Аристоклий¹⁹⁹ тогда уже

скончался). Рано утром без благословения Батюшки я помчалась вместе с ними. Возвращаюсь и прямо к Батюшке рассказать о своем впечатлении. А он, дорогой, ревнуя о чадах своих, говорит строго: «Если еще раз пойдете к Исайе (не назвал его отцом или иеромонахом, а прямо Исайей), – вы не мои духовные дети. Так и скажи и Т. и В.». Я испугалась, заплакала и говорю: «Они меня взяли». – «Ну вот, – ласково произнес Батюшка, похлопывая по щекам, – будь у меня умница, никого не слушай, а беги ко мне. Чего вам там Исаия-то напредсказывал, а?» – «Ничего, Батюшка, только дал мне три книжечки». – «Ну, принеси, я и сам посмотрю и почитаю». – «Хорошо, Батюшка, принесу». И ушла со скорбной душой, что я огорчила Батюшку.

Весь день тот был скорбным для меня и я не знала как умиловить Батюшку, мне жалко было, что я его обидела, такого-то Батюшку. «Ну-ну, уж я давно тебя простил. Больше не побежишь?» – «Нет, Батюшка, не побегу. Все плохие, вы лучше всех!» – «Ах, баловница ты моя, Манюшка. Ну, никуда не уходи, поедem сейчас молебен служить, а в другом месте панихиду». А я и рада, что Батюшка снова ласковый и меня берет с собой.

* * *

Батюшка наш дорогой не только видел всю жизнь человека, но и мысли читал и каждое твое намерение и шаг видел. Ему было все открыто Господом. Видя наше нерадение и беспечность, он однажды, говоря с амвона проповедь, уж не знаю о ком – о каком-то святом, в конце своего слова вдруг громко произнес: «Вот у меня вас духовных детей человек триста (при этом заплакал), а я могу дать ответ Богу разве человек за двенадцать и сказать: се аз, Господи, и дети, яже мне дал еси». Очень испугалась я, что, может быть, в число двенадцати не попала. Кончилась служба. Я к нему: «Батюшка, а в число двенадцати-то я попала к вам?» А сама плачу и стою перед ним на коленках. «Да нет, не скорби, – утешает Батюшка, – вы все мои, а я сказал так, чтобы немножко их встряхнуть, а то лень и нерадение губят душу. Ты всегда моя (хлопая по щекам) и за тебя буду отвечать Богу, если будешь слушаться, а к Исайе побежишь, отвечать не буду».

* * *

Батюшка очень любил, когда мы общаемся друг с другом. Не помню по каким-то дням мы, группа певчих, собирались у сестры Т. Накрывался стол для чая. Собирались певчие к определенному часу и ждали Батюшку. Приготовлялись встретить его, споемся. Любили прежде встречать Батюшку с молитвой «Достойно есть» входное. Батюшка помолится, благословит всех и мы садимся за стол. Батюшка здесь много нам говорил о любви, о мире и радовался нашему согласию и пению духовных кантов. А потом он шел на заседание духовенства к храму Христа Спасителя.

Батюшка был председателем объединения московского духовенства с благословения Святейшего Патриарха Тихона. Нас несколько человек провожали его. Мое место всегда было с Батюшкой, а здесь я почему-то сидела в конце стола напротив Батюшки. Он внимательно-внимательно смотрел на меня во всю беседу, а потом вдруг заговорил о страсти воровства и очень-очень тонко просматривал меня. Он говорил: «Дорогие мои, преп.Серафим говорил: “Всякий грех прощается человеку в обителях, а вора изгоняйте вон”». А сам все глядит на меня. И продолжает: «Вот это какой грех неисцельный! Блудник и всякий грешник исправляется, а вор никогда, подобно пьянице. Вот однажды, – продолжает Батюшка, – бедная женщина пригласила на крестины домовладелицу, думая, что бедному ребенку что-нибудь подарит, и у соседей для гостыи заняла серебрянную ложку, неудобно, мол, домовладелице дать простую ложку. Когда кончилось угощение и стали мыть посуду, ложки не оказалось: туда-сюда – ложки нет. Эта богатая домовладелица страдала страстью воровства и ложку украла».

В течение этой беседы Батюшка не спускал с меня глаз. Я вся изволновалась и не могла пить чаю. Вдруг после этой беседы Батюшка быстро встал (он вообще был очень живой) и побежал. Я осталась сидеть на своем месте и даже не смогла принять от него благословение. В коридоре Батюшку одели и некоторые сестры пошли его провожать, а я не пошла его провожать, как было обычно, а осталась в комнате и рыдала. В мыслях пронеслась вся моя жизнь, и я чувствовала, что в этом

грехе не виновата, а Батюшка как будто обличал меня. Возвращаются сестры, слышу за дверью шушукуются и советуются как бы что-то рассказать, не расстраивая меня. Входят осторожно, с улыбкой говорят: «Манюшка, Батюшка велел тебе немедленно к нему придти», – и как засмеются. «Что случилось?» – говорю. Мне было не до смеха. «Манюшка, ты только не расстраивайся. Мы идем (а сами хохочут), а навстречу идет здоровый мужик с мешком на плечах. А Батюшка говорит: «Девчонки, мужик-то тащит Манюшкино пальто, украл и обокрал всех». Мы рассмеялись, а он, дорогой, говорит: «Осторожно скажите Манюшке, чтобы она не расстроилась и чтобы пришла ко мне сейчас же, слышите?» Вот мы вернулись тебе сказать. И на собрание он не пошел, ждет тебя». Вся скорбь с души свалилась: слава Богу не я вор, а у меня украли. Я упала на колени и стала молиться: «Господи! Этому вору видно не во что одеть своих детей, вмени это ему в милостыню». Быстро побежала я к Батюшке. Вбегаю во двор, а во дворе паника: вор стащил мое пальто, а у Александра Никитича шапку, часы и серое пальто. Вообще совершилась кража. Батюшка начал меня утешать и спросил какое впечатление на меня произвело воровство. Я сказала, как я за вора помолилась и что тогда снялась с моей души скорбь от его беседы. «Ну, не скорби. Пальто я тебе куплю и лучше. Пойдешь с Александрой Ивановной²⁰⁰ в Мосторг, она тебе подберет. А сейчас пойдешь со мной на собрание и там меня подождешь». – «Батюшка, а я ведь не воровка, и вы меня не выгоните, как преп.Серафим? Я в жизни ни у кого ничего не украла. Я боюсь этого греха». – «А если бы ты была такая, я бы тебя не любил и с собой никуда бы не брал. Это я так кстати, к вору сказал».

Родной наш Батюшка, подобно преп.Серафиму, на расстоянии провидел все. Он и сам как-то на агапе сказал нам: «Мой путь – путь преп.Серафима. Жить – любви служить. А путь о.Сергия – путь Крестителя, который взывает: «Покайтесь и принесите плоды покаяния». Но мой путь выше». Агапа²⁰¹ у нас бывала после всенощного бдения, которое начиналось с шести (10) часов вечера и длилось всю ночь, заканчиваясь ранней Литургией, на которой все причащались Святых Христовых

Тайн, затем шли на агапу – вечерю любви и там с нами были Батюшка и о.Сергий, а другие батюшки совершали позднюю Литургию.

Не передать той радости, того восторга, что мы переживали, вспоминая древних христиан. Была одна молитва, была одна душа и единение. Служба всенощного бдения, как я уже писала, совершалась по полному Афонскому уставу без пропусков в чтении и пении. Батюшка, о.Сергий и другие священники всю ночь исповедовали и вся церковь причащалась. Вы, дорогие, не можете себе представить, сколько пения, сколько чтения падало на нас. Сила Божия в немощи совершалась за святые молитвы Батюшки. Это было время полного духовного расцвета в нашем маленьком храме.

* * *

Хочется мне сказать и то, как дорогой наш Батюшка приучал к молитве и святому богослужению. Рано еще, нет бывало и пяти часов, а Батюшка стучится в двери, чтобы идти в храм. А я уже сижу на постели совсем одетая в ожидании его. Не сторож церковный открывал храм, а сам Батюшка; сторож спит, Батюшка его не беспокоит. Молча подходим к дверям храма. Батюшка благословляет скважину и тогда влагает в нее ключ. Войдем в храм. Батюшка сделает три поклона и на все стороны поклонится по-монашески и скажет: «Манюшка, это земное небо, здесь присутствуют все святые с небесным воинством, Сама Матерь Божия с Господом». Сделается страшно.

Однажды я затеплила лампадки, а Батюшка вышел из алтаря и, молча, взяв меня за руки, сложил их крестообразно и сказал: «Так повелела Царица Небесная, чтобы ты мне помогла». И наложив на мои руки епитрахиль, как при венчании, повел в алтарь главного предела. Я заплакала от переживания своего недостойнства. Вначале, при входе Батюшка велел мне сделать три земных поклона и прочитав тропарь «Заступнице усердная». Я это сделала. И дальше повел и здесь я сделала три поклона, а затем велел у престола сделать три поклона сбоку, затем повел через горнее место и здесь велел положить три поклона, с другого бока престола снова три поклона. Потом,

осторожно поднимая меня, снова скрестил мои руки, наложил епитрахиль и повел через горнее место. Ну как тут не заплачешь от такого переживания.

И так я с Батюшкой рано поутру около жертвенника помогала читать все записки и поминания, а Батюшка совершал проскомидию. Записок и помянников было без конца. К началу часов я выходила из алтаря, может кто меня и видел.

По смерти Батюшки отец Сергей, чтобы никто не смущался, не разрешил мне входить в алтарь. Он не отвергал Батюшкиного благословения, но говорил, чтобы не было смущения: «Одно дело Батюшка – никто не смел его поступки обсуждать, другое дело я, еще молодой священник. Могут пойти всякие неприятные разговоры».

Меня это тогда нисколько не огорчило и не тронуло: я Батюшкина, была с Батюшкой и ему служила, а у отца Сергея были другие. А как регент я оставалась на своем месте и хор продолжал усовершенствоваться.

Домик в Верее

Каждый год я бывала с Батюшкой в Верее, куда он ездил отдыхать к своей дочке²⁰². Он часто там служил в храме Ильи Пророка²⁰³. Там однажды меня сильно разобрал смех, когда псаломщик читал начало и конец «Святый Боже», а середину бормоча проглатывал. И одна из прихожанок, прежде чем начать читать шестопсалмие, сначала расставит ноги, покачается, посмотрит на паникадило, как бы оно на нее не упало, а потом нараспев начнет читать тоненьким голосом: «Слава в вышних Богу», а затем будет все снижать и снижать голос, а потом снова запоет. Я больше не могла терпеть и убежала из храма. Батюшка меня потом спрашивает: «Смотрю, а Манюшки нет, молитвенница моя сбежала. Где же ты была?» – «На луговине сидела, Батюшка, не могла, смех разобрал на псаломщика и на чтицу шестопсалмия. Я скопировала Батюшке, как они читали. «Ах, Манюшка, Манюшка, окашка тебя выгнал, – ласково улыбаясь, сказал Батюшка. – А ведь ты знаешь слова молитвы и повторяла бы. При хорошем пении дается настроение, а ты приобретай, пока я жив, устройство, учись

молиться при всяком чтении, и тогда никто тебе не помешает, всегда будешь с Богом».

* * *

Батюшка был очень музыкальный человек, любил пение, но строгое и молитвенное. Он не любил концертов, которые дают настроение, а поэтому у нас было поставлено самое простое пение и никаких особых репертуаров. Строго наблюдал Батюшка и за церковным уставом. Он как-то раз рассказывал о себе: «Когда был еще псаломщиком в храме Знамения Пресвятой Богородицы на Знаменке²⁰⁴, ошибся и на «Господи воззвах» взял стихиру из малой вечерни. Настоятель как выбежал и ударил меня по щеке, говоря: «Так-то ты закончил семинарию, чтобы исказить устав Святых Отцов, которые Духом Святым его составляли!» Батюшка никогда не разрешал нам менять гласы. Положен там седьмой, восьмой или второй, первый глас, – так и пой, как бы ни было трудно. Один раз ошибетесь, другой ошибетесь, а там и научитесь. И стихиры уставщику не разрешал самочинно выбирать: эта, мол, полегче, а эта посодержательнее. «Нет, что положено, то и пойте, – говорил он нам, – так как каждая стихира соответствует гласу и глас соответствует стихире и силе ее духа. Допустим, если глас второй принадлежит стихире той, а ты запоешь ее четвертым, то получается духовно расстроенная стихира, и в ней нет того содержания и чувства духа», – так объяснял нам наш Батюшка.

Как я уже говорила, у нас были уставные службы. И Батюшка мне как-то говорит: «Вот, Манюшка, некоторые регенты очень любят по-своему менять гласы на стихирах, а я противник этого. Мало ли что ему или ей понравится та или иная стихира и якобы к ней подходит не тот глас, какой положен, а вот тот, который по его или ее мнению. К примеру: стихира Св.Отцам написана первым гласом, а регенту понравилось пропеть его пятым гласом или шестым. Да не будет у тебя никогда так», – сказал Батюшка. «А почему, – спросила я, – этак нельзя менять?» – «А потому, что каждая стихира по смыслу и гармонии именно подходит к тому гласу, который поставлен, так как святые писали их Духом Святым. Вот, например, какая-нибудь стихира покаянная, умилительная

стихира намечена 8-м гласом или 3-м, а ты запоешь 5-м или 4-м, и уже нет того умилительного чувства. Ну запой стихирю мертвенную «Плачу и рыдаю» вместо 8-го 5-м гласом и что получится у тебя и у всех молящихся. Вот взгляни в стихираре или в октоихе или в минее на «Господи воззвах» все меняются гласы. И это не потому, что им вздумалось и они так написали, нет, – твердо сказал Батюшка, – так по внушению Духа Святаго они ставили твердый порядок этих стихир и каждый глас гармонировал тому или иному гласу и по музыке и по смыслу. Так вот прошу тебя, Манюшка, никогда не смей менять по своему измышлению гласы, они составлены Святыми Отцами Духом Святым и в строгом порядке гласов и смысла и душевного напева этой святой музыки. И в этом состоит наша молитва и симфония Божия, которая пелась у Святых Отцов в их сердцах! Поняла, что я тебе объяснял?» – «Поняла, Батюшка». – «Ну вот и будь у меня умница». – «Батюшка, но ведь мы еще так необразованны в смысле обиходного пения, и особенности гласов, и думаешь – вот первый глас очень труден для них и возьму какой полегче, например, 6-й или 8-й – они и запоют. Я думала, что не согрешу, если заменю: лучше дружно пропеть, чем соврать и всех привести в смятение и вызвать лишние разговоры на клиросе». – «Лучше пусть соврут раз-другой, а там и научатся». – «Батюшка, родной, ну если бы вы знали, как мне трудно достается: соврем и все на меня сыплется: зачем запела этим гласом, лучше бы шестым и было бы дружно». – «Это ничего, потерпи и скажи им: мне Батюшка не велел менять гласы, а какой положен, тот и должно петь. И все. Ну будь у меня умница и помоги мне! А кто будет неспокоен и больше шуметь и тебя не слушаться, все мне скажи».

* * *

Однажды мне очень захотелось к маме и нужно было по делу. Прибежала к Батюшке: «Благословите меня к маме, мне очень нужно!» – «А зачем – баловаться-то там?» – «Нет, Батюшка, не баловаться, а есть дело». – «А какое?» – допытывался он. Мне было совестно сказать, а я должна сказать, что поеду постирать белье. Я стояла и волновалась, а как сказать-то? «Ну, что же, я старик, а взад-назад в полчаса

сбегаю». А мама жила в то время на Первой Мещанской улице. «Батюшка, а можно ночевать?» – «Ночевать? – голосом протянул Батюшка, – а ведь завтра Скоропослушница и я сам служу, а тебя не будет». – «Я постараюсь рано придти».

В это время на приеме у него сидел какой-то почтенный священник и говорит: «Батюшка, уж отпустите ее, как она умильно просится!» И что же, Батюшка к моему удивлению как опрокинется на него и, повысив голос, строго сказал: «Отпусти ее, а потом и в оглобли не введешь. А я ведь за нее, за эту душу должен отвечать Господу». И обратясь ко мне, ласково произнес: «Завтра Скоропослушница». – «Я приеду, Батюшка». И, приняв благословение, я выкатилась и помчалась к маме. Белье мама взяла, а мне самой не позволила стирать, а я ту ночь не спала, боялась проспать и хотела раньше приехать в храм, – ведь сам Батюшка служит. Приезжаю. Возглас на часы, слышу, делает не Батюшкин голос. Обиделась на Батюшку, что он меня обманул. Да и никакой нет Скоропослушницы, просто рядовая служба. Всю обедню прокапризничала и плакала. «Кто тебя обидел, Манюшка». Молчу. «Я обидел?» – «Да, Батюшка, вы». – «Виноват, прости». – «Да, Батюшка, вы меня обидели, обманули, что сами служите, и сказали, что сегодня «Скоропослушница», а никакого праздника нет, и вы не служите». – «Видишь, Манюшка, какое дело: пришел ко мне батюшка и попросил послужить, я ему и уступил, а относительно праздника Скоропослушницы я ошибся, стал, старик, забывать». Утешил меня Батюшка. А оказывается священник-то тот был о.Лазарь, а относительно Скоропослушницы было сказано мне иносказательно, чтобы я скоро слушалась. Я теперь все поняла. «Батюшка, простите меня, что я зря обиделась на вас». – «Бог простит! Ведь ты у меня умница», – и сам потрепал по щекам.

После Литургии у Батюшки бывал постоянно полный поднос просфор. Эти просфоры Батюшка раздавал народу. Он их просто так не давал, а постоянно покопается, покопошится, переберет просфоры пальчиками, иногда долго-долго, как будто чего-то ищет. И верно ищет, так как не раз взглянет на этого

человека, который стоит перед ним и благословит просфорой его с каким-нибудь словом.

* * *

Я стала тяготиться, что мама и сестра не знают, где я, и что живу без всяких средств на иждивении Батюшки. Сказала о своей тревоге Батюшке, а он сначала не велел ни маме, ни сестре ничего говорить и к ним не пускал. «Учишься и учишься, и беспокоиться тебе нечего, а что на моем иждивении тоже не беспокойся: ты ведь моя и я тебе заменяю отца и мать», – так утешал меня Батюшка. Снова начала беспокоиться, что я не работаю и как бы куда ни услали, как безработную. Многие из Батюшкиных духовных детей предлагали мне работу, но Батюшка не благословлял. Наконец, Батюшка сказал одной: «У вас узлами и возами дают (тогда были пайки и карточная система), а нам что надо с Манюшкой: стакан воды и кусок хлеба». Наконец меня устроили на работу по моему горячему желанию в Центральную химическую лабораторию секретарем-машинисткой. Курсы по обучению на машинке я закончила. Работа была рядом, в Армянском переулке. Мне доверили все и даже получать для сотрудников деньги из Главного Банка и раздавать их сотрудникам. Бывало отстою обедню, попою, причащусь и иду на службу. Вскоре я заболела и Батюшка больше меня никуда не отпускал. «Вот твоя служба: Матерь Божия и Святитель Николай. Будь около меня и никуда не ходи. Матерь Божия и Святитель Николай дадут нам с тобой пропитание». И так я после никуда не ходила на работу, пока не закрылся наш храм.

Однажды после Литургии служил панихиду о.Лазарь. Кто-то прибегает за мной и говорит: «Манюшка, Батюшка немедленно зовет тебя». Я помчалась тут же. Батюшка спрашивает: «А кто, Манюшка, служит панихиду?» – «Отец Лазарь», – отвечаю ему. «А ты хорошо знаешь порядок панихиды?» – «Да, знаю». – «Ну, расскажи по порядку, как она служится?» И я, точно сдавая экзамен, отвечала Батюшке. А потом он мне говорит: «Беги скорее к о.Лазарю и расскажи ему, как служится панихида, а потом вернись и скажи мне, как он это принял». – «Но ведь он, может быть, еще не закончил и неудобно будет во время службы

передавать?» – «Ничего, скажи ему, что так велел Батюшка». – «Батюшка, ведь он священник, а я девчонка. Как же смею его учить?» – «За послушание все сделай как я тебе велел». Бегу со всех ног. Так как записок было очень много, то еще не было шестой песни канона и еще не пели «Со святыми упокой». Я прервала о.Лазаря и начала ему все рассказывать, как служится панихида, добавив при этом: «Так велел Батюшка вам передать». О.Лазарь со смирением выслушал меня и сказал: «Благодарю. Скажи Батюшке: все в точности исполню». Снова бегу к Батюшке. «Ну как, Манюшка, рассказала ему порядок панихиды?» – «Да, да, все рассказала, Батюшка». – «А к чему прибежала?» – «Еще не пели “Со святыми упокой”». – «Как, прервана была панихида?» – «Да, я прервала, и рассказала все по порядку». – «Ну, что он сказал?» – «Он выслушал со смирением и велел вам передать, что он очень благодарит вас и что все-все исполнит как вы велели». Батюшка потер ручки и было видно, что он доволен, и сказал: «Вот, если бы у всех вас было такое смирение и послушание как у о.Лазаря, мне и труда бы не стоило ввести вас в Царство Небесное, а то все борьба с окайшкой да яшкой».

* * *

У Батюшки были большие голубые выразительные глаза, взгляд которых вряд ли кто выдерживал. Глаза были точно небо и отражалась в них сплошная любовь и милосердие. Эти глаза, проглядывая всего человека, то расширялись, то сужались. А во время молитвы из них сыпались точно бриллианты, и так светились, что порою и не взглянешь, не смеешь взглянуть!

Очень любил Батюшка часто благословлять, когда с ним стоишь или около него, его руки непрестанно благословляли и никогда не уставали. Божие благословение он не скупился подавать всем! Даже в своем предсмертном слове он сказал: «Те руки, которые непрестанно благословляли всех, теперь скрестились на груди».

* * *

Хочется рассказать о своем исцелении.

Евангельская кровоточивая женщина в страхе сзади прикоснулась к Господу, и стал ток крови ее. Так и я,

страдавшая тою же болезнью, за святые молитвы Батюшки получила исцеление и в 34 года я уже была свободна. Батюшка дорогой не гнушался мною грешницей. Он говорил: «Твоя болезнь три дня». Я постоянно несколько дней лежала пластом, а он, дорогой, приходил ко мне и причащал. Если же я поднималась и, вся качаясь от слабости, шла в храм, то он сейчас же позовет на исповедь. «Батюшка, я еще больна». – «Ничего, голубушка, и кровоточивая тоже была больна, но Господь не возгнушался ею, только заставил ее исповедовать милость Его и показать людям свою веру. И тебя Господь исцелит, только веруй». «Батюшка дорогой, как хочется освободиться от болезни этой, она меня изнуряет и мне трудно с хором петь». – «Проси Матерь Божию. Она тебя любит». – «Батюшка, а вы попросите Ее». – «Ну, давай вместе. Она скорее услышит». И вот в 34 года я была здорова за св. молитвы Батюшки.

Как раз под Крещение я заскорбела, что болезнь моя пришла, В скорби бросилась к Батюшке: «Батюшка дорогой! Я больна и завтра не встану!» Батюшка пристально на меня посмотрел и заставил меня потихоньку повертываться, как вертятся манекены. А сам в это время все крестил меня и все мои члены, а потом помазал маслом, как во время соборования. Затем приглубил меня, поцеловал в голову и сказал: «Ну, а теперь будешь здорова!» Болезнь моя остановилась. Утром просыпаюсь, и радость на сердце: здорова, болезни нет! «Батюшка дорогой! – бросилась я к нему со слезами, – я ведь здорова. Спасибо вам. Матерь Божия и Господь за ваши св. молитвы исцелили меня!» – «Ну, а ты молчи и молись, никому не сказывай, а потом мы с тобой отслужим благодарственный молебен дома в комнатке, чтобы никто не знал. А ты молчи. Слышишь?» – «Слышу, Батюшка». – «Будешь молчать?» – «Буду, Батюшка, буду!» – «Ну, то-то!» И с тех пор я здорова за св. молитвы Батюшки.

Пропал у меня совсем голос: ни петь, ни говорить не могла. Очень была обеспокоена этим. Врач сказала, что продолжительное время придется не только оставить пение, но запрещается и разговаривать. «Дело серьезное», – сказала она

мне. «Я сама поговорю с Батюшкой о вас, чтобы он освободил вас от этого послушания». Снова тревога в моем сердце, и Батюшке будет скорбь. Зовет меня Батюшка и говорит: «Посмотри на меня, Манюшка». – «Батюшка, боюсь на вас смотреть: из ваших глаз сыплются бриллианты, и я не могу выдержать этого света». – «Не бойся, посмотри», – ласково проговорил он, и взял меня за подбородок. Я взглянула и заплакала: «Батюшка, что же вы весь в свете-то, – крикнула я, – весь сияете!» – «Да нет, это я так хорошо умылся, а потому и светлый стал». – «Да нет, Батюшка, я вижу на вас сияние». – «Ну, а ты молчи и никому не рассказывай. Ишь ты, ведь все заметит! Ну, открой-ка мне свой ротик-то», – ласково проговорил он, поднявши мой подбородок. Я открыла рот, но глаза закрыла, боялась на него взглянуть. И вдруг я почувствовала Батюшкины уста около своих уст, он дунул мне в рот, сказав: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа исцеляется раба Божия девица Мария». – «Батюшка, я боюсь». – «А ты не бойся», – ласково-ласково произнес он, держа мой подбородок, снова повелевает открыть рот, и снова и снова произносит те же слова: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа исцеляется раба Божия девица Мария». А потом ручками потер мое горло, как бы прощупывая что-то, твердо вдавливая свои пальцы, крестил, а затем помазал маслом и сказал: «Ну вот и все, вся операция. И пой и прославляй Господа. Только никому ничего не рассказывай, не болтай, молчи. Мы с тобой только знаем и все! Будешь молчать?» – «Буду, Батюшка, молчать». – «А если не будешь молчать, Матерь Божия отнимет у нас с тобой благодать. Поняла?» – «Поняла, поняла, Батюшка!» – «А если врач тебе скажет, кто тебе разрешил петь, ты скажи: Батюшка отец Алексей» (эта врач тоже была его духовная дочь). Получила исцеление и пела как всегда. Врач была поражена, как это я пою и откуда голос. Посмотрела мое горло и сказала с удивлением: «Да ведь у тебя все очень хорошо обошлось, это мое лекарство помогло». А я его и не принимала, не успела и заказать, но молчала, что Батюшка меня исцелил.

* * *

Службы у нас были долгие, уставные. Как говорили врачи, я была слабая и хрупкая по натуре, да и послушание-то было трудное, только Батюшка родной своими молитвами подкреплял. И вот однажды у меня отнялись ноги во время богослужения и я упала, точно меня парализовало. Ноги стали точно плетки. Побежали и сказали Батюшке, что я лежу на полу и ноги сделались слабые как плетки и что поставить меня на ноги невозможно. Дорогой Батюшка тут же подбежал ко мне. Все расступились. Он посмотрел на меня, перекрестил мои ноги и подал мне свои руки и сказал: «Манюшка, дай-ка мне твои руки-то». Я протянула, и он точно младенца взял меня за руки и ласково сказал: «Ну, скорее-скоро вставай». И я, ни на что не опираясь, тут же поднялась. «Ну как, – ласково проговорил Батюшка, – стоят ножки-то?» – «Стой, Батюшка, только слабо себя чувствую». – «Посадите ее». Подали стул. Батюшка потрепал меня по щекам и сказал: «Ну вот, сидя и управляй. Бедняжка утомилась, слабенькая она у меня. Ну, сила Божия в немощи совершается».

Так я не раз получала исцеления за святые молитвы Батюшки, своего старца Алексея.

* * *

Батюшка говорил, что не бывает ничего случайного и без воли Божией. Если даже на тротуаре наступишь кому-нибудь на ногу, и это не без воли Божией. Часто, на дню неоднократно я прибегала к Батюшке со своими вопросами и однажды говорю ему: «Простите меня, Батюшка, что я вас пустяками все беспокою». А он мне, дорогой, любящий, отвечает: «Для меня пустяки, а для тебя все важно, поэтому не беспокойся. Я сказал: двери для тебя открыты день и ночь, и всегда прибегай, что беспокоит и что нужно все скажи». – «Батюшка, боюсь отца Сергия и Симочку – забранят». – «Ничего, ничего, не забранят, а если чем обидят, приди мне скажи, я их проберу». – «Все пустяками вас беспокою, дорогой Батюшка». – «Пустяки для меня, а для тебя все важно», – снова повторил Батюшка.

Имея ревность о покаянии, я часто с запиской грехов приходила к Батюшке. И вот однажды подаю я ему записку грехов, а сама от страха залилась слезами и говорю: «Батюшка

дорогой, простите меня, я все не исправляюсь, грехи-то все одни и те же». Батюшка в это время лежал в постели. Прочитал мои грехи и говорит: «Ну, какие у тебя грехи, их и нет». А в это время сам их рвет. А потом дал мне эту разорванную бумажку и сказал: «Брось в печку». В это время топилась голландочка. Я бросила бумажки и они воспламенились. Батюшка говорит: «Вон-вон смотри, как грехи-то твои горят, их уже и нет! Не унывай, Манюшка. помни, что у тебя есть отец, и он в обиду тебя никому не даст! А что согрешишь по немощи, у нас есть милостивый Господь Иисус Христос, беги к Нему и хватайся за Его ризу и вопи к Нему: помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей!»

* * *

Читая входные молитвы перед Божественной литургией, Батюшка всегда подбегал к образу Крестителя Христова, который стоял у нас на правом клиросе и, преклоняя колена, и с великим дерзновением обращался к нему и взывал вслух: «Крестителю Христов, всех нас помяни, да избавимся от беззаконий наших Тебе бо дадеся благодать молиться за ны!» И быстро поднимаясь с колен, каждую из нас, выстроившихся в ряд, благословляя, потихоньку похлопает по щекам, и что-нибудь скажет в утешение, в назидание.

* * *

Батюшка очень любил святителя Николая, и когда пришлось впервые запеть акафист святителю Николаю саровско-дивеевским напевом, который мне врезался в память еще в детстве в Дивеевском подворье, то Батюшка, умиляясь, очень сильно плакал и в особенности на словах: «Радуйся, старым сединам силу обновляя!»

Икона Феодоровской БМ

Батюшка особенно любил икону Божией Матери Феодоровскую и никогда не изгладится из памяти моей, как от величайшей любви к Богородице он взывал, воздевая к Ней свои руки: «Радуйся, Красото несравненная, радуйся, Доброто несказанная!» И последний запев запоем дивным своим голосом, иногда протянет басом, а иногда баритончиком: «Радуйся, Мати Божия Предстательнице и Заступнице наша

усердная!» Не могла и я не плакать вместе с Батюшкой. Батюшка особенно читал акафист Матери Божией. Нет, он не читал, он разговаривал с Ней. И порою становилось страшно, видя как он, подобно преп.Серафиму, весь то в великом смирении перед Ней, то в великом дерзновении что-то испрашивал у Нее, а сам, дорогой, весь в свете и великих слезах, стоя на коленочках перед Ней, взывал: «Кому возопию, Владычице, к кому прибегну в горести моей, аще не к Тебе, Царице Небесная? Кто плач мой и воздыхание мое примет (Батюшка рыдал), аще не Ты, о Пренепорочная, Надеждо христиан и Прибежище грешным». Батюшка заливался слезами и порою останавливался от рыданий, и я рыдала вместе с ним. Было невозможно не плакать от такой силы благодати, исходящей от Батюшки. И Она, Пречистая, стояла и внимала молению и молитве Батюшки.

«Батюшка, дорогой! Я не могу так молиться с вами, сердце мое разорвется, ведь оно не вмещает той благодати... И чувствуешь, что Она, Пречистая, здесь стоит живая и страшно становится. Я плачу вместе с вами и боюсь, что я от благодати умру, ведь не могу, не могу вместить!» – «Манюшка, надо сердце расширить». – «А как?» – «Проси Матерь Божию и я помолюсь, и Она даст тебе Свою благодать и тогда ты поймешь. Чтобы принять молитву от Матери Божией и научиться молитве, надо много понести скорбей, а ты еще младенец у меня и скорби нести не можешь. Живи, учись у о. Алексея, а он умолит Матерь Божию, и Она в свое время все даст тебе. Вот о. Алексей все и вас всех вмещает, по Апостолу, а вы еще младенцы и сердца своего расширить не можете, но придет время и вы поймете меня, о чем я плачу».

* * *

Исповедовал меня Батюшка всегда кратко: «И словом, и делом и помышлением», – и прибавит обязательно: «Осуждением». – «Батюшка, я боюсь, что вам своих грехов никогда подробно не скажу, и на мытарстве окаяшка остановит». – «Грехи-то я твои все знаю и все прощаю, а когда нужно, я сам тебя спрошу и напому. А об окаяшке беспокоиться нечего, он уже осужден и в нас места не имеет, а что пугает, так мы Матери

Божией скажем, и Она его заставит бегом в бездну бежать. А на мытарствах он не остановит. А отец Алексей на что? Живо заступится. Да ведь ты от роду избрана Царицей Небесной воспевать Ее: «Твоя песнословцы, Богородице, ... лик себе совокупльшыя», – и духовно воспитывает тебя и венцом славы сподобит. Поняла?» – «С вами-то хорошо, дорогой Батюшка, а вот без вас-то как?» – «А я всегда с вами пребуду и в этой жизни и в будущей. Я тебе уже говорил: если буду иметь дерзновение перед Богом, за всех буду молить, чтобы вы все там со мною были. А любовь и по смерти не умирает! Будешь за меня молиться?» – «Буду, буду!» – «А я за тебя, и будем вместе».

Так постоянно родной наш Батюшка утешит и ободрит и дух подкрепит и снова и снова душа окрылится, и снова силы другие явятся, и хочется петь и петь, слушаться и каяться и любить Господа и ближнего своего. Зачастую, бывало, так бы и обняла весь мир, так бы и крикнула на всю вселенную: «Есть Бог! Верьте в Бога!» Вот как хорошо и легко было с Батюшкой! С ним мы все были на Земле точно в раю! Ни злобы, ни ненависти, ни зависти, ни ревности ни у кого не было. Каждый чувствовал, что Батюшка его больше всех любит. Он как часовой на страже наших душ, и видя приближающегося окаяшку, предупреждал нас миром и заставлял поцеловаться. «Батюшка, мы не ссорились». – «А окаяшка-то?» И Батюшка улыбается. – «Он метил на вас, приближался, чтобы поссорить, да только о. Алексей ходу ему не дает. Хочет за вас мне отомстить. Матерь Божия не дает! Ну он и бежит, ему и делать нечего на Маросейке у отца Алексея». Батюшка засмеется. Да, блаженный был наш Батюшка и как нам легко и отрадно было с ним!

* * *

Как-то раз пожаловалась я Батюшке: «Я очень обидчивая». Батюшка строго сказал мне в ответ: «Не смей ни на кого у меня обижаться, а тем более на духовного отца. Духовный отец по любви своей все простит, но Господь будет медлить, так как между Богом и твоей душой стоит посредник – духовный отец, и

умолить за твой грех некому будет». Так страшно тогда становилось от его внушения.

Батюшка никогда не разрешал в покаянии пилить себя и есть. «Согрешила и просто в покаянии иди и исповедуй свой грех, а снедением себя окаяшка наведет уныние духа, мол, “не спасешься”».

Батюшка очень любил и жалел наши души. Он не любил унывающих и не разрешал падать духом: «“Всегда радуйтесь” по Апостолу, – говорил он. – Непрестанно молитесь и о всем благодарите. Сия есть воля Божия о Христе Иисусе Господе нашем».

Когда меня Батюшка на исповеди спрашивал, «не падаю ли я духом?», я отвечала Батюшке, что не понимаю этого. А теперь мне очень понятно.

Дорогой Батюшка видел нападения на меня окаяшки с силой: тоска, уныние, упадок духа, скука и мысли уйти к маме, заняться учебой и быть человеком, как и все, и быть полезной обществу; мысли, что я молодые годы гублю и все равно в святые не попаду и все равно ждет меня гибель, ад. От такого состояния ни к Батюшке не хочу и никуда и только бы с Маросейки убежать. И как-то раз в таком искушенном состоянии стою за службой, плачу, плачу и не хочу к Батюшке. А Батюшка дорогой, видя мое состояние, зовет к себе и говорит: «Вижу, что окаяшка с силой ополчился на мою Манюшку, и смотрю, она или не она? Ну, расскажи мне, что с тобой?» – «Батюшка, а что я вам буду рассказывать? Ведь вы святой, все видите», – и молчу. – «Мне грешному Господь и открывает ваши души, но надо непременно самой сказать и исповедать, таков духовный закон, чтобы его (окаяшку) посрамить». Молчу и сердце сделалось точно камень и слезы пропали. – «Ишь ты, как сумел охватить душу, но ведь Матерь Божия сильнее его, отец Алексей, хоть и грешный, а прогонит его. Ну скажи, скажи мне, Манюшка», – ласково-ласково говорит Батюшка, и сам, взяв меня целиком всю к себе, непрестанно крестит, треплет по щекам, по спине, по затылку, а потом перекрестил голову мою и уста и сказал: «Именем Господа моего Иисуса Христа и Пречистой Его Матери отступи от рабы Божией девицы Марии».

Я ткнулась ему в грудь, а он ласково-ласково прижал меня к себе и говорит: «Бедненькая, замучилась вся. Ведь это он, окашка, хотел живую в ад посадить, а о. Алексей все равно не даст погибнуть». Тут у меня разверзлись уста, и я все поведала ему. «Жаль мне тебя, Манюшка, уж очень он сильно нападает на тебя за то, что ты послушалась во всем меня и бросила мир и все, что в мире, и последовала за Христом по совету грешного о. Алексея. Ведь Матерь Божия тебя Сама избрала. А потому я тебя и удерживаю от всего и берегу твою душу».

Исповедалась, все кончилось, и я, точно обновленная и вновь возрожденная, с легкостью духа и благодарности Батюшке ушла с исповеди.

«Помни, Манюшка, я тебе заменяю отца и мать. Беги, беги скорее ко мне, не поддавайся такому состоянию, а то заведет тебя куда-нибудь и погибнешь. Пока я жив, никому тебя не отдам, а ты не стесняйся и никого не бойся, и беги, беги ко мне. Слышишь? Если кто смущается, что часто я тебя причащаю, ты никак не смущайся и посылай их ко мне, а я знаю, что сказать». Батюшка сильный духом! Ему дана великая благодать и дерзновение молиться за нас и спасать наши души.

Батюшка говорил: «Храм это земное небо. Войдя в храм, надо сделать три поклона и поклониться на все три стороны, приложиться к образу Царицы Небесной и св.угодников Божиих и встать на свое место, внимая чтению и пению и отнюдь не разговаривать, помня, что здесь происходит, что здесь присутствует Сам Господь, Матерь Божия, все небесные силы и св. угодники Божии и совершают с нами молитву».

Отец Сергей меня прозвал «барыней», а также и другую регентшу. Я очень на него обижалась. Мне было очень обидно: какая же я барыня? Ни одной минутки нет свободной, с утра до ночи храм, требы, печенье просфор, некогда и себя обслужить. Каюсь Батюшке в этой обиде, а он, дорогой, отвечает мне, и так ласково протянул: «Барыня моя! Ну, я ему скажу, не обижайся на него». А потом о.Сергий (видимо Батюшка ему сказал) объяснил мне так: «Манюшка, у меня две барыни: одна барыня по месту, – «мое местечко никто не занимай», а другая –

лавочная: как начнут читать шестопсалмие, так бежит на лавочку сидеть: душно, воздухом дышать».

* * *

Батюшка всегда нас учил благодарить Господа. «Единородного Сына на смерть дал нам Отец Небесный», – и при этом, говоря проповедь, склонит голову на аналой и зарыдает. «Нет места унынию, – скажет со властью Батюшка, – если к нам такое благодеяние от Отца Небесного, и Ходатая пред Богом имеем Сына Божия! Как бы ни согрешили, но имеем великое милосердие Божие и Ходатая за нас Господа нашего Иисуса Христа. Велики грехи и многочисленны, яко песок морской, но еще выше милосердие Божие!» Говорил Батюшка: «Если будут грехи ваши яко багряное и яко песок морской: яко волну и яко снег убелю их!» И Батюшка снова плакал, склоняясь на аналой, и говорил: «Дорогие, будем благодарить Господа!»

Батюшка также любил говорить проповеди о жизни святых. Осталось в памяти моей: он не один раз повторял житие Ксенофонта и Марии²⁰⁵, Евстафия Плакиды²⁰⁶, св.Алексея, человека Божия²⁰⁷, преп.Матроны²⁰⁸, мучениц Анисии²⁰⁹ и Таисии²¹⁰. Батюшка не оставлял без внимания сказать и о грехе блуда и о плотской брани, как она жестока и приводил пример преп.Марии Египетской²¹¹.

Батюшка очень бережно и внимательно относился к каждой вверенной ему Господом душе. Он говорил, ревнуя о каждой душе, если она попадет к неопытному духовнику, тот может ее искалечить, и она может погибнуть. Привел пример: «Приходит ко мне одна раба Божия и говорит: «Батюшка, я пришла в отчаяние, – а сама залилась слезами. – Мой духовный отец наложил на меня вот за такой-то грех епитимию с земными поклонами (по 10 или по 20, не помню) утром и вечером. Поклоны я не могу класть, я сердечница и притом живу в семье, у меня муж и дети и все в одной комнате. Говорю отцу духовному, что я не могу столько класть поклонов, сердце не позволяет, и при всех надо класть, это вызывает всякие вопросы со стороны мужа и детей, а он (духовник) мне на это отвечает: «Это сатана-диавол тебе мешает, а не сердце и не

муж с детьми. Епитимью не отменю!» И я решила покончить с собой». Вот, дорогие, – говорит Батюшка, – какие бывают случаи от неопытности духовных руководителей. Так и пришлось мне с духовником ее разрешать этот вопрос, а иначе она бы могла погибнуть. А поэтому прошу вас, не бегайте по другим духовникам».

Батюшка не любил, когда любопытствуешь о подробностях того или иного греха. «Бывает так, – говорил он, – человек не знал греха, а когда узнал, и стал грешить». И еще строго запрещал разбалтывать исповедь: «Вот мол на исповеди мне Батюшка сказал то и то, а я ему сказала то и то, и он мне ответил то и то». Батюшка категорически запрещал болтать. «Это, – говорил, – есть таинство и ведомо только Богу и духовному отцу». Однажды мне попалась книжечка о семи смертных грехах, а так как я никогда ни одной книжечки не читала без благословения, то пришла и показала книжечку и просила благословения прочитать. Батюшка посмотрел эту книжечку и сказал мне: «Манюшка, оставь эту книжку мне почитать, я сам о них не знаю, а завтра придешь, и я тебе ее отдам». И завтра и послезавтра и в другие дни Батюшка все отвечает: «Прости, Манюшка, виноват, не успел, не прочел», – а потом и говорит: «И не знаю, куда и дел. Виноват, прости меня». И эта книжечка с грехами так и провалилась. А на мое беспокойство, что с меня спросят, он ответил: «Ничего не спросят, про нее уж и забыли». И было так.

Однажды золовка моей старшей сестры просила меня спросить совета у Батюшки – выходить ли ей замуж, так как муж уже давно в плену у немцев после войны 1914 г. Девять лет прошло и в течение этих лет никаких известий от него нет. А сватается очень хороший человек. Я на ходу спросила Батюшку, почему-то окруженного народом. Батюшка выслушал меня и, обращаясь к народу, сказал:

Вот, дорогие, бывают какие случаи. Одна женщина пришла ко мне и говорит: «Батюшка, благословите меня замуж выйти, так как мой муж много лет в плену и его по-видимому нет в живых. А сватается за меня очень хороший человек». Я ее не благословил, а она все же вышла замуж. И только что

повенчалась, через восемь-девять дней возвращается ее муж из плена. И вот два мужа и с ними жена пришли разрешать вопрос и делить жену, чья же она теперь жена. Вот, дорогие, какие бывают случаи.

Я все передала этой невестке, что сказал Батюшка. Она испугалась и сказала моей сестре Моте: «Я подожду давать согласие, а то и вправду вдруг Х. придет». И случилось так, что не через 8–9 дней, а дня через два вернулся неожиданно ее муж. Нашему дорогому Батюшке были открыты не только наши души, но и судьбы людей.

Батюшка очень строго относился к родителям в отношении воспитания детей. Однажды одна женщина пришла к Батюшке и привела ребенка лет шести и в скорби говорит: «Батюшка, что мне делать? К-ка не слушается и стал говорить неправду. А у меня муж был на фронте и я не имела возможности за сыном следить, он оставался с бабушкой. А теперь муж вернулся и укоряет меня – вот мол как ты его избаловала, не слушается и все лжет». Батюшка очень ласково обратился к ребенку, приголубил его и ласково спросил: «Будешь слушаться маму?» – «А она сама папу не слушается». – «А не будешь лгать?» – «А они с папой сами говорят неправду». Батюшка так строго опрокинулся на мать ребенка и сказал: «Вот ваше воспитание! Разве можно что при детях говорить! Сама виновата и будешь за него отвечать Богу!» – «Ну что же мне делать, Батюшка?» – «Приходи ко мне на исповедь и почаще причащай ребенка».

Одна из моих сестер во время революции три года пропадала на фронте. Я очень о ней скорбела, а Батюшка говорил: «Жива. Не скорби, придет». И действительно сестра моя вернулась и стала духовной дочерью Батюшки²¹² и влилась в нашу общину. Батюшка ее очень любил. Однажды он поставил ее посередине всей толпы и сказал народу: «Вот посмотрите, какая большая и глубокая душа!» Батюшка обнял ее и пошел к себе домой, ведя и ее. «Не выходи замуж, я сам найду тебе жениха». Батюшки не стало, а к о.Сергию она не смогла подойти, боялась его, постепенно отошла, замуж вышла неудачно и печально кончилась ее жизнь.

* * *

Батюшка иногда очень умел смирить вознесенную гордыню и избавить от высокоумия и тщеславия. Как-то раз прибегаю с тревогой, что не могу у Александра Никитича молиться, так как мешает то и то. Батюшка выслушал, почему-то вывел меня из своей комнаты в детскую и начал говорить: «Ишь ты какая у меня молитвенница появилась, – и ласково похлопывая по щекам, продолжал, – а ты знаешь, как может молиться о. Алексей, когда за одной стенкой поют, за другой пляшут, а там, слышишь, ссорятся и Бог знает, что про меня говорят, а я должен молиться за весь мир. Все надо терпеть посылаемое Богом». – «Так что же делать, дорогой Батюшка, оставить молитву?» – «Да, оставь». – «А как же удовлетворить молитвенный дух души?» – «Скажи от сердца: «Боже, милостив буди ко мне грешной. Господи, даруй ми зрети моя согрешения», – и ложись спать. А ночью и помолись немножко, вот и удовлетворишь молитвенный дух души». – «Батюшка, а вы молитесь ночью?» – «Молюсь за вас, за всех моих духовных детей и за весь мир». Дорогой Батюшка, говоря про себя, про свои искушения, говорил про меня в будущем, вперед провидя мою жизнь. Действительно, после его кончины стало так, как при нем еще не было: теперь за стенкой и поют, и пляшут, и ссорятся иногда, слышу, и Бог весть что про меня говорят.

Горела желанием читать св. книжки, и Батюшка, как ученице, начал давать сначала жития святых и сказал: «Так вот и пойдешь». Он строго, категорически запретил мне читать светскую литературу, к которой меня иногда и тянуло, и без благословения не разрешал читать ни одной и духовной книжки. Видя своим духовным оком не по разуму нашу ревность, он от всего нас предостерегал, как добрый и любящий пастырь и отец.

Трудно нам с сестрой Зиной жилось в квартире Александра Никитича. Зачастую он выгонял нас. Скажешь Батюшке, а он, дорогой, по щекам похлопает ту и другую и ласково скажет: «Девчонки, если в переднюю будет выгонять, не входите. Ведь он ничего не понимает. Потерпите». Приходя из храма, мы как краденные прошмыгнем в свою комнату и боимся выйти согреть чайник, и смотришь, и Батюшка прибежит будто по делу к

Александру Никитичу, а сам – раз к нам и с шумом: «Отец игумен, а где же твои послушницы-то?» – и засмеется. Громко заговорит: «Ну, девчонки, а чайку-то попили?» – «Да нет, Батюшка, еще не успели». – «Отец игумен, а ты пил?» – «Пил, Батюшка, пил», – засуетясь от неловкости, отвечает Александр Никитич. «Ну-ка, девчонки, где ваш чайник-то?» – «Да вот, Батюшка, мы еще не успели поставить, – а я тихонько добавлю, – боимся, Батюшка». – «Отец игумен, на-ка вот их чайничек-то, где-нибудь найди местечко, поставь». И Александр Никитич берет из рук Батюшки наш чайник, ставит его на плиту, а бабушка его тихонечко ворчит: «Ну куда, куда, надо тогда еще подкладывать дров». (А дрова тогда выдавались по ордеру. Александр Никитич и на нас получал, а его старушка дрова жалела). Похлопает нас по щекам дорогой Батюшка, поднимет дух, умиротворит все и убежит. А бабушка начнет ворчать: «Ишь батя прибежал! Взял бы их к себе, да и напоил, а то пришел распоряжаться!» – «Будет тебе жадничать! Ведь их дрова-то есть!» И этим разговор заканчивался.

В квартире Александра Никитича я только ночевала, но вся жизнь моя протекала в храме, да в совместной жизни с Лидией Александровной²¹³, которая продавала просфоры в храме и жила в нижнем этаже (где готовились просфоры), и с духовной сестрой Зиной. Однажды мне говорит Лидия Александровна: «Манюшка, и попало мне за тебя от Батюшки». Испугалась я и говорю: «А что и за что?»

Да вот, вижу, ты вся горишь духовно и как бы не сорвалась, вот и говорю Батюшке: «Как мне жаль Манюшку. Она уж очень ретива духовно, бледнеет, худеет. Ей бы надо в неделю денька два отдыхать». Батюшка топнул ножкой и крикнул: «Не смей у меня это ей внушать, портить мне ее!» – и выгнал меня вон. Я долго стояла за дверью в волнении и не уходила. Говорю Серафиме Ильиничне: «Скажите Батюшке, что я прошу у него прощения и никогда не посмею его учить». – «Пусть войдет», – слышу, говорит Батюшка. Я бух ему в ноги, умоляю: «Простите меня за мою дерзость». – «Ну вот, то-то же, в следующий раз не смей меня учить и портить Манюшку».

Как-то во время всенощной что-то со мной случилось: не хочу, не могу молиться, хочу домой. Во время шестопсалмия или кафизм попросила Батюшку выйти ко мне из алтаря. Говорю: «Батюшка, я не хочу молиться, не хочу петь, мне все это надоело. Хочу домой». Батюшка выслушал меня и сказал: «Беги скорее домой и ляг в постель, отдохни, а я после всенощной к тебе приду». Пришла домой, легла и будто я куда-то провалилась, ничего больше не помню. Пришел Батюшка, погладил по голове и спрашивает: «Манюшка, а как ты себя чувствуешь?» Я точно проснулась от его слов и ласки, говорю: «Очень хорошо». – «Измерьте температуру», – сказал Батюшка. Оказалось 40,3°. Слышу Батюшкины слова точно во сне: «Скорее, скорее, завтра ее надо везти в больницу». У меня оказался тиф. Так наш дорогой Батюшка видел все.

* * *

Батюшка наш очень ценил свободную волю человека, но так как воля наша греховна, то Батюшка очень следил за нашими душами, чтобы не уклонились в заблуждение или к великому греху. Он мог вовремя направить, наставить, указать и посоветовать. Захотелось мне учиться, приобрести специальность, изучить иностранный язык, имея в помыслах, что я смогу в жизни себя обезопасить материально и не быть в зависимости ни от кого, и сама смогу помочь кому-либо, делая доброе дело. Курсы открылись рядом в нашем переулке. Прошу благословения у Батюшки и говорю, что я успею все сделать: и Батюшке помочь, и учиться. «Батюшка дорогой, очень беспокоит меня мысль, что я молодая и не приобретаю себе специальности, и очень стесняюсь жить на вашем иждивении, унывает мой дух». – «Ну что же, если уж тебе так хочется, учись, я не против. Только ничего у тебя из этого не выйдет». – «А как же жить-то, Батюшка? Я очень волнуюсь и беспокоюсь». – «Живи под кровом Матери Божией, Свт.Николая и моим грешным и нас Господь и они пропитают и согреют». – «Батюшка, а все же мне хочется». Я окончила курсы медицинских, сестер, затем машинописи на «отлично» и «хорошо» и начала учиться французскому языку. Но вдруг курсы наши закрылись и я осталась ни в тех, ни в сех.

– «Ну, я же тебе сказал: ничего из этого не получится». Ну я и успокоилась, но не успокоилась от мысли, что я на Батюшкином иждивении, мне это казалось очень неудобным, стеснительным и иногда эти мысли приводили меня в уныние. Просила Батюшку: «Благословите меня устроиться на работу». – «А зачем она тебе, Манюшка? Ты работаешь Матери Божией, Свт.Николаю и мне грешному. Достоин бо есть делатель мзды своя (награды своей)». – «Батюшка, дорогой, – плачу, – не могу я отнимать кусок хлеба у вашей семьи». – «Кусок хлеба не мой, а Божий, и ты ни у кого не отнимаешь. Поняла?» – «Нет, Батюшка, благословите работать». – «Ну что же, с Богом, если уж тебе так хочется, но мне жаль тебя».

Стали предлагать то ту, то другую работу, а Батюшка все не благословляет. В то время была карточная система, пайки были маленькие и даже соль давали по ордерам в учреждениях. Одна говорит: «Батюшка, благословите Манюшку поступить к нам в министерство, требуются машинистки, и у нас дают хорошие пайки». – «Ну что, Таисия, у вас возами и санями вывозят, и все равно бегут, а нам с Манюшкой что надо? Кусок хлеба, да стакан воды».

Наконец устроилась я на работу рядом, в нашем переулке машинисткой и личным секретарем главного начальника Центральной химической лаборатории имени Баха. Начальник очень полюбил меня, многое доверял и даже приблизил к своей семье. Батюшка радовался моим успехам, но заскорбел, что душа начала по долгу службы удаляться от храма. «Манюшка, ведь я очень скучаю о тебе. Вот Литургия идет, а управлять и петь некому, нет моей Манюшки. Боюсь как бы волк тебя не утащил». Не понимая этих слов, говорю: «Батюшка, а ведь в Москве нет волков-то». – «Нет, Манюшка, вот именно в Москве-то их и очень много: утащат тебя, и я от скорби умру». – «А что же мне делать-то?» – «Слушайся меня и никуда от меня не уходи». – «Батюшка дорогой, а я ведь очень беспокоюсь о своем материальном положении и мне надо приобретать себе кусок хлеба». – «Я же тебе говорю, что Мать Божия, Свт.Николай и я грешный тебя не оставим ни в сей жизни, ни в будущей, если ты послужишь грешному о. Алексею». –

«Батюшка родной, не скорбите, скоро моя служба раскассируется. Будет, говорят, Институтом и его отсюда куда-то переведут, а я снова к вам». И правда, в очень скором времени Института не стало. Мне предложили ехать с ними, но Батюшка не благословил. – «Вот твоя служба: Матерь Божия и Свт.Николай. Сколько раз я тебе говорил, а ты меня не хочешь слушать», – со скорбью сказал Батюшка. – «Нет, нет, дорогой Батюшка, я больше никуда не пойду!» – «Ну, вот то-то! – воскликнул Батюшка, – а я теперь спокоен за тебя. О насущном хлебе не беспокойся, будешь сыта. А если что тебе нужно, скажи мне, я тебе куплю и сделаю, только не унывай. Слышишь?»

* * *

Я в молодости была очень доверчива и, как говорили, наивна. Я очень любила монашествующих. Однажды наши сестры захотели надо мною подшутить и вот в конце всенощной приходят за мной и говорят (а день был просфорный): «Манюшка, скорее, скорее иди к Лидии Александровне. К ней из Петрограда приехала схимница из обители о. Иоанна Кронштадтского. Она очень хочет тебя видеть и поговорить с тобой». Кончилась служба, и я стрелой помчалась к Лидии Александровне и прямо с ходу бросилась перед схимницей на колени, чтобы принять от нее благословение. Она сидела на Зининой постели, одетая в монашескую одежду – мантию и клобук. У Зины постель была высокая (сундук) и схимница не сразу показалась высокой, но ноги у нее почему-то до полу не доставали. И вдруг она, к моему удивлению, меня почему-то не благословляет, руки-то с места не двигает, а стала быстро валиться на бок. Как быстро я к ней подбежала под благословение, так я, вскрикнула от испуга «ой!», быстро попятилась задом и прямо уселась в кадку с тестом, провалилась и ноги вверх. Что тут было смеху! Схимница моя валялась на подушке у Зины, заливалась смехом, а меня со смехом никак не могли вытащить из кадки. Наконец вытащили и долго не могли перестать смеяться.

Кто же была эта мнимая схимница? Это была одна из просфорниц – Евдокия Васильевна Бумагина, которую одели в

одежду о.Саввы²¹⁴ и посадили в передний угол на Зинину постель. А мне и в голову не пришло, как же эта схимница сидит в полном монашеском облачении и с дороги села в передний угол. Утром после Литургии пришла и все рассказала Батюшке. Он смеялся, точно Ангел, и сказал: «Ну, уж я их побраню. Ишь какие озорницы! Ну, а тесто-то от тебя очистили?» – «Да нет, Батюшка, оно было покрыто и еле-еле подходило». Батюшка заливался смехом и я с ним. «Ну уж ты на них не сердись», – с улыбкой сказал Батюшка. – «Да нет, Батюшка, мне самой-то потом смешно было. Я вначале испугалась не кадки, а этой мнимой схимницы». Батюшка похлопал меня по щекам и сказал: «Ну, беги, моя баловница, пеки просфоры. Ты ведь у меня главный пекарь. Только потихоньку беги, в кадку опять не упади». – «Нет, нет, Батюшка, я потихоньку». А сама снова помчалась со всех ног. Слышу сзади голос Батюшки: «Тихо, тихо, Манюшка, а то упадешь». И этот голос нежный, точно материнский, голос матери, которая предупреждает младенца, чтобы не упал. Вот сколько любви и нежности было в нашем старце, Батюшке о. Алексее.

* * *

Спросила я раз Батюшку: «Объясните мне, пожалуйста, в Евангелии сказано: где труп, там соберутся и орлы». – «Орлы – это Ангелы. Наступит такое время, что люди не смогут совершить таинство отпевания и трупы будут лежать, а Ангелы приступят и совершат все». – «А кто же такая царица южская, которая восстанет на суд с родом сим и осудит?» – «Я с ней не знаком, Манюшка».

* * *

«Батюшка, молитва Иисусова у меня что-то плохо идет». – «Ну, а ты пойді в Ивановский монастырь к матери Марии, скажи, что я тебя прислал, чтобы она научила тебя молитве Иисусовой». А мать Мария была Батюшкина духовная дочь. Монахини из Ивановского монастыря²¹⁵ ходили к Батюшке и были его духовными дочерьми. И сама игуменья часто бывала у Батюшки со своими скорбями и назидалась у него. Однажды она при мне говорит Батюшке: «Батюшка, вот этого бы ангела (указывает на меня) я с удовольствием взяла бы к себе и всему

обучила бы». Батюшка улыбнулся и сказал: «Ангела-то возьми, а Манюшку я тебе не дам. И самой-то тебя там скоро не будет, куда ж Манюшку-то денешь? Боюсь только испортишь мне ее, а она у меня еще маленькая». – «Да, дорогой Батюшка, – ответила смиренно старица, – очень трудно управлять монастырем». – «А еще труднее – душами», – прибавил Батюшка. – «А ведь за всех вверенных тебе будешь отвечать Богу. Вот возьми ее (указывая на меня), приходит со слезами и говорит: надоело молиться, надоело каяться, хочу в кино, ну что ты тут с ней будешь? А Богу-то ведь будешь отвечать, вот и понянчайся с такой душой. А ведь прекрасная душа, Божие создание! Ну что ты с ней тут будешь делать в таком случае?» – спросил Батюшка. – «Конечно, Батюшка, если бы стала настаивать, отпустила бы!» – «Вот вы все такие игумении! Отпустила бы, а куда? В омут? И погибла бы душа. А ведь Господь эту душу вручил тебе, и она не сама пришла в монастырь, ее Господь, Матерь Божия, Иоанн Креститель призвал, а вы, игумении, отпустили бы, не поняв, что это сильное искушение и не помогли, а отпустить бы легче всего. Ишь как вы легко смотрите на спасение душ человеческих, которых вручает вам Господь». Я со страхом слушала этот строгий и внушительный разговор Батюшки с матушкой игуменией и громко воскликнула: «Нет-нет, Батюшка дорогой, я уж теперь давно вас послушалась и ни к кому не пойду и вас не оставляю!» – «Но ведь ты у меня умница», – похлопал меня по щекам Батюшка. – «Ну, а к матушке Марии поди, и скажи ей, что я тебя послал». И я убежала, а игумения осталась у Батюшки.

Прихожу в монастырь к матушке и говорю: «Матушка, меня послал к вам Батюшка, чтобы вы научили меня молитве Иисусовой». Матушка выслушала меня, ничего не ответила и начала поить меня чаем. И разговор завела совсем отвлеченный, и все приговаривает и приголубливает меня: «Милый ребенок, хорошая моя девочка, как хорошо ты поешь, как хорошо ты управляешь своим хором, не как наша регентша мать Минодора. И она-то, и я, и другие ходим специально на тебя посмотреть и поучиться. Ведь мы все Ивановские ходим к Батюшке и умиляемся тобой. Ведь ты Батюшкина дочка, мы-то

чужие, но все равно он нас любит и мы у него исповедуемся». – «Ну, а что же, раз исповедуетесь, то и Батюшкины». – «Это-то верно, но у нас матушка игумения, она очень строгая и не всегда к нему нас отпускает, а я потихоньку убегая, и достается же мне!»

И тут она начала все рассказывать, какие в монастыре скорби. Говорит: «Вот матушка игумения меня благословила с одной монахиней шить одеяла. Ну и скорби же я от нее несу. Нашью много, вдруг кричит: «Такая-сякая, пори все, что тут нашила». Начну пороть, еще сильнее кричит: «Все испортила и что мне с тобой делать! Вон иди!» А сама все кричит и кричит и ругает по всякому! Кончится день, так она заставит меня ночью работать. Плачу, кричу: «Дорогой Батюшка, заступись, помоги!» А один раз и побила, а жаловаться я не смею, так как про меня матушка игумении всего наговорили, наклеветали. И вот, дорогая моя девочка, придешь к Батюшке, все ему расскажи».

Жалко мне было мать Марию. «А молитву Иисусову когда же вы читаете?» – «Она у меня сбоку висит» (указывая на четки, которые висели на поясе). И так, провожая меня, она многое поведала мне о своих скорбях.

Прихожу к Батюшке: «Ну как, Манюшка, мать Мария-то научила тебя Иисусовой молитве?» – спрашивает Батюшка. «Да нет, дорогой Батюшка, некогда было. Ее захватили скорби и она вместо молитвы мне велела вам все точь-в-точь передать о скорбях. И даже били ее!» – «Да ну, – воскликнул Батюшка, – ну, садись, садись и все Расскажи мне». Я все подробно рассказала Батюшке о ее жизни и о послушании, которые она несет и про злую монахиню. Батюшка все выслушал и сказал:

– Ну вот, Манюшка, поняла теперь, как дается молитва Иисусова: «Отдай кровь и приими дух». Видела ее смирение, видела ее послушание, видела ее скорби и болезни, а утешения-то нет кроме о. Алексея, и то когда пустят. Поняла?

– Батюшка дорогой, – взмолилась я к нему, – я больше так капризничать не буду, я буду слушаться вас и в монастырь не пойду, боюсь злых монахинь.

– Не будешь проситься к маме, в кино?

– Нет, нет, больше не буду!

– Ну вот поняла, как дается молитва Иисусова: принимать скорби, смириться до зела, как Христос Спаситель, понести иго Христова, и тогда дается тебе молитва Иисусова. А сейчас вот читай и читай, как я тебе сказал. А творят молитву Иисусову только подвижники, как преп.Серафим. Теперь поняла, как дается молитва Иисусова? Чтобы полюбить Господа всем сердцем и всею душою и крепостию, и ближнего своего как самого себя, надо принять скорби от ближнего, укоризны, взять его в свое сердце и отбросить эгоизм. Смириться надо до зела пред всеми, считать себя хуже всех и даже хуже всякой твари! Поняла, Манюшка?

Я слушала с большим вниманием и говорю: «Поняла, дорогой Батюшка, поняла, только у меня ничего не выйдет, я очень горячая и гордая, как вы говорите». – «Ну, сейчас не выйдет, ты еще у меня младенец, но надо учиться, просить Матерь Божию, чтобы Она помогла не быть гордой, – и о. Алексей помолится. – Только я тебя набаловал, Манюшка, никому об этом не говори». – «Батюшка, а мне все так и говорят: «Манюшка капризная, Батюшка ее избаловал».

* * *

«Батюшка, как мне с хором быть-то, ведь меня не слушаются. А хор тогда поет хорошо, когда есть дисциплина. А то все закроются косынками, а которые глаза вверх заведут. Ну я тоже буду так, скажу им. А не слушаются, возьму да и убегу». – «Ну вот, Манюшка, здесь и требуется от тебя терпение, смирение и ласковое слово к тому, кто тебя не слушается. Вот когда ты не слушаешься, разве я от тебя бегу или на тебя кричу?» – «Нет». – «Ну так вот и ты поступай». – «Батюшка, вы старенький...» – «И то не слушаешься меня», – перебил Батюшка. «А я то девчонка», – со скорбью скажу ему. «А ты никуда не убегай, а беги ко мне, а я знаю, что кому сказать. Поняла меня?» – «Поняла, поняла, дорогой Батюшка». Вот сколько терпения надо было нашему Батюшке с каждой из нас, и как он, дорогой, воспитывал наши души и следил с высоты духовной точно небопарный орел.

* * *

Как-то раз собралась группа сестер в Зосимову пустынь²¹⁶ к о. Алексею-затворнику²¹⁷. Очень захотелось и мне. Пришла я к Батюшке и говорю со страхом, зная, что меня Батюшка от себя никуда не отпускает: «Батюшка дорогой...» А он, еще не дав мне ничего сказать, говорит: «Что, захотела в Зосимову пустынь к о. Алексею?» – «Да, очень хочется, многие едут». – «Ну что же, поезжай, поезжай. Передай от меня о. Алексею привет, и о.Иннокентию, и о.Дионисию, и смотри не балуйся там, не шали». Очень обрадовалась я первой своей поездке к о. Алексею.

Приезжаем туда, отстояли службу и все пошли на благословение к о. Алексею. А нам келейник²¹⁸ отвечает: «А о. Алексей не принимает больше. А откуда вы? Из Москвы? Да там у вас свой старец Алексей, выше нашего, и зачем наш вам? Помолились и поезжайте обратно». Все повернулись и пошли, а я осталась и сказала: «А ведь мне наш Батюшка велел о. Алексею вашему передать поклон, значит я должна его увидеть». Посмотрел на меня иеромонах и сказал: «Всех батюшка принять не сможет, а о тебе, матушка, я доложу. Как тебя зовут?» – «Мария грешная». – «Так ты не монахиня?» – «Нет еще, собираюсь ею быть». Он посмотрел на меня, улыбнулся и сказал: «Ну, подождите, у него сейчас игумения, а потом пойдешь и ты». Игумения вышла скоро, он доложил обо мне Батюшке. «Батюшка вас приглашает, идите за мной». Испугалась я, руки и ноги затряслись от страха. «Молитвами святых отец наших...» – быстро произнес келейник и постучался. Послышался голос о. Алексея: «Аминь». Келейник открыл дверь, впустил меня и тут же дверь захлопнул. В мысли моей пронеслось: «Ну, пропала я!» И стою, прижавшись к двери.

Батюшка сидел в кресле, одетый в схиму, а я таких еще никогда не видала. Волосы седые длинные расстилались по плечам, борода длинная. Я боялась сдвинуться с места и от страха готова была плакать: дверь защелкнута, бежать некуда. Я только хотела сказать: «Отпустите меня, пожалуйста», – как слышу твердый, грубый, но ласковый голос батюшки: «Деточка, не бойся, не бойся, поди ко мне. Ты откуда?» Я молча

неуверенным шагом начала приближаться. «Ты откуда?» – снова последовал вопрос, и я посреди комнаты остановилась. – «Ну, поближе, поближе подойди ко мне, не бойся, скажи откуда ты». – «Из Москвы от Батюшки о. Алексея. Он вам велел передать привет». О.Алексей своей рукой (а рука длинная показалась мне) взял меня за руку, совсем приблизил к себе и велел встать на коленки. «Ну, скажи, деточка: ты монахиня?» – «Нет, только собираюсь», – батюшка улыбнулся. «А Батюшка о. Алексей благословил тебя принять монашество?» – «Нет, только обещал». – «Будешь исповедываться?» – «Благословите, Батюшка». – «А о. Алексей разрешил тебе у меня исповедываться?» – «Нет, он не любит, когда мы исповедуемся у других батюшек». – «Ну, хорошо! А я тебя исповедую, раз ты ко мне попала, и он велел тебе передать привет». Поглаживая мои руки, Батюшка сказал: «Отец Алексей мой хороший знакомый. Мы с ним в детстве были друзьями и вместе играли и на собаке верхом катались, на Каштанке-то». Сразу я как-то ожила и вскрикнула: «Нет, другая большая собака-то была!» Страху стало у меня меньше.

Батюшка приступил к исповеди за всю жизнь мою. Долго (1 ч. 40 м.) от юности он меня исповедал. Он называл мне такие грехи, которых я никогда не слышала, но от страха все говорила «грешна». Исповедь была исключительная! Он меня поставил как бы пред судилищем Христовым, где я была безответна. Я плакала. Мне захотелось скорее к своему Батюшке, где нет страха, а одна любовь. Кончилась исповедь. Я поблагодарила старца и с радостью выкатилась от него. Отпуская меня, он также велел передать Батюшке привет и велел еще к нему приезжать, но я ответила, что «больше не приеду, я очень занята».

Богослужение пустынное и уставное, пение монахов – все очень подействовало на меня и захватывало дух. Когда же я вернулась из Зосимовой пустыни, Батюшка, как мне показалось, был грустным и обиженным. «Ну как, святые, приехали?» – отчужденным тоном произнес Батюшка. – «Нет-нет, дорогой Батюшка, я уже с Зиной поссорилась, так как хотелось быть в тамбуре одной с молитвой Иисусовой, а она мне не разрешала.

А слушаться я ее не хотела, – ведь я не маленькая, а большая». – «Ну и как о. Алексей?» – «Я ему ваш привет передала, но очень испугалась. Я таких людей и в таком облачении еще не видала. Просто испугалась и хотелось бежать к вам. Он меня исповедывал, но я думала, что от слез и страха разорвется мое сердце. Я услышала такие грехи, которых вы никогда не называете, я повторяла все «грешна», не понимая их». – «Ну вот, Манюшка, я потому тебя никуда и не отпускал от себя, жалел твою душу. Ну, теперь поняла, как у других исповедываться?» – «Да, дорогой Батюшка, я больше никуда-никуда не пойду, я теперь боюсь батюшек, ведь они не вы». И Батюшка успокоился.

* * *

На исповеди у Батюшки говорю: «Батюшка, есть грех “мшелоимства”. Я убила одного мыша в своей жизни, больше никогда не позволю убить, ведь он тоже жить хотел». Батюшка улыбнулся. «Ну, Бог простит, уж больше не убивай». Он сказал это шутя и с улыбкой, но не объяснил мне этого греха. Батюшка всегда очень жалел наши души, чтобы они не страдали, а поэтому, чтобы не причинить страдания, и не налагал никогда епитимий и не давал чувствовать величину твоего греха, избавляя нас от страдания и окаяшки, который мог навести на нас уныние. Батюшка родной, он все брал на себя, и за нас молился и страдал.

У о.Сергия были свои духовные дети, и почему-то, идя от него с исповеди, они очень плакали, а мне их жалко было. Тихонечко пройду к исповедальному столику и скажу Батюшке на ушко: «Батюшка дорогой, И., К., П. все очень плачут, идя с исповеди о.Сергия. Мне их очень жалко». – «Ну скорее позови их ко мне». Подойду к одной, другой, третьей и скажу им: «Батюшка зовет, скорее, скорее идите», – и сама убегу от них. «Ну вот спасибо, Манюшка, что сказала, а то бы окаяшка нагнал на них уныние», – иногда скажет Батюшка.

* * *

В московских храмах в течение Св.Великой Четыредесятницы стала вводиться пассия²¹⁹. Батюшка был не сторонник этого богослужения: «Вся полнота Страстной

седмицы теряется», – говорил он. Тот или иной праздник не есть воспоминание, а есть жизнь, а Страстная седмица это великая жизнь и наше сопереживание всякого события. Зачастую слышишь, что с амвона священники говорят, что вот наступает такой-то праздник, будем молиться и вспоминать. Нет, а нам постоянно говорили, что **в Церкви Христовой нет воспоминаний, но жизнь!** Крещение Господне – разве это воспоминание, нет, жизнь, потому что просим в молитве, чтобы Господь освятил воду сию Духом Святым. И к Крестителю обращаемся: «Прииди, стани с нами запечатаяй пение и предначинаяй торжество». Или к Анне Пророчице на Сретение обращаемся: «Прииди, стани с нами и благодари Христа Спаса Сына Божия». Так что всякий праздник и событие в Церкви есть жизнь. А поэтому пассива, несвоевременное воспоминание страданий Христовых, вырванное, как сказал в свое время Батюшка, из богослужебного круга, отнимает полноту Страстной Седмицы.

Батюшку однажды пригласили на пессию о. Александр от Николы-в-Звонарях²²⁰. Батюшка хотел уйти тихонько, чтобы мы никто не знали об его уходе и не пошли за ним. А я узнала и ну бежать за Батюшкой. В Варсануфьевском переулке Батюшка оглянулся и строго велел тут же идти домой. Я заупрямилась и никак не хотела возвращаться. Батюшка еще раз обернулся и, видя, что я не послушалась, подошел ко мне и ласково сказал: «Манюшка, ну что же мы с тобой оставили сиротой наш храм, – ни меня ни тебя нет». Я расплакалась и говорю: «Батюшка, а мне хочется быть за пассией, видеть как вы будете служить и посмотреть, что это за служба». – «Манюшка, я бы сам не пошел, но неудобно отказать о. Александру, он прислал за мной. А ты иди проведи вечерню и утреню и сюда успеешь. Ну, скорее беги и замени меня, ведь без тебя там будет плохо». Я вернулась, успела отправить свою службу и мы, несколько человек, помчались в Николу-Звонари. Пришли, а конечно, пассива уже кончилась. Батюшка стоит у аналоя и благословляет народ. И мы тут как тут. «Ну вот и успели», – улыбнулся Батюшка.

Батюшка не любил, чтобы мы бегали по другим церквям, берег нас от рассеяния, любил, чтобы мы всегда были дома и выполняли свое богослужение в строгой полноте. Батюшка также не любил никаких наград и понимал, какую ответственность они налагают. Как-то в храме Адриана и Наталии²²¹ на Первой Мещанской (проспект Мира) служил Святейший Патриарх Тихон. Был приглашен и наш Батюшка для награждения митрой. Пришел момент награждения, Святейший читает молитву. Побежали за митрой: туда-сюда, а митры и нет. Поискали-поискали, да так и не нашли. А после богослужения начали снова искать, оказалось, что митра была запихнута в щель за гардероб с утварью (в алтаре). Такое великое смирение проявил наш Батюшка: он сам запрятал митру, не любя никакой награды²²².

Батюшка также не любил и архиерейских богослужений. Он говорил, что самая служба, чин ее, прекрасен, торжественен, но отнимает молитву, так как много суеты. А мы немощны, слабы и при спокойном не можем молиться, а уж где же нам при архиерейском-то богослужении молиться, только глазеем.

Не любил также Батюшка, когда его приглашали служить в других храмах, но говорил, что «неудобно отказываться. Мне всегда жаль оставить свое богослужение и свой храм: оставляешь его сиротствующим и беспокоишь людей своим отсутствием. Они, узнав о том, что меня не будет дома, бегут за мной». И вот как-то, помнится, приглашают Батюшку служить в Каретном ряду. «Девчонки, – говорит Батюшка, – если меня от всенощной возьмут ночевать, выручайте меня, я должен быть дома. Но они не захотят меня отпустить и просто утащат к себе, и вы, говорю вам, тогда выручайте меня». Это и было так! После всенощной ведут Батюшку под руки, народ за Батюшкой, а он, дорогой, увидал нас и потихоньку шепнул: «Выручайте, я весь мокрый, простужусь». А мы и рады стараться! «Напоили бы меня чаем, – сказал нам Батюшка, – да и в холодную комнату всего мокрого заперли бы меня отдыхать до утра, чтобы я служил у них обедню. Спасибо вам, что меня выручили, а то бы мне не сдобровать, простудился бы, заболел». А нам большого труда стоило отстоять Батюшку, даже пригрозили им. Извозчик

был уже готов, Батюшку отпустили, а мы все облепили извозчика: кто с Батюшкой, кто на задке примостился, и так вернули его домой. Не один раз и потом Батюшка благодарил нас: «Если бы не вы, девчонки, меня бы не отпустили и мне бы не сдобровать, я бы заболел, так как весь мокрый был, а сменить было нечего».

Как я уже говорила, Батюшка был назначен Святейшим Патриархом Тихоном возглавлять объединение Московского духовенства. Батюшка был председателем. Его слово было последним, заключительным («законом», как сказал нам о.Илия Гумилевский²²³). А мы целой группой обычно провожали Батюшку и ожидали его до конца заседания. Когда заседание кончилось и вышло много духовенства, Батюшка не возмущался (не постеснялся нас) нами грешными, а сказал: «Это мои духовные дети», – и велел принять благословение у батюшек, которые стояли около него (о.Гумилевский и некоторые другие), но нам казалось, что нет благословения выше, чем благословение Батюшки.

Батюшка категорически запрещал судить и обсуждать поступки духовного отца. Он говорил: «Духовный отец является посредником между твоей душой и Богом. Обсуждать поступки и действия духовного отца никто не имеет права, а тем более осуждать его, гневаться и обижаться на духовного отца. Нам неизвестны побудительные причины его действий, которые происходят по Божьему промыслу, а поэтому с верой, любовью и страхом подходи к нему и отнюдь не рассуждай – почему он так или иначе с тобой поступил. Он отвечает Богу за твою душу и что хочет, то и делает с ней, и ты с верой и любовью все принимай от него. И никогда не смей обижаться». Так говорил он мне на мою страсть самолюбия и обидчивости. Св.Димитрий Ростовский²²⁴ сказал: «Дети не учите духовного отца, предоставьте ему суд над вашей душой». Господи, прости меня грешную, много согрешила пред Тобой!

«Манюшка, ты очень горячая у меня, и я постоянно беспокоюсь за тебя. Молись Богу и Матери Божией, чтобы Она, Пречистая не оставила тебя и твое горение духа сохранилось до последнего конца! Постоянно беспокоюсь о тебе, не утащили

бы тебя волки!» – «Батюшка, дорогой, я ведь вам вправду говорю, что в Москве волков нет, а вот у нас в деревне есть местечко, называемое Климово, там есть волки и люди со станции боятся ходить, а этот путь самый близкий до их деревень». Батюшка смеялся, поглаживая мою голову и потрепывая по щекам. «Да нет, Манюшка, я не этих волков боюсь, они не так страшны». – «Правда, Батюшка, они ведь в деревне». – «Да нет, в Москве есть страшные волки, боюсь как бы тебя не утащили». – «Батюшка, да нет, не утащат. Я ведь за ворота-то без Вашего благословения теперь не хожу!» – «Ну, вот то-то, никуда-никуда не ходи. А то как не вижу тебя долго в течение дня, ну и беспокоиться начинаю, куда моя Манюшка делась, и Симку посылаю узнать, где ты. Вот видишь, Манюшка, какая ответственность лежит на духовном отце за ваши души». – «Батюшка дорогой, скажите мне, пожалуйста, а где это такие страшные волки-то водятся в Москве, мне можно знать?» – «Да нет, лучше их не знать!» Батюшка родной благословил меня, я побежала. «Да потише, потише, – слышу голос его ласковый, – а то разобьешься». А тихо ходить я никогда не умела, с детства все бегала.

«Будь кроткая у меня, Манюшка, Господь кротких любит. Сам сказал: “яко кроток есмь и смирен сердцем”. И послушлив был даже до смерти, смерти же крестной. Покой найдешь, если будешь кроткая и смиренная». – «Батюшка, а разве я не такая? Я ведь вас слушаюсь». – «Не всегда!» – «Ну, когда-нибудь научусь». – «Вот и учись, пока Батюшка твой жив». – «Батюшка, а я гордая?» – «Да, немножко!» – «Батюшка, вы знаете, почему я плачу часто?» – «Обижаешься на всех!» – «Да нет, я молюсь по примеру вашему. Вы плачете, и мне хочется плакать». И Батюшка смеется. «А я думал, что ты плачешь все от обиды». – «И бывает, дорогой Батюшка!» – «Ну вот, давай с тобой научимся плакать о грехах, а не от обиды. А обиды, ты это знаешь, гордость, самолюбие». – «Больше не буду обижаться, буду плакать вместе с вами и молиться». – «Ну вот и договорились мы с тобой: будем плакать вместе в молитве и нам Господь Бог и Матерь Божия во всем помогут исправиться и

спасут нас». Утешенная, удовлетворенная, с легкой душой бежишь от своего дорогого Батюшки.

По своей молодости и глупости я не любила кутаться, все бежишь бывало налегке, в косыночке, и нравится мне этак. И вот однажды поздней осенью снег, слякоть, а я бегу раздетая. Батюшка шел навстречу мне откуда-то и, остановив меня, строго сказал: «Не смей у меня так бегать». – «Простите, Батюшка», – и я побежала дальше. На исповеди он мне вдруг говорит: «Манюшка, здоровье это величайший дар Божий, и если не будешь его беречь, будешь отвечать как самоубийца. Ты слышишь, что я тебе сказал?» – «Слышу, дорогой Батюшка». – «Поняла, что я тебе сказал?» – «Поняла». – «Ну, так вот, повторяю: не смей у меня так бегать!» Так Батюшка заботился не только о душе, но и о телесном здоровье.

* * *

С детства я любила преп.Серафима. И вот однажды после занятий в институте сижу на окошке первого класса и что-то про себя напеваю. И что же? Вижу идет согбенный Старец, на руке висит топорик, в скуфеечке, за плечами мешок, а в руках палочка. Точь-в-точь преп.Серафим. Сердце мое забилося, и я все внимание устремила на него, так что вылезла до половины из окна. Взгляды наши повстречались. Он пристально посмотрел на меня, дошел до парадного, снял котомочку и, смотрю, что-то из нее достает. Снова надел котомочку и вернулся ко мне, подавая какую-то книжечку. С большим трудом я вся вылезла в окно, чтобы принять книжечку. Он благословил меня и дал эту книжечку. Приняв ее, я снова вползла в окно, чтобы не упасть. Хотела поблагодарить Старичка, но туда-сюда, а его след простыл. Прочла оглавление книжечки: Житие преп.Кирилла, Белоезерского чудотворца²²⁵. Когда я ее прочитала, то сердце воспламенилось подобно пожару: хочу в монастырь, хочу к такому старцу, как преп.Серафим. И вот после этого я вскоре и попала к своему Старцу, который и был жизнью своей подобен преп. Серафиму. И сам потом нам говорил: «Мой путь – путь преп.Серафима». Девиз его: «Жить – любви служить!» А преп.Кирилла Белоезерского память 9-го июня, день кончины нашего старца о. Алексея. Можно сказать,

что это случайность, но Батюшка говорил нам, что в жизни случайного не бывает, все по воле Божией. Если даже на тротуаре наступите на ногу друг другу, и это не случайность, так как можешь увидеть свою немощь или гнездящуюся в тебе страсть гнева, раздражительности и вспыльчивости или еще что-нибудь. Мы не знаем Промысла Божия.

* * *

Как-то зовет меня Батюшка к себе и говорит: «Манюшка, ты читаешь псалтирь?» – «Читаю, Батюшка». – «А умеешь (знаешь) как читать его?» – «Да, умею». – «Ну, расскажи-ка мне, как ты его читаешь?» И я вновь, точно сдавала экзамен на чтение псалтири, как на панихиду, говорю: «Батюшка, начинаю с обычного начала, как положено в псалтири, а потом начинаю стихословить: “Блажен муж...” Дойдя до славы, читаю: Слава Отцу и Сыну и Св.Духу, молитва: “Помяни, Господи Боже наш, в вере и надежде живота вечного претставльшихся рабов Твоих” – и начинаю всех поминать как знаю и кто заповедал мне недостойной молиться о них: прежде всего родителей и сродников по плоти, а потом всех, всех! Когда кончу поминать о упокоении, говорю: “И ныне и присно и во веки веков. Аминь. Спаси Господи и помилуй о здравии и спасении рабов Твоих: отца моего духовного прот.Алексея”, и так пойду всех по порядку поминать и болящих и страждущих и спрашивать себе и другим у Господа прощения. А потом, после поминанья, прочту “Богородице Дево...” и снова начинаю следующую главу псалтири. В конце же кафизмы тропари и молитва, которые положены тут же. В конце же всей псалтири имеется особая молитва. И все».

Батюшка выслушал меня и сказал: «Я, Манюшка, дал Анне Степановне послушание читать неусыпную псалтирь, но она не умеет правильно читать, так вот пойд и поучи ее и скажи, что я велел ей читать ее так, как ты читаешь». – «Батюшка, дорогой, я боюсь, что она меня, девчонку, не послушает». – «А я говорю тебе: скажи ей, что я велел!» И когда пришли в храм, я рассказала Анне Степановне, как читается псалтирь. Она с радостью и любовью приняла все, что я ей сказала, и велела поблагодарить Батюшку. Прихожу к Батюшке. «Ну как,

Манюшка, Анна Степановна приняла все, что я велел тебе ей рассказать о псалтири?» – «Да, дорогой Батюшка, и она с любовью и с большим вниманием слушала порядок последования, как читается псалтирь и просила вас поблагодарить». – «Ну вот, теперь я спокоен и могу ей дать помянник читать о всех новопреставленных и заказные поминания годичные». И так у нас читалась псалтирь, начиная от проскомидии и до конца Литургии, а днем Анна Степановна дома читала, а вечером снова в храме до конца всенощной. Это было ее послушание.

* * *

Жалуюсь на себя Батюшке, что зачастую бывает у меня очень рассеянная молитва. «Батюшка дорогой! Скучаю и унываю. Иногда не дается молитва. Читаю, читаю, снова возвращаюсь, и никак! Бьюсь, бьюсь и никак! А потом вдруг в конце молитвы польются обильные слезы. И пропадет и скука и рассеянность, вдруг все сердце любовью захватит и не оторвешься. И спать надо, и сна нет! Что это? Не действие ли окаяшки?» – «Нет, Манюшка, Господь всегда близ призывающих Его, но иногда скрывает Свою благодать, ища терпения и ожидает любви к Нему. И смотрит, как любящая мать на своего младенца, который неотступно чего-то просит, и когда он заплачет, мать тут же отдает ему всю любовь и ласку. Так что молись со смирением и терпением, знай, что Он, Отец Небесный, около тебя и смотрит на твой труд, и видит, что не отступаешь, за твое терпение тут же посылает Свою благодать, касается твоего сердца – и польются слезы. Что это? Это значит Господь ласкает. Слезы (на молитве) это ласка Божия». – «Батюшка, ну как же я могу молиться с чистым сердцем и пламенной любовью ко Господу, когда у меня эгоизм и я не люблю ближнего?» – «У Господа милости много и Он дает не по заслугам, даром дает, чтобы ты поняла ЯКО БЛАГ ГОСПОДЬ. Греховное все постепенно отойдет, но надо, Манюшка, над собой работать и строже относиться к себе. Никогда не осуждай ближнего. Грехи ближнего – это грехи твои, – так учил Батюшка, – немощи ближнего – это немощи твои. Будь кроткая у меня! Яко Сам Господь был кроток и смирен и послушлив даже до

смерти». И так хорошо было с Батюшкой и как сладко слушать его Боговдохновенное учение. Бывало всегда, как на крыльях, бежишь от него. И надолго сердце воспламенится любовью ко Господу, так бы и обнял весь мир.

«Батюшка родной, я очень люблю иконы и святыню, но совесть беспокоит, и я не умею, как на эти иконы молиться и что надо читать: акафисты, каноны или что еще?» – «Иконы очень хорошо иметь и благодатью веет от них, но надо их чтить. Вот сколько у тебя икон Божией Матери, Божиих угодников. В течение недели распредели им тропари: например, в понедельник вот такие-то, во вторник такие-то и т.д. Вот это и будет у тебя почитание святыни. Но это когда у тебя будет время. А правило твое все в храме! Силы будут, можешь почитать и акафисты, кому захочешь».

«Батюшка, когда я иду к вам на исповедь, то страдаю забвением грехов и нечувствием, не знаю, что Господу и исповедать, а когда ухожу от вас, то все грехи и даже помышления всплывут в памяти. Смущает меня всегда такое состояние, и я не знаю, как поступить: вернуться ли к вам? Но стесняюсь, уж больно народу много у вас, а так оставаться – мучаюсь». – «А ты не страдай и не мучайся, это окаяшка постоянно хочет смутить твою душу, но он ничего в тебе не имеет, так как я все уже простил и разрешил. Будь спокойна, голубушка! Я тебе уже говорил, что если увижу в тебе что-нибудь новое серьезное, сам напому и скажу. Если я тебя исповедую кратко: и словом, и делом и помышлением, то верь, что все снял, простил и разрешил! Словом согрешила?» – «Согрешила, Батюшка». – «Делом согрешила?» – «Согрешила». – «Помышлением согрешила?» – «Согрешила». – «И осуждением?» – «Согрешила, дорогой Батюшка». – «Ну вот и все и будь покойна. – А кто ко Св.Тайнам не допускает и влагает смущение, это все он, окаяшка. А я вижу, как он колеблет твою душу и сам тогда зову, иду в помощь тебе. Ну, будь спокойна, моя голубушка, помни, что у тебя есть крепкий и сильный отец и не даст тебя ему в обиду».

Конечно, я всегда удивлялась такой благодати, исходящей от Батюшки, его силе, крепости и прозорливости. Как он, такой

маленький ростом, но сильный духом и исполненный благодати, которая давала ему возможность отражать от нас всю силу вражью. Мы все чувствовали себя с ним как в раю. Он как орел небопарный духом видел с высоты приближающихся татей, которые хотели отнять у нас рай через недружелюбие. Но ему не удавалось, потому что дорогой Батюшка видел его приближение и предварял нас миром, заставляя поцеловаться, как я уже выше говорила. Батюшка говорил: «Вся радость духовного отца, если он видит свое духовное чадо стоящим в духе и душа его открыта духовному отцу. Вся скорбь духовного отца, если чадо закрывает свое сердце и он видит окаяшку приблизившегося и издевающегося. И душа находится в упадке духа и унынии до тех пор, пока не осознает, что надо идти к отцу, открыть свои помыслы и грехи. Жалко становится тогда мне, и я усиленно начинаю молиться Матери Божией, чтобы Она, Пречистая, пришла на помощь мне. И скоро Она слышит убогого и грешного о. Алексея».

Батюшка наш был очень музыкальный и имел абсолютный слух. Было такое время, когда наш дорогой Батюшка не мог посещать храм. Тихонько прибегу к нему на исповедь (за послушание, так как сказал: «Пока я жив, никому тебя не отдам, а после смерти передам тебя и всех о.Сергию»), и он скажет: «Нарочно вовсю открываю окно и вместе с вами молюсь. И слышу, как моя Манюшка поет тихо, спокойно: «Хвали, душе моя, Господа!», «Благослови, душе моя, Господа». И с ударением громко воскликнул: «Пою Богу моему дóндеже есмь!»

«Ведь я очень люблю, когда ты поешь, – скажет дорогой Батюшка в подкрепление духа. – Ты и я, Манюшка, одно целое, – и сам приголубит-приголубит. – Пой, пой, пока есть сила и голосок. И Матерь Божия не оставит тебя, слышишь? Когда я служу и ты поешь и управляешь, мне легко с тобой, я могу тогда молиться». – «А я тоже, дорогой Батюшка, люблю, когда вы служите и легко поется и молится. А вы всегда служите, дорогой Батюшка, и никому не давайте!» Батюшка улыбнется и скажет: «Так нельзя, у меня ведь, видишь, сколько иереев, и им надо послужить и учиться молиться. Да и народу много, надо всех

принять и утешить. А сегодня и всегда я всех по голосам знаю, кто был на клиросе», – и всех поименно перечислит.

«Батюшка, я очень люблю нотное пение, и как мне нравилось петь в большом хоре, тем более я ведь была исполлатчицей, всем архиереям служащим пела «Исполла»²²⁶, «Тон деспотин»²²⁷, «Святый Боже!». – «Это, – засмеется Батюшка, – Антонину-то?» (А Антонин²²⁸ был потом обновленцем). – «Да нет, и другим владыкам». – «А я люблю, Манюшка, простое пение, где больше молитвы. Простое пение **дает молитву**, а пение нотное **дает настроение**. Так старайся приобретать **устроение**, а не **настроение**. Кончилось нотное концертное пение – и кончилось молитвенное настроение, а ты приобретай устроение. При всяком плохом пении, зная слова молитвы, молись сильно со смирением, испрашивая себе у Господа прощение». Так учил нас дорогой наш старец Батюшка, о. Алексей.

«Когда молишься, если какое слово особенно тронуло твою душу, знай, что это благодать Божия коснулась твоего сердца, и тогда не скоро оставляй это слово (и молитву). Помни, Манюшка, молитва есть беседа с Богом и Господь любит взыскующих Его и не оставляет Своею милостию». – «Батюшка, ведь невозможно любить Бога и не любить ближнего?» – «Если ты любишь Господа, то не можешь не любить ближнего». – «А я не люблю ближнего, а люблю себя». – «Нет, нет, Манюшка, нужно отбросить эгоизм и жить жизнью ближнего». – «А как это сделать?» – «Прощать обиды, не осуждать, и если тебя твой ближний укорит, принять это без обиды, как заслуженное, и сказать: да, прости, я виновата, если даже и не виновата в данном случае». – «Батюшка дорогой, ведь это невозможно, так трудно сказать “прости”, если я не виновата, а меня еще при этом ругают – ты такая да сякая». – «Вспомни тогда страждущего Господа и будет легко. Не сразу, не сразу дается эта наука, надо потрудиться. Иной и трудится всю жизнь, чтобы поправить свою гордость, свое “я”, свою самость! Поняла?» – «Поняла, Батюшка, разумом, но на деле не удастся». – «Плохо работаешь над собой и плохо просишь в молитве Божию Матерь». – «Батюшка, а что же мне делать? Ведь ничего не

выходит!» – «Только не унывай! Господь сказал: *просите и дастся вам, ищите и обряцете, толцуйте и отверзется вам...* Ну, а теперь иди и полагай начало благое с помощью Божией. Проси, проси сильнее Матерь Божию, и, Она, Заступница усердная, поможет тебе». – «Спасибо вам, дорогой Батюшка, постараюсь за ваши святые молитвы работать над собой», – и от этой беседы убегаю окрыленная духом.

А сколько раз, да без конца, дорогой мой Старец во время беседы благословит меня, похлопает по щекам, приголубит и отрет слезы. Да кто бы мог дать такую ласку, любовь, нежность, несравнимую с материнской, – только наш дорогой старец Батюшка о. Алексей! Нет слов выразить ту любовь, которая жила в Батюшке и которую он не скупился давать, неустанно благословляя свое чадо.

Как-то прибегаю к Батюшке, а он, дорогой, распростер свои ручки и ласково-ласково говорит мне (а сам открыл свои глазки, а потом сомкнул и точно пронизывал мою душу): «Вот как хорошо, что ты пришла». И снова пронизывает взглядом всю мою душу. «А то я обезспокоился и хотел послать за тобой! А как ты мне нужна-то». А сам все глядит и глядит, то расширяя, то смыкая глазки. «Ну вот, мы с тобой сейчас будем читать акафист Матери Божией, а потом Святителю Николаю. Я буду служить, а ты петь и оба помолимся за всех болящих, страждущих, скорбящих и недужных. Мне всех уж очень жаль!» Непрестанно благословляя меня, Батюшка говорит: «А что с тобой случилось, что приуныла?» – «К маме хочется, о маме соскучилась», – а у самой слезы. – «А я вот о тебе соскучился, смотрю целый день тебя нет у меня! И Господь о тебе соскучился, хочет чтобы ты с Ним и с Матерью Божией побеседовала. Ну вот и давай с тобой начнем с Ними беседовать. Ишь-ты! Как окашка-то снова хочет тебя уловить, а мы прочь его прогоним. Никуда не ходи, а как найдет уныние, тоска, беги скорее ко мне. А что ты целый день, скажи мне, делала? И чем занималась?» – Ноты разбирала, писала». – «А отдыхала после обедни, пила, ела?» – «Пила и ела, а отдыхать некогда было и не хотелось». – «Ну, все понятно!» Утешил, приголубил, гостинцев надавал. Помолились с ним, и он

отпустил меня, сказав: «А теперь пойдем ко всенощной». – «Батюшка, я боюсь, я буду спать у всенощной». – «Кто управляет-то – Мария или Нюра²²⁹? Ну, а ты поспи, только в храме будь, чтобы я тебя видел».

Вот так дорогой мой старец нянчился со мной, пока не ушел в вечные обители. Трудно, невыносимо трудно было мне после его кончины! Но и по смерти он меня не оставлял и не оставляет. Живу и дышу его наставлениями, любовью, лаской и молитвой!

Так как я была слабенькая, то Батюшка никогда не налагал на меня поста. Он говорил так:

Больше надо обращать внимания на духовный пост. Если будешь соблюдать пост духовный, то понадобится и телесный. А если мы будем обращать внимание только на телесный пост, то уподобимся фарисею. «Постимся, братие, духовно, постимся и телесно. Отложим от наших душ всякую злобу, дадим алчущим хлеб и нищий бездомных введем в дома». При посте духовном и телесном нужны еще добрые дела. Но чтобы поститься умно, надо знать меру свою, а то может окашка посмеяться. А меру для каждой из вас я знаю, что дать, но сами отнюдь не налагайте на себя постов и подвигов. Я отвечаю за вас!

Мне очень хотелось поститься, я рвалась и ревновала о подвиге, но Батюшка говорил:

Надо тебя, Манюшка, тащить с неба за ноги, а когда упадешь духом, хоть из ада тащи за волосы. Избери себе средину царского пути и тогда будешь спокойна. А то, то те, то другие волны захлестывают тебя, и все время над тобою нужен страж.

При жизни Батюшки было всем трудно в материальном отношении (1918, 1919, 1920, 1921, 1922 и 1923 годы), а поэтому пост был невольный. Батюшка не благословлял налагать на себя постов и сам не налагал.

Вспоминается мне еще и то, когда я тяжело заболела, то Батюшка приходил ко мне каждый день и причащал, и не один раз прибежит навестить и спросит: «Как ты, Манюшка, себя чувствуешь?» Даст денег Зине и скажет: «Не оставляй ее, попой

молочком, дай кушать, чего ей захочется», – и сам что-то принесет. И гостинцы положит под подушку, поглаживая свою ручкою голову мою со словами: «Поправляйся, Манюшка, и помни, что я тебя люблю и не забыл, соскучился по тебе, не вижу в храме». Вот такая любовь и забота была дорогого Батюшки обо мне грешной. Воистину он был подобен любящей матери и больше чем матери. Другая мать не могла бы дать той любви, ласки и заботы, какую давал Батюшка каждой из нас в своей мере.

Вспоминается мне еще и то, как наш родной и дорогой Батюшка учил быть милостивыми. «Блажени милостивые, яко тии помиловани будут». – «Однажды, – говорил он, – меня моя матушка послала чего-либо купить к празднику Рождества Христова и вручила мне 50 рублей денег. (Семья была большая, жили бедно, спали на палатах, так как бабушка взяла на воспитание сирот, а спать негде было, и спали кто на полу, кто на палатах). Я пошел купить по наказу матушки кое-что для Великого праздника. И вот дошел до Земляного вала. Какая-то женщина с двумя детьми падает ко мне в ноги и со слезами просит помочь, чтобы хоть в такой праздник чем-нибудь покормить своих детей. “А сейчас я не имею ни копейки, мы голодные”. Сжалось мое сердце при виде ее слез и этих голодных детей, и я, не раздумывая, отдал ей все деньги, которые имел на руках. Благословил я ее и ребятишек. Она со слезами поблагодарила меня и пошла. Остановился я и думаю, а что я отвечу теперь своей матушке, ведь она страшно огорчится. И ее мне стало жалко, так как мы остались и без денег и без разговенья. Встал я перед храмом Иоанна Предтечи, помолился и пошел домой, размышляя и волнуясь: что скажу и как скажу моей матушке. Вдруг на сердце стало спокойно, и я радостно и быстро пошел домой пешком, так как денег на трамвай у меня не было. Господь не оставит, Матерь Божия не оставит, будут деньги и будет пища и разговеемся, – так звучало в моем сердце. Подаю звонок. Открывает кто-то из ребятишек и кричат: “О.Алексей пришел, папа пришел!” Матушка спокойно подходит и ласково говорит: “Ну, что купил для праздника?” Я молча опустил голову и говорю: “Виноват,

прости!” Она с горечью говорит: “А что случилось? Потерял или кому отдал?” И я еще не успел оправдаться и рассказать ей, как раздался резкий звонок: “Почта, перевод, получайте 200 рублей!” Я заплакал и радости не было конца, благодарил Господа. Потом рассказал матушке все подробно, и она милостиво ответила: “Я так и знала – или ты потеряешь или кому отдашь, и нас лишишь праздника”. Но ведь Господь ради нищих и убогих сторицею вознаграждает и рука дающего не оскудевает. И всегда меня грешного Господь тьмою тем вознаграждал. Аминь».

Хотелось бы мне еще рассказать о Батюшкином отдыхе в Верее, когда я с ним там пребывала. Батюшка уезжал отдыхать не более чем недельки на две. Какой же у него был отдых! Он служил там почти каждый день в храме Ильи пророка. Отдых его был в храме Божиим. Во время Божественной литургии он был как огненный столп! Он отдыхал от народа, он отдыхал от нас! Но и оттуда он назидал своих духовных детей: писал записочки и присылал их с оказией. Здесь на отдыхе ему никто не препятствовал и не отрывал от молитвы. Он весь был погружен в Божественную литургию и воистину как великий и сильный духом отец молился за весь мир! Он как предстатель пред Господом приносил Ему все нужды, болезни и недуги людей и молился о всех их нуждах, бедах, скорбях и грехах наших. Его слезы точно капли крови падали с его лица! Он зачастую рыдал и не мог произнести великих слов молитвы: «Твоя от Твоих Тебе приносяще о всех и за вся!» Несмотря на убогое пение псаломщика, его ничто не отвлекало от молитвы. Он лицом к лицу предстоял Пресвятей Троице и беседовал с Ней. Зачастую невозможно было на него смотреть. Он был весь в сиянии. Псаломщик, который, кажется, совсем формально проводил службу, и то плакал! Приходилось слышать, как-то он говорил: «Отец Алексей, ведь невозможно с вами служить: я на что крепкий и то захлебываюсь от слез. Разве можно так доводить людей, ведь в обморок упадут, и что с ними тогда делать. А ведь обвинят вас. Нельзя же так плакать!» Наш Батюшка о. Алексей, благословляя его, скажет: «Илюша, я уж такой грешный, не могу не плакать». – «Да нет, нет, о. Алексей,

не надо так расстраиваться. Ведь у тебя дочка, сынок, внучка – вы им нужны. Не надо, не расстраивайтесь так. Вон о.Петр²³⁰, у него и колом не вышибешь слезу-то: поскорее да поскорее – и с колокольни долой! А вы этак долго служите: и поесть хочется, да и от слез сердце болеть начало, помилуй Бог, еще умрешь!» Батюшка дорогой сдержанно посмеялся на него, похлопал его по плечу и сказал: «Илюша, не расстраивайся, я постараюсь не плакать. А как не плакать: грехов-то у нас с тобой много!» – «Много-то много, – протянул Илья, – а все-таки надо посдержаннее и поскорее, вот как наш о.Петр».

Умирала я от смеха, слушая Илюшин разговор с Батюшкой, а потом говорю: «Батюшка дорогой, а что же это Илья не понимает что-ли?» – «Конечно, не понимает. Господь не всем все открывает. А ты молчи! Слышишь!» – «Буду молчать, буду, дорогой Батюшка». – «А то не буду тебя брать с собой, если будешь рассказывать кому. А от тебя Господь все возьмет, и не увидишь такого о. Алексея». – «Батюшка, а Илья-то глупый что-ли?» – «Да, немножко глуповат, но он хороший, только непонятливый. Ну что же делать – и такие нужны Господу».

Река Раточка в Верее

После службы Батюшка завтракал и для послеобеденного отдыха уединялся в глубь сада, и никто не смел его беспокоить. Иногда шел в лес, на речку Раточку, и меня брал с собой. Там дорогой Батюшка был в созерцании природы, и я не смела беспокоить его, разве если что сам скажет или заставит обратить на что внимание. «Вон посмотри, Манюшка, как Раточка-то спокойно журчит и журчит. Так и наша жизнь должна быть, подобно ей, исполнением воли Божией и спокойно течь прямо в Царство Небесное. И птицы небесные исполняют волю Божию: вострепелются и поют. И человек должен постоянно встряхивать себя, не предаваться лени и безопасности, и славить, благодарить и воспевать Господа. Вот и тебе дал Господь талант, ты и пой вместе с птицами «пою Богу моему дóндеже есмь» и благодари Господа за все. Счастливая ты у меня, Манюшка, и многие тебе позавидуют. Но многие тебя не поймут и трудно тебе будет без меня». Господи, какое это было счастье пребывать с Батюшкой! Как хочется воскликнуть:

«Господи, сподоби и там пребывать со своим дорогим Старцем за его святые молитвы и обещание после смерти быть с ним».

Зимой 1923 г. я очень болела и лежала в больнице Склифосовского: была сильная декомпенсация сердца (порок) и экссудативный плеврит. За святые молитвы Батюшки я поправилась, но почему-то этим летом мне не пришлось поехать с Батюшкой в Верею.

Приближался день смерти Батюшки, дорогого нам Старца. Он задолго к этому дню всех нас приготавливал то слезами своими и просьбой исправиться и не пребывать в нерадении, то явно словом своим, что его с нами скоро не будет.

Батюшка благословил меня поехать на отдых на родину мамы. Оказалось, что это местечко Батюшка хорошо знал, и в этом городе²³¹ архиереем был его духовный сын владыка Герман²³². Батюшка был рад, что я еду туда, мне нужна была деревня и покой. Я спросила Батюшку, как мне там себя вести, носить ли апостольник или просто платочек. Батюшка сказал: «Присягу свою с головы не снимай». – «А меня спросят в деревне, где я работаю». – «Скажи в Кленниках, а они не поймут: Кленники-клиники, и ходи в апостольничке. Спать ложись с курами, а на молитву вставай с птицами». – «А куры-то, Батюшка, с пяти часов садятся на насест, а скотинку пригоняют в девять. Как же мне поужинать, я захочу есть». – «Ты молитвы вечерние прочти заранее, потом поужинаешь, иди спать и прочти одну молитву “Владыко Человеколюбче, неужели мне одр сей гроб будет” и “Да воскреснет Бог”, и все и спи с миром. А с птицами вставай и иди в лес, по примеру преп.Серафима молись». (Я и старалась исполнить все, как сказал Батюшка, и как хорошо мне было в лесу за его св.молитвы). «На сколько же мне ехать, Батюшка, на неделю, две, три, месяц?» – «Ишь ты! на месяц захотела. Я две недельки поживу в Верее и ты две недельки в деревне, и когда вернемся, мы с тобой поедем к владыке Арсению²³³ в скит». – «А кто же мне, Батюшка, книжечки-то даст читать?» – «Я скажу о.Сергию, он тебе будет давать. Начни с житий святых, потом святителя Тихона Задонского²³⁴ «Сокровище духовное от мира собираемое»²³⁵, авву Дорофея²³⁶, и так пойдешь. Исповедуйся

без меня у о.Сергия». Я очень боялась о.Сергия и говорю Батюшке: «Не пойду к о.Сергию, и благословите меня тогда уйти к маме». – «Никуда не уходи, Манюшка, а если уйдешь, то будешь вспоминать как самые лучшие дни твоей жизни – это на Маросейке. Послушайся меня, Манюшка. Не уйдешь? Я ведь не буду спокоен, если ты уйдешь, и плакать буду. Овечка моя из моего стада убежала. Дай мне слово, что никуда не уйдешь!» – «Батюшка, мне очень трудно, я его боюсь». – «Он очень добрый, хороший и лучше, чем я, это он так бывает, потому что еще молодой».

Последняя Батюшкина Литургия в нашем храме была 12/25 мая, в день памяти священномученика Ермогена²³⁷. Она была какая-то особенная. Мне было особенно грустно, что я не еду с Батюшкой в Верею и что он передает меня отцу Сергию.

Всю последнюю Литургию Батюшка особенно плакал, всех нас исповедовал и в конце Литургии всех благословил иконочками и каждому что-то сказал в назидание. Благословляя меня Свят.Николаем, сказал: «Вот это твой хозяин, всегда к нему прибегай и ему все рассказывай, и к Матери Божией (указывая рукой на образ Феодоровской Божией Матери). Они тебе во всем помогут».

Поехали провожать Батюшку на Белорусский вокзал²³⁸. В поезде встретился о.Петр (Верейский) Пушкинский. «Ах, о. Алексей, едете к нам отдыхать?» – «Нет, умирать!» Мое сердце так и упало и я заплакала: «Батюшка, я вас больше не увижу!» – «Нет, нет! Это я пошутил. Мы с тобой еще проживем лет с десяток». При этом Батюшка меня ласково-ласково потрепал по щеке. «И все мои советы и заветы сохрани и молись за меня, а я за тебя, – и снова повторил. – а любовь и по смерти не умирает, слышишь, Манюшка?» Я вся заливалась слезами, чувствовало мое сердце, что я больше не увижу своего Старца. «Если не здесь, – ответил он на мои мысли, – то там увидимся и будем вместе. Не плачь, не плачь, – утирая мои слезы и ласково прижимая меня к своей груди и целуя меня в голову. – Ну, скорее беги, а то сейчас поезд тронется». Я вышла со слезами, простившись навсегда со своим Старцем. А он, дорогой, пока не скрылся поезд, все смотрел на нас и

благословлял. Так как я не одна провожала, то в присланной мне записочке [он] написал из Вереи: «Сердечно благодарю вас. Если бы не ваши проводы, я не смог бы так хорошо и благополучно отъехать». Дальше в письме: «Манюшка, в монастырь не ходи, ты нужна о.Сергию, он очень любит тебя, а об устройении своей жизни молись муч.Трифону²³⁹, Ангелу-хранителю и преподобным Ксенофонту и Марии» (это день моего Ангела). А затем в записке продолжается исповедь.

Через день я уехала в деревню, как меня благословил Батюшка. Душа моя не была спокойна, тосковала я о своем Старце и крепко молилась, чтобы Господь сохранил его жизнь. Все две недели я усилено молилась и по примеру преп.Серафима, как меня благословил Батюшка, порану уединялась в лес. Вставала с птицами в 2 часа, к завтраку приходила к 9-ти и снова-снова молилась и исполняла свое рукоделие. Мне было не страшно в лесу за св.молитвы Батюшки. Но вот прерывается молитва моя сильным волнением. В начале утра сон обезпокоил, а в половине другого дня получила телеграмму: скончался Батюшка. Удивительно, что с вечера четверга меня упорно не оставляла мысль, что что-то случилось с Батюшкой, а утром в пятницу я помимо своей воли открываю псалтирь и молюсь об упокоении его души, а в субботу получаю телеграмму о его кончине. Сон был удивительный, постараюсь его потом описать.

Не стало нашего печальника, не стало нашего Батюшки дорогого, любящего отца. Осиротели мы, но все равно он живет в наших сердцах! Его образ и деяния перед нами и все заповеданное и сказанное им. Говоря о своей смерти, он говорил о ней, как о переходе в ту жизнь. Он не страшился смерти, но боялся оставить нас, слабых, немощных. Он передавал нас о.Сергию, но болел душой и за нас, потому что мы были еще не совершенны, и за него, так как ложилось на него тяжелое бремя.

Получив в деревне телеграмму о смерти Батюшки, поехала в Москву. Приезжаю, а здесь вижу, что все уже приготовлено и убрано точно ко встрече Пасхи. Говорят мне: «Манюшка, к вечеру должны привезти Батюшку». При жизни Батюшка

говорил: «Когда я умру, у вас будет Пасха». Нам были непонятны эти слова и мы отвечали: «Нет, мы будем плакать и не сможем петь». – «Нет, нет, девчонки, плакать вы не будете, некогда будет, и не плачьте, а поплачете потом, когда похороните меня». Ждали приезда Батюшки. Храм был весь убран, мы все были в белых косынках и в белых платьях. Прошла весть по всей Москве: скончался о. Алексей. Когда въехали с Батюшкиным телом в Москву, то по всей Москве зазвонили колокола. Это была воистину Пасха! Когда Батюшку подвезли к храму, мы все, весь хор был в сборе. Вместо входной «Достойно есть» (как пели бывало Батюшке на беседах), запели: «Со духи праведных скончавшихся». Слезы и радость растворялись в наших сердцах. Я не могу писать, плачу!

С пением внесли дорогого нашего Батюшку и поставили на высокий, весь убранный цветами помост. По всей Москве начались заупокойные всенощные. А у нас служили и в храме и во дворе. Народу было – стена. Духовенства – полно! Первую всенощную служил преосв.Феодор Даниловский²⁴⁰, а во дворе преосв.Тихон Уральский²⁴¹. А потом непрерывно читалось Евангелие. А мы, певчие, кто мог, не отходили от Батюшки, и все время пелись панихиды. Как помнится, если я не ошибаюсь, Батюшку хоронили на 9-й день. Около гроба Батюшки была одна отрада и утешение, а не слезы! Батюшка утешал и не давал плакать. Народ прощался с Батюшкой день и ночь, были и больные и бесноватые, которые и кричали и исцелялись. От Батюшкиного тела исходило благоухание, – так ощущали многие из нас.

Вот наступил день отпевания. Торжественно прошла Литургия. Служил преосв.Феодор. Нет, нет, невозможно было не плакать! Но что это были за слезы! Плакали мы о своем сиротстве, что здесь на земле мы больше не увидим своего Батюшку, отца и наставника, и с этим растворялась радость, что это временная разлука и мы снова по его обещанию там будем с ним! Отпевание длилось долго. Наконец начались приготовления к поднятию мощей его. Мы певчие выстроились все около гроба своего Старца, отдали последнее целование и

пошли вперед. Подняли гроб, двинулась во главе с преосв.Феодором процессия и все духовенство. Громко запели мы «Святой Боже»... Народу было – стена. Это было похоже не на похороны, но на прославление мощей. Вынесли дорогого нашего Старца, поставили на катафалк, и мы в белых косынках и платьях выстроились позади катафалка, и так всю дорогу до кладбища провожали его с пением. Улица Лубянка так была запружена народом, что трамваи не ходили, а звон был во всех церквах, мимо которых Батюшка проезжал. Каждая церковь встречала Батюшку со звоном! Дождь лил, точно небесные своды разверзлись и Батюшкины слезы омывали землю.

Похороны состоялись то ли перед Боголюбивой, которая празднуется 18/VI, то ли в самый ее день²⁴², а этот праздник всегда, как мне помнится с детства, встречается и сопровождается сильным дождем. Когда торжественная процессия подъехала к Лазареву кладбищу, то к нашему удивлению мы вдруг увидели, что похороны встречает Свят.Патриарх Тихон²⁴³ (которому некогда на его просьбу, чтобы Батюшка его похоронил, ответил: «Нет, сначала ты меня похоронишь, а я буду там встречать тебя»). Святейший Патриарх стоял на дорожке²⁴⁴, и как только подъехал катафалк, начал литию и мы, певчие, подвинулись вперед. Народу было тьма! Люди сидели даже на деревьях. Отпели торжественную литию и вместе со Святейшим двинулись к могиле. Гроб несло духовенство. Наконец его опустили на землю, и снова Патриарх начал литию. Торжественно отпели вторую литию и гроб стали опускать в могилу. Нет-нет, невозможно было не рыдать! Святейший Патриарх Тихон благословил Батюшку и первый бросил горсть земли. После погребения начались бесконечные панихиды, а мы все, осиротевшие, поехали кто-как к себе в храм. Невозможно передать той скорби, которая охватила наши сердца. Мы, осиротевшие, рыдали и, казалось, плакали и стены, и своды храма вместе с нами. Жизнь без Батюшки потекла иная.

В первые дни нас старался утешать сын его о.Сергий, который сам остался сиротой без поддержки своего отца и наставника. Очень я тосковала о Батюшке, и он, дорогой, не

оставлял меня долгое время и по смерти. Снился каждый день и во сне меня наставлял, утешал и подкреплял. Такое состояние длилось год или даже больше, и, наконец, он явился наяву. И после этого явления стал сниться в неделю несколько раз, потом один раз в неделю, а потом все реже и реже. Отец Сергей как-то мне сказал: «Манюшка, я здесь совсем не при чем. Сам Батюшка вас оттуда ведет».

Явление наяву было так: что-то случилось с горлом у меня, и я очень заскорбела, что нет дорогого Батюшки, который бы исцелил меня. В скорби о Батюшке, в скорби, что не только петь, но и тона не могу дать, после Литургии пришла в слезах и легла. Не знаю, то ли я заснула, то ли была в забытие, но все вначале я видела и слышала: как о.Савва пришел к Александру Никитичу, пил чай, а потом ушел. Вижу Батюшка дорогой подошел ко мне и наложил свою руку на мое горло и, потирая его, говорит: «Не скорби, я всегда с тобой, петь будешь и горлышко твое не будет болеть». Я не спала. Открываю глаза и так спокойно-спокойно на сердце, и полное внимание на горло, что оно не болит, так как ведь только вот-вот был около меня Батюшка, и вот еще его рука на моем горле, которая поглаживала его. Взгляд мой упал на лежаночку, которая была невдалеке от моей кровати, и вижу: стоит мой дорогой Батюшка в белом подрясничке, руки назад, волосы пушистенькие и, склонив на бок голову, с такой любовью смотрит на меня, как мать на спящего младенца. Он был легкий и прозрачный. Я, не отдавая себе отчета и ни о чем не размышляя, с криком бросилась к нему: «Батюшка!» Как бы я хотела ухватиться за него, и он тут же исчез. Сердце наполнилось такой радостью, что не вмещало ее, я заметалась по комнате и никак не могла найти что-нибудь, чтобы набросить на себя и бежать к о.Сергию. А Александр Никитич говорит своей старушке: «Смотри, Мария с ума сошла, все мечется!»

У о.Сергия был день покоя, «затвор», но я не могла, не могла вместить этой радости видения. Серафима Ильинична доложила о.Сергию, что я пришла с чем-то необыкновенным и что она видит меня в каком-то необычном состоянии. Слышу он громко говорит: «Давайте мне ее сюда!» Я не вошла, вбежала,

запыхавшись и вся в слезах радости воскликнула: «Отец Сергей, сейчас Батюшка был у меня!» Он посадил меня в кресло и сказал: «Манюшка, успокойся, а потом давай помолимся, и ты мне все-все расскажешь». Он опустил на коленки и я с ним отпела литию, а потом все ему рассказала. И вот он мне ответил: «Манюшка, Батюшка так особенно любил вашу душу, что и по смерти не оставляет ее и ведет вас оттуда, а я (со смирением сказал) здесь не при чем». Благословил меня и я пошла. Горло исцелилось и я стала петь.

И так часто мне Батюшка являлся в сновидениях, утешал, наставлял, предупреждал от того или другого случая или греха.

Как-то Батюшка с амвона говорил: как трудно по какому-либо случаю в жизни отрывать от своего сердца духовное чадо и передавать в руки другому духовному отцу. Или же по неопытности своей в духовной жизни сама убежит и, если попадет на неопытного духовного руководителя, тот может искалечить и погубить душу.

И вот нашему дорогому Батюшке при кончине пришлось оторвать от себя целую общину, целое стадо своих духовных детей от своего сердца и передать в руководство своему сыну о.Сергию. Келейница Батюшки Серафима Ильинична говорила, что Батюшка почти по всем ночам сидел с о.Сергием и беседовал с ним, а за неделю до своей кончины все писал и писал. О чем же дорогой наш Батюшка писал? Да писал он о.Сергию о каждой из нас, чтобы ему легче было в руководстве нами.

Не без труда и душевных болезней пришлось и нам оторваться от своего дорогого Батюшки и старца о. Алексея. Как я уже писала, мы с ним были в раю! Он, наш дорогой Старец, без труда ввел нас в него. Без Батюшки для нас наступил подвиг. Много слез, много болезней, много трудов, терпения, смирения и послушания требовалось от нас, но мы были еще младенцы и неискусны. Батюшка нам даром давал рай, и мы не чувствовали с ним ни печалей, ни вздыханий! Все трудности и внешние и внутренние он брал на себя, помогал нести свою любовь, лаской, утешением, частым очищением совести и Св.Причащением. Но вот наступило время труда, немало слез

стали проливать мы. Кажется весь ад без Батюшки восстал на нас! Все страсти, живущие и гнездящиеся в сердце каждого из нас, восстали на нас! И вместо помощи дорогому нашему батюшке о.Сергию, мы много начали причинять ему боли и трудов. «Я думал, – говорил он, – в вас, Батюшкиных, найти себе поддержку и помощь, а оказалось, что вы все еще были младенцы, и я должен был снова и вас питать молоком». Много еще пришлось ему поработать, пострадать и потрудиться над нами и не без болезней и воздыханий.

Он молодой, пылкий, горячий думал, что нас сразу можно сделать подвижниками, но оказалось, что он преткнулся и увидел, что еще надо ему трудиться и трудиться над нашими душами и что надо не только пожертвовать собой, но и вознестись на Крест. Крест этот, говорил он нам, необходим для каждого духовного руководителя, духовного отца. Духовные дети на это спасительное древо возводят своего отца, откуда он зрит татей, приближающихся к нам, и поражает их смирением, любовью, лаской и молитвой, вниманием. Вот так и такие духовные дети достались «молодому старцу» (так называл о.Сергия схиархиепископ Антоний²⁴⁵, родственник схиигумении Фамари, умерший в 1942 г.).

Да, мы все до единого были переданы нашим дорогим Старцем в надежные духовные руки, и ни одна душа не посмела нарушить благословение Старца, куда-нибудь убежать. Трудности были большие, порой невыносимые, и время наступило невыносимое для Церкви Христовой! Батюшка родной нас сплотил любовью Христовою! Не напрасно мы ежедневно на Литургии пели первый тропарь: «Союзом любви апостолы Твоя связавый, Христе, и нас Своих верных рабов к Себе тем крепко связав, творити заповеди Твоя и друг друга любить нелицемерно сотвори, молитвами Богородицы, едине Человеколюбче» (гл.4-й). И эта любовь не преста от нас и по смерти. Он, наш родной, оттуда помогал и помогает по сие время, и явлением и сновидением указывает дела и пути наши.

* * *

Батюшка дорогой наш скончался в 1923 году 9/22 июня. Пролежал он в земле с 1923 г. по 1934 г. и тело его почивало

нетленным, чему свидетельница я и некоторые другие, присутствовавшие при перенесении его тела с Лазарева кладбища на Введенские горы по случаю закрытия Лазарева кладбища.

Могильщикам не было известно, кого мы откапывали для перенесения, и они испугались, когда докопались до гроба и стенки его отвалились, и они увидали нетленное тело. «Кого вы откапываете?» – «Священника». – «А как его звали?» – «Отец Алексей». – «Это тот старец Мечев?» – «Да-да, он самый!» – «Да ведь он так давно похоронен и не истлел? В каком году его хоронили?» – Говорим: «В 1923-м». Они сняли шапки и помолились: «Упокой, Господи, душу его». Осторожно сняли крышку, взяли отвалившиеся бока гроба и на доске осторожно, поддерживая канатами, подняли тело и положили на земле. Покуда они ходили за новым гробом, я сидела около Батюшки. Была одна отрада и утешение! Перед взятием тела из могилы мы сначала отпели панихиду, а потом уже стали откапывать. Сидя около Батюшки, я молилась и лилась слезы радости и умиления: ведь Батюшка нетленен. Облачение на нем было серебряное и ничто не повреждено: все белое! И точно сегодня надетое на него. Видна была борода и волосы, ручки сложены на груди тепленькие и цветы коричневато-желтоватые. Ножки лежали прямо, тапочки и те не предались тлению. С доской старого гроба положили в новый гроб. Снова было прощание и слезы. Отпели панихиду и повезли на Введенские горы. Жалко было и слезы лились, когда Батюшку дорогого заключили в новый гроб. Вся душа была полна благодарности Господу, что я увидела нетленное тело своего отца и старца Батюшки о. Алексея. Мне не разрешили идти за гробом, так как расстояние было очень далекое, но я поехала трамваем. Могила была приготовлена. Привезли Батюшку и нас несколько человек встречали с пением дорогого нашего отца. С надгробным пением опустили снова в могилу и закопали. Отпели панихиду и все отправились по домам.

* * *

«...Я знаю как умиротворить их. Будет Манюшка спокойна и будет хорошо петь, хор будет, будешь утешать всех, и меня

утешишь». И действительно впоследствии был очень большой хор (около 90 человек) и все сплотились как одна. Это все он, наш дорогой старец о. Алексей, и продолжал его труды наш дорогой батюшка о.Сергий, которому была вручена вся его паства и духовные дети. Батюшка говорил нам часто: «Берегите отца Сергия. Он горячий, быстро сгорит».

После смерти Батюшки хор стал еще больше усовершенствоваться. Ввели подобны оптинского распева, и у нас это пелось запросто: указан глас, мы поем на глас, указан подобен любого гласа, мы поем подобен безпрепятственно. Напевы оптинские – это напевы афонские. Нам нравилась эта древность, эта красота пения Св.Отцов, которая не была утрачена на Афоне и в Оптиной пустыни. Введение такого пения было уже трудом нашего дорогого отца Сергия.

* * *

Заканчивая свое повествование о своей жизни с Батюшкой, прошу простить меня грешную, если что, может быть, и забыла или не так изложила по своей малограмотности и некультурности, по лености и нерадению. Не так строго прошу судить меня. Писала от всей любви и от всего сердца, что только напомнил мне Батюшка дорогой. Грешная его духовная дочь и регентша Мария ТИМОФЕЕВА

Полностью печатается впервые по машинописи из архива Е.В.Апушкиной, озаглавленной «Воспоминания Манюшки Т. О Батюшке о. Алексее М.» Под названием «Манюшка» частично опубликовано в кн.: Московский Батюшка. Воспоминания об о. Алексее Мечеве. Издание Московского Свято-Данилова монастыря. 1994. С.32–44. Фрагмент «Из воспоминаний монахини Марии (Тимофеевой)» публиковался в сб.: Старец Алексей и Зосимова пустынь». Сост. С.Фомин // К свету. № 14. М. 1994 С.45–46.

Автор воспоминаний – *Мария Ивановна Тимофеева* (январь ок.1901 – 24.7 «6.8.1989) – регент правого хора на Маросейке. Особенно была близка с А.Ф.Ярмолович (см. ее воспоминания в наст. изд.), которая пообещала: «Я перед смертью за тобой приду». В свое время она вместе с Лидией Александровной (см. прим.) и Евдокией Худяковой ездила в Киев; они обратились

там к старцу, и он постриг их (кроме Маруси, не решившейся на этот шаг без благословения о.Сергия) в схиму. Позже была в постриге с именем Мария. Была прихожанкой в храме Илии Обыденного, регентовала. Духовно окормлялась у о. Александра Толгского, который позже передал ее о. Александру Егорову. В свое время о. Алексей Мечев не благословил ее на замужество, пообещав: «Не бойся, Манюшка, я тебя не оставлю». И действительно, она не подвергалась никаким репрессиям, несмотря на открытое исповедание веры. Даже в последние три-четыре года жизни, когда ей, по сути прикованной к постели, пришлось нести крест одиночества, подле нее всегда были люди, ухаживавшие за ней. Скончалась же она на руках двух девиц. Когда она отходила, те успели сообщить об этом в храм. Шла Литургия, и отец Александр впервые помянул новопреставленную монахиню Марию. По благословению духовного отца и были написаны публикуемые нами ныне воспоминания М.И.Тимофеевой. Похоронена на Введенском кладбище, неподалеку от могилы о. Алексия Мечева (*Сведения Е.В.Апушкиной и Г.Б.Кремнева*).

Мои воспоминания. Антонина Михайловна Волкова.

29 февраля 1898 г. я родилась в Москве на Малой Лубянке. От заражения крови после родов умирает моя мать, еще совсем молодая, 28 лет. Я остаюсь на руках у молодого вдовца-отца. Осталась сорока дней от рождения, а старшей сестре было 2,5 года. Отец нас с ней отправил на воспитание к своей племяннице, в бывшее село Ирнинское, теперь Молоково Московской губернии. Я росла необычным ребенком. Во-первых, с первых же дней после появления своего на свет я совсем не брала грудь матери, даже врачи удивлялись, почему я не брала грудь матери, и меня с первых же дней кормили коровьим молоком.

Потом мне мачеха рассказывала, что она меня очень часто носила в церковь причащать и, «если, — говорит, — я стану с тобой по левую сторону, то такой плач подымешь и все тянешь меня на правую сторону, и как только я перейду с тобой на правую сторону, то всю обедню стоишь спокойно. Когда же стала подрастать, то с подругами не любила играть, а все больше играла одна: или на чердаке, или же в пещерке на дворе под чуланом; очень любила хоронить убитых птичек, и поэтому в пещерке было очень много могилок, и на каждой могилке стоял крестик, сделанный из спичек».

Девяти лет меня привезли в Москву, отдали учиться в школу. Отец женился на нашей воспитательнице, я ее звала «мама», а сестра звала «няня». Она к нам относилась очень хорошо, никогда нас не обижала.

Отец встретил меня очень сурово и холодно, часто нападал на меня и упрекал в каждом куске хлеба. Часто порывался бить меня, когда был в нетрезвом виде, но мачеха всегда защищала меня, упрекая его в несправедливости, или же заранее прятала меня у соседей.

Вот это-то тяжелое детство и заставило меня чаще обращаться с молитвой к Богу.

Я недоумевала, за что же не любит меня отец? Я росла тихим, забитым, пугливым ребенком. Я часто плакала, забившись в темный уголок, и говорила, обращаясь к Богу: «Господи, зачем Ты оставил меня жить, а маму взял к Себе? Ты видишь, я здесь лишняя и всем чужая. Возьми, возьми меня к Себе!» Но, очевидно, не было на то воли Божией. Господь не внял моей детской молитве, не взял меня к Себе, а оставил для борьбы в этом мире.

Помню один случай, когда мне было лет десять. Стояла я в храме за обедней, народу было мало, читали часы. Я стояла, прижавшись в уголок, недалеко от амвона. Мне что-то было грустно. Вдруг взор мой упал на амвон, напротив образа заамвонной Божией Матери. Там стояла на коленях девочка лет семи или девяти и жарко-жарко молилась со слезами, часто простирая ручки к Богоматери. Личико ее сияло, а слезы текли по щекам. Я всю обедню стояла как зачарованная, не могла оторвать от нее своих глаз. Мне очень хотелось подойти к ней и спросить, что за горе у нее, что она всю обедню так горячо молилась. Но когда окончилась молитва, я нигде ее не могла найти, только с тех пор я стала просить у Господа, чтобы Он научил меня так же горячо молиться, как молилась эта девочка.

Двенадцати лет я окончила школу. Отец говорит мне: «Теперь ты большая. Иди ищи себе работу, пора тебе самой зарабатывать кусок хлеба. Я тебя до двенадцати лет додержал, а меня отец девяти лет отдал на производство», – «А какую же, – говорю, – папа, мне профессию-то выбрать?» – «Какую, – говорит, – хочешь, какая тебе больше по душе придется, ту и выбирай».

Я оделась, вышла на улицу и пошла. Прошла всю Маросейку и Покровку, дошла до Разгуляя. Много по дороге попадалось разных мастерских, и везде в окнах были записочки наклеены, что требуются девочки в ученье. Почти в каждую мастерскую я заходила и спрашивала об условиях учения: где брали на 5 лет, где на 4 года, где на 3 года. Заходила и в корсетную мастерскую, и в бурнусную, и к модисткам, и к портнихам, и к белошвейкам. Домой пришла уставшая, а дорогой все же решила быть портнихой.

На другой день пошла к своей школьной подруге посоветоваться, куда поступить, и узнала, что она уже поступила в большую мастерскую к портнихам на Б.Димитровке.

«Хочешь, – говорит, – и тебя к себе устрою, только у нас очень строго, учиться надо 4 года». Я очень обрадовалась и попросила ее, чтобы она меня устроила. Через два дня она пришла за мной, и вот началась моя трудовая жизнь в чужих людях.

В это время я уже ходила молиться в Кремль, в Чудов монастырь. И вот только в Чудовом я и находила себе отраду и утешение. Бывало, приду, упаду перед ракой свят.Алексия, выплачу пред ним всю горечь и обиду, накопившуюся на душе. Подруг я не имела, поделиться мне было не с кем, вот я и открывала свою душу только перед святителем Алексием.

Когда мне было 15 лет, первый раз в жизни я пошла с одной старушкой на богомолье к Николо-Угреше²⁴⁶. Там она свела меня к одному прозорливому старцу Г., ныне уже умершему. Я боялась идти к нему. О чем, думаю, я буду с ним говорить, мне ведь не о чем. Возьму, думаю, только благословение и уйду.

Когда мы вошли, он встал, помолился и начал разговаривать с моей старушкой, а я стояла в уголке и боялась шевельнуться. Когда он кончил с ней разговаривать, то подошел ко мне, ласково так посмотрел на меня и говорит: «Пойдем со мной в мою келлию, я с тобой там буду говорить (мы стояли в передней), а ты, бабушка, посиди здесь и подожди ее».

Когда мы вошли в келлию, он помолился и говорит: «А теперь ты слушай меня со вниманием и запомни. Я буду тебе говорить то, что открыл мне о тебе Господь. На тебе с рождения лежит крест гонения. Он будет сопровождать тебя всю жизнь. Вот сейчас в родной семье тебя не любит отец и часто нападает на тебя. Ты не мирская жительница, мир тебя будет ненавидеть. Ты должна жить монашеской жизнью. Тебя, при наречении твоего имени, мать назвала монашкой, так как ей не нравилось твое имя Антонина». Я говорю: «Батюшка, у меня нет мамы, она умерла, когда мне было только сорок дней от рождения». – «А ты спроси, – говорит, – у папы, он вспомнит и скажет, что она

действительно называла тебя монашкой, а слово матери должно исполниться». Я говорю: «Батюшка, мне сейчас не хочется в монастырь». Он отвечает: «Придет такое время, когда все оставишь и уйдешь. От человека сие невозможно, от Бога же все возможно, но не думай, что тебя там ждут радости: много придется тебе там пострадать, тебя там возненавидят за правду и даже изгонят вон, но, идя в другой, не скорби, помни, что тебе заранее все было открыто. Помни слова Господа: *блажени изгнанные правды ради, яко тех есть Царство Небесное*".

Придя домой, я спросила у папы, что говорила мама при наречении моего имени, нравилось ли оно ей.

«Нет, – говорит, – оно ей не нравилось: какое-то, говорит, монашеское имя-то. Ну пусть будет монашка». Я говорю: «Папа, а мне Батюшка об этом сказал». А он говорит: «А откуда он нас знает?» Я говорю: «Он, говорят, прозорливый».

* * *

До 1918 г., пока не закрыли Кремль, я ходила в Чудов монастырь. Потом стала ходить на Маросейку, в храм Николы-Кленники. В это время здесь служил батюшка отец Алексей Мечев. Ранее я о нем много слышала – о его прозорливости и о том, что к нему ходят за советом, а так как у меня никаких вопросов не было, я его ни о чем и не спрашивала.

* * *

В 1919 году я работала в редакции курьером, так как в это время швейные мастерские были закрыты; голодовка была ужасная.

Однажды редактор зовет меня к себе и предлагает мне поступить к нему в няни. «Питание, – говорит, – у нас хорошее, голодать не будешь».

Я очень обрадовалась и обещала вечером принести паспорт и перейти к ним жить. После работы, придя домой, я взяла паспорт и пошла к ним окончательно договариваться. Они жили в Национальной гостинице.

Когда я пришла, комната была открыта, ребенок лежал на кровати, а их – ни жены, ни его – не было. Я прошла к столу, села на стул, стала ждать. Просидела минут десять, никто не

приходил. Я начала осматривать комнату вокруг, ища глазами икону, но ее нигде не было. Тут я вспомнила, что ведь они неверующие, и мне вдруг сделалось очень тяжело, я обратилась с молитвой к Господу: «Господи, как мне тяжело, что даже и посоветоваться не с кем».

Вдруг я ясно услышала голос: «Сходи к отцу Алексею и посоветуйся с ним». Я встала со стула и, как бы влекомая какой-то неудержимой силой, направилась к выходу. Сердце усиленно билось. Я вышла на улицу и направилась прямо к Батюшке. Не зная номера его квартиры, я вошла во двор и спросила, где живет Батюшка. Мне показали. Я взошла по лестнице наверх. Смотрю около двери на стуле сидит пожилая женщина. Я обратилась к последней с вопросом: «Скажите, что Батюшка – принимает?»

Она так сердито на меня посмотрела и говорит: «А ты разве не знаешь, что сегодня пятница, а он по пятницам не принимает?» – «А почему же, – спрашиваю, – вы здесь сидите?» – «Меня он примет, потому что я больная. Надо мной он каждый день молитвы читает. А ты уходи. Он тебя все равно не примет».

Но я не ушла, а решила все же ждать и узнать самой, если не примет, то когда разрешит придти. Опять стала спрашивать у этой женщины: «Скажите, он знает, что вы здесь сидите?» – «Да, он знает, он уже выходил и велел подождать. Чайку, говорит, попью, тогда и приму. Да что-то долго не выходит».

Я тоже решила ждать. Сошла ступеньки на четыре пониже этой женщины, хотя она усиленно все время гнала меня, а я не обращала внимания и продолжала стоять. Смотрю, Лидия Александровна²⁴⁷ принесла ключи от церкви (тогда она меня не знала, и я ее тоже). Она постучала, ей открыли, и дверь опять закрылась. Слышу через дверь, что к ней вышел Батюшка и спрашивает: «Лидия, ты что?» – «Да вот ключи принесла». – «Скажи, – говорит, – там, за дверью меня кто-нибудь ждет?» – «Да, отвечает, там две какие-то стоят: одна пожилая, а другая молодая». – «Молодая, говоришь? Вот молодую-то и жду, а ты, Лидия, иди, кухней пройди». Дверь там скрипнула, и опять все

стихло. Я подумала, что очевидно Батюшка еще молодую какую-то ждет.

Вдруг открывается дверь, и в дверях появляется Батюшка в белом подряснике и прямо смотрит на меня: «Ну-ка ты, молодая, иди ко мне. Я тебя-то и жду».

Эта женщина, что сидела, подходит к нему и говорит: «Батюшка, я ведь первая и давно вас жду». – «Ну что же, голубушка? Долго ждала, – еще подожди. А вот ей нужнее тебя. Ее-то я первую и возьму».

Я вошла за Батюшкой в кабинетик. Он помолился, предложил мне сесть, и сам сел напротив меня, и говорит: «Ну, голубушка, рассказывай все, с чем ты пришла».

Я говорю: «Батюшка, вот мне выходит место, очень хорошее место – к нашему редактору. Питание у них хорошее, голодать не буду, а то я очень сейчас голодаю».

– А ты их хорошо знаешь-то?

– Хорошо, – говорю, – они люди хорошие.

– Нет, – говорит, – ты их не знаешь: они только сейчас к тебе хорошо относятся, пока ты у них не служишь, а когда к ним перейдешь, то и душу и тело твое погубят. Так что ты это место не занимай. Это место принадлежит одной старушке, а тебе место будет очень сытное, о тебе добрые люди уже хлопочут.

Я говорю: «Батюшка, я никого не просила, чтобы за меня хлопотали. Я в работе не нуждаюсь, а в настоящий момент нахожусь на работе».

– А все-таки тебе скоро будет сытное место, и ты туда перейдешь, а если не послушаешь меня, уйдешь в няни, тогда что бы с тобой ни случилось, ко мне не приходи, не приму. А если послушаешься меня, то какая бы у тебя нужда ни была – материальная или духовная – всегда мои двери открыты тебе. Если придешь с парадного, и будет много народа, то обойди кругом дома и зайди с черного хода. У меня есть Серафима Ильинична²⁴⁸, ты ей скажи: «Мне велел Батюшка придти», она тебя и пропустит ко мне. Ты где живешь, куда ходишь молиться?

Я говорю: «Я ходила в Кремль, в Чудов монастырь, а теперь его закрыли; хожу куда придется, а больше все в ваш храм хожу».

После закрытия Чудова монастыря, многие чудовские стали ходить на Маросейку и даже помогли там наладить хор. С их приходом в богослужение был введен тропарь святителю Алексию (на обедне). Они не теряли связи между собою и как бы образовали особую «группу», наряду с «курсовыми» (богословские курсы в храме, которые были открыты при участии Андрея Гавриловича Кулешова²⁴⁹). Они часто собирались на квартире у Тони²⁵⁰, к ним приходил Батюшка, сначала один, потом с о.С [ергием] Дурылиным, беседовал с ними, рассказывал много случаев из своей практики. Батюшка шутил, давал всем прозвища: «Надя-сычевка», «Таня-рухольная», «Тоня – отец Гурий». Всех было 22 человека, и они еле помещались в маленькой комнатке Тони. О.С [ергий Мечев] был уже иереем, но он вечно возился с курсовыми и вообще с интеллигенцией, и чудовские его «не признавали» и редко и под благословение к нему подходили. На «вечеринках» у Тони никому и в голову не приходило его приглашать. Но однажды девочек зазрила совесть: «Ведь, может быть, Батюшке приятно будет, если мы пригласим его сына». Все были уже в сборе, когда они решили спросить об этом Батюшку. Батюшка так и встрепенулся от радости: «Вот хорошо, вот хорошо. А кто же за ним сходит?» Вызвалась Манюшка Семенова, которая вообще часто провожала о.С [ергия]. Она застала его дома, но он собирался куда-то уходить по делу. Услышав, что Батюшка благословил его придти, он все же решил зайти к Тоне хоть на десяток минут. Из собравшихся он почти никого не знал, кроме Маруси²⁵¹, Веры и Марии²⁵² канонарха. Он всматривался в незнакомые лица и прислушивался к шутливым обращениям, с которыми Батюшка оделял угощениями собравшихся девушек. Наконец он нагнулся к Марусе и спросил: «Да какая же Тоня-то, я что-то ее имени не слышу». – «А Тоня – это о.Гурий». На этот раз о.С [ергий] пробыл недолго, но в следующие разы его всегда приглашали. Уходя, он шутил с «о.Гурием»: «Оказывается вы на втором небе живете?» Батюшка объяснял сестрам, что для него очень важно, чтобы молодые священники познакомились с ними, а не с одной интеллигенцией, и чтобы послушали его рассказы. Они неопытные, им надо учиться, как

обращаться с народом. Батюшка приводил множество интереснейших случаев, но Тоня их перезабыла.

Тоня мало бывала на квартире у Батюшки, старалась всегда все спросить в храме. Однажды, когда Батюшка болел, и к нему не пускали, у нее возник важный вопрос, она обратилась с ним к о.С [ергию], но тот отказался решать и велел обратиться к Батюшке. «А как же? ведь к Батюшке не пускают!» – «Ничего, я проведу!» – и о.С [ергий] провел Тоню наверх, посадил ее в Батюшкин кабинетик и просил подождать, пока Батюшка напьется чаю. К ней прибежали ребятишки: Ика, Зоя, Алеша²⁵³, стали ее теребить. В это время в комнату вошла Ольга Петровна²⁵⁴, осмотрела все кругом и спросила: «Скажите, здесь не было монаха? Батюшка спрашивает какого-то монаха». – «Нет, никого не было, одна я». Ольга Петровна прошла в столовую и там стала расспрашивать о монахе, которого зовет Батюшка. Никто его не видал. Ольга Петровна пошла к Батюшке: «Батюшка, там никакого монаха нет!» – «Да вы посмотрите в кабинетике, там отец Гурий сидит!» – «Нет, Батюшка, там только какая-то девушка». – «Вот это-то и есть о.Гурий! Позовите ее ко мне!» Когда Тоня вошла, то Батюшка, смеясь, сказал ей: «Ну вот видишь, Тоня, как я сделал! Теперь все мои тебя хорошо узнали». С тех пор, когда надо было мне пройти наверх, спросишь Евфросинию Николаевну²⁵⁵ – можно или нет, а она всегда скажет: «Ну, уж кому-кому, а о.Гурию всегда можно!» Из детей своих о.С [ергий] особенно любил старшую – Ику. Откуда бы он ни приходил, всегда сейчас же хватал ее на руки, несмотря на ее протесты, и чем бы она ни была занята. Он спрашивал у Евфросинии Николаевны: почему она тебя любит, а я ничего не могу от нее дожидаться, как только: «Папа, уйди!» – «А потому, что я ей никогда не мешаю». Батюшка же из внуков больше всех любил Алешу, заботился о нем, поручал своим хозяйкам покупать для него молоко. Бывало о.С [ергий] придет откуда-нибудь и ищет Ику, а Батюшка ему: «Да ты посмотри на Алешеньку, какой он хороший», – но о.С [ергий] все-таки искал в первую очередь Ику.

– Так значит, ты – Чудовская? А я очень уважаю вашего владыку Арсения²⁵⁶. Тебя как звать-то?

– Меня Тоня звать.

– А, Тоня! Ну, Тоня, будь хорошая и ходи к нам в храм.

Затем Батюшка встал, помолился, благословил меня и проводил с лестницы. Пока я спускалась с лестницы, он все наказывал мне не ходить в няни.

Я вышла на улицу. На душе было так легко-легко и радостно. Вот, думаю, какой чудный Батюшка, – ведь роднее родного отца принял меня. Ко мне так душевно и заботливо родной отец не относился.

Проходит две недели. Однажды прихожу с работы уставшая, голодная, слышу – стучатся в дверь. Открываю. Смотрю – стоит одна моя знакомая и говорит: «Ты знаешь, зачем я к тебе пришла? Не перейдешь ли к нам в столовую работать? Место у нас сытное, хорошее, а ты, наверное, голодаешь? Меня заведующая давно просит рекомендовать ей работницу, только чтобы была честная, не воровала, и вот у меня мысль сразу на тебя пала, и решила я тебя перетащить к себе. Приходи завтра же к нам работать». И я на другой же день перешла в столовую работать и была поражена прозорливостью Батюшки, заранее предсказавшего мне об этом месте.

В 1919 г. в декабре месяце, за неделю до Рождества, я исповедовалась у Батюшки. Он спросил меня, с кем я живу. Я ответила, что с родителями. «А мирно ли ты живешь-то с ними?» Отвечаю: «Батюшка, все бывает, и ссориться приходится: все из-за хлеба». – «Не ссорься, голубушка, а то жалеть будешь: ведь тебе скоро одной придется жить. Жалеть будешь».

И действительно, не прошло и трех месяцев, как они умерли, – и папа, и мама, и 9-летняя сестренка, так что к Пасхе я уже жила одна. А старшая сестра вышла замуж и ушла от меня.

Прошел год, как умерли мои родители. Под день их кончины пришла с работы в девятом часу вечера, написала заупокойную записочку и пошла в церковь, чтобы отдать ее Батюшке, так как на утро мне рано нужно уходить на работу и не придется быть в церкви. Когда я пришла, всенощная уже окончилась, и Батюшка выходил из храма, окруженный народом. Я протискалась

вперед. Подаю ему записочку и говорю: «Батюшка, завтра память – годовщина смерти моих родителей. Помолитесь за них». Он взял мою записочку, сунул ее в карман и стал разговаривать с сопровождавшими его.

Я пришла домой и думаю: забудет, наверное, Батюшка, помянуть моих родителей. Села, написала вторую записку и на другой день рано утром отнесла ее в другой храм.

Месяц спустя я пошла исповедоваться к Батюшке. Когда же я подошла к нему, вдруг он полез в карман, достал записочку, показывает мне и говорит: «Тоня, это твоя записочка-то?» – «Да, – говорю, – моя». – «Отца-то у тебя Михаилом звали, мать – Агафья, сестренка – Татьяна?» – «Да, – говорю, – Батюшка, так точно». – «Что же ты боялась, что я их забуду помянуть? Я до сих пор за них молюсь».

Я опять была поражена его прозорливостью.

В 1920 году под 5 января после всенощной подхожу к Батюшке за благословением. Смотрю, около него стоит девочка лет 16-ти. Батюшка обращается ко мне и говорит: «Тоня, вот возьми-ка к себе Манюшку-то²⁵⁷ пожить; а то она сейчас больная, ей нужна покойная обстановка, она тогда и поправится. А у тебя ей будет очень хорошо: характера ты покладистого, терпенья у тебя много: не воз, а целый обоз. Вот будете и будете жить, а потом я ее у тебя возьму». Я знала, что эта девчонка была душевнобольная, и говорю: «Батюшка, я не знаю, но думаю, что ее, наверное, у нас не пропишут». – «Ничего, ты ее пока без прописки поддержи, а потом и пропишут». Я очень боялась ее брать, но не смела отказать такому Великому старцу. – «Хорошо, – говорю, – Батюшка, я ее возьму, только ненадолго». – «Нет, нет, Тоня, не безпокойся, я ее потом сам у тебя возьму и устрою в очень хорошую семью, а пока пусть поживет у тебя. Ты великое дело сделаешь, если ее успокоишь. Ведь она не совсем сумасшедшая, а у нее только нервное расстройство, ей нужен покой, а этот покой ей можешь дать только ты».

Она прожила у меня 10 лет и 2 месяца. И, действительно, Батюшка сейчас устроил ее в небесную семью..., она заболела туберкулезом, проболела 6 лет и умерла.

Первые три года, еще при жизни Батюшки мы с ней жили хорошо, дружно. Она меня слушалась, и жили спокойно. Батюшка бывал у нас очень часто, почти что каждое воскресенье. Однажды он был у нас в гостях, народу было много, – все его духовные дети. Он посмотрел на всех нас и говорит: «Всех я вас очень люблю, все вы у меня в сердце, но особенно всегда у меня в сердце это три из вас... Двум первым очень трудно в семье живется, а Тоня, хотя она и одна, но ей будет очень трудно». А я и говорю ему: «Что вы, Батюшка, я ведь сейчас очень хорошо живу, все у меня есть, зарабатываю хорошо, голодная не сижу, и с Манюшкой дружно живем». Он посмотрел на меня, улыбнулся и говорит: «Ах, Тонюшка. Тонюшка (он всегда меня так звал: не Тоня, а Тонюшка), как трудно тебе будет!» Впоследствии, конечно, в точности сбылись его слова.

В 1923 г. 1-го марта, в день своего Ангела я пошла к Батюшке исповедоваться. Он очень был ласков, дал мне просфорочку, и вдруг сделался очень задумчивый, взял меня за руку и говорит: «Тоня, хочу тебе сказать одну тайну, да боюсь, ты расскажешь всем, а сказать мне это тебе нужно. Вот дай мне слово перед Крестом и Евангелием, что ты до самой моей смерти Никому не скажешь. То, что я хочу тебе сказать, не знают даже мои домашние, даже не знает о.Сергий».

– Батюшка, да не только перед Крестом и Евангелием даю вам слово, но только просто перед вами даю слово молчать до вашей смерти.

– Ну, смотри, Тонюшка, сдержи свое слово. А теперь слушай: я скоро умру, через каких-нибудь три месяца меня уже не будет. Манюшку оставляю тебе, на тебя у меня только надежда. Долго я думал о ней и решил ее оставить только у тебя. После моей смерти тебе с ней будет очень трудно. Но дай мне слово, что как бы тебе ни было с ней трудно, ты ее не прогонишь от себя!

Я говорю: «Даю вам слово: как бы мне ни было трудно, не прогоню, Батюшка». Он взял меня обеими руками за голову, поцеловал голову и говорит: «Спасибо тебе, Тонюшка, теперь я умру спокойно».

Ровно через три месяца, 9 июня 1923 г. Батюшка умер.

После смерти Батюшки Манюшка очень резко изменилась в отношении ко мне. О.С [ергий] стал ее баловать, она почувствовала, что более не нуждается в моей помощи, стала сильно мне дерзить. Вот тут-то и началось мое мучение. Даже были минуты, когда я готова была ее прогнать, но, вспомнив слово, данное Батюшке, опять ее прощала, пока не разлучила нас судьба в 1931 году.

Мои сны о Марусе

В 1938 г., 19 августа ст.ст., 1 сентября по нов.ст., умерла Маруся, с которой я прожила более 10 лет вместе.

Последние 8 месяцев ее жизни я не видала ее, так как по случаю ее болезни она была увезена на дачу далеко от Москвы.

На второй день ее смерти мне сказали, что она скончалась, и разрешили поехать к ней на похороны.

Когда я приехала, то мы втроем пошли на кладбище, чтобы выбрать место, где ее похоронить. Две мои спутницы шли впереди меня, я же шла немного позади их, и когда мы вошли на кладбище и только что отошли от храма, как я ясно услышала голос: «Поищи, здесь есть образ». Я вздрогнула, оглянулась во все стороны, но нигде ничего не увидела. Спутницы мои ушли от меня уже на другой конец кладбища. Я все время смотрела под ноги, но в этот раз ничего не нашла. Когда вернулась с кладбища, то умолчала о слышанном мною голосе.

Второй раз я слышала тот же самый голос уже после шести недель около могилы Маруси, когда мы стояли вдвоем с ее сестрой. Я опять ясно услышала голос: «Посмотри, вот здесь образок». Я опять вздрогнула, оглянулась и увидела: шагах в трех от меня лежал вдавленный в землю небольшой образок Тихвинской Пресвятой Богородицы. Я так обрадовалась и как великое сокровище приняла его в свои руки.

Во время похорон я узнала от окружавших ее и ходивших за нею последнее время ее жизни, что меня она в эти последние дни своей жизни не хотела видеть и даже на что-то обижалась, но моя совесть по отношению к ней была совершенно спокойна. Поэтому я вдвойне страдала за ее душу, что она умерла с обидой на меня, не примирившись и не сказав мне, на что именно она обижалась на меня. И пришла мне мысль, что если она не хотела меня видеть при жизни, то после смерти даже и во сне, наверное, не захочет ко мне придти, а придет, наверное, только к тем, кто ходил за ней последние дни.

Сон первый

Когда я вернулась с похорон, на вторую ночь я увидела ее во сне: входит она в комнату, остановилась около меня, грустно посмотрела на меня и повернулась, чтобы уйти. Я ей говорю: «Маруся, что ты так скоро уходишь?» Она отвечает: «Мне очень некогда, я пришла на одну минуточку только показаться тебе».

Этот сон я приняла как ответ мне на мои мысли.

Сон второй

После этого сна я еще больше стала грустить, что не видела ее в последние дни ее жизни. Поэтому я усилила за нее свои молитвы. И вот на десятый день ее смерти я вижу ее опять во сне. Вхожу я в комнату, она сидит на стуле около окна. Я вхожу к ней, она грустно смотрит на меня, берет меня за обе руки, складывает их одна на другую, крепко их жмет, делает так до трех раз и говорит: «Тошенька моя милая, ты уж не очень-то огорчайся, что не видела меня последние дни моей жизни, зато вот после шести недель я приду к тебе, тогда обо всем и поговорим».

Сон третий

После двадцати дней я опять ее видела во сне. Вижу, стою я на том месте, где была часовня Иверской [иконы] Божией Матери. На этом месте, где была часовня, лежит много новых бревен, и на них сидят Маросейские сестры, все в белых косынках. Сидят так: кто ниже, кто выше, кто на самом верху, и смотрят по направлению к храму Василия Блаженного. Я же стою недалеко от них и тоже смотрю туда же, но храма Василия Блаженного я не вижу. Но перед моим взором на небе появился лес и большая поляна. На ней два чудных белых храма, сотканых как бы из жемчуга. Один очень большого размера, а другой маленький, одноглавый. Из него доносится до меня чудный звон. Вдруг появляется большое облако и закрывает оба храма.

Я в огорчении, что не вижу больше чудных храмов, сажусь на близлежащие бревна. Вдруг, вижу, подходит Маруся. Все

сестры встали и начали ее звать к себе. Она остановилась, на всех посмотрела и говорит: «Нет, я ни с кем из вас не сяду, а сяду я к Тошеньке на ручки».

Подходит ко мне, садится на колени, крепко меня обнимает за шею, целует в лоб, в щеки, в глаза, гладит по голове и все приговаривает: «Милая ты моя Тошенька! Тошенька ты моя милая!» Я смотрю на нее и говорю: «Маруся, как это на тебя непохоже, при жизни ты не была ко мне так ласкова. Что теперь вдруг с тобой случилось, что ты такая стала ласковая?» Она грустно смотрит на меня и показывает указательный палец на правой руке, на котором большая рана. Я в недоумении смотрю на нее и думаю: откуда у нее взялась такая большая рана?

Потом я говорю ей: «Как жаль, Маруся, что ты немного опоздала! Какие я сейчас два чудных храма видела! Только их сейчас облако закрыло. Как жаль, что больше их не видно!» – «А я, – отвечает она, – в них была. Когда я взошла, там шла служба, служит Патриарх и пели певчие. Я тоже встала и помогла им петь. Попела и ушла».

– Зачем же ты ушла? Вот глупая! Такие чудные храмы, а ты ушла.

– Да я не могла в них оставаться.

– Почему же? – спрашиваю ее.

– Потому что это не мое место, и вообще я еще не знаю, где я буду.

Влево от нас недалеко я вижу двухэтажное здание. Из него выходит народ.

Я спрашиваю: «Маруся, что это за здание?» – «Это, – отвечает она, – часовня в честь Владимирской [иконы] Божией Матери. Там тоже служит Патриарх, но только там угасла лампада. Народ просил Патриарха возжечь ее, но он так сурово отказался».

На этом я проснулась.

Сон четвертый

За пять дней до шести недель я видела Марусю опять во сне. Как будто вхожу я в комнату. Она сидит за столом. Напротив нее сидит одна ее знакомая В.А., а по правую сторону

сидит ее мать. Мать сильно волнуется и громко кричит, как бы на кого ругается. Маруся сидит грустная-грустная. Я очень обрадовалась, что увидела Марусю, подхожу к ней сзади, обнимаю ее, смотрю ей в лицо и спрашиваю: «Маруся, что ты такая грустная?»

– Как же мне не грустить, когда мама все время волнуется и кричит. Ты знаешь, как это меня беспокоит? Ты и представить себе не можешь, как я беспокоюсь.

Желая ее успокоить, я говорю ей: «Успокойся, Марусенька, не волнуйся. Ведь ты знаешь, что твоя мама больной человек, потерпи ее. А мне лучше вот что скажи: страшно ли умирать?» Она молча грустно на меня посмотрела. Я говорю: «Наверное, Маруся, не так страшно умирать, как страшно мытарства проходить?»

Вдруг она громко зарыдала. Я крепко ее обняла, прижала к своей груди, стала целовать ее в голову, в щеки, в глаза. Всячески старалась ее утешить, спрашивая, чем мы можем еще ей помочь. «Что же еще тебе недостает, молитвы что ли, но ведь так много за тебя молятся. Может быть тебе милостыни не хватает?»

– Да, – отвечает, – Тоня, отдай те 30 рублей в ту семью за меня (у меня действительно есть одна бедная семья, которой я помогала каждый месяц по 30 рублей, но при жизни Маруся об этой семье не знала).

– Хорошо, – говорю, – Маруся, я это сделаю с удовольствием, отдам эти 30 рублей за тебя, но только, наверное, этого мало? Ведь скоро тебе шесть недель, и я не смогу много тебе помочь. Ты знаешь, что сделай, ты теперь это можешь, – узнай там, может быть у меня есть что доброго сделано, так возьми все это себе. Я с радостью тебе все отдаю, если, конечно, что найдется. Ты скажи, что я лично тебе велела это сделать.

Она успокоилась, встала, обняла меня за шею, и мы с ней пошли. Пришли на Маросейку, вошли в храм. Храм был пуст. Царские врата были открыты. Мы с ней вошли на солею. Она прямо Царскими вратами входит в алтарь. Я удерживаю ее за руку и говорю: «Маруся, ты не забыла, что обещала». Она

говорит: «Нет, Тоня, не забыла: это то, чтобы к тебе придти после шести недель, но только если меня отпустят».

И она пошла по направлению к жертвеннику. А я вслед ей кричу только: «Маруся, приходи во сне, а не наяву, а то я испугаюсь, и мы ни о чем с тобой не поговорим». На этом я проснулась.

Сон пятый

Два месяца спустя после шести недель 9 ноября ст.ст. я видела Марусю опять во сне. Будто нахожусь я в каком-то саду, иду по дорожке. По обе стороны яблони. Тишина необыкновенная, которая нарушается только падением яблок. Мне очень хотелось взять хотя бы одно яблоко, но мне пришла мысль, что этого нельзя делать, так как я нахожусь в чужом саду и, наверное, думаю, что здесь есть сторожа, которые мне этого не позволят сделать, да и нечестно брать чужую собственность без спроса.

И я пошла дальше по дорожке вглубь сада. Вдруг вижу, что навстречу мне по дорожке идет медленно грустная Маруся. Я очень обрадовалась, бросилась к ней навстречу, хотела ее обнять и поцеловать, но она отстраняет меня и говорит: «Тоня, не трогай меня. Меня ведь теперь целовать нельзя».

Берет меня за правую руку и поворачивает обратно. Идем с ней до какого-то как бы обрыва и начинаем спускаться вниз по лестнице, но ступеньки так далеки друг от друга, что по ним не только шагать приходится, а лететь от ступеньки до ступеньки.

Мне делается так страшно, сердце замирает, и я говорю: «Маруся, мне страшно. Я не могу больше так лететь. Я боюсь, что упаду и тогда до смерти расшибусь. Смотри, как еще далеко до земли, верхушки домов еще чуть-чуть видны, и лестница такая прямая и перил нет, придержаться не за что».

– Да не бойся ты, Тошенька, ведь ты не одна. Я же тебя держу за руку, и ты не упадешь.

Очень долго мы с ней так летели. Я начала ее спрашивать: «Скажи, Маруся, что вл.А., С. и А. уже там у вас или еще на земле?» – «Не слышала, – говорит, – не знаю».

– А ты, – говорю, – узнай. Ты это теперь можешь сделать.

– Нет, – говорит, – Тоня, это для меня трудное поручение, не обещаю.

– Марусенька, – говорю ей, – ведь это мне очень хотелось бы знать. Ты знаешь, как я о них беспокоюсь.

– Тоня, – отвечает она, – если они и у нас, то, наверное, находятся в святительских обителях, а ведь это очень от меня далеко.

А я говорю: «Постарайся, сходи и узнай».

– Нет, Тоня, меня туда не пустят. Ведь я не везде могу ходить, где хочу, а только там, где разрешено. Вот о вл.Аф. слышала, что ему очень трудно, что так трудно, как бы при смерти». А я говорю ей: «Я его не знаю, но только слышала о нем».

И вот, наконец, мы уже на земле. Она все еще держит меня за руку. Входим в мою комнату. Она посреди комнаты опускается на колени. Одета она в темно-зеленое ситцевое платье, а отделка шелковая в золотую полоску. Отделана половина юбки, пояс широкий, воротник и манжеты. Я ей говорю: «Маруся, почему ты в зеленом платье, ведь тебя положили в белом?» – «А меня, – отвечает она, – как только привели туда, то сейчас же и переодели. Знаешь ли, во что переодели – во все твои наряды. Вот и это платье-то мое, а отделка-то твоя. Ты за меня не беспокойся, мне хорошо».

Я ее спрашиваю: «Маруся, ты видела Господа?» – «Нет еще, – говорит, – не видела». – «Говоришь хорошо, а сама еще Господа не видела!» – «Я Его увижу, только не сейчас, а ближе к году. Его видят не все в одно время. А у нас хорошо, и службы бывают. У нас образ Его есть, весь он увит в живых цветах».

Я ей показываю образ своего Спасителя и говорю: «Маруся, что, – есть ли сходство моего образа с вашим?» Она подошла к образу, посмотрела и говорит: «Да, есть, но только Он у тебя написан до пояса, а у нас Он во весь рост с посохом в руке, в виде Пастыря».

– Марусенька, – говорю, – что же ты не приснишься о.С. [ергию]? Ведь он тебя хочет видеть.

Она такая вдруг грустная сделалась и говорил: «Меня к нему не пускают».

– Кто же, – говорю, – не пускает-то?
– Да привратник, старенький монах, он очень строгий.
– А ты попросись хорошенько. Ты, наверное, плохо просишься?

– Несколько раз порывалась я туда проникнуть и никак не могла. Вот к тебе мне легче проникнуть, чем к кому-либо другому.

Я говорю ей: «Маруся, ведь я была у тебя на могилке на шесть недель». Она отвечает: «Я знаю, что ты была на моей могилке».

– Откуда же, – спрашиваю ее, – ты это знаешь? Ведь ты говоришь, что тебя туда не пускают.

Она ответила мне: «А я духом чувствовала, когда ты стояла около моей могилки».

Тогда я показал ей образок Тихвинской Божией Матери и говорю: «Маруся, вот этот образок я нашла около твоей могилки». – «Я, – говорит, – и об этом знаю, что ты его нашла». – «Скажи, – спрашиваю ее, – Маруся, откуда же он взялся?» – «Этого тебе я не могу сказать, ведь я не все могу говорить».

«Но тогда скажи, почему я его нашла, а не те, которые каждый день бывают на твоей могилке. Ведь он, наверное, все шесть недель там лежал и наступали они на него, но почему же не видали его?»

«Да, – говорит, – Тоня, он все шесть недель там лежал, и наступали они на него и не видали его, потому что он предназначен для тебя».

Она делает вид, что хочет уходить, я беру ее за руку и спрашиваю: «Маруся, куда же ты так спешишь? Мне так хочется с тобой о многом поговорить».

Я говорю ей: «Маруся, ты приди и скажи мне, когда увидишь Господа, о чем ты с Ним поговоришь».

«Нет, Тоня, не обещаю. Ведь мне это очень трудно делать». – «Ведь ты же говоришь, что тебя легко ко мне отпускают». – «Ну что же, что меня легко к тебе отпускают, да мне-то это очень трудно делать».

Вот мы с ней вышли уже на улицу. Она быстро-быстро пошла, машет мне рукой, а я вслед ей кричу: «Я хочу, хочу,

чтобы ты пришла». – «Не обещаю, – отвечает она, – пойми же ты, Тоня, как мне это трудно делать».

Тут я проснулась, сердце сильно билось, волосы перебирались на голове, и такое было ощущение, что она была здесь. И я больше не могла заснуть.

Сон шестой

Иду я по проселочной дороге. Вдруг вижу – догоняет меня Маруся. Она такая радостная и говорит: «Послушай, Тоня, я узнала, что у тебя очень большой запас круп. Ты дай мне хотя бы немного из твоего запаса. Я уж много-то не прошу, а то мне еще один месяц осталось там жить, и мне очень нужно, а то я сейчас везде ходила, ходила и ничего не могла нигде для себя достать». (У меня в это время было в запасе килограмм пять гречневых круп, и я подумала, что она говорит мне об этом запасе).

Я смотрю на нее и говорю: «Ишь ты какая, Машенька, мало ли у меня что есть, да не про твою, Машенька, честь. А потом, скажи, пожалуйста, что это ты повадилась к одной ко мне попрошайничать-то ходить. Как в нужде, так ко мне, а когда была в довольстве, тогда и Тошенька не нужна была, и всячески ругала меня – и такая, и сякая, и видеть не хотела?»

Она вдруг остановилась, опустила голову на грудь и печальная-печальная такая сделалась. Вся радость исчезла с ее лица. Мне так жаль сделалось ее. Я подошла к ней, взяла ее за подбородок, притянула к себе и говорю: «Ну-ну, ты уж не очень-то огорчайся, что я тебя немного пожурила, ведь я шутя. Ты думаешь, мне что-нибудь жаль для тебя? Нет, мне не жаль, возьми, сколько тебе нужно. Возьми кило; если мало, два возьми, а то килограмм-то на месяц мало. Ведь месяц, говоришь, осталось?» – «Да, – отвечает, – месяц». – «А как же ты говоришь, что везде была и ничего не могла для себя достать? Если ты гречневых круп искала, так ведь их сейчас где угодно можно найти, их свободно продают, как же ты не нашла? Приходи к нам на Мясницкую – у нас всегда продают гречневую крупу».

– Нет, – говорит, – Тоня, ты мне из своего запаса дай.

– Из своего-то я тебе дам, возьми пожалуйста. И она скрылась.

Я проснулась и думаю: нет, видно не об этом земном запасе она мне говорила и не этих круп просила, а в других крупах нуждается она теперь, и ровно месяц остался ей до полгода, а через месяц, видно, ее переведут в другие обители.

Сон седьмой

19 августа ст.ст. 1939 г. Марусе был год после ее смерти, а первого сентября ст.ст. я видела ее во сне.

Стою я на паперти незнакомого мне храма. Рядом со мною стоят: Маруся, ее сестра В., ее мама и ее знакомая В.А. И все мы хотим идти к ней на могилку.

Маруся мне говорит: «Тоня, как бы мне хотелось поговорить с тобой одной, многое нужно бы мне тебе сказать. Жаль, что ты не одна, ведь В. будет нам мешать. Я при ней не смогу всего тебе сказать, а если ей сказать, чтобы она шла сзади нас, так ведь она обидится». Потом говорит мне: «Поди, Тоня, в храм, приложишься к образам, а мы тебя подождем». Я вхожу в храм. Он полон народа; из алтаря выходят два иеромонаха, одеты во все черное, а сзади них идет игумен в черной мантии с посохом в руках. Все трое подходят к большому образу Божией Матери и начинают класть поклоны перед Ней, как бы о чем-то прося Ее.

Вдруг по всему храму раздается громкий голос, повелевающий сделать сбор на Красный Крест, и вот идут с тарелкой, к которой прикреплена дощечка, на которой нарисован большой красный крест. Я тоже достала кошелек и положила все, что было мелких денег.

Иду обратно на папертъ, подхожу к Марусе. Она грустная-грустная смотрит на меня, и мы пошли. Я ее начала спрашивать: «Скажи, Маруся, как ты живешь?» Она начала мне рассказывать: «До шести недель я была в полумрачном месте. После шести недель меня перевели в более светлое место. Там я была до полгода. После же полгода опять перевели. А вот теперь после года меня перевели в еще более светлое место».

– Маруся, спрашиваю ее, – кто же тебя переводил?

– За мной приходил мой Ангел-хранитель.

– А что же тебе помогло переходить из одного места в другое? Она отвечает: «Молитвы и милостыня живущих на земле».

«Как раз, Маруся, – говорю я ей, – я и старалась больше подавать за тебя милостыни».

На этом я проснулась.

Сон восьмой

1942 г., 5 октября, в день Московских Святителей Петра, Алексия, Ионы, Филиппа и Ермогена, – я опять видела во сне Марусю.

Вижу, что нахожусь в своей комнате, стою около стола. Вдруг открывается дверь и поспешно входит Маруся с распущенными волосами в белом платье. Я бросаюсь к ней и говорю: «Маруся, наконец-то я тебя вижу в белом платье». Она отстраняет меня и говорит: «Не мешай, подожди!»

Я говорю: «Что же ты даже и говорить со мной не хочешь?»

Она молча подходит к кровати, влезает на колени на кровать, показывает мне рукой на картину, которая у меня висит над кроватью. На этой картине изображено восхождение человека в Царство Небесное. Изображено так: высокая и узкая скала, вся устланная терновником. Ангел ведет за руку человека по этому терновнику и указывает рукой вверх, где изображен крест, а кругом разлито сияние.

И вот Маруся, указывая мне на эту картину, говорит: «А по краям этого пути должны лежать цветы добродетелей, а у меня их нет», – и она горько заплакала, – села мне на руки, крепко обняла меня за шею, стала целовать меня в щеки, в глаза, в лоб, и говорит: «Большое тебе, Тоня, спасибо, ты мне много помогла».

Я ее спрашиваю: «Хорошо ли тебе, Маруся?»

Она отвечает: «Мне плохо, помоги мне, моя родная Тошенька, дай мне цветов добродетелей», – и опять горько заплакала.

Я тогда говорю ей: «Маруся, как же ты все время говорила, что тебе хорошо, чтобы я о тебе не беспокоилась, а теперь вдруг говоришь, что тебе плохо?»

«Да, Тоня, – отвечает мне Маруся, – по состоянию моей души мне хорошо, но сейчас я узнала, что такое хорошо и где хорошо, но у меня нет цветов добродетелей и мне туда не пройти, но я тебя очень прошу, Тонечка, дай мне этих цветов добродетелей и помоги мне».

Я говорю: «Хорошо, Маруся, я тебе помогу».

Она опять стала меня целовать и благодарить.

«Спасибо, Тоня, я знала, что ты мне не откажешь, поэтому вот опять пришла просить тебя».

Я говорю ей: «Маруся, я уже говорила тебе, чтобы ты узнала там, – может быть, у меня и есть какие-либо добродетели, чтобы ты часть из них взяла себе».

Она молча низко опустила голову.

«Почему же ты мне не отвечаешь, или нельзя этого сделать?» На этом я проснулась. Время было без четверти двенадцать часов.

Антонина ВОЛКОВА

Публикуются по машинописи из архива Е.В.Апушкиной под названием «Мои воспоминания», «Воспоминания А.М.В.», «Мои сны о Марусе». Частично, без обозначения автора, фрагмент воспоминаний опубликован в кн. «Московский Батюшка» (С.74–78).

Автор воспоминаний – Антонина Михайловна Волкова (28.2.1898 – ?) – духовная дочь епископа Арсения (Жадановского) и о. Алексия Мечева. На квартире А.М.Волковой Батюшка часто встречался с «чудовскими» – прихожанами закрытого Чудова монастыря в Кремле.

Дар слезный

Я много лет жил в Петрограде в такое время, когда этот город был особенно полон славой имени Кронштадтского светильника.

О.Иоанн часто приезжал туда, разговоры о нем слышались везде и постоянно, и одни произносили имя его с любовью, другие, наоборот, с каким-то непонятным для меня недоброжелательством, доходившим до ожесточения. Сам я относился к нему с благоговейным чувством, но обстоятельства складывались так, что встречаться с ним не приходилось. Когда он скончался, для меня особенно горестно было сознание, что ни разу не удалось мне его видеть. Великий праведник просиял над Русской землей, как молния, прошел, почти задевая меня плечом, а я его не видел. Не буду говорить, какие из этого я делал заключения, но искание праведника, современного, живого, а не вычитанного из книг, трепетало во мне. И вот, совершенно непредвиденным для меня образом, я не только нашел на земле праведника, но по воле Божией даже имел некоторое общение с ним. И это случилось в такое время, когда праведность была в посмеянии, а религиозное чувство оплевывалось и заглушалось.

Произошло это так. Когда за первыми взрывами революции последовали всем известные превратности, я приехал в Москву и, вопреки моему желанию, оказался прикованным к ней. Тут я около года не имел духовного пристанища, не находил храма, в котором небо было бы ближе к душе, чем земля. Отца Алексея я совершенно не знал и ничего о нем не слыхал. Как человек новый в Москве, я не мог сразу ориентироваться среди многочисленных ее храмов. На Маросейку я попал не помню при каких обстоятельствах, но раз оказавшись здесь, уже не мог с нею расстаться.

В первое время отец Алексей представлялся мне самым обыкновенным священником – так было в нем все просто, незатейливо, скромно, без всяких эффектов. Эта простота и скромность настолько отодвигала отца Алексея на второй план,

что, в сущности, я его почти не замечал и не старался даже приглядываться к нему. Уже самая церковь, в которой он священствовал, маленькая, небогатая, казалась каким-то захолустьем среди роскошных храмов первопрестольной. Что можно было встретить в ней необыкновенного, замечательного, яркого? Однако о. Алексей заставил меня обратить на него самое пристальное внимание, именно заставил – я не могу здесь употребить другого слова. Случилось это вскоре после того, как я начал посещать церковь в Кленниках.

По окончании обедни о. Алексей стоял на амвоне с крестом, а молящиеся прикладывались к нему. Я тоже приложился и хотел отойти, но о. Алексей вдруг быстро и так сильно ударил меня по плечу, что я вздрогнул и взглянул на него: лицо и выражение его глаз было какое-то особенное, строгое, хотя и не сердитое; он громко, не улыбаясь, спросил: «Ты, кажется, нервный». Я был озадачен, и какие-то странные, смутные чувства всколыхнулись во мне.

В следующее воскресенье произошло совершенно то же самое: тот же удар по плечу, тот же вопрос, – но впечатление на этот раз осталось во мне весьма сильное и определенное, впечатление, что это не простой священник, что это человек, носящий в своей душе тайны Божии: было что-то в духовном смысле поразительное, необыкновенное, я бы даже сказал – свышечеловеческое, в его лице, в его глазах в тот момент. В трепете, в каком-то таинственном страхе отошел я от него. Душа моя была потрясена и обратилась к нему, стала внимать ему и искать в нем не того, что извне принадлежало ему, а того, что связано было с наиболее интимными сторонами его духа, обращенного к безпредельному Свету. Это именно он сам толкнул меня глядеть на него не внешними, телесными глазами, а теми, другими глазами, которыми мы смотрим на небеса. Постепенно в нем стала открываться одна сторона за другой, пока, наконец, он не достиг размеров величественного образа в моей душе. Какие же необыкновенные черты нашел я в нем...

Прежде всего поразила меня в нем черта – это дар слез. До этого времени я не видел священника, который бы проливал слезы за богослужением, во время проповеди или во время

беседы. Приходилось слышать священников, которые служили или проповедывали с чувством, с горячностью, даже с тем, что можно назвать вдохновением. Но я ни разу не видел священника, который плакал бы и иногда рыдал бы в церкви так, как это часто случалось с о. Алексеем. И для человека, лишенного духовного разумения, казалось бы, что тут такого, что могло бы вызвать слезы, если произносятся, например, слова: «Сие есть Тело Мое» или «Сия есть Кровь Моя». Слова эти произносятся за каждой Литургией и с обычной точки зрения должны были бы стать привычными, так что священник не может произносить их иначе как машинально, без всякого чувства. Между тем, иногда, о. Алексей произносил эти слова так, что там, вне алтаря, в глубине церкви, слышно было по его голосу, что он плачет. Или вот эти покаянные вздохи великого канона св. Андрея Критского: когда мы их слышим в церкви, то хорошо, если они передаются читающим с достаточным проникновением, с искренним порывом сердца; обычно же стараются прочитать их кое-как, скороговоркой, с запинками, без всякого выражения, как устарелое, мало понятное для современного человека писание.

То ли было у о. Алексея? Нет, он не просто читал, он произносил, как свои слова, эти покаянные тропари, он вкладывал в них сердце; не языком, а душой своей он вслух всех молящихся высказывал эти мольбы грешника о помиловании, – и слезы звучали в его голосе и слезы текли по его лицу. А во время его бесед и проповедей – сколько раз мы видели его плачущим. И это не всегда были тихие молчаливые слезы – иногда его слезы переходили в сдержанные рыдания. И особенно трогательно было слушать, когда он говорил о милосердии Божию, о любви Отца нашего Небесного к падшему, немощному, слабому человеку, к кающемуся грешнику; при этом о. Алексей всегда подчеркивал, что Бог относится «к тебе, человек, как любвеобильный Отец к сыну». Тогда отец Алексей размягчался; дрогнет бывало его голос, зазвучит так тепло и задушевно – а на глазах уже слезы.

О. Алексей сам отмечал у себя эту особенность и обращал на нее наше внимание. «Я богат слезами», – говорил он иногда.

Теперь, когда образ его стал уже отдаляться от нас дымкой времени, нам следует осмыслить, в чем заключалось это богатство, которое он собирал годами и которым, не замечая того, мы пользуемся до сих пор. Что же мы почерпали и должны почерпать в этих слезах его? Обыкновенно люди плачут или от горя или от радости. В слезах отца Алексея не чувствовалось ничего земного. Слезы эти были свидетельством о той стороне жизни о. Алексея, которую он проводил одиноко перед Богом, о той, которую он старательно укрывал от постороннего взора. В этих слезах, в этом сладостном томлении, которым вспыхивал он при имени Божиим, так странно и так отчетливо чувствовалось внимательному сердцу прежде всего то, что душа о. Алексея была чиста, как снежинка, без малейшего налета земного праха, как душа младенца. Видишь, бывало, слезы о. Алексея и думаешь: какая у него должна быть духовная сердечная близость к Богу, непосредственность в общении с Ним, как он, должно быть, далек от всего земного, – да и вообще от всего другого, кроме Бога, для того, чтобы обладать такою чуткостью к Нему; какая же у него должна быть безгрешная душа для того, чтобы в ней горела эта постоянная привязанность, эта глубокая нежность к Отцу Небесному. Кто может обладать этими качествами, чей дух способен проникать через завесу, отделяющую нас от Бога. Это свойство тех, о которых Господь наш Спаситель сказал: «Блаженны чистии сердцем яко тии Бога узрят». Когда мы читаем и слушаем эти божественные слова, то, конечно, мы их не понимаем во всей полноте. Мы думаем, что чистые сердцем увидят Бога в будущей жизни. Это, разумеется, правда, но не вся правда. Вот о. Алексей этими слезами, которые он так обильно и сладостно проливал при имени Божиим, наставляет нас, что чистое сердце уже теперь, уже здесь на земле, находясь в этой грубой, тяжелой задебелевшей храмине, видит Бога, обращено к Нему всей полнотой своих чувств, находится с Ним в самом тесном, интимном общении. И, конечно, только чистому сердцу свойственно и доступно это непосредственное лицезрение Бога, как говорит пророк: «Выну предзрех Господа предо мною». Не может сердце, омраченное житейскими привязанностями,

страстными вожделениями, а тем более грубыми пороками, созерцать Бога. И это понятно, потому, что глаза такого сердца смотрят совсем в другую сторону. А сердце, очищенное от житейской плесени, от ядовитых порослей греха, куда может смотреть, как только к Богу, только к Тому, Кто служит его просвещением и освящением. Вот почему псалмопевец взывает: «Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей».

Будем и мы непрестанно вздыхать об этом, будем искать чистоты сердечной: «очистим чувства и узрим в неприступном свете Христа блистающих», узрим не когда-нибудь, а именно еще здесь, еще не выступая из земных граней. Отец Алексей служит нам примером в этом. Он явил нам высокий образец чистоты сердечной. Этот пример он показал с чрезвычайной выпуклостью, – и, нужно сказать, что, когда проливались его безгрешные слезы, когда доходил до нашего сердца его голос, весь проникнутый, насыщенный чудным божественным волнением, то оно невольно, независимо от нашего желания, просвещалось, умилялось, приобщалось к тем же чистым сияниям, которыми так могущественно было охвачено сердце отца Алексея. Бледнели и блекли наши вожделения, свирепость наших страстей умягчалась – и мы, как-то безсознательно, незаметно для самих себя перевоспитывались, преображались, перерождались духовно. Не будь мы в тот момент около о. Алексея, он пропал бы для нас, этот момент, на постройку нашей души никто бы не положил этого нового кирпичика благодати, – быть может, случилось бы наоборот, мы разорили бы нашу душу, потеряли бы и те кирпичи, которые уже были там положены.

И как должны мы благодарить Господа, что даровал Он нам, грешным и омраченным «суетными привержениями», находиться под чудным водительством этого незабвенного благодатного старца. Его дух золотым дождем изливается на наши сердца, как бы на злаки пыльной долины. Если мы были хоть немного чутки сердцем, если мы искренне искали Бога, если мы имели нелицемерное желание ставить на первый план своей жизни духовные интересы, то всеконечно мы не могли не

подвергнуться благотворному воспитательному влиянию о. Алексея, хотя бы сознательно, намеренно к этому и не стремились. Это должно было произойти естественно и необходимо, ибо не мог свет духовный, которым сиял он во все стороны, не озарять потемок и нашей души.

Горе нам, если этого не произошло, если мы не выросли духовно хотя бы немного, если слезы о. Алексея прошли мимо нашего сознания так же, как и всякие другие слезы, которые мы часто видим вокруг нас. Вот как поучительны для нас слезы о. Алексея. Счастье наше, великое счастье, что мы их видели, в особенности, если они были благотворны для нашей души, как роса небесная... Прав был о. Алексей, когда говорил: «Я богат слезами». Это было действительно огромное богатство, и не только его, но и наше.

Другая черта, которая бросалась в глаза в личности о. Алексея, была его необыкновенная поразительная простота и скромность. Мы никогда не видели его надменным, высокомерным, не слышали гордых слов, которые исходили бы от него; он не стремился выдвинуться в каком-либо отношении. Он был непосредственно прост, скромен, непритязателен, не только в словах и поступках, но даже и в одежде. Он не старался обращать на себя внимание, проходил жизненное поприще человеком незаметным, держался в тени. Он не окружал себя пышностью, не держал себя с важностью, не требовал каких-либо знаков особого почтения и поклонения, хотя тысячи людей, живущих под его духовным руководством, относились к нему с полной любовью и уважением. Многих эта внешняя простота и безыскусственность отца Алексея соблазняла и отталкивала. Присматриваясь к нему, конечно только с этой внешней стороны, они уничижали его, высказывались о нем со снисходительной сдержанностью или с открытым пренебрежением. Случалось, например, слышать такие отзывы: «Удивительно, как это в Москве, да еще в церкви на одной из центральных улиц мог сохраниться такой священник. Это совсем не городской, это – типичный сельский священник». Так судят люди мира сего, которым доступны только внешние эффекты. И эти люди, составляя себе представление об отце Алексее по некоторым его чертам, не умели ближе подойти к нему и уловить в нем хотя бы небольшую часть того, что так выразительно било в глаза из-под этой скромной, незначительной внешности. Если бы они могли это сделать, если бы обратили внимание не на наружность о. Алексея, а на его внутренний образ, на того духовного человека, которого он так заботливо укрывал скромной внешностью, то увидели бы у о. Алексея одно из самых необыкновенных, одно из самых редких и чудесных на земле свойств духа; это свойство носит название смирения.

Что же такое смирение? Определение этого свойства нужно искать только у св.Отцов Церкви и подвижников, которые глубоко проникли опытом познания в движение человеческого духа под действием божественной благодати.

Как указывает св. авва Великий Антоний: «Смирение есть ни что иное, как чтоб всех людей почитать лучшими себя, а себя не считать даже чем-либо». Вот какая глубина самоуничтожения нужна для того, чтобы достигнуть смирения: считать всякого человека, к которому ты приходишь, высшим по сравнению с собою, а себя считать за ничто. И это нужно не только держать в уме, иметь в мыслях, нет, – Св.Антоний добавляет: будь во всем смирен: в осанке, в одежде, в сидении, в стоянии, в походке и т.д.; даже более того: «Если станут хвалить тебя за дела твои, не радуйся тому и не услаждайся тем, утаивай их сколько можешь». Вот общие указания о том, что такое смирение и в чем оно выражается: с внутренней стороны – это настроение, определенный уклад мыслей и чувств, выражающийся в неизменной склонности считать себя за ничто, считать себя последним среди людей; с внешней – такой способ держать себя, чтобы окружающие имели полное основание признать тебя самым незаметным и незначительным человеком. Блаженный авва Антоний Великий, между прочим, говорил: «Возлюби смирение и оно покроет все грехи твои». Человек, достигший этого дивного духовного состояния, есть, следовательно, безгрешный, святой человек. Он преодолел закон греха и смерти, царствующие в этом мире.

Но действительно ли были в личности о. Алексея черты смирения? Внешние чувства, обнаруживавшиеся «в осанке, в походке, в одежде» и т.д., как уже было сказано, настолько определено и сильно были выражены, что люди, охватывавшие только внешнее, унижали о. Алексея за них. Что касается внутренних признаков, то мы лишены возможности сказать в этом отношении что-либо столь же непосредственно очевидное, как это было сделано о внешних. Однако у нас имеются некоторые указания, почерпнутые из оброненных им самим замечаний, о его переживаниях. Так, года два-три тому назад, когда отцом Алексеем была получена от Святейшего

Патриарха грамота с выражением благоволения ввиду исполнившегося 40-летия служения о. Алексея у престола Божия, покойный Батюшка был глубоко расстроен этим знаком высокой милости со стороны Первоверховного Русской Православной Церкви, проливал обильные слезы за молебном, отслуженным по этому случаю, произнес слово, в котором называл себя «недостойным» оказанной ему милости. И это произнесенное им слово недостойности высказывалось со слезами, почти с рыданием и таким тоном, что не оставалось никакого сомнения в полной искренности его и чистосердечности. Казалось очевидным, что он высказывает то, что в действительности думает о себе.

Затем, я помню, на меня произвело какое-то странное, жуткое впечатление то, что о. Алексей во время проповедей и бесед говорил о своем ничтожестве или называл себя «убогим». Этот отзыв о самом себе не как простая фраза, нет, он произносился так откровенно и чистосердечно и с таким убеждением, что у слушающего сердце сжималось от жалости к нему. На мгновение охватывало такое настроение, что, казалось и в самом деле действительность отвечает этим словам. Но в то же самое время с каким-то страхом чувствовалось, что произнесение их соответствовало высокой духовной настроенности и мужеству, – качествах совсем не свойственных обыкновенному человеку. В воображении вставал незабвенный образ преподобного отца нашего Серафима, который в беседах с приходившими к нему постоянно называл себя «убогим Серафимом». И думалось, до какого глубокого смирения, до какого самоуничижения должен был дойти человек для того, чтобы так просто, так открыто, и не смущаясь множества слушающих, высказывать крайне пренебрежительное мнение о самом себе.

Особенно поражал в этом случае резкий контраст, в котором действия о. Алексея находились с действиями, усвоенными окружающей средой. Ведь обычно-то мы что делаем? Не только все делаем на показ, стараемся так или иначе блеснуть теми или иными талантами, похвальными качествами и вообще чем бы то ни было, но в особенности

хвалимся и рисуемся на словах. Тщеславие в той или иной форме есть несомненно одна из основных движущих пружин нашего поведения. Даже тогда, когда мы остаемся самими собою, с глазу на глаз перед собственной совестью, даже и тогда мы не умеем по-настоящему, искренне признаться в своем ничтожестве и убожестве. Наоборот, если и приходит к нам это сознание, это чувство, мы торопимся затушевать его, отделаться от него, нередко при этом фантазируем, открывая в себе какие-либо достоинства и способности, которых в действительности совсем нет, и таким образом подбадриваем свое тщеславие, вместо того, чтобы углублять сознание своего действительного убожества. На это последнее у нас не хватает мужества, нет силы воли, – даже больше – мы на такой низкой ступени духовного развития находимся, так далеки от пути Божия, что просто не сознаем того, как нам необходимо это постоянное и чистосердечное самоуничижение, постоянное отодвигание себя на второй план, постоянное охаивание, поранение и биение своего самолюбия. А вот есть избранники Божии, которые не только все это понимают, но проводят на каждом шагу своей жизни. К числу их принадлежал, несомненно, и отец Алексей.

Однако, спрашивается, какую же цену приобретается смирение, это столь редкое, можно сказать, противоестественное для человека свойство. Очень важные последствия вытекают из смиренного настроения и смиренного поведения. Прежде всего, человек, ставший на путь смирения, фактически по своей уступчивости, непротивительности, всегда будет в так называемой «борьбе за существование» на втором плане, в тени, в хвосте жизни; его будут затирать, забивать подальше, куда-нибудь в угол, в щель. Поэтому материальное и нравственное состояние такого человека будет без сомнения тяжким, трудным, неприятным.

Далее, так как по мнению людей мира сего заслуга человека и право его на уважение заключается в том, как ловко он умеет своим плечом расталкивать себе дорогу в жизни, как безцеремонно командует другими, пускает пыль в глаза, заставляет служить своим целям, извлекает из них для себя

пользу, – то ясно, что тот, кто поставил себе в жизни задачу обратного свойства, кто решил идти против общего течения и неуклонно осуществляет это решение безповоротно и неуклонно, такой человек не может рассчитывать на уважительное к себе отношение и среди людей мира сего.

Вот он не вырвал своей выгоды у ближнего, и о нем стали отзываться, что это, разумеется, человек глупый, не понимающий собственной пользы; он оказал ближнему помощь, а этот ближний, как нередко случается, соображает: «ого, его можно пососать» – и начинает злоупотреблять его добротой и т.д.; с ним никто не считается, он никому не нужен, он «лишний на пиру природы». Если мы вспомним при этом, что праведник вообще «не отверзает уст своих и яко овча пред стригущим его безгласен», то должны будем признать, что у людей мира сего есть много средств отягчить положение праведника до самой крайней степени. Как известно, около о. Иоанна Кронштадтского «работали» целые шайки темных субъектов, которые специализировались на эксплуатации самыми разнообразными способами его личности и его имени; [прп.] Макарий Египетский в начале своего подвижничества подвергался тяжелым физическим и нравственным унижениям без всякого повода с его стороны; св.Алексий, человек Божий, терпел всякие обиды в собственном доме и т.д.

Таким образом, путь смирения есть прежде всего тяжелый, мучительный путь; это – Голгофская жертва, приносимая годами, а иногда и десятками лет. Путь смирения есть путь великого и страшного по своей тяжести подвига, так как он осуществляется незаметно, тихо, в безмолвии. Вот почему это свойство духа мы находим только у подвижников, которые приобретали его путем упорной, многолетней борьбы, путем, следовательно, подвига, ничем не уступающего по трудности другим видам подвигов, в особенности если этот подвиг совершается в условиях нашей мирной жизни. Обратно – для того, чтобы выработать и сохранить в себе свойство смирения, нужно быть подвижником. И таким подвижником, без всякого сомнения, был наш чудный, чистый, лучезарный о. Алексей. Таким образом, скромная внешность о. Алексея, которая

поражала многих, как его недостаток, в действительности служила лучшим показателем его принадлежности к числу подвижников, этих избранников Божиих. Он был подвижник в истинном смысле слова, но подвига его никто не видел, и никто не догадывался, что он несет подвиг.

Всем известно, какая добрая душа была у о. Алексея, сколько в ней было нежной женской мягкости, теплоты и удивительной радостности, этого чудесного, праздничного, пасхального настроения. По-видимому, он был постоянно радостен, и какая это была благоуханная радость. Вот – точно вы подошли к красивому цветку, вдохнули в себя какой-то чудный, благоговейный аромат и замечаете, как сразу окаменелое сердце ваше растаяло, с души свалилось все то трудное, нехорошее и обременительное, что давило ее и вам дышится уже легко, и к людям вы уже относитесь теплее и мир в глазах ваших стал, как будто, светлее и чище. Да и нельзя было смотреть на отца Алексея и не просветлеть душою, не улыбнуться вместе с ним, не усмехнуться его усмешкой. Он имел необыкновенный дар внушить своему собеседнику ту радость, которою сам светился и благоухал. Всякого обращавшегося к нему он встречал с улыбкой на лице, с лаской в добрых пронизательных глазах и непременно бросал собеседнику что-нибудь веселое, греющее, бодрящее. Когда к нему на квартиру приходили люди, отягченные грехом, обремененные неудачами, забитые и запуганные жизнью, он говорил: «Все, что ты принес с собою, отдай мне, оставь в моей комнате, забудь обо всем». И ведь удивительно то, что в самом деле мы уходили от него налегке, утешенные, умиленные, с радостными слезами, а наш ужас, наша нечистота, наши пороки, наше горе и несчастья, в какой огромной части действительно оставались у него.

Какою силою совершал он это чудо, в какое хранилище запирал наш духовный позор и наши бремена – и что сделал с ними, мы, ведь, не знали и не интересовались знать. Нам было достаточно того, что о. Алексей заступился за нас, заслони нас собою от ужасов жизни.

Между тем, мы приносили к нему только зло, и это зло ранило его душу скорбью.

Его отзывчивое, любящее сердце не только сострадало нам в наших несчастьях и испытаниях, но несомненно и болело.

Публикуется впервые по машинописи из архива Е.В.Апушкиной под условным названием «Я много лет жил в Петрограде...» (по первым словам воспоминаний)

Воспоминания Феодоры

Много чудесного видела я от Батюшки отца Алексея.

Рано-ранехонько осталась я сиротою. С девяти лет по людям ходила. И ни от кого-то никакой ласки не видела, только что от одного своего Батюшки дорогого. Как, бывало, утешит, приласкает, словно отец родной. Идешь к нему, как к простому, всю ту грусть ему несешь, а от него – словно как на крылышках летишь. Была я очень больная, только что на ногах держалась: три болезни разом имела. Пришла к Батюшке первый раз исповедываться, подхожу, а Батюшка меня спрашивает:

– Как зовут-то тебя?

– Батюшка, дорогой, Федора.

Ушел Батюшка в алтарь и долго не приходил. Пришел и опять повторяет:

– Ну, как же зовут-то тебя?

– Федора, Батюшка, дорогой.

Накрыл меня епитрахилью и вот все по голове гладит, а голова-то у меня больная была, а сам приговаривает:

– Какое имя-то у тебя хорошее! Федора! Ах, какое имя хорошее!

– Батюшка, дорогой, все в монастырь собираюсь, а все не иду.

– Ну, Федора, мы с тобой больные, у нас с тобой свой монастырь будет.

– Батюшка, дорогой, что же мне – лечиться?

– Причащайся чаще.

И, правда, стала я ходить к Батюшке, стала причащаться, стала и поправляться.

Все, бывало, у меня внутри тряслось: кто что мне скажет, а я переносить не могу, а Батюшка мне:

– Ну, Федора, ты нервная.

Слава Тебе, Господи, по молитве Батюшкиной много мне полегчало.

– Батюшка, дорогой, молиться ленюсь.

– Ой, Федора, без молитвы погибнешь. Ты у меня хорошая должна быть.

И становится стыдно, что с собой не справляешься.

– Батюшка дорогой, не грешно ли собороваться часто?

– А грешить-то не грешно? Небось не боишься, а каяться боишься. Ведь это врачество. Как вы к доктору-то ходите? А ведь это доктор духовный. Душу и тело исцеляет.

Чего-то, чего сатана не навлечет на тебя... Придешь, бывало, к Батюшке, а он скажет:

– Что ты все рассеиваешься, да в голову вбираешь, что не надо. Вот тебя все и будут обижать. Кто тебя обижает? Никто не обижает.

Поссорюсь со своей товаркой, приду к Батюшке на исповедь, а он-то все мои грехи переберет, да и скажет:

– Ссориться не надо, не к тому мы с тобой призваны: благовестниками должны мы с тобой быть. А судья всем – Один Бог.

– Батюшка, дорогой, ведь вот, мол, она мне нехорошее-то слово скажет, а ведь я-то больная.

– Знаю, Федора, – больные мы с тобой, очень больные, а и большее нас есть.

Дыбом бывало встают на меня служащие, что я к Батюшке хожу: «Что ты бегаешь, да землю топчешь? Еще ты за нее ответишь!» А я приду к нему: «Батюшка, дорогой, знать у меня добрых дел-то нету».

А он посмеется, да и скажет:

– Какие тебе добрые дела? Живешь трудом, ходила и ходи. Враг тебя смущает. Не терпишь ты, они и встают против тебя. А ты терпи и молчи.

А то бывало только помыслишь: «Что это Батюшка так долго с другими занимается, а тебе: «Словом, делом и помышлением»... Верно я такая великогрешница. А он обернется, засмеется да и скажет:

– Вот она великая грешница-то идет, Федора-то моя.

Бывало хочу ему пожалиться:

– Батюшка дорогой, как тяжело жить!

– У, Федора, лучше нас с тобой никто не живет, от нас все скорби взяты, а у других-то – скорби, скорби...

– Батюшка дорогой, работы много.

– Вот ты молодая, да «работы много», а я стар да работаю, не жалуясь.

Взяла я как-то яблочко, не спросив, у заведующей, а он смеется:

– Ну, Федора, ты у меня как дитя.

Стали у нас всех в школе рассчитывать, и до меня дело доходило. А я к Батюшке:

– Всех рассчитывают. Как благословите? Другое место искать?

– Ну, Федора, я помолюсь, тебе и будет местечко маленькое. А я как что, опять к нему бегу. А он мне:

– Живи, живи, Федора. Подожди, еще пенсию будешь получать. Так по его молитве и удержалась. Заболела у нас в школе кухарка, меня вместо нее и поставили.

– Батюшка дорогой, – говорю ему, – в церковь-то мне теперь некогда ходить.

– Ну, Федора, самое счастье теперь кухаркой-то быть. Да ты на время...

И правда, немного пришлось мне быть в этой должности – сменили меня.

Умерла у меня сноха. Осталось трое сирот. Старший-то сын женился, сам ушел в солдаты, а жену оставил в деревне с сиротами. Вот однажды они мне и пишут: «Тетя, возьми ты нас к себе. Мы очень голодуем». А у нас в то время школьная столовая была: детей кормили, так что всего вдоволь было. А я так себе рассудила: «Ай мне их взять? Кормить-то ведь есть чем». Пошла я к Батюшке:

– Батюшка дорогой, племянники ко мне просят.

– Боже тебя спаси, Федора, не бери, – попадут в плохую компанию и тебя сгубят.

– Да ведь, Батюшка, они голодают.

– Говорю тебе, Федора, не бери. Отчего сирот не взять, отчего не воспитать? Лучше монастырь не строить, а сирот взять. Но только этих сирот не тронь.

Что же? Этим же годом девочка померла, а после и мальчик помер.

Крестник у меня был жизни распутной. Задумал он как-то в деревню ехать, пришел ко мне за деньгами. Мало пришлось мне ему дать. А он: «Пойду я сейчас под машину лягу!» Вот как напугал меня. Побежала я к своему Батюшке.

– Батюшка дорогой, племянник-то мой пошел под машину ложиться!

– Ну, Федора, ничего не сделает он, только попугает. Как зовут-то его?

Он же мне шлет письмо из деревни: «Пришли, крестная, денег, хочу жениться». А я себе в уме думаю: «Пусть заработает, а потом женится».

Прихожу к Батюшке, а он все-то эти мысли мои, что на уме-то держала, и рассказывает:

– Ты, говорит, – напиши ему: пусть заработает и женится. Померла моя сноха. Осталось у нее мое добришко. Поехала я за ним в деревню, а племянник и до сундука меня не допустил. Поскандалили мы с ним, поскандалили, так и уехала я ни с чем.

Год прошел после этого, я и спрашиваю у Батюшки:

– В отпуск еду. Как благословите – в деревню?

– Что ты, Федора, опять скандалить поедешь?

А ведь я ему об этом самом ни одного словечка не сказала, – сам все мои поступки признал.

Родила у меня племянница сына, а замуж-то ее не взяли. Я Батюшке и рассказываю:

– Батюшка дорогой, вот какой случай с племянницей-то! А я, мол, ей советую: «Отдай ребенка-то ему, коль он тебя не берет!»

Засмеялся Батюшка:

– Тетка ты, тетка, а совет твой не теткин. Авось она не кошка, а мать ребенку. А лучше поезжай, да уговори его.

А то вот тоже приехала ко мне племянница из деревни и говорит: «Тетя, мы хотим уезжать от голоду. Отец-то, говорит, наперед поехал поразыскать, где жить».

А я ей: «Пойдем-ка я тебя к Батюшке сведу».

– Куда вы поедете? Там уже полуголод, а потом и вовсе будет голод. Кто от голода уезжает, тот голодом и умирает, кто от мора уезжает, тот мором умирает. Не троньтесь с места.

И действительно верно было слово Батюшки дорогого: кто от нас уехал, тот и помер.

Скажу это я ему бывало просто, а в голову не вбираю, что мудро ответит.

Пение-то – оно дело великое, а человек-то я маленький, малограмотный. Опытом дошла, что в церкви-то петь научилась. Думаю себе: «Что хорошо спою, то от Господа, то сеется, а что плохо – то наше». Верно так Господь вразумляет, гордиться-то и не приходится и о себе понимать.

– Батюшка дорогой, петь хочу.

– Пой, пой, Федора, – ты этим утешаешься.

Выходит Батюшка как-то на амвон и горько-горько плачет, а за ним моя церковь.

– Родители, родители, к чему вы детей своих подготовили? Как с вас Господь спросит. Не то – как вы родили, а как воспитали и к чему приготовили. Горе вам!

Навзрыд плачет Батюшка, – плачем и мы за ним.

Когда, бывало, я помыслю: «Ну – как Батюшка помрет?»... – зайдет мое сердце, а слезы так и льются... Думаю: «Как же я буду без Батюшки жить?» Померла у меня мать, померли братья, а никто не был мне так жалок, как Батюшка дорогой.

В тот самый день, когда пришлось узнать о Батюшкиной смерти, сильно мне недужилось, и ко всенощной не собиралась идти, – и вдруг что-то тяжело помыслила. Скорехонько собралась и поехала. Вхожу в церковь, службы еще нет, – а сестрица мне навстречу: «Входи-входи, Батюшка-то помер!» Так бы, кажется, в голос и крикнула. А мне говорят: «Ишь ты какая, мы бы все так стали кричать, да нешто так можно?» Отстояла всенощную, пришла домой, тут я и наплакалась вволю. Легла спать, – ночито крепко сплю, а тут что-то нет, не спится. Проснулась, вспомню, какое такое горе у меня – Батюшка помер. Слезы так градом и льются, а на сердце радостно. И что такое? Помер Батюшка, а мне вот, что хочешь, радостно и все... И легко я

дошла из дому в тот день, когда Батюшку привозили: словно его как живого к нам везли.

Снится мне сон: лежит Батюшка, покровом покрытый. А я сняла с него воздух, смотрю, а лицо-то у него хорошее, светлое. Встает Батюшка, а я ему и говорю:

– Как жить тяжело без тебя... А он мне в ответ:

– Я вам много раз говорил: не начинай жить сверху, а начни снизу и дойдешь доверху.

– Батюшка дорогой, в церковь мало хожу я.

– Ну, что делать? Больше воздерживайся, терпи.

Царствие Небесное Батюшке дорогому. Собраны мы им не ради почестей, не ради славы, а ради Господа.

Публикуются по машинописи из архива Е.В.Апушкиной.

Рассказы отца Алексия из своего жизненного опыта

Мне приходилось иногда сопровождать отца Алексия в то или иное общество. Везде, где бы он ни находился, он всегда был неутомимым собеседником.

Рассказы его были не на отвлеченные темы, а из его богатого жизненного опыта. Он рассказывал постоянно случаи из своей жизненной практики. Я не помню даже, чтобы он ссылался на святоотеческие источники, приводил отрывки, хотя, без всякого сомнения, творения и жития святых он знал очень хорошо. Многие рассказы его, к сожалению, безследно исчезли из моей памяти, но хочется восстановить то небольшое, что сохранилось.

В 1923 году из заграницы (из Риги), по благословению отца Алексия, приехала к нам в дом моя невеста. Переговорив с родителями, мы решили на мои именины 19 февраля ст.ст., или 6 марта нов.ст. позвать в гости отца Алексия. Это было во вторник третьей седмицы Великого поста. Зная, что о. Алексий постоянно занят приемом у себя на дому сотен посетителей, я не очень надеялся, вернее очень мало надеялся на успех своего дела. Однако, к моему большому счастью, отец Алексий согласился. Мы посадили его за стол. Был, разумеется, пирог, консервы-шпроты и еще что-то. Мама говорит: «Кушайте, Батюшка, здесь все “постное”».

О.Алексий едва прикладывается к чаю, немного ковыряет вилкой в поставленной перед ним тарелочке, отвечает, – хорошо, хорошо, а сам без умолку рассказывает.

Что именно он рассказал в этот раз, а что в другие разы при других случаях, когда я сам был свидетелем его бесед, точно не помню, но это, по-видимому, и не так важно.

Отцу Алексию, как он рассказывал, приходилось бывать у высокопоставленных лиц – князей, княгинь, приходилось бывать очень много и среди простого народа. Одно время его пастырская деятельность протекала среди самых низов общества. Он работал среди обитателей знаменитого «Хитрова

рынка», так хорошо известного всем старым москвичам. Рассказывал он также и о распущенной молодежи, организовавшейся в общество под названием «Огарки».

Во время голода 20-х годов ему пришлось посетить одну больную женщину. Она, кроме всех своих других болезней, страдала также и катаром желудка. Очень убогая комната. Сыро. Холодно. Еду ее составляла мороженая картошка. Сама женщина испытывала удивительное спокойствие духа и мир. Она поправлялась: «Я чувствую благодать Господню». «Вот так благодать Божия посещает в скорбях».

Другой пример. Был человек, занимавший высокое положение в обществе, всего у него было вдоволь, была большая квартира. Каждый сын дочь занимали по отдельной комнате. Отношения с отцом были у всех очень напряженные. Когда обедали, каждый старался смотреть только в свою тарелку и боялся проронить какое-либо слово. Лишь только обед кончился, каждый спешил укрыться в свою «берлогу». Так росла семья без внутреннего между собою взаимопонимания.

Много было семей разбитых. Одна женщина приходит к себе домой. Дверь открывает какая-то женщина. Муж вошедшей стоит тут же и говорит: «Познакомьтесь, это моя новая жена! Ты мне больше не нужна». И таких случаев было множество.

Оказывались лишними не только жены, но и дети. Особенно много таких случаев было в голодные двадцатые годы. Муж с женой решили ехать, вернее бежать от голода, в хлебобродные края, но и там их настигал голод. Так вот муж с женой и детьми вышли из поезда в Саратове, посадили детей в каком-то месте города, сказав, чтобы они ждали их возвращения, а сами поездом поехали дальше. Прошло время голода, и мать в муках отчаяния стала искать своих брошенных детей, но безуспешно.

Не один такой случай был известен отцу Алексию. Он рассказывал о многих аналогичных случаях. Любимой темой его разговора, или душой его рассказа, было: сердечность в людских отношениях. Безсердечие и внешняя сухость даже в малых вещах претили о. Алексию. Он рассказывал, как один немец выпроваживал своих гостей: «Угощение окончено, гости

могут расходиться по домам». Хозяин просто выключил электричество, и гости в потемках разыскивали свои галоши и вещи, собираясь домой.

Однажды отец Алексей был приглашен в общину покойного отца Валентина Амфитеатров²⁵⁸, к его духовным детям. Мне посчастливилось быть вместе с отцом Алексием в этой общине. Собирались в каком-то доме Китай-города, кажется, в Юшковом переулке. Вечер был посвящен памяти и деятельности отца Валентина.

Отец Алексей особо остановился на теме отношения отца Валентина к монашеству. Отец Валентин не считал монашество в настоящее время (то есть это было время начала двадцатого века, до революции) подходящим образом жизни и служения Христу. Его девиз был: «Монашество в миру». Если хочешь работать Христу, то не уходи в монастырь, а организуй подлинно христианскую жизнь в миру. Есть у тебя духовный отец, ты можешь проходить послушание, даже работая где-нибудь на фабрике, заводе или какой-нибудь службе. Ты можешь посвятить себя служению ближним, пребыванию в молитве, хождениям, даже ежедневным, в церковь. Можешь совершать основное делание монахов – проходить умную молитву и откровение помыслов своему духовному отцу. Таковы были в общих чертах воззрения отца Валентина. По-видимому, и Батюшка отец Алексей был в основном с ним согласен, хотя и монашество, как таковое, он не отрицал. Сама же идея о монастыре в миру была общая у этих обоих батюшек.

Отец Алексей считал необходимым всем юношам учиться светским наукам. Он постоянно напоминал о религиозности выдающихся ученых, и желал, чтобы его духовные дети стремились к наукам, а у кого было стремление к искусству, тех благословлял заниматься им. Особенно мне памятен случай, когда он благословлял заниматься игрой на рояле. В годы разрухи, интеллигентского саботажа работы в советских учреждениях, отец Алексей терпеливо разъяснял ошибочность их понимания и призывал честно и добросовестно трудиться²⁵⁹. В двадцатых годах у многих было стремление уехать за границу. Отец Алексей всех предостерегал от такого шага, раскрывал

Библию и показывал место, где говорилось: вы бежите от меча, но меч вас настигнет, бежите от голода, но и он вас настигнет. Нельзя бежать от лица Господня, от гнева Его. Говорили, что едущих он особенно предостерегал от занятий «спасения России»²⁶⁰. Не благословлял он также и бежать от голода на юг России, в Заволжье и другие места. Действительно, те, которые его не послушались, испытали жесточайший голод или даже погибли от него.

Что же касается тех, кто остался в России и не поехал за границу, то им, как и другим русским людям, пришлось вынести общие для всех невзгоды. Многие погибли от ежовско-сталинского террора и ранее. Но они не отказались пить общерусскую чашу горечи, чашу наказания, которую дал Господь. «Мы виноваты, мы согрешили перед Господом, – говорил отец Алексей, – а не кто-то другой».

К отцу Алексию на прием приходило множество людей православных и инославных, верующих и неверующих, было много татар, евреев, коммунистов, ответственных парработников – и это наряду с приемом архиереев!

Всех он согревал любовью своею, вникая во все нужды приходящего. Беседуя с инославными, насколько мне известно от этих людей, он никогда не предлагал им принять Православие, креститься евреям, не давал к этому даже косвенных намеков. Решение у инославных или у некрещеных приходило само собою.

Следует сказать несколько слов и о проповедях и службе в церкви отца Алексия.

Отец Алексей служил сам истово, благоговейно, будучи весь погруженным в молитву. Тем не менее во время службы, даже Литургии, ему приходилось исповедывать, так как было много народа. Исповедывал он быстро, любил и ценил, когда кающийся сам, без вопросов называл свои грехи. Перечисление же грехов по особым трафаретным памяткам он, как мне кажется, не любил, хотя, вероятно, не отрицал их в принципе. Он ценил живое и искреннее осознание своих грехов. Такие памятки о грехах были приняты в монастырях, в том числе и

Оптиной Пустыне, но на Маросейке мне никогда не приходилось о них слышать.

Для разъяснения приведу пример из такой памятки: «Согрешила неблагоговейным хождением в церковь, согрешила, что ходила в нечистоте, с нечистыми мыслями молилась и приходила к причастию, согрешила блудным воззрением и скверными помыслами и т.д.»

Что касается проповедей отца Алексия, то следовало бы ожидать, что он будет рассказывать случаи из своей пастырской практики и будет всюду выводить нравственные заключения. Это было в проповедях, но только отчасти.

Обычно он приносил том Четий Миней на русском языке и читал житие какого-нибудь мученика, именно мученика, а не святого в другом чине: святителя, преподобного, юродивого и т.д.

Он говорил о том, как они страдали, но ведь они такие же люди, как и мы. Вот Тимофей и Мавра, недавно только поженились, а уже Господь призвал Тимофея к мученическому подвигу. Прочитает несколько абзацев и дает комментарии в приложении к современной жизни, о том, как мы должны любить Господа и твердо верить в Него, не взирая на все страдания.

Некоторые догадывались, что темой мученичества на своих проповедях он как бы предсказывал грядущие скорби, которые должны были постигнуть нас. Примечания

Печатается по машинописной копии из архива Е.В.Апушкиной. Автор неизвестен.

«Пастырь добрый». Александра Ярмолович

Часть 1

Молитвами святых отец, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную.

* * *

В Твоем вечном царстве – царстве веры, надежды и любви, – упокой, Господи, душу верного раба Твоего о. Алексея, человека Божия и его св. молитвами прости моя согрешения.

* * *

Родной, дорогой мой старец и батюшка, прости меня, что не писала до сих пор и что осмеливаюсь писать теперь, когда многое из подробностей позабыла.

Яркий след твоего учения остался в душе моей, но иногда не смогу воспроизвести все выражения, все слова твои.

Всякий раз при пении «вечной памяти», особенно в твоей церкви, я даю снова и снова обещание, что хотя подо мной и вокруг меня все рушилось, свято хранить твои заветы. По своему нерадению не выполняю его.

Прости и помоги, дорогой старец и батюшка.

* * *

Мы с мужем лишились всего нашего имущества, лишились единственного сына, замечательного мальчика, как все о нем отзывались; лишились бабушки, которая меня воспитывала и заменяла нам обоим мать. Внешние условия жизни были очень трудные, и я, придя в отчаянье, что все кругом рушится, стала искать такой жизни, которая дала бы нам покой, радость, и которую никто бы не мог у нас отнять.

Я слышала не раз от бабушки про какую-то духовную жизнь и про святых, но оставляла это все всегда без внимания, теперь же решила посмотреть, что эта жизнь из себя представляет, и начала с жадностью читать без всякой системы и как попало французские и русские духовные книги. Меня интересовало в них только одно: действительно ли эта жизнь дает радость и тишину, которых никто отнять не сможет. Каким путем это достигается, об этом я тогда не думала. Духовный отец у меня уже был. Он спас меня от физической и нравственной смерти

после смерти сына. Постепенно он приучил меня исповедоваться и причащаться чаще, чем я это делала раньше.

И вот раз, прочитав беседу преп.Серафима с Мотовиловым и потеряв от восторга голову, я бросилась к духовному отцу моему, прося «дать» мне то, о чем говорил преподобный Серафим.

Тут уж начались мои искания христианской жизни. Муж мой не отрицал Бога, какого-то, но и только.

Думалось – сама найду и ему дам эту новую жизнь. Уверена была, что можно своими силами дойти до этого самой. Не было проповеди, которой бы я не слыхала; не было такого торжественного богослужения, которого бы я не посещала. Муж сердился, так как я стала уже пренебрегать своими домашними обязанностями. Отец духовный уговаривал меня терпеть, жить тихонько, как все, и что Господь Сам подаст все нужное в свое время. Но я ему тогда не верила. Да и кому я поверила бы тогда?!

Мне было мало книг когда-то, кем-то написанных, мне мало было очень красивых, но подчас непонятных богослужений, – мне нужно было видеть живого святого, чтобы самой убедиться, что то, о чем говорили древние Отцы Церкви, действительно может быть.

О современных старцах я имела мало представления. По монастырям мы никогда не ездили. Знала, что где-то, в какой-то Оптиной пустыни существует отец Анатолий, к которому очень страшно ездить, так как он человеку говорит все его грехи. К прозорливым священникам относилась с предубеждением. Я хотела жизни первохристианских веков; я хотела жизни, описанной в древних Патериках, жизни, которую только и признавала за настоящую.

Раз приходит ко мне родственница и говорит:

– Вот ты «интересуешься» духовной жизнью, пошла бы посмотреть на этого священника, о котором я тебе уже говорила. Тетя (бабушка моя) очень хотела всегда, чтобы ты к нему сходила, но тогда ты была вся в хозяйстве и этим не интересовалась. Он замечательный священник и прозорливый даже. (Я поморщилась). Он мне в жизни много помог. Зовут его

о. Алексеем и церковь его в начале Маросейки, налево: маленькая, розовая, с чугунной дверью.

Прошло довольно времени. Я подумала, почему бы и не пойти посмотреть на этого священника. Прихожу к вечеру, лестница полна народу. Это мне очень понравилось, так как я жила с народом, жила его верой и все дорогое ему было и мне дорого. Разговоры очень хорошие слышу: того батюшка утешил, того на путь истинный направил, тому совет хороший дал. Рассказывали случаи вроде чудес даже.

Я видела, что попасть вне очереди невозможно и пошла в церковь. Народу там было много. Вместо певчих какие-то монашки.

Протискалась вперед, меня вскоре оттеснили за арку. Все мне в церкви не особенно понравилось. Не то монастырь, не то приход. Вдруг во время «Хвалите» народ заволновался, пронесся шепот: «О.Алексей идет».

Я внимательно посмотрела на проходящего священника: небольшого роста, лицо доброе, но в общем ничего особенного. Народ, как архиерею, давал ему дорогу. Я стала следить за всеми его движениями, прислушиваться ко всякому его возгласу.

Вынесли Евангелие, о. Алексей стал благословлять. Он смотрел вдаль уставшими глазами и, казалось, не замечал народа, подходившего к нему.

Ну, подумала я, ты тоже не святой, раз устал от наших немощей. Святой не должен и не может уставать. Вот если ты сейчас мне скажешь так, что я увижу, что ты знаешь о моем желании попасть к тебе, тогда я в тебя поверю. Я подошла одна из последних; он просто благословил меня. Я ушла из церкви, так как не служба была мне нужна; но все же решила опять придти сюда; мне хотелось узнать, в чем здесь дело.

На святости о. Алексея я поставила крест. Не раз еще приходила и всякий раз народ стоял на лестнице и даже во дворе. «Монашки» в церкви были неприветливые и я от них толку никак не могла добиться. Меня начало задевать за живое: ты мне не даешься, ну погоди же, все равно дойду до тебя и узнаю, в чем дело.

И вот я попросила родственницу мою дать мне рекомендательную записку, так как заметила, что с запиской пропускают без очереди. Мне этого очень не хотелось делать, но решилась, видя, что иначе проникнуть нельзя. Ждать очереди я не имела возможности, я нужна была постоянно дома. В записке было: «Пожалуйста, дорогой батюшка, помогите моей двоюродной сестре, очень одинокой». Долго лежала записка у меня. Наконец мне стало совестно. Нехотя пошла, решившись добиться чего-нибудь во что бы то ни стало. Прихожу, народ пропускает, стучусь и подаю записку.

– Я здесь подожду ответа, но ответ мне непременно нужен, – сказала я.

Долго стояла и просила св.Николая, чтобы дело вышло. Это был единственный святой, которого я тогда признавала и которому молилась. После долгого ожидания дверь отворилась и меня ввели в так называемый «Батюшкин кабинет».

– Подождите здесь, батюшка болен, он у нас лежит.

Постепенно такой страх напал на меня, что я хотела бежать, но остановилась: подумают, что я что-нибудь украла; ну да и раз пришла, нужно доводить до конца. Стала просить св.Николая, чтобы он надоумил меня, что нужно спросить у этого человека. Нельзя же сказать, что пришла смотреть на него. Решила спросить о посте и молитве. Это меня интересовало в то время и, по-моему, было самое подходящее для разговора с такого рода людьми. Кто-то входил, предлагал мне сесть, но я продолжала молиться св.Николаю, трясясь, как в лихорадке. А Святитель был чудный, в белой рамке, какого я еще никогда не видела. Наконец меня повели к батюшке. Я отворила дверь и со страхом и трепетом переступила порог комнаты священника Маросейской церкви – о. Алексея Мечева.

О.Алексей Мечев в келии

Батюшка лежал, облокотись на локоть, весь в белом, и в упор смотрел на меня. Казалось, что он все время смотрел на меня, пока я шла к нему из той комнаты. Лицо его было как солнце, и весь он был в сиянии. Передо мной лежал святой с иконы и какая-то невидимая сила заставила меня пасть ниц к его ногам.

Первый раз в жизни я поклонилась так духовному отцу моему, прося дать мне благодать Святого Духа, а второй раз этому совершенно чужому для меня священнику.

Ласково и каким-то очень глубоким голосом батюшка сказал:

– Встаньте и садитесь.

Я встала и с ужасом посмотрела на него, но передо мной был снова очень добрый, но самый обыкновенный священник.

Батюшка прочитал записку и сделал ударение на слове одинокая. Оправившись, я сразу выпалила:

– Я теперь вовсе не одинокая, о. Алексей, у меня много друзей. Мне казалось, что чувствовать себя одинокой стыдно и я боялась, как бы батюшка не вздумал мне помогать.

– Кто же ваши друзья?

– Духовный отец, его жена и еще одна соседка.

– Кто же ваш духовный отец?

– О.Константин²⁶¹.

При этом имени батюшка весь как-то вздрогнул, лицо его сделалось радостным таким, и он с необычайной живостью начал говорить.

– Очень, очень рад, я знаю его, это замечательный священник. Мы с ним в одной гимназии преподавали²⁶².

И он стал расспрашивать все подробности жизни о.Константина и его семьи:

– Очень кланяйтесь ему и скажите, чтобы непременно пришел. Что это он никогда не приходит? Совсем забыл меня. Я очень, очень рад за вас, что вы к нему попали.

Выходило точно, что кто-то по счастливой случайности меня как бы вручал о.Константину, а я считала, что я сама пришла и вовсе не обязана ему ничем и что мы познакомились к обоюдному удовольствию.

Батюшка опять посмотрел на записку и спросил, какое у меня было горе.

– Я потеряла единственного сына, о. Алексей, это была часть моей души. Но потом отняли у нас все, но это не важно.

Батюшка начал меня утешать обычными доводами. Я подумала: «Ты говоришь обычные вещи, которые и все говорят.

Не то мне от тебя нужно».

Батюшка очень остро посмотрел мне в глаза.

– В будущую жизнь веришь?

– Верю.

– Тебе кто-нибудь велел верить, или сама?

Я вспыхнула от внутренней гордости: кто мне мог велеть верить?

– Сама. Кто же еще? Я такие сны видела, но их не стоит рассказывать.

– Как кто еще? Отец твой духовный.

Это было совсем дико. Не было ведь человека на земле, кто мог бы мне велеть что-нибудь сделать. Я уже была взрослая. С недоумением посмотрела я на батюшку, он же просто смотрел на меня. Казалось, он о чем-то думал и к чему-то прислушивался.

– Ваш сын был замечательный ребенок и горе ваше большое. Но поймите, что на то была воля Божия. Он не должен был жить. Вам было бы трудно с ним. Кругом него много народа разного было. Сложные отношения между вами всеми были. Вы не могли бы его хорошо воспитать.

И батюшка в ярких красках описал всю нашу внутреннюю семейную жизнь. Он говорил то, чего не знали даже близкие.

– А теперь ему хорошо, – он ангел у Господа. Ведь вы знаете: дети – ангелы у Господа.

И батюшка начал рисовать в таких чудных и светлых красках райское состояние детских душ. Он говорил о свете, о мире, о вечной радости, которая царит окрест Господа. Голос его был какой-то бархатный, мягкий, точно он молитву читал и весь как бы тянулся к этому небу, которое он так хорошо знал. Батюшкины глаза из светло-голубых сделались совсем темным, глубокими; казалось он насквозь видит тебя.

– Вспомните, какая вы были тогда: что вы чувствовали и думали.

И он начал мне говорить все, что я чувствовала, мыслила, переживала в последние дни жизни сына и при его кончине. Он говорил мне то, что знали только я и Бог. Я не сводила глаз с батюшки и каждое его слово молотом ударяло мне в душу. Я

чувствовала, что кресло и пол уходят из-под меня, я не смела дышать.

– Не скорбеть, а молиться надо за упокой его души, а он за вас там молится, – закончил батюшка свои слова.

Вид его стал обыкновенным и я опять пришла в себя.

– Зачем я вам нужен, – спросил он, помолчав немного, деловым тоном.

Я мигом сообразила и сказала:

– Расскажите, о. Алексей, о посте и молитве. У меня ничего не выходит.

В тоне была просьба, я начинала чувствовать силу о. Алексея.

– Вот с чем пришла сюда, – удивленно проговорил он. – Ваш муж?

– Доктор.

– Чем занимаетесь?

– Так, кое-что дома делаю, еще прислуга есть.

– Живете одни?

– Да, еще только одна старушка, старинный друг мужа. Муж хочет, чтобы я дома сидела, а дома делать нечего (с жалобой).

– Где живете?

– В ... пер.

– При церкви ... значит, – поправил меня батюшка. – Там был очень хороший священник, я его знал.

– Да, о. Алексей, он мне отцом был, вместе с бабушкой меня воспитывали. Я его очень люблю.

Батюшка начал приводить мне примеры из своей практики, когда люди, желая жить духовной жизнью, стремились уйти из той обстановки, в которой Господь поставил их. Дело не во внешней жизни, а в душевном устройении человека, который должен ставить на первом месте любовь к ближнему. Во имя этой любви он должен перестраивать свое внутреннее «я», дабы во всем облегчить жизнь этому самому ближнему. А ближними являются, во-первых, семейные, а потом вообще все те, с которыми приходится совместно жить.

Вот что помню из этих примеров. Приходит раз к батюшке одна особа в слезах и говорит:

– Отец всю жизнь был нашим горем. Мы никогда от него поддержки никакой не видали. Мать все вынесла на своих плечах. Наконец он куда-то исчезает. Без него стало гораздо покойнее и лучше жить. Мать часто ходила в церковь, ездила за советами к о. Алексею-затворнику²⁶³. И вот, недавно, только она вернулась от него, как является отец и просит ее со слезами простить ему все и принять его. Мама в раздражении высказывает все, что она перетерпела от него, и прогоняет его вон. Мы просили маму принять отца, но она остается при своем. Тогда в отчаянии я решилась сейчас же ехать к вам, просить вас повлиять на нее. Батюшка велел придти матери. Та приходит и долго и упорно объясняет причину, почему она не может ни под каким видом принять мужа. Он ведь еще ее с маленькими детьми бросил без средств, она их вырастила; он имел на них дурное влияние, он тащил все, что только мог, из дому и теперь его раскаяние не искреннее, пришел, так как ему негде жить, а если его принять, то жизнь снова будет невыносимой.

– И не хотела она меня слушать, – продолжал батюшка, – и все говорила, говорила свое. А ведь хорошая, в церковь ходит, бедным помогает, к о. Алексею ездила.

Батюшку особенно поразило то, что она могла прогнать мужа, только что приехавши от о. Алексея: «Вот входит в переднюю, уютно в доме: стол накрыт, самовар на столе. Дети встречают радостно. Тепло, светло. Не успела раздеться – звонок. Отворяет дверь – муж. Тихо, покорно просит, умоляет – ничто ее не трогает. И это приехавши от о. Алексея. Я начал ей описывать внутреннее состояние измученной души ее мужа. Как он вдали, в голоде и нищете вспомнил жену, семью, уют дома и решил пойти просить, чтобы его приняли не как отца-мужа, а как последнего нищего. Я говорил ей, что ее жизнь хорошая, что заботы о детях и о душе хороши, но что дом ее будет не покрыт, если она не примет мужа и не простит ему всего».

– И дети ваши порадуются на вас и будут вас больше любить и уважать. И какой хорошей жизнью вы тогда заживете. Дом ваш будет покрыт и совесть ваша спокойна. Ушла от меня вся в слезах. Простила его, приняла и живут они теперь хорошо. Приходила благодарить меня.

Батюшкин голос из расстроенного и ласкового сделался серьезным и резким:

– Это к вам не относится.

И так он мне говорил после каждого примера. А я думала: «Ну да, конечно, не ко мне. Но тогда для чего он это говорит мне?»

– Еще одна приходит ко мне, – продолжал батюшка, – и плачет, что ей хочется молиться, а муж не дает, сердится. Говорит, что отец духовный ее дал ей очень большое правило. Это значит, что ей нужно было много-много молиться и вообще всего прочесть за день, ну, знаете, какая теперь жизнь. Готовить нужно, продукты доставать (вам не приходится этого делать), да еще чужие рядом живут (а вы одни в квартире) и комнаты отдельной нет (а у вас она есть), не то, что комнаты, – угла нет. За день устанет очень и вот вечером, когда муж заснет, зажжет свечку и начинает справлять свое правило. Над книгой заснет, свечка догорает. Муж просыпается, сердится. А раз чуть было пожара не устроила. Я ей объяснил, что при таких обстоятельствах нельзя справлять такое правило, что для души нет в этом пользы, так как она сама засыпает и от усталости не понимает, что читает; мужу мешает спать и расстраивает его. Он служит, работает, уставши за день, ему хоть ночью нужен покой. Послушалась, стала молиться, как я ей велел, и водворился у них мир.

Когда батюшка в этом примере сравнивал условия моей жизни с жизнью этой особы, голос его снова звучал резко, как будто я в чем-то была виновата и ему во мне что-то очень не нравилось. Потом я поняла, что он осуждал недовольство нашей жизнью, которая все же была по сравнению с другими много лучше.

– Приходит ко мне раз очень богатый и важный господин, – продолжал батюшка, – и жалуется на свою жену. Жили они дружно, хорошо, и вдруг она перестала детьми заниматься, гостей не хочет принимать, своими обязанностями хозяйки дома пренебрегает. Все запущено, повсюду беспорядок. Все на нее удивляются. Сидит у себя в комнате, все что-то читает. Молится, в церковь ходит все. Из-за этого у них часто возникали

споры, отношения испортились. Муж ее очень любил и жалел, что теряет ее. Пришел просить у меня помощи. «Пришлите ее ко мне», – говорю я ему. – «Она не поедет». – «А все-таки попробуйте, уговорите». Приезжает. Барыня. Начинаем говорить с ней о ее семейной жизни, о муже. А она мне: «Это меня не интересует больше, я очень увлекаюсь духовной жизнью». И начала рассказывать, что читает, как молится; что самое ее большое желание поступить в монастырь. Я начал ей говорить, что Богу можно служить и не только в монастыре. Стал ей рассказывать, какой у нее хороший муж, дети, как все ее любят. Как муж тоскует, что она и его, и детей забросила. Что можно соединить и то и другое. Она растрогалась и просила научить ее, что делать. – «Дайте мне слово здесь, на месте, что исполните все, что я вам скажу, и сейчас же по приезде домой будете исполнять это ежедневно». – «Обещаюсь, батюшка». – «Вы работаете дома?» – «Нет. Приходится только присматривать за прислугой. Да теперь без меня все делается, я все забросила». – «Бываете у детей, когда они встают и ложатся и вообще в их жизнь входите?» – «Нет, на это у них учителя и гувернантки». – «Так вот, когда вы вернетесь домой, взойдите в свою комнату и вы увидите в ней большой беспорядок. Приберите все, возьмите щетку и выметите ее сами и это делайте каждый день. Утром пойдите в детскую и посмотрите, как дети встают, все ли у них в порядке. Вы увидите, что и здесь беспорядок. Также вечером укладывайте их спать и так делайте каждый день и постепенно войдете в круг ваших детей. Молиться, читать, ходить в церковь у вас остается достаточно времени». – Батюшка бросил на меня быстрый взгляд и опять сурово проговорил: «Все это к вам не относится».

– Потом она приезжала благодарить меня, – продолжал батюшка, – и рассказывала, что когда ехала от меня, думала: ну и глупый же этот священник о. Алексей. (- Так и сказала мне, – с улыбкой проговорил батюшка.) Какой совет дал. Как же я буду исполнять его. Да я и не подумаю этого сделать. А приехавши, вдруг вспомнила слово, данное мне, и все исполнила. И действительно нашла пыль и грязь: у детей белье оборванное,

все запущено. И стала она входить во все опять и с мужем больше не ссорилась. – И какие они у меня все хорошие. Как это я раньше этого не замечала, – закончила она. И он тоже приезжал благодарить меня. А он был важный, богатый. – Совсем другая жена стала у меня. Лучше даже чем была, – говорил он.

– Да, – задумчиво проговорил батюшка, – много ходит ко мне людей образованных: коммунисты ходят, архиереи исповедоваться приходят.

Батюшка внимательно посмотрел на меня. Это был ответ на мои мысли: разве пойти посмотреть, что представляет из себя этот священник.

Батюшка стал говорить о моей жизни, как будто давно знал нас. Говорил с ласкою, как бы утешая меня. Мне живется лучше многих других: комната есть, куда можно пойти почитать, отдохнуть и работать тяжело не приходится, и уютно-то у нас, и тепло, и хорошо.

– А муж-то ваш какой хороший человек. – И батюшка начал говорить мне про характер мужа и его душевные качества так, как будто он его давно знал хорошо и любил. Он говорил вещи, которые я одна замечала в муже. Говорил, как я должна любить и жалеть его. – Уставший, он приходит домой и хочется ему, чтобы вы были с ним. Он ведь вас так любит! – Батюшка говорил так ласково, так убедительно, так живо нарисовал мне картину нашей жизни, что мне стало стыдно, что я мало дома сижу и забросила мужа, которого я горячо любила. Я почувствовала себя «нехорошей».

Батюшка с живостью посмотрел на меня, сел на кровати спиной к стене, спросил:

– Как имя ему?

– Иоанн, имя ему, – горячо ответила я. И вдруг лицо батюшки преобразилось, из глаз посыпались молнии и лучи света, казалось, доходили до меня. Он был весь огонь и свет.

Звонящим голосом он радостно воскликнул:

– И поведет (батюшка сложил руку одна на другую) Александра Иоанна туда, куда хочет того Александра. – Отец Алексей посмотрел на небо, потом прямо мне в глаза. Мне

было больно смотреть на него, но я не сводила с него глаз. Дыхание у меня остановилось, чувствовала, как пол уходит у меня из-под ног. Передо мной был снова святой, во всем своем блеске. Это длилось несколько минут потом все потухло так же мгновенно, как и загорелось. В кровати сидел уставший, больной священник с таким добрым хорошим лицом. – Идите, я вам больше не нужен, – сказал он тихо. Я встала и, не смея просить благословения, ни прикоснуться к нему, полная ужаса и восторга, не сводя с него глаз, стала отходить к двери. У порога положила земной поклон. То кланялась я великому старцу о. Алексею.

В душе мгновенно появилась скорбь, что я более его не увижу.

– Вы очень нервная, я это заметил, как только вы вошли ко мне. – И помолчав, властным громким голосом сказал: – Всякий раз, когда я буду тебе зачем бы то ни было нужен, знай, что я тебя приму во всякое время дня и ночи.

Всякий раз, как батюшка не хотел принимать почета, будь то в церкви или дома, он неизменно говорил:

– Вы очень нервная.

Он хотел этим показать, что в нем особенного ничего нет, а все это проявление нервности со стороны человека.

Не помня себя от радости, бросилась я в ноги батюшке.

– Ужас как благодарю вас, о. Алексей.

– Ну, идите, идите, – выпроводил он меня.

Замечательно, что при первой этой беседе батюшка не благословил меня и ни слова не сказал о посте и молитве, а сказал мне то, что составляло тайну души моей и цель моей жизни, что знал только Бог, Которому ежедневно я молилась так, как это сказал о. Алексей: «Господи, сделай так, чтобы мы с Ваней рука в руку шли бы в Царство Небесное».

Стремглав летела я по лестнице. Народ расспрашивал меня, я же только отвечала:

– Какой он у вас хороший. Он у вас святой.

Решила, что на трамвае ехать дольше и понеслась рысью домой. Я под собой земли не чувствовала. Вокруг себя я никого и ничего не видела. Душа моя полна была радости, что я

видела «живого» святого. Видела благодать Святого Духа, явно действующую в нем. Видела то, что было у первых христиан. Видела то, о чем писал преп.Серафим. Значит это не ложь, значит это правда. Человек может достигнуть этого на земле.

Радость моя усиливалась от того, что батюшка так хорошо мне сказал про моего Ваню, что он так любит его и моего духовного отца.

Я влетела к отцу моему духовному и, не здороваясь, проговорила:

– Я видела его и он мне ужас что сказал. О.Константин засмеялся и спросил:

– Кого его?

Я все подробно рассказала. Он батюшку с этой стороны еще не знал. Выслушав все внимательно, он просил ему кланяться и сказать, что непременно у него побывает.

Я несколько дней была как в чаду. Рассказала еще кое-кому, кто мог меня понять, но и то не все. У меня загорелось желание как можно больше людей водить к о. Алексею. Он может все сделать, всем и во всем помочь.

В его церковь, на его службы я и не думала идти, так как боялась его. Он все знает, что творится в душе человека.

Прошло довольно времени. Я все искала случая пойти к батюшке снова. Неожиданно муж заболевает грыжей и решается делать себе операцию. Я очень этого испугалась. Мне казалось, что муж умрет, а как же можно ему умереть, когда мы с ним должны жить христианской жизнью. В моей душе поднялась страшная буря. Я укоряла Бога и Св.Николая, зачем они допустили это. И что это за проклятая духовная жизнь, думала я, когда и в ней скорбь, и Бог не слушает тебя. Так думала я, стоя на всенощной у о.Константина, и горько плакала. Но так как я чувствовала все же, что это не совсем хорошо, что делается в душе моей, то я старалась скрыть все от о.Константина, насколько это было возможно. После службы я подошла к нему и сравнительно спокойно объяснила в чем дело. Через день получаю от него письмо, в котором он предлагает мне непременно поговорить где-либо поблизости и тем очистить свою душу. Я полетела к нему просить прощения. У

него же и говела, но греха своего ясно не осознала, а просто подчинилась ему, так как в голове у меня все время сидело, что он может дать мне благодать Св.Духа.

О.Константин велел идти к батюшке спросить его об операции и еще просить его принять одну страждущую душу. Я написала письмо в самых почтительных и изысканных выражениях, как бы какому-нибудь высокопоставленному лицу, прося извинить за беспокойство и принять душу, и дать ответ насчет мужа. Об операции ни слова не писала, думая, что так батюшка примет сам, а если будет знать, в чем дело, то может через кого-нибудь ответ передать. Шла я и молилась св.Николаю, чтобы он меня очистил, дабы в наилучшем виде предстать перед батюшкой. Вдруг чувствую, что я не одна. Оборачиваюсь и вижу – стоит батюшка и смотрит с любовью и как бы с насмешкой на меня. Я бух в ноги. Молчание. Я встала и потупилась. Батюшка нагнулся и стал засматривать мне в глаза. Мне становилось страшно, чувствовала я, что батюшка был недоволен мною. Он так посмотрел минут пять, потом как-то чудно засмеялся, точно сдерживаясь, и ушел. Я горячо стала молиться св.Николаю, чтобы он меня спас от батюшки. О.Алексей недоволен и может, если захочет, провалить человека в бездну. Долго так молилась. Вдруг слышу шаги батюшкины. Меня начало трясти. Входит он, и как будто только что увидел меня, покойно говорит:

– Что же вы не сядете?

– Как же, о. Алексей, могу я сесть без вашего приглашения,
– пробормотала я.

Батюшка ласково и участливо проговорил:

– Садитесь.

Сам сел против меня близко-близко. Пристально посмотрел мне в глаза с насмешкой и сердито сказал:

– Ну и... прихожанка. Вы живете при церкви Св... Я мотнула головой.

– И много вас там таких?

– Я одна там такая, – тихо ответила я.

– А еще кто-нибудь там у вас умеет такие письма писать?

– Нет, о. Алексей, – еще тише ответила я.

– Кто вас учил так писать?

– Никто, я сама... Простите, о. Алексей (с мольбой), я больше никогда не буду.

Хотелось пасть ему в ноги, но не смела двинуться. Он меня держал, точно в тисках.

Батюшка вдруг с живостью начал говорить:

– Да разве можно такие письма писать? Разве можно так обращаться ко мне? Чего только там не написано: да если можно... да пожалуйста, извините за беспокойство. – И батюшка в очень смешном виде начал передавать мне все мои выражения. – В этом письме и понять-то нельзя, в чем дело. Чего вы от меня хотите?

Батюшка вскочил и начал ходить по комнате, я встала тоже.

– Это все ваша интеллигентская привычка ничего просто и прямо не делать. Все ходите вокруг да около. Ищут сами, чего не знают, спорят, о чем сами ничего не понимают.

Причесть меня к интеллигенции, которую я в это время глубоко презирала, признавая только крестьян, для меня было очень обидно. Батюшка точно бичом хлестнул меня. Я вспыхнула, но промолчала.

– Все вы там такие, – с презрением бросил он. – Несчастный приход, бедный священник, который имеет дело с такими. О.Алексею таких писем писать нельзя. Ему нужно писать все просто. Прямо говорить, что нужно. «Дорогой батюшка, мне то и то нужно от вас получить», – и подпись. И больше ничего. А всех этих: уважаемый, почитаемый... не смею просить... Этого вовсе не нужно. Поняла? Я для того здесь, чтобы каждый мог приходить ко мне и говорить мне все то, что ему нужно, и по мере сил, с Божьей помощью, я должен ему помочь, – это мое дело.

– О.Алексей, да я же вам чужая. Мое личное дело не важно, там (на лестнице) у многих дела поважнее моего, как могу я вас затруднять еще?

– Для каждого, приходящего ко мне, его дело самое важное. Об этом не нужно думать, затрудняет ли оно меня или нет. Да никто об этом и не думает. (Выходило, что я одна такая глупая, что думаю это). И вы должны всегда думать, что ваше

личное дело самое важное, – ласково сказал батюшка. Он сел, села и я.

Батюшка говорил так, видя, что в душе моей было действительно глубокое чувство, что я самая последняя из всех приходящих сюда, и мое дело самое маловажное.

– Простите, о. Алексей, я никогда, никогда больше не буду.
– А сама подумала: как же я ему когда-либо осмелюсь писать так?

– Ну, а о.Константину также доставалось от вас, когда он был у вас священником?

– Не знаю, о. Алексей, о.Константин очень любит интеллигенцию и умеет с ней возиться, – ответила я весело, довольная, что батюшкина гроза прошла.

Батюшка как-то недоверчиво посмотрел на меня.

– А ему там хорошо? (в новом приходе).

– Да, о. Алексей, ему гораздо лучше там, доходов больше, а здесь они умирали с голоду (лицо батюшкино выразило сильное страдание), а мы не сумели им ничем помочь, ужас просто. Теперь как-нибудь и дети выберутся на дорогу. Уж очень хорошие они все у него. И А.П.²⁶⁴ (жена его) такая хорошая.

– Как же, С...ка²⁶⁵ была моей ученицей (дочка), – ласково, ласково проговорил батюшка. – Хорошая она такая, очень хорошая. А.П. вы любите?

– Очень.

– Смотрите, любите и уважайте ее.

Я мотнула головой в знак совершенного моего согласия.

Батюшка посмотрел на меня, на глазах его показались слезы, голос дрожал.

– Бедный о.Константин, какой он добрый, какая у него душа хорошая, как он вас жалеет (вас, не стоящую жалости), а Ярмолович обижает его, очень обижает. Она очень больно сделала его душе.

(Мне хотелось плакать: когда и чем я обидела о.Константина?) Я, нехорошая, недобрая. Такого духовного отца обидеть!

– Да где она еще такого найдет? А он ничего ей не сказал. А как он за нее-то страдал!

Я сидела в ужасе и ничего не понимала.

– Право же я ничего такого не делала, о. Алексей! Чем же я его обидела? – в отчаянии проговорила я.

– Как, чем обидела? – вспыхнул батюшка. – Разве мало того, что вы наделали за его всенощной? – И он начал мне объяснять состояние моей души точно, как все было тогда. – Разве можно приходить в такое отчаяние? Разве можно сердиться на Бога? Что такое случилось? Да ровно ничего. А вы впали в такое отчаяние, роптали на Бога, вместо того, чтоб просить Его помочь вам, вместо того, чтобы молиться о здоровьи Вани. Вы все забыли, забыли себя, забыли все, чему учил вас о.Константин. Он уже видел ваше состояние и как потом-то страдал за вас.

И батюшка описал мне состояние души о.Константина, его страдания в эти два дня. Страдания духовного отца за душу своего чада, впадшую в сильное искушение. Батюшка с ужасом говорил о том, что такой священник, такой духовный отец и страдал из-за меня, такого гадкого и ничтожного существа. Я не помню батюшкиных выражений, но мне было ясно одно: что о.Константин был удивительно высокой души духовный отец, а я – ничтожное, грязное, никуда не годное существо.

– И такого человека, такого духовного отца эта заставляет страдать! – закончил он.

Мне было совершенно ясно, что я совершила два ужасных поступка: 1) заставила страдать духовного отца, да еще такого; 2) роптала на Бога и предалась отчаянию. Первое, по словам батюшки, выходило важнее. Я была в ужасе, что о. Алексей все знал, как будто был в церкви с о.Константином. Я знала очень хорошо, что они за это время не виделись.

О.Алексей сровнял меня с землей, уничтожил совершенно. Я не знала, что мне делать. Батюшка смотрел на меня сбоку, как бы наблюдая за мной.

За все время этой беседы я старалась снова увидеть тот свет, в его глазах, но всячески он скрывал его от меня. Так и впоследствии он часто делал.

Батюшка резко отодвинулся от стола, потупился и, как бы стесняясь чего-то, сказал:

– Вы спрашиваете в письме, нужно ли делать операцию вашему мужу?

Я обомлела: в письме я об этом не писала. Батюшка еще ниже опустил голову и, помолчав, сказал, не поднимая глаз:

– Операцию можно делать и не делать; это не важно для него. Если хочет – пусть делает. Не мешайте ему, как хочет. Обойдется благополучно. Иоанн... – Батюшка ласково улыбнулся. – Как же вы считаете это маловажным для вас делом. Оно гораздо важнее и действительно важнее многого, чего они мне скажут (и батюшка показал в сторону лестницы). – Будь покойна, – отечески проговорил он, – все обойдется благополучно.

По своему смирению батюшка стеснялся выказывать свою прозорливость. Он только в исключительных случаях позволял себе проявлять её.

– А вы за ним ухаживайте, успокаивайте его. Что в вас есть? – Батюшка пристально посмотрел на меня. – Кротость?.. Да, есть, по лицу видно. (Ну нет, думаю, ошибся ты). А еще нужно смирение, молитва. Без смирения ничего достигнуть нельзя. Ну, да вот еще любовь нужно прибавить. Над всем этим надо стараться, чтобы приобрести.

В душе у меня была радость и глубокая благодарность батюшке за моего Ваню. Вели он мне в огонь броситься, я бы тотчас исполнила это, не задумываясь. Я почувствовала к батюшке нежную любовь и глубокую благодарность. О.Алексей стал для меня не только старцем, но и «батюшкой».

– Ну кто же она такая? – помолчав, спросил он.

Я поняла, что дело идет о той душе, которая желала видеть батюшку, и стала о ней рассказывать.

Это была дама из аристократии. Муж ее был расстрелян. Она не могла утешиться и как-то ужасно тупо и упрямо смотрела на свое горе. Муж ее был пустой малый и жили-то они не особенно счастливо. Я с неудовольствием передала батюшке то время, когда она просила принять ее (она назначала время). Батюшка, видимо, имел понятие о ней, считал ее «барыней». Выслушав все, он назначил время, когда ей придти исповедываться в церковь. Она была, осталась очень

довольна, хотя не получила от батюшки того, что думала. Ей хотелось, чтобы он снял с нее горе, дал бы ей радость, покой душевный, веру в будущую жизнь без участия ее воли. Батюшка же этого сделать не мог, так как нужно всегда, чтобы человек сам захотел обновиться и сам старался бы об этом. Но все же молитвы батюшки помогли ей. Теперь она стала спокойнее и с горем своим примирилась.

Батюшка встал, чтобы отпустить меня.

– Простите, батюшка, за все и, если можно, благословите.

Он большим крестом осенил меня, стоящую на коленях, и сказал медленно:

– Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа.

Это было мое первое благословение, полученное от него. Всегда батюшка говорил эти слова особенно. Он чувствовал действительно Троицу, благодать Которой он призывал на стоящего перед ним человека.

Я ушла от батюшки с легким сердцем, как всегда все уходило от него. У него всегда все оставляли, все свои скорби, нужды и грехи. Он от нас брал все тяжелое, темное и давал нам взамен легкое, светлое, радостное. Он все наше сам передавал Богу; и еще здесь на земле, с дерзновением молился перед престолом своего алтаря своему Спасителю о всех тех, имена коих были как живые написаны в его сердце.

От батюшки сейчас же побежала к о.Константину просить прощения. Он был очень поражен всем, что я ему рассказала и сказал:

– Бог простит. Да, нужно к нему ехать, – добавил он, помолчав. Без батюшки я больше не могла жить. На дом к нему было очень трудно попасть и нужно было ждать особенного случая для этого. И поэтому я решила посмотреть, как с ним обстоит дело в церкви.

В церкви теперь мне все очень понравилось. Народу было всегда много и народ все такой серьезный, молящийся. И хорошо было видеть, как полуграмотные люди молились и как правильно понимали службу. Духовенства было всегда много, на батюшку посмотреть приходили. Служба была длинная, но не утомительная. Между духовенством выделялся один,

особенно по своей горячности и необыкновенно серьезному отношению к службам – то был сын о. Алексея – о.Сергий. Когда я узнала, кто он, то стала к нему присматриваться издалека. Боялась я его ужасно.

В батюшкиной церкви можно было научиться понимать службу, здесь можно было научиться и молиться. Особенно хорошо читался канон. Пение и чтение было очень ясное, не то, что в других церквях.

В Маросейскую церковь ходить начала из-за батюшки, а постепенно сама служба начала меня привлекать. Я все слушала, все понимала, а что было мне непонятно, то спрашивала о.Константина своего. Во всем и во всех чувствовалась молитва; и все и всех покрывал своей благодатью о. Алексей.

Служил он просто. Я ожидала видеть что-нибудь особенное, или некоторое юродство, как это часто встречается у такого рода людей (ужасно этого не любила я), но здесь ничего такого не было. Не было ни малейшего юродства, ни желания скрыть свою праведность под какими-нибудь странными действиями.

Он был или батюшкой, или священником о. Алексеем Мечевым, или старцем о. Алексеем, смотря по обстоятельствам. Но во всех своих видах он был совершенно прост и правдив. Когда он хотел спрятать свою праведность, то он это делал так, что окружающие просто переставали замечать ее в нем.

Движения его были очень живые и быстрые. Молитвы читал подчас очень торопливо, но одно чувствовалось несомненно в нем, что он беседует с Богом для него живым, и что небо всегда отверсто ему. Несмотря на то, что он был весь в молитве, он всегда видел в церкви все и всех.

Чудно хорошо бывало звучит батюшкин голос; такой низкий-низкий, грудной, когда молитва особенно сильно творилась в нем. Бывало на молебне круто повернется преподавать благословение, и взгляд его темных глаз, горящих внутренним священным огнем, казалось, пронизывал насквозь толпу. И торжественно и свято звучал его «мир всем».

Как хорошо бывало за всенощной, когда батюшка в большие праздники благословлял нас иконой праздника. Бывало остановится с нею в царских вратах, резко повернется к народу и большим благословением осенит его народ. А сам в это время казался таким большим-большим.

И падал народ ниц перед благословением великого старца о. Алексея, служителя Божьего. И как чувствовалось это его благословение. И как дорого оно было нам.

И вот как-то раз у батюшки с особенной силой сделался сердечный припадок. О.Константин сказал мне, что это начало конца. Пришла ко всенощной. Был канун какого-то большого праздника. Служил о.Сергий. Тихо и грустно было в церкви. Запели «Великое славословие», народ кончил прикладываться. О.Сергий опустил перед аналоем на колени. Тихо склонил он голову на грудь и крупные слезы одна за другой скатывались на его епитрахиль. Он плакал о себе, он плакал о всех нас.

Мне стало до боли жалко его. Я тогда уже очень хорошо понимала, что значит «батюшкино дело» и на какой крест должен будет взойти «сын о. Алексея», если, не дай Бог, старец наш от нас скоро уйдет.

О.Сергий тихо встал, взял икону и унес ее. Народ остался без благословения и что-то дрогнуло в душе – то было предчувствие нашего близкого сиротства.

Чудно хорошо бывало, когда батюшка выходил на молебен с водосвятием. Идет бывало из алтаря на народ и смотрит исподлобья горящими глазами на толпу. И ясна ему каждая человеческая душа, и для каждой души этой в его сердце есть место. И сколько рук с записками тянулись к нему, чтобы он, только непременно он, произнес бы имя болящего, или страждущего, или заблудшего. И каждое имя было для него живым. Одни он произносил просто, на других как бы останавливался, очевидно особенно молясь за этих людей. Незадолго до молитвы «о ниспослании Святого Духа на воду сию» батюшка уходил в алтарь и там, наедине, молился. И когда он оттуда шел на народ, неизменно лицо его выражало ту неисчерпаемую благодать, которая таилась в нем.

Особенно хорошо было один раз. Он ушел, молился долго, потом вышел, порывисто подошел и поцеловал руку св.Николая (не приложился, а поцеловал, как у живого). Мне было ясно, что батюшка что-то очень просил у Святителя Николая и тот ему обещался это исполнить; о. Алексей благодарил его. Приложившись, батюшка круто повернулся и стал на свое место. Я на мгновение увидела тот дивный огонь в глазах его.

Помню, была масса народу. Батюшка не успел всех отысповедывать. Служили в левом приделе. Народ пошел причащаться. Батюшка стал на амвоне правого придела и начал пропускать желающих исповедываться мимо себя к причастию. Люди подходили. Он пристально смотрел на них, как бы видя их насквозь, и клал им на голову епитрахиль. Некоторые говорили ему два-три слова. И вот подходит женщина. Издалека еще батюшка говорит ей:

– Нет, тебя я не могу.

Она подходит и молча падает ему в ноги. Он опять повторяет:

– Нет, нет, не могу, не проси.

Она встает и что-то тихо говорит. Батюшка глубоким и властным голосом отвечает ей:

– Нет, не могу, я не имею права (перед Богом). Уходи. Женщина, поклонившись в ноги, сказала:

– Простите, батюшка, – и ушла, плача.

Я подумала: что за глупая? Неужели она не знает нашего о. Алексея (что он видел душу человеческую)?

Помню, как бывало перед совершением Литургии батюшка с духовенством шел прикладываться к иконам. А народ, как архиерею, расчищал ему дорогу. О.Алексей исподлобья смотрел по сторонам, на нас, и, казалось, видел насквозь того, на ком его взгляд останавливался. Так он раз посмотрел и на меня, и я стала отходить назад, хотя и податься было уже некуда. Кто-то за мной сказал:

– Не бойся, он ничаво.

А раз как-то стала теснить народ, чтобы батюшке было свободнее пройти. Одна сердито сказала:

– Что ты пихаешься? А другая ей в ответ:

– Не видишь, – сам идет.

И это «сам» идет, «сам» служит, где «сам"-то, звучало у них как-то особенно. «Сам» – это был хозяин Маросейки, это был их батюшка, который всегда их понимал и жил жизнью каждого из них.

Хорошо было, когда на парадных всенощных (парадные службы были те, на которых служил батюшка) все духовенство выйдет на «Хвалите», и начнут петь псалом.

Духовенство, братьев много, вся церковь кажется поет и лучше всех – батюшка. Меньше всех ростом, задыхается и жарко ему, и мочи нет, а поет всем своим великим духом.

Раз как-то ему было очень плохо. О.Сергий тихо убеждал его не петь, хотя бы только так постоял с ними. Но батюшка упорно покачал головой и продолжал петь. Да разве без него у них бы так вышло? Разве без него гремели бы стены церкви от этого «аллилуиа»?

Разве без него могла бы быть та мощь, та сила духа Божьего, которая вся как бы сконцентрировалась в нем одном – маленьком, слабеньком человеке – в великом старце о. Алексее?

Помню, было тревожное время. Какие-то странные люди появлялись в церкви. Опасались мы все за батюшку. И вот раз на «Хвалите» стал какой-то проталкиваться вплотную к батюшке и начал с ним петь. О.Сергий испугался и хотел устранить его. Батюшка искоса посмотрел на него, вдруг улыбнулся и стал к нему так, чтобы тот мог следить по книжке, которую батюшка держал в руках. И как же он старался петь. И при каждом батюшка ему особенно долго кадил. О.Алексей умел все и всех заставить служить Богу.

Помню первую мою ночную всенощную. Батюшка не служил, так как его расшибла лошадь. Мне очень все понравилось. Пели так ясно и просто, что народ мог петь вместе с хором и потому усталости не чувствовалось и спать никому не хотелось.

Через некоторое время была я у батюшки и разговор коснулся чудес...

– Разве это не чудо, что я остался цел и жив? Ведь ничего, даже следа почти что не осталось. – И он рассказал мне, как он ехал кого-то причащать, и как трамвай наскочил на пролетку и перевернул ее. – А они (о.Сергий с товарищами) вздумали без меня всю ночь служить по какому-то там случаю. Незачем было совсем, – закончил батюшка недовольным тоном, как бы в обиду, что его не послушались.

Умилительно было слушать батюшку, когда он добродушно жаловался на своих молодых священников, точно он-то не мог настоять на своем.

Раз пришла в церковь, а батюшка кого-то отпевал. Я встала близко, чтобы посмотреть, как он это делает. Мне нужно было и очень хотелось посмотреть, как он проводит все таинства, но, к сожалению, это мне не удалось. Батюшка встал на свое место и посмотрел на покойницу довольно долго, склонивши голову на бок. Точно он живую ее видел, лежащую перед ним. Казалось, он ей говорил: – Я тебя хорошо знаю и понимаю и буду сейчас провожать тебя в лучшую жизнь. И действительно это было не отпевание, а светлые проводы в лучшую жизнь. И думалось, что не только душа этой умершей, но она сама, как есть, только заснула, чтобы проснуться в лучшем мире, где нет ни болезней, ни печали, ни воздыханий, и куда она несомненно попадет по молитве «батюшки» о. Алексея. Во время отпевания батюшка часто смотрел на меня с большим вниманием, как бы изучая то впечатление, которое он на меня произведет.

Помню бывало ждешь молебна после праздничной всенощной, когда можно было к батюшке подойти, прикладываясь ко Кресту, и он утешит, скажет что-нибудь, благословит. Это было опасное время, нельзя было, чтобы батюшку видели в церкви. Всегда ждешь, когда разойдутся чужие. В этот раз особенно упорно не уходили какие-то две барышни. И вдруг царские врата открываются. Выходит «сам». Ух, как было хорошо! Церковь темная, народу мало, и как он служил!

Помню последнюю ночную всенощную, которую батюшка служил на земле. Это было начало церковного года. Столько было благодати в нем, что он один мог держать всю толпу так,

что усталости не чувствовалось. Он умел народ заставить служить Богу. Мне думается, что своим горящим духом о. Алексей мог заставить камни служить Богу.

До чего же было хорошо в церкви! Много молодежи, все в белом: почти что все причащались. Настроение как на Пасхе.

Боялась сесть отдохнуть; недопустимо это мне казалось на батюшкиной всенощной. Пришла в 10 часов вечера, ушла в 2 часа дня, не выходя из церкви. Я забыла и время и место, где нахожусь. Мне казалось, что это церковь первохристиан.

Батюшка был в камилавке, которую обыкновенно не надевал и которая очень меняла его. Многие его не узнавали и говорили: «Зачем он так нарядился?» Я с удивлением посмотрела на него. Исподлобья быстро взглянул он мне в глаза и я прочла в его взгляде: чего смотришь, так нужно. Мне стало смешно.

Во время всенощной читали не раз что-нибудь из Св.Писания или что-нибудь от Св.Отцов. Раз батюшка сам вышел читать и читал так просто, так душевно. Это было послание Св. Ап. Павла. Место гласило о плодах духа: «Плод духовный есть любви, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание, – на таковых несть закона». И дальше... «аще Христовы суть, плоть распяша со страстями и похотями». На слова: «любви, радость, мир, долготерпение, вера, кротость», и «аще Христовы суть...», – батюшка в упор посмотрел на меня и улыбнулся, как бы ободряя работать, дабы приобрести это. Я улыбнулась в ответ и потупилась. Мне стало стыдно, что я еще не исполнила того, чему меня учили батюшка и о.Константин. По глупости думалось, что когда-нибудь смогу исполнить батюшкины заветы.

Раннюю служил о.Сергий и я хотела после обедни уходить, думая, что позднюю не батюшка будет служить. Вдруг вижу его с кем-то разговаривающим на амвоне и уже в облачении. Нерешительно подошла получить благословение. Он быстро обернулся, весело на меня посмотрел и сказал:

– Вот это хорошо (что осталась).

– Ну как же иначе, батюшка, раз вы служите, – ответила я, горячо поцеловав его руку, и стала на свое место перед

Феодоровской.

Во время молебна батюшка уже держался рукой за подсвечник от усталости, но молитва его не ослабевала и он все так же сильно произносил имена болящих и страждущих, и все таким же светлым столбом уходила его молитва от него к его Спасителю за всех нас.

Когда я подошла ко Кресту, то он, довольный, сказал:

– Молодец, Ярмолович.

Значит я старалась молиться. А молиться за спиной о. Алексея было вот как легко.

Бывало после обедни окружают батюшку свои, поведут его домой, а народ, давя друг друга, старался поймать хоть одно его слово, получить хоть издалека его благословение. И жалко было батюшку, что он так устает, и радуешься за народ, что Господь не отступил от него совсем и до времени дал нам такого, каков был наш «батюшка», великий старей о. Алексей.

Первые разы я приходила в церковь на короткое время и не решалась подходить к батюшке.

Помню, как-то раз я поразилась очень, увидав, что служит архиерей в батюшкиной церкви. Думалось мне: для чего им нужен архиерей, когда у них есть о. Алексей? Я стала сзади архиерея. Когда проносили мимо Евангелие, я по привычке старательно перекрестилась. Батюшка, проходя мимо, исподлобья взглянул на меня. Глаза его были темные-темные и пронзили меня насквозь. Когда повели архиерея в алтарь, батюшка его поддерживал.

Долго спустя я как-то сказала батюшке:

– Не вы должны поддерживать архиерея, а он вас.

– Ведь он архиерей, а я священник, – смеясь, сказал батюшка.

– Надо знать, какой он архиерей и какой вы священник, – ответила я.

– Ну и глупая же ты, Ярмолович... Разве можно такие вещи говорить!

Помню, как молилась всю обедню горячо и со слезами перед иконой Смоленской Божьей Матери. И не раз это было так. Молилась, что люди здесь такие счастливые: у них такая

церковь, такая служба, а я не могу здесь быть. Я не имею права надоедать батюшке. У меня есть свой духовный отец, да еще «такой». И вообще эта церковь не для меня. И всегда в церкви и дома молилась горячо св.Николаю и Божьей Матери, чтобы мне постоянно ходить на Маросейку и видеть батюшку как можно чаще, хоть на минутку, хоть одно слово от него получить.

В церкви, бывало, стараешься стоять так, чтобы батюшка тебя видел и был бы тобою доволен. С ноги на ногу не позволишь себе переступить, с ужасом отгоняешь всякую постороннюю мысль, а их много тогда лезло в голову. Лишнего движения не позволяешь себе сделать. Идешь ко Кресту, а сама молишься св.Николаю, чтобы батюшка тебе что-нибудь хорошее сказал. Если он, бывало, не служит, то молишься Святителю, чтобы твоя душа очистилась, дабы в наилучшем виде явиться к батюшке на квартиру.

Присмотревшись ко всему, я поняла, что батюшку легче всего видеть в церкви, где с ним можно даже кое о чем переговорить. Наконец, я собралась с силами и подошла к Кресту. Я знала, что батюшка и прежде видел меня в церкви. Я приложилась, он благословил и весело сказал:

– А, Ярмолович пришла! Хорошо, что пришла! – И точно, обращаясь к кому-то, прибавил: – Ярмолович у нас хорошая!

Мне сделалось весело и просто на душе и я побежала домой.

Как было хорошо это батюшкино благословение, когда бывало подходишь ко Кресту! Кого спросит о том, что ему нужно. Кому скажет что-нибудь полезное для души, или просто ободрит, утешит. Одно его слово – и в душе вместо смятения и неясности водворялась тишина и простое, ясное понимание всего. Сколько сил давали такие слова батюшки! Он видел человеческую душу, понимал ее, и давал ей то, что ей в данное время нужно было.

Во все время моего обучения у батюшки, он никогда не пропускал меня в церкви без того, чтобы не сказать мне что-нибудь на пользу душевную. Вот, кажется, батюшка всю службу за тобой следит. Но только подумаешь: ну где ему за всеми уследить, как почувствуешь взгляд темных-темных, страшных

(по святости) глаз. И правда, глядишь, а батюшка смотрит на тебя с укоризной. И как после этого боялась подходить ко Кресту. А вдруг батюшка при всех обличит. Но вначале, пока не привыкла, он редко выговаривал и обличал тут же меня. Он это делал тогда, когда свой проступок забудешь. И тогда он тебе его напомним так, что уж тут долго не забудешь своего поведения и всячески стараться будешь исправиться. А в момент твоего нерадения он всегда говорил что-нибудь ободряющее, что давало силу больше стараться. А как-нибудь спустя, точно нечаянно, скажет:

– В церкви нужно стараться стоять вот так. – И батюшка весь как-то выпрямится, устремит взор на иконы, и руки приложит к вискам, чтобы показать, что не нужно смотреть по сторонам. – В церкви нужно видеть Бога только, и по сторонам не смотреть. Слушать только то, что поют и читают, а все другое не слышать, – бывало скажет он.

А как же трудно было не смотреть в алтарь и не следить за батюшкой. И так постепенно я приучилась к службам и училась под наблюдением его молиться.

Подходя ко Кресту или под благословение после всенощной, батюшка, бывало, в двух словах скажет тебе одобрение или порицание твоего поведения в церкви так, чтобы тебе одной это было понятно. Когда же я привыкла к духовной жизни и вошла в нее, батюшка деятельно стал учить меня избавляться от самолюбия и гордости и без жалости обличал при всех.

Батюшка и о.Константин требовали молитвы церковной. О.Константин говорил, как нужно молиться и понимать ту или другую молитву, а батюшка проверял это на деле. Требовалось внимательно слушать и вникать в каждое слово богослужения; уяснить себе то, что было непонятно или спрашивать об этом о.Константина. Бывало начнешь несколько раз во время богослужения молиться своею молитвою, высказывать Богу свои желания вразрез с церковной молитвой, а когда подойдешь ко Кресту, батюшка непременно скажет:

– Что это, Ярмолевич, с тобой не того?

А когда в следующий раз исправишься, то он говорил:

– Молодец, Ярмолович, она у меня умная.

Помню, как долго старалась над заамвонной молитвой. Слова понимала, но они были мертвы для меня. Мне до слез было досадно, что она не выходит. Батюшке я об этом ничего не говорила, а он каждый раз говорил мне ободряюще:

– Ничего, ничего, Ярмолович, старайся.

Вдруг я ее поняла сердцем, но не вполне. Подхожу к Кресту и говорю батюшке:

– Она все же не вся у меня вышла!

На душе была радость, что одолела. Он пристально и строго посмотрел на меня, благословил и сказал:

– На первый раз ничего, потом лучше будет.

Постепенно батюшка стал для меня своим родным. В душе называла его своим старцем, но просить его об этом не смела. Помню, как иногда, не желая получить от батюшки замечания, стараешься ко Кресту не подходить, а приложиться издали. Так батюшка, чтобы не задерживать народ, часто давал чужим крест. Бывало через несколько человек протягивает его кому-нибудь, и ты стараешься за этим чужим приложиться, но батюшка каждый раз отводил от тебя Крест и делал так, что ты вплотную подходила к нему. Тогда он поднимал, бывало, крест, строго смотрел на тебя и выговаривал тебе все. Еще по фамилии назовет, чтобы ни у кого не оставалось сомнения, кто ты такая есть. Так он меня приучил, подходя к нему, самой каяться и говорить, в чем дело, предупреждая его. И это всегда оказывалось лучше.

Бывало, стараешься встать так, чтобы батюшка видел, что ты стараешься. Молитва делалась все сильнее, но она была очень неровная: то удастся, а то нет. Раз за всюнощной мне почему-то захотелось, чтобы молитва моя была особенная и понравилась бы батюшке. Я встала так, чтобы он мог все время видеть меня. Несмотря на все мои усилия и старания, молитва получилась хуже всех разов. Батюшка смотрел как-то поверх меня, как на чужую. Мне стало скучно в церкви и досада разбирала, что у меня ничего не вышло. Дома опомнилась и мне стало стыдно за свое поведение. Утром прихожу к

батюшке, у него кто-то был. После обычного разговора он мне говорит самым обычным голосом:

– А я вас вчера видел и смотрел на вас, но ничего особенного не видел.

Глаза его пронзили меня насквозь и он добавил как бы с презрением:

– Да нечему было и быть.

Мне было стыдно чужого и я с улыбкой ответила разговорным тоном:

– Да, действительно, батюшка, ничего и не было.

Вдруг лицо его стало гневным, он весь покраснел, взгляд сделался жестким и он, ударив пальцем о кровать, сказал громко:

– Ярмолович, смотри!

Я бросилась ему в ноги.

– Батюшка, дорогой, простите, не буду, – пока он не толкнул меня рукой.

Я поднялась, увидела его ласковым, крепко поцеловала его руку и выкатилась из комнаты. Мне ужас как было стыдно чужого.

И как же я потом всякий раз с такими мыслями боролась в церкви. Раз как-то батюшка служил молебен с водосвятием. Все бросились к нему, чтобы из его рук получить святой воды. Мне этого тоже захотелось. Я протиснулась вперед и стала рядом с ним. Он всякий раз, наливая, миновал мою посуду. Я готова была заплакать. Наконец, батюшка начал читать молитву Царице Небесной и, все так же, не глядя на меня, взял из моих рук бутылку, медленно стал наливать в нее воду, медленно вытирал ее, а сам на словах молитвы: «подкрепи меня нетерпеливую, унылую, нерадивую» – посмотрел на меня и прибавил к ним еще все те грехи, которые во мне были особенно сильны тогда. А также посмотрел на меня при словах: «не отступай от Мене, Мать Бога моего, за роптание и нетерпение мое». Все это батюшка говорил медленно, ясно, а я стояла и краснела. Окончив молитву, он отдал в руку бутылку и сказал:

– Ну, ну, Александра, старайся!

Я поцеловала его руку, как икону, и пошла с душой полной покаяния и горячего желания поскорей исправиться в тех грехах, о которых он молился за меня Царице Небесной.

То была его Царица Небесная – то была его Феодоровская, перед которой он так горячо всегда молился за наши грешные души.

Помню, как трудно было молиться за усопших и за болящих. Имен было так много и вычитывалось это так долго, что нужно было напрягать всю волю, сосредоточить все внимание на эти, казалось, бессмысленные имена. Но один велел, а другой проверял. И вот бывало, когда хоть капельку удастся молитва за усопших или за болящих, посмотришь на батюшку, когда он исповедует на дальнем клиросе, и видишь, как он смотрит на тебя ободряюще:

– Ну, ну, еще постарайся.

И выбиваешься из сил, желая достичь правильной молитвы.

Раз что-то неблагополучно было с о.Константином (было тяжелое время для Церкви). Я принесла записку о его здравии и деньги и положила все это на аналой, где батюшка исповедывал и где уже лежало их много. Батюшка вышел из алтаря и, прежде чем благословить меня, сердито сказал:

– Это зачем?

И сразу вынул мою записку и деньги. Видеть, как я их клала, он не мог.

– Батюшка, простите, я не знала, я как все.

– Ты не все, они (показал на народ) – другое дело, а ты раз навсегда не смей этого делать. Неужели думаете, что я за отца Константина не молюсь. Уж я и не знаю, как еще молиться?

Точно я его упрекала, что он плохо молится. И сразу с тревогой и любовью в голосе спросил:

– Что с ним? По-моему, благополучно. (Если бы действительно опасность была, он бы знал это и, может быть, раньше даже, чем она коснулась о.Константина).

Весь разговор наш с батюшкой был такой, что я совершенно успокоилась и твердо была уверена, что ничто не коснется отца моего духовного, так как о. Алексей зорко бдит за ним и не дает

злу прикоснуться к нему. Чтобы окончательно утешить меня, батюшка велел диакону помянуть его.

И бывало, когда тревожишься об о.Константине, молчишь, а батюшка, видя что ты беспокойна, сам спросит:

– А что наш дорогой о.Константин?

И начнет объяснять тебе в чем дело, что это неопасно, что все рассеется. И так хорошо успокоит.

Иногда можно было лично и не тревожить батюшку, но хотелось до смерти лишнее слово от него получить. Идешь на амвон с запиской. Тогда народ легко пропускал без очереди, так как многие лично подавали батюшке записки о здравии или за упокой. Я живо сообразила, в чем дело, и, держа записку в руке, иногда только для виду, вне очереди подходила к батюшке, объяснить ему, что это за «душа», за которую нужно молиться, или в чем нужда такого-то и такого-то и тут уж получишь лишний раз благословение и непременно несколько слов в назидание, а то иногда и участливое слово, которое тебя так и поднимет всю на новое трудное делание.

Раз очень спешно нужно было рассказать батюшке про одну душу и просить его молиться за нее. Я вошла на амвон с правой стороны, чтобы поскорее увидел он меня. Сзади слышались голоса:

– Он исповедует, нельзя так, рассердится!

Я продолжала стоять против царских врат, батюшка стоял спиной ко мне. Одна ушла; вошла другая. Вдруг он быстро обернулся, точно почувствовал, что его ждут и радостно сказал:

– А, Ярмолович, – на всю церковь.

Я подошла довольная, что батюшка не рассердился. Все ему передала, что было нужно, как всегда поклонилась ему в ноги и ушла. Он проводил меня до решетки, а народ расступился, давая мне дорогу. И слышала я удивленные разговоры, что о. Алексей так ласково меня принял. Для кого-то и для чего-то все это было нужно. Он зря никогда ничего не делал.

Всегда и повсюду я батюшке кланялась в ноги. И вот иногда он уйдет еще глубже в своем месте, где бывало исповедывал, чтобы народ не видал оказываемое ему почтение. Он по своему

смирению всегда стеснялся почета. А иногда он, напротив, бывало выйдет на вид со своего места и принимал мой земной поклон на глазах у всех. Это делал он для кого-то в народе, чтобы что-то кому-то показать. Так к Кресту когда, бывало, подходишь, иногда тихо говорил замечание, а иногда громко обличит в каком-нибудь поступке или грехе, в котором ты, бывало, совершенно не виновата в этот раз, – обличит для пользы кого-то другого. Но это он делал тогда, когда отцы меня переработали совсем, и когда с их помощью я дошла до того, что, ударь или похвали они меня всенародно, я наружно оставалась совершенно спокойной и ответ на все был один:

– Простите, батюшка!

В церкви я хорошо узнала все доступы к батюшке и была своя с ним.

Хотя и в церкви удавалось говорить о разных «душах», как и в чем им помочь, но также приходилось приходиться с ними и к нему на квартиру. Я знала, что есть нелегальный черный ход, но долго не хотела им пользоваться. Наконец, желание поскорее попасть к батюшке и нужда заставили меня поступить, как многие. Это очень облегчило мои хождения к нему, особенно, когда признала меня одна его родственница и по своей необычайной доброте и ласке позволяла ходить всегда к батюшке, как только будет нужно.

Много отводил лукавый людей от о. Алексея. То страх перед ним, то забота, то всякие мелкие дела всегда мешали им. Батюшка запрещал водить их насильно, велел только молиться о них всегда, и сам молился.

– Кто придет, а кто – нет, на то воля Божья, – говаривал он бывало.

И поражало меня всегда это количество имен, которые для батюшки были живыми людьми. И ежедневно на клочке бумажки вырастали все новые и новые столбцы имен, нужды коих батюшка помнил и твердо знал. Иногда что-нибудь начнешь рассказывать, батюшка посмотрит на клочок бумажки и скажет:

– Вот этому нужно то-то и то-то.

– Как, батюшка, вы можете помнить всех и кому что нужно?
– поражалась я.

Что человеку было не под силу, в великом старце о. Алексее делала его бесконечная любовь христианская.

Запрещал батюшка мне приводить людей в церковь. Он порицал эту манеру сговариваться идти в ту или другую церковь, послушать диакона или священника.

– Скажите им (кто хочет придти) наш адрес, – говорил он. – Знаете его?

– Знаю.

– Какой же?

– Церковь Маросейская – о. Алексея.

Батюшка засмеялся.

– Сама Маросейская! – и велел полностью записать адрес и еще проверил его.

Раз за обедней стоял один знакомый мой, который потом был у батюшки. Ему очень все понравилось. Когда он подошел к Кресту, батюшка спросил его о его имени, повернулся к местному образу Спасителя и долго молился. Это иногда он делал с людьми, впервые пришедшими в его церковь и на которых он почему-либо останавливал свое внимание. Очевидно, что сильны были их нужды душевные, о которых и нужно ему было молиться.

Оба мои отцы требовали точного выполнения долга по отношению к мужу и моим домашним обязанностям. И все успеешь сделать, и весело и легко бывало на душе. Трудно было в те дни, когда батюшку не видела, а их становилось все меньше и меньше.

Раз дожидалась в столовой, пока батюшка отпустит мою «душу». Тут же сидела батюшкина дочь. Она начала меня всячески ругать, зачем мы ходим к ее отцу и ему надоедаем. Им всем покою от нас нет. А исполнять, что батюшка нам говорит, мы все равно не исполняем. Действительно, жизнь батюшкиных домашних была тяжелая. Личной жизни никакой, всегда на народе. Это была большая дорога, покоя никакого. Мы забыли, что батюшке нужно есть, спать и удивлялись, когда нам об этом напоминали. Если бы он жил один, мы к нему и ночью ходили

бы. Мы считали, что Бог дал нам его, без него мы дышать не можем. Он наш и должен нам дать без остатка все, чего не хватает в нас самих. При нем у нас не было борьбы. Зло, казалось, не могло прикоснуться к нам. Мы себя чувствовали за спиной о. Алексея. И как бы со всех сторон предупреждаемые им, и за ним, мы весело и спокойно подходили к Богу. У нас не было скорбей, так как, чуть что приключилось с нами, мы бежали к батюшке и все у него оставляли.

Мое впечатление было, точно я живу в сказке: то о.Константину скажу и по его молитвам получаю; то батюшке. А у него-то, чего бы я ни попросила, знала, что будет сделано. Он был друг Богу. Он был свой на небе, будучи человеком на земле.

Его молитвы за нас огненным столбом восходили от престола церковного к престолу Бога-Отца.

И так домашние батюшкины несли большой подвиг.

Я совершенно спокойно слушала батюшкину дочь. Она ведь была совершенно права. Батюшка большей частью принимал в постели и потому народ ходил к нему через всю квартиру. Она была совершенно права, что мы смотрели на его квартиру, как на «постоялый двор». Мы ходили к нему действительно часто без пользы, так как не слушались его, не исполняли его советов.

Но когда я пришла домой, у меня закрался страх, что ведь батюшкина дочь может действительно на меня рассердиться, так как я всегда почти что приводила кого-нибудь с собой. Думалось, ведь она может прогнать меня. Я горячо молилась св.Николаю не допустить этого, а сама стала избегать ее. Так было два раза. Оба раза батюшка необыкновенно ласково и даже предупредительно обращался со мною. Точно кто обидел меня и он хотел загладить это. Хоть он и не слышал нашего разговора, но, конечно, все чувствовал. Я ему ни слова по этому поводу не говорила. На душе было спокойно. Обиды ни на кого не чувствовала и батюшка был мною поэтому доволен, а это только мне и нужно было. Наконец, в третий раз, когда я особенно боялась, что буду выставлена из квартиры, а нужно было очень и времени свободного было мало, взошла я к

батюшке с тоскою на душе: все было так хорошо, а теперь приходится, крадучись, к нему ходить. И когда он отпускал меня, то крепко задержал мою руку в своей и сказал:

– Ходи ко мне чаще, чаще, Александра! Никого не бойся. Скажи им (он показал на дверь), кто бы тебя ни останавливал, что «сам» велел приходить за благословением.

И сколько ласки и любви было в этих его словах. До слез тогда он растрогал меня.

Вот об наших «душах» помню, которых приводила я к батюшке.

Одной из первых, которой мне очень хотелось помочь, была тоже духовная дочь о.Константина. Мы с ней были очень близки. Она очень стремилась к духовной жизни и ей очень хотелось получить благословение о. Алексея. Он ее принял и очень долго с ней говорил. Она была из аристократии, очень образованный человек. Вышедши от батюшки, она была в таком восторге, что при всех в коридоре бросилась мне на шею, горячо благодаря меня.

Поразительно, что почти все они благодарили меня за что-то. Не только они, но иногда и сам батюшка. За что он-то благодарил меня – осталось для меня тайной. И каждый раз, приходя в ужас от этих батюшкиных слов, я падала перед ним ниц, прося прощения.

Оказывается батюшка описал моей «душе» ее прошлое, ее внутреннее состояние. Дал ей совет, как жить. И, что особенно поразило ее, с очень верным духовным подходом говорил о теософии и сам предложил ей, что будет молиться за очень ей близкую теософку.

Сколько людей ни приходило к батюшке и сколько ни спрашивали его через меня, он всем сам говорил, что будет за них молиться. Мне же он этого долго не говорил, а также никогда не говорил мне, молится ли он за мужа моего. Только через год моего обучения у него я получила от него эту великую милость.

И долго эта душа, как и многие, которые всем сердцем подходили к батюшке, жила воспоминанием в беседе с ним.

Таким людям он на всю жизнь давал силу идти по намеченному им пути.

В первую же зиму стала к батюшке ходить жена о.Константина. Батюшка очень любил ее и свою ученицу, одну из дочерей ее, о которой он всегда отзывался с нежностью и с любовью. О жене о.Константина батюшка говорил всегда как-то серьезно и как бы очень довольный, что она оказывает ему такое доверие и приходит к нему за советами. Он всегда восхвалял ее мне и ставил так, что если о.Константин был моим духовным отцом, то она – матерью, и нужно было так к ней и относиться. И бывало батюшка строго смотрит на меня, пока что-нибудь говорит о ней. желая узнать, так ли я чувствую это, как он мне говорит. И я всегда понимала в это время, насколько высок духовно о.Константин сам, какая у него хорошая семья и свое ничтожество. И так он довел меня до того, что впоследствии – скажи он мне кланяться до земли в квартире о.Константина, я с радостью исполнила бы это не из-за послушания, а из-за глубокого сознания их высоты, а своей нищеты. И когда он увидел, что это сидит во мне прочно, он перестал говорить так.

Всегда, прежде чем приводить кого-нибудь к батюшке, я ему докладывала в чем дело и кто это такой. Рассказывала самую суть в двух словах. Он назначал время и место, когда он будет принимать и для этого руководствовался тем, что я ему говорила. И удивительно как он верно, часто за глаза, определял, что было человеку нужно и сколько времени нужно было употребить для этого.

После же беседы с «душой» батюшка или тотчас звал меня, или на другой день я приходила к нему и он мне объяснял состояние этой души так верно и так ярко, как будто бы давно знал ее.

По этому я и руководствовалась в общении с ними: к одним подходила ближе, от других отдалялась.

Иногда батюшка подробно расспрашивал про жизнь той или иной «души», чтобы яснее представить себе, в чем ее нужда. Такая постановка дела установилась между мной и им сама собой.

Раз привела к нему одну знакомую, у которой без вести пропал муж. Они были молодые, хорошие, мальчик один только и был у них. Она была в большом горе. В голодные годы ей пришлось с ребенком кое-как перебиваться. Она хотела знать, жив ли ее муж. Несмотря на массу народа, нас сейчас же впустили, так как батюшка сам назначил время, когда придти. Я с ней не могла сидеть и пошла к нему сказать, что я ухожу домой. Стучусь.

– Подождите, – раздается его голос.

Скоро вышел, измученный физически, но необыкновенно добрый духом. Это всегда бывало и было признаком благодати, в нем находившейся: чем больше он сдавал физически, тем сильнее в нем разгоралось пламя Духа Божьего.

Молча я упала ему в ноги.

– Александра, – весело сказал он: – я твою помню (поразительно, как он всех помнил, кому назначал). – Может тебе что нужно? – заботливо проговорил он.

– Что вы, батюшка дорогой, и нужно было бы, не стала бы вас беспокоить из-за себя в такой день. Я за свою боюсь. Ее могут отправить, а я с ней не могу сидеть. Вы ее примете ведь?

– Да, как же! Я обещал. Только, простите, ей придется долго ждать.

– Помилуйте, батюшка, сколько угодно будет ждать.

– Ну-ну, – засмеялся он.

Дверь напротив отворилась и выглянул о.Сергий. Строго и с удивлением посмотрел он на меня (тогда я была «своя» только для батюшки). Он начал уговаривать отца отправить всех, так как все равно не успеет их принять, а заняться только с теми, которые в столовой, очевидно попавшими туда через него.

О.Сергия я боялась, как огня, здесь был батюшка, а при нем я никого и ничего не боялась. «Свою» я решилась отстоять. Батюшка нетерпеливо ответил:

– Всех приму.

О.Сергий покачал головой:

– Невозможно.

– Ну, невозможно, то как возможно будет сделаем, – ответил батюшка.

У меня сердце упало за мою «душу». Молча повалилась я батюшке в ноги и, стоя на коленях, посмотрела на о.Сергия, удивленно осматривающего меня, потом в упор взглянула на батюшку. Он улыбнулся, ударил меня по плечу и сказал твердо:

– Идите и будьте спокойны. Я сказал вам, что приму и приму.

Я не утерпела и спросила:

– Батюшка, муж ложится в больницу, помолитесь.

– Ложится? – с удивлением проговорил он. – Все-таки захотел? – Потом, опустив голову, задумался и, помолчав, сказал: – Чудак он этакий. Зачем? Ведь ему это совсем не нужно. Ну, пусть его, если уж ему так хочется. Иди. Ведь он у вас здоровый.

Я с радостью поспешила домой, но, проходя мимо моей «души», сказала ей:

– Если и до вечера придется сидеть, сидите. Поняли?

«Гипноз» батюшкиной квартиры очевидно подействовал и на нее. Она молча кивнула головой и поудобнее уселась на сундуке.

На другой день узнаю, что она сидела у батюшки с 11 часов утра почти до вечера, но что он через силу принял ее и очень долго с ней говорил. Он успокоил ее душу, дал ей совет, как в жизни ей лучше устроиться и обнадежил ее насчет мужа.

Впоследствии оказалось, что муж ее умер в Турции по времени ранее, чем она была у батюшки. Но как бы то ни было, он успокоил ее, нравственно поставил и до сих пор она с благодарностью вспоминает об этом.

Он сумел как-то снять с нее ее горе.

Много народу приходило к батюшке с такими вопросами. И упорно держался слух, что он говорил правильно. Но я знаю некоторых, жаловавшихся, что он «предсказывает» неверно. Это по-моему происходило не потому, что он не знал: слишком много случаев лично я видела его прозорливости, а потому, что он не хотел огорчать тех людей, неясно отвечая им, он вселял в их душу все же надежду, а сам им говорил, как нужно жить, указывая им на жизненный путь, приближал души их к Богу.

Смотришь, и человек как-то возрождается: из тины горя, а иногда безысходной тоски, он начинал выкарабкиваться и, ставши на путь, понемногу забывал остроту своего горя, начиная понимать и идти к намеченной цели.

В других же случаях люди просто не понимали его слов. Мне самой многое стало понятно только после.

Привела раз к батюшке одну духовную дочь о.Константина.

У нее умер маленький внучек, она по нем очень тосковала. Жила очень плохо, а жить плохо не привыкла. Тоска, голод, холод довели ее до того, что она серьезно начала думать о самоубийстве.

О.Константин велел ей поговорить в батюшкиной церкви и поговорить с ним вволю. Последнее было очень трудно устроить, но об этом просил о.Константин.

Батюшке я передала все слово в слово. Он очень серьезно отнесся к этому делу, как будто она сейчас собиралась топиться. И когда я с сомнением отнеслась к этой поспешности, с которой он велел мне привести ее, он строго оборвал меня, укоряя в недостаточной любви к ближнему.

Я испугалась и полетела к ней, думая, что мне придется из воды ее вытаскивать. Прихожу, а она действительно в черной тоске сидит в своем подвале и плачет. Условившись, пошли в назначенный день в церковь.

Служил о.Лазарь (хороший тоже священник был). Она причастилась, осталась всем очень довольна и мы с ней пошли к батюшке на квартиру. Он скоро принял ее и уж говорил же он с ней! Я стояла в коридоре, чтобы никто не помешал бы им. И чудно, точно все забыли, что у батюшки сидит чужой – никто не пытался прервать их беседы.

Наконец я решила, что батюшка устал и попросила одну его родственницу напомнить ему, что пора кончать. Она приотворила дверь, но сейчас же снова закрыла ее.

– Нет, нельзя мешать, он так посмотрел на меня, – сказала она.

Через некоторое время с ней решили послать одну сестру, которая постоянно была при нем и которая в этих случаях была

храбрее²⁶⁶. Но и она вернулась, сказав, что очевидно что-то очень серьезное, мешать нельзя:

– Так смотрит, – добавила она.

Ну, думаю, крышка мне теперь (что смела мешать ему).

«Душа» наконец выходит довольная, веселая, узнать нельзя. Собираемся уходить. Вдруг меня требует батюшка. Это было в исключительных случаях, что он меня звал сейчас же после разговора с «душой». Вхожу, как обычно, кладу земной поклон и говорю:

– Простите и, если можно, благословите.

Батюшка молча смотрел на меня в упор и не благословлял. Ну, думаю, будет мне взбучка. Он догадался, что я подсылала мешать ему. Стоя на коленях, тихо говорю:

– Батюшка, простите, больше не буду. Никогда не буду.

– Ты что это делаешь? И вы с ними заодно (с домашними его, которые, оберегая его, «тащили» от него людей). О.Константин что вам сказал, а? Думаете, я сам не знаю, когда нужно человека отпустить?

И батюшка начал со скорбью рассказывать, как ей тяжело, как трудно, отчаянное ее положение, как страдает и как серьезно больна ее душа, как ей нужно было немедленно помочь.

– А то знаете, что могло случиться? – и он с каким-то ужасом посмотрел вдаль. – Если вовремя ей не помочь, кто был бы виноват? – Вы да я.

Очевидно, ему было видно в душе ее то, что другим не было заметно, самоубийство было, наверное, близко.

И так батюшка мне объяснил все по отношению к ней, что я вполне сознала свою оплошность, со слезами просила прощения. Особенно часто виделась с нею и всячески старалась поддержать ее. Она еще бывала у него не раз и в его церковь ходила молиться. Батюшка очень верно не советовал ей одно дело, которое она все же после кончины его исполнила, и которое ей не принесло ни малейшего успокоения, ни выгоды, о чем батюшка и предупреждал ее.

Удивительно бывало, как он заранее знал состояние души человека и общие черты его жизни.

Иногда очень жалеешь и просишь его о ком-нибудь, а он сравнительно равнодушно и покойно отнесется к этому, а про другого вскользь скажешь, а он расспросит подробности и поставит два-три вопроса, касающиеся самой сути его жизни.

Ранее и в голову-то не приходило, отчего это человек страдает, а тут станет все ясно: оказывается вовсе не от того, от чего думалось.

Старец о. Алексей действием Св.Духа знал часто вперед человека, приходившего к нему.

Раз привела я к нему одну особу из интеллигенции, очень добрую, но не умевшую устроить ни своей внешней, ни внутренней жизни. Она очень горевала о смерти матери и нигде не могла найти себе утешение. Наконец, решилась испробовать батюшку. Он ее принял в кабинете, а я сидела в коридоре и многое слышала. Он так и сяк хотел взять ее, а она не поддавалась – все свое.

Замечено, когда человек приходит к старцу, он должен идти с полной верой, доверием к его советам и совершенным отречением своего «я». Он должен принимать всего его. Тогда только бывает польза от старческого совета.

Но если человек приходит к старцу и всячески старается отстаивать свои мысли, свои желания, всячески старается доказать правильность своих убеждений, то он уйдет от старца без пользы. Его «я» мешает старцу и не дает благодати действовать на него. Это – своего рода гипноз, но только гипнотизер действует человеческими силами, а люди Духа Божьего благодатью, которая в них.

То же и с благодатью Божией.

Если человек не предоставит Богу вполне и всецело свою душу, очищенную предварительно покаянием, дабы Господь мог творить в ней что угодно, – не будет у него мира душевного и не войдет в нее Господь.

Слышу, батюшка выбился из сил с моей «душой» и, наконец, ласково отпустил ее. Зовет меня и начинает как бы оправдываться, что он старался, но ничего не мог сделать:

– Я ей говорю, а она все свое. Я ей опять, а она не слушает и опять свое (сердцем не воспринимает). Из нее ничего не

выйдет. Временем успокоится. Будем молиться.

Слова его, как всегда, оправдались. Я поклонилась ему в ноги:

– Простите, батюшка, что они (интеллигенция) не так к вам ходят, как нужно (я была зла на свой народ, что они так большею частью воспринимали батюшку). Я им говорю, а они ничего не понимают.

Я чувствовала себя виноватой перед батюшкой за свои «души». Он засмеялся и весело сказал:

– Ничего, ничего, пусть ходят и так. И это хорошо. Хорошо, что они и так-то ходят. Зато Александра моя правильно ходит.

Были у мужа моего одни больные: очень славная чета. Он был гораздо моложе ее и немного увлекался женщинами. Она была хорошей женой и хозяйкой. Мы ее считали лучше его. Условия их жизни были очень тяжелые, его донимал родственник.

Как-то она приезжает ко мне и жалуется на свою жизнь: она будто бы мужу надоела и он стал часто пропадать из дома. Ей хотелось поговорить у батюшки, которого она знала с моих слов. Я была больна и потому дала ей к нему записку. Очень она осталась всем довольна.

Вскоре прихожу к нему и благодарю его, как всегда, что принял мою «душу». Он пожал плечами и сказал:

– И кого это вы мне прислали? Ну, уж и прислали! Говорила-говорила она там мне все...

Я была этим очень удивлена, так как по нашему мнению она была самая обыкновенная, но хорошая старушка. Батюшка же, как всегда, увидел в ней то, что нам было незаметно. Батюшка дал мне понять, что он никогда не откажет, когда это бывает нужным, а без разбора посылать к нему людей нельзя. Я чутьем угадала в чем дело и впредь с большой осторожностью посылала и приводила к нему людей. В этот раз я пыталась оправдаться тем, что она все же получила большую пользу душевную, исповедовавшись у него.

– Ну, ну, рассказывайте, – прервал он, улыбаясь, – столько-то она и у всякого другого могла бы получить.

Вскоре эта особа заболела тифом и умерла. Муж пишет мне отчаянное письмо: что он совсем одинокий теперь, преследуется родственником и готов на всякое преступление по отношению к нему, чтобы затем покончить с собой. О.Константин велел ему ответить и затем идти к батюшке – просить его молиться за него.

– Хорошо, Александра, поступила с ним. Я за него буду молиться, буду. Очень трудно будет (вытащить его из нравственного омута). Ну, ничего. Будем стараться.

И он говорил это с такой скорбью, с такой любовью. Он как всегда переживал его страдание, и знал, что оно велико, и что душа его находится в опасности.

В том-то и была сила батюшкиной любви, что он изживал страдание каждого. Он сам страдал их страданиями. Оттого и молитва-то его была так сильна, оттого и молился-то он часто со слезами за каких-то неведомых нам Николаев, Анн, страдания и душевные скорби которых он чувствовал сам.

Он действительно переживал с людьми их горе и скорби всем своим великим христианским сердцем, всей своей светлой, чудной душой.

Батюшкины молитвы помогли этому человеку выбраться из нравственной ямы, в которую он попал. Он стал себя лучше чувствовали постепенно устроился даже хорошо.

Об его жене батюшка только сказал:

– Ее звали Анной, кажется?

– Да, батюшка.

– Помяну ее за упокой.

Раз игумения Евгения (Вознесенского монастыря²⁶⁷) велела очень кланяться батюшке и просить его святых молитв о ее грешной душе. Так и сказала. Я все забывала передать это батюшке, думая, что он хорошо ее не знает и что она сказала это просто так. Многие монашествующие не любили о. Алексея, воображая, что он идет против монастырей²⁶⁸.

Прошло много времени. Я вдруг вспомнила поручение игумений и передала его батюшке, прося его простить за забывчивость. Он, хотя с улыбкой, но строго сказал:

– Надо вас хорошенько наказать за это. Как вы посмели забыть такое поручение?

И он объяснил мне, что он ее хорошо знает и очень уважает. Он рассердился на меня за то, что я решила сама, что не стоит передавать ее слова и передала их с насмешкой.

– Батюшка, дорогой, простите, не буду. Никогда не буду.

– Ну, хорошо, на этот раз так наказывать не буду, впредь не повторять, – помолчав, сказал он.

Двоюродная сестра моя, через которую я попала к батюшке, очень просила передать ему все, что я видела из их семейной жизни и что она сама мне про себя рассказывала, чтобы батюшка, давно не видевший их, помолился о них.

Их было трое: муж, жена и сын, уже порядочный мальчик. Хорошие все были. Батюшка знал ее духовного отца, известного иеромонаха чисто монашеского направления. Я батюшке все подробно передала. Он очень внимательно выслушал меня и сказал:

– Я буду говорить, а вы слушайте и понимайте. Все толком передадите, чтобы они поняли.

И он гораздо правильнее нас охарактеризовал всю их жизнь, особенно ее. Удивительно верно говорил про ее мужа и сына, которого он видел всего несколько раз в церкви, у себя на беседе. Только по одному внешнему его поведению он понял его характер.

Батюшка говорил, что нельзя в миру применять внешние формы монашеской жизни – всегда будет ущерб семье. Трудно совместить домашние работы с монастырскими правилами – семья будет непременно заброшена. Он говорил, что сын ее одинокий, так как отец его не понимает. Он всему хорошему может научиться от матери, к которой очень льнет, но которой почти никогда не видит, так как она большею частью бывает в церкви. Трудные эти две ее жизни отзовутся в конце концов на ее здоровье; потом она может потерять таким образом и сына, который отойдет от нее, а это окажется для него пагубным. И так, стараясь и надрываясь, она все же не сможет достигнуть желаемой цели.

Внутренняя духовная жизнь одинакова для всех. Можно жить монахиной в миру (по духу), но внешние правила монастырской жизни в миру немыслимы. Духовники же из монашествующих часто этого не понимают. Внешняя их жизнь протекает спокойно, все у них готово, на все свое время, о других заботиться не нужно. Знай свое послушание и спасение своей души. Такие духовники часто наталкивают своих чад на непосильные подвиги. Человек тянется, тянется, не выдерживает, обрывается, и душа его начинает страдать.

Для батюшки самое главное было, чтобы никто и ничто по возможности не страдали. Страдания души он допускал только тогда, когда дело шло о покаянии и было плачем о грехах своих.

В данное время батюшка считал положение души сына очень опасным. Он боялся, чтобы мать не отошла от него. Случись что-нибудь с ним, вина была бы на матери.

Во все время беседы батюшка был очень озабочен и, время от времени посматривая на меня, строго говорил:

– Понимаете?

Я как всегда старалась не проронить ни одного слова. Но нужно было понять не слова, которые были простые, как всегда, а мысль батюшкину, что он находил важным для каждого из них.

– Передадите, как я сказал вам? – спросил он. Я кивнула головой.

– Ну, и скажите им, что я буду молиться за них. Конечно буду, – добавил он.

Сама я не поехала к двоюродной сестре, а написала ей все, что батюшка сказал мне.

Может быть поэтому она как-то не обратила должного внимания на его слова и его опасения насчет сына чуть было не сбылись. Но прошла мимо беда по его молитвам и до сих пор пока все обстоит благополучно.

Одной фельдшерице очень хотелось попасть к батюшке. Она служила в Кремле, служба была очень тяжелая и душой она совсем измучилась.

Как всегда, все что-то мешало ей попасть к нему. Наконец он назначил время, когда ей исповедываться. Иду за ней. Никак не хочет идти.

– В какую угодно церковь пойду, только не к о. Алексею, – говорит она.

Стараюсь всячески уговорить ее – ничего не действует. Наконец взяла ее за руку и потащила насильно. Мимо какой церкви ни пойдем, она меня туда тащит. Когда дошли до Маросейки, у меня руки болели, так тянула ее.

Взошли к батюшке черным ходом, хотели пройти в столовую, но в кухне был о.Сергий и он начал нас бранить, зачем идем без спросу. Я не испугалась, так как батюшка сам нам это время назначил, но побоялась, как бы моя «душа» не спугнулась этим приемом. Она и так-то насильно пришла, а тут еще напугается, тогда и слова у нее не вытянешь.

О.Сергей ушел, а его жена²⁶⁹ так ласково говорит нам:

– Вы уж не вините его, он это так, батюшка у нас болен.

– Помилуйте, – сказала я, – мы сами виноваты, что хотели пройти без спроса.

А «душе» своей говорю:

– Вы не смущайтесь, он это так. Он у нас такой добрый!

Батюшка позвал меня. Я ему все рассказала и прибавила, что у «души» на сердце тяжело: о. Алексей затворник дал ей завет, которого она не исполняет. Это ее мучает, а сказать об этом на исповеди не хочет. Просила батюшку облегчить ей как-нибудь, но не говорить, что я ему об этом сказала.

– Уж и тащила же я ее, батюшка, к вам, сил нет, руки даже заболели, – сказала я с гордостью.

Он внимательно посмотрел на меня и сказал:

– Ну, иди.

«Душа» исповедывалась без конца. Вышла успокоенная, радостная. Завет о. Алексея батюшка с нее снял.

На другой день после причастия она снова не хотела идти к нему, хотя он ей велел придти и она службой и всем осталась довольна. Снова силой притащила я ее наверх. Нас было несколько человек, которые и пошли все к батюшке. Он добрый и веселый принял нас, стоя посреди своей комнаты.

– Вот, батюшка, ваша опять не хотела к вам идти, – сказал я, ставя ее перед ним.

Моя бедная «душа» смутилась страшно, вся красная стояла перед ним, готовая заплакать. Он ее благословил и приласкал.

– Она теперь моя дочка и сама будет приходить ко мне, – говорил он. – Зачем ее водить? Она и сейчас сама пришла сюда. И будет приходить. Ведь так?

«Душа» заплакала.

– Вот дак так! Что это такое? – продолжал ласкать ее батюшка. И, обращаясь ко мне, сказал: – Как вы могли так сказать? Да еще при всех! Нельзя вам души поручать, только ломаете их. Не умеете вы с ними обращаться!

При народе в особенности мне стало до слез больно и обидно. Старалась, старалась, а батюшка недоволен. Исподлобья взглянула я на него. Он не сердился и взгляд его был полный любви и ласки. Я потупилась, чтобы скрыть свою радость и, крепко поцеловав его руку, громко сказала:

– Простите, батюшка, я буду стараться исправиться.

Батюшка очень помог ей разобраться в ее душе. И она еще собиралась к нему пойти. Как-то спрашиваю его, как мне с ней быть, и он мне говорит:

– Не всегда вы такая будете, (чем-то он особенно был доволен мною в этот день). – Будут и у вас падения. А она посмотрит и скажет: если уж она так, то мне и подавно можно. А натура она очень сложная. Надо с ней осторожно, нужно уметь с ней обращаться.

Я поняла, что не нужно близко сходитьсь с ней.

– А она, батюшка, спрашивала про вашу прозорливость насчет отца Алексея. Я сказала, что вы по прозорливости вашей узнали это.

Батюшка засмеялся и велел объяснить ей, как было дело. Не хотелось очень мне это исполнить, но нельзя было ослушаться. Батюшка сказал мне, что ее жизнь очень трудная и сложная, что завет отца Алексея был ей не под силу. Что отца Алексея он очень уважает и считает его высокой духовной жизни, но что он часто не понимает, что можно требовать от человека в наше время. Он как монах-затворник очень далек от

жизни. И вот приходится часто разрешать его заветы. Людям они не под силу.

И батюшка умел это делать так, что доверие людей к о. Алексею не ослабевало и отношения между обоими старцами сохранялись дружественные.

Но сколько эта «душа» ни собиралась к нему, все что-то ее оттягивало от батюшки. Я ему об этом с отчаянием раз как-то сказала. Он мне ответил, что нужно только молиться за нее, но насильно никак не приводить.

– Сама придет, если будет на то воля Божия. Я здесь могу ее и причастить, – добавил он, показывая на свою комнату. Имя ее он тщательно записал.

Так она больше и не пришла к нему, а теперь не может простить себе этого своего безволия, так как жизнь ее ужасно осложнилась.

Раз просила я батюшку помолиться за одну еврейку, которую мы, три подруги, хотели обратить в христианство. Он принял это как бы за шутку.

– Это и один о.Константин справится (молиться). Что вы задумали? – спросил он.

Я рассказала подробно в чем дело и опять начала настаивать. Батюшка сделался серьезным и сказал:

– Нет, здесь ничего не выйдет.

Забывшись, я стала доказывать, что может выйти. Он опять засмеялся и говорит:

– Ну, если может, так и старайтесь.

Вышло так, как он сказал: сначала она очень горячо принялась изучать христианство, но вдруг все оборвала и стала хуже, чем была. Это случилось уже после его кончины.

У одной знакомой должен был родиться ребенок. Она была неверующая, он – еврей. Ее родственница просила спросить батюшку, можно ли тайно от родителей крестить ребенка.

Батюшка ответил, что если родится мальчик, отец тут же совершит над ним положенный обряд и с этим ничего поделать нельзя. Если же родится девочка, то надо постараться уговорить мать крестить ее, хотя бы тайно от отца. Если же она не согласится, то оставить это дело. Потихоньку от матери

крестить нельзя. Батюшка говорит, что она может быть потом и сама будет жалеть, что не крестила вовремя.

И действительно родилась девочка, осталась некрещенная и мать об этом теперь очень жалеет.

Приехала к нам одна женщина из деревни. У нее была опухоль на груди, боялась рака. Муж мой устроил ее в больницу для операции. Время было очень трудно. В больнице лежать было очень тяжело. У нее были маленькие дети и она очень боялась, как бы ей не умереть.

Я побежала к батюшке. Он велел в тот же день, как ложиться в больницу, придти ей к нему исповедываться.

Утром рано тихонько удрали мы из дому. Еще темно, приходим к батюшке. С нами к нему вошла жена о.Сергия. Она принесла батюшке его внука за благословением. Он очень любил его и уж и дружба у них была! Он благословил ребенка и мальчик весь так и потянулся к нему.

– Батюшка, – сказал я, когда они вышли, – вот вам Манька. Она ужас какая хорошая, но очень боится даваться резаться.

Батюшка весело посмотрел на меня и усмехнулся.

– Увидим, какая она хорошая, – сказал он.

– Батюшка, а может мне идти на беседу к Х. Я не могу у о.Константина спроситься.

Он пристально посмотрел на меня.

– А о. Константин как?

– До сих пор всегда пускал к нему.

– Ну, если пускал, тогда идите. Только смотри.

И он посмотрел так, точно, казалось, видел тебя насквозь, – не врешь ли? Батюшка не допускал ни малейшего разногласия между собой и о.Константином. Если бы ему и захотелось что позволить, он не пошел бы против его воли.

Долго исповедывалась моя Мария. Вышла сияющая. Батюшка сказал, что болезнь ее не опасна. Обещал молиться за нее все время, пока она будет в больнице. Дал ей просфору, которую непременно велел съесть перед операцией.

Он не позволил ей ни под каким видом давать снимать с себя крест. И велел в тот же день, как выпишется, придти снова поговорить у него.

Он рассказал ей ее жизнь, говорил о ее родных, которые плохо жили между собой: хозяин пил и пропадал из дома. Батюшка записал их имена и сказал, что они скоро будут жить хорошо. Что и оправдалось. Он обличил ее в грехах ее и строго запретил ей ссориться со своим мужем.

Он строго исповедывал ее: заставлял ее говорить все до мельчайших подробностей и объяснял ей то, что она сама не умела осознать. И когда она, растрогавшись, начала со слезами каяться, обласкал и утешил ее, как он это делал всегда.

От батюшки мы пошли в церковь. Все домашние проводили нас как родных и велели, если опоздаем к Причастию, вызвать о.Сергия и все ему рассказать. Он причастит особо. Все обошлось благополучно. Отстояли молебен и поехали в больницу. Там она сделала, как батюшка ей велел, и все удивлялись, как спокойно она перенесла операцию и как весело лежала. Уход за ней, по ее словам, был очень хороший.

Выписавшись, она не тотчас пошла к батюшке и когда мы с ней собрались к нему, то он строго пробрал ее за это, и опять долго исповедывал и наставлял, как жить с мужем. О.Сергий не хотел было ее причащать, так как тогда у них уже было правило, чтобы все подходили к нему за разрешительной молитвой. Я хотела идти ей на выручку, но обошлось без меня. Отстояли молебен, на котором она особенно горячо молилась за своего мужа. Радостно поехали мы домой.

Эту женщину я мало знала, но полюбила как сестру. И так было всегда: кого к батюшке сведешь, с тем чувствуешь себя как с братом или сестрой и являлась у тебя с этими людьми на всю жизнь какая-то связь. Мечтали мы с Маней, как они с мужем приедут поговорить к батюшке, но, к сожалению, им не пришлось это осуществить. Настало опасное время и к батюшке перестали пускать. Муж ее очень жалел об этом.

Как она плакала, когда узнала о батюшкиной кончине.

– Век не забуду его, – сказала она. – Что он мне сделал-то! А как за меня грешную молился! Всю жизнь буду подавать за упокой его души и детям накажу!

Молясь за нее, батюшка исцелил ее телесно, а исповедью исцелил ее душу, огрубевшую в житейских заботах и скорбях.

Он сумел пробудить в ней полнейшее покаяние и сознание своих грехов.

С большим трудом мы с одной знакомой собирались к батюшке. Она была очень слабого здоровья, и зимой никуда не выходила. Хороший человек была она. Любимое ее занятие было чтение духовных книг и молитв. Молилась она больше по ночам.

Долго она с ним говорила. И так полюбили они друг друга, что впоследствии друг про друга без слез не могли вспоминать. Он обнадежил ее насчет сына, иконочкой благословил. Она сказала мне, что когда взошла к нему, сразу почувствовала точно всю жизнь его знала. Душа ее раскрылась и она все свои горести оставила у него. А он почувствовал силу молитвы, какая была у нее. Впоследствии часто большие просфоры посылал ей батюшка, а это было великой милостью у него.

Когда я от ее имени пришла благодарить батюшку за оказанный ей прием, то он так ласково и задумчиво сказал:

– Да. Человек...

– А я, батюшка, думала, что она, как и другие, даже на некоторых думала лучше (т.е. на свои «души» и как они подходили к батюшке). Удивительно. А на вид, как все.

– То-то и есть на вид... А молитва? – сказал он, все так же глядя вдаль.

Поразительно, как христианские души сразу почувствовали и поняли друг друга. Здесь была огромная разница в степени совершенства, но в молитве у них было сродство душ, которое сейчас же почувствовалось.

Привела я раз к батюшке двоюродную сестру свою. Муж ее служил в самом пекле и много крови было на нем. Семью свою он почти что бросил. У нее было трое детей. Много нужды она видела с ними. Мужа своего она очень любила и ни за что не хотела разводиться с ним, хотя ей это было бы очень выгодно.

Батюшка, как всегда, утешал ее. Сказал ей, что муж ее вернется к ней сам. что уговаривать его не нужно, а нужно только молиться за него. Очень верно сказал ей, как жить, что неправильно она теперь делает, и велел ей особенно беречь детей.

Она осталась очень довольна его приемом и дорогой говорила мне, как батюшка внимательно ее все время слушал.

– А вот когда после меня пришла женщина и стала долго и безтолково рассказывать ему о своем материальном положении, спрашивая его совета, то он слушал ее равнодушно и даже под конец зевнул. – Скучно ему стало, – добавила она.

Я ей объяснила, что батюшка слушает одинаково всякую нужду, но что он просто устал: нездоровится ему, служба накануне утомительная была, а днем народ. И поспать-то ему как следует не дадут.

Это было всегда так: мы забывали, что он не безплотный дух, а человек, требующий такой же жизни, как и все. Он должен был жить жизнью каждого из нас, не чувствуя усталости.

И как Господь только нас терпел!

Нынешний год, четыре года спустя после батюшкиной кончины, муж этой моей двоюродной сестры вернулся в семью. Душевное его состояние было ужасно. От видений, мучивших его ночью, он не может вечером оставаться один. Жену свою не отпускает ни на шаг от себя. Постепенно все же успокаивается и надо надеяться, что у них жизнь снова наладится.

Тот знакомый, который был раз в батюшкиной церкви и за которого он помолился перед образом Спасителя, снова захотел побывать у него. Он был интеллигент, очень образованный и хороший человек. К церкви был близок и в роду у него были монашествующие и духовные люди. В жизни ему не везло. С первой женой разошелся и со второй был не более счастлив.

За батюшкой в то время очень следили. Попасть к нему было очень трудно. Батюшка дал мне клочок, на котором его рукой был написан как бы пропуск. С такой бумажкой домашние пропускали к нему. Одни принесут ее батюшке, он ее другим передает.

Вечером я страшно устала и муж был дома, а при нем уходить надолго, да еще с мужчиной, было нельзя – расстроится. Как ни прискорбно было моему знакомому, но пришлось ему идти одному с пропуском. Батюшка долго с ним разговаривал. Он рассеял туман его души, книжку подарил.

На другой день прихожу к батюшке, а он мне вдруг:

– Вы зачем присылали ко мне? Я опешила.

– Это ваш был вчера с моей запиской? Зачем прислала, а не сама привела?

– Я очень устала, батюшка, и так... вообще.

Он пристально посмотрел на меня, понял в чем дело и сказал:

– Александра должна всегда приходить сама со своими, а без себя не присылать.

– Простите, батюшка, больше не буду.

Он сказал это строго, но взгляд его был веселый и какой-то радостный. Я не поняла, причем здесь я была нужна, но уж, конечно, впредь, если и ног под собой не чувствовала от усталости, все же сама приходила со своими.

У батюшки это было так: будет всех жалеть и беречь тебя, пока дело не касается ближнего или собственной души твоей. В этих случаях он не допускал ни усталости, ни отговорок. Я поняла, что в этот раз я могла уйти из дома – муж бы не рассердился. Это было как бы с батюшкиного благословения.

О моем знакомом батюшка сказал, что у него много очень высоких и хороших стремлений, но в жизни он не умеет их применять и получается разлад. Человек он хороший, но жить ему всегда будет трудно (удивительно верно), и для подкрепления и назидания он дал ему Авву Дорофея.

– Батюшка, миленький, ведь он всю жизнь с женщинами не может устроиться, какой же ему Авва Дорофеей поможет!

Батюшка засмеялся.

– Вот от всего этого... ему и дано. (Очевидно батюшка кроме книжки старался вложить что-то в его душу). – И добавил серьезно, глядя вдаль: – А кто знает?... Мы еще не знаем, что с ним будет.

Пришла раз к батюшке просить его помолиться об одном фабриканте (бывшем). Муж мой его лечил, а так как он был болен очень серьезно, то Ваня послал к батюшке, просить его молитв (тогда Ваня, не видя батюшку, начал признавать его). Больной был замечательный человек. Он всем всегда помогал. Он никогда не отпускал человека, не удовлетворивши по

возможности. Батюшка слышал о нем. Он расспросил о болезни и о его внешних условиях жизни.

– Да, да, очень хороший он человек и нужный и теперь. Бедный! Как его прихватило! Несомненно нужно о нем помолиться. Ему нужно еще жить.

Батюшка говорил о нем, точно знал его и силу болезни определил лучше докторов и говорил про нее так, точно он сам ею болел.

Меня ужасно всегда поражало, как он говорил о жизни людей, о их страданиях, точно сам с ними жил. То сделала в нем христианская любовь старца отца Алексея.

Но вот самое удивительное, что батюшка сотворил с одной «душой».

Как-то в гости к нам пришел товарищ и друг мужа. С ним у нас сделался сердечный припадок и он пролежал у нас очень долго. Дочь его была замужем за партийным – хорошим человеком. Отец никак не мог ей простить и постоянно ссорился с ней и его не принимал. Гражданская жена его, очень плохая женщина, поддерживала всячески эту ссору.

Больному было очень плохо. Видя отца при смерти, дочь его пришла в отчаянье, что он умрет, не простив и не благословив их (все они были неверующие). Она просила помочь ей. Я попробовала уговорить отца, но ничего не добилась.

Раз ночью ему сделалось хуже и утром он лежал почти без пульса. Начали готовиться, чтобы вечером увезти его тело на его квартиру.

Дать умереть ему так – было невыносимо. И хотя дела было много, но, видя гибель его души и отчаянье дочери, я полетела к батюшке. Рассказала домашним в чем дело, меня сейчас же пустили к нему. Он посмотрел на меня в упор и молча благословил.

– Что случилось?

– Сделайте так, чтобы он не умер!

У меня была горячая вера и несомненное убеждение, что батюшка может остановить смерть.

– Нужно, чтоб он помирился с дочерью, а так уж как хотите, батюшка, – пояснила я свою просьбу.

Батюшкины глаза стали темными и глубокими-глубокими. Лицо его преобразилось, он молча смотрел на меня. Я вдруг испугалась, что он не захочет помочь. Но он торжественно и глубоко наконец произнес:

– Хорошо, – и, помолчав, добавил: – Имена?

– Михаил, Мария.

– Михаил, Мария, – медленно проговорил он. – Буду молиться. – Вид его стал обыкновенный.

Дела было масса, человек умирал, а батюшка сказал:

– Ну, он помирится с дочерью... заживут хорошо. Какой жизнью, думаете, будет жить?

– Той же, что и до болезни, – тихо ответила я.

– Несомненно.

Батюшкины глаза снова стали темными и глубокими, лицо преобразилось. Он, казалось, видел не только меня, но душу умирающего и самую преисподнюю.

– Итак, – сказал он, в упор глядя на меня. – Что нужно ему: жить или умереть? Отвечай!

Я чувствовала, что у меня от страха сердце остановилось, точно от моего ответа зависела жизнь больного, и, не сводя с батюшки глаз, я глухо, но твердо ответила:

– Умереть.

– Правильно. Иначе душа его пойдет...

Он не закончил и сразу сделался простым и даже веселым. Мне тоже стало весело: душа Михаила будет в раю: то сделает о. Алексей.

– Итак, – помолчав, сказал он, – будем молиться за Михаила и Марию. Будем стараться.

Это значило, что нужно молиться за них не только о.Константину, но и мне.

– Теперь идите, – и батюшкин голос звучал особенно, точно он меня посылал на какое-нибудь важное дело.

– Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, – и он благословил меня всю большим крестом.

Это в особенных и очень редких случаях о. Алексей давал как бы вещественное старческое благословение и оно воспринималось и чувствовалось особенно. Оно покрывало тебя как бы светлой броней и придавало силу хоть горы сдвигать.

– Смотрите, готовьте его к этому (примирению). Знаете, так в разговоре, постепенно влияя на него. Ну, да вы сумеете это сделать. Идите. И все сообщайте мне.

– Батюшка, больному делается хуже каждую пятницу.

– Ну что же, значит будем ждать... надо ждать, – в пятницу, – сказал он торжественно.

Выхожу и на вопросы домашних отвечал только:

– Согласился. Теперь пусть как хочет, сам знает, – и весело полетела домой.

На душе было немного все же беспокойно: как-то дома? Но радостно было очень: батюшка согласился вырвать душу Михаила из лап лукавого во что бы то ни стало. Нужно работать вместе с батюшкой, помогать ему, оправдать его доверие. А как я приступлю к этому делу?

Дома нахожу все то же. Дочери говорю, что о. Алексей согласился помочь им. Она сразу повеселела. Вечером собралось много докторов. Несмотря на все их старания – ничего не помогало. Они удивлялись, как больной еще дышит, а муж мой и еще один профессор прямо сознались, что они в своей многолетней практике не видели такого случая.

Сбегала к о.Константину, рассказала ему все. Он обещал молиться и придти, если нужно, причастить. Позволил мне ходить вечером ежедневно в соседнюю церковь молиться о душе Михаила.

Рассказала все Ване. Он, по обыкновению, промолчал и только тихо сказал:

– Это хорошо (что о. Алексей взялся).

Не выдавши еще батюшку, Ваня уже в это время очень уважал и любил его.

К утру у больного появился пульс (почти сутки у него его не было), ему стало лучше. Ежедневно я садилась около него и говорила ему, что нужно любить и прощать всех, что не нужно

помнить обиду. Говорила ему про новую лучшую жизнь, где царит одна радость, мир, любовь. Говорила все больше намеками, но все же он понимал и воспринимал. В голове была только одна мысль: батюшка, родной, помогите. С больным мы очень сблизились и в своих страданиях он всегда звал меня, ища во мне поддержки. Он очень боялся смерти и когда тоска находила на него, я рассказывала ему о той чудной стране (он любил Италию), куда он скоро поедет и говорила ему так, пока он не успокаивался. А когда ему делалось особенно плохо, я собирала всю силу воли, входила совершенно спокойно к нему, мысленно говоря: «Именем старца моего о. Алексея, тебе говорю: смерть, уходи! Рано тебе брать его душу. Нельзя еще».

Потом садилась у изголовья больного, брала его руку и, весело смотря ему в глаза, говорила ему о его выздоровлении и о той чудной стране, куда он скоро поедет. И постепенно печать смерти медленно исчезала с лица его, и глаза его, полные ужаса, все спокойнее и спокойнее смотрели куда-то вдаль. И так было каждый раз. Видимо смерть приходила, но молитвы и само имя о. Алексея удаляли ее.

Наконец я стала ясно говорить больному, что дочь его очень любит и очень страдает от ссоры с ним. Что нужно их простить, все забыть и их принять. Я говорила ему, что дочь его очень счастлива замужем, что ее муж очень хороший человек.

По вечерам бегала в церковь и молилась изо всей силы физической, так как душой не умела. Молилась безтолково, особенно, когда казалось что-нибудь плохое в нашем деле. Я только повторяла: «Господи, Пресвятая Богородица, св.Николай, сделайте так, чтобы батюшкино дело вышло».

Я была уверена, что батюшка вел борьбу не на жизнь, а на смерть с самим хозяином преисподней из-за души Михаила.

Наконец больной принял свою дочь и она стала ухаживать за ним. Уж как же они оба были довольны и ласковы друг с другом. Он ее ни на шаг не отпускал от себя.

Когда я к нему вошла, он весело посмотрел на меня, как бы спрашивая: довольна ли я им? Я его перекрестила, поцеловала крепко и сказала:

– Хорошо очень, но это еще не все.

Он серьезно посмотрел на меня и сказал:

– Я знаю.

Полетела к батюшке благодарить его. Больному делалось лучше, доктора надеялись на выздоровление. С трудом уговорили его переехать к себе домой. Дома около него были, кроме дочери, еще его родная сестра, сестры милосердия (две, очень хорошие) и друзья. Жена всячески старалась снова поссорить его с дочерью. Дошло дело до того, что было опасно оставлять ее одну у постели больного: неизвестно, что она могла бы с ним сделать.

И вот как-то дочь, вся в слезах, жалуется мне, что житья от «той» нет, что она начинает брать верх. Просила сходить к «тому священнику» и попросить его, чтобы он обезвредил ее. Она не давала себе отчета, как о. Алексей это сделает, но чувствовала, что он может помочь.

Я ей велела все терпеть от «той», но ни под каким видом не отходить от отца. Сама побежала к батюшке. Шла Литургия, он исповедывал. В исповеди ли, в богослужении ли, или даже в молитве вообще, всегда чувствовалось, что о. Алексей совершает таинство. И в данном случае, девочка, стоявшая перед ним, хорошо сознавала великое таинство исповеди. Многим детям первая, а иногда и единственная исповедь у батюшки оставляла в их душах неизгладимый след на всю жизнь. Он сидел и серьезно, но ласково смотрел на нее. Сколько у него было любви к детям!

Я сказала, что мне нужно поговорить с батюшкой об одном умирающем и меня пропустили на амвон. Хотя батюшка был как-будто весь поглощен исповедью этой девочки, но я чувствовала, что он видит меня и следит за мной. Часто так бывало у него, что говорит с кем-нибудь, а за твоей душой следит, как ты в данное время себя ведешь. Это он делал, не глядя на тебя. А иногда бывало так, что кончает с тобой и сейчас же весь отдается другому. Ты еще не успела выйти, а он уже и не смотрит на тебя и ты чувствуешь, что ты как-будто перестала существовать для него. В деле старца о. Алексея иначе нельзя было. Необходимо было всего себя отдать тому, чья душа в данное время этого больше всего требовала.

Я старалась внимательно слушать богослужение, которое шло в левом приделе, но было очень трудно, так как мысли были заняты другим. Наконец батюшка кончил и подошел ко мне, протягивая мне обе руки. Я ему все рассказала. Он весело посмотрел на меня.

– Имя ей?

– Александра.

– Гм... Александра хорошая бывает... а эта ведь... – пошутил он. Я покраснела от радости.

– Обедню будете стоять?

– Если благословите.

– Оставайтесь.

Я с радостью осталась и горячо молилась иногда Богу, чтобы Александра нам не мешала. Иногда, – потому что все время нельзя было: в церкви должна была быть и молитва церковная.

Дня через два жена больного успокоилась, отошла совсем от него, и все ее планы рассеялись, как дым. Дочь была в восторге. Я полетела благодарить батюшку.

– Вот видите ли, она и была не опасна, – сказал он, – это все только так казалось.

А сам был радостный такой и глаза блестели так весело-весело.

Больному делалось все хуже: ждали его смерти. Но я говорила сестрам, что он не умрет и просила их особенно молиться за него по пятницам. Его сестре очень захотелось его причастить. Я попробовала заговорить с ним об этом, но он сказал:

– Зачем? Это разве нужно?

Я не стала настаивать, как батюшка велел.

Применяли какой-то новый способ лечения и больному стало лучше. Доктора думали, что опасность миновала. Но вдруг во вторник у него сделалась гангрена на ноге. Он стал очень страдать. Доктора признали близкий конец. Но полного примирения еще не было. Прихожу, а жена его говорит мне, что он не хочет меня видеть. Я поняла, почему, и все же пошла к нему.

Дежурная сестра рассказала мне, что иногда больной мечется в тоске и ужасе. Кого-то видит, очевидно, и от кого-то не может освободиться. Потом вдруг успокаивается и лежит тихо и мирно.

– Какой-нибудь праведник за него молится, – сказала она, – всегда так бывает. Духи подступают и мучают их, а по молитвам того человека они отступают. Нам это знакомо. Уж и сильна же молитва этого человека, ведь какая борьба бывает!

Сестры о батюшке ничего не знали и в этот раз я не стала им об этом говорить, а самой стало страшно.

Я подошла к больному, перекрестила и поцеловала его. Он открыл глаза, узнал меня и с тревогой и страданием посмотрел на меня.

– Я обещал... не забыл... исполню... – тихо сказал он.

Как я ко многому ни привыкла за это время, но это поразило меня. Значит все время у него только и дума была об этом. Я снова стала ему говорить, как это необходимо, какое он получит здоровье, как ему будет хорошо и светло на душе. Он внимательно слушал меня. Потом я перекрестила и оправила его, он улыбался.

Сестре сказала, чтобы она все время молилась – до пятницы он не умрет. Дочери велела вызвать мужа. Дома я очень мучилась: а вдруг на последнем сорвется?

Но вот звонок и по телефону спешно вызвали меня туда. Прихожу. Оказывается, он принял обоих и не расстанется с ними. Говорит им, как он жалеет о том, что было. Как он их любит, как счастливо они заживут вместе; как по его выздоровлении они все поедут в Италию.

Я вошла к нему, когда он остался один. Он лежал спокойный и радостный.

– Ну вот, я исполнил все. Вы довольны мной? Теперь что же будет?

Я встала на колени и поцеловала его руку. И начала с жаром говорить ему, какое он сделал великое дело. Как им теперь всем хорошо и какая чудесная жизнь ожидает его скоро. Я почти что не скрывала, о какой жизни говорю ему. А он лежал

так тихо и лицо его было какое-то просветленное. Он внимательно слушал, радостно улыбался и все повторял:

– Теперь будет хорошо-хорошо. Светло-светло.

И, казалось, душа его уже чувствовала тот не вечерний свет и ту жизнь не стареющую.

Сильно молились мы с сестрой у его изголовья. Она меня спросила, не нужно ли подготовиться, так как он скоро отойдет.

– Нет, – сказала я, – он умрет в пятницу днем.

Она с удивлением посмотрела на меня. Я сказала днем, потому что в пятницу, именно днем, ему всегда делалось хуже.

Больной все время проводил с дочерью и ее мужем. Все время говорил им, как он любит их и как хорошо они будут жить; а когда ему было очень плохо, то он только крепко держал их руки в своих. В четверг вечером он положил им руки на голову и молча долго держал их так, как бы благословляя их.

Я пришла поздно вечером. Тихо подошла к нему. Он лежал так спокойно и тихая радость была на лице его. Я перекрестила его и сказала его душе:

– Прощай. Иди туда, где нет ни болезни, ни печали, ни вздыханий, где радостно и светло.

Видно было, что ему хорошо-хорошо. Он уже еле дышал. Я положила земной поклон со словами:

– Молитвами старца моего, св. протоиерея Твоего о. Алексея, Господи упокой душу его в месте светлом, в месте покоем.

Потом с сестрой стали молиться со слезами Богу об отлетающей душе его. На другой день вечером приехала уже на панихиду.

Сестры рассказали мне, как они все время его болезни наблюдали за ним. Как он до примирения страдал физически и нравственно, как часто кричал «Пустите меня, не мучьте! Пощадите!» Какая перемена с ним произошла после примирения, и как он умирал покойно. В последнюю ночь дежурная сестра три раза слышала стук в окно и поняла, что то смерть приходила за ним. Это не раз у них на практике случалось, что они слышат и чувствуют, как смерть приходила за умирающим.

– Все это очень удивительно нам было, – закончили они свой рассказ. – Скажите, кто за него так молился?

Я им все рассказала, как было. Одна из них немного знала батюшку. Многим потом они это рассказывали.

Спасибо батюшке, что по его молитвам были такие сестры. Они очень облегчали дело. После панихиды пошла благодарить о.Константина и просить его молиться за упокой души Михаила. Тут же побежала к батюшке. Я влетела к нему как буря и выпалила:

– Спасибо, батюшка, родной, дорогой, он умер, да еще как хорошо! У него сидел какой-то священник с женой. Она, бледная, испугалась и

вскочила, не понимая в чем дело. Батюшка был в восторге, так и сиял. Велел все рассказать подробно.

– Батюшка, ну а где душа его теперь? – спросила я, забываясь.

Я так полюбила эту душу и так привыкла охранять ее, что мне хотелось и к Господу ее проводить и удостовериться насчет ее места. Батюшка строго посмотрел на меня и сурово сказал:

– Александра! Об этом не спрашивают о. Алексея. Разве можно? – И мягко и тепло добавил: – Его душе теперь хорошо.

Ясно было, что он очень хорошо знает, где находится душа Михаила.

– Ну, идите домой. Сейчас же! – добавил он, зная, что у меня такое настроение, при котором меньше всего можно дома усидеть.

– Вы мне очень помогли. Вы так молились, ведь я знаю, – помолчав, сказал он.

– Батюшка родной, да разве я молилась? Это вы.

– Нет, молилась. Я сам видел.

Мне сделалось страшно, так как за Михаила я молилась только по вечерам в соседней церкви или дома.

– Исполнили дело хорошо, – продолжал он. – Радуюсь за вас. Скажите о.Константину, что из всех духовных детей о. Алексея, а их у него много, у него нет такой, как у о.Константина.

Удивленно посмотрела я на батюшку. Ведь это все его было дело, а я-то при чем? И мне стало стыдно. Он меня этими словами сразил.

Когда он бывало так говорил, то пробуждал всегда страшное желание стараться исправиться. Он говорил то, чего ты не делал; хвалил иногда то, чего у тебя не было, для того, чтобы побудить тебя работать и приобрести действительно то, о чем он говорил.

Я видела то, что он доволен мной, и что у него можно просить, чего хочешь.

Я попросила его помолиться за мужа, который очень замучился и чувствовал себя очень плохо. Он вздрогнул и посмотрел поверх меня вдаль. Мне стало страшно.

– Нет... этот раз ничего... пройдет, – облегченно вздохнул он.

– Батюшка родной, сделайте так, чтобы он поскорее выздоровел (я всегда так говорила вместо: помолитесь).

Но здесь были чужие и батюшка, строго взглянув на меня, сказал:

– Вы хотите сказать, чтобы я помолился о нем? Хорошо. Я помолюсь о нем. Не давайте ему волноваться, берегите его. Пусть больше лежит. А на похороны лучше бы не ездил, – сказал он, подумавши. – Ну, ничего не поделаешь, если ему так уж хочется. Все время будьте с ним. В церковь не ходите. Ко мне прибегайте, когда только можно. Ну, да вас учить нечего. Вы хорошая сестра милосердия. Сумеете. Будет очень трудно, но ничего, все обойдется. На! Вот тебе! – и он всю меня осенил большим благословением, как будто с ним он хотел перелить в мою душу всю силу своей души на новое это мое делание.

Действительно, это послушание оказалось очень трудным, так как муж был очень расстроен душевно. Но вся болезнь на этот раз окончилась благополучно. А через два года после батюшкиной кончины Ваня мой снова заболел так же. Потом прибавились новые заболевания, от которых он скончался. В этот раз, когда батюшка за него так испугался, он, очевидно, провидел будущую его болезнь.

Идя домой, чувствовала радость, что нашему Михаилу теперь хорошо, но было и предчувствие чего-то тяжелого, болезнь мужа и трудность моего послушания.

Муж болел долго и я ежедневно бегала к батюшке, который учил меня почти что каждому шагу – как ухаживать за Ваней. Как-то прихожу к батюшке и спрашиваю его, нужно ли молиться за дочь нашего умершего и ее мужа.

– Нет, оставьте это, – сказал он подумавши. – Они люди такие и ведут жизнь такую! Не нужно! – как бы сердясь на кого-то, сказал он.

Сам-то он, дорогой, знал, как нужно за них молиться и, наверное, делал это до тех пор, пока это было нужно. А нам-то, конечно, было непонятно, как за таких людей нужно молиться. Здесь дело было не в том, что они неверующие, а в том, что образ жизни их был не тот.

Помолчав, сказала:

– Я, батюшка, тогда все передала о.Константину, что вы сказали, и он был очень рад, что я себя хорошо вела и тоже похвалил.

Батюшка тотчас же понял, что когда он меня тогда похвалил так сильно, я только удивилась и не приняла это на свой счет, а теперь к этой мысли стала привыкать. Он серьезно посмотрел на меня и сказал:

– Это хорошо, что о.Константин доволен вами. Он хвалит редко и потому каждое его слово особенно ценно. Он зря не будет говорить. Цените его, ох, как цените малейшее его одобрение! Он знает, что говорит. Это не то, что я, старый болтун, говорю иногда так, зря. – И он снова остро взглянул на меня.

Если и зарождалось во мне самодовольство, то оно исчезло, и я сразу почувствовала, что батюшка действительно так, зря, хвалил меня. Я потупилась и сказала:

– Батюшка, больше не буду. Он улыбнулся.

Часто-часто так бывало: батюшка заметит в тебе какое-нибудь неправильное движение души, объяснит, выговорит, не называя, а ты сейчас же поймешь и на его мысли ответишь: не буду.

А раз он вот так выговаривал, и я неясно поняла, в чем дело, но все же ответила:

– Не буду. Батюшка вдруг спросил:

– Что не буду?

Я засмеялась, смутилась и сказала:

– Не знаю что, но знаю, что не буду.

Он засмеялся и долго потом улыбался, когда я говорила «не буду».

Помню, как делалось грустно, когда проводила к батюшке последнюю свою «душу». Думалось: в церкви к нему уже больше не подойдешь и дома незачем его будет тревожить, «душ» больше нет, а самой мне нельзя – у меня «свой» есть. И простишься с церковью и со всем. А, глядишь, и опять приходилось спрашивать его о том или о другом. И каждый раз он велел говорить и про себя и так постепенно приучал меня к откровениям ему, причем всегда требовал, чтобы говорила ему только главное, а все остальное о Константину.

Главное было все, что касалось Вани, а также, что случалось особенного в жизни моей души.

С «душами» приходилось иногда ждать в кабинете, где был народ. И я там слыхала много интересного и хорошего. Немножко раскрывалась жизнь души каждого из них. К батюшке приходили со скорбями, а уходили с радостью. Приходили тяжелыми, а уходили легкими. И для этого не нужно было много говорить с ним. Он все знал. Он никогда не отпускал человека в скорби или со смятенной душой. Добьется, бывало, чтобы человек, успокоился, утешит, обласкает его и тогда толькопустит его.

А с пустяками не приходили к нему. К нему шли большею частью, когда исхода не было, в отчаянии, при очень запутанных и трудных обстоятельствах. И какая сила нечеловеческая должна была быть в нем, чтобы в каждом правильно разобраться и поставить его на ноги. Великая его любовь христианская помогала ему в этом.

Он подходил к каждому человеку, каков бы он ни был и какое бы у него ни было маловажное дело, с чувством жалостливой любви. Он, как говорит народ, «жалел» каждого

человека. Первое чувство, первая его мысль были всегда: как помочь, как облегчить человеку его бремя. Удивительно было его выражение, которое он многим часто говорил:

– Оставь здесь все у меня.

Действительно, он брал все на себя и к себе и отпускал людей радостными.

Эта его любовь, озаренная Духом Святым, делала то, что батюшка всегда правильно понимал душевное состояние людей и их жизненное положение.

Я не думаю, чтобы был хоть один человек, имевший дело с батюшкой, который мог бы сказать, что о. Алексей не понял его.

Если человек приходил с бурей в душе, он никогда тут же не укорял его, не вменял ему его поступка. В эту минуту он только уходил обласканный и с легким сердцем. И уж только потом, если он снова приходил к нему в спокойном состоянии духа, батюшка выставлял весь грех его так, что не почувствовать этого или забыть было нельзя. И после такого наставления всегда было горячее желание исправиться.

Удивительно, как батюшка не уставал духовно принадлежать народу, сколько бы его ни было. Человек в нем иногда сдавался, болезнь его одолевала, но дух горел в нем с такой же силой всегда.

Помню, пришла в такой день, когда было мало народу, но свои, а свои сидели подолгу у него.

Вхожу, батюшка лежит лицом к двери, подперши голову рукой. На груди рубашка расстегнута (так трудно было ему дышать), а рукав завернулся выше локтя, и когда он поднялся благословить меня, я увидела на его локте темно-красное пятно. И это несмотря на подушки. Сколько же времени о. Алексей, «человек Божий» принимал и утешал людей, находясь в одном положении.

Он заметил у меня на глазах слезы. Быстро поправил рукав и наглухо застегнул ворот рубашки. Помолчав немного, чтобы отдышаться, он весело сказал:

– Ну, рассказывай про себя.

Уткнувшись головой в постель, я молчала. Мне было жаль его до смерти и больно за него, но душа моя была полна

восторга перед великой душой великого нашего старца о. Алексея, действительно полагавшего душу свою за люди своя.

– Александра, долго я буду тебя ждать? – услыхала я его ласковый голос. И в голосе его что-то дрогнуло. Я знала, что батюшка не любил, чтобы в нем замечали его праведность.

Быстро оправившись, я стала рассказывать ему что-то незначительное и веселое, чтобы он отдохнул. Он смеялся и велел еще рассказать. Исполнивши его желание, несмотря на его уговоры остаться, я ушла. Я была последняя, и он мог хоть немного отдохнуть.

Помню особый день, чуть ли не последний, когда батюшка велел всех к нему пускать. С раннего утра началось. Я пришла к вечеру и конца не было видно. Двери келлии старца о. Алексея не затворялись: один входил, другой выходил.

Когда я взошла, он полулежал. Рубашка его была расстегнута и грудь его высоко подымалась. Лицо было блее полотна, но глаза были большие, глубокие, темные и горели внутренним священным огнем. В нем был один дух. Казалось, великий старец не замечал свой болезни и изнеможения. Он пропустил не один десяток душ, но с каждой новой душой дух его все больше разгорался. Вместо того, чтобы душой уставать от тяжелых переживаний и от смрада грехов, которые мы ему приносили, и которые, по его же собственному выражению, он оставлял у себя, он все больше и больше разгорался духовно. Ведь в это время батюшка почти что не служил. Читать или молиться ему не было времени – его осаждали со всех сторон.

Жизнь мира была очень трудная. Люди приходили все измученные, потеряв почву под ногами. Церковь была почти всегда в опасности от различных скорбей и волнений. И все это бурлило вокруг него и волны этой бури подкатывались к «берлоге» (так он любил называть свою комнату), но разбивались о дух великого старца о. Алексея.

Ясно было, что он берет силы не извне, а из своего внутреннего сокровища, из своего сердца, наполненного Духом Святым, где Господь уже сотворил обитель Свою.

* * *

Иногда приходили спрашивать батюшку о разных духовных лицах, о разных событиях церковных, поскольку они касались о.Константина и Маросейской церкви. Он освещал всегда все правильно и, бывало, как скажет, так и случится. Духовенство же знал так, как будто жил с каждым из них. Редко скажет, что не знает кого-нибудь. Он не только знал очень многих, но знал, что каждый из них стоит.

Бывало придешь, а душа ноет от беспокойства, и он тебя тревожно встретит:

– Ну что? Что случилось?

А расскажешь ему, в чем дело, он так спокойно ответит:

– Ничего. Это все обойдется, – и объяснит тебе все, как должно произойти.

А когда что касалось непосредственно о.Константина, бывало, придешь рассказать батюшке свою тревогу, а он:

– Нет, нет, ничего. Я знаю, что с ним сейчас ничего такого не случится. Ну, расскажите про себя. – И сразу сделается покойно на душе и чувство, что батюшка зорко следит за всеми, кого любит, и не даст их в обиду злу.

И забывалось, что ведь он тоже человек, что у него свои немощи, свои заботы, свои скорби. Мы привыкли к тому, что он был все для каждого из нас. Мы твердо знали, что каждый из нас, приходящий к нему, получит облегчение, но мы не хотели видеть, что он сам несет наши страдания и берет на себя наши нужды и печали.

Как-то прихожане церкви, где служил мой отец духовный, были недовольны своим настоятелем и хотели предложить настоятельство моему «отцу». Я очень этого испугалась, так как время было опасное.

Прихожу спрашивать об этом батюшку.

– Пусть принимает. Непременно принимает, если ему будут предлагать это... и вообще там... – сказал он с убеждением и таким тоном, точно это было нужно для Церкви и миновать этого нельзя.

Действительно, уже после батюшкиной кончины о.Константину дали должность, от которой никакие старания не могли его освободить. Тогда я поняла слова батюшки, что он

нужен для Церкви, и твердо поверила, что до последнего о. Алексей будет охранять его.

Было время, когда запрещали поминать Святейшего. О.Константин и о.Сергий упорствовали в этом²⁷⁰, а это было очень опасно.

Я умоляла батюшку убедить моего «отца» и надеялась, что батюшку-то «отец» мой послушает. Как-то вечером прибегаю к батюшке на квартиру и спрашиваю: был ли мой «отец». «Имя», отвечают мне, улыбаясь.

– И долго же он с ними двумя говорил.

– Ну что же, уговорил?

– Не знаем. Да вы сами подите спросите.

У батюшки сидел кто-то чужой. Ясно говорить было нельзя. Поклонилась ему в ноги и спрашиваю:

– Уговорили, батюшка, «моего-то»?

Он озабоченно и с любовью посмотрел на меня.

– Кажется... да... Долго пришлось говорить. Очень упрямые, не понимают, можно и иначе. Это не значит изменять. Очень уговаривал долго.

Можно было понять, что он, уговаривая, прилагал к этому все старания, но что он за последствия не ручается, если его не послушали. У меня опять заскребло на душе.

– Батюшка, родной, скажите Богу, чтобы «мой» послушался!

Батюшка тотчас же почувствовал мою тревогу и уверенно сказал:

– Нет, нет, уговорил. Думаю, что перестанут. Уж очень они оба упрямые у меня. – Он покачал головой. – А мой-то, к тому же и очень горяч, – вздохнул он. – За этим только и пришла? – ласково спросил он.

– Да, нарочно забежала. Послали за покупками, а я к вам. Простите, батюшка.

Он улыбнулся и благословил.

– Ну, бегите скорей домой!

Вскоре прихожу к нему опять по делу об одной анкете, которую духовенство должно было заполнить²⁷¹. Интеллигенция, как всегда, «вопила», что нужно «им» пострадать, но не подписывать. Народ относился как будто

пассивно, выжидая, что будет. Многие подписывались и это было вполне возможно и не против совести.

О.Константин велел узнать у батюшки как и в чем дело, а главное – дознаться, будет ли он сам подписывать ее. После меня он лично хотел побывать у него.

Я ждала в столовой, пока батюшка меня позовет. О.Сергий сидел тут же. Стали говорить об о.Константине, о тяжелом положении Церкви, о том, что нельзя поминать Святейшего.

– Я всю ночь тогда после разговора не спал, мучился. Ведь вы отреклись от него, – сказал, тяжело вздохнув, о.Сергий.

Я, как могла, старалась утешить его, боясь, что он снова примется за свое и тем подведет батюшку. Меня позвали.

– Идите. Он зовет вас, – сказал о.Сергий и, схватившись за голову, крепко задумался.

Грустный сидел о. Алексей в постели. Церковь страдала очень.

Так как он всегда почти все знал, то часто я ему не говорила, в чем дело, а сразу спрашивала его совета, как бы продолжая свою мысль.

– Нужно, батюшка, знать, будете ли вы это делать? Я не знаю, что он думает делать, но знаю одно, что он должен подписать, – сказала я с нетерпением. – Сил нет с такими. Нужно было с самого начала всей Церкви отстаивать все. А теперь? Раз «верхи» пошли на уступки, на священниках выезжать что ли будут? Пускай на архиереях выезжают, а их оставят в покое. Они народу нужны, без них мы пропадаем. А тут еще эта интеллигенция дурацкая вопит о мученичестве. Сами бы в свое время шли вперед! Нет, небось!

– Погоди, буря, – прервал батюшка мой поток, улыбаясь, – про него самого-то расскажите.

Я передала ему, что о.Константин велел, и рассказала, как мне казалось о.Константин и жена его смотрели на это.

Конечно, подписываться А.П. (жена его) сама просить его не будет, но, сохрани Бог, что случится, она не вынесет. И дети еще не встали на ноги.

– Да все равно, они не имеют права собою жертвовать, так как принадлежат народу, – снова загорячилась я. – Ну и что же?

Как нужно, батюшка? – спросила я с тревогой и тоской, зная очень хорошо, что передо мной сидит тот, кому Духом Святым открыто правильное решение всех вопросов и чье решение являлось непреложным.

И если бы в свое время «верхи» послушались смиренного священника о. Алексея, многие не пострадали бы так и многое в церковной жизни пошло бы иначе. В великом старце о. Алексее несомненно говорил Дух Божий, и все его действия были руководимы Им.

О.Алексей задумался, потом начал говорить, что «они» (власти) хотели получить от этой анкеты. Как всегда, не раздражаясь, никого не обвиняя, он старался смягчить все трудности вопросов, указывая, как нужно их понимать и как можно обойти их. Рассказывал, как один священник со слезами исповедывался ему, что он пошел на то из-за семьи, из-за жены.

А один прямо сказал ему:

– Я не могу губить семью своими руками. Неужели Господь не простит?

И батюшка со слезами повторял их слова и рассказывал, как он ободрял и утешал их.

– Так и здесь, – продолжал он. – Вы говорите, и совершенно правильно, что А.П., жена о.Константина, сначала погорячится, а потом не вытерпит последствий. Да ей и нельзя вытерпеть.

И батюшка стал говорить, какая она любящая и заботливая мать и жена и какое у нее слабое здоровье.

– Ну что же с ней да и со всеми ими будет без него?

Я поняла, что дело шло не столько о материальной помощи, сколько о нравственном значении для семьи о.Константина. – «Да... да... так».

И батюшкино лицо сделалось скорбным и глаза наполнились слезами. Он, казалось, сам переживал состояние о.Константина и его жены.

– Пусть подпишет, – повелительно сказал он, – и пусть сам ко мне придет. Мы с ним еще потолкуем.

Я облегченно вдохнула.

– А вы как, батюшка?

Он отвернулся, покраснел, и, не глядя на меня, начал говорить об общем трудном положении Церкви, иногда безвыходном, когда приходится уступать, чтобы спасти хоть нечто и некоторых, когда люди добровольно идут на мученичество.

Потом вдруг круто оборвал, поднял голову, лицо его преобразилось, глаза стали темными и глубокими, и он, как бы весь вспыхнув от внутреннего огня, голосом полным любви и страдания сказал:

– Я не могу требовать от них мученичества... Он (Бог) мне этого не велел. А я... я сам... Мое дело другое... особое... Я одинокий, сижу в «берлоге» (так он называл свою комнату). Я решаю только за себя, за мной никого нет. Я подписывать не буду, – глухо сказал он.

И надо было видеть, с каким выражением он это говорил. Тут было упорство, внутренняя борьба со злом, одолевавшим Церковь. Казалось, о. Алексей своим поступком хотел покрыть всех, кого он любил, жалел того, кто должен был подчиниться. Покрыть их перед Богом, если бы это оказалось нужным.

В о. Алексее все снова потухло, и он, строго глядя на меня, сказал:

– Смотри. Ему этого не говори, и вообще никому не говори. Поняла? Скажи ему про меня так как-нибудь, а про это не надо. Смотри. Ну, да вы сумеете сказать; придумаете там что-нибудь. Про меня им (священникам) нельзя говорить. На меня все смотрят... чтобы поступить, как я. Идите. Уйдешь или нет? – повторил он добродушно-сердито, видя, что я не двигаюсь.

Я, молча, с благоговением упала ему в ноги и вышла.

В этот раз мне стала ясна вся великая батюшкина забота о ближнем, о своем брате священнике, его понимание тяжелого положения, в котором тогда очутилось духовенство, его христианская всеобъемлющая душа, полная такой удивительной силы любви.

Как-то раз вошел о.Сергий к батюшке. Скоро разговор стал общим. Я стала спорить с о.Сергием об интеллигенции, что она ничего не понимает, что настоящего духа в ней нет. Говорила, что люблю батюшкины службы, так как тогда бывает больше

народа, а у о.Сергия все «эти» стоят. Он не сердился, только старался раздражить меня. Батюшка слушал, улыбался, смотрел то на одного, то на другого.

Стали говорить о Церкви, о Святейшем... Я тогда еще лично не знала Святейшего и относилась к нему, как и вообще ко всем архиереям, с предубеждением. О.Сергий защищал его и доказывал правильность всех его действий. Меня это задело за живое, и я, забыв, что нас слушает батюшка, выпалила:

– Какой он есть Патриарх? В нем настоящего духа нет.

О.Сергий с удивлением посмотрел на батюшку, что он меня, такую, терпит, и сказал, в отчаяньи махнув рукой:

– В Святейшем-то настоящего духа нет?! Ну что с вами говорить после этого! – и вышел из комнаты.

Я опомнилась и посмотрела со страхом на батюшку... О.Константин относился очень строго к осуждению архиереев, а здесь дело шло о самом Патриархе. Сейчас, думаю, будет мне трепка здоровая! Но батюшка смотрел на меня тихо и грустно.

Я поклонилась ему в ноги.

– Батюшка, дорогой, родной, простите. Я так это, сдуру.

Он благословил и сказал:

– В нем-то духа нет... говорите?... Посмотрим.

Взгляд его был глубокий и какой-то особенный. Он чувствовал, что скоро уйдет от нас и оставит нас сиротами, и провидел, при каких грустных обстоятельствах я увижу и пойму Святейшего.

Действительно, я увидала всю силу духа его молитвы, когда хоронили батюшку. Он встретил его гроб, и я каким-то образом очутилась рядом с ним.

Казалось, обе великие души беседуют между собой. Тут же вспомнила я батюшкины слова и поняла, что это мой старец показывает мне душу Патриарха всей России.

И когда Святейший уезжал с кладбища, я ему со всеми другими бросала зелень в пролетку и кричала:

– Спасибо тебе, что ты проводил нашего батюшку.

С тех пор, а также стараниями о.Константина, я горячо и преданно полюбила нашего Патриарха-мученика.

Раза два меня просили узнать у батюшки, что будет со Святейшим, находившимся тогда в заточении. И каждый раз батюшка весело и покойно отвечал, что ничего плохого с Святейшим не будет и его освободят. А слухи ходили упорные, что его чуть ли не расстреляют²⁷².

Раз говорили с батюшкой о духовенстве и я стала горячо объяснять ему, что о.Константин требует неосуждения архиереев, как церковного начальства, а что я от этого не могу отучиться, потому что «они» не настоящие и никто из них того, что нужно, не понимает.

Батюшка слушал терпеливо и, наконец, сказал:

– Ну, согласись, Ярмолович, что это ведь стыдно, нехорошо. Какая-то большевичка – никого и ничего не признает. И это духовная дочь о.Константина! Я буду скоро краснеть за вас. Ну, подумайте, что вы только говорите! Разве все архиереи такие? Есть, конечно, и такие, но есть и другие. Ведь есть?

Я с недоверием протянула:

– Е-е-сть.

– Есть, – повторил он. – И я знаю таких. Вот ко мне ходят исповедываться (он назвал двух-трех архиереев²⁷³).

Батюшка искоса поглядел на меня, но увидал, что это на меня никакого впечатления не произвело, – я продолжала стоять на своем.

Митрополит Филарет

– Ну, и был и есть такой, которому равного никогда не было и не будет: митрополит Филарет Московский²⁷⁴. Про этого-то, надеюсь, ничего не скажешь?

Батюшкино лицо сделалось особенным, таким, с каким он говорил о святых вещах: глаза сразу потемнели и он в упор сурово посмотрел на меня. Я испугалась и тихо сказала:

– Ничего.

Я не знала батюшкиных отношений к покойному Святителю, которого очень уважала и глубоко чтילה моя прабабушка-монахиня. Но я поняла, что, если я что-нибудь скажу про него, батюшка задаст мне жару.

– Да, задумчиво повторил он, – он был удивительный. Никто никогда с ним сравниться не сможет.

Мне очень захотелось расспросить о нем батюшку, но я не посмела. Я знала, что если бы было нужно, он сам бы мне что-нибудь рассказал о нем. Поклонилась в ноги. Он молча благословил. Батюшка смотрел куда-то вдаль и, казалось, весь был погружен в воспоминания о великом Святителе.

Как-то говорила с батюшкой про церкви и их священников, что они дают народу и чем кто из них отличается. Про наш приход он сказал:

– Хороший был там старичок священник. Я знал его. Очень хороший был. А теперь после о.Константина кто там?

Я сказала и добавила, что при нем церковь совсем опустела; что как человек, он, может быть, и ничего, но как священник он неподходящий. Я жаловалась, что у него все мертво в церкви.

– Да, да, – сказал батюшка, – он не годится. Знаете ведь где он был? Там ведь прихода не было. И какая там служба. Откуда ему что взять.

Почему-то батюшка как-то сурово не одобрял его.

– А как вы, батюшка, считаете о.Сергия? – спросила его. – Он очень поднял свою церковь. Община его очень деятельная. Но так как он западник, то у него настроение какое-то другое, не как у наших.

– Практик он хороший и организатор, – но и только, – ответил батюшка. – Руководителем он быть не может. Как пастырь он никуда не годен.

– Батюшка, а как ваше мнение об о.Г. Много народу к нему ходит. Он говорит очень хорошо. Правда, что там все интеллигенция больше.

– О, это ужасный человек! – воскликнул батюшка. – Раз он был у меня. Поговорили. Ушел. За ним входит особа, вся взволнованная, слово сказать не может. – Что с вами? – говорю, успокойтесь. Кто вас так растрогал? – Да как же, – говорит, – батюшка, вхожу я к вам и вижу сидит о.Г. Мне всю душу передернуло. Я его видеть не могу. – И рассказала мне, как она его знала священником на юге еще, как исповедывалась сестра ее, и как он выдал тайну исповеди той, и тем навеки поссорил две родственные и дружественные семьи. – Он мне всю душу

искалечил, как могу я его видеть? – Вот каков он человек! (батюшка не назвал его даже священником). – Это ужасная вещь – выдать тайну исповеди! Знаете, что за это нам бывает (от Бога)! Очень это страшно. Да еще столько душ погубил, – батюшка как бы в ужасе отшатнулся. Его лицо стало грозным, точно он видел суд Божий над таким грешником.

В это время гремели проповеди Г. и Х., особенно первого. О.Константин сам бывал и меня на них пускал. Ему они не особенно нравились, а я была от них в восторге. Но одна проповедь сделала на всех нас очень странное впечатление. Г. говорил о покаянии, о Страшном суде, о каких-то своих видениях. Он говорил о каком-то огненном дожде, о голосе с неба... Говорил красиво, страшно, с горящими глазами, воздевая руки. Нам всем это не понравилось. Если верить ему, то надо все бросить и готовиться к смерти. Если не верить ему, значить считать его за исступленного и бросить ходить слушать его. Настроение у всех было смутное и тяжелое.

К сожалению, я не записала батюшкиных слов. Он говорил о том, каков должен быть хороший пастырь и как к этому нужно готовиться.

Он говорил, что приход должен быть сплоченной семьей: священник – отец, прихожане – чада его. Они должны жить одной общей жизнью. Без его совета прихожане ничего не должны предпринимать даже в своей личной жизни. Они должны во всем его слушаться. Он ведет их души к Богу и направляет их жизнь, а они должны заботиться о материальном благосостоянии его и его семьи, должны исполнять его нужды. Между ними должно царить общее доверие, обоюдное согласие. Между собой прихожане должны жить, как члены одной семьи. Должны помогать, поддерживать друг друга. Сохранять между собой мир и любовь. В каждом приходе должна быть своя школа, свой приют, своя помощь бедным и больным. Такие приходы и должны являть собой возрожденную христианскую общину нашего времени.

Батюшка рассказал мне, как он хотел объединить священников, чтобы они сблизились между собою для того, чтобы научить их настоящей пастырской деятельности.

– А я читал им дневник о. Алексея, – сказал он с ударением на последнем слове. – Он им очень понравился и оказал на них сильное впечатление. В чем раньше они не соглашались со мною, теперь признавали себя неправыми, видя подтверждение моих слов из примеров дневника.

К сожалению, батюшке не пришлось довести это дело до конца. Эти собрания длились недолго. Скоро они распались. На этих собраниях у батюшки бывали все известные священники и в конце приходил о.Г., проповеди которого так прославились. Вначале он считал всю эту батюшкину затею ненужной, но, побеседовавши с ним, вполне признал его авторитет.

При фамилии Г. я встрепенулась.

– А вы его знаете? – спросил батюшка.

– Да, батюшка, хожу на его беседы. Уж очень хороши! – с увлечением сказала я.

– А о.Константин?

– Пускает и сам бывает, но они ему не нравятся.

– На последней беседе были? Расскажите про нее и какое впечатление она произвела на народ?

– Да, верно, – сказал он, когда я кончила. – Мне один священник с женой говорил, что пришли в недоумение, как понять и как принять ее. Многих он ею смутил.

– Батюшка, он говорит, что Дух Божий говорит в нем.

– Дух Божий не там находится (в голове), а здесь, – и батюшка приложил руку к сердцу и так бережно сказал это «здесь», точно он боялся потревожить кого-то. – Знаете, чем он приобретает-то... Его нелегко получить.

По словам батюшки, Г. очень высоко взбирался вместе со всеми слушателями, но опоры им не давал, так что они легко могли упасть. Он говорил о красоте духовной жизни, но не учил, как ею жить.

– Он может вас поставить очень высоко, но, ничем не поддерживаемая, вы упадете и расшибетесь, – сказал батюшка.

Он говорил, что Г. очень опасный руководитель, непостоянный, что у него все одни слова. Содержания в нем нет никакого.

Я слушала с удивлением, так как Г. считали за выдающегося священника, очень высокой духовной жизни.

– Вы-то, вы-то больше не ходите к нему. Поняли? – горячо сказал батюшка.

А я только собиралась поближе познакомиться с Г. для разъяснения разных вопросов по поводу его бесед.

– И на беседы не ходить, батюшка? – робко спросила я.

– Да, и на беседы.

– Я больше не буду, батюшка (увлекаться ими).

– Не нужно, не нужно, – с упорством проговорил он, точно его кто-то не хотел послушаться. – Он опасный человек.

И как это все оправдалось, когда храм и сам Г. перешел к «живым». И сколько душ долго страдали от его измены. А одного я знаю, который совсем отошел от Церкви, и душа его до сих пор все чего-то ищет и ни в чем не находит себе покоя.

Не раз удивлялась я, как это батюшка мог знать тогда человека, который ни в ком не вызывал сомнения и был всеми очень уважаем.

Прихожу раз к батюшке спрашивать, можно ли посылать людей в церковь Т. Там был один очень странный священник о.И. Многие считали его не совсем даже православным.

– Пусть ходят в церковь, – ответил батюшка. – Там ничего такого нет и пение народное хорошее. Но к нему ходить не нужно, не потому, чтобы он был плохим, но потому, что ничего не понимает сам. Да и откуда ему понимать? Соответствующего воспитания не получил, образования тоже нет. Так, кое-чего начитался. Он был у меня. Чудак этакий!

Он послал к Патриарху одного человека, чтобы его посветили в священники. Оттуда мне часто присылали их для проверки. И его прислали.

Он был железнодорожный мастер, человек обыкновенных свойств. В священники не годился совсем. Материальное его положение было очень тяжелое. Отзыв мой о нем там приняли как всегда. Мне все же в этом доверяли. Ему отказали. Приходит о.И. Требуется видеть меня. Принимаю его. В страшном раздражении ругает меня и говорит, что я не имел права вмешиваться в это дело, что это безобразие с моей стороны. Я

дал ему кончить, а потом покойно и ласково объяснил ему, в чем дело. Я ему сказал, что вполне понимаю, почему он так сердит на меня – ему жаль товарища, очень хочется помочь ему. И вот мне наконец удалось убедить его, что прав я, а что товарищу его можно и иначе как-нибудь помочь. И, наконец, договорились до того, что он со слезами просил у меня прощения. Чудак этакий! – сказал батюшка, улыбаясь.

Удивительно правильно батюшка оценил его. Многие, понимающие в церковном деле, ставили его очень высоко, а другие считали его чуть ли не еретиком. Батюшка же двумя словами сказал про него то, что и было на самом деле: – «Чудак этакий!».

Как-то говорили с батюшкой об одном епископе. Он так любовно и ласково отзывался о нем.

– Молитва его такая святая, – говорил батюшка, – он большой молитвенник. Ух какой! Душа его чиста, как стеклышко самое чистое... Молитва, молитва его большая... Он и руководит и иногда идут к нему, но главное, он...

Пристально все время смотрел на меня батюшка. Его глаза были темные и глубокие. И я поняла, что епископ стоит очень высоко духовно и что его дело молитва – одна молитва, а, может быть, даже и затвор.

Как-то прихожу к батюшке после смерти о.Лазаря (удивительный был тоже батюшкин священник).

– Вот, – начал он с жалобой, – никак не могу найти священника для Маросейки. Такого больше не найдешь, – с грустью добавил он.

– Ну, батюшка, если уж вы-то не выберете священника для Маросейки, то кто же будет выбирать? Кто другой может это сделать? – горячо сказала я.

– Думаете, я буду выбирать? – смеясь, сказал батюшка. Я вспыхнула:

– Кто же посмеет другой? На кого скажете, тот и будет. Батюшка весело посмотрел на меня.

– Мы с Александрой будем выбирать. Выберем мы с тобой хорошего-хорошего. Хочешь?

Я засмеялась и крепко поцеловала его руку.

Помню, как в первый раз при мне вошел о.Сергий. Я встала, подошла под благословение и, низко ему поклонившись, хотела выйти, но батюшка взглядом остановил меня. Пока они говорили, я продолжала стоять: сесть при сыне о. Алексея я не смела.

Когда о.Сергий вышел, батюшка повернулся ко мне и сказал с ударением на слове «моя».

– Ну, садись теперь, моя Александра.

Он был очень доволен моим поведением по отношению к отцу Сергию. Другой раз как-то вошел о.Сергий и сказал отцу, взглянув на меня:

– Мне нужно поговорить с тобой, батюшка.

Я хотела уйти, но, как в первый раз, батюшка велел мне остаться. И так всегда впоследствии было: я присутствовала при их разговорах и видела, сколько любви и материнской нежности было у отца к сыну.

Как-то пришел о.Сергий просить батюшку помолиться о себе. Он шел на какое-то дело, которое казалось ему опасным, а может быть просто трудным. С беспокойством приставал он к отцу. Но батюшка был покоен и отмалчивался. Наконец он так ласково и спокойно благословил его и сказал:

– Иди, иди, ничего.

Видно, он знал, что все будет хорошо. Но когда о.Сергий затворил за собой дверь, батюшка еще долго продолжал смотреть вслед ему сосредоточенно и задумчиво и, наконец, как бы проводив его своей молитвой, глубоко вздохнул. Потом повернулся ко мне и стал продолжать прерванную беседу.

Помню, как о.Сергий не раз говорил в проповедях что-то неосторожное. А время было тяжелое для Церкви.

Прихожу к батюшке и стали мы говорить об опасностях, которым тогда подвергались священники.

– Батюшка, – сказала я, – ведь вы-то можете запретить и запретите о.Сергию говорить такие вещи в церкви, какие он и теперь иногда говорит. Он ведь этим подводит вас, как настоятеля, и себе повредить может. Он молод, горяч, не жалеет себя. Говорит-то он хорошо, но очень неосторожно.

Батюшка улыбнулся.

– Меня-то не послушает, – сказал он с грустью, – очень с ним трудно.

– Вас-то, батюшка? Так кого же он слушаться-то будет, если вы и то не можете с ним сладить? Ведь не для себя он должен беречься, втолкуйте вы ему это. Для Маросейки, для великого Маросейского дела он должен охранять себя. Он не себе, не своей семье даже принадлежит, он должен помнить, что он Ваш, о. Алексея, заместитель в этом великом деле.

Батюшка сел на кровати и весь наклонился ко мне. Глаза его сделались темными и лицо преобразилось. Он медленно и с ударением на каждом слове проговорил:

– Ты знаешь, каков он... каков он должен быть?

Что-то дрогнуло во мне и я с жаром начала говорить:

– Я знаю, он по духу ваш сын и должен быть вашим наследником. Сколько у него горячности в вере, в служении Богу! Он действительно понимает высокое значение священника и путь Христов. Он должен быть вашим последователем во всем. Маросейка должна встать во главе всех общин. Он не только сможет вести души людские ко Христу, но он может встать во главе всех этих молодых священников за великое церковное дело и поведет их как нужно...

Батюшкины глаза стали большие-большие... Он с восторгом смотрел на меня и иногда только в знак согласия кивал головой.

– Вот каков должен быть сын о. Алексея, – закончила я и бросилась целовать батюшкину постель и со слезами умолять его: – Батюшка, родной, дорогой, учите его, учите, насильно сдерживайте его от того, что ему вредно. Не обращайтесь на его слова, он ведь ничего не понимает. Батюшка, родной, сделайте так, чтобы он берегся и был настоящим (как батюшка).

Большим благословением благословил меня батюшка и сказал как-то торжественно и с большой любовью:

– Ну, иди теперь, моя Александра.

Много духовенства и важного и простого ходило к о. Алексею за советом, руководством, исповедываться. Многие его любили, уважали, считались с его мнением.

Бывало, сердисься, когда священники без очереди приходили к нему и сидели подолгу, тем мешая народу попасть к батюшке. Но ведь и им нужен был старец о. Алексей.

Как-то прихожу к нему в воскресенье.

– Вот вчера всю ночь не служил, – жаловался он, – а надо было бы очень. Архиерей сидел. Весь вечер просидел. Сами знаете: архиерей, ничего не поделаешь. Архиереи приходят советоваться с о. Алексеем в его берлогу. Вот какие времена настали, Яромолович.

– Вы бы его прогнали, батюшка, раз он ничего не понимает.

– Глупая, ведь он архиерей, а я что? – засмеялся батюшка.

– Ну, уж это, положим, батюшка, оставьте, – горячо возразила я. Много священников приходило в церковь посмотреть на «странного священника» о. Алексея.

Очень многие не понимали его, осуждали его, во многом не соглашались с ним. Служителям духа он был понятен и близок, служителям буквы и закона он был чужд и непонятен. Некоторые же духовно слепые не видали благодати Св.Духа, явно действующей в великом старце.

Знаю, что Ф. (священник)²⁷⁵, ослепленный гордостью ума своего, долго не признавал о. Алексея за его простоту, но, свидевшись с ним, великим умом своим понял, что было в этом человеке, и поклонился духу великого старца.

Знаю, что о.Р. не признавал батюшку, как очень «страшного» священника (у него с батюшкой была большая история у постели одной умирающей, которая только благодаря батюшке с миром отдала душу Богу). Но потом, поговоривши как следует с ним, тоже признал его.

Но знаю и таких, которые при жизни горячо любили и очень чтили батюшку, а после смерти отреклись от всего того, что было для них так свято.

Помню, как один, будучи диаконом, все ходил к батюшке. Каждый день ходил и сидел у него долго-долго. И какое у него было смирение, усердие к службам. Потом он подпал под влияние того священника, в храме которого он служил, и последнюю зиму, еще при жизни батюшки, вместе со своим

настоятелем часто обвинял батюшку в сочувствии живоцерковникам²⁷⁶.

Правда, батюшка никогда резко не выступал против них, избегал явно осуждать их. Мудро очень он с ними держался, и вообще Маросейку он свою в то время ставил как-то самостоятельно и в стороне от всевозможных течений, наводнявших тогда Церковь.

Как-то в раздражении на все эти толки про батюшку, я ему сказала:

– Вот, батюшка, вы все возитесь с этим диаконом, а он с настоятелем своим вот что про вас смеет говорить. Я вам говорю, что из него ничего не выйдет. Ведь вдобавок – он еще интеллигент. Только себя мучаете с ним. Бросьте вы его.

Лицо батюшки сделалось жалким, жалким, а он сконфуженно проговорил:

– Нет, ничего... это он так... он хороший все же... Мне до смерти стало жаль и обидно за батюшку.

Знаю также одного священника, который глаз не сводил с батюшки, ловя каждое его слово. И хотя он спорил часто с ним, а иногда прямо во многом мешал ему, но казалось, что никто и ничто не могло разлучить его с ним. Теперь же тяготится своим саном, осуждает Маросейку, забыв, очевидно, что это дело того, кого он некогда так любил. Он забыл, что буря и искушения всегда постигают дела праведников, особенно после их смерти²⁷⁷.

И еще найдутся такие. Но надо думать и верить, что молитвами батюшки пройдут у них искушения их, откроются им духовные очи и снова поймут они его заветы и, очистившись покаянием, пойдут по трудному пути великого нашего старца о. Алексея.

Публикуется по машинописи из архива Е.В.Апушкиной. Впервые опубликовано в кн.: Отец Алексей Мечев. С.78–277.

Автор воспоминаний – Александра Феодоровна Ярмолович. Практически никаких сведений о ней найти не удалось, кроме небольших воспоминаний последней из оставшихся в живых насельниц Борисо-Глебского Аносина женского монастыря

схимонахини Анны (Тепляковой), относящихся к периоду 1925–1928 гг.:

Она была из рода основательницы нашего монастыря – игумении Евгении (Мещерской). Ярмолович – фамилия мужа. Было лето. Сенокос. Она до сих пор стоит у меня перед глазами: в черной юбке, белой батистовой кофточке с длинными рукавами. Жизнерадостная какая-то, со всеми разговаривает. Возится с сеном. Я любовалась ею. У нее было необыкновенно приятное лицо. Я почувствовала в ней большую интеллигентность, благородство. По всему было видно, что она не простого происхождения.

Судя по некоторым указаниям текста, воспоминания были написаны в 1927 г.

Часть 2

Все, что до сих пор было написано, касалось больше других. Теперь постараюсь написать, как возился с моей грешной душой дорогой мой старец, как он спасал душу моего мужа и как поставил меня, глупую, на путь истинный, подчинив меня духовному отцу и поучив, как должно относиться к нему и чем должен быть для меня мой духовный отец.

В общем я была под руководством старца о. Алексея около двух лет.

Первый раз я пришла к осени.

В первую зиму по большим праздникам редко ходила на Маросейку: боялась батюшки при народе – а вдруг что-нибудь скажет. В последний же год иначе не ходила, как только в эту церковь, а к батюшке через день, а то и два раза на дню.

С самого начала ходила к батюшке по чужим делам, водила к нему чужих. Постепенно же старец мой научил меня говорить ему и о себе. И я быстро поняла, что нужно говорить ему и что о.Константину.

Когда уж несколько раз поговорила с батюшкой и о себе, то решила, что нужно все-таки спросить о.Константина. Я боялась, что он не позволит утруждать собою батюшку.

– Ходите, ходите, о. Алексей, кроме хорошего, вас ничему не научит. Он вас наставит на путь Христов, – сказал он.

С тех пор я с легким сердцем и всей душой стала злоупотреблять терпением и временем дорогого батюшки.

Раз на молебне с водосвятием стояла я на коленях перед Феодоровской. Батюшка читал акафист. Между мной и им было несколько человек. И до сих пор не понимаю, как мог он за мной следить. Я горячо молилась в первый раз без всякой просьбы. Душа просто пела песнь любви к Божьей Матери. Я забыла где я, забыла про батюшку. Вдруг образ и лампы заблестели ярко, ярче звезд в морозную ночь. Я закрыла глаза. Открыла – все то же. Мне стало очень весело и я стала стараться всячески усилить это. Вообще тогда вся моя молитва была больше физическая: напрягала ум, волю, все тело, чтобы создать то,

что от меня требовали. Иногда после служб уставала так, что все тело ломило, как, бывало, в деревне после очень тяжелого рабочего дня. Можно было на мне рубашку выжать. И от этой-то работы являлось иногда после долгих усилий немножко молитвы. Но на этот раз никакие усилия не помогли: явление исчезло так же внезапно, как и пришло. Вдруг я вспомнила батюшку и посмотрела на него. Насколько мне было видно, он читал акафист и никакого внимания не обращал на меня. Кто-то же из сестер, стоявших вблизи, вижу, с удивлением смотрит на меня. Вот чудо! Значит, молитва моя заметна и другим, а батюшка не видел. На душе было весело и покойно. Мне очень захотелось еще блеска и я стала стараться его вызвать. Но как я ни становилась и как глазами ни смотрела на икону, ничего не получалось и мне стало скучно. Вспомнила, что нужно молиться церковной молитвой. Я стала внимательно слушать.

Все кончилось, стали подходить к кресту. Батюшка, как всегда, сосредоточенно смотрел на каждого, как бы видя его насквозь, и отвечал на вопросы или сам говорил что-нибудь для душевной пользы. Подвели к нему очень милого деревенского мальчика. Батюшка ласково положил ему на голову руку и помолился о нем. Потом что-то спросил его, обещая книжку дать. Думаю: счастливый мальчик, батюшка так обласкал его, наверно он хороший.

Я подходила спокойно и весело. Проступков за мной никаких не было. Батюшка быстро отдернул крест, я за ним потянулась. Он слегка отступил и еще выше его поднял. Я с удивлением посмотрела на батюшку и застыла на месте.

Батюшка был какой-то величественный, голову он слегка откинул назад, лицо было суровое, глаза темные и взгляд такой острый, что пронзал насквозь. Я, не сморгнув, смотрела ему в глаза. Я не виновата, но, если накажешь, стерплю, значит так нужно. Долго смотрел батюшка мою душу, точно он в самых потаенных уголках ее искал чего-то недолжного. Мне становилось неловко, так как я задерживала народ. Наконец, батюшка облегченно вздохнул и все так же сурово, как бы высказывая кому-то свою мысль, проговорил:

– Нет, пока ничего такого нет. – Потом громко сказал: – Пока ничего, иди. Беги скорей, скорей домой.

Дал крест и благословил. Я в смущении полетела домой, ничего не поняв. И батюшкины слова «скорей домой» тоже поразили меня. У меня дома все было сделано. Я была свободна до обеда. При случае рассказала все о Константину о том, что было на молебне и совсем надолго забыла.

Долго спустя, когда я уж много начиталась, я поняла, что явление это могло быть с правой и с левой стороны. По моей горячности и неопытности я могла впасть в прелесть и этого-то батюшка так испугался. Этого-то он и искал тогда во мне, но увидав в душе моей тишину и спокойствие, сам успокоился за меня.

Помню, как-то было очень много народу у батюшки в церкви. Стояли в очереди две особы из «обобранных», как я их называла. Несчастные такие. Одна совсем пожилая, еле двигалась. Батюшка их знал. Скоро причащаться идти, а им еще далеко до него. С бедной старушкой сделалась истерика, она, бедная, плакала горько. Народ сжалился, пропустил их. Батюшке сказали. Он их исповедал. Уж и довольны же они были. А к кресту когда стали все подходить, они стояли на амвоне. Батюшка их подозвал и не знал, как утешить, все «цыпочками» своими их называл. А я подумала: родной ты наш, зачем возишься с «обобранными»? – задаром пропадет. А когда я подошла к кресту, батюшка посмотрел на меня с укором, но улыбаясь:

– Ах, вы Ярмолевич, этакая!

Пришла я как-то в церковь встревоженная, в отчаянии, что у меня ничего не выходит с мужем. Батюшка учит христианской жизни, а я – то сержусь на него, то дома мало сижу с ним, виню его во всем. Жаловалась батюшке, что не вижу никакого христианства в нем. Батюшка тихонько выговаривал мне мое нетерпение, ропот, опять все объяснял как жить, обнадеживал, утешал.

Я осталась на обедню. Батюшка служил один, без диакона. Было так хорошо. И как это он успевал во всем. И служба, и поминания без конца, и исповедывать надо, а тут еще за

советами свои и чужие ждут. И удивительно, батюшку тормозили, приставали к нему, он бросался от одного дела к другому, но молитва ни на минуту не переставала твориться в нем. Внешне он был то тут, то там: говорил, отвечал, делал, что нужно – внутренне же был всецело с Богом.

Батюшка так ласково, ободряюще произнес возглас: «И услыши нас...», как будто он хотел уверить меня, что Господь непременно услышит нас с ним. Мне стало вдруг весело, я почувствовала себя не сиротой в духовной жизни. Я стала за батюшкой, ограждаемая им, и помолилась безбоязненно Богу вместе с ним. И как часто это бывало, что чувствуешь себя за спиной у батюшки, и из-за него молишься Богу. Как ты ни грешна, как плохо себя ни вела, а Бог тебя не достанет, так как между Богом и тобой стоит о. Алексей. А он-то уж сумеет упросить Бога простить тебя. Он своей любовью покрывал перед Господом грехи наши.

Каждый раз, как видела батюшку, он спрашивал всегда про мужа, и про нашу жизнь с ним. Он знал все до мельчайших подробностей. Всякую малейшую перемену в его настроении я должна была ему докладывать. На основании того, что Ваня говорил, батюшка знал, что он чувствует.

Муж был удивительный человек: честный, безкорыстный, всегда готовый помочь людям. Больные в нем души не чаяли. Он был любящий муж, нежный семьянин. Когда мы, бывало, болели, он как сиделка ходил за нами.

После смерти сына он страдал ужасно. Молчал и страдал. Мы были разные по всему, но друг друга горячо и сильно любили. Я была гордая, избалованная, своевольная. Я не понимала, что значит подчиняться.

Муж и сын были для меня все на свете. Сыну я отдала всю себя. После его смерти я все перенесла на мужа. Горе наше мы переживали в одиночку, как каждый умел. Мне помогала духовная жизнь, мои руководители, у него этого не было. И я с ним была очень скрытная. При искании новой жизни я забросила мужа, мало сидела с ним. Он скучал и все требовал, чтобы я сидела дома. Нетерпение мое было страшное. Я, казалось, так стараюсь, а он все далек от Христа и Церкви.

Часто раздражалась на него. Спорила. Причины были разные, подкладка всему – одна и та же: его неверие и непонимание духовной жизни.

Я смотрела поверхностно и глубины его души не видела. Я насильно старалась вложить в него то, что он еще не мог воспринять. Своим нетерпением и резкостью я еще больше раздражала его душу, которая так болела в это время. И неизвестно, чем бы болезнь этой чудной души кончилась, если бы не о. Алексей.

О.Алексей не видал его, не слышал про него, не знал и любил его. Он ни слова не сказал с ним о вере, он никогда не писал ему, он только молился за него и посылал ему просфоры.

Просфорами и заглазной молитвой он привел его душу ко Христу. Батюшка показывал мне в нем то, чего я не замечала, пояснял мне в нем то, чего я не понимала. Часто, бывало, батюшка говорил:

– Как я люблю вашего мужа, какой он хороший! Не понимаю, как Ярмолевич не любит его. Как можно не любить его! А вот вы не любите.

Сначала я батюшку не понимала, а потом сообразила, что у меня нет к мужу настоящей христианской любви: мучаю его и бросаю одного, не считаясь, в каком он состоянии.

– И ведь не глупый человек вы, а вот так о других заботитесь, а своего Ваню не любите. Знай, что дом твой не будет покрыт, пока не устроишь его. Вот мы закладываем фундамент, воздвигаем стены, все готово, и окна, и двери. Остается покрыть, а крыши-то у нас и нет. Заботимся о нашей душе, стараемся, учимся, по мере сил ближнему помогаем. Все хорошо, ничего не упускаем, а главного нет. Нужно его успокоить, его оберегать от всяких неприятностей, жить его жизнью, забыть себя совсем – все для него. А к душе надо подходить тихо, нежно, как к какому-нибудь только что распускающемуся цветку. И в голове одна мысль должна быть: как бы его не потревожить, как бы не обидеть, чем бы его утешить, чем бы успокоить. Резкости не должно быть никакой: все мягко, все любовно, все тепло. Ваня! – И батюшка, бывало, так ласково назовет его и задумается.

Как-то батюшка сказал: «Ваня», – и задумался. – Нет, не Ваня, а Ванюша, вы его называете», – проговорил он вдруг.

– Батюшка, нет, тоже и Ваня.

– Нет, Ванюша, – повторил он, давая этим понять, что так я его называла, когда относилась к нему с нежной лаской и любовно, жалея его, чего и требовал батюшка. Так на деле и было. И как это он все знал.

Все, что батюшка говорил, было очень трудно, так как муж к тому же очень тяжело переживал все изменения в жизни внешней, с нами приключившиеся. Он был с большим характером, подчас упрям и очень избалован людьми и жизнью. Жалостливые укоры батюшки пронимали меня до слез и я с отчаяньем говорила:

– Да я не умею, батюшка, с ним жить, ничего не выходит из этой христианской жизни.

– Старайся, старайся, Ярмолович. Ярмолович у меня не умеет? Не может этого быть!

Я приходила в отчаянье: дело не клеилось. Батюшка подзадоривал. Было досадно, – как это у меня, да не выходит, чего я хочу. И бывало стараешься и выбиваешься из последних сил.

И что это была за радость, когда достигнешь немножко чего-нибудь и вдруг увидишь, что Ваня-то твой стал мягче и ближе к Богу. И думалось мне, глупой, что от моих стараний это произошло, и радостно и победоносно приходила к батюшке. А он-то строже, бывало, все выслушает и еще тяжелее наложит послушание.

Бывало батюшка спросит о его настроении, как он отнесся к такому-то событию, что я с ним говорила и что для души его сделала. И если день прошел и я ничем себя не понудила ради него или, сохрани Бог, проявила нетерпение, то он строго и безжалостно выговорит мне и покажет весь ужас моего поступка. Я ведь губила христианскую душу. И такой, бывало, ужас овладевал мной, что готова на все, только бы батюшка был доволен.

О.Алексей умел возводить на крест, но также умел облегчить тяжесть его, если видел старания с твоей стороны.

Когда люди приходили к батюшке за советами, он иногда открывал наугад какую-нибудь книгу Св.Отцов, а может быть и что-нибудь из Св.Писания, и читал то место, на которое попадал. Это было всегда то, что нужно было этому человеку.

И когда как-то у меня очень не ладилось в духовной жизни, с мужем, батюшка открыл какую-то книжку и прочел очень хорошее пояснение, что дает и для чего в христианской жизни нужны смирение и молитва:

– Видите ли, что нам открылось, – сказал он. – Нужно, значит, нам с вами стараться это получить. Без этого вы, значит, с вашим мужем ничего не сделаете.

И впоследствии он это несколько раз повторял, а я-то в душе приходила в отчаянье, так как не понимала, как и приступить к этому, а не то чтобы это приобрести. И стала я возлагать всю надежду свою на молитвы батюшки только. Он мужа вытащит, а я не могу.

Благодаря батюшке, духовным книгам, о.Константину я стала понимать, что спорить, например, с мужем приносит вред его душе. Стала сдерживаться и вскоре совсем прекратила. Но вместо нетерпения явить смирение, когда знаешь, что права ты, а не он, вместо резкости ответить лаской, когда чувствуешь обиду, вместо того, чтобы жить своей жизнью, жить его интересами, вместо того, чтобы таить в себе, делиться с ним тем утешением, которое я нашла, а он часто не понимал меня и оскорблял меня и оскорблял то, что для меня было свято, – это все было трудно и непостижимо для меня. Мне казалось, что преодолеть всего этого не смогу никогда.

Чем больше батюшка учил меня так поступать, с душою мужа, тем больше разгоралась в нем борьба добра и зла. И удивительно было наблюдать, как человек, по природе добрый и нежный, делался злым и грубым, когда в нем действовал дух зла. И поразительно было влияние о. Алексея: при всяком раздражении, особенно против веры и Церкви, одно это имя успокаивало Ваню. А виделись-то они всего один раз, и то при конце. И никогда против батюшки муж не сказал резкого слова, как бы раздражен он ни был.

Как-то раз еще в первую зиму батюшка дает мне Богородичную просфору.

– Снесите моему Ване.

Я не поняла, зачем это, но обрадовалась, что батюшка так любит его. Бабушка часто заставляла нас есть просфорки. Муж к этому привык, но оба мы никакого значения этому не придавали. Он, бывало, ест их с чаем и добродушно подсмеивается над бабушкой. Здесь же был батюшка и просфора – Богородничная, а главное просфора о. Алексея, это для меня было очень важно. Как примет ее Ваня? Вот в чем вопрос. Батюшка еще добавил:

– И скажите ему: «О. Алексей низко кланяется».

Увидав возмущение в моей душе, прибавил:

– Так и скажите. Слышишь? И больше ничего не говорите.

Батюшка приучил меня передавать его слова точь в точь, без каких бы то ни было объяснений. Я все исполнила. Ваня очень обрадовался. Он очень велел благодарить и кланяться батюшке.

– Смотри, не забудь, – добавил он.

Это было перед обедом. Утром он всегда ел что-нибудь мясное. Просфору он съел вместо закуски, до супа. Помня наставления батюшки, я промолчала. Я начинала понимать, как нужно быть осторожной с душой, идущей ко Христу, чтобы ее каким-нибудь образом не спугнуть.

С этих пор каждый раз батюшка давал просфору и с поклоном велел относить их Ване.

Иногда батюшка вынимал из-под подушки мешочек, рассыпал себе на постель просфоры, внимательно, сосредоточенно рассматривал каждую, переворачивая их. И вот он остановится на какой-нибудь, долго смотрит на нее, потом резко поднимет голову, радостно посмотрит на тебя и скажет:

– Вот отнеси ему эту просфору.

Я не смела спрашивать его, что он это делает, но решила, что он молится над ними и молитва его входит в душу Вани и очищает ее. Просфора удивительно помогала и я уверовала в ее силу.

Как-то в конце второй зимы я осмелилась и выпалила:

– Никогда, батюшка, не верила в силу просфор, а теперь поверила. И что это вы делаете с ними, точно колдуете?

Он усмехнулся и погрозил пальцем:

– Александра, смотри!

– Я, батюшка, это так сказала по глупости. Простите, больше не буду, – поспешила поправиться.

Как-то я пришла в отчаянье от поведения Вани. Прихожу к батюшке за благословением, но молчу, зная, что всегда бываю у него виновата во всем. Он благословляет меня и дает мне просфору большую, чем всегда:

– Это моя, я сам ее вынимал. Отнеси ее Ване.

– Батюшка, – не выдержала я, – он не стоит этого, не нужно ему посылать.

– Вот вы действительно никогда не стоите, чтобы вам давали просфору, а он-то не стоит? Да как могли вы так сказать?

Дверь была открыта, там стоял о.Сергий, он засмеялся, батюшка улыбнулся, я покраснела, пот выступил на лбу.

Хуже того не было, как когда батюшка, бывало, начнет обличать или исповедывать тебя при народе, а того хуже – при о.Сергии. Просишь батюшку наказать тебя, как он хочет, только не этим. Легче избил бы тебя. А он, бывало, скажет:

– Ничего, потерпишь, – и повелительно добавил, – отнесите ему эту просфору и скажите ему: о. Алексей низко кланяется и благодарит. Ведь он такой хороший у вас.

Батюшка так поступил, зная, что Ване сейчас тяжело и желая поддержать его. Так о. Алексей поступал всегда. Как только человек опускался, он его поднимал и, ставя на ноги, как бы говорил: «Иди!» – и люди вставали и шли.

Как-то раз уж очень тяжело и обидно показалось мне мое послушание. Прихожу к батюшке, чтобы пожаловаться ему на Ваню. Погоди, думаю, не все я виновата буду!

– А Ваня -то ваш, батюшка, просфоры-то ваши самые святые ест с супом!

– Ну и что же?

– Как что? Ведь их нужно натошак.

– Вы и другие, подобные, должны есть натошак, а мы с ним будем их есть с мясным супом. Оставьте его в покое. Смотрите, никогда не говорите ему об этом. – добавил он строго.

– Благословите, – сказала я, чувствуя, что мое дело не выходит.

– Батюшка, а потом вы ему все поклоны посылаете, а он редко когда пришлет вам поклон и не идет к вам.

– Пусть не идет, – сказал батюшка, не глядя на меня. – Смотрите, насильно не присылайте. Не делайте этого, смотрите! Не убеждайте его. Мы с ним увидимся, – уверенно сказал он. – А Александра скоро от меня уйдет или нет? – также не глядя, добавил батюшка.

– Сейчас уйду. – Я чувствовала, что дело мое совсем плохое. – Простите, если можно, и благословите.

Батюшка не шевельнулся. Это было страшное наказание. Думалось ведь, что тебя земля может поглотить, пока над тобой тяготеет гнев старца о. Алексея. Я упала ему в ноги и вымаливала себе прощение, пока он не сдался и не благословил.

– Смотри, последний раз.

И как потом ни бывало трудно и тяжело, а уж больше никогда не жаловалась и сама не рассказывала батюшке своего горя, пока он сам не заметит этого и, жалея, не расспросит тебя обо всем.

Бывало только войдешь, а уж видишь, что батюшка все знает, что ты натворила дома, и падаешь ему в ноги:

– Батюшка, родной, простите, больше не буду!

И сколько раз старец мой родимый своей любовью покрывал проступок мой перед Богом. Сколько было этих падений! Сколько раз он выслушивал мое никуда не годное: не буду.

И бывало сейчас же спросит, в чем дело, и велит все рассказать. Чего не доскажешь, сам поправит, что пропустишь, сам прибавит. Снова направит как нужно и удержит тебя от всяких недолжных поступков.

Замечательно, как даже в малых вещах батюшка знал характер Вани и оберегал его душу от всякого неприятного

впечатления. Батюшка по отношению к Ване никогда, например, не говорил про себя: велел, как он это делал для всякого другого, а он всегда Ване говорил просто: о. Алексей сказал, о. Алексей кланяется. Батюшка знал характер Вани, что ему это неприятно, что кто-нибудь, кроме него, еще может мне что-нибудь велеть.

Что касалось моих отношений с Ваней, батюшка был без милосердия: каждое слово, каждое движение души проверялось им. Все, что бывало неправильно, без милости ставилось мне в вину. У него я была всегда во всем виновата, что касалось Ваниной души. Ваня был всегда прав, я – всегда виновата.

Помню, как о.Константин стал требовать, чтобы я всегда говорила правду. Я очень привыкла врать, чтобы успокоить человека. Так было, когда росла с бабушкой, так еще сильнее было, когда стала жить с мужем. Я никак не могла понять, как нужно сказать, чтобы не соврать, а человека между тем не обезпокоить. Начала пробовать – муж очень расстроился и мир души его был нарушен. Я была в отчаянии и пошла к батюшке излагать ему свое горе.

– Это для вас еще очень трудно, но привыкнете. Он требует от вас дело. Но твой Ваня не должен расстраиваться ни под каким видом. Нужно идти на все, чтобы сохранить покой его души. Покой, покой ему нужен! Послушанием о.Константина вы достигнете того, что поймете, как этого добиться. Нужно отмалчиваться, отходить, обходить вопросы, но помнить всегда одно: не расстраивать его ни под каким видом.

Я так и стала делать и все пошло на лад. Муж так исстрадался за эти годы, а в особенности со смертью сына, что душа его была сплошная рана, требующая всегда пластыря, успокаивающего и смягчающего.

Нужно отметить в этом случае, что батюшка считал, что даже чисто механическое послушание должно привести к желаемому результату. Не понимаешь, не знаешь как делать, а делаешь только из-за того, что отец велел, и этим самым в конце концов достигнешь желаемого.

Тоже у батюшки было всегда так. Бывало о.Константин что-нибудь скажет сделать, но не объяснит как. Он почти что никогда не объяснял, как работать над тем, что он велит. А придешь с отчаяньем к батюшке, он тебе незаметно объяснит, как нужно работать, но внушит тебе, что это идет от о.Константина, – вот послушалась его и вышло дело.

Как-то прихожу к батюшке в радости: Ваня послал к нему просить его молиться, чтобы комиссия по дому прошла благополучно.

– Батюшка, Ваня сам, сам послал меня к вам просить вас сказать Богу, в чем у него дело. Молитв ваших просит.

Батюшка расспросил все до мельчайших подробностей и необыкновенно сострадательно выслушал, что я ему говорила.

– Скажите ему, что о. Алексей говорит так: все будет сделано.

Так батюшка говорил в очень редких случаях. Здесь нужно было вселить в Ваню веру и уверенность, что Бог слышит молитвы обращающихся к Нему. Потом батюшка весело обратился ко мне:

– А еще говорите, что поклонов не присылает!

– Батюшка, милый, дорогой, больше никогда не буду! Терпенья не хватает иногда, сил нет!

И не раз потом Ваня просил батюшку помолиться за какого-нибудь своего больного или о каком-нибудь важном деле. И всегда без осечки выходило хорошо. И верил же он молитвам своего о. Алексея. Пошлет, бывало, к нему и сейчас же успокоится, зная, что все будет хорошо, что о. Алексей его не обманет. Трогательно это было.

Так батюшка без устали учил меня правилам христианской жизни. Наша жизнь была ему известна во всех подробностях. Учил о. Алексей. Учил о.Константин. Они были всегда согласны и их приказания были подчас так трудны, что кажется, бывало, что висишь на кресте. Станешь на молитву и одно «Господи, помилуй», «Господи, помоги» шепчешь. Вся душа твоя и все жилы, казалось, напряглись, как струны. Жарко делается, когда окончишь молитву и встанешь с двойной отчаянной решимостью умереть, но не отступать. Лучше смерть, чем не

угодишь о. Алексею. Не угодить ему – значило отказаться от своей цели – Ваниного христианства.

Так учил батюшка, как жить с ближним. По отношению к о.Константину он пока еще ничего не говорил особенного, но только зорко следил, как я уважаю своего духовного отца, как люблю его, каково мое послушание ему. Я старалась изо всех сил и помню хорошо, как в разговоре с батюшкой всегда подыскивала должные почтительные выражения по отношению к о.Константину. Часто батюшка говорил:

– Какой у вас отец духовный хороший. Счастливая вы, что к нему попали. Очень за вас рад. Очень рад.

А раз сказал:

– Знаете, как я его считаю: он первый в Москве. Поняла? И счастлива же ты! Ведь правильнее его никто не понимает христианской жизни. Кто из них что понимает? (показав рукой в окно) – сказал батюшка с горячностью. – Он все может объяснить. Вот вы все там слушали о.И. Хорошо говорит, высоко поднимает, а путь – как войти на эту высоту – не показывает. О.Константин мало говорит, но научит всему. Он такую высоту не покажет, а путь его будет самый простой, будничный. Но скажи: чье учение труднее?

– О.Константина.

– Верно. И с ним можно достичь всего того, о чем говорит о.И. Путь о.Константина очень труден, но зато и гораздо вернее. Уж эти мне хваленые руководители! Знай, что если самую малую часть исполнишь, чему тебя учит о.Константин, то и то многого достигнешь, а все-то исполнить где уж нам с тобой. Это дается не таким, как мы с вами.

Нельзя было доставить батюшке большей радости, как говорить: отец духовный так велел... спрошусь у отца духовного...

Когда батюшка так отзывался об о.Константине, я сначала потерялась: как же, думаю, теперь пойду я к нему? Первый старец и считает его первым руководителем? Как же быть-то? И этот первый и тот первый. Куда же мне деваться с моими грехами? К этому времени они уже успели обломать немного меня в духовной жизни, и я стала приучаться разбираться в

своих поступках и считала себя очень грешной. Я хорошо сознавала правильность батюшкиных слов. Действительно, оба мои руководители удивительно понимали по настоящему христианскую жизнь и умели ею жить. Никто не мог так правильно объяснить путь Христов, как они. Оба они жили одним духом – духом любви Христовой.

Как-то батюшка спросил:

– Какое вам о.Константин дал правило?

– Никакого, батюшка.

– Как молитесь?

– Читаю утренние и вечерние молитвы в день по две главы из Посланий и Евангелия.

– Кто вам так велел?

– Никто, батюшка.

– Ваш духовный отец знает об этом?

– Кажется, что знает.

Батюшка серьезно и долго посмотрел мне в глаза и сказал только:

– Гм.

Как-то спрашивает меня батюшка:

– А книжки читаете?

– Читаю, батюшка.

– Какие?

– Только духовные теперь, батюшка. Сейчас вот Добротолюбие читаю.

– Одна?

– Да, батюшка, а что не понимаю, спрашиваю его. А как же он объясняет хорошо! Страсть!

– Ну еще бы, как мы с ним преподавали-то. Одна книги не читайте. Спрашивайте, какую можно вам читать.

Скоро дают мне книгу Исаака Сириянина. Я спросила у о.Константина. Он запретил. Это было для меня дико и трудно было послушаться. Очень было стыдно отдавать назад.

Как-то прочла об откровениях учеников своим аввам и у меня сердце загорелось тоже так делать. Боялась спрашивать об этом о.Константина, скучно ему с нами возиться. Пошла к батюшке. Он серьезно и остро посмотрел на меня и сказал:

– Это очень хорошо. Ходите два раза в неделю и говорите все, даже пустяки. Вам кажется пустяком, а он узнает, что это очень важно. Вам думается, что в том-то и том-то ничего дурного нет, а он разберет, что там есть грех – и так во всем. Если какой проступок сделали, сейчас же идите, кайтесь. Будет то, что не сможете чего-нибудь сказать ему, – говорите мне. На то я здесь теперь поставлен.

Мне сделалось страшно, как это я буду ходить к обоим. Такого исхода разговора я не ожидала. Думала, что спрошу только для формы, а ходить буду, когда захочу, а выходит иначе: батюшка приказал ходить на откровения к о.Константину. Хочешь-не-хочешь, надо было идти. Все же заранее решила спросить его, примет ли.

– Можно мне, батюшка, приходить к вам на исповедь говорить все, что чувствую и делаю.

– Конечно, можно, – ответил он ласково, – и апостолы даже об этом говорят.

Я осмелела и сказала:

– О.Алексей велел к вам два раза в неделю ходить, а что приключится, сейчас же приходить каяться.

– Ходите, ходите. Я всегда с радостью вас приму.

Вскоре случился со мной какой-то проступок и я пошла на квартиру к о.Константину. Три раза подходила к двери и не могла от гордости и страха позвонить. И только мысль, что батюшка все равно заставит, победила мой страх.

О.Константин очень ласково простил меня и с тех пор каждый раз делалось легче и легче, а потом без этого уж и обойтись не могла. И в первый-то раз, помню, был большой мороз, а я была вся мокрая, точно летом в жару. И огрей он меня тогда, не знаю, какая сила заставила бы меня снова придти к нему.

Спустя долгое время я как-то в разговоре с батюшкой сказала:

– А я это говорила на откровении о.Константину.

Батюшка от радости даже на кровати сел.

– А вы разве ходите?

– Хожу, батюшка, – ответила я, гордая тем, что исполнила его приказание.

– Как же вы ходите?

– Как вы, батюшка, велели.

– И говорите... говорите все?

– Все.

Батюшка от радости засмеялся и потер себе руки (его привычка, когда он был очень чем-нибудь доволен).

– Очень хорошо! Очень хорошо! Как-то прихожу, а батюшка мне вдруг:

– Ваш отец духовный кто?

Я с удивлением вытаращила на него глаза.

– О.Константин.

– Ну да, о.Константин, – улыбаясь, но строго сказал батюшка, – а какой он? – Хороший, добрый, а еще какой?

Я молчала в смущении.

– Не знаю, – тихо ответила я.

– А еще так: что такого духовного отца нет больше.

– Нет больше, – тихо повторила я.

На днях мне за что-то досталось от о.Константина и я не совсем была согласна с батюшкой. Тогда еще проборку я не особенно покойно принимала.

– И нужно его любить и слушаться вот как, – сказал батюшка, внимательно всматриваясь мне в глаза.

– Любить и слушаться, – как эхо повторила я. Батюшка улыбнулся.

– Ну садись. А вот какие бывают отцы духовные: – Приходит ко мне одна и плачет в отчаяньи. Она свою душу отдала одному очень хорошему и опытному священнику-руководителю. Очень была им довольна. Он вел ее так, что она ни шагу не делала без его благословения. Вел ее очень трудно, правила давал тяжелые и взял с нее клятву, понимаете – клятву (батюшка с ужасом проговорил это), ничего не делать без его согласия. С ней случилось какое-то событие. Нужно было или нарушить клятву, или должно было произойти несчастье. Она уже и так изнемогала от непосильных подвигов, а тут еще это искушение. Она пришла в отчаяние. Кто-то сказал ей обо мне.

Такая жалкая пришла. Оба такие хорошие и ведут духовную жизнь хорошую, а страдают очень. Он не понимал, что нельзя натягивать как струну душу – струна и то лопнет. Очень трудно было его убедить, но удалось. Они сговорились, поняли друг друга и он снял с нее клятву. И так удалось поговорить с ним, что они оба теперь живут совсем по-другому. Он ведет ее иначе, а ей легко с ним. Вот какие бывают отцы духовные. А ведь тоже из опытных. Вот. А ваш-то каков? Мне стало весело, что мой лучше всех.

– Он у меня ужас какой хороший, батюшка! – сказала я, забывши под впечатлением его слов проборку.

– То-то, Ярмолевич.

Мне всегда казалось, что батюшка звал меня по фамилии, когда не особенно был мною доволен.

Первое время батюшка мало мне говорил о молитве, он только наблюдал за мною в церкви. Когда я ему жаловалась, что дома часто молитва не выходит: холодная, рассеянная бывает, то он говорил:

– Молитва требует покоя, а у вас его сейчас нет. Вас тащат в разные стороны. Потом устаете физически очень. При этом молитва не пойдет. Первое для нее – покой, чтобы не тащили никуда, не теребили бы. Это я могу теперь всегда молиться, а вы этого с себя требовать не можете. Когда так идет жизнь, как у вас сейчас, то молиться нужно умом, не обращая внимания, что душа не отвечает. Вникайте в слова молитвы. Ничего, пусть умом, пусть как-нибудь, но молитесь, молитесь. Не спрашивайте с себя того, что вы сейчас не можете дать. Не приходите в отчаянье. Успокоится ваша жизнь, тогда можно будет, а теперь нет. Теперь нельзя!

А другой раз сказал:

– Нам нужно с вами учиться молиться, когда рядом играет граммофон, танцуют... вот это все, – и батюшка показал на улицу.

Я в этот раз жаловалась ему, что негде молиться, мешают, места нет. Приходится ждать, пока заснут все. Слова батюшкины оправдались: часто приходится молиться, а около тебя шумит мир и делаются «его» дела (дьявола).

В начале духовной жизни особенно хорошо бывало в дни причастия и вообще так раз в месяц. Я очень любила эти особенные состояния души и, когда их у меня не было, то скучала. Как-то прошли все сроки, а утешений не было; решила, что теперь у меня есть батюшка, который мне его с неба достанет. Прихожу к нему нарочно за этим.

– Батюшка, у меня вот что случилось.

Он тревожно вскинул на меня глаза. Я рассказала в чем дело.

– Раньше месяца не проходило, чтобы чего-нибудь хорошего не было, а теперь вот уже сколько прошло, и – ничего. Мне скучно, мне нужно, чтобы это было. Батюшка, сделайте так, чтобы это было. Сделайте, батюшка.

Он смотрел на меня во все глаза, но, поняв, что я говорю это по глупости, и что не понимаю действительно, чего прошу, не рассердился, а просто сказал:

– Садитесь.

Я встала на колени у его ног.

– Вы что же это, хотите симфоний для вашей души? Скажи, пожалуйста, какая. Ей нужна симфония!

Я просила хорошего, а он считал хорошее плохим, – я ничего не понимала.

– Знаете, – продолжал он, – вот бывает чудная музыка, концерт. И вот исполняется, случается, и симфония там. Знаете ведь это. Слушали. Хорошо слушать чудную музыку, но еще лучше исполнение какой-нибудь сложной красивой симфонии. Человек наслаждается красивыми звуками. Он зачастую переживает вместе с композитором его произведение. Так и в молитве. Человек молится, а молитва его – будничная. Очень иногда трудно бывает. Он старается, а молитва его сухая, рассеянная. И вот посылается ему в утешение, в поощрение дивная, светлая молитва. Это как бы небесная симфония, духовная музыка, которая наполняет его душу. На него изливается сверху как бы поток дивных, небесных звуков. И проходит у него усталость, уныние. Он может даже забыть, где он находится. Радость, покой, мир наполняют его душу. Слышите: радость, покой. И как после земной симфонии долго

еще звенят в ушах его ее последние аккорды, так и небесная симфония оставляет глубокий след в душе человека, и еще долго спустя душа прислушивается к ней. Вот, что дается Богом человеческой душе в утешение и поощрение – и только, ждать и просить этого никогда не следует. Поняла? Никогда. Благодарить всегда Господа надо, что Он по Своей великой любви к нам и милосердию посылает нам такое утешение, не взирая на наши беззакония. Но молиться об этом, просить этого – никогда.

И батюшка с жаром начал говорить о том, что человек не должен ставить целью спасение своей души, это само придет, не должен думать, что его ожидает после смерти за его служение Богу. Он должен всем существом своим полюбить Господа, отдать Ему всего себя. И все мысли, чувства, движения свои направлять на то, чтобы угодить Господу. Делать на земле то, что Ему было бы приятно. Как для любимого человека стараешься сделать все, что он любит и чего он просит, так, только в бесконечно большей степени нужно сделать для Господа. А что Спаситель сказал? А что Спаситель велел? А что Ему будет приятно? Чего бы Он желал от меня получить, – вот, что должно наполнять ум, душу и сердце человека.

Он послал нас на землю для чего? Для того, чтобы мы здесь работали и трудились для Него. Чтобы мы здесь исполняли бы Его волю, Его желания, Его повеления. Здесь мы пришельцы и если из всех сил будем стараться трудиться Господу и служить Ему, то Он, когда настанет время, возьмет нас домой к Себе.

А что первое и самое приятное Господу? Чего Он так желает? Чему Он так радуется, если мы это исполняем – это любовь к ближнему. Что может быть радостнее Господу, как когда Он видит, что мы лишаем себя в чем-нибудь, чтобы отдать то ближнему, что мы стесняем себя в чем-нибудь, чтобы дать покой ближнему. Что мы сдерживаемся и стараемся направить душу свою, характер свой так, чтобы ближнему было бы легко с нами жить.

– Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, всем помышлением твоим, всею крепостью твоею и ближнего, как самого себя. – Великие эти слова – великое и трудное это дело, хорошая моя, – добавил батюшка, – любить ближнего, как самого себя, когда и Бога-то часто любим меньше, чем себя, а тут ближнего нужно любить, который часто нас оскорбляет, делает нам неприятности, часто не понимает нас, а ты вот изволь его любить, как самого себя и больше себя, Александра. И тогда только было бы хорошо и совесть наша чиста, и тогда только делали бы мы угодное Господу, о чем Спаситель так часто просил нас. И радостью исполнилось бы сердце наше от сознания, что Господь доволен нами.

И батюшка снова начал говорить, какое это трудное дело: отдать себя Богу. Что труден и скорбен путь, ведущий к Господу, что только с Божьей помощью мы можем идти вперед. Предоставленные самим себе, мы в самом начале погибли бы. Что нужно ежеминутно вопить ко Господу: помоги, Господи! Помилуй, меня, немощную! Молиться нужно только о том, чтобы Господь помянул тебя. Просить у Бога прощения в грехах; просить дать силы жить; дать силы исправиться и служить Богу, как Он того желает. Благодарить Его непрестанно за Его великое долготерпение и милосердие – и все. Просить же для себя радостей душевных и телесных благ не следует. Как в жизни нужно забыть себя и жить жизнью других и для других, так и в молитве нужно забыть себя, свою душу и просить только у Господа силы исполнять Его повеления на земле.

Батюшка старался объяснить мне, что человек в жизни должен совершенно забыть себя, быть как бы чужим для самого себя. Он должен жить скорбями, радостями, переживаниями каждого человека, с которым Господь поставил его.

Также и душа в молитве должна совсем забыть себя и помнить только Господа своего, горячо просить Его оказать ей милость: научить ее, как нужно любить Его, что нужно делать для Него.

– Совсем-совсем забыть всю себя совершенно и жить только жизнью других, – продолжал батюшка. – О себе никогда не вспоминать, себе ничего не желать. Забыть себя, свое «я»,

забыть совсем и свою душу, ее желания, ее стремления. Помнить твердо только одно: служить изо всех сил и больше сил своих Господу Богу своему, служением ближнего, любя его больше, нежели самого себя. Поняла?

– Ух, батюшка, да еще как! Только очень это трудно. Ужас, как трудно!

– Так вот Господь послал вам эти симфонии для утешения, для поощрения. Понимаете ли теперь, что таких радостей, такой неизреченной милости Божьей просить для себя нельзя. Это великая милость Божья вам была дана. Итак знайте, что просить симфоний и даже только желать их – грех, большой грех. Кайтесь в этом о.Константину.

И действительно, как редко и мало людей думает так, как думал батюшка, великий старец о. Алексей. И как многие его осуждали, говоря, что Маросейка перешагнула все ступени добродетели и сразу стала на самую высокую – любовь. Что так легко впасть в прелесть, и что нельзя брать духовную жизнь сверху, нужно брать ее снизу. Сначала нужно очистить душу от страстей; стараться приобрести для души своей смирение, терпение и т.д. Потом полюбить ближнего, а потом полюбить уж и Бога. Рассуждая так, люди эти забывали, что прелесть донимает людей духовных больше тогда, когда они стараются всеми силами любить Бога, но сами себя все же любят больше ближнего своего. Великий же наш старец о. Алексей учил так: сначала любовь к Богу, через нее, как последовательное желание угодить Богу – любовь к ближнему, а затем переделывание себя для ближнего.

Много раз батюшка говорил об этом, и чуть это коснется другого человека или я что-нибудь сделаю не в духе этого учения, батюшка, бывало, сейчас напомнит:

– Ведь по нашему с вами служить Богу значит не думать о том, что ожидает нас там, не из-за страха или награды, а ради любви и желания угодить Ему. – И получив утвердительный ответ, он, довольный, прибавит: – Ну, конечно, у нас с вами иначе и быть не должно.

Как-то прихожу к батюшке, а он меня спрашивает, знаю ли я Иисусову молитву?

- Я о ней немного читала, батюшка.
- А говорите вы ее?
- Нет, батюшка.
- Почему?
- Не знаю – так.
- О.Константин ничего не говорил вам про нее?
- Нет, батюшка.
- А книжку «Странник» не читали?²⁷⁸
- Нет, батюшка.
- Хорошая, замечательная книжка.

При этих его словах мне ужасно захотелось прочесть ее.

– Я вам ее дам почитать, только две учительницы у меня ее взяли; как принесут, так вам дам. Книжку прочтите и молитву Иисусову говорите. Говорите ее просто во всякое время, сколько сможете за день. Где бы вы ни были, что бы вы ни делали, говорите! «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную!» Только смотрите, совсем-совсем просто. Не думайте и не старайтесь ни о чем. Избави вас Господь стараться, чтобы вышло что-нибудь. (Я всегда говорила про молитву: выходит). Я это запрещаю. Чтобы никогда и мысли у вас об этом не было.

Тогда я еще не знала учения о молитве Иисусовой и потому не совсем понимала, почему батюшка велел говорить ее просто. «А как же иначе?» – думалось мне.

– Спросите на это позволение о.Константина, – добавил он.

В этот же день все рассказала о.Константину и спросила, можно ли мне читать ее.

– Нет, пока не время, – ответил он.

Вскоре прихожу к батюшке. Он сразу говорит:

– А учительницы книжку не принесли еще.

– Да я, батюшка, достану ее, не беспокойтесь.

– Ну, что о.Константин?

– Не позволил, батюшка, читать молитву.

– Не позволил? Ах, он этакий! – сказал он, улыбаясь. – Ну, нечего нам с вами делать, не будем, – добавил он покорно, хотя чувствовалось, что он считает это дело очень важным для меня.

Прошло несколько дней. Я книжку прочла. Не скажу, чтобы она мне очень понравилась. О.Константин дал на это как-то нехотя свое благословение. И вот батюшка опять спрашивает:

– А как наша молитва?

Я с удивлением посмотрела на него.

– Ведь о.Константин не позволил. А книжку я, батюшка, прочла.

– Понравилась?

Я не смела сказать правду.

– Д-да, батюшка, только я ее не совсем понимаю, наверное, не так она мне нравится, как многие другие, которые приходилось читать.

– Нет, книжка хорошая, очень хорошая. Вы наверно невнимательно прочли ее.

– Наверно, батюшка.

– Ну, а молитесь как?

– Да, батюшка, я не знаю, что мне делать, – с отчаяньем сказал я, не видя выхода из моего положения.

– Надо о.Константина спросить.

– Да я же, батюшка, спрашивала его.

– Еще раз спросите и скажите, что я вам это советую.

Пошла, сказала. О.Константин подумал и ответил:

– Нет, я нахожу, что пока еще не нужно.

Рассказываю батюшке. Он посмотрел на меня весело и как бы удивленно, но по глазам видно было, что он этого ожидал.

– И что он это, право, не сдается. И упрям же он у вас, ваш о.Константин. Очень упрям. И чего он для вас ее боится? Не понимаю. А нужно, очень нужно читать ее. Ну, будем с вами его слушаться, ничего не поделаешь, – сказал батюшка так, точно он боялся, что за непослушание нам от о.Константина обоим попадет.

Вначале у меня было безразличное отношение к этой молитве, но чем больше я с ней ходила между моими отцами, тем сильнее хотелось мне ее читать. Но говорить об этом не смела.

Как-то опять батюшка говорит:

– А как наша молитва?

– Не знаю, батюшка.

Времени с последнего разговора прошло порядочно и я поняла, что он, наверное, все это время молился, чтобы о.Константин переменял свое решение.

– О.Константина не спрашивали?

– Нет, больше не спрашивала.

– Спросите опять.

– Я, батюшка, боюсь, все равно не позволит.

– Нет, позволит, – и батюшка весело добавил: – Теперь-то он нам позволит, теперь он по-другому на это дело смотрит!

С батюшкой о.Константин не видался; книжку мы с ним не читали. Я не понимала, почему он изменит свое решение. Пошла и просто спросила:

– А как, батюшка, насчет той молитвы, помните, мне ее нельзя читать?

– Можно, можно, конечно. И это даже очень будет хорошо. Читайте ее только просто. Старайтесь читать ее и не забывать. «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную», – сказал он тихо и с большим чувством.

Ишь ведь, сам-то как хорошо ее читает, а мне почему-то не позволял, – позавидовала я отцу моему духовному.

Чудно мне было очень. Выходило, точно мой о.Константин никогда и не был против Иисусовой молитвы.

Довольная прихожу к батюшке. Он встречает веселый-превеселый и от удовольствия руки потирает.

– Ну, что наш о. Константин, как?

– Позволил, батюшка, да еще как!

– Ну, вот это хорошо, очень хорошо. Молодец о. Константин. Хвалю его.

Батюшка хвалил его не столько за то, что он дал свое согласие, сколько за его осторожное отношение к этому вопросу.

– Ну, теперь мы с вами будем читать ее. Число раз не важно. Главное, как можно чаще. Ешь, пьешь, ходишь, говоришь, работаешь – все время надо ее читать про себя или в уме. Ночью проснетесь – тоже. Только как можно проще, совсем, совсем просто.

И стала я читать молитву Иисусову, как меня учили. Сначала забывала часто, скучно было. Но я очень старалась без конца твердить ее, иногда даже машинально, и очень скоро к ней привыкла. Случалось, говорила помимо своей воли. Но особенного утешения она мне не давала. Правда, она мне помогала быть терпеливой с мужем. Бывало, он придет уставший, раздражается. Служишь ему, стараешься угодить, а сама все ее повторяешь изо всех сил. И он, бывало, скоро успокоится и сделается совсем ласковым. Значит, его успокоишь, сама не проявишь нетерпения ни внешнего, ни внутреннего, так как батюшка впоследствии взыскивал даже за малейшее внутреннее нетерпеливое движение души.

Оба отца спрашивали, как идет молитва. Я всегда говорила, что плохо. Они утешали, говорили:

– Господь поможет. Только не забывайте, как можно чаще повторяйте ее.

– Сколько раз читаете ее? – спросил однажды батюшка.

– Не знаю, батюшка, все время стараюсь, как только возможно, когда не забываю.

– Хорошо. Так и продолжайте, только ничего не думайте про нее, и в ней ничего не ищите. – «Помилуй мя грешного», – сказал батюшка с великим чувством покаяния.

Я поняла, что все дело в том, чтобы читать ее с чувством покаяния. Так и стала делать. Все внимание обращала на слова: помилуй мя грешную. Стало с большим чувством выходить. Бывало, когда не слышишь, что читают, или не понимаешь, что поют в церкви, начнешь читать ее и рассеянность пропадет, мысли и помыслы куда-то исчезают и является молитвенное настроение.

Многие, потом, духовные люди спрашивали меня, как я училась «творить» молитву Иисусову? А я им отвечала, что батюшка запрещал «творить», а учил нас просто читать ее. И рассказывала им, чему учил нас о. Алексей.

Многие осуждали батюшку за то, что он давал молитву Иисусову с самого начала, когда люди-то хорошенько и молиться не умели. У батюшки в простоте ее была и ее сила. Он строго запрещал всегда ее «творить» и «делание», как это

было у Святых Отцов, где это являлось великим и трудным подвигом, опасным для новоначальных и невозможным в миру.

Батюшка считал, что от простого повторения этих великих слов является чувство, а от него появляется и молитвенное настроение. Он напирал на слова: «помилуй мя грешного», так как, читаемая в покаянии, она предохраняет от всевозможных искушений (прелести). Если вначале обращать внимание на слова: Иисусе Христе, Сыне Божий, то это придавало бы ей иной характер и могло бы возбудить разные опасные молитвенные ощущения у первоначального.

Простота, с которой она читалась, и покаяние, которое в нее вкладывалось, предохраняло человека от различных, подчас очень тонких и опасных искушений.

– Нам нельзя ее «творить», как Святые Отцы, – говорил батюшка. – Где же нам с ними сравниться, как они там в пустынях ею занимались. Нам невозможно «делание» Иисусовой молитвы. Нам можно только просто говорить ее, как можно чаще в доме, на улице, в гостях. Она очень, очень помогает и от многого защищает.

Такое простое учение о молитве Иисусовой приводило, тем не менее, к таким же результатам, как и делание ее, и было тоже замечательной особенностью молитвенного духа великого старца о. Алексея.

Потом мне стало понятно, как батюшка читал ее. Сначала покаяние – помилуй мя. Потом чувство переносится на слова: Господи, Иисусе Христе, которые произносятся с любовью. На этом долго останавливаются, так как это Лицо Святой Троицы наиболее нам близкое и понятное. И уже долго спустя чувства и мысли переходят на слова: Сыне Божий – которые будят в душе чувство восторга перед тайной Божьей, чувство исповедания его, как Сына Божия и чувство любви к Нему, как к Сыну Божьему.

В конце концов эти все чувства соединяются в одно и получается в словах и чувствах полностью молитва Иисусова.

И как же батюшка ее читал? Просто очень и один раз прочтет. Но в этой простоте, в этом разе было все: вера,

любовь, исповедание и надежда на великое Божие милосердие. То была батюшкина, старца о. Алексия, молитва Иисусова.

Как-то туго приходилось насчет денег. Муж, который до этого был против того, чтобы я служила, стал приставать ко мне с этим. Пошла к батюшке.

– Нет, не стоит новую жизнь вам обоим начинать, – сказал он, внимательно посмотрев мне в глаза. – Обоим не полезно будет. Ведь вам хватает денег сейчас?

– Хватает, батюшка.

– Ну вот и будет хватать всегда. Больных мало, ничего, придут. Мы их пришлем, – смеясь, сказал он.

И действительно, в этот раз и потом бывало он их присылал. Бывало случится заминка, а с материальной нуждой не принято было беспокоить своего старца. Попросишь его заочно, дома крепко-крепко, и, глядишь, опять является работа у мужа.

– А вам денег хватает? – спросил батюшка, хитро посмотрев на меня.

Я покраснела и молча кивнула головой. Я потихоньку брала у мужа деньги для разных людских нужд и из них покупала гостинцы своим отцам. В этом никогда не каялась, боялась и было стыдно. Батюшка это знал, очевидно, но не осуждал. Он видел, что иначе было нельзя.

Тут же зашел разговор о духовном преуспевании моего Вани. Меня одолевало все нетерпение, что медленно подвигается его христианство. Батюшка раскрыл книгу какую-то и опять прочел мне о молитве и смирении. Удивительно, что сколько раз он ни открывал книги, для меня всегда открывалось одно и то же, молитва и смирение.

– Вот видите, опять то же, – сказал он. – Это, очевидно, для вас и дела вашего с Ваней нужно смирение во всем и молитва. Нужно к нему подходить со смирением, ставить себя ниже его во всем. И это не трудно, потому что он гораздо лучше вас. Вы во всем ниже (в духовной жизни тоже). А молитва нужна: для него и за него.

Я считала мужа во многом выше меня, но насчет духовной жизни я никак не могла переварить батюшкиных слов.

Потом начали говорить с батюшкой о тех различных требованиях, которые ему предъявляли люди. Нет того, с чем бы к нему не обращались.

– Есть такие, – говорил он, – что приходят учиться вере. Вот недавно пришел один и говорит: – Батюшка, научите меня вере. – Ну как вам это нравится: научить его вере! Да кто я такой, чтобы учить людей, да еще чему? Вере! И как это можно – учить вере? Ну все же он стал ходить. Не знаю, как и что я говорил с ним. Бог помог – начал верить и очень благодарил меня. Видите ли, что приходится брать на себя – учить вере. Это не что-нибудь.

Мне очень хотелось расспросить его, как это он учил такой вещи, но не смела. Конечно, здесь не слова были, а молитва о. Алексея, как воск растапливающая душу неверующего. Ведь он давал веру горячую, которая пламенем охватывала всего человека.

Как-то стучусь в батюшкину дверь.

– Можно?

– Это кто? Буря моя пришла? Можно и даже должно, – ответил он.

В душе у меня была, правда, буря энергии работать, что есть силы, чтобы скорее достичь цели. Думалось мне, глупой, что эта цель – христианство, так близка и так возможна. А батюшка уговаривал жить потихоньку, как все.

– Господь все в свое время пошлет вам. Силой ничего не сделаете. Терпение нужно и еще смирение, молитва, как это всегда вам выходит.

В последнюю же зиму оба отца перестали уговаривать меня жить тихо. Видели они, что это бесполезно и только всеми способами старались сдержать меня.

Помню, бывало такое чувство, как когда несешься верхом по полям и лесам, не видя перед собой дороги. И батюшка тогда говорил:

– Пожалей нас, Александра, так нельзя. Мы оба тебя держим (батюшка показывал, как держат лошадь на вожжах) и руки наши устали. Ведь вот, добрая, кажется, ничего, жалеет

лошадей, а нас не жалеет. Ну хоть не меня, а о.Константина своего пожалела бы.

Я засмеялась.

– Батюшка, родимый, я иначе не могу. Или все, или ничего. Как-то говорили о трудности моей цели – Ванином христианстве.

Конечно, батюшка чувствовал больше меня всю трудность работы. Отпуская, он внимательно посмотрел мне в душу и сказал:

– Да, думается мне и я не ошибаюсь, что ты как я: чем труднее идти к цели и чем дальше она отходит, тем упрямее идешь вперед и сильнее разгорается желание ее достигнуть. Так всю жизнь было со мной. То же, думается мне, и ты будешь делать. Да... думается так, – глубоко взглянув мне еще в глаза, проговорил батюшка и благословил меня так, точно он призывал на меня помощь Божию на это самое упрямство.

Мне было легко жить молитвами и с помощью моих отцов. Они многое прощали, очень меня баловали. Я как-то это сказала батюшке, а он мне ответил:

– Все же иногда жизнь кажется вам трудной, но это только вам кажется, в действительности она у вас легкая. Но так не всегда будет. Придет время, и эта жизнь будет действительно трудная. Тогда у тебя должен быть собственный внутренний запас сил. Она будет трудная, ох какая трудная. И взыскиваться за все будет строго. Что теперь прощается, чего сама иногда не замечаешь, тогда все будет тебе в вину ставиться. Назад тебе дороги не будет. Уйти ты не сможешь. И пойдешь по ней до тех пор... – Батюшка резко оборвал и отвернулся, низко опустив голову. Это было сказано в конце последней зимы, когда они ко всему уже приучили меня, когда почти что ничто не могло смутить меня.

Как-то вопрос зашел, как быть с одной «душой», которой хотелось поговорить на Маросейке, а батюшка редко уж тогда служил. Решила, что он будет ее исповедывать, а причащаться ей нужно будет в церкви.

– Батюшка, ей нужно будет брать у о.Сергия разрешительную молитву, а то опять скандал будет, как тогда с

Манькой. Он этого требует. Я считала, что за отсутствием батюшки хозяином в церкви является о.Сергий.

Батюшка быстро сел на кровати.

– Ну да, ну да, так всегда делайте. А знаете для чего это?

– Думаю, батюшка, чтобы кто с улицы не пришел без исповеди причащаться. Разве там у вас за всеми доглядишь?

Он почему-то очень обрадовался такому объяснению и весело сказал:

– Думаете так? Верно, верно! – точно он сам искал и не мог найти объяснения этому распоряжению. – Так и делай всегда. Так и делай.

Вот почему, причащаясь на Маросейке, я всегда стараюсь попасть на исповедь сестер и получить разрешительную молитву от о.Сергия.

Как-то услышала, что будут собороваться. Я никогда не видела этого таинства. Спросилась, но о.Константин не позволил. Он не понимал значения этого таинства для людей здоровых, которые часто являются на него совершенно неподготовленными. Прихожу к батюшке. При мне сестры благословлялись собороваться. Часто батюшка взглядывал на меня. Когда последняя вышла, он долго и внимательно посмотрел мне в глаза. Он видел, что мне этого очень хочется.

– Ну вот, они будут все собороваться, а мы с вами нет. Нам нельзя, – сказал он. И больше ни слова не было сказано по этому поводу.

И так всегда и потом, батюшка неизменно говорил:

– Ну вот они сегодня будут собороваться. А я ему:

– Да, батюшка, – и только.

Было еще одно великое свойство старца отца Алексея – это его умение и такт в отношении к духовным отцам и тонкое руководство их духовных чад в совершенном согласии с ними. Если батюшка иногда и не соглашался с духовным отцом, он никогда не шел против него, а или подчинялся его повелению, или молитвой своей изменял мысли и чувства его.

Отец Алексей не делал того, что делают многие старцы; пользуясь своим старческим авторитетом, отменяют или

изменяют повеления духовных отцов и тем вселяют в души их чад смущение.

Батюшка часто говорил, что ему приходится устранять неправильные отношения между духовными отцами и их чадами. Говорил, насколько это дело трудное и тонкое, сколько можно все же помочь людям, которые, часто по неумению и неправильному пониманию духовной жизни, мучают себя и других.

Батюшка говорил, что ему приходилось, правда, отменять приказания о. Алексея-затворника, так как иногда он накладывал на людей непосильное бремя.

– Но то дело другое: мы друг друга знаем, – говорил он. – Он высокой духовной жизни, – добавил он, строго глядя мне в глаза, чтобы отбить всякую охоту осудить о. Алексея-затворника.

Как-то спрашиваю батюшку – как быть, когда приходят скучные люди и говорят о неинтересных вещах.

– Вот, батюшка, приходит к нам одна из «обобранных» и рассказывает нудно и скучно, как у нее какие-то там стулья пропали или что-то в том же роде. Их таких порядочно наберется. Это очень скучно, батюшка, и люди эти такие безтолковые и скучные. Можно как-нибудь от этого отделаться? Ведь, батюшка, никакой нет в этом ни для них, ни для меня пользы.

Батюшка покачал головой и сказал:

– Нет, Ярмолович, нужно их слушать. Ведь они несчастные.

И лицо его сделалось такое скорбное, точно он сразу переживал горе всех «обобранных» вместе взятых.

– Не все же нам слушать интересное. А вы думаете, что мне всегда интересно слушать, как какая-нибудь женщина, да еще не одна, начнет рассказывать, часто несвязно и неясно про то, что ей лучше, открыть лавку или корову купить? А то спрашивает – продать шубу или нет. И все это приходится выслушивать. Да, приходится заставлять себя слушать. Нужно понуждать себя входить в их интересы, стараться чувствовать, как они чувствуют, думать, как они думают. Таким образом их состояние становится для тебя ясным. Начинаешь их жалеть, а,

жалея, любить. Нужно над этим работать. Сначала понуждать себя – трудно и скучно будет. Потом, как только сможешь их пожалеть, так уже легче будет, и скучно уж не будет с ними.

Непременно заставляйте себя выслушивать все до конца, что бы они вам ни говорили. Старайтесь вникать в их горе, в их жизненные неприятности. В это время забывайте совершенно себя и помните только того, кто перед вами. Живо представляйте его положение и как бы вы себя чувствовали на его месте. Старайтесь внимательно относиться к людям. Привыкнуть к этому трудно. Помни: забудь себя и забудь все в себе и живи жизнью всех и каждого. Кто бы к тебе ни пришел, переживай с ним то, что он переживает. Входи в его душу, а себя забудь, совершенно забудь себя.

Я стала стараться терпеливо слушать людей. Сначала было очень трудно, потом постепенно привыкла. Батюшка справлялся, как идет дело, ободрял, и я понемногу приучилась.

Раз прихожу к батюшке за благословением. Он что-то внимательно читал. Меня занимал вопрос, что люди иногда и сами бывают виноваты, а валят все на лукавого. Надо тоже отметить замечательное свойство о. Алексея, что он никогда не говорил о лукавом, как другие духовные люди: враг попутал, враг научил и т.д. Также, несмотря на силу его молитвы, он никогда не отчитывал бесноватых, что мне в нем очень нравилось. Я решила, что по его великой любви ко всем он и бесов жалеет, и не хочет их куда-то там выгонять, просто молится за больную и крепко надеется, что, если Господу будет угодно, Он исцелит ее. Отец Алексей не говорил о «нем» никогда потому, что он просто не хотел знать «его», не хотел иметь с «ним» дело. О.Алексей имел силу над «ним» и мы около него не чувствовали пагубного дыхания духа зла. «Он» боялся силы духа великого старца.

– А что, батюшка, на лукавого напрасно все валят? – спросила я, несмотря на то, что батюшка был очень занят. – Часто сами люди бывают виноваты, а в оправдание себя на «него» валят.

Батюшка, хотя уж снова погрузился в чтение, взглянув на меня, ласково улыбнулся.

– Да, я тоже так думаю. Он бедный часто не виноват. Иногда не по его вине люди делают зло, а его ругают.

Так как батюшке показываться на народе было опасно, он часто служил раннюю. Но и это скрывалось. Мне из-за мужа часто нельзя было попадать на его службы. Для меня это было большим горем, но к нему с этим приставать было нельзя. Бывало стараешься хоть ко кресту поспеть, так как в праздники я избегала тревожить его на квартире. Прихожу раз – последние подходят. Вот уйдет сейчас в алтарь. Бегом подошла, а батюшка мне так ласково протягивает крест и говорит:

– Лентяй, лентяй, Ярмолович! Проспала обедню!

Я обиделась.

– Батюшка, ведь вы знаете, я не могу на ранней быть. Он пристально посмотрел на меня и еще громче сказал:

– Лентяй, одно слово лентяй.

Я опомнилась, крепко поцеловала его руку и встала на свое место. И легче давалась молитва, и день был веселее, когда успеешь так вот получить его благословение.

Бывало, когда батюшке было плохо, он так задыхался, что не мог говорить и молча давал всем крест. И вот подойдешь, а он благословит и только крепко сожмет твою руку. И чувствуешь, что он тебя помнит и поощряет на делание, и сердце сожмется от тоски и предчувствия, что недолго еще будет утешать нас наш великий старец о. Алексей.

Бывало стучишься в батюшкину дверь.

– Можно?

И он всегда весело ответит:

– Не только можно, но и должно!

А иногда просто повелительно скажет:

– Должно!

Все зависело от того душевного настроения, с которым ты к нему приходила. А раз я сделала какой-то небольшой проступок и батюшка ответил:

– Не должно, – но не строгим голосом. Я притворила дверь и говорю:

– И правда, батюшка, не должно. Так-то часто нужно было бы вам отвечать мне. Верно это большей частью не должно.

Он рассмеялся и, когда я покаялась в своем проступке, сейчас же простил.

Всегда, когда входила к батюшке, кланялась ему в ноги со словами:

– Простите, и, если можно, благословите.

Часто, если плохо себя вела, он не благословлял, и только в конце беседы, если увидит должное в тебе настроение (скорбь о соделанном и желание твердое исправиться), сам благословит тебя. Не полагалось уходить самой или в конце беседы просить благословения. Батюшка сам это делал и этим благословением отпускал тебя.

Раз он остановился с поднятой на благословение рукой и спросил:

– Почему «если можно»?

– Я ведь, батюшка, не знаю, стою ли я вашего благословения. Может мое поведение и не стоит этого.

Он довольно улыбнулся, пронзил меня взглядом так, что я почувствовала, что он душу мою как на ладони видит, и сказал торжественно:

– Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа.

С тех пор всегда батюшка долго смотрел мне в глаза и только потом благословлял. Страшно делалось: а вдруг увидит что и лишит его. Батюшка «просто» никогда не благословлял. Его благословение имело всегда свое значение. Он всегда благословлял на что-нибудь: или на дело, или на известное душевное настроение, или на борьбу с искушением, или на самую твою, подчас трудную, жизнь. Трудную от твоих же грехов, трудную от твоего же нерадения. И всегда принималось благословение старца о. Алексея, как нечто очень святое и чувствовалось всегда, что он действительно низводит на тебя с неба Божию благодать, которая и должна была тебе помочь вовремя.

Итак, первый раз я пришла к батюшке осенью, в продолжение зимы все чаще и чаще ходила к нему. Все больше и больше привыкала к нему, а он постепенно приучал меня к откровениям, обязанностям к ближнему и молитве. Я чувствовала, что без батюшки не могу обойтись, не могу жить.

Что все, что мне нужно, можно получить от него и получаю. Считала его своим старцем, но все же все еще не признавала его воли над собой, как и власти о.Константина. Все же иногда пыталась с батюшкой спорить, не соглашалась, сердилась, обижалась, хотя он все это пресекал в самом начале. Я еще слабо понимала послушание и совершенное подчинение своей воли воле другого, да еще добровольное. Во мне иногда вспыхивало чувство, что я ведь не раба, я свободна делать, что хочу. И жизнь-то духовную веду потому, что сама захотела этого.

Бывало часто каешься батюшке: я рассердилась на Него, Он меня не слушает. (Я называла Бога «Он» всегда).

– На кого на Него?

– На Бога, батюшка.

А батюшка, не сердясь и не удивляясь нисколько, так покойно ответит:

– Нет, нет, голубушка, на Него нельзя сердиться. Сердись на меня. Сколько хочешь сердись на меня и ругай меня – на то я здесь.

И станет стыдно, так стыдно и в другой раз сдержишься. А иной раз каешься:

– Батюшка, простите, я очень сердилась на о.Константина. Он какой-то чудной: ничего не понимает, что ему говорят.

– Нет, нет, – вскинется батюшка на тебя, – этого никак нельзя делать. На о.Константина, Боже упаси, сердиться. Это он так что-нибудь. Он у вас такой добрый, такой хороший. Говорят тебе, на меня сердись и меня ругай, сколько хочешь, а Господа Бога, святых Его, о.Константина – оставь, не трогай никогда. Слышишь? Ни-ког-да! Этого делать нельзя.

А то придешь и каешься:

– Батюшка, простите, я на вас сердилась. Вот вы мне велели то-то и то-то, а у меня не выходит.

Он усмехнется и скажет бывало:

– Вот это хорошо, Ярмолович, что на меня сердишься, – и только на меня. Так и дальше делай. Мне это ничего. Я все могу снести.

– Батюшка, я ужасная дура, больше не буду никогда! – ответишь в смущении.

– Ярмолович ты и больше ничего, – весело скажет он и благословит.

Так, постепенно приучаясь к старческому и духовному руководству, проходила для меня зима. Нельзя было сказать, чтобы я успевала в духовной жизни. Желания было много, старания мало, казалось все трудным, хотя многое мне было в утешение.

Прошел Великий пост и приблизительно исполнилось года полтора, как я в первый раз бросилась к ногам о.Константина, прося его научить меня тому, о чем говорит преподобный Серафим в своей беседе с Мотовиловым.

Прихожу на исповедь к о.Константину и что-то говорю ему о радостях духовной жизни, о моей готовности служить Спасителю даже в скорбях. Он как-то особенно начал говорить:

– Теперь настало время и я действительно вижу, что вы отдались Спасителю и пойдете за Ним. Назад вы уже не смотрите. Я теперь согласен принять вас и с Божьей помощью объяснить вам все, что будет нужно. Но помните, жизнь эта очень трудная. Как тогда, так и теперь говорю вам, что вас, по выражению Св.Отцов, будут тянуть за ноги с неба, что очищение души и приближение ее к Богу делается здесь, вот в этой самой будничной, серой жизни. Оно сопряжено со многими скорбями и трудностями. Не думайте, чтобы я стал объяснять вам красоту духовной жизни и как достичь Царства Небесного. Я буду объяснять вам, как жить с людьми, с которыми нас Господь поставил. Помните, жизнь трудная и возврата вам уже более нет. Согласны на все?

– Согласна, батюшка, – с радостью, ни о чем не думая, проговорила я, – на все согласна, только учите, чтобы поскорее все это выходило. Вы вольны надо мной делать все, что вам вздумается – я буду все терпеть.

– Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Господь да сохранит и управит вас, да поможет вам во всем.

Я, как никогда, почувствовала святость его благословения. Совершилась какая-то тайна, непонятная для меня. И великое

значение его слов я тогда тоже не поняла. Мне было весело, потому что что-то хорошее случилось: о.Константин согласился учить меня хорошей жизни и как бы брал меня к себе, я была горда: я получила какой-то чин, в чем-то меня признали. Это был мой второй самостоятельный и полусознательный поступок в моей духовной жизни и, как и предыдущий, но еще сильнее, начался со всевозможных искушений внешних и внутренних.

Вначале я старалась, боролась. Батюшке тогда про себя мало что говорила. Потом все мне стало надоедать. Пост, молитва дома, покаяние в церкви, дела дома – от всего этого очень уставала. Нужно было повсюду поспевать, всегда спешить, напрягать все силы, а утешения никакого. Книжки казались скучными. Небо все куда-то ушло. Муж все время был расстроен и ничем не доволен. И вот, как-то проснувшись утром, я решила, что я ошиблась, что это не та жизнь, которая может мне все дать. Что-то такое здесь есть, чего я не могу осилить и что мне не дается. Что нужно бросить всю эту ерунду и искать чего-нибудь другого, что я бы понимала и что мне удавалось бы. Батюшку и о.Константина признать за хороших знакомых, ходить к ним в гости иногда и искать пути самой, никого не спрашивая, потому что это очень скучно. Перестала следить за собой, ходить на откровения, пропустила исповедь, так как, думаю, не стоит и причащаться, пока не найду чего-нибудь хорошего. Стала избегать о.Константина.

Особенно трогательно говорил о.Константин в своей проповеди о главном украшении Божьей Матери, о Ее смирении и послушании. Он так хорошо говорил о Ее жизни в храме, о Ее преданности и любви к Богу, о Ее радостях, о Ее скорби при кресте Сына Своего. Что-то повернулось у меня в душе. Небо стало близким и звало меня. Я почувствовала, что стою на краю пропасти, готовой поглотить меня. Я еще сильнее заплакала. Кто-то, чудилось мне, говорил, что жизнь настоящая все так же около меня, и я в ней, и другого пути нет и не может быть. Горячо начала просить прощения у Бога и помощи у Божьей Матери. Как быть теперь? Мне было стыдно церкви, стыдно о.Константина. После обедни подошла к нему. Он удивленно спросил, где я стояла, пристально посмотрел на меня, но ничего

не сказал. Пошли к нему чай пить. Мука была сидеть и молчать. На другой день полетела к нему, все рассказала, просила прощения. Все спрашивала у него, не сердится ли он на меня. Он очень внимательно и серьезно выслушал меня и просто сказал:

– Нисколько не сержусь. Было и прошло. Это было искушение. Кто-то хочет оттянуть вас от того пути, который вы избрали. Надо стараться, чтобы это не повторилось.

Он показался мне грустным, но по своей нечуткости я не поняла, что было в душе его в это время, и не знала, как отцы духовные заботятся о своих чадах и как боятся за их души.

С о.Константином все уладилось просто, но сознание проступка и очень большого не покидало меня и не давало мне покоя. На исповеди каялась опять, просила прощения и опять о.Константин уверял меня, что нисколько не сердится на меня.

Подошла Страстная. Чувство моего падения не оставляло меня. С ужасом и страхом думала: «Как пойду я к Плащанице, к Тому, от Которого отреклась». И вдруг почувствовала, что не будет покоя душе моей, пока не покаюсь перед батюшкой и он мне перед Богом не замолит моего греха.

Я считала проступок мой большим, но не таким уж ужасным, раз о.Константин легко простил его. Написала письмо, в котором вкратце объяснила, в чем дело. Особенного покаяния и сожаления о соделанном не было. Кончалось оно так: «О.Константин давно простил, простите и вы, батюшка, пожалуйста. Больше никогда не буду».

В пятницу отнесла письмо на квартиру к батюшке и просила, чтобы он непременно сегодня же его прочел. Думала: я иду исповедываться, а он будет молиться за меня Богу. И вдруг сделалось страшно, что теперь все будет известно ему. Опять каялась о.Константину. Сердце разрывалось от тоски. Я чувствовала, что оскорбила Господа моего, Которому так недавно обещалась служить. О.Константин утешал меня, говорил, что давно простил меня, что я должна встретить Пасху спокойно.

И вот я начала с Плащаницы в его храме и стала заходить во все церкви, попадавшиеся мне по дороге на Маросейку, и

молилась с горячими слезами в каждой из них Плащанице, чтобы Господь простил меня.

Вхожу в батюшкину церковь. У двери стоит молодой человек и рыдает так, как я никогда не видала, чтобы человек мог плакать. Он уже исповедывался и о чем-то молился и каялся. Дальше стоит женщина с удивленным лицом, озаренным светом молитвы. Из глаз ее, полных слез, исходили лучи света и она вся, казалось, ушла в небо. Народа много и страшная тишина. Все и вся было полно молитвы. Многие стояли на коленях в ожидании исповеди и со слезами молились. Чувствовалось, что совершается нечто великое: перед умершим Богом старец о. Алексей принимал покаяние человеческих душ и, принимая грехи, сорастворял их своею молитвою и любовью и отсылал их Небесному Отцу с просьбой: прости им, Господи, ибо не ведают, что творят. Меня охватила эта царившая здесь благодать и тишина. Служба кончилась. Какая-то женщина с такой спокойной верой молилась и плакала перед Плащаницей. Я встала около нее на колени. Все поразило меня здесь. Старец о. Алексей совершал свое великое дело: раскрывал язвы душевные, врачевал души людские и приводил их к Богу. Действительно, весь этот народ каялся и молился Богу.

Душа моя разрывалась от тоски и боли. Думаю, если батюшка сейчас выйдет со своего места и пойдет исповедывать в алтарь, то я брошусь перед ним на колени и покаюсь во всем и буду умолять его заступничества перед Господом. Я готова была на все, лишь бы искупить свой грех.

Вскоре батюшка пошел в алтарь кого-то исповедывать и очень скоро вышел оттуда, дошел до решетки и в упор посмотрел на меня. Лицо его было озарено молитвой, а в глазах была тихая скорбь. Душа рванулась к нему, но тело окаменело – я не могла двинуться с места. Батюшка еще раз взглянул с укором на меня и, опустив голову, тихо прошел на свое место. Я вскочила, но было поздно, он скрылся. Зарыдав, бросилась я перед образом св.Николая и мысленно, лежа на полу, передала батюшке все, что было у меня на душе, прося его ходатайства

за меня перед Богом. Встала и пошла, не переставая горько плакать. Народ говорил:

– Бедная, наверное у нее большое горе, – а другие: – Нет, это «сам» не простил ее.

От этих слов мне сделалось еще горше и я в отчаянии поплелась домой.

Службы, дом, люди, самый праздник – все это отвлекло меня. Я успокоилась, ходила повсюду, но, когда думала о батюшке, что-то сосало в груди.

Прошло время праздника. Нужно было мне идти по делу к батюшке. Думала: о.Константин уж давно простил, а батюшка-то уж, наверное, не помнит – он добрый. Да и где же ему всякую нашу глупость помнить. Сделала и сделала, давно все прошло; ничего особенного в этом нет, со всяким может случиться.

Взошла к батюшке и села в ожидании. Долго он не шел. Наконец входит. Я, как всегда, земной поклон:

– Простите, и если можно, благословите, батюшка. Простите, что не поздравила вас с праздником. Очень некогда было.

Он стоял, опустив глаза. Весь его вид был какого-то чужого священника.

– Здравствуйте, – сказал он любезно, но сухо, – что вам угодно? – тоном, точно я была чужая дама, и именно «дама», которая в первый раз пришла по делу. Я от ужаса обомлела, холодный пот выступил на лбу. Я не понимала, почему батюшка так делает, но чувствовала очень хорошо, что передо мной чужой мне священник, которому и я совсем-совсем чужая.

Батюшка сел и, не поднимая глаз, спросил:

– Итак, чем могу быть вам полезен? Садитесь, пожалуйста.

Я изложила свое дело, запинаясь и путаясь. Одна «душа» просила батюшку принять ее. Надо было пояснить ему кое-что о ее деле. Он сидел как изваяние и холодно слушал, иногда спрашивая подробности. Потом назначил время, когда ей придти. Наступило молчание.

– Больше ничего? – спросил он все так же.

За все это время у меня жизнь не клеилась, как-то все из рук валилось. Появилась небрежность к своим обязанностям.

На душе было невесело. Пошевелинулось объясниться с батюшкой насчет письма и той пятницы у Плащаницы, но почему-то вместо этого я с раздражением вдруг выпалила:

– А еще вот: мне очень трудно жить. Мне это надоело! (духовная жизнь). Потом было отчаянье от батюшкиного приема.

Батюшка мгновенно изменился: лицо ожило, он с гневом посмотрел на меня, вскочил и подошел к столу.

– Александра, вы на свою жизнь жалуетесь, тяжелая? А у меня жизнь не тяжелая? Разве у всех тех людей, которых вы видите, жизнь не тяжелая? Скажите, пожалуйста, у нее жизнь тяжелая! Что же мне с вами, наконец, делать? Не придумаю.

Батюшка схватил и раскрыл книгу, точно в ней он искал ответа; потом отбросил от себя и сел против меня.

– А у о.Константина жизнь не тяжелая? – с гневом сказал батюшка, наклонившись совсем близко ко мне. – Выходит, что у нее одной только жизнь тяжелая!

Я боялась пошевелинуться и смотреть на него. Мне думалось, что он меня вот сейчас убьет. Я совершенно серьезно не думала, что смогу живой выйти от него.

Мне нужно было теперь во что бы то ни стало добиться у батюшки прощения, а потом – хоть смерть. Я молчала.

– Я вас спрашиваю, слышите или нет, у о.Константина жизнь не тяжелая по-вашему?

– Ему, батюшка, очень трудно жить: семья большая, А.П. часто больна, – еле проговорила я.

– Не в том дело, у него все они очень хорошие. Ему тяжело служить: много неприятностей, а тут еще такая духовная дочь, как вот эта!

– Батюшка, простите, простите, пожалуйста, я больше не буду никогда!

– Не батюшка простите, а как вы могли такой поступок сделать? Очевидно, никто никогда не говорил вам об этом. Вы думаете со мной отделаться так же легко, как с о.Константином? Я вам не о.Константин!

– Я недавно служил там около вас. А.П., о.Константин и еще там одна была и моя С...а, и все исповедывались и

причащались. И так было хорошо, – с лаской сказал батюшка. – А вас там не было.

– Я, батюшка, в деревне была.

– Знаю, – оборвал он. – Какой о.Константин хороший, какой он добрый, как жалеет каждого, все прощает, не показывает, что он чувствует, только бы не расстроить человека. Я его спрашиваю: есть у вас такая духовная дочь? (своим проступком я ушла от о.Константина, хотя внешне как будто оставалось то же). – Есть. – А какая она? – Хорошая. – Он так и сказал про вас: хорошая! Я за вас покраснел и потом не смел ему от стыда в глаза смотреть. Хорошая! Действительно, вас-то назвать хорошей! Вас, такую! – с презрением сказал батюшка. – Вас, которая так мучает его. А ему-то как тяжело живется, очень тяжело. И никогда не жалуется.

Удивительно, как батюшка часто чувствовал, что о.Константину тяжело. Бывало так скажет, и правда, окажется потом, что в это время ему бывало очень тяжело.

– А как он за эту самую «хорошую»-то молится! За вас так молиться! За такую? А как он молится сам-то! – с восхищением проговорил батюшка.

– Мне было всегда прискорбно, что за моего Ваню о.Константин всегда соглашался молиться, а за меня – всегда отмалчивался. Меня страшно тронули и утешили батюшкины слова. Батюшка видел его душу, батюшка ошибиться не мог. Я горько заплакала.

– Вот вы плачете, а небось не плакала, когда собиралась уходить от него? Она уходит от такого? Не плакала, когда мучила его? Знаете ли вы, как вы расстроили его душу вашим поступком? Знаете ли вы, что он пережил от вашего поведения?

Я не знала, куда деваться от стыда. Пот градом лил с меня, я не выдержала и взмолилась:

– Батюшка, родной, дорогой, пожалейте! Делайте со мной, что хотите, только не говорите так!

– А... не говорите! – не унимался батюшка. – Совершить преступление можно, а слушать, когда говорят о нем, нельзя. Конечно, где же нам! Нас нужно пожалеть, несчастную! У нас тяжелая очень жизнь! Нет, я вам не о.Константин! Он с вами

никогда так не говорил. Еще бы, он вас жалеет, щадит вас. Я не он. Нужно, чтобы хоть кто-нибудь вам сказал, что вы наделали. Объяснил бы вам все это. Нельзя щадить и жалеть того, кто другого не жалеет. Нет! Вы здесь, на этом месте, будете слушать меня до тех пор, пока я не решу, что довольно. Ничего, выслушаете!

Батюшка показал мне всю высоту души и жизни о.Константина и грязь моей души, всю низость и скверность моего поведения в данном случае и вообще. Отец мой духовный все мне дает, а я ему – ничего. Он во мне не видит ничего, на чем бы можно было утешиться: ни послушания, ни кротости, ни терпения, ни смирения во мне нет. А без этого, что можно ожидать от человека, кроме самого плохого?

Я стала чувствовать, что я своим поведением мучаю святого и что я хуже грязи. Батюшка говорил, что всякому хорошему человеку противно иметь дело со мной, что я давно погибла бы, если бы не молитвы о.Константина. Только ими и держусь.

Батюшка не находил слов описать мне то место ада, где бы я находилась без отца Константина. И батюшка снова в жалостливых словах описал мне состояние духовного отца, заботившегося о спасении взятой им души, находящейся на краю гибели.

– Да знаете ли вы, что такое духовный отец и как вы должны относиться к нему?

И батюшка стал объяснять мне, что такое послушание, что значит отдать свою волю другому и кем является в духовной жизни руководитель и духовный отец.

Он говорил сильно, резко и сурово. Каждое его слово бичом отзывалось в душе моей. Старец о. Алексей внушал мне основы духовной жизни, раскрывая их трудности, и требовал от меня без милосердия точного исполнения их, без всякого отступления. Он говорил, что духовный отец есть как бы ангел, посланный с неба возвещать человеку повеления Божьи. Что слова его должны приниматься с трепетом, как слова Самого Господа. Каждый шаг, каждое движение души должно быть известно ему. На все, на самое малейшее дело должно

спрашивать благословения у него. Дохнуть без его разрешения нельзя. От него не должно ожидать себе ни утешения, ни ласки. Просить, когда нужно, чтобы принял, а если не примет сразу (а может и не принять, сколько раз найдет нужным), просить со смирением еще и еще. Если примет на пороге, быть и этим довольной, а если выслушает и допустит до себя, то быть этим счастливой, как получившей великую от него милость. В откровениях ничего не утаивать, себя не оправдывать. Как ни стараться хорошо жить, всегда считать себя виноватой перед ним. спрашивать его о чем-нибудь надо так: если можно, разрешите и благословите. спрашивать раз. Если откажет, второй раз не приставать, так как если разрешит при вторичной просьбе, благословение его уже будет недействительным, как вынужденное, и это спрашивающему вменится грехом непослушания. Нужно, если получаешь отказ на первую просьбу, ответить: простите и благословите. Простите, что недолжное, значит, спрашиваю у вас, и благословите на повеленное вами. Начинать говорить только, когда он первый начнет. Подходить только, когда он позовет сам. Не дожидаться, когда он что-нибудь велит сделать, а угадывать желания его. Слушаться его безпрекословно и с радостью, не спрашивая зачем и почему. Ни воли, ни желаний, ни мыслей своих не иметь. Сегодня скажет одно – соглашаться с ним, завтра скажет другое – соглашаться и с этим. Сегодня скажет сделать одно, завтра противоположное заставит сделать – в обоих случаях безпрекословно слушаться его. Он имеет власть послать на смерть и нельзя спрашивать зачем.

Отец духовный – всё для души, идущей ко Христу, душа же эта – ничего перед ним.

– Поймите же вы, что это неизреченная милость Божия к вам, что о.Константин согласился взять вас. А вы так поступили с ним! Понимаете ли вы теперь, что требуется от вас?

– Понимаю, батюшка, больше никогда не буду.

– Помни же, что ты ничто, хуже, чем ничто! Ты хуже грязной тряпки, которой пол подтирают! Поняла? И чувствовать это должна! Ты должны быть, как тряпка, которую можно комкать и бросать, как угодно. Он может делать с вами, что хочет, он

может убить вас. Без его молитвы и помощи вы шагу не можете ступить! Поняла, что наделала?

– Поняла, батюшка, простите!

– Поняла, что нужно делать?

– Поняла батюшка, простите!

– Ну, идите. О.Константин вам небось никогда не говорил таких вещей. А я-то как был рад, что вы попали к нему! Так за вас радовался! А теперь... – и батюшка тяжело вздохнул и с укором посмотрел на меня. – Я ж буду просить Его, чтобы Он простил вас, – добавил он.

И потом часто батюшка говорил так, и я не могла понять – кого «Его», и только когда я давала батюшке обет послушания, я поняла, что назвал Его – Бога, и что это был ответ на мое слезное прошение к Нему тогда, в Страстную пятницу.

– Сейчас идите и вымаливайте себе прощение у о.Константина, если только он простит вас, – сказал батюшка.

– Да ведь он меня, батюшка, простил. Глаза его мгновенно сверкнули:

– Мало вам?

Молча повалилась я ему в ноги и вышла, не смея просить ни прощения, ни благословения.

Взошла я к батюшке, чувствуя, что я что-то, у меня еще было свое «я», вышла же я от старца о. Алексея с сознанием, что я ничто, и в недоумении, как ко мне, такой грязной, будут относиться люди. У меня было ясное чувство, что надо мной о.Константин, который мог убить меня, и о. Алексей, который мог сделать со мной все, что хочет. Скажи он мне в огонь броситься, я, не задумываясь, исполнила бы. Я чувствовала, что двигаюсь, живу, дышу не по своей воле, а по воле о. Алексея, и как только он найдет это нужным, я, где бы то ни было, перестану существовать.

Прихожу к о.Константину, валюсь ему в ноги и все рассказываю. Он крепко задумался, потом благословил меня и сказал:

– Бог простит. Скажите батюшке о. Алексею, что я давно вас простил, давно.

Все время я была под впечатлением батюшкиного гнева и глубокое чувство вины моей томило меня.

Вскоре прихожу к батюшке. Молча повалилась ему в ноги. Он не благословил и только спросил:

– Ну что?

Я передала слова о.Константина.

– Какой он у вас! Ах, какой он у вас! И с таким вы могли так поступить!

И снова он начал выговаривать мне мое поведение. От тоски у меня защемило сердце.

О.Алексей сел в постели и темными-темными своими глазами приковал меня к месту. Я стояла перед ним на коленях и прямо смотрела ему в глаза. Я чувствовала, что ни одним членом не могу пошевелиться и что даже мыслей у меня нет.

– Как должна слушаться отца твоего духовного?

– До смерти.

– Можешь иметь свою волю, свои желания?

– Нет.

– Кем он является для тебя?

– Ангелом, посланным с неба.

– Он может делать с тобой, что хочет?

– Может.

– Он пошлет тебя на смерть?

– Может.

– На крестную смерть?

– Может.

О.Алексей весь наклонился ко мне и, не сводя с меня глаз, медленно проговорил:

– И ты пойдешь? – Мгновенно в душе моей что-то дрогнуло и я в порыве любви и восторга горячо сказала:

– Пойду, батюшка, пойду.

Молнией вспыхнуло что-то в о. Алексее и потухло. Я задумалась и всем существом своим, глядя в упор на него, медленно произнесла:

– Пойду!

О.Алексей отвернулся и сказал:

– Помни, что это все ты говорила не кому другому, а о. Алексею.

– Да, батюшка, знаю.

Он посмотрел на меня внимательно, как бы изучая, насколько вошло в меня его учение, и сказал:

– А в чем вы просили прощения у о.Константина?

Я удивилась, но покорно ответила:

– В том, что сделала постом.

– А что вы сделали постом?

Я все так же покорно сказала:

– Хотела бросить духовную жизнь и уйти от него.

Воля моя была сломлена: о. Алексей мог заставить меня делать и говорить все, что только ему ни вздумалось бы.

– Идите, и просите прощения у о.Константина, если только он простит вас.

Я поняла, что нужно было вновь каяться в своем проступке полностью. Молча повалилась батюшке в ноги и поцеловала его руку. Он не пошевелился.

Опять пошла к о.Константину. Все ему рассказала и вновь каялась в своем проступке.

– Однако о. Алексей! Ну, уж и батюшка! – улыбаясь и качая головой, проговорил он. – Бог простит, а я вас давно простил.

И сколько раз я ни ходила к батюшке, а это было чуть ли не ежедневно, он всегда после того как благословит или поговорит о деле, или вообще о том, что нужно, спрашивал: простил ли о.Константин, какой он хороший, какая я плохая, что я сделала; впредь как я должна была вести себя. И от него шла всегда просить прощения у о.Константина.

Разговор с батюшкой был для меня пыткой. Он не сердился, подчас был ласков, но прощенья я от него не имела, а просить не смела. Благословения не просила, а он иной раз благословит, а иной нет. О.Константин смеялся, когда я приходила к нему, и говорил:

– Ну, что это он делает, о. Алексей? Чудак этакий!

Мне было не до смеху, но все же немного успокоилась. Жизнь духовная стала налаживаться. Как-то батюшка сказал:

– Если о.Константин перестанет за вас молиться, вы можете сейчас же умереть и душа ваша погибнет. Поняла?

– Поняла, батюшка.

Так он всю весну мучил меня: наедине, при народе, в церкви.

Летом умирал один мой родственник. Семейная обстановка была крайне тяжелая. Жена его знала батюшку. Меня она послала за о.Сергием²⁷⁹ к Боголюбской. С трудом добралась до него. Это был праздник Боголюбской. Положение было опасное и тяжелое: «живые» отбирали часовню. О.Сергий послал меня к батюшке.

Рысью понеслась я на Маросейку. С трудом добилась, чтобы меня провели на амвон. Я стала, где батюшка исповедывал. Он входил и выходил из алтаря, как будто не замечая меня. Я сгорала от нетерпения. Мне нужен был священник хоть какой-нибудь, а батюшка медлил. Пот ручьем катился с меня и я рукавом русской рубашки все вытирала себе лицо. Наконец остыла физически и нравственно. Батюшка вдруг повернулся ко мне и весело воскликнул:

– А... кто пришел-то! Ярмолович! Очень рад, очень рад.

Он подошел и взял меня за обе руки.

– Я к вам, батюшка, по делу.

– По какому? – удивленно спросил он, хотя ему было доложено.

– Вот умирает, и теперь уже наверно умер один мой родственник, а жена его, ваша духовная дочь, хотела, чтобы о.Сергий приехал бы к ней. А он за благословением к вам прислал. Очень там у них в семье тяжело.

– О.Сергия никак беспокоить нельзя. Сами знаете, что там делается. А священника надо вам дать; не знаю какого. А она не моя духовная дочь, пустяки.

– Батюшка, его причащал о.Лазарь. Может его?

– Да, да, очень хорошо. Сейчас пойду, распоряжусь. Я хотела уйти к выходу, он остановил:

– Стойте здесь.

На аналое лежал Крест и Евангелие. С одной стороны стояли сестры, с другой народ – исповедники. Стояли прямо на

амвоне, почти что тут же. Батюшка долго не шел. Наконец появился. На нем была епитрахиль и поручи. Он стал спиной к алтарю у аналая, я очутилась на его месте. Бросилась было уйти, но он и сестра загородили мне дорогу. Меня бросило в жар, как в бане. Батюшка как ни в чем не бывало спросил, откуда я пришла, что делается в Боголюбской? Потом вдруг придвинулся ко мне и сказал:

– Ну, а что скажет про себя Александра?

Я потупилась.

– Ничего, батюшка, не знаю.

– А как дело с о.Константином?

– Я, батюшка, причащалась. На исповеди каялась опять и просила прощения, и он простил меня.

– А в чем каялась?

В душе у меня было раскаяние и бурное отчаянье за соделанное мною. Твердое решение никогда подобного не повторять. Любовь и преданность к обоим отцам моим и желание идти Христовым путем гораздо сильнее и сознательнее, чем до моего падения. Я стала, запинаясь, каяться.

Что говорила тихо, батюшка повторял громко, что говорила неясно, батюшка переспрашивал. Он все время делал вид, что плохо слышит. Он заставил меня рассказать весь мой проступок, что он мне говорил, кто должен быть для меня о.Константин и какой ужасный грех сделан мною. Часто я упиралась, не желая говорить дальше, но он немилосердно заставлял:

– Говори, ну что же, будешь?

И в его голосе звучало что-то, что не позволяло послушаться. Мне казалось, что моя исповедь слышна в самых дальних уголках церкви, на улице. Душа с телом расставалась, а он все выпрашивал, ничего не упуская.

Наконец, отчаянье за мой грех, преданность и любовь к батюшке достигли такой степени, что я сдерживаться больше не могла. Слезы хлынули у меня, и я в горячем порыве пала перед аналоем и о. Алексеем ниц, и всем существом своим с жаром сказала:

– Батюшка, родной, простите, ради Христа простите. Больше никогда, никогда не буду! Перед Крестом и Евангелием обещаю никогда не бросать духовной жизни, что бы со мной ни было, и слушаться до смерти и смерти крестной о.Константина.

Я встала рукой дотронулась до Креста и Евангелия и снова грохнулась в ноги о. Алексею.

– Ух, какой огонь! Посмотрите, что это за огонь! – услышала я над собой его голос. Потом почувствовала, что он всю меня накрыл епитрахилью и, положив на меня руку, долго молился.

Когда я встала с готовностью сейчас идти на крест, я взглянула на о. Алексея: он радостно и с удивлением смотрел на меня, и как бы чего-то снова за меня опасаясь, сказал:

– Ужасный огонь, Ярмолович!..

Он не закончил и склонил голову на грудь. Потом вдруг выпрямился, темными-темными своими глазами приковал меня к месту и медленно произнес:

– Помни. Ты обещала это о. Алексею. Знаешь, что ты сделала? Ты дала обещание перед Крестом и Евангелием – перед Самим Господом. То, что ты обещала, так трудно, что самой тебе невозможно это исполнить. Я всегда, где бы я ни был, буду помогать тебе. Я умолил Его простить тебя. Если бы я не просил Его, Он бы не простил тебя.

– Батюшка, родной, как мне благодарить вас! – повалилась я снова ему в ноги.

– Ну, теперь иди. Дождидайся о.Лазаря. Придешь домой, проси прощения у о.Константина. – В этот раз батюшка не сказал: если простит. Я бурей хотела уйти, но, вспомнив, что прохожу мимо царских врат, остановилась и низко поклонилась. Обернувшись, увидела батюшку; он с любовью смотрел на меня и тихо проговорил:

– Огонь, какой огонь!

Огонь-то этот, старец родимый, ты зажег во мне, грешной, своей благодатью, и потушить его не сможет никакая сила!

Итак, со Страстной пятницы прошло много времени, в течение которого старец о. Алексей работал над моей душой, и

привел меня к тому, что я сознательно и добровольно дала один из самых больших обетов – обет послушания.

Я стала перед образом св.Николая, дожидаясь о.Лазаря. Все во мне трепетало от какого-то нового ощущения. Я не сводила глаз с батюшки, который иногда выходил благословлять народ. Как хорошо благословлял он народ! Так внимательно смотрел на каждого и, казалось, что старец о. Алексей хотел благословением своим как бы дать каждому, что ему было нужно в это время. Подошла какая-то иностранка. Он спросил о ее имени. Она долго не понимала, что это от нее требуют, сестры помогли. О.Алексей повернулся к алтарю и долго молился. Потом благословил ее так серьезно, глядя ей прямо в глаза.

Наконец о.Лазарь освободился, и мы пошли. Дорогой он рассказал мне, как попал к батюшке. Какая у него была бурная жизнь, как он здесь надеется с помощью о. Алексея очистить свою душу и подготовиться в тот дальний путь. Сердце у него было плохое и он мог скоропостижно умереть. Чудный был священник и как же он любил и понимал батюшку!

На другой день вдова умершего снова посылает меня к батюшке просить его прислать ей о.Сергия самого. Я в смущении передаю поручение и прибавляю от себя, что нечего им вообще кого бы то ни было присылать, так как у них страшная неразбериха. Батюшка уже из алтаря вышел и начал обвинять вдову и ее поведение: она плохо приняла о.Лазаря и панихиду не дали ему служить. Батюшка обиделся за своего любимца. Я в душе ругала себя, что ввязалась в это дело.

– Я ведь послал его к ним, – с горячностью сказал батюшка, – только ради вас.

Я страшно смутилась от этих слов.

– Батюшка, дорогой, никогда не делайте чего-нибудь ради меня. Я ведь не могу отвечать за поведение других.

– Да вы в этом не виноваты. Ради вас вчера можно это было сделать, – опять повторил он и, благословив, ушел в алтарь служить.

Раз прихожу к батюшке и жалуюсь ему, что очень трудно жить хорошо, что у меня ничего не выходит: мужа мало люблю и

мало ему во всем угождаю. Молюсь горячо, но никто не помогает. Бывало св.Николай помогал, а теперь и он забыл меня. Батюшка утешил, снова объяснил, как жить, и сказал:

– Когда молитесь, поминайте ваших родителей. Это очень важно, чтобы мы всегда поминали тех, кто о нас заботился, кто нас так любил. А потом молитесь всегда, кроме Св.Николая, еще Иоанну Воину²⁸⁰ и мученику Трифону²⁸¹.

Я тогда уже признавала препп. Сергия и Серафима. Но эти святые были чужие для меня. Я попробовала. Ничего у меня не вышло. Пошла с этим к батюшке.

– Я вот, батюшка, молюсь вашим святым, а толку нет. Они мне чужие. Я их духа не понимаю. Вот препп. Сергей и Серафим – дело другое, я их дух знаю.

Долго бился батюшка со мной, пытаюсь объяснить мне, чем являлись его святые. Мне все же дух их остался неясен. Об этом я сказала батюшке, прося позволения не молиться им. Наконец, видя, что в меня ничего не втолкуешь, он сказал:

– Если ничего не понимаете, что вам говорят, то молитесь им потому, что я велел вам. Но молиться нужно. Непременно каждый день.

– Батюшка, родной, позвольте им молиться вот так: вот я вас не знаю, но вы – батюшкины святые и потому его молитвами помогите мне и простите меня. Так можно?

– Можно и так, если уж иначе не можешь, – засмеялся батюшка. – Сначала так, а потом привыкнешь и сама будешь.

Так и случилось, как он сказал. И уже после его кончины я Трифона-мученика почувствовала как живого в церкви его имени.

Как-то прихожу в церковь, одетая в поддевку и повязанная по-деревенски платком, как часто ходила дома. Батюшка, всмотревшись внимательно, сначала не узнал меня, а когда узнал, перестал обращать внимание. Он молча развел руками в недоумении и молча благословил. Мне стало смешно. Вскоре пришлось опять идти в церковь. Я надела все приличное, хотя в шубе было очень жарко. Увидев меня, батюшка улыбнулся и, когда я подошла, довольный сказал:

– Вот это Ярмолович!

Я еле удержалась, чтобы не рассмеяться, до того это у него вышло смешно.

– Я больше не буду, батюшка, – сказала я. И до сих пор всегда стараешься прийти в батюшкину церковь, чтобы все на тебе было опрятно и аккуратно по возможности.

Батюшка любил, чтобы в духовной жизни человек внешне не изменялся. Надо было оставаться такой, как есть. Он признавал внешнее смирение, почтение к старшим и еще слово «благословите» допускал. В остальном должна была остаться, какая была. Бывало он говорит:

– Не одежда делает монаха.

Батюшка очень любил и требовал, чтобы на тебе все было чисто и аккуратно. Бывало в разговоре молча покажет тебе на оборванную пуговицу или неряшливость в одежде. Как-то прихожу и чем-то запачкала себе щеку. Беседа была серьезная, но он не унялся до тех пор, пока я ее совсем не отмыла. Раз долго дожидалась в столовой и играла весело с детьми. Волосы растрепались и я не успела их оправить, ни с мыслями собраться, как он позвал меня. Вхожу. Он серьезно исподлобья смотрит на меня.

– Что это вы в игривом настроении пришли ко мне?

Я не поняла.

– Я... нет, батюшка... я так.

– Поправьтесь, – сухо сказал он, указав мне на голову. Это значило, что внешне и внутренне я распустила себя.

В этот раз он во все время беседы был особенно взыскателен. И бывало идешь на откровение или даже просто к нему и всю себя оглядываешь, и св.Николаю молишься, чтобы душа твоя была бы хорошая. И так же к о.Константину стала ходить. И бывало стыдно, если батюшка замечанье сделает. Значит к нему пришла не так, как должно.

Как-то говорили с батюшкой, какая сложная штука душа человеческая и какое трудное это дело вести ее к Богу. Я, забывшись, выпалила:

– Вот здорово-то будет, батюшка, если я Ваню, ну с вашей помощью, конечно, приведу к Богу!

Он неодобрительно посмотрел на меня, усмехнулся и сказал:

– Кого ты можешь привести? Кого можно тебе поручить? С твоей силой ты каждую душу изломаешь. Как можно тебя употреблять?... Не знаю... Бичом разве?... других тобою подгонять... Да, бичом можно. А на всякую другую работу неспособна.

Батюшка замолчал. Мне было стыдно, что я очень грубая и неловкая. Я теребила батюшину простыню и не знала, что сказать. Вдруг он поднял мне голову и, смотря в глаза, строго проговорил:

– Моя Александра должна быть примером для всех. Поняла? Ну и помни. А теперь убирайся, надоела!

Он улыбнулся, благословил и вытолкал вон.

Пошла советоваться с о.Константином как мне быть. Он велит примером быть, а я как-нибудь-то не могу жить. О.Константин утешал, сказал, что батюшка это сказал для того, чтобы я как можно больше старалась.

Очень старалась я, толку выходило все же мало. Ходила к обоим на откровения и часто стала исповедываться у о.Константина. Исповедываться у о. Алексея я не смела. Боялась обидеть «своего» и потом нельзя же одни и те же грехи говорить обоим. Потом, у меня был ведь «свой», которого я очень любила и к которому батюшка внушил мне глубокое почтение. Думала, – исповедываться у о. Алексея, значит, перейти от одного к другому, что в нашей семье считалось грехом. Батюшка никогда об этом сам не заговаривал, а мне все больше этого хотелось.

Всегда в отношениях своих к обоим старалась как бы кого из них не обидеть. Обоих очень любила. Всегда очень боялась, чтобы из-за меня у них не вышло недоразумения.

К осени второй зимы отношения мои к ним сами собой совершенно установились. Один был мне старцем, без которого ядохнуть помыслить не могла, другой – отцом духовным, который имел власть распять меня.

Друг друга они очень любили и жили одними духом.

Я как-то сразу поняла, с чем нужно подходить к старцу и с чем к отцу духовному. Они меня понимали, жалели, учили и я чувствовала, что я была им своя, родная. Мне становилось все легче жить.

Молитвы о. Алексея, родного батюшки, устроили мне все это.

Как-то прихожу к батюшке, нахожу его очень уставшим от народа, накануне осаждавшего его. Я рассердилась на народ и говорю:

– Батюшка, дорогой, ужасно безтолковый этот народ. И зачем вы их принимаете? Кого знаете, что ему правда нужно, тех бы и принимали. Ведь к вам с невозможными глупостями идут, все равно, что к гадалщику. Вы думаете, что они в вас что-нибудь понимают? – половина нет. Знаете, батюшка, когда бывало много народу стояло, а вам некогда, послушаю, что кому нужно и тем, у кого дело простое и пользы материальной от них тоже не будет вам, говорила:

– Он плохо предсказывает, идите лучше к Аристоклию²⁸², там скорее отпустят и вернее предсказывают. Зря простои́те здесь. Я вам говорю. – Убеждала. Уходили. И я иногда делала вид, что с ними ухожу. Простите, батюшка родной, я это ведь из любви к вам делала. Ведь пользы материальной вы все равно от них не получили бы.

Батюшка хотел быть строгим, но не мог, до того все это ему казалось смешно. Он кусал себе губы, чтобы не рассмеяться.

– Послушай, ты хоть и Ярмолович, но таких вещей делать нельзя же. Убирайся вон отсюда. Ну, скорей уходи.

Я чувствовала, что за мою дерзость батюшка хочет наказать меня, но не может. Я засмеялась и стала целовать его матрац.

– Говорю тебе, уходи! – сквозь смех проговорил он, – а не то...

Я не дала ему закончить и выкатилась из комнаты.

Как-то иду к батюшке, а мне кто-то из домашних говорит:

– Напомните ему лекарство принять.

Я так и сделала. Он упрямылся. Я настаивала.

– Как ты мне надоела, Ярмолович! Ну, наливай. Куда так много! Будет. Сама бы выпила! – не унимался он.

– Батюшка, вот вы других исцеляете, а сами себя не можете. Почему?

– Потому. По грехам моим мне это послано. – Он отвернулся и глубоко задумался.

Как-то спрашиваю батюшку:

– Мне нужно **С**-ую общину изучить. Можно сказать, что от вас?

– Для чего это еще понадобилось?

– О.Константин позволил. Меня интересуют все общины, а особенно теперь, если будут автокефальные церкви – это очень важно. О.Константин тоже хочет знать про них. Говорят, у о.Николая так очень хорошо.

– Уж эти мне автокефальные! – с досадой сказал батюшка.

– Ничего из этого не выйдет. Мой тоже хотел. В то время я уезжал – меня привез нарочно. Ну и не нужно. Нет, нет, я против. Плохо будет.

– Ну да, батюшка, конечно. Они все передерутся наверное. Так что ли?

Батюшка засмеялся:

– А к о.Николаю идите. Только к моему. Их там два, так спросите **Р**-ва. Он очень хороший, образованный. Он мой духовный сын. Я его очень люблю.

Съездила, куда хотела. О.Николай мне все очень хорошо рассказал и показал устав. Вернувшись, все рассказала батюшке.

Как-то говорили о разных духовных лицах, и на вопрос батюшки, почему я в такой-то праздник не была в церкви, ответила, что ходила куда-то проверять епископа одного, что он из себя являет, и резко осудила его.

– Кто мы с тобой, чтобы проверять? – строго сказал батюшка. – Проверяла. Скажи, пожалуйста!

Потом он стал разъяснять мне мою ошибку и под конец сказал:

– Ну, идите теперь. И больше мы с вами ни его, да и вообще никого проверять не будем. А то нам с вами от

о.Константина достанется. Знаете как?

Как-то говорили об о. Александре. Батюшка с нежностью отзывался о нем.

– Он такой кроткий, смиренный, такой же, как о.Константин. Оба они очень хорошие. Я считаю, что о. Александр один из очень немногих в Москве, которого можно назвать настоящим руководителем душ, – сказал батюшка.

Во вторую зиму было так хорошо с батюшкой, что мы часто без слов понимали друг друга. Не успеешь поклона положить, как он уже отвечает на твои мысли. А иногда он посмотрит на тебя, и ты в его взгляде прочтешь, что он хочет сказать, и скорее отвечаешь ему.

Как-то прихожу к батюшке. Все ушли по делу. Он был один. Ему было скучно лежать. Я стала рассказывать разные вещи, чтобы его рассеять и насмешить. Утешила его, что скоро эта жизнь тяжелая кончится, все устроится, будет хорошо. Всем будет легко жить. Откроют Кремль и пойдет Святая Русь освящать свою святыню и впереди всех будет Маросеечка. Батюшка, как ребенок, слушал с увлечением мой рассказ. Грустно покачал головой и сказал:

– Маросейка... нет.

– Ну, батюшка, не вы. Вы будете из окошечка смотреть. А Маросейка, Маросейка-то ведь пойдет?

– Не знаю, – улыбнулся батюшка.

И бывало даже после таких незначительных разговоров с ним чувствуешь себя веселой, бодрой и идешь от батюшки, будь то даже в сильный мороз, распахнувшись. Холода не замечала. И голода, бывало, тоже не замечала, когда запоздаешь, а с вечера ничего не ела. Он согревал нравственно – было хорошо и физически. На то он и был великий наш старец о. Алексей.

* * *

Куда-то батюшка уезжал, а по приезде никого не мог принимать, так как за ним очень следили²⁸³. Следили повсюду: на улице, на дворе и даже в квартире. Положение было очень опасное. Прихожу в церковь с грустью: может быть последний

раз батюшку вижу. Он стоял на своем месте и еле держался на ногах. Грустный-грустный он был и очень озабоченный.

Говорили с ним о трудном положении Маросейки. Говорили тихо, боясь быть услышанными.

– Теперь уж больше «душ» к вам, батюшка, не приведешь. Никогда уже, наверное.

– Теперь, голубушка, нельзя, – с грустью проговорил он, – а потом, кто знает, может быть, обойдется.

– А меня С.О. просила вам рассказать про нее. Как же?

– Подождите немного, – что-то соображая, проговорил батюшка.

– А мне ведь теперь тоже нельзя к вам? – с тоской проговорила я.

– Да, очень опасно, – как-то странно сказал он. – Впрочем, тебе..., – точно разглядывая меня, сказал батюшка. – Тебе-то можно, – с любовью добавил он. Потом опять подумал и повторил: – Опасно, очень опасно, но ты... тебе... нет, ничего, – уверенно сказал он, внимательно смотря мне в глаза. Перекрестил меня всю: лицо, голову, грудь, сердце и всю меня и опять: – Нет, ты ничего... ты сумеешь, – и добавил просто: – Приходите завтра и о ней поговорим. Так... завтра, – кивнул головой и ушел в алтарь.

Долго спустя он как-то спросил меня:

– А что тогда ничего опасного не было?

– Ничего, батюшка, – с удивлением ответила я.

– Ну да, конечно, так и должно быть, – как бы что-то поняв, сказал он.

И, уходя из церкви от батюшки, мне стало жутко. Опасность большая грозила Маросейке, но в чем? Батюшка-то хорошо знал, в чем. Он духом видел то, что от людей было сокрыто.

На утро пошла к батюшке. Его благословение охраняло меня как щит. Ко мне приставали разные люди с вопросами. Я всем говорила, что иду к тетке. Что о. Алексей старый, больной, никого не принимает давно, так как и говорить-то он не может. Как велел батюшка, пошла парадным. Дверь была открыта. Сидели какие-то в коридоре. Кто-то спросил:

– Вы к о. Алексею? Он здесь?

– Почем я знаю, где он. Иду к тетке в гости. Делать вам нечего, шляется, – сердито буркнула я, не сдержавшись, и прошла в кухню.

Скоро меня позвали. Стучу. Ответа нет. – Можно? – Молчание. Тихо открыла дверь. Батюшка что-то писал. Осталась стоять у порога. Наконец, он взглянул на меня. Крепко думал он о чем-то.

– Садитесь. По поводу той пришли говорить? – деловым тоном спросил он.

Рассказывала я о С..., а в душе было одно свое горе. Последнее время как-то не ладилось с Ваниным христианством. Я очень старалась, а муж все дальше отходил, казалось, от Бога. Он опять перестал понимать меня, слушать меня, ему никак нельзя было угодить. У меня было отчаяние в душе: задача не по мне, Ваня христианином не будет. Батюшке не говорила: все равно, думалось, в этом он уже не может помочь мне. Он делает все, что может. Притом он куда-то уезжал, а теперь ему самому очень трудно, нельзя приставать к нему.

Батюшка внимательно слушал меня. Он был очень озабочен. Казалось, ему не было дела до меня. Он говорил очень серьезно, как никогда. Страшно было, что это может быть последний разговор с ним. Хотелось сказать о себе, но что-то удерживало.

Во все время разговора я умом слушала его внимательно, а душа твердила одно: я очень страдаю. Если бы ты мог мне помочь.

– Все поняли? – закончил батюшка.

– Все.

– Точно передайте мои слова.

– Благословите, батюшка.

Нужно было уходить. Душа заныла. Мы оба встали прощаться. Неожиданно батюшка, весело потирая руки, сказал:

– А как же мы-то с вами живем?

Он эти слова сказал бодро и весело, но что-то было в них, отчего душа моя дрогнула. Я упала перед иконами на колени и стала изливать Господу всю мою скорбь. О.Алексей опустил в кресло против меня. На лице его появилось страдание. Глаза

были полны слез. Он был очень сосредоточен и очень серьезен. Я забыла, что передо мной о. Алексей. Я чувствовала только Бога. Я говорила Ему, как мне трудно, в каком я отчаянии. Я жаловалась, что Он меня не понимает, что Он оставил меня. Я говорила, что не понимаю, что нужно еще делать, что дерево, камень поняли бы меня легче, чем муж. Я делаю все, а ничего не получается.

Говорила долго, обливалась слезами. Кто-то входил к нам и снова уходил. Видела иногда перед собой большие темные глаза о. Алексея. Он прямо смотрел мне в душу и был весь поглощен тем, что делалось в ней. Мне то самой ее состояние было очень неясным. Взгляд его был такой страшный (по святости), что я иногда останавливалась на полуслове.

– Продолжайте, – медленно ронял он и я снова забывала его и чувствовала только Бога.

Наконец я с отчаяньем сказала:

– И я начинаю думать... что... – и вдруг увидела глаза о. Алексея. Мне сделалось страшно за свою мысль.

– Ну! – повелительно сказал он.

– ...что Его нет на небе.

– Кого его?

Я молчала.

– Бога? – спокойно спросил о. Алексей. Я мотнула головой и тихо сказала:

– Да, Бога, – и пала ниц.

– Нет, Он есть. Это вам так кажется, – также спокойно сказал он и поднял меня за плечо. – Дальше! – повелительно добавил он. И снова точно вихрь налетел на мою душу. Снова исчез о. Алексей и я с отчаяньем продолжала изливать свою скорбь Богу. Я говорила, что Он не хочет меня знать, что молитву других Он принимает, она уходит в небо, я это чувствую, а моя камнем падает обратно. – Зачем мне жить, если у меня ничего не выходит? – с жаром закончила я.

– Нет, твоя молитва принимается, – услышала я за собой голос.

– Нет, не принимается, – убежденно сказала я.

– Я говорю тебе, что принимается.

– Нет, нет, я знаю наверное: Он не принимает.

От горя я была вне себя. Я позабыла, где я, и с кем говорю.

Вдруг почувствовала, что чья-то железная рука взяла меня за плечо. Я очнулась. Мне стало все ясно. Подняла голову и увидела лицо о. Алексея. Он стоял, наклонившись надо мной, и держал меня за плечо. Лицо его было какое-то особенное, страшное по святости. Глаза, совсем большие-большие и совсем черные, горели; казалось, искры сыпались из них. Голос его звучал особенно. Медленно, напирая на каждое слово, он произнес:

– Она... она... принята. И то говорит никто иной, а я.., о. Алексей.

При последних словах о. Алексей выпрямился. Он казался выше обыкновенного. Его человеческая оболочка куда-то исчезла. Я видела только дух великого старца, пламенеющий огнем серафимов. Он высоко поднял руку и звенящим голосом произнес:

– Никогда, никогда в моей жизни не видал я такого упорства в достижении такой цели. Во имя Отца и Сына и Святого Духа говорю тебе я – отец Алексей, что где бы я ни был, я буду всегда, поняла, – всегда молиться за Иоанна и Александру. Иоанн и Александра, – тихо повторил он, опустился на кресло и начал тяжело дышать.

Дух о. Алексея скрылся, передо мной был снова батюшка.

Помолчав, он начал снова утешать меня, как только мог, ободрял меня, говорил, что нужно потерпеть и тогда увижу непременно пользу от трудов своих. Что тружусь и буду трудиться не напрасно, что польза уже и сейчас есть, но я ее увижу. Дорогой батюшка, желая утешить меня, все мне приписывал. А я-то ведь была не при чем. Душа мужа спасалась молитвами отцов моих.

Батюшка открыл какую-то книгу и опять для меня открылось то место, где говорилось о молитве, терпении и смирении.

– Видите, что я могу сделать? Все то же открывается для вас. Я здесь не при чем и сделать ничего не могу. Ясно мне одно, что только этим вы достигнете с ним, что нужно. То было смирение и молитва, а теперь еще терпение. Чтобы терпеливее

была, а то так нельзя, «буря моя», – ласково добавил батюшка, – надорвешься.

– Нет, батюшка, не надорвусь, – весело ответила я. Мне было хорошо, точно что-то тяжелое, старое свалилось с меня. Батюшка благословил и проводил до двери.

– Итак, помни всегда и везде Иоанн и Александра. Сначала Иоанн, а потом уж Александра, – проговорил он. Лицо его было радостное, глаза блестели. Я поклонилась ему в ноги и не знала, что сказать и как благодарить его. Такой великой милости я не ожидала.

Молитв о. Алексея я никогда не смела просить даже за мужа, а тут сам, да еще как!

Начался Успенский пост, я чувствовала, что нужно исповедываться у о. Алексея, но как к тому приступить, не знала. О.Константин требовал постом особенного покаяния. Решила, что если помогает просить человека о чем-нибудь, стоя на коленях, то тем более Бога. Все службы простаивала на коленях в соседней церкви и со слезами иногда молила Спасителя простить меня, помочь мне и сделать так, чтобы о. Алексей принял бы меня и простил.

На Преображение зашла на Маросейку, думала батюшки нет. Вдруг слышу его голос. Я спряталась за чью-то спину. Батюшка вынес чашу и начал читать молитву. Особенно он произнес слова: «От них же первый есмь аз» и «помяни мя и прости ми прегрешения моя». При словах «яко разбойник исповедаю Тя» я посмотрела на батюшку: он пристально глядел на меня. А также посмотрел на меня при словах: «во исцеление души». Я испугалась, убежала домой и решила безповоротно готовиться к первой моей исповеди у великого старца о. Алексея.

Усилила пост, домашнюю молитву, записывала и вспоминала все грехи свои. Молилась только так: Господи, прости. Пожалуйста, допусти до батюшки и чтобы он простил. Почему-то казалось, что он никогда не простит. Устала очень, все болело, голова кружилась, но я не сдавалась. Решила идти к батюшке дня за три до Успенья. Накануне уже тряслась как в лихорадке. Рано утром прихожу и становлюсь в очередь. Я

была, кажется, шестая. Никого не замечая, быстро прошел батюшка в алтарь. Я дрожала всем телом и бессмысленно молилась Казанской Божьей Матери: «Сделай так, чтобы он принял и простил».

Молилась упорно, настойчиво. Молитва была сухая и я с ужасом думала, что Матерь Божия ее не примет. Как-то встретила взглядом с батюшкой. Он внимательно глядел на меня. Мне сделалось еще страшнее. Грехов почти что не помнила, но чувствовала, что я сплошь один грех. Этот-то грех, это мое все злое и боялось, как огня, действия благодати старца о. Алексея.

Очень медленно брал батюшка исповедников. Каждого наставлял: иного отпускал с лаской, иному выговаривал со строгостью. Дело дошло до меня. Очевидно вид мой был ужасен, потому что, когда я подошла к батюшке, он встал и сказал:

– Садитесь, а то вы сейчас упадете.

Несмотря на серьезность момента это было так необычайно, что мы оба улыбнулись. Я встала на колени и, набравшись храбрости, посмотрела на батюшку. Передо мной стоял маленький, старенький сельский священник (именно сельский), такой слабенький, беспомощный и добрый-добрый. Весь страх прошел. Чудно, подумала я, что это с батюшкой. Он устал, сел, и как бы нехотя, спросил:

– Ну, говорите, что у вас там за грехи.

Я исповедываться не умела, а от батюшкиного приема душа успокоилась, покаяние куда-то исчезло. Все это во мне было какое-то физическое больше, внешнее.

– Плохо молилась, нетерпелива с мужем, Иисусову молитву забывала, – и еще что-то в этом роде говорила я. После каждого греха кланялась в ноги и прибавляла: – Простите, батюшка.

Батюшка ушел в алтарь. Скоро вышел. Подошел к аналою, переложил Крест и Евангелие по-другому и громко сказал:

– Грехи твои тяжелые. Не знаю, что с тобой и делать.

Передо мной стоял старец о. Алексей. Лицо его было строгое и озаренное внутренним светом. Я испугалась, но это

был другой страх. Передо мной вдруг стало все, что я делала, чувствовала, думала за последние месяцы. Появилось настоящее раскаяние в душе. Я опустила голову и молча ждала приговора. Приходил диакон, братья, сам батюшка уходил в алтарь и возвращался, все повторяя:

– Большой твой грех, очень большой. Не знаю, что с тобой и делать. Что мне делать с ней? – точно спрашивая кого-то, говорил он, входя в алтарь. Мне было стыдно, что все слышат всё это; я боялась, что батюшка сделает со мной.

– Простите, батюшка. Я больше не буду этого делать, – громко сказала я. Чего не буду делать, я не знала, но надеялась этим поступком угодить ему.

И вдруг снова что-то прорвалось в душе моей. Я с жаром начала каяться во всем, что вспоминалось, а вспоминалось еще многое. Наконец со скорбью сказала:

– Хочется, батюшка, иметь праздник а я не получу его теперь, я это чувствую, потому что душа моя не очистилась. Я молюсь, а Небо моей молитвы не принимает.

– Нет, молитва ваша принимается, – с уверенностью сказал батюшка. – Я знаю, что Она принимает ее, – посмотрел на Казанскую и тихо добавил: – Я видел, как ты молилась.

Когда я говорила свои грехи неясно или тихо, батюшка говорил:

– Не слышу, громче. Неясно, повторите.

Мне было невыносимо трудно каяться при других. Казалось, все слышат мою исповедь.

– Все, батюшка, – облегченно вздохнула я. – Словом, делом, помышлением, всем существом своим, всегда и во всем виновата перед вами и о.Константином. Если только есть возможность, простите и помилуйте меня, батюшка, родимый, отпустите грехи мои, – взмолилась я.

Он начал тихо наставлять меня, что нужно терпеть, смиряться; говорил, как нужно ежедневно угождать Богу. Говорил, что Иисусову молитву никогда не нужно забывать, всегда читать ее, никогда не оставлять. – Это очень важно, – сказал он. – А к о.Константину идите непременно исповедываться опять, – добавил он.

– Пойду, батюшка, непременно пойду, – горячо ответила я. Батюшка молчал и думал.

– Родной, дорогой, простите, пожалуйста, простите, – приставала я. Легла у его ног и обхватила их.

Долго, казалось мне, лежала я так и вдруг чувствую, что батюшка накрыл меня всю епитрахилью и положил на меня руку. О.Алексей, старец мой родимый молча молился о моей грешной душе.

Когда я встала, он дал мне приложиться только к кресту, которым и осенил меня всю.

– Идите. И также кайтесь о.Константину. О празднике не думайте: он будет у тебя.

На душе было необыкновенно легко и хорошо. Хотелось плакать и молиться.

С этих пор и у о.Константина исповеди мои приняли иной характер: стала глубже относиться к грехам и сознательнее к своим поступкам. С этих пор всегда ходила к обоим исповедываться. О.Константин не был против этого. Иногда, что боялась говорить ему, говорила батюшке только. Чудно, что никто из них не рассердился на меня, что я без благословения первый раз пошла на исповедь к о. Алексею. О.Константин только спросил, накрыл ли меня батюшка епитрахилью и читал ли молитву разрешительную. Я рассказала, как было. Он задумался. По окончании исповеди, как обычно, отпустил меня.

Впоследствии батюшка разрешал по настоящему только то, что не могла сказать о.Константину, а в остальных случаях говорил только: Бог простит, и благословлял.

О.Алексей требовал от кающегося не длинного перечня грехов, а сознательное отношение к своим поступкам, глубокое раскаяние в них и твердое намерение исправиться. Он не допускал, чтобы, исповедуясь, касались других, или говорили разные ненужные подробности. Виновата всегда и во всем только ты, одна ты. Все, что касалось собственной души и своих действий при совершении проступка, говорила всегда подробно, а о других поминать было нельзя. Например, поссорилась: в исповеди каяться во всем том, что сама говорила, без смягчения, а что другой говорил, того не касаться и стараться

обвинять себя, а его оправдать. Раз поссорились, значит виновата, что бы там ни было.

О.Алексей всегда требовал устной исповеди, так как по его мнению это лучше очищало душу. Труднее было, но полезнее. Отучал от самолюбия. Он не любил, чтобы даже для памяти имела записку у себя, так как выходило, что ты, значит, плохо готовилась, если не помнишь грехов своих. Никакой грех не ужасал его, все принимал просто. Иногда сотворишь что-нибудь очень скверное, ужасное, а он так просто это примет, не покажет тебе и вида, для того, чтобы ты сама не останавливалась мыслью на нем, так как это иногда он считал бесполезным для тебя. Сколько раз говорила ему: не буду. Сколько раз просила его заступничества перед Господом.

И всегда он прощал и всегда покрывал твой грех, если только видел с твоей стороны старание исправиться и искреннее раскаяние о соделанном. О.Алексей требовал, чтобы ему говорилось только главное, остальное нужно было говорить о.Константину, но иногда и это главное приходилось и о.Константину говорить, – зависело от того, как бывало на это посмотрит о. Алексей. Когда уж очень что-нибудь страшно было говорить о.Константину, то о. Алексей, нисходя к твоей немощи, сам разрешит твой грех и то больше потому, что он всегда боялся, как бы это не обеспокоило о.Константина: ко всему не привык, не приходилось ему такого выслушивать. Если в твоей душе оставалось то, что ты не умела объяснить, – о. Алексей сам наводил тебя на это, объяснял тебе так, что раз от разу ты все больше приучалась очищать свою душу. Бывало, что о.Константин строже батюшки выговорит за какой-нибудь проступок, а иногда – наоборот. И бывало, когда скажешь «мой» очень строгий и я очень боюсь его, батюшка всегда обещал молиться, чтобы о. Константин был добрее. И так покорно убеждал слушаться его, точно сам батюшка был его духовным сыном и нам обоим досталось бы от него.

Помню, раза два от безумного страха перед отцом духовным я не могла ему сказать своего проступка. Батюшка, бывало, подумает и скажет:

– Можно не говорить. Он очень расстроится. Он еще не ко всему привык. Надо его жалеть, надо беречь его нам с вами. Старайтесь больше этого не делать, а на этот раз я прощу и разрешу. На то и поставлен здесь я, чтобы ко мне приходили и говорили все. Потом будешь говорить все и ему. Он тогда тебе все заменит. Он тогда будет тебя понимать во всем и сможет все принять.

Батюшка здесь говорил о своей кончине, о том, как о.Константин достигнет безстрастия.

Когда руководители достигают безстрастия, тогда они покойно могут принимать все. Для них тогда исчезает личность, остается только грех кающейся души перед Богом.

Помню один случай о главном, что нужно было говорить батюшке.

Летом у меня было какое-то непонятное состояние в молитве; хорошенько не помню в чем. Я сказала о.Константину и написала об этом батюшке. О.Константин принял мое откровение к сведению и объяснил, как этого нужно избегать. А батюшка при свидании сказал:

– Письмо ваше тогда я получил, но не ответил на него, так как ничего важного не было в нем.

Я поняла, что это не было то главное, что нужно было говорить старцу своему.

О.Алексей приучал не только к исповеди, но и на откровение приходить, собравшись с мыслями и чувствами и подготовившись. Всегда заметит и строже бывает, когдаходишь к нему рассеянной и не помолившись предварительно Св.Николаю, чтобы он тебе помог понять и принять как нужно все, что будет говорить тебе твой отец. Стараешься изо всех сил не проронить ни одного слова из того, что говорят тебе твои отцы. Домой придешь, все опять проверишь. И правда, хорошо бывало, когда идешь помолившись. Всегда все было тогда ясно. Особенно это помогало по отношению к о.Константину. О.Алексей всегда понимал, так как он видел твою душу насквозь.

Как-то раз батюшка уж не первый раз повторял терпеливо, что я должна вести мужа, как должна относиться к душе его. В

это время моя душа дремала. Помню, не хотелось стараться принуждать себя жить как нужно. Батюшка лежал на спине, я сидела рядом в кресле, положив голову на стол. Я почти что не слушала его. Что это он мне говорит, со скукой думала я, все то же, все, что я знаю и что не могу провести в жизнь. Хоть бы что-нибудь новое сказал.

Вдруг я услышала медленный и покойный голос батюшки:

– Так вот, что я вам скажу: делайте, как я советую вам, и будет от этого несомненная польза (в чем были советы, я не слыхала). За нетерпением вашим вы не видите результатов. И так вот живите. А я буду иногда... очень редко разве... вспоминать о вас в своих молитвах... так только... иногда...

Казалось, батюшка был весь поглощен своими руками, которые он разглядывал очень внимательно. Точно он этим только и был занят. Я вздрогнула. Леня соскочила, как не бывало.

– То есть, как же это? – еле проговорила я.

– Так же, – покойно ответил он, не глядя на меня, – молиться за вас я больше не буду.

Я бросилась к батюшкиным ногам.

– Батюшка, родной, дорогой, я больше не буду, не нужно, за что? Я буду хорошая!

Он лежал все так же покойно.

– Идите и живите. Иногда, может быть, я вспомню вас.

Я видела, что батюшка непреклонен. Я ушла. На улице залилась горячими слезами. За что, я не поняла, постигло меня ужасное наказание. – Живи! Как жить, когда ты не будешь молиться за меня, – с отчаяньем думалось мне. Ужас еще был в том, что я не могла идти к о.Константину за утешением. За то, что я так батюшку рассердила, он бы тоже прогнал меня. Значит, неслыханный проступок совершила я, раз он меня так жестоко наказал. Два дня не пила, не ела почти что, грудь даже заболела. Решилась идти к о.Константину. Он мне велел идти к батюшке, добиться прощения и узнать, за что, и без этого к нему не возвращаться.

Думала: если не простит, лягу на лестнице, но не уйду. Прихожу к батюшке. – Можно? – Можно. – Вхожу и валюсь ему в

ноги.

– Простите, если можно, батюшка. – Он ничего не ответил, но, посмотрев на меня, сказал:

– Что с вами? Больны были?

– Нет, так... ничего.

– Расскажите про Ваню. – Я сказала, что мне в данное время было неясно в отношении к его душе. Батюшка разъяснил все, участливо глядя на меня, и весело добавил:

– Сначала Иоанн, а потом Александра. Александра потому, – лукаво добавил он, – что и за нее будем молиться. Она ничего, только иногда дурит! – Я в восторге бросилась к ногам батюшки, благодаря его за его великую милость.

– Вот это, батюшка, хорошо сказали, а то тогда ужас чего наговорили, и промучилась же я эти дни. Однако знаю теперь, что больше не буду никогда (что не буду, я не знала). Лучше бы убили.

– Ишь ведь какая, ей все только нужно хорошее говорить. Нет. Нужно вам и плохое выслушать. Вам нужен иногда бич, чтобы вы не забывали всего этого (не ослабевала бы в борьбе). А то, скажите пожалуйста, распустилась и не слушает, что ей говорят: «Этот старый болтун все одно и то же говорит», – не так ли, Ярмолович?

– Батюшка, дорогой, я все же не так подумала. Простите, больше никогда-никогда не буду.

– То-то, помни. Ну иди, – и батюшка, ласково благословив, отворил дверь. – А Александра потом, – сказал он весело мне вслед.

Я поняла, за что батюшка так строго наказал меня и удивилась, как мог он видеть, что я чувствовала, сидя у него, ни разу не взглянув даже на меня. И с тех пор, бывало, не дышишь, когда он говорит и, идя от него, все повторяешь сказанное.

Успеньев день прошел хорошо. Настроение было такое светлое, праздничное.

Прихожу к батюшке по какому-то церковному делу в день погребения Божьей Матери, перед самой всенощной. Он с кем-

то сидел в кабинете. Услылав мой голос, вышел. Я передала ему свое дело.

Вижу, он как-то очень внимательно приглядывался ко мне, а сам такой веселый-веселый. В передней было темно, и он все больше и больше растворял дверь, чтобы меня разглядеть. Думаю: что это с батюшкой? А в душе у меня все пело, как никогда, и была какая-то неземная радость. Наконец я сообразила в чем дело и спряталась в угол, так как почему-то мне стало совестно. Батюшка совсем распахнул дверь и сказал с нетерпением:

– Да поди же сюда! – В кабинете он все продолжал разглядывать мою душу, а я все просилась отпустить меня.

– Да. Так вы что говорите? – переспросил он, очевидно ничего не слылав из того, что я ему говорила.

Я повторила свое дело, а потом радостно прибавила:

– Успенъев день у нас в деревне, что Пасха. Я привыкла по-настоящему праздновать его.

– Ишь ведь, скажи пожалуйста, ей нужна Пасха на Успенъе и службу особенную. Идите в церковь, у нас тоже сегодня будет хорошо.

– Батюшка, спасибо вам, дорогой, родной, что у меня на душе праздник.

В церкви было так уютно и благодатно хорошо. Молилось легко. Особенно хорошо было, когда запели: «Преблагословенная Владычица, просвети нас светом Сына Твоего». Напев был наш, как в деревне, но здесь пели с гораздо большим подъемом. Батюшка был такой торжественный и весь в молитве.

* * *

Прихожу как-то в церковь к батюшке исповедываться.

В этот день его особенно тащили во все стороны. Он и служил, и сестры подходили к нему, и записки ему лично много подавали, и исповедников было много, и люди то и дело подходили к нему с разными просьбами и вопросами. Он повсюду поспевал, всем отвечал. Я удивлялась его терпению.

Было поразительно, как он в той сутолоке не терял молитвы. Он ходил, говорил, отвечал, спрашивал, а сам все

время молился.

Подошли две особы, горько плача. Он к ним вышел из алтаря. Одна упала перед ним на колени и о чем-то стала умолять его. Долго он не соглашался. Стала просить и другая. Они дали ему просфору. Наконец, лицо его сделалось скорбным, он махнул рукой и пошел в алтарь. Обе горячо стали молиться. Вскоре батюшка вышел, отдал им просфору и что-то сказал. Стоящие на коленях сквозь слезы улыбнулись и повалились ему в ноги.

– Не надо, не надо, – испуганно отмахнулся о. Алексей и поспешно ушел в алтарь.

Они ушли, о чем-то горячо рассуждая. Пришла моя очередь. Я покаялась в чем было нужно и стала жаловаться батюшке, что дома мало молюсь, что молитва мне не удастся, потому что времени не хватает и места нет, где бы уединиться. Я приходила в отчаянье, что так я никогда не научусь молиться.

Это было как раз против правил о. Алексея. Он считал, что нужно научиться молиться так, чтобы не зависеть ни от времени, ни от места. Но это было очень трудно воспринять. Об этом постоянно забывалось.

– Ведь Господь взыщет с меня за это, – сказала я, наконец, с нетерпением.

– Не ваше это дело сейчас, – начал батюшка, – нужно с мужем терпеливей быть, исполнять как можно лучше свои домашние обязанности, молиться утром и вечером, стараться вдумываться в каждое слово молитвы, а больше особенного ничего. Вам сейчас этого нельзя. Мужу будете мешать, а это не годится. Потом вообще жизнь такая у вас, она не требует этого. С вас-то сейчас не требуется молитва. Вот я – другое дело. С меня вот они все (он махнул рукой в сторону народа) требуют молитвы, требуют прозорливости. А откуда я могу взять это, когда меня рвут на части. Я не молюсь совсем. Никуда не годен я, – с горечью произнес он. – То усталость, то лень, то некогда. И то, и другое надо сделать, каждому ответить, да над ответом подумать. Разве то, что я делаю, молитва? А они не понимают. Никто не понимает, что я не могу им дать того, чего они хотят от

меня. Я ничего не могу им дать. А они этого не хотят понять. Им нужна моя молитва, они ждут моего ответа.

– Прозорливость!... Да знаете ли вы, что она получается от молитвы? А откуда мне ее взять, раз мне не дают молиться?

Вот хоть сейчас эти две. Я должен знать – расстреляют его или нет. Хотел молиться, а тут отвлекают. Ну просфору вынул. Дал им ответ. Какая тут прозорливость! Просто молился о нем... Не знаю, что из всего этого будет, – закончил он, задумчиво глядя вдаль. – Очень трудно.

Я поняла, что это было очень важное и серьезное дело. О.Алексею нужно было выпросить у Бога благоприятный исход его. Это-то и считал он очень трудным.

– Вот с меня-то Господь потребует. И как еще потребует-то, – добавил он. Я с благоговением поклонилась ему. Поклонялась его смиренномудрию, т.е. он знал, что он имеет, а считал себя никуда не годным человеком. Тот, в ком явно действовала благодать Духа Святого, тот, кто всего себя отдал без остатка ближнему, говорил про себя, что у него нет настоящей молитвы, что он никуда не годный человек.

Пришло Воздвижение. Я пошла ко всенощной и решила первый раз подойти к батюшке, чтобы он помазал меня елеем.

Подходя к аналою, как всегда хотела положить земной поклон, но кто-то сзади сказал:

– Скорее. Не задерживайте батюшку!

Но крест для меня был крест и я сделала по своему. Батюшка обильно помазал меня елеем и с улыбкой сказал:

– Ах, Ярмолович, Ярмолович, везде она, Ярмолович! С праздником! – добавил он, низко поклонившись. Я смутилась и ответила ему таким же поклоном.

Как-то прихожу исповедываться к нему и говорю ему, что о.Константин не велел Царя осуждать, как и вообще никого, но с другими-то мне легче, а его-то никак не могу оправдать.

– Очень трудно быть во главе чего-нибудь, особенно государства, – сказал батюшка, – да еще одному человеку. Не под силу это. Не осуждать, а жалеть его надо. Вот возьмите меня: небольшое дело, а справиться не могу, как нужно. И меня

многие осуждают. А тут целым государством надо управлять. Для такого дела не человеком нужно быть.

– А потом, батюшка, еще о.Константин объяснил мне «Херувимскую» и требует, чтобы я ею молилась, а у меня это не выходит. Умом теперь понимаю ее, а сердцем – нет. Так хорошо и легко было раньше, когда молилась своей молитвой во время ее пения. Очень трудно вообще, батюшка, молиться, как он хочет: своей молитвы не иметь, а молиться только церковной молитвой.

Батюшка ушел в алтарь.

Когда запели «Верую», я вдруг почувствовала, что исповедую духом каждый член ее. Этого я добивалась, и никогда у меня это не выходило.

Батюшка вышел, посмотрел на меня и, довольный, улыбнулся. А я, смотря на него, продолжала исповедовать все так же Символ веры, пока не кончили его петь.

– А насчет его, – снова начал батюшка, – еще скажу вам, что надо все ему простить за его страдания. Ведь он уже умер. Так что же помнить его ошибки. Он был несчастный, безвольный, не умел себе помощников выбирать.

Батюшка снова ушел и скоро опять вышел.

– А насчет Херувимской скажу вам только, что нужно слушаться, слушаться и слушаться. Больше ничего. Слушаться. – И он все время крепко ударял меня по лбу рукой, точно хотел вогнать в меня силой это самое послушание. – Нужно стараться слушаться его и так делать, как он велит, остальное придет само собой, – добавил батюшка.

Я осталась недовольна: что значит слушаться, когда ничего не выходит. Но все же с еще большим старанием стала молиться, как мой «отец» мне велел.

В этом случае ясно видно, как батюшка смотрел на послушание. Здесь от меня требовалось чисто машинальное послушание. Но и такое батюшка считал очень важным.

Поразительно в этот раз было то, что он, исповедуя, ходил служить и молиться, и молился, как мог молиться о. Алексей, да еще в «Достойную».

Он выходил, горя весь молитвой, и в то же время сам продолжал исповедь, напоминая тебе твои грехи, в которых ты уже покаялась и уже успела их забыть.

Часть 3

Еще до батюшки это было.

В сороковой день после кончины бабушки увидела я чудный сон. Я верила, что в сороковой день душа водворяется там, где ей надлежит быть. Мне захотелось знать, где моя дорогая бабушка, и кроме того, я очень соскучилась по ней.

Горячо я молилась и звала ее.

И вижу во сне, что иду по тропинке. По бокам темно, а сама она освещена. Чудные розы росли по обеим сторонам ее. Подхожу к стене. За ней вижу свет, как вечерняя заря, и слышу чудное пение. Открываются ворота, а там чудный сад и на пороге стоит моя бабушка вся в белом, и в свете, и грустно так кивает мне головой, как бы зовя меня к себе. До нее осталось шага три. Я хочу их пройти, но вдруг тропинка сдвигается и на розах появляются шипы, которые страшно больно раздирают мне тело. Боль была невыносимая физическая и нравственная. Я взмолилась: «Господи, я не могу туда пройти». И слышу голос: «Когда ты решишься, то взойдешь туда». Я закрыла лицо руками и горько заплакала. Проснулась – подушка мокрая от слез.

Сон мне этот не давал покоя, и хотя мой отец духовный очень не любил всего такого (снов, предсказаний, предчувствий), но я все же решилась ему об нем рассказать.

Он не рассердился и сказал, что этот мой сон означает путь Христов, всегда трудный и сопряженный со многими скорбями. Что бабушка зовет меня к себе, и что когда-нибудь, если буду стараться, пойду к ней.

Я успокоилась и про сон забыла.

Почему-то теперь снова вспомнила его и он не давал мне покоя. Совестно было, но все же решилась пойти с этим к батюшке.

Пока я ему рассказывала, вошла жена о.Сергия, держа на руках маленького своего сына. Батюшка очень любил своего внука, но тут даже не обратил на него внимания. Е.Н. (жена

о.Сергия) не могла добиться от него ответа, нужно ли делать операцию кому-то или нет: пришли за советом.

Наконец батюшка нетерпеливо крикнул ей: «Пусть завтра придут. Не перебивай, – а мне: – Дальше!»

Я боялась, что он рассердится за то, что с глупостями прихожу к нему, а он так серьезно отнесся к этому делу. Я испугалась – значит, это очень важно для меня.

Окончивши, сказала:

– Батюшка, я боюсь, что со мной случится что-нибудь такое, и что я не выдержу и отрекусь от истины.

– Нет, с вами ничего такого не случится, – пристально посмотрев мне в глаза, сказал он. – Нет... ничего... – еще раз посмотрев на меня, сказал он. – Вот вы какая, – протянул он.

– Бабушка ваша была необыкновенный человек. Поэтому теперь там она может молиться и молится за всех, кого она любила на земле. Она боится, чтобы душа ваша не забыла настоящей жизни. Ей хочется вас видеть на этом пути. Тогда вы отказались – не понимали всего, теперь вы его вспомнили, потому что сейчас она особенно молится за вас и душа ее особенно печется о вас.

Батюшкины глаза стали большими, он ими смотрел сосредоточенно вдаль, точно видел там душу бабушки.

– Да, хороший была она человек, очень хороший, – продолжал он, – и молитва ее сильная. Ух, какой силы! Сейчас, вот сейчас она как молится за вас. И вы должны теперь за нее молиться. Как ее имя?

– Евгения, батюшка.

Батюшка не знал бабушки совсем. Не думаю, чтобы он что-нибудь слышал про нее, а говорил о ней так, как будто жил с нами тогда.

– Батюшка, а может быть это мне к смерти? Скажите. Я ее не боюсь. Буду готовиться, а то ведь я не готова.

– Нет, нет, это не к смерти, – уверенно сказал он.

И начал он говорить о том, что мы никогда не бываем готовы. Мы не знаем, когда она придет. Мы никогда не ждем ее. Мы не можем чувствовать себя готовыми, т.к. не исполняем воли Божьей на земле.

– Разве, умирая, кто-нибудь может сказать, что исполнил все, повеленное ему от Бога. Так на что же надеяться? – На великое Его милосердие только. Он был распят за нас, понес все грехи наши и мы поэтому получили дерзновение просить Его заступничества за нас перед Богом-Отцом.

Сказать, что мы исполнили повеленное нам, хотя бы отчасти, мы не можем, но должны, умирая, иметь чистую совесть и в душе сознание, что сколько было сил, старались делать все, что требовалось от нас Господом.

– Не смогли чего сделать – ничего. Главное, чтобы совесть наша нас ни в чем, ни в самом малейшем не могла бы укорить.

– Вот, готовы мы никогда не можем быть, – сказал батюшка, – но, умирая, должны иметь совесть чистую. – Батюшка говорил, что он ничего не сделал и не делает достойного в жизни.

– Жалость разлучиться с вами и хочу быть со Христом, как говорил апостол Павел, – снова сказал батюшка. – Но я не знаю, что лучше для вас (для всех нас).

И он так красиво заговорил о своем желании умереть и быть со Христом неразлучно и о той скорби, которую он чувствует при мысли, что придется разлучиться с нами.

– И этого еще не сделал, – говорил он со скорбью, – и это в жизни упустил, и этого еще не доделал.

Лицо его стало светлое-светлое, глаза прозрачные, небесно-голубые – они светились тихим светом и, подняв руки к небу и весь как бы потянувшись к Спасителю, о. Алексей произнес:

– Господи, Иисусе Христе, Спаситель мой Милосердный. Я иду к Тебе и вот я весь перед Тобою, каков я есть. Возьми меня. Я ничего не сделал в жизни своей для Тебя. Я не готов и никогда не буду готов, но я говорю вот: что всю мою жизнь и до последнего дня моего я, сколько было сил, и выше сил своих, старался делать все по совести. И совесть моя чиста, она ни в чем не укоряет меня. Вот я весь перед Тобою с моими немощами, весь во грехах. И таким я иду к Тебе, надеясь и веруя в Твое неизреченное милосердие.

Батюшка опустил руки и откинулся на подушку. С закрытыми глазами он продолжал молиться. Свет в нем постепенно потухал, как вечерняя заря.

– Не беспокойтесь об этом сне. Он сам скоро перестанет тревожить вас. Живите покойно, – сказал он и, не поднимаясь, благословил меня.

Я тихонько поцеловала его руку и на цыпочках вышла из комнаты. Как я тогда не поняла, что скоро наступит его конец?

Как-то прихожу к нему посоветоваться насчет Вани. В душе кипело у меня нетерпение. Я снова стала раздражаться на Ваню своего. Но, конечно, батюшке об этом не говорила.

– Как я его люблю, – вдруг сказал он после окончания беседы. – Очевидно вы свою любовь передали мне. Как можно его не любить!

Это был ответ на мое душевное состояние. После таких слов делалось стыдно и шла домой с твердым намерением исправляться.

Под Покров пришла я ко всенощной на Маросейку. Мне стало грустно, вспомнилась прежняя наша жизнь. Вспомнилась смерть сына (он умер в Покров). Теперь уж батюшка молился за всех моих близких, захотелось очень, чтобы он и сына моего помянул. Теперь я могла об этом просить его.

Подхожу к кресту после молебна и прошу о.Сергия передать батюшке, что сына моего звали Иоанном. Он участливо и ласково посмотрел на меня и кивнул утвердительно головой. Первый раз обращалась с просьбой к нему, но он уже был мне свой тогда, и я не так боялась его.

Все больше и больше мне начинало хотеться иметь косынку²⁸⁴.

Прихожу как-то к батюшке. Он чем-то был очень занят.

– Батюшка, я знаю, что недостойна этого, но мне очень хочется: дайте мне косынку. – Молчание. – Батюшка, а батюшка, – тихонько дернула я его за рукав. – Я знаю, что этого нельзя просить, но может быть можно это сделать?

– Какая тебе косынка? Никакой не нужно. Выдумала косынку! Не косынка имеет значение – это все внешнее, нужно, чтобы внутри было.

– Ну, батюшка, благословите хоть в общину какую-нибудь поступить. О.Константин мой не позволяет.

– И общины тебе никакой не нужно. Твой Ваня тебе все. И должен быть всем: вот тебе и община, и косынка, – смеясь, сказал он. – Ничего больше не нужно тебе.

Мне стало грустно. Я поняла, что все мое делание в духовной жизни сосредоточено в Ване, и на Ваню и для Вани. И, действительно, это было труднее всякой общины, если бы исполнила все то, чему батюшка учил меня.

* * *

– А знаете, – как-то встречает меня батюшка, – у меня была сестра Т.²⁸⁵, только тихонько. Сама-то она больше не показывается. Она уже теперь в монастыре ²⁸⁶. Хорошая она, очень хорошая.

– Хорошая-то она хорошая. А зачем, батюшка, вы с о. Алексеем²⁸⁷ запрятали ее в монастырь. Я понимаю, тот мог это сделать, а вы-то зачем погубили ее? Ведь это вы сказали про нее, что она родилась в мантии²⁸⁸.

– Нет, она не погибнет. Будет жить хорошо, серьезной жизнью, – сказал он, – а то не я ей говорил, а другой. Ей иного пути нет.

Батюшка вынул просфору, долго смотрел на нее и, отдавая мне, сказал:

– Свезите это Т. и мое благословение: батюшка посылает это тебе, чтобы тебе было легче жить с матушкой²⁸⁹.

Слова батюшки, как всегда, оправдались. Т. скоро привыкла и полюбила монастырскую жизнь, живя хорошо. С матушкой отношения у нее скоро наладились и они друг друга очень полюбили.

Как-то говорила с батюшкой о трудности любви к людям. Все, казалось, знаю и понимаю, что старец мой родной говорил мне, а любить людей не могу. Как это любить их? Как этому научиться? – бывало пристаешь к нему.

– Александра, возьми мое сердце, – сказал он однажды. – Не понимаю, почему вы не берете его. Вот на, я даю тебе его, все – какое есть. Возьми его. – И он протянул ко мне руки, как будто давал действительно мне сердце свое.

– Батюшка, родной! – воскликнула я, – да как же я могу взять ваше сердце? Хоть часть его и то не могу.

– Не знаю, почему вы не берете, что дают вам. Мы вам все свое даем, а вы не хотите брать. Почему не берете у о.Константина его смирение, его тактичность, его благостность... А у меня – мое сердце, которое я сам даю вам.

Я сидела в смущении, не знала, что ответить.

– Это ведь так, к примеру, я сказал вам. Просто так, – добавил он, заметив мое смущение.

Еще поговорили о чем-то и он отпустил меня. На прощанье сказал, глубоко смотря мне в глаза:

– Помни, я тебе его дал. Твое дело взять его. И когда захочешь, возьмешь. Иди!

Долго была я под впечатлением этой удивительной беседы. Я не могла понять, как даже приступить, чтобы «взять» (достигнуть) то, что было у моих «отцов». Как-то батюшка встречает меня со словами:

– Ну, как поживает ваш о. Иоанн?

С удивлением я посмотрела на него.

– Ну да, ведь И.О. (имя и отчество мужа) у нас о. Иоанн. Разве нет?

И так часто потом он называл его: почему – осталось для меня тайной...

Как-то прихожу к нему. Сердитый такой сидит.

Стали говорить о том, как трудно встретить людей, правильно понимающих духовную жизнь, и которые серьезно шли по этому пути. Я стала хвалить Маросейку.

– Нет, они ничего не стоят. Я недоволен, очень недоволен некоторыми из них.

Мне стало жаль Маросейских, что батюшка так на них сердится.

Пришла при мне одна сестра. Ей, видно, было тяжело жить. И тоже, вроде меня, ей что-то мешало бывать в церкви. Батюшка тихо заметил ей, что нехорошо, что она как-то осталась дольше того, что он ей позволил.

Вот, думаю, этой как говорит, а попробуй я сделать что-нибудь подобное, что мне бы за это было! Наверное, она очень

хорошая.

Когда она вышла, он сказал:

– Вот эта хорошая. Очень хорошая. Заметь ее.

Время было опасное и каждый раз думалось: а вдруг это последнее свидание с батюшкой?

Он часто говорил о том, что его не будет или вообще что-либо подобное. Мы-то всегда думали, что он говорил о своем аресте. Забывалось как-то, что смерть уже сторожит его. Если и мелькнет мысль о близкой разлуке с ним, спешишь ее отогнать поскорее.

Почти каждый раз он говорил:

– Ходите, ходите чаще ко мне, как можно чаще, а то нельзя будет. Если случалось пропустить два дня, он сейчас же скажет:

– Что же так долго не были? Ходите чаще, чаще. – А после каждого откровения или исповеди говорил: – Говорите больше про себя. Я вас совсем не знаю.

И так приучил, особенно последнюю зиму, все большему и большему внимательному отношению к своим мыслям и чувствам.

Нужно было жить, обдумывая, что хорошо и что плохо. Жить осторожно, как бы не ошибиться. Ведь нужно было говорить о. Алексею. И если что по невнимательности забудешь, он сам тебе напомнит, да еще как.

О.Константин не позволял опаздывать к исповеди. Вот как-то было очень некогда и я уже с опозданием пришла к батюшке. А с Маросейки до моего «отца» идти было порядочно.

Прошу О.П.²⁹⁰ (родственницу батюшки) пропустить меня без очереди, объясняя в чем дело.

– Вот сейчас у него Ш. (из «обобранных»), а потом вы идите. Ведь вы недолго.

В ожидании сели в столовой. Я забыла, что шла исповедываться к батюшке, и стала говорить, что попало. Осуждала Ш., что сидит без конца. Говорила, что «эти» только утомляют батюшку, а толку все равно не бывает от их хождения к нему. Говорила, что все они барыни и все очень безтолковые и еще что-то в этом духе.

– Они все только глупости говорят. Знаю я их, – добавила я с досадой.

Ш. вышла. Пошла я. Батюшка полулежал на кровати. На нем была епитрахиль. Свет был только от лампад.

Когда он исповедывал, то от покаяния ли во грехах, приносимого человеческими душами, или от его молитв за эти грешные души, или вообще от великой тайны исповеди, когда человеческая душа, истомленная разлукой с Господом своим, снова через покаяние очищается и как бы вновь соединяется с Ним, в церкви ли или у себя в комнате, – у о. Алексея иногда чувствовалось, что место это наполнено молитвой и какой-то страшной святости.

О.Алексей был строгий и глаза его большие, темные, светились. Лицо его было как бы изнутри озаренное светом. Он не сводил глаз с двери, из которой вышла Ш.

Я сразу почувствовала робость и тихо опустилась на колени перед ним.

– Исповедываться, батюшка, иду. Простите, если можно.

– Особенного ничего нет?

– Ничего.

– Старались исполнять свои обязанности?

– Да.

– Сердились на кого?

– Нет.

– Ненависти ни к кому не чувствовали?

– Нет, ни к кому.

– Осуждали?

– Нет.

– Нет?.. – повторил он грозно и подвинулся весь ко мне. Я сразу вспомнила, что осудила ее.

– Простите, батюшка, я больше не буду. Я... я совсем забыла.

– То-то. А говорите, главного нет. Смотри, – и он погрозился. – Не осуждать никого. – Он показал рукой на дверь, куда она вышла. – Ну идите. А завтра приходите показаться.

С тех пор, как начала исповедываться у батюшки, он мне всегда велел показываться после Причастия. Он, очевидно,

просматривал мою душу, как она воспринимала это Великое таинство. И как, бывало, из-за этого готовилась к исповеди и к причастию, и как, бывало, просишь св.Николая, чтобы он сделал твою душу нарядной, чтобы был батюшка тобой доволен.

И всегда день Причастия или большой праздник отмечался у него. Ты чувствовала, что ты какая-то особенная в тот день, когда Господь тебя простил. В эти дни батюшка был всегда добрый и все тебе прощал. Бывало, что-нибудь боишься спросить у него, а в день Причастия или в большой праздник спросишь, и он всегда так хорошо все объяснит и разрешит тебе. Он любил также, чтобы в эти дни ты была бы радостная, и если случалось с тобою неладное, то нужно было это припрятать глубоко до другого дня, чтобы он в тебе не заметил непраздничного настроения.

В душе у меня было еще много старого. Например, в отношении к аристократии и богатым людям. Я их почти что за людей не считала. Признавала только крестьян, а их презирала и в их тяжелом положении не жалела.

Ваня мой часто говорил мне:

– Их больше других надо жалеть: они к жизни не приспособлены, они не умеют жить.

О.Константин тоже старался всеми силами отучить меня от их осуждения. Я не раз каялась, обещалась исправиться, но продолжала свое. Раз прихожу к батюшке.

– А о.Константин что? Как? – спросил он.

– Да он, батюшка, очень строго «гонял» меня на исповеди. Удивительно, как батюшка всегда чувствовал, когда о.Константин был недоволен мной.

– За что? – усмехнулся он.

– Я, батюшка, очень презираю всех прежних людей. Народ, мужиков только люблю, а их не жалею. Он вот за это и сердится.

– Правильно, что «гонял» и не так-то вас еще надо, – журил добродушно батюшка. – Разве они не люди? Разве не страдают? Всякий крестьянин легче переносит свое тяжелое положение, чем они. Он привык к лишениям, к тяжелой жизни, а

они нет. Им вдвое труднее. Подумайте, их тоже ведь нужно пожалеть. Что же вы – большевичка? Ярмолович большевичка! Фу, как стыдно! Как же это может быть? У о.Константина духовная дочь большевичка. Это несовместимо.

Хотя он говорил не строго, но каждое его слово было очень сильно. При последних словах я вспыхнула от стыда и долго помнила их. С тех пор старалась, что было сил, исправиться.

Батюшка заботливо расспросил о материальном положении о.Константина, не нуждается ли? Спрашивал, как ему в приходе живется, не тяжело ли?

– Смотрите, если ему материально тяжело, скажите, непременно скажите.

– Ну, – подумала я, – что бы сделал со мной мой «отец», если бы когда-нибудь я батюшке заикнулась о деньгах для него.

Раз во сне у меня было какое-то необычайное для меня, очень страстное переживание. Я пришла в отчаянье. С большим стыдом поведала я свое горе батюшке. Чтобы еще больше не смутить меня, он даже не смотрел на меня. Когда я кончила, он спокойно сказал:

– Это ничего, не обращайтесь внимания. Это бывает от усталости. Пройдет. Человек за день устает, ему и лезет всякое в голову ночью.

– Батюшка, что вы? Разве раньше-то я не уставала? Еще не так.

– Тогда не то было. Не смущайся. Больше не будет. – И он, взяв мою голову в руки и крепко зажав ее, долго надо мной молился. – Ну, иди и об этом больше не думай.

Действительно, по его молитвам, это больше не повторялось.

У о.Константина умер брат и умер очень тяжелой смертью. Он меня послал к батюшке просить его помолиться за умершего. Батюшка очень опечалился. Видно было по его словам, что он считает нужным усиленно молиться за душу умершего, но что по их молитвам (батюшкиным и о.Константина) Господь упокоит ее.

Также он очень жалел о.Константина.

– Бедный, бедный... Ему и так трудно, а тут еще горе такое. Ну ничего. Будем с ним за него молиться. Как его звали?

– Батюшка, я позабыла спросить. Да на что вам? Точно вы не знаете?

Он улыбнулся и погрозил.

– Откуда же мне знать? Ну хорошо, скажи ему, что буду молиться. А имя все же узнайте мне.

Так часто бывало с о. Алексеем: имени не скажешь, а он все же будет молиться – Господь-то все знал, за кого Его о. Алексей молится. И батюшка это требовал так, больше для порядка.

На другой день приношу имя, а он встречает со словами:

– Ведь за Николая о.Константин велел молиться. Кажется, так звали брата его? – И, пристально посмотрев на меня, строго сказал: – Давай имя.

В последнюю зиму батюшка часто лежал. Все хуже ему становилось. Трудно было смотреть на него, как он задыхается. Иногда не мог ничего сказать от мучившей его одышки, а лечь его никак не упростишь.

– Батюшка, вы себя-то пожалейте. Смотрите, что с вами делается! Так нельзя же, – бывало упрашиваешь его.

– Ну-ну, будет уж! У вашего о.Константина тоже одышка ведь. Да какая еще! Когда мы вместе с ним были, она у него уже началась. Вот и у меня такая же, – весело шутил он. – Скажите ему, что о. Алексей говорит, что у него такая же одышка, как у тебя, о.Константин.

Как бывало жалко батюшку, что он по болезни и потому, что следили за ним, не мог почти что служить. И как терпеливо переносил он все это!

– Вот заперли медведя в своей «берлоге», – говорил он. – Не могу служить. Украдкой иногда. А тяжело бывает. Ух, как тяжело! Но что обо мне, старом, толковать. Церкви бы не повредить. А то увидит меня народ... а «они»-то с церковью, знаете, что могут сделать за это. Церковь моя маленькая, а закроют, жалко будет... Да и нужна она многим. Церковь... главное церковь, – сказал он и посмотрел на меня с такой

любовью и тоской. – Видно по грехам моим так, – задумчиво добавил он.

Когда, бывало, батюшка говорил: по грехам моим... то с ужасом думалось: ты считаешь, что все это по грехам твоим дается тебе, а нам-то что тогда ждать от Бога?

Как-то из-за какого-то пустяка поссорились мы с мужем. Не понимаю, как это могло случиться? Давно меня мои «отцы» отучили от этого.

Я дошла до того, что два раза и при всех назвала мужа дураком и сказала ему: убирайся вон. Проступок был неслыханный. Опомнившись, побежала каяться к о.Константину. Он долго «гонял» меня и велел добиться прощения у мужа, а без этого на исповедь не приходить. Это было очень трудно, так как муж обыкновенно дулся очень долго.

Прихожу к батюшке, но о случившемся ни слова не говорю. Он был очень сдержан; наводил на откровение, но, видя мое молчание, сам не настаивал. Ване, как всегда, дал просфорку.

Вернувшись домой, отдаю Ване просфорку и от себя прибавляю:

– Батюшка тебе кланяется. Ваня сердито говорит:

– Не хочу я твоих просфор. Ты лучше расскажи ему, как ты меня обижаешь.

– Ваня, пожалуйста, прости. Больше никогда не буду. Не знаю, как я могла это сказать. Возьми просфорку, пожалуйста.

– Сказал не буду и не буду. И больше этих просфор от о. Алексея не приноси. Все равно не буду их есть.

Я была в ужасе: отказался от просфор, значит испорчено дело его души. А испортила я. Я испортила все батюшке. Промучившись до утра, я помчалась к нему.

– Вы что, больны? – удивленно спросил он, быстро посмотрев мне в глаза.

– Нет.

– Что ж такая бледная?

– Так.

Молчание.

– Батюшка!

– Что?

– Со мной случилось...
– Случилось?
– Очень большой проступок я сделала и поправить нельзя, остается одно – умереть.

Молчание.

– Батюшка, вы слышите?

Молчание.

– А, батюшка, родимый (с отчаяньем). Ужас случился: муж не хочет вашу просфору принимать. Вот вам она. Батюшка, родной, сделайте так, чтобы опять все было хорошо. Я больше не буду, никогда не буду, я не знаю, как это вышло, – уткнувшись в матрац, с плачем проговорила я.

Долгое молчание. Я взглянула на батюшку. Он спокойно перебирал простыню и не глядел на меня.

– Батюшка, вы поняли, что я наделала? Ведь всему конец, – зарыдала я. – Батюшка, родной, ради Бога не отказывайте. Все, что угодно, обещаю вам, только сделайте, – с отчаяньем молила я, ваяясь у его ног.

– Что вы ему сказали? – спросил сурово он.

– Батюшка, я сказала... – И я почувствовала, что не могу от стыда выговорить, что я сделала.

Предыдущее было трудно сказать, и батюшка нарочно не помогал мне, а это казалось совсем невозможным.

– Батюшка, я не могу. Очень стыдно. – Молчание. – Батюшка!

– Что вы ему сказали? – так же проговорил он.

– Батюшка, не могу, родной, не буду.

Потом поднялась и посмотрела на него. Он все также спокойно, не глядя на меня, перебирал простыню. Я почувствовала, что другого пути нет, как исповедывать мой грех.

– Я, батюшка, сказала... я сказала, батюшка, что он... что он... дурак, – шепотом проговорила я.

– И вы это сказали? – с ужасом посмотрел на меня батюшка. – Да как же вы могли? А еще что? – Убирайся вон. – Нечего сказать! Это она христианскую жизнь ведет. Это она так ближнего любит! Хороша духовная дочь о.Константина. – Слова его жгли всю душу мою. – Мне за вас краснеть приходится!

Так часто, бывало, батюшка говорил и говорил так, что жарко становилось и стыдно очень. Краснеть перед кем? Перед Богом, я понимала. И, бывало, взмолишься:

– Батюшка, родной, лучше убейте, но не говорите таких слов.

– Ну, хороша же, – продолжал он, – ай да отличилась! Как он-то, бедный, сейчас себя чувствует? Какой он жалкий, мой Ваня. Как ему теперь тяжело, моему Ване.

Пока батюшка говорил, я только била лбом об пол и твердила одно:

– Простите, батюшка, батюшка, простите. Устройте все по-старому.

Помолчав, он спросил:

– Как он сказал насчет просфоры-то?

Я повторила.

– Не знаю, как и поправить и что тут делать. Так и не взял?

– Не взял.

– И сказал «Больше не буду их есть»?

Я мотнула головой.

Этими вопросами батюшка хотел подчеркнуть мне весь ужас положения. Я глаз не сводила с него. Неужели откажет? Кажется, на месте умерла бы от ужаса.

– Рассказывайте все, как было, – приказал он сурово. Я рассказала все до мельчайших подробностей.

– И два раза сказала ему «дурак»? Да еще при всех? Да что с вами случилось? Я не узнаю вас!

– Батюшка, сделайте, дорогой, родной, сделайте, – снова взмолилась я.

– Что «сделайте»?

– Да чтоб он принял просфорку и она так же действовала бы на него.

Молчание. Меня обдало холодом.

– Батюшка, честное мое слово, не буду. А если сделаю что-нибудь подобное, тут же на месте убейте меня.

Батюшка медленно полез под подушку и вытащил оттуда довольно большую просфору. Безумная радость охватила меня.

Долго он смотрел на нее, молился. Два раза перекрестил ее, поцеловал и, вручая мне, сказал:

– Вот, так и быть, отнеси ему просфору, твоему Ване и скажи ему: – Батюшка, о. Алексей очень тебе кланяется.

Не помню, как только я благодарила его.

– А вдруг не примет? – снова с беспокойством спросила я.

– Нет, эту примет. Но смотри, это последний раз. Если еще случится, поправить я больше не смогу. Как ни в чем ни бывало подойди к нему и дай, и ни слова не говори о прежнем.

Вихрем понеслась домой. Вхожу к Ване, целую его и говорю:

– Батюшка о. Алексей тебе очень кланяется и посылает тебе эту просфору.

– А, спасибо, – покойно сказал он. – Как его здоровье? Кланяйся ему тоже от меня. Очень вкусная просфора, – сказал он.

Я не сводила с него глаз. Потом тихонько вышла из комнаты, бросилась на кровать и, уткнувши лицо в подушки, смеялась и плакала от радости.

Утром понеслась благодарить батюшку. Он, довольный, смеется.

– Как назвала-то его? – шутил он.

– Батюшка, не нужно... Я больше не буду. Вскоре прихожу опять к батюшке и говорю:

– Надо идти исповедываться к о.Константину, а он не велел приходить без Ваниного прощения. А я боюсь, он может не простить.

– Нет, ничего, простит. Я буду молиться и он простит, – сказал батюшка.

Так и вышло. Ваня иногда долго не прощал, а тут батюшкина молитва как воск растопила его сердце.

Оба мои «отца» требовали, чтобы особенно перед исповедью я всегда просила прощения у мужа. И помню, как первое время трудно было смиряться. Бывало знаешь, что он виноват, а не ты, и все же кланяешься ему в ноги и до тех пор вымаливаешь себе прощение, пока он не скажет, что больше не

сердится на тебя. А иногда и ни с чем уйдешь. И тогда о.Константин, бывало, скажет:

– Ну, значит плохо просила. Следующий раз непременно добейтесь его прощения.

И это меня отучало постепенно от всяких действий, которые могли бы расстроить мужа. А в конце его обращения, когда батюшка его переродил уже, он, бывало, поднимет меня и сам просит у меня прощения.

Итак я совершила два больших проступка: оскорбила Ваню и скрыла это от батюшки. Мой «отец» требовал, чтобы я на исповеди в этом очень каялась, а я боялась, что у меня не выйдет и он прогонит меня.

Прихожу к батюшке. Темно и тихо в комнате, только мерцают лампы. Батюшка сидит на кровати, на нем епитрахиль. За дверью стоят сестры в ожидании исповеди.

– Дверь не затворяйте, – сказал он, когда я вошла к нему и положила земной поклон.

– Простите, батюшка, и, если можно, помилуйте за то, что я сделала с Ваней и скрыла это тогда от вас.

– А что сделала с Ваней? – строго спросил он.

– Батюшка, я так не могу, позвольте дверь затворить.

– Я спрашиваю вас, что вы сделали с вашим мужем? – еще суровее спросил он.

Кто-то тихо затворил дверь.

– Отворите дверь! – приказал он.

И слово за слово я должна была громко покаяться во всем том, что я наделала, до мельчайших подробностей. Когда упиралась, он вопросом заставлял говорить дальше. Зачем-то вошел о.Сергий, но видя, что идет исповедь, хотел уйти.

– Ничего, Сережа, оставайся. – А мне: – Продолжайте.

– Батюшка, – тихо сказала я, – лучше другое что, а не это (наказание), – взмолилась я.

– Нет, это, – неумолимо сказал он. – И как же вы его назвали?

– Одним плохим словом.

– Каким?

– Ду-у-рак...

– И сколько раз?
– Два раза.
– И еще что сказали?
– У-у...бирайся вон.
– При ком так ругались?
– При студенте и прислуге. Батюшка снова начал отчитывать меня.
– Еще когда-нибудь будешь? – закончил сурово он.
– Нет, батюшка, никогда, родной, дорогой, простите.
– Смотри, чтобы это было в последний раз. Иди к о.Константину и валяйся у него в ногах, пока не простит тебя. Сережа, уходи и закрой за собой дверь. – И батюшка продолжал исповедывать меня во всем остальном.

Потом положил на голову епитрахиль и крепко нажал ее рукой. Так он долго держал меня, очевидно молясь за меня.

Я грех свой искупила, старец мой родимый меня простил. Как «гонял» меня мой «отец» было лаской по сравнению с этой батюшкиной исповедью. Долго спустя я все еще боялась встретиться с о.Сергием, думая, что он будет смеяться надо мной.

С тех пор, бывало, с Ваней малейшее неудовольствие боишься показать. А он удивлялся, почему я все отмалчиваюсь и даже виду не показывала, что сержусь.

Часто приходила к батюшке за советом, как быть: муж расстроен, ничем не доволен, не разговаривает. И батюшка или велит не обращать внимания и делать вид, что не замечаешь, или велит с лаской подойти к нему и согреть его душу. Последнее было очень трудно и удавалось только по молитвам батюшки. Я, бывало, поступаю дома, как он велит, а он в это время молится за нас.

Случалось иногда приходиться к батюшке за тем, чтобы с радостью рассказать ему, что хорошее случилось в духовной жизни Вани. И он, бывало, прикажет тебе вести себя так, чтобы Ваня отнюдь не замечал, что ты видишь в нем перемену. Батюшка боялся, что можно было спугнуть как птичку эти новые ощущения в Ваниной душе. И требовал все большего и большего нежного обращения с ней.

Как-то батюшка просил:

– А каким бы вы желали видеть своего Ваню?

Он говорил это так, точно он мог сделать его таким, каким бы мне хотелось иметь его.

– Таким, батюшка, мне бы хотелось его иметь... настоящим, но только не таким, как вот И.

Батюшка засмеялся.

– Почему?

– Простите, батюшка, я забыла совсем, что он ваш духовный сын. Нет, правда, он православный очень, но вот насчет христианства-то, я не знаю...

Впоследствии мы с ним подружился именно на этом самом христианстве. Он оказался очень хорошим человеком.

– А мне, батюшка, хочется, чтобы мой был православным, но, главное, хочу видеть его христианином, как в первые века. И чтобы нам с ним так жить можно было.

Батюшка молча отвернулся. Какая-то тень пробежала по его лицу. Он знал, родной, что мне не придется пожить с мужем христианской жизнью.

После смерти одного своего друга Ваня заболел сердцем. Он очень тяжело болел, особенно нравственно. Наконец, он стал себя считать инвалидом, и это еще больше удручало его. Батюшка велел себе докладывать мельчайшие подробности о ходе его болезни и о состоянии его души. Ухаживать за Ваней было очень трудно. Церковь совсем забросила. Ваня болел долго. Батюшка все время помогал. Он направлял, проверял каждый мой шаг с ним, и своими молитвами поддерживал нас.

Наконец, видя, что Ваня все не поправляется и что нравственное его состояние делается все хуже и хуже, батюшка решил написать ему письмо. Письмо было самое простое, но очень сердечное и возымело свое действие. Ваня поверил, что батюшка обещает ему выздоровление и начал поправляться. Он это письмо всю жизнь берег, как нечто самое дорогое.

Помню, как долго батюшка его писал, как он думал над ним, как тщательно выбирал выражения.

– Что же? – спросил он, – написать ему благословение или нет?

– Ну как же, батюшка, конечно.
– Да ведь он у вас неверующий.
– Нет, верующий, – защищала я своего Ваню. Батюшка лукаво на меня взглянул.

Окончив его, он сказал:

– Ну вот, кончил. Хорошо? – спросил он, прочитав мне его.
– Хорошо, очень хорошо, батюшка! – с восторгом сказала я. Многие ждала я от этого письма для Вани, и как же я была благодарна батюшке за него!

Он переписал письмо и, вздохнув глубоко, сказал:

– Ну вот, передайте ему. Очень было трудно. Ну, скоро будет здоров. Работать по-прежнему будет.

Очевидно много вложил батюшка в это письмо чего-то, отчего ему было так трудно писать его и что так скоро поправило Ваню.

Я видела, что батюшка доволен и что можно его просить, о чем хочешь.

– Батюшка, – нерешительно начала я, – мне давно очень обидно, что вы называете меня все по фамилии. Я, кажется, стараюсь изо всех сил и делаю все, что вы велите. Неужели я все еще не ваша?

– Да... нет... ничего... стараетесь. Я... ничего не говорю... а назвать... назвать тебя? Подожди, я подумаю и как-нибудь уж назову. Постой уж, – сказал он, окинув меня быстрым взглядом.

Скоро Ваня выздоровел, но работы было мало и ожидать ее было неоткуда. Сказала батюшке свое горе. Он глубоко посмотрел на меня.

– Иди с миром. Больных найдем и пришлем.

Вскоре больные появились. Все новые, неизвестно откуда узнавшие про Ваню. Работа наладилась.

* * *

Муж очень любил пчел, и у нас стояли они на чердаке. Часто я ему помогала в работе с ними. И вот, как-то в большой праздник он велел поскорее приходить домой из церкви, чтобы помогать ему с пчелами.

Из церкви пошла к батюшке за благословением. Тихо в квартире, никого нет. Батюшка что-то писал, сидя в кресле. Кругом все, и он сам был такой уютный и аккуратный. Он не считал, как некоторые духовные лица, что это мешает духовной жизни. Видно было, что, читая, батюшка молится. Он как-то весь ушел внутрь себя.

– Что так? (рано из церкви ушла), – спросил он, окинув меня быстрым взглядом. Я сказала, в чем дело. – Ах, так. Нужно, нужно, непременно нужно идти.

– Батюшка, очень не хочется.

– Нет, нет, идите.

В церкви, очевидно, запели «Тебе поем», так как у батюшки началась очень сильная внутренняя молитва.

Он сделался еще серьезнее и сосредоточеннее.

– Уходите теперь, – приказал он, и встав перед иконами, начал молиться.

Я тихо вышла, а как хотелось хоть за дверью остаться, чтобы помолиться вместе с ним.

Как-то прихожу исповедываться.

– Ну что, как наши дела? – спрашивает он.

– Не знаю, батюшка, как. Только одно знаю, что стараюсь изо всех сил. А больше ничего не знаю.

– Если изо всех сил, то хорошо, – сказал он, пристально глядя на меня.

Я сейчас же стала внутренне проверять себя, и мне показалось, что я не соврала.

– А можно еще, знаешь как, больше сил стараться, – серьезно добавил он.

Как-то говорю ему:

– Батюшка, меня очень смущает, что когда меня перед людьми обличают или наказывают, то мое самолюбие очень страдает. От этого мне очень больно. А Св.Отцы говорят, надо быть безстрастной. У меня, значит, гордость есть?

– Гордость не хороша, когда она по отношению к Богу, – сказал он. – Ну, как мы с вами чувствуем. Что мы ничто перед Богом?

– Да, чувствую.

– И гордость перед Ним чувствуете?

– Нет, батюшка.

– Ну да, нет. И вот это-то и не должно быть. А самолюбие и даже гордость по отношению к людям всегда в нас есть. Очень трудно, чтобы не было. Это еще не так опасно. Самолюбие всегда остается при нас. С этим ничего не поделаешь. А в вашем случае это может быть еще и искупление вины, раз вам так трудно. Ничего, привыкнете. Это вам полезно. Терпи казак – атаманом будешь, – закончил батюшка, улыбаясь, и крепко ударил меня по плечу.

Помолчав, он сказал:

– Еще хотел сказать вам, что нужно жить так, и держать себя так, чтобы нам не приходилось краснеть за вас. Надо повсюду, где бы вы ни было, высоко держать знамя отца вашего духовного. Чем больше будете стараться, тем выше будешь держать знамя о.Константина. Плохим поведением вы нас всегда компрометируете. Поняла? Твердо помните это и старайтесь.

И часто, бывало, батюшка, выговаривая за что-нибудь, говорил:

– Вы нас компрометируете. Понимаете ли вы это или нет?

И так стыдно-стыдно станет и даешь себе слово больше своих «отцов» не подводить.

О.Константина выселяли из его комнаты. Прихожу к батюшке просить его, чтобы моему «отцу» выпросил у Бога хорошую комнату. Батюшка для о.Константина всегда был готов на все, а тут как-то ответил уклончиво. Я удивилась, но приставать не смела, значит нельзя. И чудно, что до сих пор мой «отец» никак не может устроиться с помещением. Видно это Господу не угодно. Меня удивляло, как батюшка скоро чувствовал духом, что угодно Господу и что нет. Что можно и чего нельзя было просить у Него. А происходило это оттого, что старец о. Алексей жил, мыслил, чувствовал согласно воле Спасителя своего.

Бывало о чем-нибудь попросишь батюшку, а он так как-то задумается, уйдет внутрь себя, как это он умел так хорошо

делать, и через некоторое время дает тебе или согласие (молиться), или отказ.

Помолчав, батюшка спросил:

– Ну что, как он? – позволив этим вопросом высказать горе, бывшее у меня на душе.

– Да, батюшка, он точно все молится теперь. Молчит да и только. Какой-то серьезный и строгий стал. Не подступишься. Я не понимаю, чего он хочет от меня. Чего-то требует, а чего – не знаю. Я теперь боюсь ему говорить то, что прежде бывало легко говорила. Он меня не понимает.

Батюшка остро посмотрел мне в глаза.

– Что же это он у вас? Наверное комнатой занят? – усмехнулся он.

– Нет, батюшка, это ему не мешает. Так что-то, – со слезами ответила я. Просить помощи у батюшки я не помышляла.

Получив благословение, стала уходить. Батюшка не сводил с меня задумчивого взгляда.

– Хорошо, – сказал он медленно, – я буду молиться о нем, чтобы изменился... Чтобы добрее стал.

Горячо поблагодарила я своего старца. Скоро у меня все наладилось с моим «отцом». Я перестала его так бояться и снова начала понимать его. Он стал ласковее и разговорчивее и опять стал утешать и ободрять меня.

Конечно, все дело было в том, что я перестала понимать его, отошла, очевидно, от него каким-то образом, неправильно подходила к нему. А по своей неопытности уверена была, что все дело было в нем. Он меня не понимает, он не умеет со мной обращаться, думалось мне. И удивительно, как батюшка только своей молитвой наладил навсегда наши отношения.

Сколько раз он это делал, сколько раз приходилось ему улаживать отношения между духовными отцами и их чадами. А какое же трудное это было дело!

Прихожу как-то к батюшке и, дожидаясь очереди, смотрю, как сестры приходят к нему исповедываться, чтобы затем идти в церковь причащаться.

Они были все нарядные такие, очевидно приготовились к Причастию. Я подумала: вот счастливые. Они идут к своему

батюшке уверенные, что их он простит. Наверное, они все очень хорошие и на совести у них ничего такого нет.

Последняя из них, особенно нарядно одетая, очень долго пробыла у батюшки и вышла от него вся в слезах. Ну, думаю себе, и мне теперь гонка будет. Но старец о. Алексей не действовал по настроению. Он вполне уже жил жизнью Христа, жизнью Его Духа.

Я вошла к нему робко, но он был в этот раз не строгий и даже о чем-то пошутил. Отпуская меня, он, смотря мне в глаза и держа за руку, показал на дверь и сказал:

– Когда идете исповедываться, не надейтесь на Причастие. Видели, как они приходили ко мне. Вы же этого никогда не делайте. Идя исповедываться, не надейтесь на прощение, – вымаливайте себе его. Нельзя говорить отцу духовному: благословите причащаться, а нужно говорить: благословите исповедываться. Поняла?

Я стала так делать и чувствовать. И до сих пор о.Константин никогда не обнадеживает меня прощением заранее, если случится спросить его об этом, и тем он помогает создаться в душе покаянному настроению.

Проговоривши, что было нужно о Ваниной душе, батюшка сказал:

– Помни раз навсегда, что в духовной жизни нет слова «не могу». Все должна мочь, что тебе велят. Бывает же слово «не хочу», за которое, чем дальше будешь жить, тем строже будет за него с тебя взыскиваться. По отношению же к своему учителю и руководителю, который является для тебя всем, существуют только два слова: простите и благословите (простите за вечное мое плохое поведение и благословите жить, как вы хотите. Так нужно было понимать батюшку).

– Знаете, – вдруг добавил он, – если о.Константин будет стараться учить вас и увидит, что вы не стараетесь жить, как он хочет, то он может по своему выбору отдать вас для исправления другому. И уже будет вам тогда!

Батюшка старался свирепо смотреть на меня, но это ему плохо удавалось.

Когда я стала уходить, он, благословляя меня, сказал:

– Посмотрел бы я на вас, что бы с вами было, если бы вы попали к другому. Счастливы вы, что о.Константин согласился взять вас.

Батюшка с каким-то ужасом посмотрел на меня. Мне стало страшно. Я поняла, что когда-то что-то очень-очень плохое должно было случиться со мной.

Я очень сильно заболела и только благодаря молитвам моих «отцов» и батюшкиной просфорке, после которой мне сразу стало легче, я быстро оправилась.

Еще до моей болезни я все приставала к батюшке, чтобы привести Ваню к нему. Время было очень опасное: батюшку могли всегда взять и тогда бы они не свиделись. Я приходила в отчаяние, что Ваня не едет сам, а батюшка строго запрещал мне его насильно приводить к нему.

За мою болезнь Ваня не раз собирался к нему, но все что-нибудь мешало. Во время болезни этой Ваня ухаживал за мной, как сиделка, и исполнял все мои просьбы. И вот я стала умолять его поехать к батюшке. Он с радостью согласился, но потом объявил мне, что снова не попал, т.к. задержали больные.

В тот же вечер лежала я одна и злоба душила меня. Злоба на «того», кто все время вредил душе моего Вани. Мне захотелось «его» изничтожить. Я забыла свою душевную и телесную немощь, я готова была вступить с ним в борьбу, чтобы далеко отогнать «его» от бедного моего Вани. Забывшись, я бросила вызов всему аду, самому сатане. Я горько плакала от отчаяния и моего безсилия.

Вдруг стены комнаты раздвинулись и сам царь тьмы прошел по воздуху во всем своем величии. Он был одет в пурпуровый хитон и был воплощение греха во всей его красе. Это был тот дух зла, за которым люди шли толпами, плененные его красотой, и не узнали его. Воздух стал тяжелым. Трудно было дышать. Потом все исчезло.

Появилась церковь Маросейская. На батюшкином месте стоял кто-то очень «великий», не знаю кто. Церковь была полна мужчин и женщин, одетых в белые одежды. Они казались все молодыми, сильными, красивыми неземной красотой. По

очереди входили они на батюшкино место и «тот» «великий» перед крестом и Евангелием принимал от них клятву бороться против зла и смерти, не щадя себя. И обещали они отнимать у дьявола всякую душу, попавшуюся ему. Завет свой они скрепляли своею кровию. Я была между теми, которые должны были образовать эту общину. Душа была полна восторга, что нас столько уже борющихся. Очнувшись, почувствовала, что в комнате, как в церкви во время «Достойно». На душе было так светло и хорошо. Скоро это чудное состояние прошло и начался сильный жар.

На другой день я сказал Ване, что, если он не поедет к батюшке, я умру. Пока он не возвращался домой, я все молилась св.Николаю, чтобы он допустил Ваню до батюшки.

Наконец Ваня возвращается. Вид у него очень довольный и в руке две просфоры.

– Тебе вот, поменьше, а мне большую, – радостно сказал он. – Я на тебя все жаловался и он сказал, что прав я. Он такой добрый, хороший и очень образованный, все знает. Только я в нем не видал чего-нибудь такого... особенного. Почему к нему народ так ходит? И интеллигенция ведь почти что все.

Помня наставления батюшки, я сказал только:

– Это оттого, что он любит и жалеет всех.

– Я еще к нему пойду, – помолчав, сказал он.

До свидания с Ваней, батюшка, бывало, всегда утешал меня, уверенно говоря:

– Увидимся мы с ним, увидимся, когда нужно будет.

А после своей беседы он как-то неуверенно начал говорить, что еще раз увидится с ним, точно к чему-то прислушиваясь. И только в одной из последних наших бесед он как-то сразу, точно что-то увидев, радостно воскликнул:

– Увидимся мы с ним! Да, увидимся. Теперь я это знаю (это батюшка говорил о будущей жизни).

Оправившись от болезни, я решила рассказать свой сон о.Константину, хотя он этого всегда очень не любил. Он не рассердился, но и ничего не ответил мне.

Прихожу после болезни в первый раз к батюшке.

– Что это вы так долго не являлись? – радостно встречает он меня. – Хотел было в милицию дать знать, вас разыскивать. Не случилось ли что с моей Александрой? (это было так сказано, потому что я не тотчас явилась к нему). Нам ведь без вас скучно служить, т.е. мне скучно.

– Батюшка, дорогой, спасибо вам большое за мое выздоровление. Не стою я вашего внимания, – горячо сказала я.

– Да, сильно болела, очень, – сказал он, точно зная, как сильно я должна была бы болеть, если бы не молитвы их обоих.

Я рассказала ему, что Ваня про него сказал, каким он от него приехал и как я его к нему послала.

Он укоризненно покачал головой.

– Зачем это делала? (сказала, что умру, если он не поедет). Ведь я не велел. Разве можно так? Хорошо, что все обошлось благополучно. Какой он у вас хороший. Не видя его, я любил его, а теперь еще больше люблю. Очень Ваня хороший. А я вас нарочно не защищал. Надо было соглашаться с ним, а то расстроился бы, а так он доволен остался.

И опять долго говорили о жизни души ближнего, и как трудно к этому ближнему подойти и полюбить его. Своего не умела любить, как нужно, а тут батюшка учил чужого любить, ко всякому уметь подойти. Это казалось немыслимым.

– Вот я вам говорю: возьмите сердце мое, – сказал он.

– Да как же, батюшка, я смогу это сделать, когда я не умею любить, – в отчаяньи воскликнула я.

– А нужно понемножку приучаться. Так вот взять сердце свое и расширить его. Сначала немножко, а потом все больше и больше. Широ...кое станет. Всех вместит. Трудно очень. Но нужно.

У батюшки было так: для того, чтобы выучиться любить, нужно приложить как бы физические усилия к этому. Было так, точно ты работаешь над этим, как над каким-нибудь делом. Бывало даже жарко станет, так стараешься человека полюбить, т.е. вызвать в душе своей чувство хотя бы жалости к нему. А подойти-то к нему, бывало, стараешься и так, и сяк – с разных

сторон. И сначала рада была, когда хоть чувства скуки-то не было в отношениях с ним, а уж где там любить его!

Бывало стараешься жить, как тебя учат, а на деле плохо выходит. Отчаянье овладевает душой и бежишь к батюшке и все ему расскажешь. А он, видя твоё старание, спросит:

– Стараетесь-то стараетесь, а как?

– Изю всех сил и больше сил, батюшка. – И, внимательно посмотрев в глаза тебе, скажет:

– И больше сил... Ну хорошо... если это так. – А если видит, что скорбь уж очень одолела тебя, крепко прижмет к груди твою голову, нежно-нежно поцелует в лоб, глаза и все на тебе перекрестит.

И куда-то отходила скорбь и покойно и тихо делалось на душе. И чувствовалось, что старец твой не дает тебе в обиду злу, что есть защитник у тебя от лукавого и умиловитель за тебя перед Господом.

А иногда великий старец, бывало, положит свои руки тебе на голову и долго так держит тебя, молясь Господу о твоей грешной душе.

И в один из таких разов я набралась смелости и стала просить о. Алексея:

– Батюшка, родимый, все вы можете сказать Богу, поручитесь Ему за меня. А я буду так стараться, чтобы вас не подвести.

– Поручиться? – с сомнением сказал он. – Как за тебя, за такую, поручиться? А вдруг что-нибудь. Вдруг подведешь. И отцу Алексею там придется краснеть за тебя.

– Нет, батюшка, нет. Не говорите так, – взмолилась я. – буду стараться. Ужас, как буду стараться.

– Будешь?.. А если... нет. – В упор глядя на меня, спросил он и взгляд его пронзил меня насквозь.

– Нет, буду, – упрямо ответила я.

– Ну хорошо... я поручусь... Но только смотри! Держись! А не то мне будет стыдно, что я поручился за такую!

Я горячо благодарила батюшку за его великую милость ко мне. И все время помнила это, когда бури трепали мою душу.

Бывало, придешь к бабушке и жалуешься ему, что молитва не выходит. А он на это тебе скажет:

– Нужно быть, как дитя перед Господом. Знаете, как Он это сказал в Своем Евангелии. Молиться нужно вот как он. – И бабушка покажет на своего внука, который часто присутствовал не только на наших беседах, но даже на исповедях.

– Алеша, молись!

И ребенок становился перед иконами и крестился, как умел, а дедушка поправлял его ручонку.

И удивительно было выражение лица в это время у этого ребенка.

– Видишь, как он стоит, как молится?

Я тогда не понимала значения этих слов. И не знала, и не понимала, как это к Богу подходить с детской душой, с детской простотой. А бабушка-то не только знал, что требуется в это время, но видел душу мальчика в это время.

Ужасно он любил своего внука. Трогательно было видеть, как ребенок складывал свои ручонки, получая благословение дедушки. И как он благословлял его. А во время исповеди бабушка, бывало, кажется, не смотрит на него, а все видит, что тот делает: остерегает его от ушибов, или велит взять у него то, что могло бы повредить ему.

И, бывало, берешь у него, а он не отдает и смотрит вопросительно на деда, а тот кивнет головой и скажет: «Отдай, Алеша», – и Алеша сейчас же отдает. Я очень любила, когда ребенок был с нами. И бабушка, бывало, при нем бывал всегда снисходительней.

Иногда во время беседы заходили и девочки к нам, но бабушка был с ними гораздо строже. Даст какое-нибудь угощение и сейчас же отошлет.

Как-то мы с девочками очень увлеклись игрой в лошадки. Они по очереди садились мне на спину и я их катала. Было так весело, что я сама увлеклась игрой. Меня позвал бабушка. Одна из девочек вскоре открыла нашу дверь и стала тащить меня к себе.

– Тебе что нужно? – серьезно спросил ее бабушка.

– Она лошадка наша и должна нас возить.

– В чем дело? – спросил, улыбнувшись, батюшка.

Я рассказала нашу игру и с живостью добавила, что было очень весело. Он остро посмотрел на меня, усмехнулся и, обращаясь к ребенку, серьезно сказал:

– Лошадка устала. Оставь ее у меня. Я дам ей овса. А когда она отдохнет, вы ее возьмете опять.

Ребенок спокойно ушел, а батюшка, обращаясь ко мне, строго сказал:

– Ну, а теперь говори дело.

И вот батюшка, видя, что я плохо понимаю, что значит молиться как дитя, бывало пояснит:

– Ничего (что молитва не выходит). Понуждать себя надо. Лучше меньше сказать, но сказать со смыслом. Думать надо над каждым словом, которое произносите. – И он, бывало, сядет в кровати, прострет руки к Богу и скажет: – Вот как нужно. – Лицо его мгновенно загорится нежной любовью к своему Спасителю. Он забывал окружающее и видел только Бога.

Так просто, так горячо скажет несколько слов покаяния или прощения. Слова были разные, но одно он неизменно повторял: – Вот я здесь весь перед Тобою. – И чувствовалось, что старец о. Алексей действительно весь тут перед своим Господом. Оттого и слушал его Господь, что он весь, и телом, и душой был в молитве. Оттого и понимал он волю Божию, что всегда стоял перед Господом своим. Поразителен был этот его переход от разговора к молитве, и какой молитве! Он молился уже не на словах, а на деле.

Хотя я и приучалась к послушанию, хотя и благословлялась на многое, но все же самости у меня еще было достаточно. Еще летом решила, что молитве меня никто не учит, что довольно ждать, что надо добиться ее самой. Начала молиться и читать все возможное без конца. Старалась всячески, чтобы молитва исходила из сердца, когда я и ум-то хорошенько не умела вкладывать в слова молитвы. Читала акафисты по семи раз подряд. Но ничего не выходило из всего моего старания. Кончилось тем, что начала путать слова даже самых простых молитв и часто не понимала, что читаю. Сердилась, бросала со

злостью книжки. Часто, уставши от всего этого и отчаявшись в результатах, я засыпала, обливая подушку горячими слезами. Своим «отцам» из всего этого говорила только малую часть.

И вот как-то, а это было уже на вторую зиму, я прочла у епископа Феофана, что если лень одолевает в молитве, нужно бить себя. Так я и начала делать. Физическая боль преобладала над оцепенением, которое я чувствовала, и мысли делались яснее. Она как бы будила меня. Но чем больше я к ней привыкала, тем больше надо было усиливать ее. Я усилила способы. Наконец, проволокой рассекла себе шею, а молитвы все не было. Я пала перед образом и зарыдала. У меня было чувство, точно я в стену уперлась.

Придя в себя, поняла, что это все я делала самовольно и тем дошла до большого греха. На меня напал страх. Этого «отцы» не простят, а что за это будет, лучше и не думать.

Решила умереть, но не говорить о.Константину, а батюшке покаяться, когда с силами соберусь. И с этих пор он стал спрашивать меня, в конце каждой исповеди:

– И больше ничего?

Краснея, я всегда отвечала:

– Ничего, батюшка. – А он молча только, бывало, посмотрит мне в глаза.

Наконец, перед каким-то большим праздником, или в Рождественский пост, когда нужно было особенно очистить свою душу от всякого греха, я два дня собиралась с духом и, наконец, пошла к батюшке, заранее просив его назначить время для исповеди для того, чтобы отступление было невозможно.

Прихожу. Поговорили с ним, о чем было нужно. Нужно уходить, а он об исповеди ни слова, и я стою молча. Наконец, говорю:

– Батюшка, мне ведь нужно исповедываться у вас.

– Ну что же, – покойно говорит он, – говорите.

Епитрахиль он не надел. Я сказала несколько слов и потом начала задыхаться.

– Вот ведь, что с вами, – участливо сказал он.

– Нет, батюшка, я здорова. Это так.

– Вы-то здоровая? – с грустью добавил. – Слабенькая. Смотрите, берегите себя. Смотрите. Ведь у вас то же, что и у меня.

– Нет, батюшка, не то же. Это пустяк, – горячо запротестовала я. Я не поняла, что батюшка говорил мне о будущем моем нездоровье. От его слов мне стало легче, и я выпалила:

– Батюшка, простите. Ради Христа простите. Я не могу сказать этого о.Константину. Делайте со мной, что хотите. Я не знаю, что будет с ним, если он это узнает. Батюшка, родной, больше никогда не буду. Что хотите делайте со мной, только отпустите мне его (грех). Вы-то простите. Не может быть, чтобы вы не простили. Наказывайте, как хотите, помилования не прошу, только простите, – с отчаяньем молила я, валяясь у него в ногах.

– В чем дело? – просто спросил он.

– Батюшка милый, батюшка дорогой, простите, больше никогда не буду. Я... я... муч... била себя. Мне надоело, что молитва не выходит.

– Расскажите все, как было, – как-то особенно спокойно сказал он.

Я все подробно рассказала и добавила с упрямством:

– Что же еще теперь делать? Остается ножом себе раны наносить, а тогда будет кровь. Увидят. Нельзя. Батюшка, что же мне делать? У меня ничего не выходит, – с отчаяньем простонала я и пала ниц.

Он поднял меня за воротник и с каким-то особенным спокойствием сказал:

– Ничего удивительного в этом нет. Не вы первая говорите мне это. Со многими такое случается и многие с этим приходят ко мне. Люди, которые сами хотят научиться молитве, часто кончают этим. Я обыкновенно в таких случаях отменяю все молитвы и начинаю учить сначала. У меня был один, с которым мы начали со Святой Боже. До того дошел, что только одно это мог говорить.

А то был у нас псаломщик, который, читая «Отче наш», взял у женщины просфору, чтобы отнести ее в алтарь, а так как

она чем-то помешала ему, подумал на нее, что она послана лукавым. И с тех пор он не мог говорить «Отче наш» наизусть. Бывало начнет «Отче наш» и сейчас же скажет: «от лукавого». Как мучился, бедный, и я-то с ним как бился! Вот, что бывало.

Батюшка улыбнулся. Я от всех его слов успокоилась и тоже улыбнулась.

– Я вас буду сам учить молитве, – сказал он, помолчав и пристально глядя на меня, добавил: – Одолеем, ничего. Вместе как-нибудь.

Вдруг его лицо сделалось строгим и даже суровым.

– О.Константину, конечно, и думать нельзя говорить это. Не потому, что рассердится – нет. Такого наказания нет, которое вы бы не заслужили, а потому, что он расстроится. Он еще такого не знает, не привык к этому. Он об таком никогда не слыхал. Что будет с ним, когда узнает? Беречь его нужно, от всего такого беречь.

Тоже, что муж бы ваш на это сказал? Чтобы с ним сделалось? Вот, что вы совершили. Великий грех, великое преступление. Оправдания не может быть. Кругом виновата. Это подвиг, но подвиг преступный. Как могли вы это сделать без благословения? Как могли вообще решиться на это? Великая вы грешница. Сейчас же соберите все это: веревки, проволоки и...

– Батюшка, дорогой, родной, не заставляйте их приносить себе, ради Бога нет. Даю честное слово, что брошу их.

Я боялась, что при их виде он еще больше рассердится. И потом было так стыдно.

– Ну, тогда дайте слово, что сами сожжете. Смотрите. Сейчас же все в печку. От меня ничего не скроете. И если что останется у вас, – узнаю – пощады не ждите. Плечи-то очень болят?

– Очень, – тихо ответила я.

– Ох, велика же грешница! И как бы этими самыми разделал бы я тебя! Помни ты у меня, что если да еще хоть малейшее такое или подобное повторится, то я сам расправлюсь с тобой. И еще скажу о.Константину и твоему мужу. Поняла? Помни ты у меня это!

– Батюшка, родимый, не нужно. Я буду стараться хорошо себя вести. Обещаетесь, что не скажете? Батюшка родной, дорогой, обещаетесь, что не скажете? Пожалуйста, обещайтесь, – молила я, валяясь у его ног.

– Ну, смотри! – наконец сказал он.

– Обещаетесь?

– Обещаюсь.

– Завтра приходите учиться молитве, – добавил он, помолчав. – То, что я велю, исполняйте в точности.

Надо было уходить, а он ни слова не сказал мне, что простил мне мой ужасный грех. Я стала просить его об этом, он заговорил о другом. И так несколько раз. Наконец, сказал:

– Ну идите. И сделайте сейчас же, что я приказывал вам.

– Батюшка, разрешите, пожалуйста, – со слезами сказала я.

– Что вам нужно? – как бы не понимая, спросил он.

– Да как же, батюшка, пойду я исповедываться к о.Константину, когда этот грех останется на мне. Как же причащаться-то?

Помолчав, он сказал:

– Ну, делать нечего. Дай сюда (епитрахиль). Великая грешница вы. Надев епитрахиль, его лицо сделалось особенным. Он ею накрыл мне голову и плечи и долго держал руку на моей спине. О.Алексей молился о великом грехе моем. Кончив молиться, он дал мне приложиться к кресту внизу епитрахили. Мне вдруг сразу стало легко. Батюшка начал крестить воздух, всю меня: глаза, лоб, лицо, сердце, грудь. Потом сел на кровати лицом к иконам и долго молился, часто крестясь.

Впоследствии еще много раз батюшка, бывало, как придешь к нему, начинал беседу с того, что долго молился, низко и усердно кланяясь, и то же делал, отпуская меня. Через некоторое время он это делать перестал.

– Ну, идите теперь. Великая вы грешница, – сказал он, смотря на меня большими темными глазами, как бы изучая меня.

В этой исповеди батюшка нарочно медлил простить меня, чтобы заставить меня как можно больше осознать всю тяжесть

моего проступка.

У батюшки была особенность покрывать епитрахилью кающегося по-разному, и он это делал не случайно. То он покрывал ею всю меня, то только голову, то, как в этом случае, голову и плечи. Зачем он так делал – не знаю.

Вернувшись домой, все сожгла, что он велел. К о.Константину пошла исповедываться без малейшего смущения, точно я никогда и проступка-то этого не совершала.

Прихожу к батюшке. Он пристально глядит на меня, строго спрашивает:

– Исполнили?

– Да, батюшка.

– Все сожгли?

– Все, батюшка.

– То-то! Смотри ты у меня! – сказал он так, что у меня в душе все заглодало.

– Ну вот что, начал он, помолчав, – вы родителей-то ваших поминаете?

– Нет.

– Всегда поминайте их на молитве. Просите их помощи.

Теперь оставьте все, что вы читали, совсем не открывайте этих книг. Утром и вечером читайте только: Слава Отцу... Святый Боже, Отче наш, К тебе Владыко, Человеколюбче... Знаете ее? – И он прочел ее, но именно, как всегда, не прочел, а молился ею. Особенно он сказал эти слова: «Помози ми на всякое время, во всякой вещи»... Чувствовалось, что батюшка просит это для себя.

– Эту надо читать непременно, – продолжал он. – И вот пока больше ничего, все остальное оставьте. Можете прочесть Отче наш?

– Могу.

– И Святый Боже тоже?

– Да.

– Хорошо. А то некоторые в таком состоянии не могут и Святый Боже прочесть. Потом дальше пойдем и так я постепенно приучу вас.

Спрашивая, могу ли я прочесть ту или иную молитву, батюшка подразумевал не то, что духом могу ли я ее прочесть, а просто, правильно ли слова могу сказать, так как я дошла до того, что иногда не могла правильно сказать: Богородице, Дево, радуйся...

Спустя некоторое время батюшка спрашивает:

– Ну, что, как?

– Лучше, батюшка, спасибо большое, – весело ответила я. – Батюшка, можно прибавить мне утром «Помилуй мя Боже», а вечером «Господи, не лиши меня небесных Твоих благ»? Только не от себя ее читать, а как бы за Ваню: а то для себя скучно. Я так уж давно молюсь.

– А кто благословил?

– О.Константин.

– Он вам так велел читать?

– Нет, сама придумала.

Батюшка пристально посмотрел на меня и сказал:

– Можно. И это даже будет очень хорошо.

И так постепенно батюшка прибавлял молитвы и каждый раз спрашивал, как идет дело. Но закончить обучение не пришлось. Наша жизнь с Ваней требовала постоянного руководства, так что на это не оставалось часто времени. Потом батюшка уехал, чтобы живым уже более не возвратиться.

Как-то о.Константин стал замечать, что я извожусь физически и был этим очень недоволен. Подробности моей личной жизни он не знал. Часто «гонял» меня за то, что не берегу себя и, наконец, сказал, что поедет жаловаться о. Алексею.

– Он-то вас как следует проучит, – сказал он. Я ему не поверила и скоро забыла его слова.

Как-то прихожу к батюшке за благословением. А он, благословляя, говорит:

– А вчера у меня был о.Константин и жаловался на вас.

У меня сердце упало. Я никак не могла понять, на что мог жаловаться мой «отец».

– А я... – и батюшка в упор посмотрел на меня, пока я не начала дрожать, – защищал вас, – улыбаясь, добавил он.

Мне стало весело и легко. Я все вспомнила и поняла.

– Я ему говорил, – продолжал он, отвернувшись, – что это ничего, что это так нужно сейчас. А про то хотел сказать, да уж пожалел вас, – лукаво добавил он.

– Нет, батюшка, родной, вы этого не сделаете. Вы обещали ведь. Батюшка подробно расспросил меня, как ем, как сплю и, пока я рассказывала, качал головой:

– Ай, ай! А я-то вас защищал. Не следовало бы. Не следовало бы. Ну садитесь скорей (точно ослабла я сразу). А что же Ваня наш говорит на все это?

– Иногда ворчит, а то ничего.

– Беда, как вы его изводите, – пошутил он. – А как вы все это продельываете без благословления?

– Я, батюшка, благославляюсь.

– Благословляетесь?..

– Ну да, батюшка, на все.

Он в недоумении смотрел на меня. Потом, что-то поняв, сказал:

– А как вы благословляетесь у о.Константина?

– Как, батюшка? Подхожу и...

– Нет, не то. Вы ему как говорите: «Благословите, батюшка, на что?»

– Благословите, батюшка, на пост. А как пощусь – не его дело. Благословите меньше спать, а на сколько меньше – не его дело. Всего, батюшка, ведь не стоит говорить?

– Ах, Александра, этакая. «Благословите на пост!» Я вас благословлю! Погоди вот!

– Батюшка, ну, а как же? – испугавшись, со слезами сказала я.

– Благословение берут, подробно объясняя в чем дело. А это является с его стороны не благословением, а с вашей обманом. С нынешнего дня иначе не благословляйтесь, как объяснив ему до мельчайших подробностей. Поняла?

– Поняла, батюшка.

– Ну, теперь совсем «отцы» скрутили, – подумала я.

С этих пор о.Константин спрашивал меня всегда подробно, на что я беру благословение. Помню, как велел говорить,

сколько я чего съедаю даже.

Подошел Великий пост. На Прощеное Воскресение пошла на вечерню к одному епископу в его домовую церковь.

Этого епископа многие обвиняли в сношении с «живыми». На вечерне он очень хорошо говорил, оправдывая себя, и просил прощения у народа. Когда я поклонилась ему, он поднял меня и долго, держа меня за руку, просил у меня прощения.

Прихожу к о.Константину и с радостью рассказываю ему, как епископ Т.²⁹¹ просил прощения у народа, а у меня в особенности.

– Он думал, наверное, – говорила я, – что я ушла от церкви, так как давно не видал меня, а тут увидал, какая у меня молитва, и раскаялся, – победоносно сказала я.

– Не он должен просить прощения у вас, а вы – у него, – строго сказал о.Константин.

– За что же, батюшка, – сразу осела я.

– За то, что осуждали его насчет живоцерковников.

– Да ведь я просила.

– То просили со всеми, а теперь будете просить одна.

– Нет, батюшка, не могу. Не могу. Где же?

– Где хотите.

– Батюшка, у о. Алексея я готова просить прощения без всякой вины хоть семь раз, а у архиерея не могу.

– У батюшки семь раз, а у архиерея двадцать семь раз будете просить.

– Батюшка, простите, я больше не буду, – повалилась я ему в ноги.

– Вот попросите у епископа прощения, который так смиряется перед вами, тогда и будет хорошо.

– Батюшка, помилуйте. Лучше другое что (наказание).

– Нет.

– Батюшка, я же право не могу. Никакая сила не заставит меня это сделать.

– Я заставлю! – сказал он голосом, не терпящим возражения. Я ушла в горе и крепко задумалась, как мне быть.

Наступила первая неделя поста. Сначала ходила на службы своего «отца», как он велел. В среду же вечером

пришла на Маросейку. В душе было большое покаяние о всем сделанном мною, да и о.Константин велел каяться крепко. Я стояла с опущенной головой и плакала.

Вдруг движение, шепот: «Сам идет». Я вздрогнула и посмотрела. С амвона на нас тихо шел о. Алексей. Глаза его были грустные, весь вид был такой скорбный. Он посмотрел на меня с жалостью, я еще ниже опустила голову. Мне стало очень стыдно.

Он стал читать. Никогда я ничего подобного не слыхала. Это был вопль твари к своему Творцу о помиловании. Это был плач души, тоскующей о своей разлуке со своим Господом. Он читал как бы от лица всех нас и приносил жертву покаяния за все, сделанное нами. При первом же «Помилуй мя, Боже» я упала на колени рядом с ним, и слезы градом полились у меня. Никогда после я не чувствовала такого раскаянья и так не плакала.

Мне казалось, что Сам Господь стоит на амвоне, а я за спиной о. Алексея всем существом своим прошу Его простить меня. Живо встала передо мной вся жизнь моя – один сплошной грех, а за последнее время обещание исправиться, которое я не сдержала. Каждый раз при пении «Помилуй мя, Боже» я падала, стоя на коленях, к ногам батюшки, а он тихонько отодвигал их.

Плакал о. Алексей, плакал народ и кто-то, тихо вздохнув, сказал: «О, Господи, что это такое?» Вся церковь каялась и вымаливала себе прощение у Бога. О.Алексей кончил и ушел. А я все продолжала стоять на коленях, плакать и каяться. Народ сердился, что я всем мешаю, было страшно жарко, все меня толкали, но я не обращала ни на что внимания. Одна сестра, проходя, стала убеждать меня встать.

– Ведь батюшка ушел, – сказала она,

А я подумала: что мне оттого, что он ушел, ведь он все знает. Разве без него можно иначе молиться, чем при нем, И потом, если у людей так вымаливаешь себе прощения, то не тем ли более у Бога это нужно делать. Домой пришла, все болело и я была вся мокрая.

На утро прихожу к батюшке и говорю, что пост только что начался, а мне уж страшно, страшно за грехи свои, А что дальше-то будет? Вчера он так хорошо читал, всю душу свою проплакала, а облегчения нет. Он, как только мог, утешал меня. Сколько любви, сколько ласки было в его словах.

Потом, пристально посмотрев на меня, сказал:

– Скажите, почему вы такая грустная? Что у вас на душе? Скажи, ну? – участливо спрашивал он меня.

Я рассказала все, как было с епископом Т. и о.Константином.

Я не имела в виду это батюшке говорить, так как не полагалось со всяким пустяком приставать к своему старцу. Надо было найти силы в себе, чтобы исполнить приказание духовного отца. Просить для этого батюшкиной помощи было бы баловством. Но он, видя мое горе, сам пошел мне навстречу.

– Поделом, не шлейся по архиереям, – строго проговорил он, взявши меня за ухо, начал учить, как учат щенят, приговаривая. – Не шлейся, не шлейся, не шлейся!

Мне сделалось смешно, но батюшка был строгий.

– Будешь шлаться, будешь еще ходить, куда не следует? – говорил он, продолжая драть меня за уши.

– Не буду, батюшка, простите, ведь это я так, по глупости.

Долго он так учил меня, наконец бросил.

– Мало тебе Маросейки? Почему у нас не была? Было так хорошо. Почему, спрашиваю? Нет, полезла к архиереям! Вот и получила. И поделом! И не так тебе еще следует! Запомни! И он крепко ударил меня по лбу, – что для тебя есть только две церкви, в которые и ходи: Маросейка, это всегда ходи, на всю жизнь, и С. в Р.²⁹², пока там о.Константин. Переведут его и ты перейдешь с ним. На его службы ходи только.

– Батюшка, а Никола на Песках²⁹³? – робко спросила я (соседняя наша церковь, куда я часто ходила). – Там очень диакон хороший. Молитвенник большой, потом близко от дома; ведь мне из-за Вани часто надолго нельзя отлучаться.

– Да, да, – подумавши, сказал он. – Пожалуй можно и к Николе на Песках иногда, только когда из-за дома некогда. А то всегда и на все время Маросейка. Поняли?

– Поняла, батюшка.

– Архiereев нехорошо осуждать, – продолжал он, – власть они. А вы все думаете: вот противные-то. Не ходите к ним потому, что они не простые. Редко кто из них простой. Мы с о.Константином – другое дело: что думаем, то и показываем. А у них нет. Надо уметь с ними. Особенно с епископом Т. Ну что тут прости и прости – и все. Пришла бы к нам с о.Константином: батюшка, простите... и больше ничего. А здесь и руку-то держал, и прости-то по особенному говорил. Вы их понять не можете, ну и не лезьте. Опять пойдешь шлаться к ним? – добавил он, крепко дергая мне уши.

– Нет, не буду, – с уверенностью сказала я и мотнула головой, чтобы еще больше подтвердить мое решение.

– Ну, а вас мне жаль, очень жаль. Уж очень он строг, о.Константин-то. Что это с ним? Буду молиться, чтобы он стал добрее.

– Батюшка, а вы-то сами находите это нужным? – с тоской спросила я.

– Ну, а как же? Ведь он велел. Он понимает. И поделом. Другой раз не шлаться, – последний раз отодрав меня за уши, сказал батюшка. И, благословив, отпустил.

Я ушла в надежде, что, раз он будет молиться, дело мое выйдет.

Вечером пришла опять на мефимоны²⁹⁴. Когда батюшка шел к аналою, то было такое святое в нем, что я стала отходить возможно дальше, пока он не пройдет мимо.

Все так же, если не сильнее, читал о. Алексей. Чувствовалось, что сегодня он молится за свою душу, сам кается, молится особенно сильно.

О.Алексей ведь начинал свой последний Великий пост на земле и последний раз приносил Господу покаяние за себя и свою паству.

У меня еще больше было слез, еще больше разрывалась душа от покаяния, еще сильнее просила Бога простить меня.

На другой день, перед тем, как идти исповедываться к о.Константину, прихожу к батюшке.

Он как-то странно посмотрел на меня, точно изучая меня, а у самого глаза темные, большие-большие.

– Батюшка, – с отчаяньем сказала я, – я все еще боюсь, грехов много. Как проведу я пост? Пасхи не будет.

– Ну, теперь уж кажется нечего бояться... после вчерашнего, – как-то странно проговорил он. – Слезы-то еще остались? – пошутил он. Голос его дрогнул.

– Батюшка, что толку в слезах моих. Батюшка, а я вот еще не сделала, что о.Константин велел.

– Ну, ничего, авось забыл. Простит. Он добрый, – улыбаясь, сказал он.

Нет, нет, подумала я, не такой мой «отец», чтобы простить. На исповеди у о.Константина он как всегда на все мои грехи отвечал:

– Бог простит.

Когда же я сказала, что не исполнила его приказания и просила простить его (этот грех), он промолчал. Я упала ему в ноги. Он только сказал: что не сделано, остается не сделанным. Но грехи разрешил и на утро я причащалась. А после, как всегда, пошла к батюшке показываться.

– А наше с вами дело, батюшка, не вышло.

Он удивленно вскинул на меня глаза.

– Насчет епископа Т.

– Неужели не простил! – удивленно воскликнул он. – Однако же! – Потом, радостно потирая руки, добавил:

– Ну и о.Константин. Мне вас очень жалко, но сделать ничего не могу... Буду молиться за вас, чтобы Господь помог вам.

Опять настало время исповедываться у о.Константина. Опять валялась в ногах у него. Но опять услышала от него те же слова. Я испугалась, что таким образом и Пасхи не будет у меня. Решила во что бы то ни стало исполнить наложенное.

Пошла на дом к архиерею, он меня знал немножко – не приняли. Узнала, где он будет на Страстной вести общую исповедь.

Отправилась. Церковь домовая, все свои, все из «обобранных». Всю службу я простояла на коленях, каясь Богу

в своем грехе, а потом, как все, подошла к архиерею, поклонилась ему в ноги и, стоя на коленях, сказала:

– Простите меня, ради Христа, грешную, Владыка, за то, что я осуд...

Он не дал докончить, накрыл омофором и громко сказал:

– Разрешаю все грехи твои, Александра.

Я заставила себя поцеловать край одежды его в знак почтения, и когда все кончилось и он уходил, окруженный своими, я снова подошла к нему, поклонилась ему в ноги и попросила его св.молитв за мою грешную душу.

Из церкви вышла я точно из бани, но на душе было легко. Полетела к о.Константину. Все рассказала ему. Он остался очень доволен и так тепло и ласково сказал:

– Бог простит, – и дал гостинец.

Веселая прихожу к батюшке. Он до мельчайших подробностей велел все рассказать ему. Остался очень доволен, особенно тем, что я, каясь, всю службу простояла на коленях.

– Это очень хорошо. Очень. Всегда так делай. Всегда. – И взгляд его темных-темных глаз, казалось, хотел запечатлеть это в душе моей.

И с тех пор в дни поста, когда о.Константин требовал особенного покаяния или когда «отцы» мои за что-нибудь ставили меня на покаяние, считалось, что нужно каяться так.

И иногда казалось, что не выдержишь, но вспомнишь темные глаза о. Алексея и эти его слова, и чувствуешь, что иначе нельзя и стараешься не ослабнуть. И молитва делалась сильнее.

Как-то батюшка сказал:

– Надо сказать, что, хотя и плохо везешь, но все же много можно накладывать – свезешь.

И потом всегда это говорил, когда особенно трудна была учеба и сурова для меня духовная жизнь.

Уже после батюшкиной кончины я поняла, почему ему так хотелось, чтобы я была на Вечерне Прощенного Воскресения, как несколько раз высказывал он мне. В это воскресение батюшка говорил проповедь, в которой прощался с нами

навсегда. Видя в этот Великий пост мое покаяние и труды внешние и внутренние, батюшка часто принимал меня особенно ласково. Бывало, так бережно-тихо исправляет, утешает, ободряет. Особенно тяжело как-то было. Казалось, духовная жизнь Вани не двигалась совсем. Со слезами излила свое горе батюшке. Он так участливо старался утешить меня. Отчески нежно ласкал меня и, наконец, сказал:

– Оставь все здесь у меня это.

– Не могу, батюшка. – А сама подумала: как я оставлю тебе такое мое бремя, когда и без моего-то у тебя довольно разного горя.

– Тебе говорю, оставь, – ласково повелительно сказал он и ударил рукой по столу. – Вылей здесь все и оставь.

– Нет, как хотите, батюшка, чтобы я вас да еще своею ношею обременяла. Нет, не могу.

– Оставишь, – уверенно сказал он, и не успела я дойти до порога, как почувствовала, что, против моей воли, точно что-то свалилось с плеч и легко и радостно стало на душе моей.

Как я ни привыкла ко всему со старцем моим, но то, что случилось со мной, поразило меня. Я всем существом противилась и все же молитвами о. Алексея Господь снял тяжелое бремя с души моей.

Прихожу как-то к батюшке на исповедь и говорю: – Я, батюшка, боюсь, что не сумею разобраться в душе своей. Наверное там есть такой грех, которого я не вижу и которого не понимаю. Посмотрите вы.

Он защитил глаза свои, как от солнца, и стал смотреть мне в глаза. Казалось, его взгляд проходил всю меня, все тайники души моей, все малейшие ее уголки – все было открыто для него. Глаза его были темные, большие и взгляд необыкновенно острый.

Я стояла перед ним на коленях, боясь пошевелинуться, боясьдохнуть, и тем помешать ему. Он смотрел и прямо, и сбоку, точно подходил с разных сторон к душе моей.

– Нет, после долгого осмотра сказал он, – ничего. Иди к о.Константину. – Потом вдруг: – Нет... постой-ка.

И опять, точно что ему показалось, взглядом насквозь пронзил меня, как будто он что-то упустил. Я испугалась, а вдруг найдет что ужасное.

– Нет, ничего, – успокоенный сказал он. – Нет, ничего. Иди с миром. – И большим благословением отпустил меня.

Всегда казалось, да и было на самом деле, что он видел все, что делалось в человеческой душе. И он иногда так вот исповедывал. Бывало придешь к нему на исповедь, станешь на колени и скажешь: «Ну, батюшка, смотрите. И, если можно, простите и разрешите».

И он так вот посмотрит всю твою душу насквозь и бывало только скажет:

– Нет, ничего. Иди к о.Константину. – Вот и вся исповедь. А как легко становилось на душе. И шла к своему «отцу» с чувством, что Господь уже простил тебя.

А как спокойно было. Сама не умела разбираться в своей душе, а здесь была уверенность, что другой все у тебя разберет и ничего не оставит в самых тайных уголках ее.

Бывало, он часто заметит в тебе, чего сама за собой не замечаешь, сейчас вытащит наружу, так что тебе станет ясно, что в тебе сидело. И так он постепенно приучил меня разбираться в самой себе, распознавать, что в тебе было плохого и тем очищать душу твою.

Да, дух старца о. Алексея умел раскрывать души людские.

Такая проверка старцем тайников души твоей давала очень многое. Она приучала «ходить» внимательно. Бывало несколько раз проверишь свои помыслы, свои поступки. Стараешься внимательно разбираться во всем, обдумывать все, чтобы не пропустить у себя чего-либо недолжного.

Мое настроение постом продолжало быть все тем же. Страх перед Страстной и отчаяние в своей плохой жизни и за свои грехи.

Страх перед Богом был так велик, что, подходя к Причастию, вся тряслась, так что о.Константин всеми способами старался отучить меня от этого. Но это был не тот страх, который человек должен иметь перед Господом.

И вот в одну из исповедей, когда было уж очень скверно на душе, а батюшке говорить этого не смела, он меня стал утешать.

– Вам не нужно бояться, что же делать другим тогда. Покаяние нужно всегда иметь и чувство своего непотребства, но такой страх нужно оставить. Он не для вас, голубушка моя. Как вы относитесь к людям! Как вы жалеете их! Сколько их сюда приводите! Сколько раз вам приходилось приходиться из-за этого так! Сколько раз – я знаю. А сколько – не знаю. Ване своему вы все отдаете – душу ему отдаете. А случай с Михаилом? У меня и то было только раз в жизни такое.

И он рассказал, как его позвали соборовать умирающего. Как он узнал, что больной в ссоре со своими близкими и как ему удалось помирить его с ними.

– Да ведь то у меня... Тогда Господь явил особенную милость Свою к вам. Ведь кто другой, а я знаю, что вам это стоило. Чего же, голубушка, бояться вам? Не нужно. Оставьте. Кайтесь, но твердо верьте, что Господь все простит и даст вам Свое Воскресение.

Он крепко обнял меня, поцеловал и положил руку мне на голову. Так он долго молился.

– Так нечего вам бояться гнева Божьего. С вас Господь не взыщет. И праздник будет.

С удивлением слушала утешения дорогого старца моего. Ведь он мне приписывал, что сам делал, что сам чувствовал. Я ведь только приводила людей к нему, я ведь только просила его о их нуждах. А ведь молился-то он за них, утешал-то он их. И он давал им все.

Батюшка, конечно, жалея меня, не знал, что и сказать мне в утешение. Я была в таком состоянии отчаянья, что эти его слова не могли возбудить во мне самомнения. Я им не верила. Ничто тогда не могло утешить меня.

– Батюшка, родной, что вы говорите. Ведь это все неправда, – воскликнула я. – Жалея меня, вы все это говорите. Батюшка, родной, спасибо вам, – со слезами сказала я, тронутая до глубины души любовью и состраданием ко мне, скверной, моего безценного батюшки.

– Оставь все это у меня, иди с миром, – благословил он меня ласково. А в следующий раз, бывало, он опять строго требовал ответа во всем,

точно всего этого и не было.

Батюшка редко хвалил меня и просфоры давал редко. Но когда уж жалел, то жалел и ласкал, как мать свое дитя, и все сиротство души пропадало мигом.

Он, хваля, придавал силы идти дальше. Но после таких случаев был особенно взыскателен и серьезен.

– Хвалить-то, – бывало, скажет, – вас незачем. Жизнь ваша лучше многих других, легкая она у вас. Сама-то живешь плохо, а думаешь, что кругом нехорошо.

На четвертой неделе, в воскресенье служил батюшка. Совершенно неожиданно для меня явилась та молитва, которую давно-давно я испытала на акафисте Феодоровской. Так я промолилась всю обедню. Никого и ничего не видала. На душе было так покойно и уверенно. Я молилась кресту. Иногда только видела темные-темные глаза батюшки, его глубокий взгляд, ободряющий и как бы прямо смотрящий на меня. Подумаешь: как хорошо, батюшка, и снова молитва захватывает тебя.

После молебна батюшка, держа крест высоко над головой, благословил им народ. И я видела, как он горящим взором посмотрел на меня. Крестом большим и тяжелым осенил меня старец мой и я, павши ниц, всей душой ответила ему: «Готова на все».

После обедни прихожу к батюшке. У него сидят двое. Уж и ласково-то он встретил меня: не знал как назвать. Я остановилась на пороге, а он отошел к тем двум и начал им объяснять что-то, показывая на меня. Я себя чувствовала, как при докторском осмотре: стояла перед ними, а он объяснял им что-то насчет моей души. Мне сделалось стыдно, что чужие видели мою душу, и я взмолилась:

– Батюшка, родной, отпустите.

– Сейчас, сейчас, – отвечал он и продолжал свое.

– Батюшка, дома ждут, отпустите, – пустилась я на последнее средство.

– Ну, идите, – он подошел ко мне, улыбаясь, и благословил меня.

– Батюшка, сделайте так, чтобы оба они на меня не сердились. Я ведь очень долго пропадала из дома.

Батюшка вынул просфору и сказал серьезно:

– Нет, они сегодня не могут сердиться на вас. Передайте это Ване, чтобы он у нас успокоился, а тот поймет, в чем дело. Он узнает.

Так и вышло: все кончилось для меня благополучно. При следующей беседе батюшка был такой же веселый и довольный. Он долго и много говорил о значении креста и как его нужно нести. Говорил все известное, но так просто, хорошо. С такой любовью и надеждой возбуждал нести свой жизненный крест. Так хорошо говорил о его легкости, если нести его в послушании и смирении. И все вместе: его беседа, обедня и его благословение в церкви крестом оставило в душе моей глубокий след.

Всю жизнь каждый праздник креста ознаменовывается для меня особым духовным переживанием. И осталось в моем сердце, что батюшка придает кресту особенное значение для меня. Бывало батюшка так хорошо говорил о великом значении креста Спасителя, о тяжести воспринятых Им на Себя грехов всего мира, о страданиях Его, невинного, из-за любви к людям.

Батюшка учил, что каждый раз, как нам наш крест покажется тяжелым, мысленно взирать на крест Спасителя. И подумать, что мы являемся по сравнению с Ним. А крест-то несем самый ведь легкий. Мы не должны искать другого креста, кроме своего, который нам дан Господом и который всегда нам кажется тяжелее других, а на самом деле является самым легким.

И снова он открыл книгу и опять для меня пришлось место о смирении и молитве.

– Видите, как на вас все то же падает: смирение и молитва, – сказал он. – Другого пути, значит, нет... еще любовь.

Первый раз показал мне все, что нужно иметь: смирение, кротость, молитву и любовь. Потом каждый раз читал мне то, что было наиболее важным в данный момент для меня.

Сначала особенно напирал на молитву, потом на смирение и, наконец, дал мне последнюю задачу – любовь.

Прихожу в церковь в батюшкины именины. Служит «сам». Хотелось именно в церкви почтить его. Молилась хорошо, как в то воскресенье.

Днем принесла ему гостинец и заметила что-то неладное у него в квартире. В это время батюшку вызвали на второй допрос и долго все не знали, чем это кончится.

Но я, отдавши свой гостинец, пошла домой с полной уверенностью, что батюшка нам нужен, и потому Господь не допустит для него ничего плохого. Почему-то тогда всегда так думалось.

Утром прихожу проведать батюшку.

– Где же была, Александра? – весело встречает он меня. – Тут было без вас меня арестовать хотели. – И стал он мне рассказывать все, что с ним было. Очень хорошо и мудро отвечал он им. – А первое, что спросили меня, – улыбаясь, сказал он, – кто мои друзья? А я им говорю: друзей у меня много, трудно перечесть. А они опять: а именно? Вот на первом месте и назвал вас. Это уже второй раз я назвал вас своим другом. Вас, наверное, теперь арестуют. Нельзя быть моим другом... – задумчиво и грустно проговорил он. – Они моей одышки испугались, боялись, что я умру у них, потому так скоро и отпустили.

Легко он говорил все это, но по его виду, по прерывистому и тяжелому дыханию было видно, что тяжело достался ему этот второй и последний его допрос.

Трудно было отвечать за Маросейку. «Это последний. Больше не будет», – как-то особенно проговорил он.

Бывало часто батюшка, шутя, как бы поддразнивая меня, говаривал:

– Вот придет праздник, а меня не будет. Могут со всем скарбом выслать далеко.

– Нет, батюшка, это невозможно. Где Он (Бог) тогда?

– Разве можно так говорить, – строго, бывало, остановит он. Потом посмотрит вдаль, глаза наполнятся слезами. – Нет, не вышлют меня, никто меня не тронет. Я сам уйду.

И непонятны мне были тогда эти слова, и смущенно молчала я, не смея спросить.

В Лазареву субботу прихожу к батюшке просить благословения на особенный пост на Страстную. У своего «отца» спрашивать боялась.

Батюшка шутил, не соглашался, грозился сказать про «то» ужасное о.Константину и Ване.

– И что с ними было бы, если б узнали! И что было бы! – ужасался он.

Я засмеялась и опять стала приставать к нему разрешить пост. Он отвернулся, долго думал, опустив голову, и, наконец, сказал:

– А муж что?

– Он, батюшка, привык. Я и в прошлом году так делала. Поворчит, а потом ничего.

– А о.Константин?

– Никогда не знал об этом. Я просто благословлялась на Страстную, а как ее проводить, было моим делом.

– Разбойница этакая!

– Простите, батюшка, это было раньше, теперь я умнее. Ну же, батюшка, а батюшка? Разрешите, дорогой. Я к этому привыкла и ничего особенного со мной не будет.

– А выдержишь?

– Ну, а то как же!

– Помни! – и батюшка стал строгим, – если не выдержишь, будет плохо (от Бога).

– Нет, батюшка, разве мыслимо? – А самой сделалось страшно. Очевидно он видел в этом что-то особенное и очень трудное.

– Ну, во имя Отца и Сына и Святого Духа, – благословил он меня.

– Господи, помоги ей, – сказал он горячо.

На другой день после обедни прихожу к нему. Он усадил меня с собою чай пить и не знал, чем угостить. Я никогда с ним чай не пила и чувствовала себя неловко, боясь сделать что-нибудь не так. Он следил за мной все время и заставлял больше есть и пить. Я поняла, что это было его благословение

мне на Страстную, которое должно было поддержать меня, что и было на деле.

Когда я напилась, он сказал:

– Ну вот, держись. – Потом опять всю благословил, пристально посмотрел мне в глаза и отпустил.

Страстную постилась, молилась, как только могла, все не умея, но от чистого сердца. Страх перед Плащаницей делался все больше и больше. Как я подойду к Спасителю, Которого я оскорбила.

С батюшкой не говорила, заходила только за благословением для поддержки.

Взгляд его, полный жалости и любви, придавал силу на дальнейшее. Прихожу в пятницу перед исповедью у о.Константина и по обычаю кланяюсь в ноги.

– Ну, кажется, теперь поклоны кончились, а вы все свое. Уж довольно, думается, – сказал он, как-то особенно глядя на меня.

– О.Константин говорит, батюшка, что они только начинаются, – виновато проговорила я. – Батюшка, мне страшно. Я не только не могу приложиться к самой Плащанице, к краю-то ее не могу. Ведь Он там живой лежит!

Батюшка смотрел мне в душу своими темными большими глазами.

– Батюшка, – продолжала я, – у меня живого места ни внутри, ни снаружи. А покаяния нет, и все так же страшно.

– Я знаю, я знаю все, – как-то особенно проговорил он, – вы можете (имеете право) с спокойной совестью приложиться. Скажите так: Господи, дай мне силы любить Тебя, дай мне силы служить Тебе! И с этими словами приложитесь к ногам Спасителя. Слышите? К ногам, и непременно сделайте, как я говорю вам. Скажите эти слова и поцелуйте ноги Его, Его Самого, – вдохновенно произнес он.

Я страшно поразились. Батюшка сказал мне те слова, которыми я молилась ежедневно и которых никто никогда не слышал. Это второй раз в жизни он мне говорил мою молитву, которую знал только Бог и я.

Сделала, как он велел, и почувствовала сразу облегчение.

Еще в среду он спрашивал меня, где я буду стоять Страстные службы.

– Как о.Константин велит, – ответила я. – А мне бы очень хотелось стоять двенадцать Евангелий у вас, а он велел к нему приходить.

– Как вы говорите? – оборвал меня батюшка. – Разве так можно? На чтение двенадцати Евангелий! – медленно проговорил он.

– Простите, батюшка.

– Повторите. – Я повторила.

– Вот так. Так и говорите всегда. А то, что это такое, точно говорите, что на такую-то пьесу пойду.

Нужно было всегда с особенным благоговением говорить обо всем, что касалось Спасителя.

Пасху встретила хорошо, но ничего особенного не творилось в душе моей. Прихожу к батюшкой христосоваться. Сидит один, читает. Тихо в квартире.

– Христос воскрес, батюшка! – сказал я, тихо входя в комнату. Он поднял голову, посмотрел мне прямо в душу и, точно обращаясь к кому-то, сказал: – Вот в ней действительно Христос воскрес!

Я опешила. Настроение-то у меня было самое обыкновенное.

Он встал и тихонько похристосовался со мной. Весь его вид был такой какой-то особенный, точно он сам не присутствовал здесь, что мне сделалось страшно и я поцеловала его, как икону. Молча обменялись яйцами. Он сел и снова углубился в чтение, а я, не смея тревожить его, на цыпочках вышла из комнаты.

Ни одну пасхальную обедню не служил батюшка. И как же мне было жалко и досадно на себя, что я по своей глупости пропустила батюшкину Пасху в прошлом году.

Пришла за артосом в церковь. Когда стала подходить к кресту, одну маленькую девочку задавили совсем. Я взяла ее на руки. Девочка оказалась прелесть какая. Говорила, что знает Отче наш. Что дома ее не пускают в церковь, что украдкой она

ходит с бабушкой. Бабушке очень хотелось увидеть батюшку, но я ее не знала, а время было опасное и я ей это не устроила.

Прихожу к батюшке, а он радостно встречает меня:

– А вот она и сама идет. – И что-то сказал такое, по чему я поняла, что он знает про то, что было в церкви.

Я не поняла, почему батюшка так радуется, но мне стало страшно, что он и это даже знает. Но тотчас же успокоила себя тем, что, наверное, ему об этом сказали.

Как-то смущенная прихожу к нему. Молитва, которая появилась у меня на акафисте Феодоровской, стала обычной и делалась все сильнее. Меня смущал тот блеск, в котором мне стали казаться иконы.

Я подумала, что батюшка не служит, не видит меня и может меня упустить. Говорю ему про мое смущение.

– А о.Константину боюсь говорить. Он страсть как не любит всего этого и может строго наказать меня.

– Ничего, – спокойно сказал он. – Не думайте об этом. Каждый раз, как в себе заметите это, говорите: – Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную. И ничего не бойтесь.

Я стала так делать. Молитва и блеск усилились, но я была покойна, т.к. делала, как велел мне мой старец.

Удивительно разумен был его совет. Иисусова молитва, как батюшка учил, предохраняла от всякого зла и здесь она должна была предохранить меня от прелести, которой о. Алексей так боялся для меня.

Последнее время батюшка каждый раз говорил мне:

– Приходите чаще, как можно чаще... а то скоро... – и он, бывало, не докончив, как-то особенно посмотрит на тебя.

Я думала, что дело идет о его аресте, но особенно этому не верила. И вот раз он говорит:

– Вы все про себя не говорите. Говорите про себя. Что же про себя-то не рассказываете. Я вас совсем не знаю, не знаю совсем. Я хочу вас знать.

Я поняла, что он желает, чтобы я о себе рассказала ему все, что со мной было и есть в духовной жизни, и поэтому просила его исповедывать меня. Он подумал и назначил день и

час так, как будто хотел на свободе побольше поговорить со мною. Это был канун моих именин. О.Константин позволил, и я первый раз в жизни должна была причащаться в этот день. Прихожу к батюшке. Поговорили о том, что нужно было, и мы замолчали. Наконец, напоминая ему об исповеди.

– Что же, давайте, – как будто забыв, что сам же ее назначил, сказал он. – Завтра ваши именины?

– Да.

– Молитесь царице Александре. Нужно всегда молиться тому святому, чье имя носишь. Она поможет вам.

Он надел епитрахиль, поручи, встал перед аналоем и начал читать молитвы перед исповедью. Так он раньше никогда не делал. Пока он читал, я не могла молиться. Что я буду говорить тебе и как, дорогой старец мой, – думала я. – И зачем нужно знать тебе то, что ты сам давно знаешь. Батюшка по временам наблюдал за мной. Вдруг с необыкновенной ясностью услышала я слова: «Да не скроеши что от Мене». Я вздрогнула. Батюшка стоял спиной ко мне и молился.

Что-то повернулось в душе моей. Я упала на колени рядом с ним и исповедь моя полилась потоком. Откуда мне все приходило на память? Все вспоминалось: все мысли, все чувства, все помыслы мои – все, что творилось в душе моей за эти годы жизни на пути Христовом.

Батюшка помогал, напоминал, поправлял, что было сказано не так. Иногда он наводил на то чувство и мысль, на которую ты и внимания-то в то время не обратила.

Впоследствии, вспоминая эту исповедь, я удивлялась, как он знал мою душу лучше меня самой. Знал все, что я думала, чувствовала.

Я кончила. Все было сказано. Душа моя все рассказала великому старцу и спокойно стояла перед ним, ожидая его суда. Совесть моя была чиста. О.Алексей, старец мой родной, знал всю жизнь души моей. Вдруг я вспомнила про сон во время болезни. Последнее время я его почему-то часто вспоминала. Испугалась все же, что батюшка сочтет его пустяком и рассердится. Начала с того, что сказала, что о.Константин не принял его. Очень внимательно слушал он меня. Весь так

наклонился надо мной и переспрашивал мельчайшие подробности.

– Ну вот, теперь хорошо, – сказал он, когда я кончила.

Я поняла, что он ждал этого. Ему это было так же нужно, как и исповедь жизни души моей.

– Вот какая ты, Александра, – задумчиво проговорил он.

– А много их было, которые давали обеты? – с любовью спросил он.

– Много, батюшка! – с жаром ответила я.

– Ну, молись, – как-то особенно сурово произнес он.

И я почувствовала, что стою перед лицом Божиим и свидетель мой перед Ним – великий старец о. Алексей.

Он всю меня накрыл епитрахилью и прочел разрешительную молитву вслух, но не всю, остальное dokonчил про себя. Имени моего не назвал.

Потом он положил обе руки мне на голову и долго, долго так молился. И вдруг он особенным, звенящим голосом, произнес слова:

– И властью, данной мне от Бога, я, недостойный иерей Его, прощаю и разрешаю все грехи твои... мать Александра, во имя Отца и Сына и Святого Духа... Аминь.

При слове «аминь» о. Алексей благословил меня всю, лежащую перед ним на земле. Кончилась моя последняя исповедь у великого моего старца и он дал мне имя, как обещал.

Я встала и снова упала ему в ноги, горячо благодаря его за все его великие милости ко мне, никуда негодной. Он поднял меня, прижал к себе крепко-крепко и сказал с радостью:

– Ну, теперь очистилась совсем, совсем очистилась, – и поцеловал меня.

В эту последнюю мою исповедь старец о. Алексей разрешил мне все, что я когда-либо сделала, подумала, почувствовала. Для этого потребовалось, чтобы я сама исповедывала ему все, хотя давно все это было известно ему. Он назвал меня, как обещал, но дал мне имя вперед.

Он сказал мне то, чем, наверное, он хотел бы видеть меня в далеком будущем.

И ровно через год после этой исповеди, когда батюшки уже не стало, о.Сергий вдруг спросил меня:

– Ведь это твои именины?

– Да, – ответила я.

– Ведь ты мать Александра?

Я вздрогнула. Через сына своего старец мой напомнил мне то, о чем я забыла и думать.

После исповеди поговорили еще немного и батюшка отпустил меня. От него я шла исповедываться к о.Константину.

– Скажи о.Константину так, – сказал он: – О.Алексей принял мой сон. И больше ничего ему не говори.

Я так и сделала. О.Константин задумался, точно молился, потом прочел разрешительную молитву и долго держал обе руки над моей головой, очевидно, молясь. Потом благословил меня всю, как батюшка, и сказал как-то особенно:

– Идите с миром, Господь с вами.

После Причастия прихожу к батюшке.

– Какая нарядная сегодня, – встречает он меня. – Вот теперь вся чистая. Вся очистилась, – добавил он с удовольствием, всматриваясь в меня.

Я удивилась, так как в душе ничего особенного не было. В разговоре он опять назвал меня матерью. Я подумала, что это он, наверное, ошибся. И тогда-то мелькнула у меня мысль, он просто так назвал меня.

Немного погодя батюшка дает мне просфору.

– Сегодня ведь твои именины? – спросил он. – Поздравляю, сестра Александра. – Потом, долгим взглядом темных больших глаз, как бы осматривая вновь меня, добавил уверенно: – Нет... мать.

Этим старец мой родимый хотел показать мне, что не просто так или по ошибке он назвал меня, что именно этот чин он дает мне.

Я почувствовала все великое значение этого слова и всю ответственность, которая легла на меня.

В ужасе упала я к ногам его:

– Пощади, о. Алексей, – взмолилась я. Он поднял меня, поцеловал и сказал:

– Во имя Отца и Сына и Святого Духа, иди.

В последнее время я часто приставала к о.Константину, прося его сделать так, чтобы молитва моя всегда удавалась. Церковная меня еще не удовлетворяла, а домашняя все еще не ладилась.

– С этим не ко мне обращаться нужно, – сказал он, – а к батюшке о. Алексею.

– Я не смею, прогонит. Помните урок о симфониях.

– Нет, ничего, можно, от моего имени просите.

Вот на последней этой моей исповеди я осмелилась и сказала батюшке:

– О.Константин велел просить вас сделать так, чтобы молитва моя всегда бы мне удавалась. Не я, батюшка, это прошу, а о.Константин.

Батюшка как-то сбоку с ног до головы осмотрел меня.

– Попробуем, увидим, что от этого будет!

Он сказал это как-то особенно и неуверенно, точно он сомневался, смогу ли я. Я почувствовала, что он будет «пробовать» что-то на небе и советоваться там с кем-то.

Чего бы раньше я ни попросила у батюшки, он, бывало, немного подумает, духом почувствует как нужно, и почти что всегда скажет:

– Хорошо.

И Господь всегда слушал его. А здесь как-то странно он сказал:

– Попробуем.

Я не смела спросить объяснения. Рассказала о.Константину. Он всегда чувствовал близкую кончину батюшки.

– Это он говорил нам о том, что действительно будет молиться о вас на небе. Чего же вам еще нужно? – сказал он. А мне стало страшно, сама не знаю чего.

Почти ежедневно ходила я к батюшке. Редкий день пропускала. Он перестал спрашивать о нашей жизни с Ваней, о жизни наших душ, а сам все время наставлял меня: как жить самой и как жить с ним.

Только об этом, об этом одном он и говорил. Точно спешил мне передать все, что было нужно. Спешил написать в душе

моей все те правила жизни во Христе, которым мне нужно было следовать, все то, что нужно было мне знать для души Вани моего, несомненно идущей к Богу. Это было как бы повторением того, чему батюшка учил меня за все время моей жизни у него.

Раз он, пристально все время глядя на меня, начал мне говорить, что мы не дети, которых нужно вести. Было время, да, когда нас нужно было вести за руку, иначе мы бы упали, а теперь нет. Теперь мы взрослые, сами знаем, куда идем и что делаем, и сами дадим отчет во всем.

– Сами теперь идите. Должны знать, не можете не знать, – точно кому-то другому говорил батюшка.

И я поняла после его кончины, что тогда он говорил эти слова, имея в виду не меня одну, а всех нас, своих духовных чад.

А тогда-то мне было страшно, как это я пойду одна. Я не знала, что будет для меня о.Константин после кончины батюшки. Мне стало грустно, потому что я вспомнила, как он, в начале моего обучения у него, раза два говорил мне:

– Вы как ребенок. Вас нужно вести за руку. Вот, знаете, маленький идет, только что учится ходить: шатается. А мать его со всех сторон охраняет, поддерживает, чтобы не упал. Точно так же и вы. Взять вас нужно за руку и вести. Поняли?

И делалось так хорошо от сознания, что батюшка, родной держит тебя. Последние разы, что я была у него, он все мне говорил, как он любит Ваню моего. Что Ваня не мой, а его.

– Вы, очевидно, мне передали вашу любовь к нему. Отчего я так люблю его?

– Батюшка, а мне бы хотелось, чтобы он причащался на Маросейке, у вас, исповедуя при всех свою веру, – сказала я с просьбой в голосе.

– Причащаться на Маросейке?.. Нет... этого не будет, – сказал он грустно, с жалостью глядя мне в глаза.

– Почему, батюшка?

Он отвернулся и промолчал. Не хватило у него духа, у родного, сказать мне о смерти своей и Ваниной.

– Ну, а у о.Константина? – приставала я.

– Это да, – обрадовавшись, сказал он. – У о.Константина будет.

– А я вместе с Ваней могу?

Батюшка как-то особенно посмотрел на меня и глухо дрогнувшим голосом сказал:

– Можно.

Дорогой мой старец провидел все мое горе и весь тот ужас и борьбу, которую мне пришлось пережить во время болезни и смерти моего Вани.

Вдруг лицо о. Алексея просветлело, и мгновенно, как в первый раз, молнии сверкнули в глазах его, искры посыпались и лучи света полились из них. Приподнявшись, он сказал торжественно:

– Когда Иоанн совсем придет к Христу, тогда он так придет, что нам с тобой, даже с твоей верой, как ты теперь, далеко будет до него. Никогда ты не сможешь быть как он.

И, помолчав, воскликнул радостно:

– А мы с ним увидимся. Это несомненно. – И отец Алексей посмотрел вверх, точно он видел уже небо и встречу Ваниной и своей души.

У батюшки все потухло, а я стояла и все еще смотрела на него. Я слов его не поняла и мне было страшно. Он ласково благословил и отпустил меня.

Мне нужно было ехать в деревню отдыхать. Пришла к батюшке. Он долго говорил мне, как нужно беречь мужа, как бережно нужно обращаться с душой его, как постепенно, без насилия, с любовью и кротостью вести его. Он говорил все это как-то особенно тихо и задумчиво.

– Я сделал все, что мог, – сказал он, – и теперь Ваня ваш на поводу. Нужно его еще привязать на веревочку, чтобы он шел, куда вы захотите. И вы должны это сделать. Вы теперь все знаете, что нужно делать, и должны это делать. Ваня готов. От вас зависит не потерять его.

– Батюшка, тогда, когда нужно было воспитывать сына, мне пришлось выбирать между обоими. Нельзя было иначе. И его я забросила.

– Знаю, это была большая ошибка. Нужно ее исправить хоть теперь, пока не поздно... пока не поздно. Займитесь этим сейчас. Начинайте ему говорить все, все рассказывайте про себя, про внутреннюю жизнь свою. Говорите ему о Боге, о вере, о Церкви... говорите с нынешнего дня ему все. А то будет поздно. Он вас теперь поймет. Не бойтесь. Отец Алексей его крепко привязал. От вас, от вашего поведения зависит, чтобы он не отвязался.

О.Алексей снова преобразился, лучи света полились из глаз его, он казался кругом как бы в сиянии и, скрестив на груди руки, сказал:

– Помни завет о. Алексея. Никогда, слышишь? Никогда в жизни своей не оскорбляй духовного твоего отца и твоего мужа, даже в самом малейшем. Если ты это сделаешь: кого-нибудь из них обидишь, то это будет смертный грех, которого я не смогу замолить тебе ни в сем, ни в будущем веке. Помни это. То мой завет – завет о. Алексея.

Потом, опустив голову и скрестив руки на груди, низко поклонился, насколько позволяла ему постель, и дрогнувшим голосом добавил:

– Прошу тебя. Не забудешь заветов твоего старца?

– Не я буду, если когда-нибудь не исполню заветов ваших, батюшка, родной! – с жаром воскликнула я и повалилась ему в ноги.

Он поднял меня, благословил и отпустил.

На другой день прихожу спрашивать его, ехать ли мне в деревню и на сколько. Мне очень хотелось на две недели, а о.Константин отпускал на одну.

– Батюшка, – сказала я, – а как же, на две недели уже теперь ехать нельзя.

– Пока поезжайте на неделю, а там видно будет, – подумавши, сказал он. – Но поезжайте сейчас. Вот скажите ему все и поезжайте. Сейчас сделайте то, что я велел вам, как только придете.

Потом батюшка говорил о настроении души человеческой, идущей по пути Христову. Он стал доказывать, что теперь не

может быть первохристианского душевного устройства у людей, что этого от них требовать нельзя.

– Жизнь иная и той горячности веры и любви нет, – сказал он.

Я стала спорить, что этого можно достичь, только захотеть, но люди не хотят, оттого и не получают.

– Да знаете ли вы, как надо хотеть, чтобы получить его (первохристианское устройство)? – наконец вскипел батюшка.

– Да, знаю, батюшка родной. А у меня когда-нибудь это будет?

Он засмеялся, отвернулся. Я приставала.

– Ну отстань, будет, – смеясь, говорил он, низко опустив голову.

– У меня... у меня-то будет? – не унималась я, целуя его одежду и заглядывая ему в глаза.

– Ну да... у тебя... будет, – сквозь зубы проговорил он. – Убирайся. Надоела, – отмахивался он, когда я бросилась обнимать его ноги и целовать его одежду.

Стали прощаться. Он прощался так, как будто мы с ним надолго расставались. Проводил меня до дверей, крепко-крепко пожал обе руки, отворил мне сам дверь и, стоя на пороге, сказал:

– Итак, сейчас же исполните то, что я сказал вам. Пока не поздно (все говорить Ване).

– Прощай. Может больше не увидимся. – И быстро запахнул дверь.

Я стояла и смотрела с удивлением на дверь, за которой скрылся мой старец. Странно, почему он так сказал, подумала я и тихо пошла домой.

– Так исполните сейчас, что я сказал вам. Пока не поздно, – звучали в душе моей слова моего старца. Трудную, дорогой батюшка, ты задал мне задачу.

Я еще Ване никогда не говорила, хотя сама ясно чувствовала, что он повернулся уже к Спасителю; что он живет своей внутренней жизнью и только стесняется еще говорить со мной о ней.

О.Алексей не говорил с ним никогда о вере, одними своими молитвами он привел его ко Христу, как к Сыну Божьему. Ване оставалось исповедывать Его – и этого-то он еще не мог. Я боялась, что он не поймет меня, осмеет мое самое дорогое. Но о. Алексей говорил так, что нельзя было послушаться его.

– А то будет поздно, – звучали в ушах моих слова старца.

Долго боролась я и собиралась с силами, и только боязнь, что будет поздно, заставила меня как-то поздно вечером говорить с Ваней.

Я ему рассказала, почему я забросила его тогда, чем со смерти сына живу, как живу, все сны свои, все пережитое поведала ему. Сказала ему, как я его люблю, по-другому теперь, сильнее прежнего, что цель всей моей жизни и желание единственное моей души – чтобы он поверил Спасителю и жил бы Его жизнью.

И душа Ванина раскрылась. Он слушал меня и сам говорил. В эту ночь я снова получила его, но иного, того Иоанна, с которого великий старец о. Алексей сошел ветхую одежду и одел в новую. Краем Своей ризы Христос покрыл его. Я была вне себя от радости.

Идти к батюшке не смела: я его послушалась. Не сейчас же с Ваней стала говорить и потому запоздала с отъездом в деревню. Все же пошла в его церковь и молилась Казанской [иконе] Божьей Матери о новой душе моего Вани. Бывало, так батюшка говорил всегда: молиться Ей о нем. Молитва моя была еще сильнее, чем в мои лучшие минуты.

Мне нужно было передать батюшке мое торжество и потому, когда все кончилось, я подошла к о.Сергию и попросила его передать батюшке, что я его очень благодарю.

– Вышло все так, как он сказал.

Отец Сергей раза два с удивлением посмотрел на меня, точно он меня видел в первый раз, и ничего не сказал.

Мне нужен был ответ и я тихо дернула его за рукав рясы.

– Слышите, что я вам говорю. Передадите? – Он молча кивнул головой. Я успокоилась и пошла домой.

Вскоре был праздник св.Николая. Я сиротой бродила по чужим церквам, не смея показаться на Маросейку, так как давно

мне нужно было быть в деревне. Наконец вырвалась из дома и уехала. Пробыла там больше недели. Когда вернулась, то батюшка только что уехал на лето из Москвы. Прошло две недели с нашей последней беседы. Если бы я послушалась моего старца, я бы его еще застала и, быть может, он еще что-нибудь сказал бы мне. Я только заплакала, узнавши о его отъезде и решила при первой возможности ехать к нему.

* * *

Вторую половину последней зимы батюшка, бывало, когда говорил о Ване, говорил с тревогой, как будто боялся, что не успеет что-то закончить с ним. Уж после смерти Вани мне стало ясно, почему это было так.

Отец Алексей боялся не успеть привести Ванину душу к Богу, а при последней беседе, когда он воскликнул, что «я теперь знаю, несомненно знаю, что мы с ним увидимся», и его слова, что «он все сделал» означали, что он удостоверился в окончании своего дела и потому говорил покойно, уверенно и радостно о нем.

Последнюю зиму батюшка был как-то особенно духовен. Он начал отделяться от земли и ее жизни. Уже часть его была несомненно на небе: и это его состояние выражалось в его глазах: они всегда были большие и темные-темные.

Если я в первую зиму знала о. Алексея с ясными, детски чистыми голубыми глазами, то во вторую зиму у о. Алексея голубых глаз не видала, и в этих темных глазах все чаще и чаще вспыхивал огонь, как зарница того небесного света, который был в душе его.

И как часто, бывало, придешь, молча встанешь на колени у ног его и так стоишь, пока не благословит, а, получивши благословение, уйдешь. Ни слова он не скажет. В эти минуты о. Алексей созерцал что-то очень близкое уже ему и еще очень далекое от нас. И часто, если в это время кто-нибудь входил к нему, он делал большое усилие, чтобы придти в себя.

Может быть, я и глубоко ошибаюсь, но думается, что если бы батюшка не умер, он бы ушел в затвор для того, чтобы только иногда выходить к народу. Несомненно, что дух старца о.

Алексея, несмотря на всю любовь его к людям, уже начал тяготиться жизнью с ними.

* * *

То была суббота, которую никто из нас не забудет. Прихожу ко всенощной. Плач в церкви. Каноник стоит посреди храма. Должно быть важный умер, подумала я. Кто-то в народе сказал:

– Настоятель ихний умер. Хороший батюшка какой был!

Не знаю, что случилось со мной.

Вихрем пронеслась мысль: мы все погибли.

Ужас еще был в том, что никто с ним не простился, никто не услышал последнего его слова. Он нам говорил, но мы его не понимали. Не помню, как достояла я службу. Полетела к своему «отцу». Он старался меня утешить, как мог.

– За Ваню не бойтесь. Батюшка ведь вам обещал не оставлять его, – сказал он уверенно.

Прихожу к Ване. Он и верить-то не хотел. Потом заплакал и долго не мог утешиться.

– Все кончено, – сказал он, – зачем он умер?

У Николы Песковского (церковь, где я часто молилась) заказала обедню и уж как там молились за батюшку!

Встретила с о.Константином и еще некоторыми другими батюшкино тело и проводила до Маросейской церкви.

Я требовала от о.Сергия, чтобы он открыл лицо батюшкино, когда Ваня будет с ним прощаться. Он всячески старался успокоить и утешить меня, но сказал, что мою просьбу он исполнить никак не может.

Привела Ваню прощаться, но он весь задрожал и не мог проститься со своим батюшкой. Он переживал потерю его, как смерть горячо любимой матери. Он почувствовал себя сиротой и не раз говорил мне об этом.

Немного людей, я думаю, знавших близко батюшку, так трудно переносили разлуку с ним, как Ваня. Побывши немного в церкви, Ваня ушел. Я хотела остаться в церкви на ночь, но меня увел о.Константин.

В ночь перед похоронами я просила батюшку снять с меня скорбь, так как боялась, что не выдержу ее в этот день. И вот вижу как будто во сне, что в комнате делается светло, и

чувствую запах как бы очень хорошего ладана. У моего изголовья вижу особенный свет и из него слышу голос родного моего старца: во имя Отца и Сына и Святого Духа, – и чувствую как бы его благословение. Открываю глаза – скорби как не бывало. И эта радость держалась у всех почти до сорокового дня.

Смерть батюшки была его успением. Его погребение было гимном торжествующего христианства.

Казалось, что тело его отдыхает в гробу, а душа в неизреченной радости находится у престола Вседержителя. И часть этой своей радости он дал испытать нам.

Он сбросил с себя одежду тленную, чтобы облечься в одежду нетления. Он оставил на земле свою оболочку, давно мешавшую ему, чтобы великая душа его могла во всей своей светлости предстать Пресвятой Троице.

Помню, как трудно было пройти в церковь, пока там стоял батюшка. И всякий раз призывание его имени помогало и трудности исчезали.

На Лазаревском кладбище провожали его с пасхальными песнопениями, так как народ духом понял, что для родного их батюшки кончилась его Голгофа и наступило Воскресение.

На кладбище тело батюшки встретил Святейший, Патриарх Тихон, и видно было, как дух его беседовал в молитве с духом великого нашего старца о. Алексея.

Вернувшись с похорон, я должна была все в подробности рассказать Ване. Он мне вдруг говорит с грустью:

– А знаешь, что батюшка мне подарил?

Я удивилась.

– Пчел. Сегодня вышел рой и такой хороший и сел низко, на березке. Ваня очень любил пчел. Роя ждал уже давно, и не надеялся получить

его. Чудно, что рой вышел в самое время похорон батюшки.

Батюшка дал своему Ване то, что в то время больше всего могло утешить его.

* * *

Долго не ходила я в церковь Маросейскую, несмотря на обещание, данное мною о.Сергию.

Я не могла себе представить, как войду я в церковь, где батюшка некогда служил. Как войду в его комнату, где так много с ним пережила.

Но в Успенский пост, когда за какое-то непослушание о.Константин поставил меня каяться, я пришла на Маросейку и стала на колени перед крестом.

Все же здесь мне было легче, чем в какой-нибудь другой церкви.

Ужасно было то, что после смерти своего старца я так скоро провинилась в самом главном – в непослушании.

Вдруг во время Херувимский вижу: выходит батюшка со своего места (где исповедывал), а за ним идет Спаситель. Батюшка в чудных светлых ризах.

К каждому молящемуся подходил он, брал его прошение и передавал Спасителю, Который молча принимал все, что батюшка давал Ему.

Батюшка сначала обошел народ, потом сестер. Он был очень радостный, а Спаситель строгий.

Мне стало страшно.

Проходя мимо меня, батюшка сказал:

– Опять, Александра?

– Опять, батюшка, – со скорбью ответила я.

– Ну, ничего, – утешил он меня и, обратясь к Спасителю, сказал:

– Ничего, она исправится.

– Исправишься? – спросил он меня.

– Исправлюсь, батюшка! – всей душой воскликнула я и поклонилась ему.

– Исправляйся и приходи к нам, – услышала я его голос и все исчезло в арке около креста.

Очнувшись, увидала, что пол и одежда моя мокрая от слез. Как радостно мне было, что старец мой родимый снова поручился за меня. Мне стало ясно, что здесь, в его церкви, он больше всего слышит нас, и что на Маросейку не ходить нельзя.

Как-то очень провинилась в непослушании. Но о.Константин скоро простил меня, и я успокоилась, недостаточно осознав свой грех и не покайсявшись в нем.

Пришла в церковь в одну из пятниц и во время молебна вдруг вижу в алтаре о. Алексея, но не его, а как бы только дух его, пламенеющий молитвой, и чувствую, как он требует от меня искупления греха.

Он требовал долгого и тяжелого покаяния и, что особенно было грустно, не снимал его даже на св.Николая. Я просила его уступить, но он был неумолим.

– Прощение будет только тогда, когда все исполнишь. И дух великого старца скрылся в левом алтаре.

Я выстояла на коленях все службы, которые он мне приказал. Откуда явилось у меня покаяние и ясное сознание соделанного мною?

И уж было же душе моей прощение, когда я все исполнила.

Как-то днем лежала с закрытыми глазами и читала молитву Иисусову. Это было постом. Вижу светлый путь и в конце его стоит мой старец о. Алексей.

Он говорит мне:

– Читай ее в любви.

– Батюшка, – ответила я, – о.Константин велит читать ее в покаянии, – теперь ведь пост.

– Ничего. Я говорю тебе, читай ее в любви. – И показал как (я как бы видела, что у него в душе творилось в это время). – Пробуй, – приказал он.

Я попробовала. Вышло хорошо. И стала я читать ее, как велел мне старец о. Алексей.

Он скрылся, а молитва осталась навсегда.

Чаще видела я моего старца и во сне, и наяву. Всегда помогал он мне, когда в чем я имела нужду. Особенно помог он мне в отношениях с моим «отцом».

Мне, глупой, влезло в голову, что он не сумеет вести меня, и что Ване он тоже не сможет помочь (молиться за него).

По молитвам старца моего, я стала подходить все ближе и ближе к «отцу» своему. Через год я уже ему исповедывалась во всем том, что при батюшке не говорила ему. И года через два о.Константин заменил мне все, как и говорил когда-то батюшка. Продолжая быть моим отцом духовным и руководителем, он

стал и моим старцем. И когда это совершилось, батюшка перестал приходить и учить меня...

Когда батюшка наставлял меня в духовной жизни и утешал меня, то он приходил часто ко мне и я очень этому была рада. Бывало, как долго его не вижу, особенно наяву, то, начиная скучать, прошу его придти скорее. Несколько раз жаловалась я об этом о.Константину. Сначала он потихоньку, а потом, наконец, строго сказал мне, что это нужно оставить совсем. Что это грех и грех большой видеть его наяву.

Мне было очень трудно и грустно представить себя без батюшки, но, помня его завет, стала его просить, чтобы он больше не приходил ко мне, так как о.Константин этого не позволяет. И батюшка родной перестал появляться мне, а только, бывало, во сне объяснит мне что-нибудь нужное или утешит. А потом и это перестал делать, так как его молитвами я подошла к своему «отцу» духовному совсем-совсем близко.

Прошло много времени. О.Константин был для меня уже всем. Мне с ним было легко и хорошо. И вот как-то опять стала видеть и чувствовать батюшку и поняла, что он хочет меня поставить перед лицом Божиим.

Я всеми силами боролась против этого. О.Константин убеждал меня подчиниться. Я все отказывалась, так как чего-то очень боялась.

И вот, раз во время всенощной у моего «отца» я вижу батюшку в том же свете, в котором он неизменно являлся мне, и Спасителя, выходящего из местной иконы.

Батюшка стал перед Ним, склонив голову, а я стояла сзади батюшки. И вот старец мой родной дал мне знак подойти к Спасителю, но я отступила еще дальше. Тогда он силой поставил меня перед Господом, а сам отошел в сторону.

И Спаситель перстом Своим коснулся сердца моего, и необычайная любовь наполнила все существо мое. Любовь к Нему, любовь ко всем людям – ко всему миру.

Такого гимна торжествующей любви я никогда больше не испытала.

Видение скрылось, а состояние мое продолжалось до следующего дня. Потом оно прошло, но молитва моя приняла

иной характер. Я поняла, что что-то особенное должно случиться со мной. И действительно, то была смерть Вани.

Ваня ездил лечиться на Кавказ. Но приехавши оттуда совершенно здоровым, начал готовиться к смерти. Об этом он никому не говорил. По ночам плакал, молился, прощался со мной. Было очень тяжело все это с ним переживать. Что-то с ним случилось там на Кавказе, о чем он не говорил мне. Кто-то ему дал знать о его близкой кончине.

О.Константин стал меня готовить к этому горю. И так хорошо утешал и наставлял меня, что бывали дни, когда я не боялась ни смерти, ни разлуки с мужем, ни самого ада.

Муж очень тяжело болел месяц и скончался.

До последней минуты я все еще надеялась, что он выздоровеет и исповедает Христа.

Старец мой родимый мне очень помогал. И одну ночь, когда мне было особенно страшно и тяжело, я чувствовал, как он сидит у постели больного. И мне стало так покойно, что я даже легла и заснула.

Чувствовала я ясно, как одну ночь смерть приходила за Ваней, но я все еще не хотела верить, что он умрет.

Борьба с адом за его душу была ужасна как у меня, так и у него. И опять всегда помогал нам батюшка.

О.Константин приходил и молился у постели умирающего, и эти его молитвы всегда очень успокаивали больного.

Трогательно бывало, когда Ваня в бреду отпихнет лекарство, а ему скажешь тихонько:

– О.Алексей велел.

И он, бывало, сейчас же очнется и спросит:

– Велел? – и принимал, что давали.

Когда ему стало очень плохо, я предложила ему причаститься. Он так удивительно отнесся к этому. И когда я его спросила: верит ли он в Него, ответил строго:

– Разве можно не верить?

Пришел о.Константин. Удивительно Ваня исповедывался хорошо. Я просила о.Константина и меня причастить, а Ваня спросил:

– Зачем и ты?

И я ему ответила:

– В новую жизнь мы с тобой причащаемся.

Весь вечер он был покоен. Всех принимал, со всеми разговаривал. Ночью страдал ужасно, но все говорил, что это ничего, что ему очень хорошо.

Удивительно было, что за день до Причастия он был очень плох и без памяти совсем, но не успел о.Константин раздеться, как он пришел в себя и встретил его совершенно в памяти и как будто здоровый.

На другой день он опять был без памяти, но днем, очнувшись, посмотрел на крест, перед которым накануне исповедывался. Я ему его поднесла.

Нельзя описать то выражение покаяния и любви, которое было на лице его, когда он к нему прикладывался.

В комнате сделалось, как в церкви во время Достойной. Чувствовалось, что Спаситель Сам принимает его душу. Вдруг Ваня тихо сказал:

– В раю? – и потом уверенно: – Да, в раю. В раю, Сашечка? – спросил он меня.

– Да, конечно, да еще в каком! – горячо ответила я.

По всему этому мне стало ясно, что он приложился к ногам Спасителя (когда целовал крест) со словами разбойника, и получил от Господа Евангельский ответ, которому не сразу мог поверить.

Помолчав, он сказал, радостно улыбаясь:

– Сашечка, в раю. – Потом: – Прости, родная, за все. Спасибо тебе за все, за все. Прощай.

Мы с ним крепко поцеловались и он снова забылся. Через некоторое время он сказал:

– Знаешь ли, бывает служба...

– Какая, Ваня?

– Церковная, в большой праздник.

Я стала перечислять ему все праздники и, когда дошла до Пасхи, он остановил меня.

– Да, Пасха, вот, вот...

– И ты, Ванюша, на этой службе?

– Да, – торжественно сказал он.

Неземная радость озарила лицо его и потом все потухло. Дух моего Вани отлетел.

До вечера он был без памяти, потом началась агония и, когда он кончался совсем, я поднесла ему крест и мгновенно в потухших уже глазах его зажегся свет и вера, и любовь к Спасителю вспыхнули в них.

Он пошевелил губами, как бы прикладываясь к Нему, и ушел от меня навсегда.

Удивительно в его смерти было то, что дух его отлетел раньше, а потом уже перестали жить душа и тело. Я еще никогда такой смерти не видала и спросила объяснения у о.Константина, который и рассказал мне, как это произошло.

Утром, после смерти Вани пошла в чужую церковь выплакивать свое горе.

Во время Херувимской вижу от алтаря до неба светлый путь и там, далеко в небе, о. Алексея, встречающего Ваню моего. Оба они в радости полетели дальше и видела я, как перед о. Алексеем сами собой раскрылись врата рая и как он ввел туда Ваню.

Запели «Верую» и я почувствовала, что все, что колебалось во мне, снова окрепло и с новой верой исповедывала я все.

На душе стало спокойно и радостно и так продолжалось до сорокового дня почти что.

Вскоре после сорокового дня я в большой тоске просила батюшку прислать мне Ваню.

Он пришел ко мне весь в свете.

Видно было, что ему очень хорошо и что я потревожила его покой.

– Зачем плачешь? Зачем зовешь меня? – сказал он с укором.

Я испугалась и просила его уйти туда, откуда он пришел, обещаясь никогда больше не тревожить его. О.Константину рассказала. Он строго запретил мне так скорбеть и вызывать Ванину душу.

Долго спустя, видела его во сне с батюшкой. Его молитвами Ваня мой умер, исповедуя как христианин распятого Бога, и о.

Алексей действительно увиделся с ним, как еще проведаль это при жизни своей.

Великий старец о. Алексей исполнил все, что обещал: Ване своему он дал рай, а мне – силы перенести горе и жить дальше.

Было очень смутное время для Церкви. Во всем, что делалось вокруг, было очень трудно разобраться. Я, по обыкновению, осуждала все церковное начальство, и говорила, что Церковь земная не настоящая, христианская, а что есть только Церковь небесная. О.Константин всячески старался меня разубедить. Мне самой очень хотелось угодить ему и хоть как-нибудь понять, что делается вокруг. Со слезами просила я помощи у батюшки.

И вот вижу во сне, что вхожу в церковь Маросейскую, но она какая-то неземная, какая-то нетленная.

Слышу голос:

– Это Церковь небесная и в ней Ангелы учат людей словесам Божиим. Вижу, батюшка на своем месте в свете необычайном.

Я упала ниц перед ним и со слезами поведала ему свое горе. Он накрыл меня епитрахилью, которая была как бы сплошной луч света, и я почувствовала, как я вхожу в него. Он долго объяснял мне, что такое Церковь земная и что такое Церковь небесная и разницу между ними. Я духом все поняла, но передать словами не смогла бы.

Почему, подумала я, не понимаю я батюшкиных слов? А потому, сообразила я, что он говорит небесным языком, непонятным людям.

Радостно стало. Я крепко прижалась к батюшке. Он сжал мне голову руками и сказал:

– Моя Александра!

И все исчезло.

С тех пор все мне стало как-то понятно. Покойно стало на душе. Церковь и ее деятелей перестала осуждать, насколько могла.

После Ваниной смерти я перешла в другую комнату и устроила себе жизнь иначе.

Когда все было готово, батюшка ночью пришел и сел в кресло, которое я нарочно приобрела, чтобы приходящие ко мне отдыхали в нем.

Души умерших толпой восходили и нисходили к небу от того места, где сидел старец о. Алексей.

Я хотела броситься к нему. Он весело погрозил.

Всю ночь батюшка мой родной сидел у меня. На заре все исчезло.

* * *

ИТАК ЗНАЮ И ВЕРЮ ТВЕРДО:

Что батюшка и старец мой о. Алексей близко, и чувствую всегда, когда он доволен или недоволен мною.

Что всегда в трудную минуту жизни он придет и скажет, что нужно мне делать.

Что несомненно он помогает мне во всем в моей внешней и внутренней жизни.

И что он несомненно охраняет и будет до последнего охранять дорогого мне и ему о.Константина.

Спасибо тебе за все, дорогой мой батюшка и великий старец о. Алексей.

Не оставляй меня, грешную, твоими святыми молитвами и впредь. АМИНЬ. Александра ЯРМОЛОВИЧ

П.Флоренский. Рассуждения на случай кончины отца Алексея Мечева

Батюшка отец Алексей принадлежит к тем русским праведникам, ряд которых начинается от преподобного Серафима Саровском, идет через Оптину пустынь и доходит до наших дней. Это тип старцев, одаренных тихим светом смиренного жаления и любви ко всем страждущим. Такие именно праведники нужны людям усталым, измученным горечью жизни, боящимся какого-либо неосторожного прикосновения к их ранам. [...] Он подошел к нам уже слабый телом, но сильный любовью и жалением, пошел с нами в тот момент, когда все мы особенно нуждались в утешении, пошел и... дошел весьма скоро, к великой печали, до могилы. Впрочем, он скрылся в нее только телом, а духом воспарил к Горнему Иерусалиму, чтобы там опять встретить нас на тяжелых путях загробных мытарств и также любовно, жалостливо и с лаской пойти с нами к престолу Господню, расплачиваясь своими молитвами за наши грехи. Батюшка, отец Алексей, вечная тебе память, родной!

Епископ Арсений (Жадановский)

Надгробное слово²⁹⁵

Батюшки о.А. нет больше, хотя и теперь привлек сюда эти многочисленные толпы он же, но только затем, чтобы проститься с ним навсегда. Он во гробе. И сие – великое страшное событие. Это потеря всеобщая, потеря невознаградимая!

Те замечательные глаза, оживлявшие почти совсем омертвевшее тело, в которых всегда светился огонек неба, так действовавший на сердца человеческие, лучи которого будто проникали самую глубь души собеседника и читали там, как на бумаге, опись прошлого и настоящего, – эти глаза померкли и закрылись мертвенной печатью. Уже больше им не пронизать души человеческой.

Те учительные уста, сильные не убедительными человеческой мудрости словами, но явлениями духа (1Кор.2:4),

сильнейшей любви к ближнему, умевшие самым безыскусственным словом побеждать (покорять) избалованные красноречием и наукой умы, уста, дышавшие только миром, любовью и утешением, теперь замкнулись навсегда. Уже больше не услышим мы благословения батюшки; уже больше не раздастся его святая речь.

По внушению Церкви нам чудится, что эти мертвые уста вместо слов жизни и утешения вызывают к нам словами смерти: «Восплачите о мне друзья и знаемые».

Те сильные в своей немощи руки, которые утирали безчисленные чужие слезы, теперь сами орошены слезами. Раньше они направо и налево благоволители всем и каждому, а теперь не подымутся больше для благоволения. Раньше они не только твердо несли свой крест, но имели неимоверную силу помогать в несении многочисленных жизненных крестов, а теперь они сложились сами в крест на страдальческой груди, и эта грудь понесет тяжесть этого креста с собой в могилу.

Увы! Дорогого о.А. не стало. Плачьте все духовные его дети и вообще все те, которых о.А. окормлял духовно.

Вы лишились в о.А. великого печальника, любившего вас всею силою христианской любви, отдавшего вам всю жизнь и, можно сказать, принесшего вам ее в жертву.

Подойдите к этому гробу и поучитесь у лежащего в нем как вам жить по-христиански, по-Божьи в юдоли мира. Ужас и трепет объемлет душу, когда вспомнишь и сопоставишь, как мы должны жить и как мы живем на самом деле. Припомните учение Спасителя, вспомните Его св.Евангелие – к какому жизнеустроению там призываются христиане? Жизнь для неба, жизнь для Бога – вот наше призвание. Небо родило нас, Господь вложил в нас Свой образ. На небо же, к Тому же Господу мы и должны идти после здешней жизни. Земля – гостиница, куда зашли мы лишь как бы по пути. Нам на земле не нужно никаких привязанностей. Что нам богатство? Что нам знатность, что нам слава, что нам удовольствия, что нам личная жизнь? Все это временное, все это земное. Все это дальше такого же тесного гроба, да темной, дышащей тлением могилы за нами не пойдет; все это останется здесь. Что нам себялюбие,

когда все Евангелие, весь Божественный закон только об этом и говорит, одному только и поучает: люби Бога, люби ближнего; живи отнюдь не для себя, а для блага тех, кто возле тебя.

В исполнении этой заповеди; в любви – главный и существенный признак того, кто хочет быть истинным учеником и последователем Господа Иисуса Христа.

Что за блаженные были времена первых веков христианства, когда все христиане жили, как один человек, когда стяжания приносились к ногам Апостолов их владельцами, когда не боялись никаких мучений за Иисуса Христа и охотно шли на всякую казнь, когда любовь была единственным законом.

А что теперь?

Присмотритесь ближе к этой житейской суете мира. С утра до поздней ночи, от ночи до утра мир суетится для себя. Бывают, правда, минуты – войдет человек в храм; обнимет его сила небесной жизни – и он в горячей молитве забудет мир с его страстями, с его безбожием в жизни, духом понесется в небо: он готов после жить только для неба, готов своими объятиями обнять все человечество; он с омерзением смотрит на свои грехи и пороки – и в его душе разливается как будто особенный мир... Но вот он опять вне храма; проходят две-три минуты и увь! Где прежний мир, где прежняя любовь и вера? Дух суеты мирской, как ураган в пустыне, дохнет на прослезившегося человека своей страдной житейской заботой – и снова начинается старая жизнь по плоти, снова открывается работа миру и страстям. И так до нового момента поднятия духа.

А как относятся люди друг к другу? Что прежде всего в этих отношениях? Себялюбие, которое во всем видит и ищет только свою пользу. Что мне говорить о тех страшных грехах, которые порождаются этим самолюбием. Пастырское сердце почившего наверное хранит в себе и понесет с собой в могилу обширную летопись этих грехов, поведенных ему на духу.

Итак, забывающий Бога христианский мир! Приди сюда и посмотри: как нужно устроить свою жизнь. Опомнись! Оставь мирскую суету и познай, что на земле нужно жить только для неба.

Вот пред тобой человек, который при жизни был знаем многими, а по смерти удостоился таких искренних слез и воздыханий. А отчего? В чем его слава? Единственно только в том, что он умел жить по-Божьи, как подобает истинному христианину.

Не думай, что жить на земле только для Бога – нельзя. Се гроб, который обличает тебя. В чем – вы спросите – смысл такой жизни? В одном: в полном умерщвлении всякого самолюбия. Что у него было для себя? Ничего. С утра до вечера он жил только на пользу ближних. Он никому никогда не отказывал в советах своих. Со всеми был ласков. Он жил жизнью других, радовался и печалился радостями и печальями ближнего. У него, можно сказать, не было своей личной жизни.

Итак, христианин, приди к этому гробу и научись тому, что на земле нужно жить только для неба, что такое жизнеустроение возможно и осуществимо и что основание этой жизни – в полном деятельном самоотречении во благо ближних.

«Любите людей, служите им», – вот, что внушают нам в завет омертвевшие уста почившего. Не все, конечно, могут вместить эту тяжкую заповедь так, как умел и мог исполнить ее почивший.

Но надо уметь жить жизнью других, болеть их болезнями и скорбями и беззаветно нести свои духовные сокровища на пользу ближних.

Приидите, наконец, ко гробу сего великого пастыря, пастыря Церкви Русской, и научитесь от него пастырствовать в мире. Хотя у почившего вверенная ему паства незначительна, однако, едва ли многие и архипастыри имели так много пасомых, так много духовных чад, как покойный батюшка о.А. Тут всякий, кто только ни приходил к нему, кто ни открывал ему своей души, всякий становился сыном многолюдной его паствы. Тут было удивительное общение душ пастыря и пасомых. Приидите, пастыри, и научитесь здесь пастырствованию.

Пред ним всякий человек чувствовал себя только мирянином, все одинаково видели в нем только Христова пастыря. Се знак того, что религия понималась как закон совести, как нечто такое, что совершенно противоположно миру.

На батюшку о.А. смотрели именно как на служителя Бога. И он властительствовал над совестью; ее он врачевал.

Чем и как умел так много пастырь всех утешать и обновлять? Страдавшим казалось, что он будто сам облегчает их скорби и печали душевные, как бы беря их на себя.

Кроме личного благочестия, о.А. имел ту высочайшую любовь христианскую, которая долготерпит, милосердствует, не завидует, не превозносится, не гордится, не безчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется о неправде, и сорадуется истине (1Кор.13:4–6). Это та любовь, не знавшая никакого самолюбия, о которой засвидетельствуют все, кто только знал почившего, любовь, которая заставляла его сливаться своей пастырской душой с пасомыми, она-то и давала ему такую силу в области их совести. Его самоотверженную любовь нельзя иначе описать, как именно приведенными словами Апостола.

Вот, пастыри, чему поучитесь у этого праведного мужа пастыря.

Кто станет отрицать, что служба церковная, требоисправления, главная обязанность пастыря. Никто, конечно. Без Св.Таинств нет и Св.Церкви. Властительство над совестью и воспитание ее – вот вторая обязанность пастыря. Не забывайте, что службы и таинства – для спасения, и оно должно усваиваться сознательно; а для сего надо работать над душой.

Итак, приидите все, целуйте его последним целованием и берите каждый, чья душа сколько может, завещанных им нам в наследство сокровищ. Смотрите больше на этого человека, пока его духовный образ в виду этого гроба еще живо предносится нашему взору.

Веруем, что Всемилосердный Господь, по молитвам Св.Церкви, призрит с небеси на праведную жизнь почившего, на его великую любовь и труды во имя Христова и дарует ему место упокоения со святыми. Помяни нас тогда, почивший, в своих молитвах.

А теперь, братие, пока его душа еще витает здесь, у своего тела и взывает к нам устами Церкви о молитвах, помолимся о

ней Господу. Несть человек, иже жив будет и не согрешит. Ты, Господи, Един еси кроме греха.

Прости, Господи, почившему рабу Твоему А. все его грехи, и грехи юности, и старости, и ведения, и неведения, и слова, и дела, и помышления. Вся ему прости, яко Ты благ еси и Человеколюбец.

А. Рассуждения на случай кончины отца Алексея Мечева²⁹⁶

После кончины о. Алексея Мечева, на столике возле его кровати оказалась небольшая рукопись, написанная его почерком и подписанная буквою А. Она не могла попасть туда случайно, потому что о. Алексею незачем было бы брать ее в Верею из Москвы. Кроме того, бумага, на которой она была написана, – полотняная сиреневая почтовая бумага малого формата, – была той самой, которую дали о. Алексею в Верею за несколько дней до кончины. Несомненно: эта рукопись есть последнее, что написал о. Алексей, судя по разным данным – не более как за два дня до кончины, и несомненно – не случайно оставлена она была так, чтобы попала сыну о. Алексея не когда-либо впоследствии, а сейчас же после кончины. Между тем о. Алексей, давно уже больной неизлечимо, и вообще ждал своей кончины и теперь, в частности, знал, что умирает. Приблизительно за год он несколько раз собирал некоторых московских священников и, весь в слезах, «пел» им, как настойчиво выражался он, «свою лебединую песню», желая «хоть кому-нибудь оставить свой дух пастырства и свой опыт». Действительно, вскоре после этого он заболел, потом находился под домашним арестом, а потом умер. Обычно было почти невозможно уговорить его расстаться с паствой и уехать отдохнуть к своей замужней дочери в Верею; но в этот последний раз он готовно последовал такой просьбе и, приехав на место отдыха, прямо сказал уважаемому им местному священнику, что он приехал умирать.

Итак, обсуждаемая рукопись должна рассматриваться как духовное завещание о. Алексея, и уже потому представляет высокую ценность в глазах всех тех, кто ценил самого батюшку. Но по содержанию своему она, если учесть время и обстоятельства ее написания, есть документ огромной важности, и не только в отношении самого о. Алексея, но и вообще для понимания духовности. Две тайны – тайна духовной жизни и тайна духовной кончины – выразительно показаны этими предсмертными строками о. Алексея. Но, как

всегда бывает с тайнами, они столько же открыты, как и закрыты, сделаны доступными одним, чтобы избежать взора тех, кто все равно не понял бы открываемого. Об этих-то тайнах имеет в виду напомнить настоящая заметка.

Если бы рукопись о. Алексея досталась без каких-либо объяснений и без имени автора, что называется, объективному исследователю, то можно было бы услышать отзыв вроде следующего: «Это надгробное слово некоего А. какому-то уважаемому пастырю отцу А., предназначенное к произнесению при гробе. Как и свойственно словесности такого рода, здесь содержится ряд похвал усопшему, несомненно искренних и по видимому соответствующих подлинному облику покойного. Автор пользуется случаем, анализируя личность о.А. и внутренние мотивы его деятельности, сделать назидание о христианской любви как подлинной стихии христианской жизни, и призывает духовных детей почившего запечатлеть в своей памяти образ покойного, чтобы руководиться им, как примером праведности в жизни. Слово искренно и горячо, с литературной же стороны похоже на экспромт и мало проработано».

Если бы теперь спросить такого критика, к кому бы могло относиться такое надгробное слово, то он, будучи москвичом, и зная приблизительную датировку слова, со значительным вероятием указал бы на о. Алексея Мечева, из всех известных духовных деятелей недавнего времени наиболее подходящего ко всему, что сказано в этом слове. Если утвердиться в той мысли, что речь идет именно об о. Алексее Мечеве, то тогда, действительно, окажется все слово чрезвычайно объективной и весьма точной характеристикой именно его; при гробе о. Алексея трудно было бы придумать сказать что-либо более точно, без преувеличенных похвал и словесных украшений, изображающее о. Алексея. Это – в каждом своем штрихе подлинная правда, хотя и полуприкрытая наименованием почившего лишь инициалом А. вместо полного имени.

Такой ответ был бы прост, ясен и вполне убедителен; пожалуй, не явилось бы поводов к сомнению, если бы не то обстоятельство, что слово это написано, во всяком случае до кончины о. Алексея Мечева и бесспорно его рукою. Не будь этого обстоятельства, все было бы гладко. Но зачеркнуть его

никак нельзя. Тогда возникает мысль, что о. Алексей, не подписавшийся полным именем, писал его о каком-то другом «о.А.». Но о ком же? – Биографически единственным правдоподобным ответом было бы отождествить этого «о.А.» с Оптинским старцем Анатолием²⁹⁷, умершим около года тому назад. О.Алексей был близок с ним по духу, они посылали друг другу духовных детей. При поверхностном чтении это слово могло бы быть признано надгробным словом Оптинскому старцу. Но такая возможность держится лишь общим духовным сходством обоих руководителей; подробности же слова к о.Анатолию ничуть не подходят, и признавать его в «о.А.» было бы натяжкой. Кроме того, такое объяснение несколько не считается с обстоятельствами написания этого слова. О.Алексей Мечев мог, конечно, написать в свое время надгробное слово отцу Анатолию; но это могло быть именно в свое время, очень непродолжительное, и именно, когда Оптинский старец скончался, но еще не был погребен. Вне этого тесного временного промежутка, т.е. когда открытого гроба о.Анатолия еще нет, или уже нет, слово с таким содержанием, с призывом смотреть на гроб и проститься с умершим, было бы странным риторическим упражнением. Такую литературную арию около почитаемого образа трудно предположить у кого бы то ни было; но она решительно несовместима со складом о. Алексея, вполне чуждого литературных интересов, даже и серьезного характера, а не только безцельной словесной гимнастики. Вдобавок ко всему, полную невозможностью представляется мысль о уже полумертвом и знающем близость своей кончине старце, накануне отхода занявшемся бесплодным сочинительством. И, вдобавок, как совместить искренний горячий тон и литературную манеру с риторическим замыслом?

Несомненно, предположение об о.Анатолии отпадает и, не имея других выходов, мысль вынуждена вернуться к самому о. Алексею, как предмету обсуждаемого слова. И намек на это выразительно дан обозначением лежащего во гробе и пишущего – одинаковым образом, одною и тою же буквою А. Между тем, если авторская подпись инициалом сравнительно понятна, то

как, при возможности смешать два имени, как не раскрыть, хотя бы в одном месте, полностью имени того, который служит предметом всего слова? Трудно не видеть в этом тождестве инициалов преднамеренного указания тем, кто сумеет воспользоваться им.

О.Алексей, накануне кончины, написал надгробное слово о. Алексею. Из всех трудностей единственный возможный выход – сказать так. Но, разрешив этим вставшие трудности, мысль открывает новые, уже более глубокие, чем порядка литературного. Эти новые трудности связаны с самым существом дела и свидетельствуют о тайне духовности. Тут сказано, о. Алексей написал слово о себе – он написал его об о. Алексее. Что он смог написать его о том, о ком написал, – это тайна духовной кончины; а что он счел должным написать – это тайна духовной жизни. Надгробное слово, оставшееся возле его смертного одра, отвлеченно взятое, есть некоторый весьма небольшой факт истории русской словесности. Взятое же как произрастание личности о. Алексея и в определенных биографических условиях его написания, оно есть большое событие русской церковной жизни, камень, на котором многое должно быть построено. Но разве в истории Церкви все важное не было именно таковым? – второстепенным для историка литературы и основным – для размышляющего над жизнью? Разве мученические исповедания веры во Христа Воскресшего не получили своей непреложности как голос пролитой ими крови, помимо которой и вообще вне их жития не заслуживают особого внимания? Чтобы учесть удельный вес слова о. Алексея, безусловно необходимо вдуматься в его содержание, не сопоставляя это слово с разными другими подобного рода произведениями, а мысленно присутствуя, сколько это можно, в той комнате, где оно писалось.

IV

Слово о. Алексея поражает своей объективностью – и по общему тону, и в частностях. Это именно слово автора не о себе, а о своей личности, рассматриваемой со стороны. Конечно, нередко пишут о себе в третьем лице; но хотя бы это лицо было не только третьим, а и сто третьим, все-таки оно остается загримированным **Я**, и от автора тянутся к нему бесчисленные нервы и кровеносные сосуды личных пристрастий, вполне живые. Кто не почитает себя способным думать и говорить о себе объективно, однако не подозревая, что якобы объективным образом себя самого он пользуется как ширмою для сокрытия своего самого субъективного? Самое трудное, что есть на свете, – это думать и говорить о себе объективно: это труднее, чем умереть, потому что для объективности необходимо сперва умереть, а потом уже начать говорить.

Если бы о. Алексей написал тоном покаяния и окаевания о том, сколь грешным надо считать покойного; если бы он признал за ним весь каталог грехов; если бы свидетельствовал смирение, заранее соглашаясь со всякими упреками и не видя у себя ни веры, ни надежды, ни любви; если бы слово звало присутствующих попить недостойный прах, – тогда некоторые усмотрели бы в нем истинную объективность и высоко оценили бы слово, ублажая смиренного батюшку и осыпая его градом похвал. Но на самом деле они обнаруживали бы такую оценкою лишь свою субъективность: не имея возможности хвалиться сколько-нибудь правдоподобно, большинство спешит к преувеличенному самоуничижению, но с непременным требованием, чтобы все поступали так же, и в тайной надежде, что когда все вымажутся неграми, и притом многие будучи заведомо белыми, тогда серым и даже чернокожим останется утешительная возможность выдать себя соответственным намеком за вымазанного согласно духовной моде белого. Бывали праведники, которые особенно остро ощущали зло и грех, разлитые в мире и в своем сознании не отделяли себя от

этой порчи, в глубокой скорби они несли в себе чувство ответственности за общую греховность, как за свою личную, властно принуждаемые к этому своеобразным строением их личности. Но не праведники сообразили, что и покаянные слезы Марии Египетской могут быть сделаны фасоном духовной моды и притом лестной самолюбия: если упрекает себя во всех грехах и Мария Египетская и я, то вы, окружающие, не очень-то судите обо мне – может быть и я не хуже Марии Египетской. «Все святые себя обвиняли во всех грехах» – такова большая посылка силлогизма. К этой ложной посылке пристраивается, тоже ложная, меньшая – «и я обвиняю себя во всех грехах», ложная, ибо святые, обвинявшие себя, делали это искренно, а я – про себя думая совсем иное, чем говорю на словах. И, наконец, из двух ложных посылок, путем ложного силлогизма, выводится желанное заключение: «следовательно, и я ...», впрочем, не выводится, а предоставляется быть выведенным тому, кто не желает показаться гордецом. К самому искреннему раскаянию людей недуховных примешивается отравка похвалы себе за свое раскаяние.

Но нужно действительно умереть, действительно порвать все нити себялюбивой привязанности к **Я**, чтобы иметь силу взглянуть на свою личность безкорыстным взором и сказать об ней воистину, как об **Он**. Высшая мера этой способности обнаруживается в правдивой похвале, в доброй оценке всего доброго, но без самодовольства и пристрастия. Кто не умер, тот никогда не взойдет на эту высоту.

Та объективность, которая позволила о. Алексею говорить о себе совсем со стороны, неизбежно наводит на мысль, что это писал человек уже отошедший. Мы не знаем, как это возможно, но мы можем утверждать, что так бывает. Об умирании для мира человека духовного обычно рассуждается в неопределенном смысле, как о неточном и приблизительном выражении малой привязанности такового к мирским пристрастиям. Обычно стараются понять такие слова в отношении всякой нравственной работы над собою, всякого подавления той или другой страсти, не понимая того, что страсти произрастают из глубокого корневища самости и что наличное отсутствие их вовсе еще не говорит об их искорененности. Пока живет это корневище, греховное **Я**, они всегда могут прозябнуть из недр подсознательного, все они, и нет такой страсти, относительно которой не угасивший в себе злого горения самости мог бы считать обезпеченным, хотя в данную минуту он и не усматривал бы в себе никаких данных известной страсти. Умереть для мира – это значит коренным образом уничтожить внутренний водоворот, силою которого все явления в мире мы соотносим с самими собою и разбираемся в них, отправляясь от этого центра перспективы, а не объективно, т.е. в отношении к истинному центру бытия, и не видим их в Боге. В своем восприятии мы всякий раз извращаем порядок мироздания и насилуем бытие, делая из себя искусственное средоточие мира и не считаясь с истинной соотнесенностью всех явлений к истинному средоточию; мало того, даже его, этот абсолютный устой мира, мы опираем на себя, как спутник и служебное обстоятельство нашего **Я**. Назвать ли этот способ действия по-профессорски «синтетическим единством трансцендентальной апперцепции», или по-русски коренною греховностью нашего существа, – суть дела от этого не меняется.

Но чтобы этого не было, надо видеть Бога: тогда лишь можно будет видеть в Нем все бытие, а в том числе и себя

самого, и тогда лишь наше созерцание мира может быть объективно. Но «никто не может видеть Бога и не умереть»²⁹⁸. Чтобы увидеть Его – необходимо вырваться из своей самости, ибо до тех пор мы будем видеть лишь искаженные образы, соотносимые с этой самостью и, следовательно, в Самом Боге мы не сумеем увидеть Бога, а будем видеть лишь искаженные образы, соотносимые с этой самостью и, следовательно, в самом Боге мы не сумеем увидеть Бога, а будем видеть лишь различные идола своих пристрастий. Увидеть Бога – это значит перенести свое **Я** из ветхого Адама, из организма своей самости, в абсолютную истину. Однако этот перенос не должен разумеется отвлеченно и смягченно благополучно. Это ничуть не интеллектуальная интуиция и тому подобные умственные акты и психологические состояния, ни к чему не обязывающие и не требующие жертвы, – не частично жертвовать чем-нибудь из своего, а полной жертвы всем самим, и притом в самых глубоких его корнях, – кровавой жертвы самостью. Об этом жертвоприношении себя, конечно, не трудно писать и говорить, как вообще не трудно писать и говорить о чужой смерти. Но на самом деле, жизненно, оно есть смерть, и притом не поверхностная, физиологическая смерть, нередко мало сознаваемая, а до конца сознательная гибель всей самости, испепеляемой в самых своих основах. Вся она напрягает тогда силу противления, сотрясаемая ужасом и тоскою, несравненно более леденящими, чем те, которые мы называем смертными. Нередко человек кончает с собою, ужасаясь предстоящим позором или потерпев неудачу в том или другом страстном влечении, которое он к тому же не одобряет, рассуждая отвлеченно. Это значит, самооберегание самости так велико, что оно преодолевает даже леденящий ужас физического инстинкта жизни. Так – когда самость задета периферически, в одном из своих проявлений. Что же должны думать мы о силе ее отпора, когда ставится вопрос уже не о том или другом из ее проявлений, а о ней самой, в самом ее средоточии. Конечно, для нее это несравненно более жгучая борьба, чем только за физическую жизнь, и победа над нею есть смерть более глубокая, чем только физическая смерть. Когда Апостол Павел

говорит, что он умер для мира²⁹⁹, это не только метафора, в смысле необходимого ослабления силы его слов, а напротив – нечто обратное гиперболе, ибо энергия его слов должна быть неимоверно повышена: эти слова надо бы кричать, а не говорить, чтобы они достаточно задели сознание. Умереть для мира – означает великую тайну, которой нам, не умершим, не понять, но о которой мы должны твердо запомнить, что она существует. Да, можно оставаться среди людей и делать вместе с ними дела жизни, но быть мертвым для мира и руководить деятельностью своего тела, находясь уже не в нем, а со стороны, из горнего мира. Иоанн Лествичник³⁰⁰, авва Варсонофий³⁰¹ и другие свидетельствуют, что есть люди умершие и уже воскресшие до всеобщего воскресения; это те, кто достиг полного безстрастия, т.е., конечно, не стоического безразличия и не скептической невозмутимости, а искоренения в себе страстей. Это свидетельство, возвещаемое ими торжественно, есть открытие тайны совершенно особого человеческого устройства и никак не должно быть сводимо на нравственную характеристику: речь идет об онтологии.

VI

«Аминь, аминь, глаголю вам: аще кто слово Мое соблюдет, смерти не имать видети во веки» (Ин.8:51). С этим обетованием Спасителя обычно не считаются, обходя его или растворяя в учении о бессмертии души, хотя для последнего вера в Спасителя вовсе не является предусловием.

Если сказано, соблюдающий слово Христово «смерти не имать видети во веки», это значит, во-первых, что вообще говоря смерть можно узреть и, во-вторых, что с неверующими так именно и случается. Общий смысл этого понятия об «узрении смерти», конечно, ясен: это какое-то своеобразное переживание, по которому отходящий отсюда сознает свое отхождение, и переживание этого отчетливо и резко отграничено ото всех обычных переживаний. Но почему сказано именно «не узрит», а не вообще не почувствует, не сознает? В этих словах, в самом термине «узреть», примененном к смерти, есть конкретность большая, нежели сколько ее требовалось бы при общем указании на особое самочувствие умирающего: «почувствует свое умирание» звучит очень субъективно сравнительно с предметным образом смерти как чего-то зримого нами вне нас самих. Иначе говоря, смерть представляется здесь не как состояние нашего организма, а как некое существо, которым причиняется такое состояние. В Апокалипсисе это понимание смерти раскрывается с полной определенностью: последнее событие истории человеческого греха – «ввержение смерти в серное озеро»³⁰². С другой стороны – не может не заставить задуматься постоянный образ всех религий, как языческих, так иудейства, магометанства и христианства, – образ ангела смерти или гения смерти, вообще духовного существа, перерезающего нить жизни и принимающего новорожденную в иной мир душу. Замечательно то, что этому образу непременно сопутствует представление о режущем орудии, том или ином; им перерезывается пуповина, удерживающая душу при теле. Коса, нож, меч, серп, ножницы и

т.д. – различны эти орудия смерти, но назначение их всегда и везде – одно.

Мифологический образ никогда не бывает и не может быть нарочитым олицетворением отвлеченных понятий или внутренних переживаний; как бы ни толковали психологический процесс, его пред нами ставящий, несомненно – он стоит пред нами, он пластичен, он есть видение, а не мысль только; хотя и связанный с нами внутренно, он, однако, предметен. Так и ангел смерти не может быть толкуем в качестве словесного пересказа мысли о кончине и ощущении кончины; он в самом деле видится умирающими, и чаще всего в ужасе и смятении. Сравнительно редко умирающие говорят о своем видении смерти, и не потому, что не могут сказать, а по чувству тайны. Об этой гостье иного мира нельзя сообщать живущим. Обычно, когда в величайшем ужасе умирающий уже не может скрыть своих чувств и его взгляд, обращенный в определенную сторону, его отрывочное восклицание и произвольный жест самозащиты выдали присутствующим, что с ним происходит нечто особенное, в ответ на расспросы их умирающий отмалчивается или старается усыпить бдительность окружающих какими-нибудь неопределенными словами. То, что испытывает он, на языке мистериальном называлось *ἀρρητοῦ* или *ἀπόρρητοῦ*, *ineffabile*. Это несказанное – «о нем же не леть человеку глаголати»³⁰³, не то что невозможно сказать, но не должно говорить, может быть потому, что всякое слово об этом окажется, по Тютчеву, «ложью» и будет хотя и то, но совсем не то. Тут охватывает при всех таких видениях властное ощущение запретности: если скажешь, то произойдет нечто непостижимо страшное, и, когда при разговоре мысль приведет к бывшему видению и оно почти выскочит на язык, вдруг встает какая-то преграда, и, весь в ужасе, человек с разбегу останавливается пред нею, как перед пропастью открывшейся. Это-то чувство, но несравненно более могущественное, и запечатывает уста умирающего.

Но кончина не всегда механически предопределена состоянием организма; нередко она определяется как исход напряжений брани различных сил о животе и смерти. Бывает так, что кончина уже наступающая, и даже в каком-то смысле

наступившая перекладывается на другой срок или откладывается на другое время. Тогда ангел смерти приближается, уже готовый сделать свое дело, и ждет лишь последнего исхода борьбы. Бывает и так, что он долго присутствует при умирающем, потому что самая борьба, уже доведенная до высшей своей ответственности, затягивается на сравнительно долгий срок. Но на тот или иной срок силы жизни одерживают верх, и «вестнику смерти» приходится отойти или отъехать, не исполнив своего дела. Поправившись или оправившись, больной, чаще всего, забывает о своем видении: этот мрак забвения есть инстинктивная уловка его организма заставить его умолчать о бывшем видении. Но в некоторых случаях память о видении сохраняется, в особенности пока организм еще не совсем оправился, и тогда-то доводится услышать на исповеди, или просто по дружбе и доверию, признание о таинственном вестнике смерти. Чаще всего его называют просто смертью или смертушкой. Ее описывают различно, но суть дела остается всегда одною: смерть похожа на фигуру из «Пляски Смерти» и т.п. Это – скелет, в большей или меньшей степени обросший тощею кожей, завернутый в саван, иногда закованный в латы, то пеший, то верхом как Дюреровский рыцарь смерти, и всегда вооруженный, хотя по-разному. Это – «всадник, которому имя смерть» (Отк.6:8). Мне представляется совершенно бесспорной прямая зависимость безчисленных образов искусства, древнего и нового, всех этих плясок смерти, триумфов смерти, триумфов войны и т.д. и т.д. от таких ведений, т.е. не только по рассказам о них, но и по прямому, хотя, может быть, и смутному, зрению художником самой Смерти. Вот, ради конкретности, пример такого видения:

Копия рукописи

(с сокращениями)

ВИДЕНИЕ АНГЕЛА СМЕРТИ

(Современные факты)

...Иеромонах Свято-Троицкой Сергиевой Лавры о.Диодор, как очевидец, без слез не мог рассказать мне следующий факт.

«Как Вам известно, – начал о.Диодор свой рассказ, – во время Японской войны я, за послушание, был послан из Лавры в Маньчжурию, и там, по назначению военного протопресвитера, находился в качестве священника в одном из лазаретов.

По своим обязанностям часто проходя через лазарет, я однажды, а затем и в другой раз заметил, что один из тяжелобольных солдатиков провожает меня каким-то особенным вопросительным взглядом.

Побуждаемый желанием откликнуться на безмолвный голос больного, я подхожу к нему и спрашиваю его: – Не нуждаешься ли ты, милый, в какой-либо услуге с моей стороны?

Солдатик заминается, не решаясь в чем-то высказаться мне, а между тем из всего усматриваю, что он чего-то желает от меня.

– Нет, еще обожду.

Далее, о.Диодор уговаривал солдатика приобщиться, но тот не соглашался. «На другой день после сего дня ко мне прибегает сестра милосердия и говорит:

– Скорее, батюшка, к тому больному, с которым вчера вы долго разговаривали. Он просит Вас поисповедать и причастить его.

Беру Св. Дары и поспешно отправляюсь к нему. Больной, завидя меня идущим к нему, проговорил:

– Скорей, скорей иди, причасти меня!

Удалив сестру милосердия, я приступил к отправлению исповеди, на которой солдатик открыл все содеянные им грехи, в числе которых были и грехи тяжкие, великие. Затем я

преподал ему Святых Тайн. Как только он принял их, сидя на кровати, так сейчас же проговорил:

– Спасибо, спасибо тебе, батюшка! Мне теперь стало очень хорошо!.. А вот и Смертушка пришла, – сказал он, глядя в сторону.

– Где она? – Я не вижу.

– Вон стоит, – говорит солдатик, указывая туда же.

– Ну, прощай! – сказал он затем, и с этими словами откидывается на подушку и отдает душу свою Богу.

Это так тронуло меня, грешного, что я заплакал чуть не навзрыд...»

Так закончил о.Диодор свой рассказ, испуская из глаз слезы.

...Умерший в 1897 году монах Гефсиманского скита о.Потапий в день своей кончины видел смерть, стоящей в окне его келлии, о чем он тогда же и сказал прислуживавшему ему в болезни послушнику Косме Аладыну (ныне монах Кирилл).

В жизнеописании преп.Феодоры³⁰⁴ говорится о смерти: «И вот пришла смерть, видом очень страшная, человеческого подобия, но без тела, составленная из нагих костей человеческих...»

4 августа 1916 г.

Гефсиманского скита иеромонах КАЛЛИСТ

Обладающие двойным зрением видят иногда смерть и саму по себе, вне угрозы собственной их жизни; то, что называют художественной фантазией, есть на самом деле некоторая смутная степень двойного зрения. Детям весьма нередко эта способность бывает свойственна, и не раз приходилось слышать, как дети рассказывают про виденную ими смерть.

VII

Так пресекается нить жизни, зря пред собою смерть. Но верующий во Христа, по Его обетованию, не умрет и не узрит смерти во веки. Последнее должно быть понимаемо буквально: смерть не будет предстоять его одру. Она приходит вообще не безцельно; следовательно, в данном случае, если она не явится, то это – за ненадобностью: в данном случае душа не имеет нужды быть принятой и повитой. А это может значить только одно – что она родилась уже в иную жизнь и, быв еще в теле, дышала воздухом иного мира. У этой души нет живой пуповины, связывающей ее с миром дольным, разрезание которой вызывает в человеке величайший ужас и инстинктивное сопротивление всем существом. А следовательно, переходя отсюда в иную жизнь, представляясь или переставляясь, он не испытывает качественного скачка в своей судьбе: еще будучи в теле, он выглядывал уже, правда через окно, на тот мир, где теперь может ходить и летать. Он провеивается воздухом, который и ранее был его дыханием. Когда младенец, получавший дыхание и питание от матери, а сам никак не причастный к этим жизнедеятельностям, впервые вбирает в себя воздух и впервые глотает воду или молоко, в его существовании происходит разрыв. Хотя и предназначенные его организацией, но доселе пассивные, в нем появляются новые способности и новые деятельности, тогда как прежние безусловно утрачиваются, лишь только он отделен от матери. На поверхностный взгляд младенец, еще не вскрикнувший, и младенец, несколько мгновений спустя, почти неотличимы. Но по существу – они бесконечно различны, ибо в момент первого крика из части материнского организма младенец делается самостоятельным человеком, сам собою живущим, как бы ни был он беспомощен: источник жизни мгновенно перескочил из матери в него самого. Поднесенная к горячей свече свечка сама зажглась и теперь уже не пассивно пользуется теплотой той, но сама распространяет тепло и свет. Вот почему астрологическая практика, устанавливая генитуру в момент

первого крика, имеет глубокие основания: с первым криком младенец впервые воспринял воздействие внешнего мира и стал самостоятельным членом вселенной. Рождение есть внезапный провал и внезапный подъем, как угодно, в зависимости от того, что ценится, что утверждается как главное. Если питание и дыхание через материнский организм есть главное, то тогда рождение есть потеря этого главного и провал; а если бы младенец связывал с этим способом жизни все свои упования, то рождение было бы для него черной толстовской дырой, где он теряет решительно все. Напротив, если бы он понял преимущество и радость дыхания свежим воздухом и красоту солнечного заката, то свой, хотя и мучительный, выход из материнской утробы он благословлял бы, как освобождение и видел бы в нем взлет. Но и так и сяк, этот выход не мог бы не быть качественно новым, прерывно наступившим отделом его биографии.

Таким же, если не большим, новым отделом нашей биографии бывает кончина; и мы, большинство людей, проваливаемся или взлетаем, — то или другое слово определяется нашей оценкой дольней жизни.

VIII

Смерть, на радость или на скорбь, не есть, однако, единственный способ кончины. Наряду со скачком в иную жизнь, мыслим и существует плавный переход в нее, подобный приближению к местности, давно человеку знакомой. Это – быстрый въезд в город, который уже давно был виден путнику с перевала жизненного пути и в который он давно уже перенес свои мысли и чувства, видя издали своих близких, там обитающих, и сносаясь с ними, когда они посещали его. Хотя и находясь вне городских стен, он, однако, принимал в жизни этого города живое участие. Но вот он уже совсем близко от городских ворот; его встречают, и вышедшие навстречу кажутся ему не чужими людьми, непонятной для него внутренней жизни, а такими же, как и сам он.

Относительно элевзинских мистерий древние говорили, что смысл их – научить географии иного мира, так, чтобы, попадая туда после кончины, душа не растерялась и не заблудилась, но пошла, как по знакомой местности. Эта мысль должна быть, однако, углублена и усилена. Духовное воспитание должно дать не карту иного мира, а укрепить жизненные связи с ним. Кого постигла смерть, тот после провала не может не ощущать себя оглушенным и растерянным; при добрых задатках он найдет в себе некоторые, хотя и полусознанные отправные точки, с которыми может соотнести созерцаемую им новую жизнь и рано или поздно войдет в нее. Но если этих зачатков духовности в нем вовсе не сложилось; мало того, если он вытравил в себе и естественные возможности, полученные с рождением, он не сумеет соотнести с собою окружающее его, и не только не сумеет, но и не захочет, оставаясь той жизни чужд и замыкаясь от нее в субъективные мечтания, которые сделались для него второй природой. Окруженный духовным миром, он не будет сознать его и, следовательно, будет вне его, кроме его.

Но тот путник, который еще здесь вошел в иную жизнь, не претерпит и мгновенно спутанности сознания, напротив, почувствует при кончине высшую ясность и полную

уверенность, подобно географу, попавшему в страну, о которой он судил до сих пор по далекому виду и по отдельным растениям и животным, попадавшим ему в руки. Самое большее, он заснет, чтобы проснуться уже в ином царстве. Это – не глубокий обморок людей малодуховных, а естественная психологическая граница, разделяющая два мира. Он проснется как человек, за ночь приехавший в уже знакомую ему местность, и не удивится, а лишь обрадуется. О таком разве не правильно сказать, что смерти он не видел? Уже давно отсохли и отвалились все сырые, корыстные и неодухотворенные привязанности к жизни. Смерти нечего было перерезать в нем. Он не умер, а уснул. Язык давно различил эти два вида кончины, смерть и успение, как нечто глубоко несходное, какими бы близкими они ни казались физиологически – стороннему наблюдателю. Извне они, может быть, и кажутся трудноразличимыми, т.е. для окружающих, кто сам не умирает, но изнутри, в сознании того, кто наиболее глубоко заинтересован совершающимся, это – существенно различные процессы. Те, кто умер при жизни и в ком уже произошло таинственное рождение, они не видят смерти и не умирают.

IX

Приближаясь к выходу отсюда, даже и малодуховные люди нередко начинают жить иными способностями, нежели присущие обычной психике. Большинство в это время видит двойным зрением. Они воспринимают встречающих их родственников, друзей, покровителей, нередко – святых, ангелов, Богоматерь, иногда Самого Христа. Они видят будущее, как уже настоящее, а далекое – как близкое. Нередки случаи, когда незадолго до кончины видят собственный гроб и себя в нем лежащими, обстановку собственного погребения, толпу народа. Большинство умирающих перед кончиной выражает намерение уйти или уехать – на родину, в родной дом, к родителям и т.д. Тут преодоление времени и пространства есть не исключение, а правило. Так – и с обыкновенными, совсем заурядными людьми. Нужно ли удивляться, если люди большей духовности и при жизни более привычные к преодолению чувственного опыта, при этом переломе своего жизненного пути оказываются впереди людей обыкновенных и обнаруживают прозрение в будущее и в недоступное недуховному взору более ярко, более определенно и более устойчиво? В частности, нужно ли удивляться, если подобные явления ознакомили кончину о. Алексея? Скорее было бы удивительно и неправдоподобно, если бы всего этого не было. Так, по крайней мере для всех, кто имел случай наблюдать его.

В своем слове подписавшийся инициалом **А.** описывает о.А. лежащим во гробе. Это – не общая мысль о своей смерти, а в высшей степени наглядный образ, в котором каждая черта живет непосредственным созерцанием. Такую картину можно дать трояко: либо на основании внешних впечатлений, но таковых в данном случае не могло быть; либо как художественную фантазию, но совершенно невероятно представить себе умирающего старца, столь скромного и самозабвенного при жизни, лежащим на смертном одре и старающимся вообразить себе, каков будет его вид после

смерти; наконец, можно понять такую картину, как видение, яркое видение человека духовного, которое властно заставило сделать запись о себе, преодолевая физическую слабость. Единственное, что можно счесть в данном случае источником, – это видение, представшее внутреннему взору о. Алексея и заставившее его написать им написанное, помимо намеренности и соображений, может быть, даже вопреки привычкам характера, если только они в это время могли еще действовать. В этом видении, как, вероятно, и вообще в последнее время своего пребывания на земле, о. Алексей настолько перенес свое **Я** в другой мир, что о том старике, который лежал в постели, уже не мог мыслить, как о **Я** или о чем-то близком **Я**.

Человеку духовному свойственно объективное мышление и земное существо его не из духовного приличия, а по сущей истине мыслится им тоже объективно, как он. Не без причины духовная практика вообще запрещает пользоваться личным местоимением первого лица, да и приличие даже не одобряет злоупотребление этим словом. При более высокой объективности, мысль о своем земном существе становится столь безпристрастной и издали на него смотрящей, что появляется снисхождение к нему, жалость; так, преп.Серафим и другие подвижники указывают, что не следует ни на кого раздражаться, и в том числе на свои собственные недостатки, и что следует относиться к ним терпеливо. Предписывается и должная мера заботливости о немощах своей плоти. Вообще, духовный [человек] имеет точку мысленной опоры вне себя и потому способен думать и говорить о себе, как о другом.

Еще более высокая объективность – и тогда появляется возможность незаинтересованно даже хвалить себя, объективно учитывать достоинства своей личности, но спокойно и без чувства собственника. Нетрудно дойти до той объективности, при которой указывается значительность веса своего тела или роста, физическая сила, далее – правильность черт лица и хорошее телосложение. Это все отмечается с той же незаинтересованностью, как было отмечено и противоположное, т.е. в качестве некоторого события в мире, события

положительного, но не составляющего собственно заслуги того, к кому относится оно. Далее, на той же линии может быть хорошая память, счетные способности, умение решать запутанные задачи; еще далее – пойдет ум, тонкий вкус, проницательность, затем нравственные качества – ну, например, честность (довольно трудно представить себе человека, кичащегося своей честностью), исполнение долга, доброта, и т.д. и т.д. По мере восхождения, мысль о себе делается все более объективной и, не безразлично и холодно, но, однако, не себялюбиво и самоопьяненно, человек научается приписывать все это **ЕМУ**, а не **Я**. Еще следующий шаг – и он уже видит, именно видит, а не только мыслит, себя со стороны. Он может тогда без ложной скромности хвалить заслуживающее похвалы и умиляться на то, что должно умилять. Он говорит сейчас не о себе, а об некоем, об N.N. и совпадение этого N.N. с его личностью есть частное обстоятельство, не привлекающее к себе его внимания. Не то важно, что через этого N.N. говорил или говорю Я, а то, что говоримое есть истина. Факт существования этого N.N. поучителен и есть радость миру. Почему же уходящему из него, в данном случае о. Алексею, не отметить этого факта? Почему не разъяснить его? Почему не поведать миру о своем видении? Из ложной скромности? – Но ведь в последнем вопросе уже дан и ответ на него, ибо ложная скромность, как все ложное, должна быть изгоняема.

Х

Видевшие о. Алексея в последнее время говорят, что не только в смысле нравственном он умер для мира, но и физическое тело его совершенно омертвело и казалось неживым, так что только сиявшие глаза указывали, что в физическом смысле он живет еще. Такое состояние чаще всего наступает внезапно и не должно толковаться как постепенное ослабление органических сил. Весьма вероятно, оно и не может наступить иначе как прерывно. Сын о. Алексея, о.Сергий, на мою мысль, что с о. Алексеем за некоторое время до кончины должно было случиться нечто особенное, поведал о выхождении его, происшедшем за два-три дня до кончины. Слово о. Алексея, по всем данным, было написано после этого случая. О выхождении же говорил сам о. Алексей. Он внезапно увидел себя гуляющим в саду и крайне удивился при виде своего тела, лежащего на кровати как мертвое. По-видимому, это выхождение окончательно отделило его от какого-либо пристрастия к себе и окончательно объектировало его земную личность, так что с этого момента, он уже вполне стал для себя только Он, о котором есть сила мыслить и право говорить без малейшей окраски пристрастности, а потому – и без ложной скромности, которая есть тоже пристрастность, но прячущая себя, чтобы тем обратить на себя внимание.

И тогда было написано то, что написано. А кто может обвинить это в неправде?

XI

Но все эти соображения о тайне кончины. Однако, слово о. Алексея, хотя и свидетельствует о кончине, но есть дело жизни и назначено для живых и даже для тех, кто не научился еще смотреть на себя объективно. Ведь знал же о. Алексей, он, видевший на веку столько людей и принявший в свое сердце столько чужих сомнений и смущений, знал же он, что слово его должно быть смутительно многим, может быть всем, не вникшим в тайну духовного умирания. А если так, для чего было сообщать им о своем самосознании, хотя бы даже и высоком? Да и, наконец, если бы это слово и не было преткновенным, то как понять такую запись на смертном одре человеком, вообще не занимавшимся закреплением в слове своих переживаний и даже избегавшим устно рассказывать о себе, несмотря на просьбы близких? Пред кончиною он был в ясном сознании, и, следовательно, нельзя подозревать в такой записи неожиданной прихоти больного. Значит, сам он придавал своему слову большой вес и видел в нем некоторое завершение и закрепление дела своей жизни.

Таким образом, смутительность слова начинает представляться не случайным недосмотром, а преднамеренным действием. Слово написано твердою рукою, в переносном смысле, и должно быть ставимо в ряд прочих жизненных действий о. Алексея. Мало того, оно сгущенно содержит в себе идею его жизни и есть завершительное слово его, испытующий оселок, на котором должны быть испытаны все, думающие о себе, что они идут за о. Алексеем, или по одному с ним пути. О.Алексей экзаменует своим словом. И суть экзамена – в умении понять соблазнительность его слова, как внутренне необходимую в подвиге его жизни, – не снисходительно осветить ее и не простить, а одобрить и чистосердечно сказать себе, что без этого заключительного слова жизнь о. Алексея не имела бы себе музыкального завершения и могла бы быть перетолкована в ложную сторону.

XII

Как дело живого усилия, христианское сознание никогда не сможет быть просто данным, и потому всякое историческое время позволяет воочию видеть борьбу за духовность, провозглашенную Христом. Законничество против Царствия Небесного, закон против благодати восставал не только в те древние времена и не только в Палестине, но вечно восстает, притом во всех общественных средах, независимо от того, называются ли они кагалом, западной или восточной Церковью. Всегда и везде большинство ищет пассивной спасенности, приобретения даров духовной жизни без самой жизни. Всегда и везде большинство рассчитывает купить Святого Духа; в одном случае думают отделаться просто деньгами, в другом – теми или иными официальными провозглашениями веры, или выполнимыми делами того или другого закона, или внешним поведением, или, наконец, тем или иным причинением себе ущерба или неприятности. Конечно, все это в известном соотношении внутренних движений может быть свято и благоуханно пред Богом, как необходимое выражение любви или преданности, или как сознательный путь к внутренней ясности. Но все это, «закон дел», чаще всего определяется не любовью к Истине, а расчетом ради себя самого и рассматривается как средство приобрести желанное, как дешевая плата, за которую кто-то обязан выдать вечную жизнь. Тогда это средство, эта плата порабощает, – конечно, не Бога, Которого хотят поработить, – а самого покупателя. На эту плату он возлагает все свои упования и, естественным порядком, видит в ней некоторую самоцель, нечто столь достойное, что Сам Бог не может не считаться с нею. Его дело становится для него взамен Бога, и тогда, если бы Сам Бог выразил такому Свое недовольство к этому делу или на глазах такого предпочел бы не имеющего этого дела, такой праведник от дел возмутился бы и возроптал.

Вот с этою верою в самодовлеющую духовную ценность дел боролся Христос и на протяжении всей истории борется

духовное сознание христианства. Преемственная нить этой борьбы никогда не обрывалась и нужно верить, – не оборвется; но эту нить всегда держало ничтожное меньшинство, точнее сказать – немногие единицы. И борьба против них всегда велась окружающим обществом двумя вовсе несходными приемами: внешний круг нападающих, численно весьма большой – это и явные враги, и открытые ненавистники; внутренний круг, сравнительно малочисленный, – из почитающих себя друзьями и сотрудниками, из тех, кто готовы и на жертву, но втайне думает о неточностях провозглашаемого и необходимости легкой ретуши, – которой, однако, уничтожается сама суть дела. Первые видят в провозглашающем духовную свободу разорителя субботы и утверждают ценность субботы, как будто он когда-либо говорил обратное. Вторые тоже исходят из ложного убеждения, будто это обратное, т.е. о субботе, было сказано, и принимают его, но добавляют сюда установку вместо субботы некоторого другого дня, с тою же самодовлеющей ценностью. Первые полагают, что вообще отменяется всякий устав жизни, а вторые – что взамен принятого проповедуется некоторый другой. Но и те и другие, и новоуставники и староуставники, не улавливают, сами не зная в себе духовной жизни, что речь идет вовсе не о сравнительном превосходстве того или другого устава и не об уничтожении устава как такового, а о должном месте устава в человеческом духе и о служебном его, а не господственном, положении в жизни.

Во времена Христа были фарисеи и были саддукеи; первые верили в абсолютную ценность своего устава, тогда как вторые всякий устав почитали пустяком, хотя и поддерживали свой из политических видов. Эти два течения потом на протяжении истории многократно переименовывались, но суть дела всегда оставалась одной и той же, и во все времена существовали и существуют свои фарисеи и свои саддукеи. Духовное сознание неминуемо борется с обоими течениями сразу и лишь этой двойственной борьбой определяет себя внешнеисторически, как своеобразную историческую силу. Но общество в основе складывается именно из этих двух течений, как ткань сплетается из основы и утка (К.П.Победоносцев называл эти две стихии

общественности консервативно-инертной и прогрессивной, почитая их равно необходимыми в строении общества). Представитель духовной свободы оказывается направленным по третьему измерению к плоскости общества, и обществу непонятен и даже невидим в своей собственной сущности, как четвертая координатная ось для обитателей трехмерного мира. Иной, чем этот мир, и опирающийся на иную, чем известна в этом мире, силу, он чужд миру и неминуемо оценивается миром, как некоторый урод или юрод. Явное или прикровенное, грубое или тонкое, юродство неизбежно сопутствует носителю духовной свободы. В мире ему по-настоящему нет места, и он лишь терпится, поскольку может быть использован миром в каких-нибудь своекорыстных целях, однако, с постоянным памятованием что его можно при случае окружить почетом, но что за ним требуется зоркий присмотр.

Ясное дело, за таким, вглубь его четвертого измерения свободы, из мира, т.е. из числа не знающих духовного творчества, пойдет лишь то, что не крепко входит в ткань мира, что само изгоняется из мира, но уже не за непонятность миру, а за понятное нарушение требований и правил мира. Это – отверженные, мытари и блудницы, которым нечего терять в мире, и которые, руководясь чутьем, готовы на риск, ибо уже убиты миром, и тоже по-своему умерли, или насильственно умерщвлены. Это – «буйе мира»³⁰⁵, которое избрал Бог, избрал потому, что оно лишь было и есть способно прислушаться к странным и чуждым миру речам о неведомых и непонятных миру силах.

XIII

О.Алексей был одним из немногих в современной жизни представителей духовной свободы. Чуждый и фарисейства и саддукейства, т.е. направленный по перпендикуляру к миру, он не мог не быть юродивым. Конечно, в различных условиях юродство принимает лик различный; но особенностью юродства несомненно бывает его неожиданность, его неподводимость под существующие общественные формы. Оно есть юродство лишь тогда, когда миру представляется уродливым, странным, на границе соблазнительности. Но любое проявление юродства само может быть усвоено миром как некая каноническая форма, как особый устав. Тогда мир начинает ценить ее, как нечто свое, как нечто принятое и улежавшееся и берущий на себя эту форму живет по ней не потому, что она не от мира, а именно по своему согласию с миром. Он берет форму, потому что верит в спасительность жизни по ней, а верит, ибо мир, по крайней мере в лице наиболее влиятельных своих представителей, давно уже признал и одобрил эту форму. Если во Франциске Ассизском были черты юродства, то францисканцы, ему подражающие, делают внешнее дело и ходят босиком как раз так же, как военный надевает свой мундир; если бы даже они ходили нагишом, то и это было бы лишь внешним делом, связующим с миром, а не знамением отрыва от мира силою, чуждою миру. Есть юродство, т.е. настоящее юродство, а есть подделка под некоторых определенных юродивых, за отдаленностью времени уже безопасных миру и поэтому им признанных. Ведь мир не той или иной формы боится как таковой: нет, всякую он может принять и усвоить. Но он боится самой жизни духовной, с ним не считающейся и в любой момент угрожающей неожиданностью, которой миру никак не учесть, поскольку она есть проявление иной жизни, и против которой, следовательно, нельзя заранее принять своих мер. Когда некоторое поведение можно с уверенностью определить как юродство, это есть верный признак, что данное явление не есть юродство, а лишь имитация. Напротив, о настоящем юродстве можно лишь

догадываться, ибо оно никогда не подходит под существующие мерки. То ли это безумие, то ли – особая мудрость, еще непонятная, – так воспринимается оно окружающими. И окружающие его в лучшем случае, терпят, стараясь использовать в своих целях и не замечать досадных проскоков, когда налаженная эксплуатация таких сил вдруг начинает действовать в обратную сторону.

Таков именно был о. Алексей. Многие его ценили и многие пользовались им, – не следует разуместь последних слов в плохом смысле, – но пользовались как поддержкой тех или других отвлеченных начал. Однако большинству приходилось в известный момент досадовать на эту поддержку, которая отказывалась быть столбом, твердо стоящим куда его врыли, и производившую самостоятельные движения. Он всегда внушал, что любовь – выше богослужебного устава; и всем было известно, что, когда того действительно требовала любовь и жалость, он преодолевал этот устав. Но вот понадобилось изменить устав, с ссылкой на требование любви, – и о. Алексей оказывается решительным и непримиримым врагом, не допускающим никаких уступок. Для него устав был святыней, запечатленной любовью, и эта святыня никогда не могла быть отменена, но заливалась в известные моменты живым вдохновением любви, которое непреодолимо текло поверх всех плотин. Напротив, для его противников эти плотины, т.е. уставы, были не благодеянием, а лишь досадной помехой, устарелой вещью, созданной по разным внешним расчетам. Они говорили о любви, как об уставе, и хотели один устав заменить другим, хороший – скверным, любовный – ненавистническим, мудрый – неразумным; подвигались же к тому не любовью, а ненавистью, и даже не понимали любви, как жизни. Это именно они были фарисеями и саддукеями, но в отличие от тех, древних, поверхностными и некультурными. И таковым о. Алексей противопоставлял незыблемую скалу устава. Это делалось сурово и резко. Но вот другие, добросовестные исполнители устава. Они уважали о. Алексея и его деятельность, они хотели бы лишь, чтобы такой уважаемый, такой влиятельный человек в Москве, как он, окончательно

подтвердил своим веским словом безусловную жесткость – так сказать – устава, его самодовлеющую и неподатливую твердость. В ответ в собрании именно тех, пред кем это должно быть сказано, о. Алексей разражается двухчасовой исповедью. Он волнуется, путается от наплыва чувств, стараясь выразить самое заветное из своего жизненного опыта, и боится, что не сумеет высказать свою мысль и убедить присутствующих. Он проливает слезы, по временам рыдает, и кажется, вот сейчас не выдержит всего, что нахлынуло у него, скопившись за всю жизнь. Так в чем же его слово? – Он рассказывает бесчисленные случаи из своей пастырской деятельности, когда нельзя было не выйти за устав. Это – ряд потрясающих картин, которые наглядно показывают, что соблюсти устав тогда было бы явным безумием, а нарушить – значило проявить любовь.

Когда говорят о духовной свободе, то обычно под нею разумеют легкое отношение к уставу жизни и рассматривают эту легкость, как нечто само собой разумеющееся. Да и как бы она не разумелась сама собою, если устав считается человеческою условностью, в лучшем случае почтенной, но обветшавшей, стариной. Для таких утверждение свободы ни к чему не обязывает, потому что она мыслится не как взлет над миром закона, подлинного, незыблемого и священного закона, а как простое несоблюдение правил, которые давно уже перестали быть прочными, и с которыми можно не считаться до такой степени, что даже не утруждать себя борьбой с ними. Но настоящая свобода мыслима только на твердой почве закона. Есть незыблемый мир законов вещества. Его не отрицает, но преодолевает его вторгающаяся в него жизнь. В отношении вещественного мира жизнь всегда есть чудо. Но это чудо само подчинено своим законам, также незыблемым, однако преодолеваемым, чудесно осиливаемым уставом человеческого общества, определеннее – уставом Церкви. Но и этот незыблемый устав, который должен почитаться как воистину священный, может преодолеваться особою, вторгающеюся в него творческою силою; духовностью, христианскою свободой. Она проявляется преобразованием в известный момент устава. Жесткий и каменно застывший, ее жаром он размягчается,

делается податливым и упругим, но всякий раз это есть чудо. О.Алексей глубоко возмущался, когда видел непонимание, что устав воистину есть закон, – и священный закон, – когда, не ведая его силы, воображали, что от него можно просто избавиться себя. Но, настаивая в полной мере на его монументальной реальности, он проповедовал чудо и сам жил огненным расплавлением в любви того, что стояло перед ним же вековым оплотом церковного благоустройства. Он говорил именно о чуде.

Творческое начало и было для о. Алексея самой жизнью, а все остальное – косвенным следствием. Но его почитатели, по крайней мере некоторые, дорожили этими следствиями и рассчитывали помощью их привлечь к уставу людей внешних, а там уже как-нибудь отвлечь от христианской свободы, да и от самого о. Алексея, ради которых и через которых они, собственно, и приняли устав. О.Алексей рассматривался, как лакомая приманка на крючке. К о. Алексею приходили всякие, в том числе приходили и большевики, одни в смятении и тоске, другие – соглядатайствуя и с злыми намерениями; но они уходили, те и другие, получив что-то для своей души. Но от о. Алексея желали видеть некоторые его почитатели не духовный толчок, а внешнее изменение. И когда он, именно к таким, особенно безпросветленным, проявлял иногда исключительную внимательность, против него раздавался ропот. Каждый имел в своем уме свой устав, и молчаливо, предполагалось, что о. Алексей должен руководиться именно этим уставом. Отклонения же от него возмущали. Но о. Алексей шел своим путем, всегда нарушая те или другие ожидания, на него возложенные, и всегда оставляя за собой свободу духовного самоопределения. Не было такой мерки, усвоив которую можно было бы прилагать ее ко всем его словам и действиям, в уверенности, что, нарушая ее, он чувствует себя и должен чувствовать себя виноватым. Напротив, его слова и поступки всегда имели острые углы, выдававшиеся за те или другие правила. И эти углы, сами собою, своим существованием, делали вызов миру, с его отстоявшимися формами и

требованиями. О.Алексей никогда не совпадал с миром. Он был юродивым.

XIV

Духовный человек знает силу и ценность закона, его внутреннюю безусловность. Мирской – не видит этой безусловности и соблюдения закона требует, потому что обратное вызвало бы трение с миром. Закон для него есть приличие. Прилично жить и прилично умереть – таково требование мирское. Но духовному требуется не приличие, а соблюдение закона в существе его, а соблюсти в существе нередко значит нарушить по букве. Юродивым мирское приличие постоянно нарушается. И было бы странным, если бы о. Алексей, не быв в жизни приличным, оказался бы таковым в кончине. Такой же, каким он был, о. Алексей не мог окончить своего жизненного пути ни вполне пристойным погребением по первому разряду, ни благолепным отходом по всем правилам аскетики (несомненно правильным, как и полагается быть правилам). У мира имеется точная роспись, как именно должен кончать человек свое земное поприще, занесенный в ту или другую рубрику. Точно так же имеется и проработанная программа кончины старца, каковая и предназначалась о. Алексею. И он, по миру, должен был проделать все предназначавшееся, чтобы получить тоже предначеченные реплики мира. Он должен был выразить крайнее сознание своей негодности, сокрушаться о своих грехах, свидетельствовать о невыполненности им своего жизненного долга. Заранее предполагается, что все это должно быть им создано и во всяком случае высказано. Это требуется, ибо без этого и реплика мира, в которой будет доказываться обратное и из сокрушения почившего делаться вывод о его скромности и смирении, – такая реплика становится неуместной. Мир верит лишь в себя, и потому последнее слово суда и одобрения оставляет за собою: а судимый и восхваляемый усопший должен проявить свою потребность в этом одобрении.

Мог ли тот, кто жил поперек мира, не поступить наоборот? Своим последним словом он показал, что не признает за миром права суда, ибо «духовного судит только духовный»³⁰⁶. Мир

ждал повода к похвале, но о. Алексей пресек эту возможность и сам сказал о себе или, точнее, об о. Алексее то, что услышал в ином мире, которому и принадлежит и суд и похвала. Своим словом о. Алексей в последний раз, но с окончательною силою возвестил духовную свободу, которую возвещал во все время своего служения. Но, возвещая, он испытует тех, кто считал себя ценившими его. Он требует да или нет от мира. Но мир безмолвствует.

1923. VIII.13.

Священник Павел ФЛОРЕНСКИЙ

Проповеди о.Сергия и другие воспоминания

Мы все собрались сегодня для того, чтобы говорить с Вами о нашей непосредственной теперешней духовной жизни. Нам должно ясно себе представить ту обязанность, которую мы все имеем перед Батюшкой. И мы должны сделать это теперь же, пока еще предносится пред его гробом его духовный облик. Каждый из нас должен сознать, что мы потеряли не только духовного отца и старца, но потеряли человека, которого никто по-настоящему в жизни не понимал. Мы понимали его, поскольку могли, но все же он был нам так дорог и близок, что во всей полноте сделать оценки его духовного образа мы не могли... (О письме Антонина). Это не случайность. Она вскрывает сущность отношения духовных кругов к Батюшке. Да, с одной стороны, к нему относились с некоторой почтительностью, но духовного облика его не понимали, соблазнялись. И если слова Антонина не относились лично к Патриарху Тихону, то относились ко всему духовенству вообще.

...Теперь, когда мы остались без него, то на каждом из нас лежит ответственность. Он был перед нами во всей своей силе, как пастырь, как духовник, как утешитель, как человек исключительно живущий для других. Теперь каждый из нас знает, что такое христианская любовь, и знает из жизни человека. Я хочу сейчас обратить ваше внимание на то, что Батюшка не только оставил нам свое наследство, но наложил на нас и великую обязанность. На нас лежит обязанность Батюшку открыть в его сущности Москве и, может быть, всей России... Только его духовные дети знали и особенно... всю его духовную мощь... Целый ряд его духовных детей, профессоров, с очень крупными именами, даст о нем... свои духовные и душевные переживания в связи с тем, что дал им Батюшка. Но как бы ни велика была ценность этих материалов, которые будут говорить сами за себя... (Батюшкины слова сильны не преприatelyною мудростью, а духом)...

На нас лежит большая обязанность. Во-первых, нам поручен храм. Храм, в котором Батюшка молился более чем 30

лет. Храм, в котором всякий приходящий чувствует особенную благодать. И не потому, конечно, что мы тут, в нем поем, читаем, служим, а потому, что храм этот Батюшкой создан, взмолен..., потому что Батюшкин дух в нем живет. И вы все, входя в него, это чувствуете; и все другие, которые заходят, иногда случайно, и не могут уйти до конца службы. Наша обязанность сохранить этот храм во всей той силе, в которой оставил его Батюшка... Мы свидетели его жизни, мы его ученики и мы должны сохранить его, без преувеличения говорю, для всей России. Сохранить во всей неприкосновенности. Каждый из нас будет ответственен перед Богом за Батюшкин храм. Всякий должен именно теперь, в эти 40 дней, когда Господь через Батюшку дает нам особые силы, дает нам особую радость для продолжения этого великого дела, осознать это... Потому что не всегда это будет с нами, потому что нам придется потом в будни нести этот крест, когда не будет уже обычного духовного и душевного утешения, которое мы всегда получали от Батюшки, когда нам придется преодолевать свое состояние молитвой за него и к нему... И это будет более трудный путь для нас...

Итак, первое – сохранить храм. Затем нужно дать себе отчет в том, что Батюшка был совсем особый человек, не сравнимый ни с кем, по крайней мере из московских современных ему деятелей. Он шел своим особым путем. Шел путем высшим – путем любви. Вы никогда не видели его жестоким, суровым, а всегда любящим, ласковым, с той улыбкой, которая свидетельствовала о его безграничной любви. И если с кем можно было его сравнить из его современников, то только с отцом Анатолием Оптинским... (Воспоминания о.Сергия о его встрече с о.Анатолием в Оптиной)³⁰⁸.

Батюшка шел своим путем, и этот путь являлся для многих соблазном... «Ну что он там у себя делает? Всех распускает, и то позовет, и то»... Батюшка, ученик о. Иоанна [Кронштадтского], но о. Иоанн не был старцем, а был молитвенником, и великим молитвенником. Но он не давал советов, не принимал народ, как принимают старцы. Батюшка вывел старчество из монастыря в мир; сделался единственным старцем на приходе, в миру. Это было соблазнительно.., и

многие стали говорить о том, что ходят к нему какие-то кухарки и т.п. И говорилось это всего лет 25 тому назад... А в монастыре, с другой стороны, говорили: «Батюшка взялся не за свое дело. Если он старец, то должен быть в монастыре. А он взял из монастыря одну внешность, пение с канонархом на два клироса, службу и т.д.» Так соблазнялся монастырь, а мир опять соблазнялся тем, что Батюшка всех хочет упрянуть в монастырь, завел бесконечную службу.

...А Батюшка взял, как Святые Отцы говорят, царский путь. Он шел средним путем. И каждый из нас это чувствовал, чувствует и будет чувствовать. В его общине были люди, которые ежедневно ходили в церковь, и были люди, которые бывали в храме раз в год. Были люди, которые каждый день молились, и такие, которые молятся изредка. Были люди, уже готовые к монашеству, и люди, еще не вошедшие как следует в Церковь... Это был человек, который был для всех всем. Нам выпало великое счастье – продолжать его дело и продолжать всем... И в христианстве смерть вовсе не уносит человека с собой, а дает великую силу, и эту силу мы теперь приобрели. Открылись теперь наши очи. На нас лежит обязанность свидетельствовать о Батюшке, но не словами, а тем же Батюшкиным духом. Это не моя фантазия, что на Маросейке дышится легко, а свидетельство многих... При своей жизни Батюшка всех нас вез, а теперь, когда он еще большую силу имеет... (О Батюшкиной тайной благотворительности).

Важно то, что епископы и священники не понимали Батюшку, и в то же время обращались к нему. Даже Патриарх в первый раз соприкоснулся с народом теперь на могиле Батюшки... Когда случалось что-либо исключительное, то все, что говорилось ими о Батюшке, забывалось, и они обращались за помощью к Батюшке. И Патриарх, когда ему было надо объединить московских священников, обратился к Батюшке. Когда надо было решать дела миссионерского обновленного совета, то опять-таки обратился к нему... (Случай на заседании при докладе А.Г.К.³⁰⁹). Нам, если мы Батюшку любим, знаем его, окормляемся им, нам надо открыть его миру и показать, что

много людей старались создавать ту или иную организацию, то или иное направление... и все это рушилось...

А Батюшка, кроме того, в своих действиях, был еще и смел. Он не боялся, например, организовывать группы, не боялся, что члены этих групп уйдут из-под его влияния или будут...

Он хорошо знал значение своего дела... (О назначении Ж.Ц.³¹⁰ настоятеля в наш храм).

Дело в том, чтобы мы не только сохранили, но пошли и начали распространять Батюшкино дело. Нас много и каждый из нас, неся не только его слова, но и дела, в своей мере будет распространять его дело. А Батюшка даст нам еще больше сил...

Прежде всего нам дан храм. Но мало сохранить стены, надо все меры употребить к тому, чтобы сохранить дух... «Так было при Батюшке и так должно быть всегда – и конец».

Если раньше мир не понимал Батюшку, то и теперь разные вещи будут говорить о Батюшке.

Народ в день его погребения, несмотря на то, что мало кто был осведомлен о его кончине, особенно в провинции, пришел и засвидетельствовал, кого он считает своим пастырем. Нам надо понять, что на наши слабые, и в то же время сильные батюшкиным духом, плечи возложено великое дело, что нам предстоит великий и радостный подвиг. Мы знаем, какое дело мы будем продолжать и куда оно нас приведет.

«Да не смущается сердце ваше. Веруйте в Бога и в Мя веруйте», – сказал Христос. Давайте и мы...

Давайте жизнью свидетельствовать, что мы его ученики... (О слове еп. Феодора³¹¹).

А сейчас мы все батюшкины – и в этом смысле Батюшка умирал спокойно...

Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Братия и сестры!

Многие удивляются на нас: что нас спаивает друг с другом, что так крепко соединяет таких внутренне «неустроенных». Мы все неустроенные, а между тем есть в нас какое-то Батюшкино «устроение». Я знаю, что вы все друг другу помогаете и являетесь друг для друга поддержкой, в особенности, когда у вас молитвенный подъем и радость на душе.

И Батюшкино устроение в нас выявляется прежде всего в богослужении и особенно в заупокойном богослужении по Батюшке. Здесь так чувствуется сила общей молитвы. Вот в эту пятницу так хорошо молились: и всенощная поздно кончилась, и не хотелось уходить из церкви, так бы всю ночь не ушел и молился. А что касается однообразия, – заупокойная служба, в особенности в нашем ее исполнении – однообразна, монотонна. Но на этом однообразии, на этой монотонности особенно выступает радость молитвы, радость общения в Боге с Батюшкой и со всеми вами. И это даже не радость, а тихость какая-то, тихо на душе.

И не один я это чувствую. Вот и два «чужих» священнослужителя, которые молились в пятницу вместе с нами, тоже говорили мне: «Как хорошо у вас молиться, и не заметили как служба прошла!»

Может быть, не все из вас так чувствуют радость общей молитвы, особенно молитвы за заупокойной службой, а я хотел бы, желал бы, чтобы все это почувствовали, и знаю, что многие из вас это и имеют.

Все мы пришли сюда к Батюшке сначала как богомольцы, узнали Батюшку прежде всего в службе церковной, и только потом уже сделались его духовными детьми, пришли к нему со своими скорбями и печалью. И я в этом смысле не являюсь исключением, и я в какой-то момент пришел в храм не так, как раньше приходил, пришел как богомалец, в какой-то момент почувствовал силу общей молитвы, силу таинства. В богослужении и заключается сила, объединяющая нас и

помогающая жить духовной жизнью. И Батюшка постоянно говорил нам: «Ходите в церковь, не оставляйте церкви».

Я уже говорил Вам сегодня, что, по-моему не случайно первые Батюшкины именины уже без него пришлось на Крестопоклонное воскресение. Батюшка нес огромный крест, не только свой личный, но крест, складывавшийся из бесчисленных крестов его духовных детей. При жизни Батюшки мы относились к нему безжалостно. Мы нагружали и нагружали его своими грехами, и этот крест был ему особенно тяжел. Многие думали: «Вот Батюшка устает оттого, что есть много людей, которые хотят говорить с ним». Но это не так. Батюшке было тяжело от того груза, которым мы безжалостно нагружали его. Оттого и болело его сердце. И если посмотреть на это со стороны, то невольно возникает вопрос: зачем все это было нужно, зачем нужен был Батюшкин крест? Ну, если взять из обычной мирской жизни такое сравнение: мы видим лошадь, и вот ее нагружают и нагружают, и вот хочется сказать: «Зачем это? Довольно, она уже больше не может везти, нельзя так!»

А вот в духовной жизни, в богослужении находится ответ. Многие из нас после смерти Батюшки в отчаянии были за свои прежние грехи, которыми они огорчали его. Им казалось, что если бы можно было вернуть прошедшее, они все начали бы с начала, исправились бы, а теперь Батюшки нет и уже поздно.

Нет, в духовной жизни никогда не бывает поздно, еще не поздно исправить наши грехи перед Батюшкой. И теперь нам легче это сделать, потому что раньше мы были как слепые, а теперь смерть Батюшки открыла нам глаза: мы видим наши грехи и можем исправить их. Неужели же Батюшкин крест будет для нас бесплодным? Я сегодня устал и мысли как будто плохо слушаются, но основа, думаю, вам ясна: на наших грехах, на покаянии и исправлении должны мы построить нашу новую жизнь.

Во имя Отца и Сына и Св.Духа. Аминь. Господи благослови.

Никогда мы не переживали таких дней, как дни, связанные с моментом смерти дорогого нам Батюшки. Наше сознание все время занято только одной мыслью о том, кого схоронили, наше сердце каждую секунду покрывает его самыми нежными ласками.

Батюшка слишком жил в наших душах, чтобы смерть его могла быть концом его жизни в нас. Мы плачем, мы опустили его тело в могилку, потеря его для нас незаменима; но печаль по Батюшке нас не убивает, – великая и сокровенная тайна единения продолжает свое существование; а, следовательно, Батюшка продолжает в нас жить, и пока мы батюшкины, до тех пор нет конца его жизни и в нас.

Любовь и ревность не знают безысходных положений; они способны оживить даже камень; а вера в бессмертие души сбрасывает могильную плиту как с самого покойника, так и с наших сердец. И прежде, чем Батюшка воскреснет при Втором пришествии Иисуса Христа, он уже воскрес в наших сердцах.

Любовь и ревность сильнее смерти: они пересиливают природу и заставляют простое воспоминание о покойном Батюшке ожить в возлюбленном милом и дорогом образе.

Здесь действует душевная и тонкая организация женщины с ее нежной и проникновенной печалью, недоуменным удивлением перед фактом неожиданного исчезновения дорогого лица и с непреодолимым конкретным желанием еще раз увидеть Батюшку, взять у него благословение и поцеловать его руку.

Здесь женщина с быстрым и верным внутренним чувством правды в полном единении с исповедуемой религией воскрешает покойного в своем сердце и силою своей женской уверенности зажигает подобное чувство и в нас – холодных аналитиках. В этом чудо любви и ревности, в этом мировая роль женщины, этим она выявляет по преимуществу религиозный характер своей природы.

Кто теряет такого человека, как Батюшка, у того возникает искреннейшее желание собрать и сохранить все то, что только может напомнить нам его, иметь его жизнеописание, его портреты, а, в особенности, сохранить между собою свою молитвенную близость.

Весьма вероятно, что с момента смерти дорогого Батюшки многих из его духовных детей охватило чувство растерянности, способное рассеять батюшкину духовную семью; но если Батюшки с нами нет, остались его заветы. Эти заветы нужно собрать, объединить, в них необходимо вникнуть умом и сердцем, усвоить их и жить по ним.

Идя таким путем, мы исполнимся радости и надежд; наши души охватит необъятное ожидание встречи, и мы действительно встретимся с Батюшкой; последует то же самое, что и было с посмертными явлениями преп. о.Серафима, с которым Батюшку многое роднит. Вот что мы читаем в жизнеописании Преподобного:

Невозможно не удивляться тому, что человек, находящийся уже в могиле, ходит по всему пространству России, является в разных местах и именно для разнообразной помощи ближним. Таков-то преп. о.Серафим! Он входит во дворец богача и в лачугу бедняков, в городские дома и в крестьянские избы; всюду приносит благословение и утешение, избавление от горя и бед. То является он в сновидениях, то наяву, все по-прежнему тихий, кроткий, благожелательный. То видят во сне, как этот старец молится у изголовья больных, или, стоя у их постели, предлагает им какое-то лекарство; то он воочию является страждущим с словом приветия и утешения, то охраняет призывающих его имя от разных напастей и бед и т.д.

Таким великим и святым явлениям, как жизнь праведника, свойственно очищаться и постоянно расти. Чувства к любимому человеку, который умер, приобретают еще большую любовь, чем те, которые были при его жизни и непосредственно после его смерти.

Смерть Батюшки служит началом его истинной жизни, он с нами в дороге, он и дома, он с нами на людях, он и в

одиночестве, и особенно с нами он на молитве и именно в этом храме.

Образ Батюшки, утрачивая свою телесность, становится душою нашей жизни, принципом нашего поведения, духовным источником радости и утешения, спасающим нас от уныния.

А наша жизнь с Батюшкой приобретает характер чего-то священного по преимуществу; в ней поэзия, чарующая проникновенность и вернейший залог прочности нашего духовного будущего; больше того, наша жизнь с Батюшкой представляет собою то благодатное переживание праведника, от которого наше воображение исходит, чтоб представить себе, чем же тогда может быть переживание всякой благостыни и небесной, и земной. Эта вторая жизнь Батюшки в его безтелесном состоянии является гимном в честь первой его жизни во плоти: теперь очарование утончается и благоухание одуховляется.

В Батюшке отразилась небесная правда, красота, добро, и любовь. К тому же теперь, когда дух его более не отягощается томящею плотью, он получает силу потушить возможное в прошлом разъединяющее соперничество и неудовольствие между членами его духовной семьи и завязать взаимную горячую дружбу, – ведь любить тех, кого любил Батюшка, означает любовь к самому Батюшке; кроме того, самые дорогие и милые воспоминания о Батюшке составляют наше сокровище, – вместе вспоминать то счастливое время, которое было и миновало, это означает иметь среди себя того, о ком вспоминают, т.е. Батюшку; да, наконец, теперь Батюшка больше, чем при жизни, стал нашим общим посредником между Богом и нами.

Совместная жизнь в одних и тех же воспоминаниях, в одной и той же любви к Батюшке и к тем, кого он любил, в одном и том же переживании Батюшки, как общего посредника, и в одном и том же ожидании встречи нашей с ним в загробном существовании должна создать и общие привычки и правила общежития одной из тех обителей, которых у Бога много, а именно, Батюшкиной обители.

И когда наступит грозный и вместе с тем сладостный час Второго пришествия Господа нашего Иисуса Христа, то пожелаем, чтобы мы вместе, батюшкины дети, собрались около него и с успокаивающей нашу трепетную душу радостью услышали бы дерзновенный голос самого Батюшки, обращенный ко Христу: «Вот я, а вот мои дети!» Да будет! Аминь.

Когда вспоминаешь Батюшку, то прежде всего выступает не воспоминание его в нашей памяти, а в сердце нашем чувствуется хорошо известный нам толчок.

Батюшка – это переживание того, что тебя когда-то искренно пожалели, приголубили, полюбили, но этого одного недостаточно. С Батюшкой, чувствовалось, был Бог, и здесь человеческое уже отступает, через Батюшку тогда тебя жалел, ласкал и любил Сам Бог.

Он воспринимался нами как Божии ступеньки, приставленные к нашему сердцу настолько близко, что для сердца было уже не трудно раскрываться навстречу Самому Богу. А можно ли выразить человеческою речью радость богообщения? Батюшка же эту радость давал.

Когда умирает человек, который весь заключается в наших умственных воспоминаниях, такого человека, как ни трудно, но все же легче заменить другим; но Батюшку – как переживание и трепет нашего сердца, – заменить другим невозможно.

В противоположность уму, сердце отличается верностью: оно не в силах забыть те исключительные святые переживания, которыми Бог благословил нас через Батюшку; ум можно переубедить, но кто может заставить сердце сказать «нет» там, где оно переживает «да». Сила внутренней уверенности мощнее силы логического доказательства. Ум, наконец, по природе своей холоден, и его привязанности потому непрочны; сердце же, живущее уверенностью, горит, и жаром своим сжигает все сомнения.

Батюшкино земное поприще завершилось; но не завершились труды его ко спасению наших душ. Великая милость Божия к нам в том, что каждый из нас на своем пути встретил праведника. Это действительно милость, дар великий, потому что, хотя мы и сами стараемся трудиться, но что мы можем сделать, если не Господь?!

Начиная с первой встречи с Батюшкой, вплоть до последней минуты, когда мы с Вами беседуем, не осязаем ли

мы близкой благодеющей руки Господней.

Сердце наше воспринимает эту необыкновенную милость к нам Бога, и наполняясь миром, ищет высоких и чистых излияний своей души, ему хочется любить, жалостливо любить всех и каждого, его охватывает благоговейный страх перед величием и могуществом Господа; какой-то безпредметный вздох временами сотрясает его глубины и внезапная сладость или неожиданная нежность выступает наружу, и слезы радостные, бесконечно сладостные слезы, самопроизвольно льются из глаз – душа тогда расплывается в одной из самых святых своих молитв.

Трогателен и проникновенен был Батюшка, прост и любвеобилен. Память о нем и сердечная привязанность к нему должны стать непрестанным и верным двигателем в нашей жизни. Мы должны жить Батюшкой и по его смерти столь же сильно, как сильно были привязаны к нему при жизни.

Батюшкина обитель, которую ему Бог благословил заложить здесь на земле из наших душ, Батюшкой теперь завершается на небесах. Что Батюшке при жизни своей самому, как немощному, казалось еще неясным, гадательным, теперь в мире светлых духов представляется с глазу на глаз.

Батюшка смертью своей утверждает нашу веру на небе, где заканчивается им обитель для нас, если только мы сохраним свою верность ему.

В этой верности вся сила дальнейшей жизни. Мы не знаем, когда и как Батюшка по Божьей воле станет каждого из нас выбирать из этой жизни, и собирать в своей небесной обители; но мы должны считать себя счастливыми, что глаза наши видели праведника и его дела, и уши наши слышали его слова; ведь многие желали бы видеть то, что мы видели, и слышать то, что мы слышали, но не видели и не слышали. А то, что видели и что слышали, все это мы должны собрать как драгоценные перлы Батюшкиного духовного наследия.

Батюшка выступает перед нами в тот период своего Божьего подвига, когда все свое он успел уже сжечь на поле Божьего послушания и самоотречения; мы его увидели в момент победы над собою, когда его светло-голубые глаза

стали уже видеть двери в обители Христовы отверзтыми для входа.

Здесь радость и торжество христианства. По своему типу Батюшка принадлежит к тому типу русских праведников, отчасти прославленных, отчасти ждущих еще своего прославления, который начинается с преподобного отца нашего Серафима Саровского, идет через Оптину Пустынь и доходит до наших дней. Это тип праведников, озаренных тихим светом смиренного жаления и любви, ровным, неослепляющим, спокойным.

Такие именно праведники нужны людям усталым, измученным, печально склоненным. Эти люди боятся какого-либо прикосновения к их ранам, им уже больно заранее. У этих людей нельзя также сразу сломать их жизнь – подобная попытка только окончательно измучит их и породит отчаяние; для таких людей необходимы смиренно жалеющие Серафимы Саровские и Амвросии Оптинские с их успокаивающей любовной лаской.

Батюшка весь был в духе преподобного Серафима, та же любовь, та же ласка во взоре и радостная улыбка на устах, та же сердечная приветливость: в присутствии Батюшки также все размягчалось и выходило в слезах.

Батюшка – целитель душ Серафимовского типа, и Слава Богу, что в наши дни усталости и измученности Господь продолжает посылать к нам на землю Своих ангелов во плоти, озаренных целителей душ.

И как счастливы мы с Вами, что на пути своей жизни мы встретили Батюшку. Мы здесь на земле подобны утомленным путникам, сосредоточенно движущимся медленной тяжелой походкой; мы устали и от продолжительного пути и от страшных его опасностей, идя то под палящим солнцем, то сковываемые ледяным холодом жгучих морозов; мы вот-вот готовы упасть, но неожиданно подходит к нам некто, озаренный внутренним светом, и все мы при одном взгляде на него поднялись, приободрились, чувствуя неволью, что и на нас отбрасывается сияние подошедшего.

Этим некто и был батюшка о. Алексей. Он подошел и пошел с нами, старенький, маленький, но сильный любовью, жалостью

и лаской, дошел с нами до своей могилки и скрылся телом в нее, а духом поспешил к Горнему Иерусалиму, чтоб и там встретить нас на тяжелых и страшных путях загробных мытарств, и также любовно, жалостливо и с лаской пойти с нами, расплачиваясь своими молитвами за наши грехи. Батюшка, отец Алексей, вечная тебе память, родной!!!

«И всегда я для вас жив буду»³¹⁵

Когда вокруг слабеет вера, могила праведника вызывает к себе особое набожное отношение.

Между ушедшим в могилу праведником и нами, ему обязанными, заключается родственный тесный союз. Как первым христианским святилищем были гробницы мучеников, так и теперь гробницы праведников, после наших храмов, являются вторыми для нас алтарями. Все здесь дорого и близко сердцу – и сама свежесть могилы, и мягко мерцающая лампада, и ощущение сырости и тления кругом, и тихо нашептываемая молитва, и нищие, простирающие вам руку за милостыней, и плавно раскачивающиеся деревья – все вместе создает мягкую теплую атмосферу братства живых и умерших, в которой и жить хорошо и умереть не страшно.

Если бы жизнь заключалась в том, чтобы забавляться, есть кусок хлеба и считать за истину только то, что материально подтверждается, то такая ложно и ограниченно направленная жизнь неизбежно привела бы к скуке и насилию; ей не хватало бы любви, жалости и самопожертвования и потому она была бы леденяще холодна, суха и неприглядна, хотя может быть и справедлива, но жестка.

Сердцу человеческому необходимо к чему-нибудь привязаться, искать себе утешения там, где оно находит его, создавать себе любящих и любимых, завязывать свои сердечные связи; ему нужна теплая ласкающая среда, в которой можно жить и умереть вместе, а не одиноко, покинуто.

Таково царство душ, царство религиозной радости. И здесь Божественный закон, Богооткровенная книга. И праведники являются центральными точками приложения любви, жалости и самопожертвования.

Такой центральной точкой и был покойный Батюшка отец Алексей.

Он сам был живым источником веры и благочестия, любви и жалости и самопожертвования, и поэтому к себе вызывал такие же ответные движения души. Все, что Вас угнетало и

обездоливало, все, что Вас омрачало и подавляло, все это уходило вдаль и помещалось в глубинах его любви, жалости и желания придти к Вам на помощь.

Эта сила притяжения к покойному Батюшке родилась в сердцах не гордых и сильных мира сего, а маленьких и смиренных, в сердцах людей, которые дают себя в обиду, искренно признаются в слабости, все терпят, ставят себя ниже других, подчиняются и повинуются, и готовы всем и каждому помочь. Отец Алексей воззвал к этим струнам самоотверженности и искренности в наших сердцах и на себе показал блаженства их переживания.

В этом сила и торжество христианства – составлять в мире малую паству, быть малым стадом среди мира, тебя ненавидящего, презирающего и оплевывающего, и в то же время, сливаясь со Христом, любить это уничижение и жаждать добродетелей простого человека, не ищущего себе возвеличения.

Мир представляет свои большие материальные преимущества, но ничего не дает для любви. И сколько бы он ни давал удовольствий, света и славы, он не в силах заглушить роковым образом развивающихся в человеческом сердце сперва скуки, разочарованности, а потом невыносимой тоски, которая хуже смерти.

В противоположность этому в малом стаде христианства тихое веселие, кроткая радость, легкое чувство, теплая проповедь о блаженстве самопожертвования и вечном Царстве Божьем.

Здесь в малой пастве великая идеальная цель, к которой стремится сердце верующего, не нуждающееся в материальных обстоятельствах, ее поддерживающих. Здесь безумие в глазах мира является мудростью в глазах Бога; здесь нельзя сказать, чтоб душа не ощущала бы тех переходов, путем которых добро делается злом, а зло добром, когда утрачивается необходимое чувство различения и заменяется безразличным словом интерес, – интерес государства, интерес хозяйства, интерес общества, интерес того учреждения, в котором человек служит; здесь отрешенность от всяких излишних материальных забот и

от всякого эгоизма, человек живет религией, погруженный в вечное поклонение Божеству, переход от одного состояния любви, жалости и самопожертвования к другому.

Скромные и благочестивые христиане блаженствуют в своей скромности и благочестии; их маленькая во внешнем выражении жизнь бесконечно им нравится за свои внутренние богатые переживания.

Такова жизнь христиан в ее глубинах и источниках, но ее обволакивают, как бы бегущие фигуры небесных облаков настроения и влияния внешнего мира, лежащего во зле; эти фигуры, никогда не слагаясь в законченный образ, тем не менее искажают образ христианина и отлучают его от Бога; нужна чья-то ясная мысль, чье-то любящее и жалеющее сердце и жертвующая собой воля человека, чтоб отогнать эти бегущие фигуры и выявить в грешнике его подлинную душу.

Такою мыслью, таким сердцем и такою волею является мысль, сердце и воля праведников, а в нашем случае покойного батюшки отца Алексия. Жизнь грешника-христианина вечно колеблется между демоном и Богом, между святостью и греховностью, для исцеления ее иногда достаточно одного ... слова, одного ласкового взгляда. И здесь в особенном свете выступают целители душ, которые могут своим верным взглядом понять безумствующую душу и найти момент, обстоятельство и место, чтоб положить на ее сердце свою ласковую, успокаивающую и исцеляющую руку.

Среди таковых целителей душ мы видим и нашего покойного батюшку о. Алексия.

Истинные дары Божий заключают в себе в одно и тоже время нечто тонкое и сильное. Божий талант заключается не в громадной тяжести, которая, опускаясь, раздавливает того, на кого она опускается, а в огромной нежности, которая чем более проникает в страждущую душу, тем глубже и полнее ею впитывается.

Божий дар праведника всегда высоко ценился, а ныне, когда один из этих праведников, батюшка наш о. Алексей отошел в вечность, он ценится выше, чем когда-либо, и будет оцениваться все больше и больше.

Батюшка проявил свою проникновенную деятельность в таком огромном количестве сердец, что если бы собрать нас всех, ему обязанных, заполнился бы огромный храм. Добрый и любвеобильный Батюшка не протестовал против наших духовных неустроений; он как бы мирился с нашей слабостью и старался извлечь из нее все лучшее, что только было возможно; он добивался нашей искренности и доверчивости; работал, распуская петлю за петлей, сеть нашего природного недуга; и хотя все неможное в нас раздражалось, победа была уже предрешена, ее одерживал маленький добрый старичок – наш Батюшка.

И вот перед нами его могила.

Батюшка ушел в землю. Можно из этого заключить, что Батюшке суждено постепенно ослабевать в наших сердцах и, наконец, совсем исчезнуть, подобно тем бегущим неустойчивым фигурам облаков, с которыми Батюшка боролся всю свою старческую жизнь.

Конечно, нет. Состояния человеческого сердца разнообразно: посреди них есть одно – верность. Пусть время идет, но оно никогда не сведет к нулю этого чувства. Верность видит в своем прошлом одного лишь Батюшку; в ее переживании нет уже места для какого-либо заднего чувства; для нее и смерть не преграда, потому что для духа – смерти нет. Она больше не вольна в себе, когда склонилась уже перед чем-нибудь. Тот никогда не может быть в достаточной степени любящим, кто не может быть верным. А с могилой Батюшки тепло. Среди глубокого молчания кладбища голос ласково шепчет: «Ходите как вам время есть, и чем чаще, тем лучше для вас. Все, что ни есть у Вас на душе, все о чем ни скорбите, что ни случилось бы с Вами – все придите ко мне на гробик, припав к земле, как живому и расскажите все, и услышу вас и скорбь пройдет. Как с живым со мною говорите и всегда я для Вас жив буду». Аминь.

«Терпи все без ропота» (воспоминания рабы Божией Параскевы)

Много мне говорили про Батюшку о. Алексия Мечева, про его прозорливость, да все никак не могла я собраться к нему.

Взяли моего мужа на войну. Через некоторое время после того приезжают с фронта его товарищи, а его нет. «Нашу дружину всю разбили, – говорят. – Счастье, если вашего мужа в плен взяли». После этого известия стала я совсем больная. Что делать, не знаю. Тут-то и собралась я к Батюшке.

Пришла рано-рано. Всю обедню проплакала. Кончилась Литургия, молебен, подходят все к Батюшке под благословение. Я стою и смотрю, а подойти не решаюсь, точно меня что задерживает. Никого уже не осталось, а Батюшка стоит и терпеливо меня ждет, надо идти. Подошла да только и спросила, как о муже молиться.

– Молись о здравии, – одно это Батюшка сказал мне, да благословил и сразу мне легко сделалось, стала я совершенно здорова – домой пришла, никто меня не узнает.

Понравилось мне в церкви и решила я, что буду у Батюшки причащаться и исповедоваться. А враг и начал в душе свое говорить: как ты к нему пойдешь, он прозорливый, он все узнает. Была я в отчаянии как на дне моря в руках у врага – такой он на меня страх навел. Только в Великий пост собралась я наконец к Батюшке.

– Ну как живешь-то?

– Как живу. Дети... муж.

– Ну ты раньше жила для мужа, а теперь поживи для Бога. А как ты исповедуешься, причащаешься?

– Один-два раза в год.

– Что ты, что ты, разве так можно?

Назначил мне через каждые 6 недель причащаться.

Хоть и трудно было с детьми, стала я почаще к Батюшке ходить. Так я его полюбила, что, кажется, лучше отца и матери. Боялась как бы с ним чего не случилось. Приду, еще снизу лестницы услышу его голос и обрадуюсь.

В храме ни о чем я с Батюшкой не говорила, как бы стеснялась. Заметил он это и спрашивает

– Ну, как ты?

– Ничего, Батюшка. – А у меня неприятности дома с жильцами были, да стеснялась я говорить при народе.

– Ну, ты приходи ко мне домой.

– Батюшка, когда же придти?

– Когда хочешь.

Пришла я в назначенный день. Очередь большая. Ждала часов до 10 вечера. Батюшка сам открывал дверь и сам каждого брал. Еще очередь моя не подошла, а он поглядел на меня, взял за руку и повел, а народу говорит, – и жалостно так, – чтоб они не роптали: «Она долго уже стоит здесь».

Вошла я к нему в кабинетик, говорю: «У меня, Батюшка, столько горя, что не знаю, что и делать...»

– А я с тобой.

Как сказал это Батюшка, так мне хорошо, так спокойно стало сразу и слезы остановились.

– Прошное время было для нас тяжелое. Мы с тобой устроимся жить по-новому, будем мы жить хорошо.

Накрыл меня Батюшка епитрахилью, взял книгу какую-то и уже не знаю что стал надо мною читать. Уж очень видно врагу не хотелось, чтоб я у Батюшки осталась: страшно вдруг мне стало, так страшно, хоть сейчас бежать. Да все-таки уж очень я и самого Батюшку и храм полюбила, прилепилась к нему.

Чем бы я ни заболела, думается, только бы Батюшка благословил, и все пройдет, как в первый раз.

Были у меня жильцы очень плохие, много из-за них я ночей не спала, так что стала совсем больной. Доктора признали острое расстройство нервов. Родные меня в деревню увезли.

Прихожу потом к Батюшке, а он не дал еще мне ничего сказать, а уж все знает: «Ну что ты, – говорит, – бром все пила? Ну ничего, ничего, а ты не лечись, брось лечиться (т.е. не лечись по нервным болезням, и по женским не надо, а вот по внутренним сходи)».

Я ему говорю, что жильцы меня расстраивают.

– Ты их не бойся, я помолюсь.

И правда, они через две недели уехали от меня. Говорю я об этом Батюшке. А он сделал ручкой своей крест на книжечке.

– Ну вот и хорошо. Крест поставим им. У нас в Москве продовольствия и так мало.

Была я очень больна, родители уговаривали уехать в деревню пожить: «У нас, – говорят, – корова, хозяйство свое – лучше тебе будет». А я к Батюшке пошла.

– Ну куда мы с тобой поедem? Мы с тобой московские-подольские (а я и не говорила ему, откуда я родом). Там невестка, а здесь ты сама хозяйка (и об этом я ему тоже ничего не рассказывала)».

Невестка заболела тифом, померла; осталось от нее трое детей-сирот. Стали меня папа с мамой настраивать, чтобы я в деревню поехала – (мои-то дети тоже там жили) – женщины в деревне нет, маме одной трудно. Написала я Батюшке длинное письмо: родители мои настаивают, чтобы я в деревню ехала, а мне с храмом расстаться трудно. И на все письмо свое получаю такой ответ: «Советую остаться в Москве, на месте. Уедешь, бросив место, лишишься квартиры, поломаешь мебель и расстроишь свое дорогое гнездо. Батюшка Алексей».

Думается, что говорил он про душевное мое гнездо, про Маросейку, лучше которой для меня на свете нет.

* * *

Как-то раз посылаю мужу посылку, подхожу ко кресту вместе с вещами. Батюшка улыбается, глаза такие сияющие.

– Ты это кому?

– Батюшка, мужу.

– А у тебя муж есть?

Оглянулась я случайно назад: смотрю, Батюшка крестит меня и мои ящики с посылкой.

По его молитвам ни одна у меня посылка не пропадала и ничего не разбивалось, как это часто у других случалось.

* * *

После мужа деньги я все прожила, осталось у меня всего несколько рублей. Пришла я к Батюшке.

– Я все бедствую...

– А что такое?

– А вот денег у меня совсем мало осталось.
– А чем твой муж раньше занимался?
– В артели служил.
– А место-то артельное у Вас цело?
– Цело-то цело, да у нас, Батюшка, женщин не берут.
– А ты иди к старосте и просись, ходи к нему почаще, он и возьмет.

В артели же у нас образовались уже добавочные места. Староста был против того, чтобы женщин брать, но по молитвам Батюшки смирился, взяли меня и вправду в артель (как говорил Батюшка) и не на мужнино место, а на добавочное. Поступила я на место в Центротекстиль, в товарищеский склад. Служила там год с лишком. Попала в хороший подсклад – хорошие все люди, верующие, никто дурного слова не скажет. Хоть и холода тогда были, а у нас тепло – топили.

И вдруг переводят меня в другой склад, где масса мужчин-рабочих; ругань, грубости. Иду на Маросейку.

– Батюшка, перевели меня в другой подсклад, одни там мужчины, ругаются.

– Ничего-ничего, голубушка, это ты не привыкла. – До трех раз просилась я у Батюшки с заведующим поговорить обратно меня перевести, а Батюшка все не благословляет. «Ничего, да ничего», – говорит.

А в то самое время в том подскладе, откуда меня перевели, случилась большая кража и я, следовательно, от всякого подозрения и неприятности была избавлена. Тут и поняла я, что Батюшка меня из ямы тащил, а я упиралась.

Ведь мы – артельщики за всякий замок отвечали. Бывало иду дежурить, боюсь, прошу Батюшку помолиться – и ни разу в мое дежурство ни поломки замка не было, ни кражи. Одну мою сослуживицу вот так посадили в тюрьму, когда в ее дежурство кража случилась, хотя сама она и не была в этом виновата.

Я к Батюшке и говорю, что жалко мне ее да и страшно: хотят нас всех артельщиков посадить.

– Тебе-то что, ведь не ты украла.

Но я просила Батюшку помолиться, и он в тот вечер, помню, раза три при мне положил на себя крестное знамение.

На другой день прихожу на службу, говорят, что воров обнаружили и товар нашли в одном месте, как раз накануне вечером, когда Батюшка перекрестился. Думаю, что не просто это так случилось, а за Батюшкины молитвы, чтоб нас, невинных, не обвинили. Хотели тогда виновных к смерти приговорить, но Батюшка и за них молился и спас их Господь.

* * *

Бывало, как соберусь в деревню ехать, спрашиваю у Батюшки благословение. Когда благословит, когда нет. И смотришь – когда не благословил, сейчас какая-нибудь на службе комиссия придет служащих проверять, а благословит все ничего, спокойно.

Раз родные мои так расстроили меня: «Тебя Батюшка не хочет расстраивать, а мужа твоего в живых нет. Последний эшелон пленных пришел, а его нету. Значит он умер».

Пришла я к Батюшке, а он и говорит: «Ну что ты, Бог с тобой. Еще годок-другой подожди, а там видно будет».

И правда еще года полтора прошло, и мой муж вернулся.

* * *

Когда мужа еще не было, жили дети мои у моих родителей в деревне. Уродилось у них хлеба мало, они и говорят мне: «Не можем твоих детей кормить, бери их как знаешь». А куда мне было их взять; жалование в то время было маленькое, паек тоже. Захотелось мне с Батюшкой своим горем поделиться. Ничего еще ему не сказала, а он мне сразу: «Что объели они их, обпили? Великое будет преступление, если они так сделают». А потом крестит меня, крестит и говорит: «Ну, ничего, не плачь, ничего, Бог даст, все устроится», – и действительно устроилось по батюшкиным молитвам: не хватило у родителей моих сердца детей выгнать.

* * *

В 1920 году как мужу придти, – опять не уродились у нас в деревне хлеба – на этот раз настоящий неурожай был. Предлагают они опять детей брать. Расстроилась я и пошла к Батюшке, и опять еще ничего не успела сказать ему, а он мне говорит: «Ну, ничего-ничего. Вот муж скоро придет и будешь жить хорошо». И правда через две недели муж вернулся. Сам

он этого не ожидал, писал, что раньше Рождества не приедет, а пришел в октябре. Случайно совсем его отправили: бумаги на других прислали, а их не оказалось, тогда его взяли взамен их.

У нас родственники были – мужнина сестра и муж ее – сам украинец. Жили они здесь неплохо, да показалось хуже против прежнего, захотели они к нему на родину уехать. Скорбела у меня душа, что не захотели они у Батюшки благословения спросить на поездку, но ничего я так Батюшке и не сказала, что же поделать, если сами не хотят. Уехали они. И тут же заболел сестрин муж в дороге и скончался.

А я в самый вечер под его кончину пришла к Батюшке в кабинетик. Это было 30 января. И вот что Батюшка сделал. Сидим мы с ним, разговариваем. Вдруг вынул он из кармана кусочек просфорочки, положил в рот, откинулся назад и глаза закатил. И стало мне так страшно, жутко, точно уже не на земле мы оба с ним были. Очень запомнился мне этот случай, а что он означал, не понимала. Только Великим постом получили мы от сестры письмо, что муж ее 30 января скончался.

И в другой раз вроде этого было: болен был мой крестник. Я с Батюшкой также говорила о нем. Батюшка вот также откинулся, зевнул, а я вдруг почувствовала, что это не просто так, что Батюшка мне этим предсказывает, что крестник мой умер. Пришла домой – и правда, умер.

* * *

Собирался Батюшка в Верею уезжать на два месяца. Все дни перед отъездом он был в церкви, а потом собрались мы все к нему на лестницу. Говорим мы с одной батюшкиной духовной дочерью, как тяжело нам без него будет целых два месяца: «Давай попросим у него благословения приехать к нему». Пошла она к Батюшке проситься, а я уже не хотела идти, думаю, что не буду утруждать Батюшку – был уже первый час ночи. Стою в темноте, дожидаясь ее. А Батюшка вышел зажечь электричество: «Кто тут просится приехать ко мне, где она тут преподобная-то Параскева. Надо ее взять, надо ее взять». Повел меня в свой кабинетик. Все уже мы с ним переговорили, что мне было говорить. Стала я на коленки, благословил меня Батюшка, да взял крепко-крепко за голову. – Только уехал он,

заболела я тифом. Думается предсказал мне этим Батюшка, что заболею я, что будет у меня сильная головная боль и шум в ушах.

* * *

Когда мужа не было, все мои родные жили лучше меня. А в деревне был у них сад. И вот вошла мне в голову мысль – сколько мой муж все помогал, а они мне и яблочка не пришлют. Прихожу на исповедь к Батюшке и ничего еще ему не сказала, а он мне уже и отвечает: «Ты перед собой воображая Животворящий Крест, должна все терпеть без ропота...» И как сказал он эти слова, то подумалось мне: а сколько Спаситель терпел... И мне стало совестно и приходится только говорить: «Простите, Батюшка, меня грешную». – «Ну, Бог простит». И затем: «Словом, делом, помышлением»... и тут же Батюшка накрывает епитрахилью.

* * *

Говорю я Батюшке: «Искушает меня окаяшка в таких-то и таких-то словах», – передаю ему. «А ты скажи: «Животворящий Кресте Господень, не остави меня, спаси меня».

* * *

Однажды отругал меня отец. Ничего я ему не сказала, а сама в душе обиделась и против него возгордилась. Думаю: вот Батюшка о. Алексей никогда так со мной не говорит, всегда я у него «хорошая». Прихожу на исповедь. Ушел Батюшка в алтарь, дожидаясь его. Бегом бежит Батюшка из алтаря, лицо у него такое сияющее, глазки веселенькие. Ничего еще ему не сказала, а он подходит и прямо мне говорит: «Отец твой хороший у тебя, а ты вот плохая!»

Раба Божия ПАРАСКЕВА

Публикуется по записи в тетради из архива Е.В.Апушкиной.

Сведений об авторе – «рабе Божией Параскеве» – установить не удалось.

«Стояние у человеческого горя» (воспоминания духовного сына)

Во имя Отца и Сына и Св.Духа. Господи помоги.

Нужно сказать, [но] настолько трудно передать другим свои переживания, связанные с образом почившего о. Алексия.

Прежде всего, необходимо выпустить слово: протоиерей. Отец протоиерей Алексей, – это совсем не то; слово это лишь охлаждает образ почившего. Батюшка о. Алексей, – вот то, с чем сжилось наше сердце. В деле подхода к о. Алексию необходимо и в себе самом и в своих словах найти все озарение, всю любовь и жалость, что так глубоко пропитывает переживание слова: Батюшка. А как это трудно для нас.

Мы все привыкли в общении с Батюшкой говорить о себе и только о себе. Это как-то раз отметил и сам Батюшка. Больше того, мы привыкли находить у него столь радостную себе встречу, что каждому из нас казалось, как выразилась одна сестра, будто именно его Батюшка больше всех любит. Поэтому трудно, привыкши только получать, теперь что-то дать и боязно услышать голос покойного, возражающий: «не то, не то, совсем не то».

Сказать о Батюшке, это значит сузить, приземлить его лицо и отнять непосредственность у своего переживания, а Батюшку, жившего не логическими формулами, формулами и не охватишь. Батюшка не книжник и не мыслитель; Батюшка – огромное сердце, охваченное жаром прозревающей жалостливой любви, спорить он не мог, он и не спорил; но то, что он говорил, шло выше, какой либо логики и принималось помимо логики; потому что так говорил Батюшка.

Для людей неверующих Батюшка был в особенности не понятен, и не раз ему задавался вопрос, чем объяснить его влияние на людей, но Батюшка объяснить этого также не мог, потому что он воспринимал человека непосредственно в его прошлом, настоящем и будущем. Это прозрение через проникнутое жалостью сердце можно разве сравнить с прозрением матери у постели опасно больного ребенка.

Нужно самому быть подобным Батюшке, чтобы воспринять его облик, без этого приходится лишь констатировать, а не объяснять.

Вот Батюшка на пороге своего кабинета видит незнакомую ему молодую с расстроенным лицом девушку, мгновенно до слез проникается к ней жалостью и, не ожидая ее вопросов, сразу отвечает на все, а сам матерински радостно, глазами полными слез все смотрит и смотрит на нее. Чего здесь больше: прозрения или жалости и что здесь – прозрение ли жалеет, или жалость прозревает.

Батюшка нами тоже не охватываем; и сам он это признавал. Однажды в разговоре он дал понять, что в своих переживаниях он чувствует себя, как бы носящимся над нами, и помню несколько раз повторял: «Вы меня все не понимаете, у вас нет опыта».

К тому же Батюшка был большой сокровенности духа и открывался собеседнику в меру его духовного возраста. В разговоре о приемах руководства он определенно говорил: «Нужно иметь ясную конечную цель, но вести к ней незаметно, ставя «вехи» настолько близко к человеку, что руководимому кажется будто он идет по своей воле». Этот прием, по-видимому, и послужил основанием одному лицу по недоразумению выразиться: «Батюшка духовно себе на уме».

Однако переживание духовного взлета над людьми не делало Батюшку в его глазах одиноким и не порождало в нем чувства одиночества; он весь находился в переживаниях мировой гармонии любви, где он, Батюшка, являлся лишь одним из звеньев.

От великого до малого один шаг, – и Батюшка, не охватываемый нами, немощными, временами сам чувствовал себя немощным. Помню зимою, сидя в его кабинете, в разговоре о семье глаза Батюшкины неожиданно наполнились до краев слезами, детскими крупными слезами. «Вот мои дети, – сказал он, – все хорошие ребята, любят и заботятся о мне; но не могут мне заменить моей покойницы, – та все мои слабости знала и любила их».

Но это свое горе, переживаемое Батюшкой сокровенно, где-то на дне своей души, лишь оживляло Батюшкину способность всецело проникаться чужим страданием. Как передают свидетели [его] жизни, Батюшка слишком много предварительно выстрадал, и блаженной памяти о. Иоанн Кронштадтский, ставя Батюшку на путь старчества, по свидетельству лица непосредственно от Батюшки слышавшего, указал на Батюшкино личное горе, как на источник понимания горя других.

Личное горе не допускало Батюшку до отрешенности от жизни; наоборот, связывало его с нею и делало его столь чутким к нашим страданиям. Нося свое горе, Батюшка верным, несменяемым стражем стоял у нашего и, зная по опыту, как тяжело до старости дожить не разгруженным, он так всемерно старался нас разгружать.

Впрочем, в своих разговорах Батюшка отмечал и другой источник. «От природы, – говорил он, – имею я очень жалостливое сердце». И действительно, всегда была поразительна степень его жалостливости. Стоило Батюшке вспомнить чье-либо горе, и независимо от того, к какому времени оно относится, Батюшка уже плакал, задыхался от волнения и судорожно хватался руками за грудь.

Нас – своих детей – Батюшка учил образом своим. Как можно учить жалостливой любви, не проявляя ее, и какие слова могут оказаться убедительнее самого примера. Он нас учил не доказательствам веры, а переживаниям ее; в частности, нас, священников, он приучал к переживаниям своего духовного чада до чуткости материнской любви; и нам, священникам, пришедшим к этому сану из мирян, он на живом примере себя самого показал, что наряду с [такими] великими мировыми явлениями, как народное хозяйство, народное государство, наука, печать и искусство, есть несоизмеримо более великое и бесконечно более важное: перегруженное скорбями человеческое сердце. Он нам воочию показал эту величайшую мировую державу; больше того, сделал для нас возможным воспринять ее не в форме логического размышления, а в самом живом переживании ее.

Это непосредственное и столь исключительное стояние у скорбного человеческого сердца делало Батюшку плохим человеком порядка; он не был склонен видеть в ком-либо «язычника или мытаря», и поэтому сторониться его. Его расширенное сердце никого не отказывалось принимать, раз к нему приходили со скорбью, и он всех приходивших старался утешить, ободрить и отпустить с разгружающей ласкою; этим объясняется, что среди батюшкиных детей-священников оказались люди не твердые и тем не менее им не отвергнутые, этим объясняется и то недоумение, будто уклонение этих нетвердых совершалось с батюшкиного благословения. Сам Батюшка был строго верен традициям Православия, но у подходивших к нему он не спрашивал: *како веруеши*, а только, *о чем скорбишь*. Напротив, в случаях, когда Батюшка видел силы человека постоять за веру, он определенно и возлагал на такового подвиг исповедничества.

То же стояние у человеческого горя делало Батюшку человеком величайшей простоты, однако не переходившей в наивность. Жалостливая любовь ко всякому скорбящему уничтожала у Батюшки все перегородки, которые могли бы отдалять от человека; и всякий проходящий, к какому бы он сословию или классу, степени интеллигентности не принадлежал, в свою очередь, освобождался от всех предрассудков своего общественного положения и являлся просто горящим; поэтому Батюшка понимал всех и всеми был понят.

В то же время Батюшкина величайшая простота соединялась с мудростью. Батюшка не обладал книжной опытностью; наоборот, он сам себя всегда называл убогим; но человеческое горе он прозревал по-особенному глубоко; нередко даже на расстоянии он угадывал истинное состояние души и давал тот совет, о котором обычно говорилось: если не последуешь батюшкиному совету, всегда плохо бывает.

Это благодатное прозрение горя Батюшка обыкновенно скрывал под видом обычной наторелости за время слишком тридцатилетнего стояния у человеческого сердца. В одном разговоре Батюшка как-то заметил: «Про меня говорят, что я

прозорлив; но я просто «наторел» на человеческом лице и мне не нужно слов, чтобы знать, на что отвечать».

Батюшка был своеобразным собеседником и церковным оратором. Его манера выражения своих мыслей настолько своеобразна, что нужно было приучаться и приучаться; Батюшкина последовательность наблюдалась в его переживаниях, но не в словесных выражениях; поэтому, как к батюшкиному разговору, так и к проповеди нужно было подходить интуитивно, а не со стороны формальной логики или художественного слова. Но зато, когда интуиция направлена была верно, а Батюшка в этом отношении был великий мастер, то сердце слушателя поражалось, – словно какой-то очистительный огонь ниспадал в него и возжигал жертву Богу.

В эти моменты светло-голубые глаза Батюшки приобретали необыкновенную силу излучения света и Батюшка напряженно наклонялся к вам и вы, его собеседник, временами, то легко и радостно изливались навстречу ему всею душою, то, смущаясь слегка, отстранялись.

В сиянии неземного света выступало батюшкино смирение тем удивительнее, что оно соединялось у него не с обезличием, а с силой великого дерзновения. Батюшка смирялся до конца; его признанный авторитет не мешал ему с искренней радостью слушать и слушаться всякого; но в то же время и любой человеческий авторитет не мог помешать пойти вслед своему прозревающему началу.

Батюшкина исповедь по внешности ничем не выделялась от всякой другой исповеди; но батюшкино прозрение делало ее исключительной. Бывало так, что, слушая исповедующегося, Батюшка оставлял его на некоторое время со словами, – не то, не то, совсем не то, – а затем снова подходил и ждал нужного ему признания.

Мне ни разу не пришлось сослужить Батюшке за Литургией и поэтому я не имею переживания этой прекрасной тайны сослужения с ним; но наблюдать Батюшку в алтаре мне приходилось, и здесь бросалась в глаза батюшкина свобода. Батюшка не настраивался под алтарь; он в нем был свой, любимый, привычный. Голос, манеры, обращение его были

также просты, непринужденны, ласковы и не отрешены от жизни, как и повсюду. Словно Батюшка с собою всегда носил алтарь, а в алтарь всегда вводил свою жизнь с людьми.

Батюшкино терпение выслушивать все до конца было поразительно. Этот момент для духовного отца Батюшка ставил на первое место. «Иной раз, – говорил он, – достаточно скорбящему сердцу излиться вполне свободно, чтобы уже успокоиться». Выслушав, Батюшка обращался к богатейшему запасу своего знания конкретной истории человеческого горя и рядом подходящих примеров уяснял положение, что уже само по себе давало успокоение. И сам Батюшка не раз говаривал, что конкретный опыт его жизни действовал на скорбное сердце значительно сильнее общих рассуждений. Любил Батюшка также пользоваться при этом примерами из житий святых.

Во время беседы Батюшка иногда порывисто и на мгновение припадал к молитве, ища чрез нее ответа; нередко крестился и тогда уже говорил. Но эту свою внутреннюю глубокую и напряженную работу он скрывал под внешней легкой и непринужденной манерой.

Способность Батюшки утешать начиналась с первого впечатления от него. Впечатление это было резко противоположно современному господствующему типу людей с их холодным умом и суровой волей; из современной жизни уходит сердечность, и Батюшкина жалость, голубыми глазами на вас смотрящая (словно кусочек неба спускался на нашу печальную землю) и радостно источающаяся из каждой морщинки его лица, уже сама по себе ласкала и согревала вас.

Конечно, громадную роль играла, при этом и глубокая вера в Батюшку; одна вера творила уже чудеса в горющем сердце; человек шел к Батюшке с заранее определенным настроением через него получить утешение, и по вере своей получал.

Свою кончину, лучше сказать успение, Батюшка чувствовал, а может быть и знал, задолго до ее наступления; об этом и Батюшка сам не раз предупреждал в разговорах, и вид его становился все более отрешенным. Батюшка был прежним и в то же время чувствовалось, словно какая-то завеса опустилась

уже между Батюшкой и нами. Думать о смерти не хотелось, а скорее склонны были объяснять [это] личными причинами.

Но смерть пришла, Батюшки о. Алексия не стало, и Батюшка теперь весь в воспоминаниях. Если бы не вера, то было бы невознаградимо тяжело, потому что всякому воспоминанию приходит конец. Но мы верующие и потому мы знаем, что Батюшка жив, что его могилка стала его новым кабинетиком, еще более доступным, чем первый; что в любой час, когда нам только нужно посоветоваться с Батюшкой, мы можем придти к нему на могилку, склониться над ее холмиком и все, все высказать Батюшке, как живому; и Батюшка невидимо нас обласкает, утешит и разгрузит. Мы верующие, поэтому мы знаем, что наступит и для нас момент, когда души наши пройдут сквозь тайну отделения от тела и вступят в область пребывания духов и что там первым нас встретит батюшка о. Алексий, как наш духовный отец. Нас ждет не холод смерти людей неверующих, а живая радость свидания; поэтому скажем батюшке о. Алексию: «Батюшка, мы слабые, немощные, мы плачем поэтому, но мы веруем и знаем, что не “прощай”, – тебе нужно сказать, – “до свидания, до скорого свидания”». Аминь.

Публикуется по машинописи из архива Е.В.Апушкиной. Имени автора этих воспоминаний – духовного сына о. Алексия, священника, которому, однако, не удалось сослужить Батюшке, – установить не удалось.

Николай Александрович Б. «Бог дал мне нежное сердце»

Много и по-разному можно вспоминать Батюшку отца Алексия, и каждый знавший расскажет о нем по-своему – ведь о. Алексей к каждому относился по-своему, и это особенное личное отношение, выделявшее из толпы каждого из притекавших к Батюшке и заставлявшее чувствовать особую форму личного любовного отношения к себе с его стороны, составляло одну из влекущих к себе особенностей Батюшки, составляло его силу, создавая исключительные, незабываемые отношения.

Эта исключительность личного отношения доходила до того, что каждому казалось, что «Батюшка о. Алексей меня любит больше всех», как разум ни восставал против этого.

Ведь нужда, горе, грех приводили к нему людей в те минуты, когда они достигали наибольшей остроты и делались невыносимы, когда не оставалось никакого прибежища, и вдруг... совершалось чудо, и он, с больным сердцем, задыхающийся, внезапно оказывался тем единственным камнем веры, о который разбивались все приступы многовидного зла, находился узкий путь надежды и торжествовала победу его безмерная любовь.

Тяжелый период жизни привел меня к нему. Кружащий водоворот подчинения себя страстям, так тонко и точно описанный в творениях Святых Отцов, проделал я, пленник греха, томился и страдал, не имея сил вырваться, снова и снова попадая в порочный опостылевший круг, грозивший безумием или преступлением.

Вновь и вновь, «как пес на свою блевотину», возвращался я к своим падениям, и разлагалась душа, холодела, жизнь теряла всякую радость, а жажда выйти из холода равнодушия, неудовлетворенная жажда ярких и сильных чувств, вновь и вновь влекла ко все более острым и жгучим соблазнам, так как старые теряли свою остроту, а сила привычки не давала вырваться на свободу.

Таким я пришел к о. Алексею.

Маленькая церковь на втором этаже, не выделяющаяся из ряда домов, удивила меня своей незаметностью. Во втором этаже небольшого аккуратного домика, в глубине мощеного, но заросшего травой двора, была (в 1918 году) квартира о. Алексея, и как только я завернул за угол и увидел парадное, меня удивила кучка народу у дверей на лестницу – это был конец очереди, тянувшейся от однопольной двери квартиры о. Алексея.

Было человек 80 ожидавших возможности увидеть Батюшку, и меня поразило разнообразие ожидавших. Хотя преобладали женщины, в толпе попадались и мужские лица, встречались интеллигенты, слышались даже иногда слова нерусского говора. Не надеясь дождаться, я узнал, когда начинается прием, и в ближайшие дни пришел пораньше, и все-таки был восьмым или девятым. Я стал на ступеньку и стал всматриваться в лица пришедших, прислушиваться к разговорам, вращавшимся вокруг личности Батюшки.

Женщины в платочках, пришедшие «за советом» об устройстве своих семейных и жизненных дел, скорбные фигуры и лица людей в беде, юноши с душевным смятением, странники окружали меня, и неожиданно прозвучал голос иностранки, говорившей по-русски, и как я узнал случайно, принявшей Православие под влиянием Батюшки.

Открылась небольшая дверь, и на пороге появилась маленькая худощавая фигурка Батюшки с пронизательным взглядом, оглядывающим ожидавших. Все замерли и устремились к нему, а он смотрел и как бы выбирал наиболее в нем нуждающихся, проникая в сердце, твердый и решительный в своем выборе.

Некоторые, взволнованные, выходили довольно скоро, и долго тянулось время в ожидании выхода других и появления Батюшки.

Настала и моя очередь. Приняв трех или четырех, Батюшка внезапно обратился ко мне. Со смятенным сердцем прошел я через маленькую полутемную прихожую в маленький кабинетик. Батюшка усадил меня и сел рядом.

Только потом осмотрелся я – вначале видел я лишь одни глаза Батюшки, – то лучисто-ласковые и радостные, то напряженно-проницательные, как бы вглядывающиеся в душу, раскрывающие сердечные тайны – и чувство полной открытости твоей души для Батюшки, чувство, находившее иногда подтверждение в случайно вырвавшейся у него характеристике твоего душевного состояния, создавало исключительную близость, выводило за пределы человеческих отношений.

Долго длилась моя исповедь (назвать ее иначе не сумею, хотя внешне это и не было выражено) и, когда наступил какой-то решающий момент, Батюшка стремительно встал, устремился к образам в переднем углу и увлек меня за собою. Свежий живительный поток как будто нисшел на меня и очистительные слезы раскаяния и жажды новой жизни, жажды освобождения и небесной легкости наполнили все мое существо. С какой-то удивительной осязательностью предстала моя греховность, моя противоположность небесному, чувствовалась вся тяжесть греха, и в то же время, в необычайно возвышенной форме воспринималась радость и легкость жизни в духе, счастье непорочности.

Когда, кончив молитву, Батюшка благословил меня и начал говорить, всем сердцем я стал внимать ему, но не словам, а тому необычному и новому, что рождалось в душе в его присутствии, что обновляло, возрождало, делало сильным.

Только немного успокоившись, я начал его понимать, а он, с необычайно радостным видом, обращаясь ко мне, стал ободрять, шутливо прибавлять к моему имени «ну, отец...» (что было его обыкновением, но вначале смущало своей непривычностью), проявлять удивительную ласку, рассказывать о себе («Бог дал мне нежное сердце»), рассказывать случаи из своих встреч с людьми и этими рассказами незаметно наводить на нужное, что, только понятое самим человеком, может указать необходимый ему выход.

Этот удивительный осторожный подход к человеческой душе был необычайно характерен для о. Алексия. Он никогда не морализировал, никогда не говорил отвлеченно – всегда живыми образами людских ошибок и заблуждений, в которых

пришедший сам должен был находить то, что касалось его непосредственно. Иногда образы эти, на первый взгляд, казались не имеющими к тебе никакого отношения, иногда даже думалось: «Зачем Батюшка мне это рассказывает?» – и только потом, обдумывая его слова и заглянув вглубь своей души, делалось ясным, какое прямое отношение имел к тебе его рассказ, какой новый путь намечает он в твоей жизни.

Во время затянувшейся беседы Батюшка несколько раз выходил к ожидающим и оставлял меня одного, и только тут я осмотрелся и увидел стол и полку, заваленные книгами духовного содержания, иконы, портрет Оптинского старца Амвросия и фотографию всего духовного генеалогического древа Оптинского старчества в портретах его представителей.

С какими-то новыми силами ушел я от о. Алексия и бережно хранил его образ среди житейской суеты, как лазурную дверь к небу.

Мне было стыдно приходить к нему без крайности – слишком велико было море горя, душевных страданий, которое он облегчал и утешал. Только новые падения или необходимость разрешения основных жизненных вопросов приводили меня к нему, и каждый раз ощущение нисхождения потока света и любви было так удивительно сильно, что слезы вырывались из души, обновляя и даруя новые силы.

Уходя как-то от него, я шел позади двух старушек, говоривших об о. Алексие, и голос одной из них на всю жизнь запомнился мне.

– Безпременно надо припадать к старцам, – с увлечением говорила она, и сила этих слов, рожденная опытом «припадания» к живому носителю благодати, с каждой встречей все возрастала во мне и углублялась.

Необычайно простой, и внешне – совсем простой деревенский Батюшка, – о. Алексей тщательно скрывал свою прозорливость, стараясь сделать ее проявление возможно более естественной, но тем не менее она не раз прорывалась и в беседах и описаниях моих душевных состояний, о которых я ему не говорил, или в удивительно метких характеристиках

близких мне лиц, которых он никогда не видел и о которых я ему не рассказывал.

Поистине он был человек не слова, но духа и силы, это давало ему то исключительное влияние, которое он производил на всех, – от неграмотной, но живой сердцем бабы, до профессора и даже коммуниста.

В своих наставлениях, мне данных, о. Алексей старался привлечь внимание к творениям и жизни Святых Отцов – авве Дорофею, Макарию Египетскому, Древнему Патерику, но в то же время примерами указывал на необходимость внимания к семейной жизни, на невозможность забрасывать ее во имя общественных интересов, на искушения тех, которые идут в монастырь, – одним словом обращал внимание на применение святоотеческого опыта к жизни в миру.

В последний «келейный» год его жизни, когда здоровье и обстоятельства не позволяли ему принимать народ, как он делал это всю жизнь, ему приходилось много лежать в постели из-за болезни сердца. Радостный, в белом подрясничке, в малюсенькой светло-серой спальне, предстоит он мне, окруженный иконами и книгами, с лучистыми голубыми глазами, и венцом седых волос. И этот возносящий от жизни образ, как вечный, неветшающий знак, стоит в памяти обетованием блаженной встречи с ним за порогом этого мира.

Николай Б.

Публикуется по машинописи из архива Е.В.Апушкиной. Первая публикация в кн.: Епископ Арсений (Жадановский). Воспоминания. С.55–59. Автор воспоминаний – Николай Александрович Б.

«Батюшка плакал о нас всех»

Мне советовали пойти к Батюшке: и службу хвалили, и говорили, что Батюшка меня поймет и сумеет удовлетворить моим духовным потребностям. Но я на это ответила: «Для меня все равны, что Петр, что Алексей, – никакой разницы нет, священник и священник!» Но меня настойчиво просили зайти именно к Батюшке.

Несколько месяцев спустя, как-то после Пасхи в 1921 году шла я по Маросейке, вижу – церковь открыта, спрашиваю, какой завтра праздник. Говорят: «У нас каждый день служба, и утром и вечером». Зашла в храм. Народу было очень мало, служил о.Сергий, певчих несколько человек. Я случайно стала около певчих и все дело себе на первое время испортила. Пели очень плохо, толкали друг друга, смеялись, ошибались, ссорились, капризничали. О.Сергий к ним несколько раз приходил, уговаривал их, помогал им. Впечатление от всего этого было очень неудовлетворительное. Но я пришла увидеть Батюшку, а его не было в Москве. Несколько раз еще приходила в церковь, но с певчими больше не вставала и близко подходить к ним боялась.

Наконец, прихожу я как-то в будни, говорят, Батюшка приехал. Жду. Вот вошел в церковь с черного хода маленький, простенький, седенький Батюшка. В наружности ничего такого я не увидела, только заметила нервность в лице и движениях. Батюшка быстро-быстро пробежал к амвону. Службы от него я ждала особенной, но все было просто-просто. Стояла я у свечного ящика и наблюдала, как Батюшка всех благословлял после всенощной. Я почувствовала, что все эти люди ему близкие, родные, и что между собой они все чем-то связаны, что-то у них общее.

Батюшка всех благословил и ушел в алтарь, а певчие все поют и поют без конца. И в этом непринужденном, радостном пении чувствовалась великая любовь к этому маленькому старенькому Батюшке. Это его присутствие так воодушевляло их, что они без усталости поют и поют. Но вот Батюшка сошел с

амвона, и все гурьбой бросились провожать его. Мне очень хотелось получить у Батюшки благословение, но я думала, что я чужая, а эти люди все родные, как я к нему подойду? Стою я у свечного ящика и только издали поглядываю на Батюшку. Вдруг Батюшка рванулся ко мне, толпа разомкнулась, и в одни миг я очутилась лицом к лицу с Батюшкой. Я страшно испугалась от неожиданности и хотела было дать дорогу, но двигаться было некуда: сзади свечной ящик, а спереди – Батюшка. А он ласкает меня, гладит по голове, похлопал по щекам, отодрал за уши: «А! Пришла! Вот умница, умница!.. А я ждал тебя, ждал!.. Ну, как, хорошо живешь-то?» – «Хорошо, – говорю, – Батюшка». – «Ну, ну, еще лучше будешь!» А сам все ласкает и ласкает меня и все смотрит мне в лицо. – «А еще-то придешь ко мне?» – «Приду, – говорю, – Батюшка!» – «Ну, ну я тебя буду ждать, смотри, приходи!» – Благословил меня Батюшка и ушел из церкви. А я стояла веселая, радостная, но ничего не понимала, что такое произошло вдруг. За кого меня Батюшка принял? Меня обступили сестры и спрашивали: «Что, что вам Батюшка сказал?» А я ответила: «Он ошибся, принял меня за свою, а я его не знаю, первый раз вижу!» Сестры обиделись и отвернулись от меня. Помню одна из них, потом я узнала – Нюра Соколова³¹⁶, надула губы и говорит: «Наш Батюшка не ошибается».

Батюшка благословил меня за Литургией читать его поминания. Но я часто просыпала и опаздывала к началу проскомидии, что меня приводило в ужас. Я об этом очень скорбела. Просила Батюшку помолиться, чтобы мне научиться вставать вовремя.

Спала я как-то раз крепко-крепко... Вдруг вижу Батюшка подошел ко мне, положил свою руку ко мне на плечо и говорит: «Ф...! Вставай, а то опять опоздаешь!» Я моментально открыла глаза, ищу Батюшку, чувствую вот-вот сейчас он был здесь, так ясно, близко... его движения, его прикосновение, шелест, но... не вижу, и не верю своим глазам. После обедни по обыкновению прихожу к Батюшке. А он смеется и говорит: «Ну, что? Сегодня не проспала?» – «Еще бы, Батюшка, вы приходили меня будить!» Батюшка быстро ласково хлопнул меня по губам: «Не смей никому говорить!» А потом тихо прибавил: «Это твой Ангел Хранитель тебя разбудил!» – «Батюшка, а почему же он был в Вашем образе?» Но Батюшка ушел в себя, и я не смела его беспокоить вопросом.

По благословению Батюшки я начала совершенно новую жизнь. Под его руководством мне было очень хорошо и легко. Но вот меня начал искушать враг... Сначала меня со стороны многие смущали, но я была спокойна. Но потом у меня самой появилось сомнение. Мне захотелось жить по-прежнему самостоятельно, работать, иметь свою комнату и т.д. Как-то раз с этим и пришла к Батюшке. Батюшка охотно со мной разговаривал, но заговорить о том, о чем я пришла, он не давал. Как только раскрою рот, Батюшка сейчас же заговорит о другом. Так продолжалось довольно долго. Наконец Батюшка благоволил меня и сказал: «Иди! Иди! Иди!» Так я и ушла ни с чем и очень-очень обиделась на Батюшку. Я сказала себе: «Батюшка не хочет со мной разговаривать, я к нему больше не пойду!» Вечером зовет меня Батюшка к себе. – «Ну что? Обиделась на меня? Говоришь не пойду? Не хочет со мной разговаривать? Так что ли?» И начал меня Батюшка ласкать и трепать. «Ах, ты малыш! Ах ты, глупыш! Да как же ты смела на меня обижаться? Разве я не знаю, с чем ты пришла ко мне? Но тебе было бесполезно мне о том говорить. Вот я и не позволил... Я тебя предупреждал, а ты меня все не понимала, вот и прогнал... Глупыш ты мой, глупыш! Ничего-то ты не понимаешь!.. Ну, не будешь больше меня спрашивать?» – Мы с Батюшкой помирились. Это был единственный случай, когда я обиделась на Батюшку.

Мне все не удавалось поговорить с Батюшкой о смущающих меня мыслях относительно моей жизни. Батюшка не допускал меня об этом говорить ему.

Иду я к Батюшке и думаю: «Как хочет Батюшка, а я сейчас приду и скажу, что больше терпеть не могу». Только я вошла в комнату Батюшки, а он идет ко мне навстречу и говорит: «Не хочу жить, как Батюшка благословил, я хочу по-прежнему работать, чтобы у меня были деньги, своя комната, чтобы я ни от кого не зависела... Хочу жить по-старому, и все тут!» А сам зорко, пристально смотрит на меня. Это были мои мысли. Я не удивилась, что Батюшка их прочел. Я знала, что в моей душе нет ничего сокровенного от Батюшки, но укорила себя. Сколько раз Батюшка давал почувствовать, что об этом говорить не надо, а я все искала своего... «Этого не будет, – сказал внушительно Батюшка, – поняла?» – «Да, Батюшка». – «И больше никогда со мной об этом не говори. Придет время, сам тебя устрою, никому не позволю, а пока живи, как я тебе сказал».

Батюшка часто звал меня Павликом и мне было это неприятно. П. хорошая, добрая и во всем слушается о.Сергия, а я скверная и не слушаюсь Батюшки, что же между нами общего?

Исповедывалась я и горько-горько плакала, потому что у меня опять была вспышка ненависти к о.Сергию. Батюшка меня утешал, ласкал, гладил по голове и говорил: «Ну, Павлик, Павлик, все пройдет!.. Не будет этого!..» Я с плачем говорю: «Какая я П.! Я Ф., а не П.» Батюшка поднимает мою голову и, как бы удивляясь, говорит: «Вот тебе на! Это Ф., а ведь я думал, что это П. у меня!..» И я тогда подумала: «Разве П. будет каяться в ненависти к о.Сергию? Ничего не понимаю!..»

Батюшка сказал: «Если бы я тебя заставил жить не только с о.Сергием, а посадил бы тебя в комнату со зверями, то и тогда ты должна с ними ужиться, и я увижу, что ты моя».



Батюшка говорил: «Если будешь завидовать, я не буду тебя любить».

Батюшка говорил: «Вот меня многие называют прозорливым, думают, вот придешь к Батюшке – он и увидит насквозь твою душу и обличит в грехах. А на самом деле это не так. Какой я прозорливый! Разве я могу проникнуть в душу человека?» – «Но в чем же тут дело?» – «В чистоте сердца. Надо в такой чистоте содержать свое сердце, чтобы в нем мог жить Господь, и тогда уже не ты будешь управлять собою, а Он Сам. А Ему все открыто... Вот приходит ко мне человек, а я о нем молюсь и прошу я Господа, чтобы Он Сам оказал ему через меня, грешного, помощь, и слушаю, что Господь скажет в моем сердце, то я и говорю. Я и сам иногда удивляюсь, что именно это говорю, а не то, что бы я сам, по своей человеческой слабости, хотел сказать. Но я подчиняюсь голосу моей совести... Но для того, чтобы стяжать такую чистоту сердца, надо много-много над собой работать. В сердце, в котором живут страсти, места Богу нет.... А то все говорят: он прозорливый, он прозорливый! Сами не понимают, что говорят...»

Была я у Батюшки. Открывается дверь и Серафима Ильинична³¹⁷ говорит: «Батюшка, владыка Николай³¹⁸ пришел». – Батюшка: «Ну, что ж! Скажи, что я занят и прошу его подождать!» У Серафимы Ильиничны в глазах изумление... Она спрашивает: «Батюшка! Так и сказать?» Батюшка: «Да, так и скажи: Батюшка занят, просит вас подождать. А где он?» С.И.: «Он в кабинете». Батюшка: «Ну, вот и хорошо! Пусть подождет!» Как только закрылась дверь, Батюшка ворчливо стал говорить: «Подумаешь Владыка пришел! Значит Ф. гони от себя! Ф.-то моя родная! Она мне дороже Владыки! А Владыка что? Пришел и ушел!..» И Батюшка продолжал со мной разговаривать. Я начала беспокоиться, что задерживаю Владыку, а Батюшка уже заметил это и говорит: «Ну что? И ты туда же за Владыку? Сиди, сиди! Придет время сам скажу». Через некоторое время Батюшка меня отпустил, говоря: «Ну, теперь скажи, чтобы и Владыку звали, а то – гони Ф.! Она мне дороже Владыки...» Батюшка несколько раз повторил, пока я у него была, про Владыку и меня. Я ничего не поняла. Сидела и дрожала, что ждет Владыка, а меня Батюшка не отпускает.

Одно время меня угнетала мысль о том, что я не знаю Бога, не чувствую Его, не люблю Его. Вот, думала, Батюшка и о.Сергий учат нас всегда быть с Господом, а я Его не ощущаю. Часто я высказывала мое беспокойство об этом Батюшке и писала ему. Батюшка молчал... Мне было очень тяжело. Пришла служить Богу, Ему угождать, а на деле, выходит, все только забочусь о том, чтобы Батюшке угодить. Проверая себя, я увидела, что целый день у меня память о Батюшке. Этого Батюшка не любит, этого не позволяет, Батюшка да Батюшка. Где же тут Бог? – И вот я начала сомневаться, да так ли это? Не слишком ли я люблю Батюшку? Мне казалось, что я служу Батюшке, как некоему идолу, а Бога нет в моей душе...

Мое душевное состояние было очень тяжелое, хотя по виду я была весела и спокойна. Все свои сомнения я не скрывала от Батюшки, но он все молчал и молчал... Помню, пришла я в таком состоянии на исповедь и все плакала об этом тяжелом моем грехе. Я сказала: «Бога я не люблю, не знаю и не чувствую Его». А Батюшка вдруг добавил: «А все Батюшка, да Батюшка? – Довольно с тебя пока и Батюшки!» – И Батюшка слегка ударил меня по голове. Я взглянула на Батюшку, а он сделался светлым-светлым и не могла я больше ничего говорить, все только смотрела на Батюшку... Эти несколько слов и главное то, что я увидела в Батюшке, было сильнее и убедительнее многочасовых разговоров...

Батюшка говорил мне о загробной жизни, о связи между живыми и умершими, о том, как умершие наблюдают за нашей жизнью, в особенности близкие, родные нам души.

«Вот вчера, – говорит Батюшка, – пришла ко мне одна женщина и просит помолиться за свою родную сестру. Я ее спросил: “Когда умерла сестра?” Оказывается 15 лет тому назад. Спрашиваю: “Разве вы раньше не молились за нее?” – “Нет, Батюшка, все по хозяйству, некогда”. – “Ну, тогда почему же Вы теперь, – спрашиваю, – обратились ко мне, что заставило Вас вспомнить о ней?” И вот, говорит Батюшка, в ответ я

услышал историю. Они жили вдвоем с сестрой и очень любили друг друга. Потом обе вышли замуж. У обеих были дети. Жили очень дружно и по-прежнему заботились друг о друге. Но вот сестра пришедшей к Батюшке заболевает и перед смертью со слезами просит ее не оставлять ее единственного сына, взять его к себе, быть ему вместо матери. Та обещала исполнить ее просьбу и сестра умерла... Первое время после смерти сестры она исполняла свое обещание, а потом так сложилось, что ребенок остался одиноким, воспитывался где-то у чужих и в конце концов она совсем потеряла его из виду: своя семья, свои заботы, не до племянника... Прошло много лет... Вдруг недавно явилась ей во сне ее сестра и просит помочь ее сыну, вспомнить ее любовь к ней, как она обещала не оставлять ее сына, а теперь ему плохо. «Я, – говорит женщина, – не придавала этому сну значения. Прошло немного времени и опять во сне явилась сестра и уже со слезами начала меня просить вспомнить о ее дружбе, как они жили вместе и что я обещала не оставлять ее сына... Но и второй раз я не обратила особенного внимания на этот сон. Поговорили и забыли... Поговорили с мужем и решили, что найти племянника невозможно, потому что нет никаких сведений о нем... Через некоторое время опять является сестра во сне и уже на коленях с мольбой простирает ко мне руки, плачет, просит: «Мой сын погибает! О, помоги же ему поскорее!» И долго она умоляла, вспоминала нашу жизнь и упрекала меня за сына... Этот сон на меня сильно подействовал. Случилось так, что узнали адрес племянника, совершенно неожиданно, поехали в тот город, где он жил, разыскали его. Оказывается его нашли в комнате, заваленной пустыми винными бутылками, одичавшего, спившегося, жалкого, никому не нужного. Мы его взяли к себе». Батюшка называл имена и называл город, но я все забыла.

Во время разговора моего с Батюшкой в комнату вошла няня, чтобы попросить благословения сходить к дочери, у которой опять запил муж. А Батюшка вдруг обращается ко мне: «Сколько раз я говорил: Ф., не ходи замуж, а она все просится замуж! Видишь, как замужем живут? Пропьет все – ничего не оставит!» Я с удивлением смотрю на Батюшку, всеми силами стараясь припомнить, когда же я просилась замуж. Думаю про старое Батюшка говорит, но ведь сам он не велел вспоминать. Ушла няня, я спрашиваю: «Батюшка, когда же я у вас просилась замуж?» А Батюшка засмеялся, прищурился, погрозил мне пальцем и сказал: «Я знаю когда!» Так я ничего и не поняла.

Терзалось мое сердце от недоразумений, которые часто происходили между о.Сергием и мною, я не могла больше их выносить, хотелось жить вот так, как с Батюшкой. Помню, стояла я на коленях перед батюшкиной постелью и горькими слезами обливала батюшкино одеяло. Я молилась и просила Батюшку: «Помолитесь за меня, чтобы Господь избавил меня от злобы, ненависти к о.Сергию. Я люблю его, он дорог мне, не хочу, совсем не хочу его ненавидеть, я не могу с собой справиться, и в то же время не хочу так жить с ним. Помолитесь, Батюшка, я верю, что Господь сделает это ради Вас!» А Батюшка молчал и все ласкал, ласкал меня. Когда я немного успокоилась, Батюшка вдруг серьезно говорит мне: «Ну, что ж! Помолюсь. И без усилий, без трудов, без борьбы Господь избавит тебя от ненависти и злобы и будешь ты в мире жить с о.Сергием, но знай: Он дал тебе легкий крест – отказываешься от него, Он пошлет тебе более трудный. Так или иначе тебе исправляться нужно. Слышишь, что говорю, замуж выйдешь. Но только помни: с мужем тебе не сладить! Господь хочет тебя исправить от гордости, самолюбия, злобы, а ты не хочешь смириться перед о.Сергием. – Ну, выбирай! О.Сергий или муж?» Мгновение подумала: муж-пьяница в церковь не пускает, от Батюшки отрывает, не понимает, ревнует... Нет! Нет! «Батюшка, пусть лучше уж о.Сергий!»

Иногда мне приходилось слышать по поводу своего хождения в церковь упреки. Меня это очень смущало. В таких случаях я всегда уходила в церковь со смущением. Говорила я об этом Батюшке и просила его благословить в таких случаях оставаться дома или пореже ходить в церковь. А Батюшка мне ответил: «Глупости, мало ли что говорят!.. Сами не знают, чему завидуют... Не знают твоей жизни... Если бы их посадить в твою шкуру – заговорили бы другое. Не смущайся – ходи, как сказал!.. Придет время и тебе нельзя будет бывать в церкви». Я испугалась и спросила: «Батюшка, что же, разве я не буду Богу молиться или совсем потеряю веру в Бога?» – «Нет! Этого не случится!.. Нет, это не то... Другое будет...» Что это другое так и не сказал мне Батюшка.

Однажды вошла я в комнату к Батюшке, а он молится. Я остановилась. Батюшка обернулся, обрадовался мне: «А! Малыш мой пришел!.. Ну, иди, иди сюда!» Благословил меня Батюшка и опять подошел к образам молиться. Потом подошел ко мне, оградил меня со всех сторон крестным знамением, как бы кого отгоняя от меня, обошел меня кругом и опять перед образами молился. И опять подходил ко мне и делал то же самое. А в третий раз Батюшка быстро от икон подошел ко мне, ударил меня по плечу и сказал: «Нет, Ф.! Это есть воля Божия! Господь пошлет крест, но Он даст и силу нести его... Слышишь, что тебе говорю?.. Я молился, просил изменить это... Но нет – на это есть воля Божия! Но помни: если и все люди оставят тебя, а я всегда буду с тобой. Жив ли буду, умру ли – всегда буду с тобою!.. Не забывай меня! Смотри молись за меня! Ну, будешь за меня молиться? Ах, глупыш ты, глупыш! Знала бы ты, как Господь-то тебя любит!..»

Батюшка сказал: «Ну, как же руководствоваться правилом? Иногда приходится его обходить. Надо сердца слушаться! Ну, вот как, например, сегодня мог я не допустить одну женщину до причастия? Пришла она поздно, после Херувимской. Спрашиваю: почему? – оказывается поезда не идут сегодня (живет она в Перове). Она рассчитывала приехать рано в Москву. А вместо этого ей пришлось по сугробам идти 9 верст пешком. Она подвиг совершила, чтобы попасть ко мне на исповедь, а я буду применять к ней правило! По правилу я не должен бы ее допустить до причастия, а сердце мое говорит совсем иное... Нельзя жить одним правилом!..»

Перед смертью Батюшки, до его отъезда и после, я испытывала великую радость. Это состояние росло и увеличивалось незаметно, постепенно. С Великого поста и до отъезда Батюшки виделась я с ним редко: 3–4 раза в неделю, не больше, а иногда и два раза в неделю. Батюшка очень скорбел об этом и очень беспокоился за меня, а я испытывала такую радость и силу в себе, что удивлялась, о чем так беспокоится Батюшка и часто отказывалась совсем от свиданий с Батюшкой, т.к. они многим и мне самой причиняли мучения. Но Батюшка зорко следил за мною. Батюшка спрашивал: «Ну, что? Хорошо?» – «Хорошо, Батюшка!» – «Что же ты испытываешь?» – «Ах, Батюшка, вот тут (показываю на сердце и грудь) такая радость!.. Все хорошо, все хорошие, я не вижу зла, я всех люблю... Ах, как хорошо! Как хорошо!» Батюшка одобрительно покачал головой...

«Батюшка, мне иногда кажется, что вот-вот душа моя выпрыгнет и улетит на небо... А как же будет там, если здесь, на земле, такая радость? Что же там будет? Батюшка, а я буду с Вами?» – «Слушаться надо, слушаться! Если будешь во всем слушаться».

Часто Батюшка говорил мне о своей смерти, но я не давала возможности говорить ему об этом. И теперь вижу, что этим всегда мешала Батюшке подготовить меня к иной жизни. Часто наш разговор начинался с батюшкиной смерти: «Вот скоро я умру, – бывало скажет Батюшка, – а я начинаю плакать и просить Батюшку: «Нет, нет! Я без Вас не буду здесь жить... И не останусь, не останусь...» И так кричала и всегда об этом спорила с Батюшкой, точно я могла изменить волю Божию.

Батюшка плакал о нас о всех: «Вы все не готовы... Ну, как я вас оставлю! А меня давно, давно Господь зовет к Себе... И живу здесь и страдаю, задыхаюсь по вашей вине: такими я вас не могу оставить... Почему ты, например, не готова? Вот я умираю, мог бы и тебя взять с собой. Ты хотела бы со мной пойти?» – «Батюшка, и я, и я хочу с Вами!..» Но Батюшка серьезно ответил: «Нет, такую я тебя взять с собой не могу. Ну, куда ты годишься! Говорил я тебе, говорил, а ты все меня не слушаешься. Вот видишь о.Лазарь в два года сумел себя подготовить! Правда, ты со мной была один год, но и этого достаточно. Ты пришла ко мне в самое хорошее время. И года было достаточно... Но ты меня не слушалась, теперь вини себя: я тебя оставляю». И Батюшка плакал, плакал. «Сама виновата, – говорил, – а ты не обращала внимания на мои слова... А было так просто: только слушаться! Как тебе без меня будет трудно!»

Поручая мне поминания, Батюшка говорил: «Будут гнать – терпи. Будут смеяться над тобой – молчи». Были всякие искушения с поминаниями, но я Батюшке ничего не говорила, чтобы его не расстраивать. Прихожу как-то к Батюшке, он и спрашивает меня: «Ну что? О.Сергий гоняет тебя с поминаниями?» – «Гоняет, Батюшка» – «Ну, ничего, – говорит, улыбаясь, Батюшка, – погоняет, погоняет, да и перестанет...»

Батюшка мне однажды сказал: «Придет время и вы с о.Сергием поладите, будете жить мирно... Но смотри! Тогда не забывай меня!.. Помни и обо мне!..»

Все мы очень волновались, когда Батюшку вызвали в день его Ангела. Дома мы тревожно провели время, молясь Богу. А вечером я была у Батюшки. Он был веселый и все шутил и рассказывал, о чем его спрашивали и как он отвечал. А я рассказывала, как мы беспокоились и провели эти мучительные часы в неизвестности. Батюшка мне сказал: «Нет, детка моя дорогая, за меня не беспокойтесь! Господь не допустит, в тюрьме мне не сидеть... А вот Сереже придется посидеть, но он молод, переживет, а я уже стар, не вынес бы!...»

Батюшка говорил: «Если ты уходишь от духовного отца с унынием, с тоской, с еще большим грузом, чем к нему пришла, если он причиняет тебе страдания и эти страдания влекут тебя к земле и ты не получаешь облегчения – берегись такого отца! Не пускай его в свою душу. Это волк в овечьей шкуре. Он готов под видом спасения погубить твою душу... Тебе трудно будет без меня. Как же тебе во всем этом разобраться?..

Вот какой верный признак твоего истинного духовного отца, который может тебя вести: если ты от него выходишь облегченная, твоя душа как бы приподнята над землей, ты ощущаешь в себе новые силы, мир, радость, свет, любовь ко всем, с желанием работать над собой, служить Христу – знай, это твой истинный духовный отец».

Публикуется впервые по машинописи из архива Е.В.Апушкиной. Автор воспоминаний неизвестен.

Кончина и погребение

Незадолго до своей кончины о. Алексей передал своих духовных детей о.Сергию и тут же слег в постель.

Обычно в летнее время он уезжал на отдых в Верею, в свой домик. Предполагался и в текущем (1923) году его отъезд туда, но на этот раз он произошел как-то по-особенному.

Прежде всего Батюшка собрался неожиданно, как-то торопливо, да и прощание его было какое-то загадочное. Отслужив Божественную литургию, он всех причастил Св.Христовых Тайн и благословил каждого образком Св.Николая, говоря: «Благословляю вас нашим Хозяином, – так называл он Святителя, покровителя маросейского храма. – Я чувствую себя очень плохо, уезжаю, но скоро вернусь». Действительно, прошло всего лишь девять дней, и получили телеграмму о внезапной кончине Батюшки. Он умер 9 июня 1923 года.

По всему было видно, что Батюшка намеренно уезжал умирать в Верею, стремясь, между прочим, закончить там на свободе последнее свое завещание. Все бывшие при нем замечали, как он торопился писать его, отказываясь от прогулки на солнце, обычной в прежнее время. Когда его звали из комнаты на воздух, он говорил: «Нет, я здесь в тени посижу, там у меня мысли рассеиваются, не успею докончить». И тут же добавлял: «Я ведь затем и приехал, чтобы заняться этим, в Москве мне бы не дали».

Последние дни Батюшка вел себя так, как будто с ним что-то случилось, или он чего-то ожидал: говорил тихо, двигался медленно, как бы боясь нарушить внутренний мир свой, и казался каким-то просветленным. Последний вечер был весел и особенно ласков со всеми. Умер о. Алексей внезапно – от паралича сердца.

Как громом поразила всех неожиданная смерть дорогого Батюшки.

Тело почившего накануне погребения было перевезено из Вереи в Москву около 6 часов вечера. Гроб встретили:

собравшееся в большом количестве духовенство, родные, сестры и братья маросейской общины и тысячная толпа народа, которую не могла вместить небольшая местная церковь Св.Николая. Чтобы дать возможность помолиться всем, служили две заупокойные всенощные: в храме – преосвященный Герман Волоколамский (см. на фото выше), и во дворе – Тихон, митрополит Уральский. Служба окончилась около 12 часов ночи. Все остальное время между богослужениями пели панихиды и происходило прощание с почившим. Утром в 10 часов началась Литургия, которую совершал епископ Феодор, настоятель Данилова монастыря (см. на фото выше), в сослужении 30 священников и 6 диаконов, а на отпевание, закончившееся в 4 часа, вышло около 80 человек духовенства. Тут же было прочитано посмертное завещание о. Алексия духовным чадам и сказано несколько надгробных речей. В 5 часов при пении пасхальных песнопений похоронная процессия двинулась на Лазарево кладбище, куда прибыл для встречи тела Батюшки Св.Патриарх Тихон, за несколько часов до этого освобожденный из заключения. Святейший отказался войти в кладбищенский храм, ставший в его отсутствие обновленческим, и облачался на паперти. Здесь, таким образом, произошло всенародное осуждение Главою Русской Православной Церкви нового раскола, причем осуждение немедленное, как только возможно было таковое сделать. Факт, достойный примечания!

Со всей Москвы собрался народ на это великое духовное торжество. С одной стороны, была большая скорбь о потере незаменимого пастыря, а с другой, всех охватила радость по случаю неожиданного освобождения Святейшего. «Прежде чем воскреснуть, нужно умереть». И о. Алексей как бы для того умер, чтобы Церкви дарована была эта радость. Он даже говорил некоторым: «Когда я умру – вам будет радость».

Публикуется по машинописи из архива Е.В.Апушкиной. Автор – Епископ Арсений (Жадановский). Позже Владыка включил эти ранние воспоминания в состав своего очерка «Отец Алексей Мечев».

О.Сергий и духовные дети Батюшки

Любовное отношение о.Сергия к перешедшим к нему по наследству духовным детям Батюшки не исключало в некоторых случаях проявления по отношению к ним большой строгости. Вот что рассказывает об этом одна из сестер:

Однажды после Литургии к о.Сергию подошла одна из сестер за благословением, но он ее не благословил, так как она в чем-то провинилась, и так, не благословив, несмотря на ее настойчивые просьбы, ушел домой. На дворе она поймала меня и излила мне свое возмущение на о.Сергия: «И это духовный отец! Я иду на суд, прошу молитв и благословения, а он отказывает». Когда я поднялась наверх в квартиру о.Сергия, он был в Батюшкиной комнате и горячо молился. Потом подошел к окну и несколько раз благословил сестру. Она этого не видела.

Отношение о.Сергия к своим духовным чадам после смерти Батюшки

В первое время после смерти Батюшки о.Сергий особенно заботился о духовных детях Батюшки и уделял им много времени и внимания. Но вместе с тем он не переставал заботиться и о своих духовных чадах, думая о них и помогая им даже в самое тяжелое для себя время.

Одна из духовных дочерей о.Сергия лечилась в Крыму, когда умер Батюшка о. Алексей. О Батюшкиной кончине ей сообщила одна из ближайших ее подруг. Одновременно пришло письмо и от о.Сергия:

О.Сергий просил меня молиться и не приезжать в Москву, пока не отпустят врачи. В такой момент, когда сам он переживал такое горе, когда вся тяжесть и все дела легли на его плечи, о.Сергий нашел время сам мне написать, чтобы удержать меня в Крыму на лечении, т.к. знал, что я буду рваться к семье своей духовной, чтобы вместе нести наше горе.

Та же сестра вспоминает такой факт, свидетельствующий о трогательной заботе о.Сергия о своих духовных чадах:

Я должна была ехать в Геленджик, чтобы отпеть похороненного там отца моего. Вдруг получаю телеграмму, чтобы выезжала в Геленджик и что о.Сергий сам приедет туда. Оказывается он узнал что в Геленджике в это время не было православного священника. «Я себе представил, – говорил он потом, – что вы будете переживать, когда не сможете совершить отпевание, и решил поехать туда сам». О.Сергий приехал из Кисловодска, где лечился в это время, в Геленджик и на Преображение 6 августа совершил отпевание, а потом уехал в Москву.

Публикуется по машинописи из архива Е.В.Апушкиной.

Стихи

«Знаешь могилку на кладбище чтимую...»

Знаешь могилку на кладбище чтимую,
Крест широкий на ней,
Батюшка в ней похоронен любимый,
Старец-отец Алексей.
Жизнь протекла его крестная тихая
В подвиге светлом любви;
В ней проявилась вся святость великая
Бога познавшей души.
В ней проявилась вся сила стремления
К радости вечной святых,
Светом блаженства, небес озарение,
К чистому чистый порыв.
Радостный шел он дорогою скорбною
Жизни, родной небесам,
С близкими Господу, с богоугодными,
Шел по святым их стопам.
Через борьбу, через подвиги трудные
Среди страстей и греха,
С трепетом нес он сокровище чудное –
Образ святой Божества.
Бережно души, Богом врученные,
В вере хранил он живой;
Вел озаренными, вел окрыленными
Светлой духовной весной...
Без покаяния, без обнищания
Людям чужды небеса,
Не отражает неба сияния
Полная мрака душа.
Через смирение в вечность вхождение,
Преображение души в нищете,
В светлые ризы любви облачение,
Светлая жизнь во Христе.
В мире смирения, стройной гармонией
Сердца порывы звучат,

Все освященные чистой любовью
Души людские горят.
Перед великою тайною вечности
Радостно жизнь принимать,
За божество душ человеческих
Воином честным стоять.
В свете той радости, богослужение
Строил отец Алексей,
Небо земное в жарких молениях
Он открывал для людей.
Небо то – Церковь, в ней Бог – Вседержитель,
Дева во славе святой,
Ангелы – верные неба служители,
Праведных мир и покой.
Небо то – Церковь – Дом Божий Священный.
Жизнь в ней тиха и ясна;
Жизнь непорочных, жизнь совершенных
Сродников славных Христа.
Там, преклоняясь, душа воспевает
Песни хваленья Творцу,
Милость Господня там разбивает
Безчеловечности тьму.
Трудность великую, ношу тяжелую
Батюшка брал на себя;
В душах слепых, в их уродстве греховном
Бога святыню храня.
Он умолял всех придти к покаянию,
Храм свой душевный хранить,
В гордом безумии, в мертвом отчаянии
Милость Христа не забыть.
Он умолял полюбить первозданную
Чистую правду души,
Ставшую многим чужою, попранною,
В гордости, в злобе, во лжи...
Всё согревающим, солнцем сияющим
Жизненный путь он прошел;
В мире любви, со Христом пребывающий

В тихую вечность ушел...
Знаешь могилку на кладбище чтимую,
Крест широкий на ней,
Батюшка в ней похоронен любимый,
Старец – отец Алексей.

Памяти отца Алексея

I.

Господь тебя призвал. Его святая воля!
А наш удел – влачить безрадостные дни:
Утешитель ушел, печальна наша доля,
Сироты без отца остались мы одни!
Утешитель ушел – и сердце опустело,
Погасло солнышко – и темнота вокруг...
И без тебя вся жизнь внезапно омертвела,
Как в засуху, дождем не орошенный луг...
К кому теперь идти в день скорби за советом?
Кто успокоит нас, усталых и больных?
Кто нежно одарит и лаской, и приветом,
И укротит тоску среди невзгод лихих?
К тебе, отцу, мы шли унылой вереницей,
Неся недуг души и темную печаль,
Как осенью туман, нависший над столицей, –
От слова твоего она скрывалась вдаль!
Погасло солнышко, не стало Алексея –
Воистину отца и пастыря для нас,
Который, нас любя и сердца не жалея,
Отдавши нам его, безвременно погас!

II.

Весенний вечер спустился на землю,
На землю сумрачным крылом,
Вокруг тебя народ молился,
А ты уснул последним сном.
Был полон храм твоим народом,
И двор вмещал его с трудом,
Собрались все, кто год за годом
Твоей любовью был ведом.
Собрались преданные братья
И сестры храма твоего,

Которым ты открыл объятья
И ласку сердца своего.
И свечи трепетно горели,
И грустно, в тишине немой
О вечной памяти мы пели
С покорно-скорбною мольбой.
Но не одна печаль лежала
На лицах всех твоих друзей.
В глазах уверенность сияла,
Что жив отец наш Алексей!
Не навсегда ты нас покинул, –
Уйдя лишь на короткий миг,
Ты нас в молитвах не отринул,
К твоим призывам не глухих.
И мне казалось, что печальный,
Но верный любящий народ,
Не гимн покоя погребальный, –
«Христос воскрес!» запоем.
Один лишь я одежды брачной,
Идя к тебе, надеть не мог, –
«Зачем, зачем, – роптал я мрачно,
Тебя так рано принял Бог».
Я не успел с тобой проститься,
Еще, еще в последний раз
Твоей беседой насладиться,
Улыбкой доброй ясных глаз!..
Нависла полночь над столицей,
Зажглися звезды в небесах, –
Народ печальной вереницей
Все целовал любимый прах.
И я со жгучими слезами
Приник ко гробу, наконец,
Где под густыми пеленами
Почил духовный наш отец.
24.12.1923 (ст.ст.)

III.

Давным-давно был век Нерона,
В глуби столетий он угас,
Но жив остался изверг трона
В воспоминаньях и сейчас!
Мы помним адское гоненье
Его на первых христиан,
За смерть которым и мученье
Венец нетленный Богом дан.
Мы видим страшную арену,
И диких рвущихся зверей,
И за одной другую смену
Мужчин, и женщин, и детей.
Мы видим кровь, мы слышим стоны,
И рев зверей, и вопль толпы,
Весь Колизей дрожит огромный,
Дрожат и стены и столпы...
Мы видим ночь на стогнах Рима,
В садах же царских пир идет,
Туда толпой необозримой
Спешит скучающий народ.
Как днем светло в садах роскошных:
Вот христиане... Длинный ряд!..
Как факелы, из рук безбожных
Смолой облитые, горят!..
Давно те годы миновали,
Далеко в прошлое ушли,
Когда лишь тело убивали,
Убить же душу не могли!
Иной на нас из тьмы кромешной
Теперь ползет, крадется зверь,
К душе озлобленной и грешной
Он без ключа откроет дверь.
И поселится в ней лукаво,
Изгнав распятого Христа!
И будет править он со славой
Своим народом без креста,
Забывшим светлое ученье,

Страдальца Кроткого завет!..
Зачем на веру нам гоненье?
Ее погубит «культпросвет»!
Святые книги уничтожит,
В музей иконы унесет,
Святых останки там же сложит, –
И дух, не тело, в нас убьет!
И многих пастырей терпенье
Во власть получит сатана:
Иному ссылка, заточенье,
И смерть иному суждена...
Ты много лет, наш старец дивный,
Душа с душой с народом жил, –
Он шел на голос твой призывный
И горячо тебя любил.
Но были чьей-то темной силой
Пред недалекою могилой,
Когда дни были сочтены,
Твои уста заграждены...
В ночь на 1, 5 и 16.1.1924 г. (ст.ст.)

IV.

Ты умер, но твой дух пребудет
Навеки с паствою твоей
И вечно памятен ей будет
Наш добрый пастырь Алексей!
Холодный ветер пусть повеял,
Пускай гнетут нас ночь и тьма, –
Ты семя доброе посеял
И не страшна ему зима!
И если злое царство зверя
За грех народа Бог продлит,
В твои молитвы свято веря,
Он искушенья избежит.
Твою могилку дорогую
Не позабудет никогда,
Снесет тебе всю грусть земную,

Как и в минувшие года.

* * *

Цинготные, изъеденные вшами,
Сухарь обглоданный в руке, –
Встаете вы суровыми рядами
И в святцах русских и в моей тоске.
Вас хоронили запросто, без гроба,
В убогих рясах, в том, в чем шли.
Вас хоронили наши страх и злоба
И черный ветер северной земли.
В бараках душных, по дорогам Коми,
На пристанях, под снегом и дождем,
Как люди, плакали о детях и о доме,
И падали, как люди, под крестом.
Без имени, без чуда, в смертной дрожи,
Оставлены в последний час,
Но судит ваша смерть, как пламень Божий,
И осуждает нас.

* * *

Есть где-то далеко река на заре золотая,
Там грузят барку подневольные милые руки.
Над озером синим несутся гусиные стаи,
Любовь возрастает в скорбях и в разлуке.
Храм наш крепко заперт, заперт крепко,
Светел, тих и прост.
Пред иконами чернеют ленты крепа,
Как в Великий пост.
Благовещенскую чашу
Ты поднял.
Нищету и косность нашу
Причащал.
И опухший, маленький, горбатый,
Он пошел в Нарым.
Стань же, храм наш, райскою палатой
Перед ним.

* * *

Был другой, спокоен, строг и светел

Весь, как луч,
Тайно помяни нас на рассвете
Средь Уральских круч.
И в бараке задымленном, душном
Он неколебим.
Райской лестницей воздушной
Засияй пред ним.

* * *

Вот слепец, но в душу смотрят очи,
Ничего, что слаб,
И тебя во мрак острожной ночи
Гнал этап.
И склонивший под Христово иго
Молодость свою,
И тебя, простец, над вечной книгой
Узнаю.

* * *

Но того, кто всю подъемлет муку
На плечи свои,
Ангельскою песней убаюкай
И благослови.
Веянием покоя неземного
Освежи его уста,
Вместе стать нам даруй снова
У Креста.

* * *

Что нам осталось? Храм наш взят,
С могилы крест высокий снят
И листья первые весны
Морозом сожжены.
Но знаем мы: издалека
Благословившая рука
На жизнь, на скорбь, на смертный час
Соединяет нас.

* * *

Только солнце знает радость,
Только птицы славят Бога,

Только ветви крестным взмахом
Осеняют нам дорогу.
Ни приветствовать любимых,
Ни советоваться с братом,
Вера скрыта, церкви скрыты,
Тельный крест в одежде спрятан.
Но душой освобожденной
Отрываясь от земного,
Мы, встречаясь, чертим рыбу
Символ имени Христова.

* * *

Я люблю тебя, мой тихий вечер,
Ночь после вечерни так тиха,
Словно нет и не было греха.
Словно вместе я со всеми вами,
На кого не смею посмотреть,
Словно на любимом нашем храме
Продолжает колокол гудеть.
Словно я к ногам отца припала,
И прозрачна стала темнота,
Словно от руки его усталой
Надо мною знаменье креста.

Публикуются впервые по машинописному сборнику из архива Е.В.Апушкиной, каковой и печатается полностью, включая стихотворения, судя по содержанию, написанные уже много лет спустя после смерти о. Алексия Мечева.

Достоверно устанавливается авторство лишь одного из стихотворений («Цынготные, изъеденные вшами»). «Новомученикам и Исповедникам Российским, от безбожников избиенным», посвятила стихотворение духовная дочь старца Нектария, оптинка в миру Н.А.Павлович. Никто не смел его записывать – как молитву, заучивали наизусть. «Все, кому это могло повредить, уже умерли», – сказала мне И.В.Никонова, сама прошедшая через сталинские лагеря, и, решившись, продиктовала эти ни разу не публиковавшиеся, безценные строки Любви и Вины» (Ильинская А. Пинеге. Документальная повесть о новомучениках // Литературная учеба. 1991. Кн.5.

С.80. Само стихотворение, озаглавленное «Они», опубликовано в журнале с некоторыми разночтениями).

Надежда Александровна Павлович (1895 – 3.3.1980) – родилась в местечке Лаудон Лифляндской губ. (нынешняя Латвия). Окончила Александровскую женскую гимназию во Пскове и историко-филологический факультет Высших женских курсов имени Полторацкой в Москве. Ее поэтические занятия сблизили ее с В.Брюсовым, А.Белым, В.Ивановым, С.Есениным, Б.Пастернаком и А.Блоком. Работала в президиуме Всероссийского союза поэтов (1919–1920). В 1922 г. она впервые попадает в Оптину пустынь и становится духовной дочерью старца Нектария, благословившего ее заниматься литературным творчеством, всегда заботиться об Оптиной пустыни и делать все возможное для ее сохранения. Символично было посещение ею находившегося в заключении о.Сергия Мечева. (Павлович работала тогда в Красном Кресте, помогая родственникам и друзьям передавать вести и посылки заключенным). В то время такое посещение зоны автоматически влекло за собой арест. Но Господь хранил ее за молитвы ее духовного отца. Следует отметить, что именно при ее содействии были спасены и перевезены в Москву монастырская библиотека и ее рукописный отдел (1928), а обитель получила статус памятника культуры и взята под государственную охрану (4.12.1974), началась ее реставрация. Особого разговора заслуживают публиковавшиеся ею под разными псевдонимами религиозно-философские произведения в «Богословских трудах», «Вестнике Западно-Европейского Экзархата» и других православных периодических изданиях. Похоронена в Москве на Даниловском кладбище.

Библиография

Бердяев Н.А. Самопознание. Опыт философской автобиографии. Париж. 1948. С.221.

Отец Алексей Мечев. Воспоминания. Письма. Проповеди. Редакция, примечания и предисловие Н.А.Струве. YMCA-PRESS. Paris. 1970; 2-е изд. Paris. 1989. 389 с.

Тропани Н.В. Воспоминания о храме на Солянке // Московский комсомолец. 1990. 14 сентября.

Дроздов С. ЦК ВЛКСМ думает о душе // Комсомольская правда. 1990. 10 октября.

Червяков А. Старинный московский приход // Московский художник. 1990. 2 ноября.

Червяков А. У Николы в Кленниках // Литературная Россия. 1990. 14 декабря. С.22.

Игумен Андроник (Трубачев). Русский пастырь на приходе // Москва. 1990. № 12. С.160–161.

Священник Павел Флоренский. Отец Алексей Мечев // Москва. 1990. № 12. С.162–165.

Священник Павел Флоренский. Рассуждения на случай кончины отца Алексея Мечева // Москва. 1990. № 12. С.165–178. [Впоследствии обе эти статьи переизданы: *Священник Павел Флоренский. Сочинения в четырех томах. Т.2. М. «Мысль».* 1996. С.591–627.]

Епископ Арсений (Жадановский). О Батюшке старце о. Алексее Мечеве // Москва. 1990. № 12. С.178–184. [Впоследствии эти воспоминания были опубликованы под наст. своим названием «Отец Алексей Мечев» в кн.: *Епископ Арсений (Жадановский). Воспоминания. М. Православный Свято-Тихоновский Богословский институт. 1995. С.14–31*].

Московский приходской сборник. Вып.1. Храм Николая Чудотворца в Кленниках. Изд. «Московского журнала». М. 1991. С.207.

Червяков А. Московский архив // Московский журнал. 1991. № 5. С.52–54.

Добровольский А. Памяти дорогого батюшки о. Алексия // Московский журнал. 1991. № 5. С.54–58.

Священник Сергей Дурылин. В те дни // Московский журнал. 1991. № 8. С.20–27.

Бычков С. Мечевская община // Московский комсомолец. 1991. 27 ноября.

Монахиня Иулиания (Соколова). Жизнеописание московского старца отца Алексея Мечева. Храм свт.Митрофана Воронежского [М. 1992]. 175 с. Изд. 2-е, испр. и доп. М. «Русский хронограф». 1999. 268 с.

Дар московскому приходу. [О передаче М.А. и Н.А.Струве двух икон письма Т.В.Ельчаниновой (1897–1981) в храм Святителя Николая Чудотворца в Кленниках] // Московский журнал. 1992. № 6.

Дурасов Г.П. Церковь святителя Николая в Кленниках и ее настоятели. Первая треть XX века. (По воспоминаниям современников) // Православие и русская культура. Кн.I. М. Координационно-методический центр Прикладной этнографии Института этнологии и антропологии РАН. 1993. С.200–274.

Московский Батюшка. Воспоминания об о. Алексее Мечеве. Сост. Г.Дурасов. Издание Московского Свято-Данилова монастыря. 1994. 111 с.

Пестов Н.Е. Современная практика Православного благочестия. Опыт построения христианского мирозерцания. Кн.I. «Сатисъ». СПб. 1994. С.121, 200; Кн.II. СПб. 1995. С.122, 296, 298, 317, 329–330, 336–337, 389–390, 401; Кн.III. СПб. 1995. С.88–89, 113, 114–115, 160, 275, 284, 295, 349–350, 396–401; Кн.IV. СПб. 1996. С.21, 25, 27, 38–39, 56–57.

Добровольский Л. Рассказы о старце Алексее Мечеве, о чудесах, им совершенных, и о других чудесах. М. «Мега-Сервис». 1995.

[Священник Константин Ровинский.] Беседы старого священника со своими духовными чадами о некоторых событиях и случаях, коим он сам был очевидцем, которые он сам испытал и о которых слышал от заслуживающих доверия лиц, близких ему по духу. М. «Паломник». 1995. С.196–212. Изд. 2-е, испр. и доп. М. «Паломник». 2002.

«Женская Оптиная». Материалы к летописи Борисоглебского женского Аносина монастыря. Сост. С.и Т. Фомины. М. «Паломник». 1997.

«Пастырь добрый». Жизнь и труды московского старца, протоиерея Алексея Мечева. Сост. С.В.Фомин. М. «Паломник». 1997. 782 с. Изд. 2-е, испр. и доп. М. «Серда-Пресс». 2000. 767 с.

Соль земли. Сост. С.В.Фомин. М. «Паломник». 1998.

Старец протоиерей Алексей Мечев. Жизнеописания и свидетельства к церковному прославлению. Случаи прозорливости, примеры прижизненных и посмертных чудес, знамений, молитвенной помощи старца о. Алексея Мечева. М. Храм свт. Николая в Кленниках. 2000. 80 с.

Маросейка. Жизнеописание отца Сергия Мечева. Письма. Проповеди. Воспоминания. *SamSam*. 2001. 455 с.

Священномученик Сергей Мечев. Тайны Богослужения. Духовные беседы. Письма из ссылки. М. Храм свт.Николая в Кленниках. 2001. 359 с.

«Свете Тихий». Жизнеописание и труды епископа Серпуховского Арсения (Жадановского). Т.3. М. «Паломник». 2003.

Примечания

¹ - Алексей Иванович Мечев (1827–1906) был погребен в Москве на Лазаревском кладбище.

² - Алексеевский женский монастырь – основан около 1358 г. по благословению святителя Алексия, митрополита Московского, сестрами его Евпраксией и Иулианией. По желанию Императора Николая I, решившего воздвигнуть на месте монастыря храм Христа Спасителя (см. прим.6), монастырь был перенесен (17.10.1837) в Красное Село к Крестовоздвиженской церкви. Прежние монастырские постройки были разобраны. Закрыт около 1930 г. Один из четырех монастырских храмов (Всех святых) в 1990 г. возвращен Церкви.

³ - См. прим.

⁴ - Память преподобного Алексия, человека Божия (†411) 17 марта.

⁵ - Троицкое митрополичье подворье в Троицком переулке, на Самотеке. Находившаяся здесь Троицкая слобода была пожалована Троице-Сергиевой Лавре (1609). Рядом находилось Троицкое архиерейское подворье, в 1815 г. ставшее подворьем Митрополита Московского. В 1918–1922 гг. на подворье жил Святитель Тихон, Патриарх Московский и всея России. С 1922 г. его заняло обновленческое ВЦУ.

⁶ - Храм Христа Спасителя – кафедральный собор митрополита Московского – был освящен 26.5.1883. Южный придел Святителя Николая освящен 12.6.1883, а северный (Св. блгв. Кн. Александра Невского) – 8.7.1883.

⁷ - Заиконоспасское духовное училище – образовалось в Заиконоспасском монастыре (осн.1600) после перевода оттуда в 1814 г. в Троице-Сергиеву Лавру Московской духовной академии. Причем существовало два училища: уездное и приходское. До постройки нового здания, взамен пришедшего в негодность и сломанного, их временно перевели: первое – в Высокопетровский монастырь, а второе – в Богоявленский. Именно в Заиконоспасском монастыре состоялось

рукоположение диакона о. Алексея Мечева во иереи (по одним сведениям, это произошло в 1892 г., по другим – 19.3.1893).

⁸ - См. комментарии к письму о. Алексея Мечева №1.

⁹ - Обстоятельства этой встречи описываются по-разному. Вот что, например, сообщается в «Жизнеописании священномученика о.Сергия Мечева, составленном его духовными чадами»: Утешение в силу пастырского вдохновения, которое преобразило всю жизнь о. Алексея, он воспринял от о. Иоанна Кронштадтского, приехавшего в то время в Москву. Его пригласили к себе прихожане и друзья батюшки Беловы... Туда же пришел и о. Алексей в надежде получить помощь от великого Кронштадтского пастыря. О.Иоанн дал батюшке завет отдать себя народу и жить с ним. «Ты жалуешься на свои скорби и думаешь, что нет на свете горя больше твоего. А ты будь с народом, войди в чужое горе, возьми его на себя и тогда увидишь, что твое несчастье мало в сравнении с общим, и легче тебе станет» (Надежда. Душеполезное чтение. Вып.16. Basel – М. 1993. С.19–20). Это была не последняя и, возможно, даже не первая встреча двух великих пастырей. В речи на открытии Московского пастырского кружка памяти о. Иоанна Кронштадтского о. Алексей вспомнил: Я, грешный и недостойный иерей, до моего знакомства с батюшкой много раз, если не сказать всегда, приносил Безкровную Жертву с холодным чувством, рассеянными мыслями, часто без веры. После же совместного с отцом Иоанном совершения Литургии меня охватил огонь пламенной любви к Богу и ближним, и я понял как всю тайну Евхаристии, так и значение пастырского душепопечения. Когда я взирал на батюшку, молившегося даже до поту, со многими слезами и внутренним воплем, то трепетал сердцем от близости к столь великому праведнику, этому ангелу Божию, и невольно подымал взор свой к небу, взывая: «Боже, как велико Твое милосердие к роду человеческому! Ты крестными страданиями спас нас от грехов, проклятия и смерти. Дал иереям власть предстоять престолу и ходатайствовать за себя и за люди Твоя. Помоги же, Господи, и мне по примеру отца Иоанна всегда вдохновенно приносить Безкровную Жертву и расположи мое черствое

сердце к ревностному прохождению пастырского дела». И Господь внял моему прошению: после этого по молитвам отца Иоанна я, во-первых, стал серьезнее и проникновеннее совершать Божественную литургию, каждый раз при духовном охлаждении подогревая себя воспоминанием первого незабвенного моего сослужения с отцом Иоанном, во-вторых, всецело предался заботе о спасении моих духовных чад...» (Епископ Арсений (Жадановский). Воспоминания. С.10–11). Как писал о.Павел Флоренский: Если [свт.]Филарет олицетворяет собою в церковной жизни России начало мудрой организации, с не меньшим правом русский народ привык считать о. Иоанна Кронштадтского типичным представителем начала харизматического, т.е. пророчества и вдохновения. Для о. Алексея оказалось определяющим это перекрестное и одинаково сильное влияние двух начал духовности, друг на друга не сводимых, но равно потребных здоровой жизни Церкви (Священник Павел Флоренский. Сочинения в четырех томах. Т.2. С.623).

¹⁰ - Михаил Васильевич Нестеров (19.5.1862 – 18.10.1942) – выдающийся русский духовный живописец.

¹¹ - См. прим.

¹² - О духовной близости о. Алексия и Оптиной пустыни см.: Надежда. Вып.16. С.51–63; Цветочки Оптиной пустыни. С.179–180; Житие иеросхимонаха оптинского старца Анатолия (Потапова). Издание Введенской Оптиной пустыни. 1995. С.112–114. О.Павел Флоренский отмечал: Маросейская Община была по духовному своему смыслу дочерью Оптинской Пустыни: тут жизнь строилась на духовном опыте. О.Алексей учил своей жизнью, и все вокруг него жило, каждый по-своему и по мере сил участвовал в росте духовной жизни всей общины» (Священник Павел Флоренский. Сочинения в четырех томах. Т.2. С.626). Прихожанин Маросейки в качестве «утренней молитвы о. Алексия М. [ечева]» приводит известную «Молитву Оптинских старцев» (Пестов Н.Е. Современная практика Православного благочестия. Кн.III. СПб. «Сатисъ». 1995. С.284).

¹³ - См. прим.

¹⁴ - См. прим.

¹⁵ - Преподобный Паисий (Величковский, 1722 – 15.11.1794) – уроженец Полтавы, схиархимандрит Нямецкого монастыря, продолжатель исихастской традиции. Собираатель и переводчик на русский и др. языки святоотеческих творений, результатом чего явилось издание в России в 1793 г. «Добротолубия» (славянского). Возродитель на Руси школы старчества, которая, начиная с XIX в., приносит свои благодатные плоды на ниве спасения чад Русской Православной Церкви. Причислен к лику святых Освященным Поместным Собором Русской Православной Церкви 6–9.6.1988. Память 15 ноября.

¹⁶ - См. прим.

¹⁷ - Анастасия Дмитриевна Вяльцева (1871 – 5.2.1913) – русская эстрадная певица (сопрано) и артистка оперетты. Родилась в Харькове. Занималась концертной деятельностью, гастролировала во многих городах России. С огромным успехом выступала как исполнительница цыганских романсов. Записывалась на грампластинки.

¹⁸ - Церковь Святителя Николая Чудотворца в Столпах – построена в 1669 г. по приказу Царя Алексея Михайловича. Нижний храм: главный престол – Свт. Николая, южный придел – свв. Симеона и Анны, северный – преп. Сергия. Верхний храм: главный престол – Рождества Богородицы и придел Рождества Иоанна Предтечи. Разрушена в 1938 г. На ее месте – Московское педагогическое училище № 7.

¹⁹ - Владимир Филимонович Марцинковский (1884 – 9.9.1971) – общественный и религиозный деятель. Родился в с. Дермань, на Волыни. Окончил с отличием гимназию (серебряная медаль) и историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. В 1903 г. его привлек к т.н. Русскому студенческому христианскому движению барон Павел Николаевич Николаи, оставивший службу в Государственном совете и скончавшийся в октябре 1919 г. в Монрепо от последствий паратифа. (Речь идет об основанном в Петербурге бар. Николаи и А.И. Пекер Всемирном христианском студенческом союзе). Заседания кружка проходили в квартире

на Мойке. Преподавал в гимназии, руководил студенческим кружком по изучению Библии. В 1913 г. П.Н.Николаи пригласил Марцинковского посвятить всю жизнь работе среди студенчества; он стал секретарем Христианского студенческого движения. По его словам, оно объединяло «в своей среде студентов, верующих во Христа, – представителей различных церквей и даже не причисляющих себя ни к какой церкви. (Большинство принадлежало к Православной Церкви, но были также баптисты, евангельские христиане и лютеране)». С тех пор Марцинковский часто читал лекции в университетах Петербурга, Москвы, Киева, Одессы, Самары и других городов, повсюду насаждая «группы любителей изучения Слова Божия». Присутствовал на Соборе 1917–1918 гг. В 1919 г. Самарский университет пригласил его занять должность профессора на кафедре этики. «К этому времени, т.е. к периоду 1919–1920 гг., – откровенничал Марцинковский, – относится мой усиленный интерес к вопросу о возрождении Православной Церкви. Были разоблачены многие неправды официального христианства. Народ стал массами уходить из Церкви. Духовенство редко решалось поднять голос в защиту Евангелия, перед лицом воинствующего атеизма». В конце 1919 г. им был составлен доклад, основная идея которого заключалась в том, что Православная Церковь должна обратиться к практике крещения взрослых. С этим докладом, по его словам, он, по приглашению священников, выступал в храмах Москвы, Самары и некоторых сел, причем иногда в стихаре (!), по благословению местных батюшек. Обращался с «Запиской» он и к Патриарху Тихону, но Святитель, хотя и в мягкой форме, отклонил предложенные новшества. Зимой 1922 г. Марцинковский обращался в Кремль, попытавшись легализовать свой Христианский студенческий союз. «Комиссар Отдела, – вспоминал он позднее, – бывший православный священник, сидит перед нами. Лет пять тому назад он принадлежал к группе молодых пастырей-идеалистов, издавал духовный журнал с широкой христианской программой. Теперь он сидит, как «спец», в вероисповедном отделе. На нем простая суконная куртка. Говорит он с нами вежливо, обещает все устроить, предлагая подать заявление. На его бледном

лице какая-то мертвенность и грусть – не то от переутомления, не то от внутренних, более глубоких причин. Он беседует с нами по поводу предполагающегося изъятия церковных ценностей для помощи голодным». В 1923 г. Марцинковский был выслан из СССР (отъезд состоялся 20 апреля) и поселился в Праге. Читал лекции в университетах и церквях Европы, писал книги, «проверял» переводы Библии на украинский и русский языки. В 1930 г. переехал в Палестину, женившись там на дочери известного археолога из США Готлиба Шумахера, раскопавшего в 1903 г. Мегиддо (Армагеддон). Поселился в г.Кармель. После образования государства Израиль принял гражданство. Проповедовал Евангелие, долгие годы руководил общиной в г.Хайфе. Записывал на магнитофон евангельские проповеди, которые долгие годы передавала радиостанция в Монте-Карло. В записках Марцинковского сохранились воспоминания о посещении им в 1923 г. храма Свт.Николая в Кленниках: На первый день Рождества внезапно умер мой близкий друг, бывший член нашего кружка, впоследствии ставший священником. Он пришел от ранней обедни домой, чтобы отдохнуть перед поздней Литургией. Причесывал волосы – и вдруг упал бездыханный. Я был на его погребении. Отпевание происходило на Маросейке. В старинном небольшом храме с колоннами было душно от множества народа. Я входил в 6 часов утра, как раз, когда пели Херувимскую (в этом храме бывают иногда всенощные стояния, которые продолжаются с позднего вечера до раннего утра). Херувимскую пели на мотив известного песнопения Страстной недели, которым сопровождается обряд погребения Христа («Благообразный Иосиф»...). Этот мотив и всегда производил на меня глубокое впечатление, особенно на заре Великой Субботы, – теперь же он соединял в душе так много переживаний, связанных с памятью почившего друга! [...] После Литургии и панихиды почти весь народ пошел провожать гроб на кладбище. Духовенство шло в ризах, несли хоругви и пели. Никто не препятствовал процессии. Марцинковский В.Ф. Записки верующего. Новосибирское христианское издательство «Посох». 1994. [Прага. 1929] С.238. С Марцинковским были связаны и др.

прихожане храма Свт.Николая в Кленниках. Так, в биографии Н.Е.Пестова (4.8.1892 – 13.1.1978) читаем: «Осенью 1921 года Н. Пестов попал на лекцию В.Ф.Марцинковского, выдающегося деятеля Христианского студенческого движения. Этот вечер стал поворотным пунктом в жизни Николая Евграфовича» (Пестов Н.Е. Современная практика Православного благочестия. Опыт построения христианского мирозерцания. Кн.I. СПб. «Сатисъ». 1994. С.5). В Христианском студенческом движении участвовала и супруга Н.Е.Пестова – Зоя Вениаминовна Бездетнова. О.Павел Флоренский писал в 1924 г.: «Среди многих обездоленных в русской жизни со вчерашнего дня имеется разряд, заслуживающий особенного внимания. Это именно – учащая молодежь. Правда, с нею носились и возбуждали ее самомнение; но правильного воспитания и духовного руководства она была лишена по крайней мере целое столетие, качаясь между равно искажающими духовную жизнь формальными уроками Закона Божия средней школы и либеральным антирелигиозным скепсисом – высшей. Весь строй русской интеллигенции был таков, что здоровое религиозное воспитание русской молодежи сделалось недоступным. На эту сторону обратил особенное внимание о. Алексей. Он любил молодежь и рассчитывал в будущем на нее. Приводил ее к Богу, не через книги, но через богослужение, к которому привлекал молодежь, и через опыт духовной жизни вообще. Он учил их прежде всего не тому, как надо мыслить, а тому, как надо жить. Он старался укрепить в них волю и чувство долга, считая одну из характерных черт русского народа – безволие – величайшим грехом. К о. Алексею ходили студенты со своими скорбями, сомнениями, несчастьями. Около него плотно осели члены Христианского студенческого союза. Насколько ценили они общение с ним, можно судить по многим часам, которые они простаивали и просиживали на лестнице, ожидая своей очереди. Они вовлекались в общий круговорот общинской жизни, ревностно посещали богослужение, активно участвуя в нем, сообразно своим способностям. Они образовывали кружки, изучавшие совместно духовные вопросы и крепко объединявшиеся чувством братства, нравственной поддержкой

и взаимной помощью. Они помогали Общине во всех сторонах ее жизни. И до сих пор эта молодежь объединена именем о. Алексия и, можно быть уверенным, памятью о нем не раз будет направляться в жизни в лучшую сторону. Священник Павел Флоренский. Сочинения в четырех томах. Т.2. М. С.627.

²⁰ - Отца Сергия Мечева.

²¹ - Николай Александрович Бердяев (6.3.1874 – 24.3.1948) – известный русский философ. О его принадлежности к Маросейской общине писали в «Очерках по истории русской церковной смуты» (М. 1996. С.303) А.Э.Левитин и В.М.Шавров: : О.Алексий ввел у себя строго уставную службу и сплотил вокруг своего храма общину из горящих духом людей, объединенных глубокой религиозностью и евхаристическим общением (частое причащение было нормой религиозной жизни в общине о.Мечева). «Мечевец» – это было в то время синонимом строго православного человека. К общине о.Мечева принадлежало много интеллигентных людей. «Мечевцем» был, между прочим, знаменитый Н.Бердяев. Весьма характерно, что в своей итоговой автобиографической воинствующе-не-(чтобы не сказать анти-)-церковной книге Бердяев пишет о том категорическом неприятии старца Алексия Зосимовского, которое вызвало общение с ним. Неприемлемыми оказались для него произведения святителя Феофана Затворника. Не нашли отклика в его душе ни прп.Серафим Саровский, ни прп.Амвросий Оптинский. Добрые слова нашлись у него лишь о старце Германе Зосимовском. Но ни одного худого слова, ни тени, ни малейшего намека на неприятие не вызвал у него лишь о. Алексей Мечев. Такова была сила любви Батюшки! «Более сильное и значительное впечатление на меня впоследствии произвел о. Алексей Мечев» (Бердяев Н.А. Самопознание. [Опыт философской автобиографии]. М. 1991. С.188). И далее: : У меня было одно светлое впечатление о Православной Церкви перед самой моей высылкой из советской России (в 1922 г. – С.Ф.). Это моя встреча с о. Алексеем Мечевым. Он был из белого духовенства, но почитался старцем. У меня всегда оставалась антиклерикальная закваска, и мой антиклерикализм питался впечатлениями от людей Церкви. Самое сильное и

самое отрадное впечатление от всех встреч с духовными лицами у меня оставалось от о. Алексея Мечева. От него исходила необыкновенная благость. Я в нем не заметил никаких отрицательных бытовых черт духовного сословия. Вспоминаю с самым теплым чувством о беседе с ним перед самым моим отъездом за границу. Он очень благословлял этот отъезд и говорил, что у меня есть положительная миссия в Западной Европе. Мы беседовали в его маленькой комнатке около церкви, был яркий солнечный день, и о. Алексей был в белом. Он во всяком случае был представителем белого, а не черного Православия. Он, между прочим, говорил, что не следует рассчитывать ни на какие интервенции и военные насилия для свержения большевизма, а исключительно на духовный переворот внутри русского народа. Рассказывал о красноармейцах, которые приходили по ночам к нему каяться. Все это соответствовало моим собственным настроениям. Через о. Алексея я чувствовал связь с Православною Церковью, которая у меня никогда не порывалась вполне, несмотря на мою острую критику и мое ожидание совершенно новой эпохи в христианстве. Там же. С.204. В примечании к этому месту воспоминаний свояченица философа Е.Ю.Рапп (1875–1960) пишет: «Н [иколай] А [лександрович] говорил мне, какое сильное впечатление при первой же встрече произвел на него о. Алексей Мечев. Часто Н.А. приобщался и исповедовался в его церкви, и всегда его поражала огромная толпа народа, которая стекалась к нему, ища утешения и помощи. Бывали солдаты красной армии и коммунисты. Среди толпы о.Мечев узнавал и звал к себе того, кто в данный момент особенно нуждался в его помощи. О.Мечев обладал даром прозрения. Его считали святым. За несколько дней до изгнания Н.А. пошел проститься с о. Алексеем. Н.А. было очень тяжело покидать свою родину. Несколько раз ему предлагали бежать за границу, но он отказывался, говоря, что должен разделить судьбу своего народа. После последнего свидания с о.Мечевым Н.А. вернулся потрясенный. «Когда я вошел в комнату о. Алексея, – сказал он, – о.Мечев встал мне навстречу, весь в белом, и мне показалось, что все его существо пронизано лучами света. Я сказал ему, как

мучительна для меня разлука с родиной. «Вы должны ехать, – ответил мне о. Алексей, – ваше слово должен услышать Запад» (Там же. С.374–375). Ср. прим. Будучи в эмиграции, Бердяевы не раз вспоминали об о. Алексии. Супруга философа заносит в дневник под 10 февраля 1935 г. (Воскресение): «Вечером М [ария] А [лександровна] Каллаш ^(1886–1954), журналистка рассказывает о своем духовнике в Москве – покойном О.Алексее Мечеве, о его прозорливости. Ни [Н.А.Бердяев] знал его, был перед изгнанием, и он благословил его образом, кот [орый] Ни всегда хранит» (Дневники Л.Ю.Бердяевой // Звезда. 1995. № 11. С.141).

²² - Храм Спаса Преображения в Спасской слободе – документально известен с 1642 г. При нем были приделы Свт.Николая и Тихвинской иконы Божией Матери. В 1922 г. церковь захватили обновленцы. В 1936 г. сюда перенес свою резиденцию обновленческий лжемитрополит А.И.Введенский. Закрыта в 1938 г. и вскоре разрушена. На ее месте построили школу.

²³ - Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица, в русском переводе. 7-е издание Козельской Введенской Оптиной пустыни. Сергиев Посад. 1908.

²⁴ - Алфавит духовный святителя Димитрия Ростовского в русском переводе епископа Иустина. М. «Паломник». 1995.

²⁵ - Псалтирь, или богомысленные размышления, извлеченные из творений святого отца нашего Ефрема Сирианина и расположенные по порядку псалмов Давидовых. М. Международный издательский центр православной литературы. 1994.

²⁶ - Сергей Алексеевич Мечев был посвящен во диакона 30.3.1919, а вечером того же дня уже участвовал в служении праздничной всенощной Недели Ваий.

²⁷ - Рукоположение о.Сергия во иереи состоялось в Великий Четверток 4.4.1919 в Даниловском монастыре. Рукополагал его епископ Феодор (Поздеевский), 21.3.1876 – 23.10.1937), Волоколамский, которого весьма чтит о. Алексей Мечев. Он завещал именно ему совершить по нем отпевание, но немного

опасался слишком сильного аскетического влияния Владыки на своего сына.

²⁸ - См. комментарий к воспоминаниям «Во граде, яко в пустыне живой...»

²⁹ - Священник Петр Сергеевич Петриков (1903 – 27.9.1937) – уроженец Можайска; служил в храме свт.Николая в Подкопаевском переулке; уже после смерти о. Алексия Мечева приходил служить на Маросейку. Духовный сын прп.Нектария Оптинского; участвовал в его отпевании. Сохранилась фотография о.Петра в епитрахили старца Нектария (Даниловский благовестник. М. 1992. № 2. Ч.I. С.93). В 1931 г. арестовывался. Приговор (три года концлагеря) был пересмотрен: три года ссылки «минус 6». В 1932 г. его встретили в Муроме (куда были сосланы дивеевские сестры) прихожане с Маросейки супруги К.К. и Е.В.Апушкины. Арестован Муромским отделом ОГПУ (1932); отпущен в связи с отсутствием данных для обвинения. Проживал в Можайске. Вновь арестован (4.4.1937). Содержался в Бутырской тюрьме. В предъявленном обвинении виновным себя не признал. Расстрелян в Бутове под Москвой.

³⁰ - Диакон Владимир Сысоев – духовный сын о. Алексия Мечева, автор публикуемых в наст.изд. воспоминаний Дух Маросейки.

³¹ - Нилова Столобенская пустынь в Осташковском уезде Тверской губернии основана в середине XVI в. вскоре после смерти прп.Нила Столобенского (†7.12.1555), 27 лет совершавшего подвиги на этом месте. Монастырь недавно возвращен Русской Православной Церкви.

³² - О.Лазарь Судаков жил и скончался на квартире Анны Степановны, которой о. Алексей Мечев позже благословил читать псалтирь по живым и мертвым.

³³ - Преподобный Иоанн Лествичник (ок.525 – ок.563) – прозванный по названию написанного им руководства к монашеской жизни «Лествица Райская». Около сорока лет отшельничал у подошвы горы Синай. На время оставил уединение, когда был избран настоятелем Синайского

монастыря, чтобы вскоре вновь уйти в уединение. Кроме «Лестницы», автор еще одного сочинения – «К пастырю». Память 30 марта.

³⁴ - См. прим.

³⁵ - Последнее церковное торжество в Кремле – интронизация Всероссийского Патриарха Тихона – состоялась в Успенском Соборе (Доме Пресвятой Богородицы) 21.11.1917. На следующий день архиепископ Новгородский Арсений (Стадницкий) сказал: : Не забудем мы этого момента, тех часов, когда утру глубоко подходили мы к священному Кремлю – сердцу России. Не сразу пропустили даже нас – священнослужителей – для участия в этом святом торжестве. Под разными предлогами чинили нам всякого рода препятствия. Церковные ведомости. 1918. № 6. С.343. В 1917 г. возникло Православное братство ревнителей святынь Московского Кремля, которое совместно с братствами отдельных московских соборов предпринимало безуспешные попытки охранять народные святыни. Невозможность для верующих в течение почти что пяти месяцев помолиться в чтимых храмах вызвала заявление Собора и представителей православных приходов в совнарком: Это народное чувство, несомненно, примет еще более определенное и, может быть, даже резкое выражение, если в дни Страстной и Пасхальной недель, когда обычно Кремлевские храмы бывают переполнены народом, доступ в них будет стеснен. Церковные ведомости. 1918. № 19–20. С.621–622. Вечером 27.4.1918 помнаркома имуществ республики Е.В.Орановский сообщил Ленину: : Кремль многие считали ограбленным, церкви – оскверненными. Допустить народ в пасхальную ночь – лучший способ доказать, что на религиозные чувства мы не посягаем, а главное, мы настолько сильны, что не боимся на целую ночь сделать Кремль доступным для всех граждан. Наука и религия. 1976. № 4. С.5. Пасхальное богослужение состоялось. Момент окончания этой службы лег в основу замысла картины П.Д.Корина «Реквием, или Уходящая Русь». Интересно, что портреты к этой, так и не завершенной, картине появились благодаря помощи художнику митрополита, а тогда викария Московской епархии епископа

Трифона (в миру князя Б.А.Туркестанова или Туркишвили), ведшего ту последнюю службу. Есть сведения, что 16.8.1922 по специальному разрешению властей в Успенском Соборе состоялся молебен живоцерковников. Уже в первые годы правления новой власти богатейшая ризница Успенского Собора была разграблена. Часть национальных и духовных ценностей была использована для выплат по заключенному 3.3.1918 Брестскому миру с Германией (буквально на вес!). После длительного перерыва первый праздничный молебен в честь 400-летия установления Патриаршества на Руси и панихиду по блаженно-почившим российским патриархам в Успенском Соборе совершил в присутствии «Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Пимена митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий 13.10.1989. Первую Божественную литургию совершил в Соборе Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II 23.9.1990» (Расстрелянные святые. Москва. 27 октября – 3 ноября 1917 г. Собрал С.В.Фомин // Град-Китеж. 1992. № 4. С.10–11). События 1918 г., разыгравшиеся в Чудовом монастыре, описаны в неопубликованной пока что рукописи «Жизнь архиепископа Серафима (Звездинского)»: : 4 июля солдаты стреляли в кресты Чудова монастыря. [...] Наступило 13 июля. Собравшиеся богомольцы Чудовой обители были огорчены и опечалены горькою вестью. Владыка Арсений (Жадановский) выехал из обители, встревоженный давлением на нее. Рака святителя Алексия закрылась надолго [...] Прежде чем закрыть обитель, враг захотел внутренне ее уничтожить. Воспользовавшись отсутствием начальства, предложено было недовольным братьям и изменившим послушникам создать свое управление обителью. Но ненадолго враг возвысил недовольных. 4 августа всей братии было предложено оставить стены обители, выехать в Новоспасский монастырь. Чудов кончился, Кремль закрылся для богомольцев до неведомого Божия приговора. Архив Е.В.Апушкиной. Что касается владыки Арсения (Жадановского), то он вместе с о.Серафимом (Звездинским), недолго побыв в Зосимовой пустыни, удалился в Серафимо-Знаменский скит.

³⁶ - См. прим.

³⁷ - См. прим.

³⁸ - Перед открытием Богословско-апологетических курсов о. Алексей Мечев отслужил в своем храме молебен.

³⁹ - Преподобный Авраамий (Аврамий), затворник Геллеспонтский (IV в.) – пресвитер. За 50 лет затвора лишь дважды оставлял свое уединение: в первый раз по настоянию епископа для принятия священнического сана, во второй – для спасения своей юной племянницы и воспитанницы Марии. Трогательное и задушевное житие Преподобного составлено его современником и другом св. Ефремом Сириным. Память 29 октября.

⁴⁰ - См. прим.

⁴¹ - Лидия Александровна – духовная дочь Батюшки; еще до революции она стала помощницей надзирательницы детского приюта, устроенного о. Алексием в нижнем этаже храма; одна несла все труды по уборке церкви. Впоследствии около семи лет стояла за свечным ящиком. Жила при храме, в комнате в полуподвальном этаже дома, построенного Сытиным на церковном дворе. Пекла и продавала просфоры. См. о ней: Жизнеописание... С.61–63.

⁴² - Наемный хор слепых. Известно, что в годы советской власти уникальные специально изготовленные для слепых ноты были, вопреки слезным просьбам, сожжены безбожниками.

⁴³ - Скорее всего, речь идет о Марии Николаевне Чудовской (инокине Марфе), духовной дочери владыки Арсения (Жадановского). В воспоминаниях последнего о Батюшке есть обширные цитаты из ее записок. Она стала одним из пяти канонархов на Маросейке. (Все стихиры здесь пелись канонархом). Чудовские пришли на Маросейку целой группой – 22 человека. Часто они собирались на квартире у одной из своих поблизости от храма. О.Алексий часто заходил к ним, беседовал.

⁴⁴ - Храм Знамения Пресвятой Богородицы на Знаменке – первый деревянный храм известен с XVI в.; второй, каменный, был построен между 1646 и 1657 гг. При нем был придел Свт.Николая Чудотворца. Церковь закрыта в апреле 1929 г.,

взорвана в 1931 г. Две иконы из нее – свт.Климент, папа Римский с житием (сер.XVII в.) и Преображение Господне (втор. пол. XVII в.) – находятся ныне в Третьяковской галерее. О.Павел Флоренский, вспоминая Батюшку, писал: : Учился о. Алексей сперва в Заиконоспасском училище, а затем – в Московской духовной семинарии. Он предполагал потом сделаться врачом, но из послушания матери поступил псаломщиком в церковь Знамения на Знаменку. Тут ему пришлось много потерпеть от грубого настоятеля этой церкви, который всячески третировал своего псаломщика, оскорблял и даже бил. «Бывало, придешь к нему, – рассказывал брат о. Алексея [о.Тихон Мечев (†1910)], – а он лежит на диване и плачет». Однако о. Алексей сносил все с терпением и впоследствии благодарил Господа, что Он дал ему пройти такую школу; а своего настоятеля, о.Георгия, он даже вспоминал как учителя, с большою любовью. Священник Павел Флоренский. Сочинения в четырех томах. Т.2. С.622.

⁴⁵ - Мария Ивановна Тимофеева – автор воспоминаний «А любовь и по смерти не умирает» (см. комментарии к ним).

⁴⁶ - См. прим.7.

⁴⁷ - Протоиерей Валентин Амфитеатов (1.9.1836 – 20.7.1908) – родился в семье священника Калужской губернии; приходился родственником известному митрополиту Филарету (Амфитеатову), Киевскому. Окончил Московскую духовную академию; помимо древних, знал 10 новых языков. Служил в Москве в храме Иконы Божией Матери «Нечаянная Радость», а потом в Придворном Архангельском в Кремле Соборе. Сын его – известный левый писатель и организатор в начале XX в. в России масонских лож А.В.Амфитеатов (1862–1938) – был причиной нравственных страданий о.Валентина, от которых он в конце концов ослеп. Будучи слепым, принимал своих духовных чад на дому.

⁴⁸ - Идею монастыря в миру всячески развивал в своих «Беседах о духовной жизни» в 1920-е гг. прот.Валентин Свенцицкий: : С одной стороны, уничтожение прежних монастырей, с другой стороны, всеобщее безбожие и отпадение от веры, – эти два условия неизбежно приводят верующих

людей к новому внутреннему монастырю. Прот.Валентин Свеницкий. Беседы о духовной жизни. СПб. «Сатись». 1995. С.12. Между прочим, отправной точкой для о.Валентина стали слова святителя Иоанна Златоуста: : Мы должны искать пустынножительство не только в каких-либо местах, но и в самом произволении, и прежде всего другого душу свою ввести в самую необитаемую пустыню (с.6). Прихожанин Маросейки Н.Е.Пестов в своей книге отмечал: У старца о. Алексия [Мечева] были случаи, когда он снимал или облегчал послушание (в молитвах, посте и других духовных подвигах) у некоторых обратившихся к нему христиан (как мирских, так и иноков), которые жили в миру и не могли понести в мирских условиях того, что монастырские старцы наложили на них. [...] Всем инокам «монастыря в миру» следует помнить указания старца о. Алексия М [ечева] о том, что здесь «нельзя применять внешние формы монашеской жизни, от которых всегда будет ущерб семье, которая непременно будет заброшена. Внутренняя духовная жизнь одинакова для всех. Можно жить монахиней (или иноком) и в миру (по духу), но внешние правила монастырской жизни в миру невыносимы, чего иногда не понимают духовники из монашествующих. Для иноков общежительного монастыря внешняя жизнь протекает иначе, чем у мирянина: все у них готово, на все свое время. Подражая монастырской жизни, инок в миру иногда может взять на себя непосильные подвиги, будет тянуться, тянуться, не выдержит, оборвется, и душа его начнет страдать. А в духовной жизни самое главное, чтобы никто и ничто по возможности не страдало. Страдание допустимо лишь тогда, когда дело идет о покаянии и является плачем о грехах своих». «Твое монашество – любить тех, с кем в жизни Господь тебя поставил. И в миру можно быть монахиней», – говорил о. Алексий одной из своих духовных дочерей. Есть разница в отношении к окружающим у инока в миру и инока, живущего в монастыре. Если в монастыре инока сравнительно мало касаются житейские скорби и нужды близких, то здесь, в миру, он окружен ими. Пестов Н.Е. Современная практика Православного благочестия. Опыт построения христианского мирозерцания. Кн.II. СПб.

«Сатись». 1995. С.122; то же. Кн.IV. СПб. 1996. С.21. Тот же Н.Е.Пестов пишет: Обычно в миру христианин живет в семье; основой последней являются муж и и жена, связанные перед Богом для вечности обетами взаимной любви и общности всей жизни в служении Богу. Вместе с детьми и всеми домочадцами они образуют, по словам о. Алексия М [ечева], домашнюю церковь Христову, посвященную тем святым, имена которых носят члены семьи. Пестов Н.Е. Современная практика Православного благочестия. Кн.IV. С.25.

⁴⁹ - Храм Григория Богослова в Богословском переулке (ныне улица Москвина) – построен в 1876–1879 гг. Приделы св. равноап. Кн.Владимира и мч.Христофора. Снесен в 1930 г.

⁵⁰ - См. воспоминания «Открытие учебного года в Народной Духовной академии Москвы».

⁵¹ - Михаил Данилович Асикритов – инженер, духовный сын о. Алексия Мечева. Когда-то увлекался оккультизмом, первая жена (Мария) занималась колдовством. Обращение Михаила Даниловича произошло у ног о. Алексия. Вторая жена (также Мария) была духовной дочерью о. Алексия. Асикритову принадлежат воспоминания «Баночка с вареньем». После смерти о. Алексия перешел под духовное руководство о.Сергия Мечева. В библиотеке прот.Валериана Кречетова сохранилась кн.: Доброе слово новонаначальному послушнику, желающему нелицемерно проходить путь Божий в пустынной обители. Изд.4-е. (Пустыни Св.Параклита). Исправленное и дополненное. Сергиев Посад. Типография Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. 1916. 56 с. – с дарственной надписью: Достойному православному / послушнику дорогому Мише / Асикритову от / любящего его всей / душой недостойнейшего / православного «послушника на / молитвенную память. / Свящ. С. [ергий] Мечев. / 1922 г. День праздн. / иконы Б. [ожией] М. [атери] Феодоровской. Снимок этой дарственной надписи впервые опубликован в изд.: Старец Алексей и Зосимова пустынь. / Сост. С.В.Фомин // К свету. № 14. [М. 1994] С.1.

⁵² - Храм святых Адриана и Наталии в Мещанской слободе – каменная церковь, взамен деревянной, строилась в 1686–1688 гг. Приделы апп.Петра и Павла и свт.Николая. Разрушена в

1936 г. Настоятелем храма во времена о. Алексия был о. Павел Добров. Именно он приютил у себя протоиерея Александра Стефановского (31.8.1927), перед самой Пасхой 1923 г. лишенного Троицкого прихода.

⁵³ - См. воспоминания Петра Борисовича Юргенсона «Записки о Батюшке». Ср. с восп. «О батюшке» в кн. «Московский батюшка. Воспоминания об о. Алексее Мечеве» (Издание Московского Свято-Данилова монастыря. 1994. С.11–13), ошибочно приписанными ее составителем, Г.Дурасовым, иерею Петру Петрикову. Стоит отметить, что сборник этот вообще изобилует многими неточностями и ошибками.

⁵⁴ - Митрополит Евсевий (Никольский, 1861 – 18.1.1922), Крутицкий – родился в Тульской губернии в семье священника. В 1885 г. окончил Московскую духовную академию. Пострижен в монахи (1893), тогда же рукоположен во иеромонахи. Епископ Киренский, викарий Иркутской епархии (1896–1897). Епископ (1899), а позже архиепископ (1906) Владивостокский и Камчатский (с 1916 г. – Владивостокский и Приморский). За годы своего епископства построил на Дальнем Востоке более ста храмов. Участник Собора Российской Православной Церкви 1917–1918 гг., после которого остался в Москве в связи с невозможностью вернуться назад из-за начавшейся гражданской войны. Митрополит Крутицкий, временно управляющий Московской Патриаршей областью (1920–1922). Скончался в Москве.

⁵⁵ - Речь идет о М.Д.Асикритове. См. прим.26.

⁵⁶ - Священник Павел Александрович Флоренский (1882-1937). См.: Игумен Андроник (Трубачев). Русский пастырь на приходе // Москва. 1990. № 12. С.160–161; а также статью о.Павла «О надгробном слове о. Алексея Мечева» и комментарии к ней. По воспоминаниям духовной дочери о. Алексия, М.И.Тимофеевой (см. ее восп. в наст.изд.), Батюшка с большим уважением и почитанием относился к о.Павлу. Ей запомнилось, как они стояли рядом после собрания московского духовенства (Сведения Г.Б.Кремнева).

⁵⁷ - Ср. со словами современного греческого подвижника с Афона о.Климиса: «...Грядут времена, когда только любовь спасет нас. Учись растить в себе любовь, все остальное грех, хуже смерти, только она – жизнь. Мы пропадаем без любви, пропадаем» (Павле Рак. Приближение к Афону. СПб. «Сатись». 1995. С.78).

⁵⁸ - Дедушка автора воспоминаний – Петр Быков.

⁵⁹ - Вольная академия духовной культуры (Вольфила) – возникла в 1919 г.

⁶⁰ - Вячеслав Иванович Иванов (1866–1949) – поэт, философ, теоретик символизма. «В.Иванов, – писал Н.А.Бердяев, – был виртуозом в овладении душами людей. Его пронизывающий змеиный взгляд на многих, особенно на женщин, действовал неотразимо. Но в конце концов люди от него уходили. Его отношение к людям было деспотическое, иногда даже вампирическое, но внимательное, широко благожелательное» (Бердяев Н.А. Самопознание. (Опыт философской автобиографии). М. 1991. С.156).

⁶¹ - Храм Святителя Николая Явленного на Арбате был освящен 2.10.1860 (престолы Никольский и Покровский, придел равноап. Кирилла и Мефодия) на месте разобранной церкви, известной с 1593 г. В октябре 1929 г. президиум Моссовета постановил снести храм. Разрушен в 1931 г. На пустыре была построена школа, занятая впоследствии Главным управлением народного образования исполкома Моссовета.

⁶² - Протоиерей Александр Добролюбов (1864 – ?) – арестован по «делу об изъятии церковных ценностей» (1922); Московским революционным трибуналом был осужден по делу о сопротивлении изъятию церковных ценностей (8.5.1922). «После столкновений, которые произошли в ряде московских храмов в марте-апреле (1922 г.) (в связи с изъятием церковных ценностей), начались аресты среди московского духовенства. Несколько дней спустя после Благовещения [были] арестованы: протоиерей В.Соколов, настоятель храма Николы Явленного на Арбате, благочинный храмов центрального района Москвы, [...] благочинный прот. А.Добролюбов и многие другие. 26 апреля в

помещении Политехнического музея начался этот громкий процесс по делу о сопротивлении изъятию церковных ценностей в Москве. Дело вел революционный трибунал под предводительством Бека. На скамье подсудимых – 17 человек разных сословий и положения. Рядом с известными священнослужителями – инженер и декадентский поэт, старый профессор-юрист и 22-летняя девушка. Приговор был объявлен в воскресенье 8 мая в 2 часа дня: протоиерей А.Заозерский (42 года), протоиерей А.Добролюбов (56 лет) [...] – приговорены к высшей мере «социальной защиты» – расстрелу. Да еще с конфискацией имущества. В итоге (после кассации): трое были оправданы, трое были приговорены к различным срокам заключения. Четверо [...] были расстреляны» (Владимир Русак. Пир сатаны. Русская Православная Церковь в «ленинский» период (1917–1924). Издательство «Заря». Канада. 1991. С.99–100). Настоятель храма Свт.Николая Явленного прот.Василий Александрович Соколов (1876 20.5.1922) был расстрелян, а о. Александр Добролюбов получил срок (10 лет). Приговор к расстрелу последнего был отменен по ходатайству «прогрессивного духовенства».

⁶³ - Татьяна Ивановна Куприянова (31.3.1900 – 11.2.1954) – родилась в семье офицера-артиллериста. Некоторое время жила в Пензе. Из-за болезни (туберкулез) получила домашнее образование. До 1914 г. проходила курс лечения в Италии и Швейцарии. Воспитанница Московского дворянского института имени Императора Александра III (1915–1918). Закончила философское отделение Московского университета (1918–1923). Одновременно занималась живописью в Училище живописи и ваяния. Была, по воспоминаниям знавших ее, человеком одаренным. Ученица Г.И.Челпанова (см. прим.12), она была замечательным логопедом, серьезным психологом и философом. В студенческие годы стала прихожанкой храма свт.Николая на Маросейке. В начале 1930-х гг. вместе с другими прихожанами (в т.ч. автором воспоминаний Е.В.Апушкиной) была арестована, но вскоре освобождена. Вышла замуж за находившегося в ссылке Бориса Александровича Васильева (1932), тайно рукоположенного в священники. Отрывки из ее

автобиографических записок, а также дневника (1924 г.) были опубликованы в сб.: Надежда. Вып.7. Франкфурт-на-Майне. 1982. С.298–327. Протоиерей Владимир Богданов

⁶⁴ - Протоиерей Владимир Богданов (19.4.1865 – 10.11.1931) – родился в Москве; его отец, А.П.Богданов, знаменитый русский антрополог и зоолог, директор Московского зоологического музея. После окончания физико-математического факультета Московского университета (1888) преподавал в 1-м Московском реальном училище (1888–1900). Заведовал отделами чтений по физике и естествознанию в Комиссии по устройству общеобразовательных чтений для московских рабочих (с 1902). Кандидат математических наук. Товарищ начальника отдела прикладной физики Политехнического музея (1900–1917). Духовный сын прот.Валентина Амфитеатрова, ученик прп.Варсонофия Оптинского, неоднократно обращался за советами к прп.Варнаве Гефсиманскому. Рукоположен во иерея целибатом (17.5.1914). Служил в храмах (1915–1927): Спаса Преображения на Песках в Спасопесковском переулке; апостола Филиппа (Иерусалимское подворье); прп.Серафима Саровского при Серафимовском комитете помощи раненым на Сивцевом Вражке (настоятель до 1921 г.). От епископской хиротонии, предложенной Патриархом Тихоном, отказался. Был в тайном постриге (с именем Серафим). Подолгу жил в Дивеевском и Серафимо-Понетаевском монастырях, в Аносиной пустыни. Арестован (1923). Сидел в Бутырской тюрьме. В 1923 (1924?) г. находился в ссылке в Зырянском краю (Усть-Сысольск, Усть-Вымь, с.Корчемье) вместе с митрополитом Кириллом (Смирновым), архиепископом Фаддеем, архиепископом Неофитом, епископом Николаем и епископом Афанасием (Сахаровым). См. записанные его духовными детьми «Практические советы духовной жизни» (Жизнь вечная. М. 1995. № 12. С.4–13). Последнюю Литургию служил в Москве 13.4.1927. Находясь в оппозиции к митрополиту Сергию (Страгородскому), служил в сельских храмах и дома. В последние годы нелегально жил в пос.Пушкино под Москвой,

где и скончался. Похоронен на городском кладбище Сергиева Посада.

⁶⁵ - Священник Сергей Дурылин – автор воспоминаний об о. Алексии Мечеве «Во граде, яко в пустыне живой...» и «Маросейский Батюшка», публикуемых в наст.изд.

⁶⁶ - Записи Т.И.Куприяновой (см. прим.6) нашли отражение в ее рукописи «Жизнь в Церкви как общение с Господом в Богослужении», частично опубликованной в сб.: Надежда. Вып.7. С.327–358.

⁶⁷ - Священник Лазарь Судаков скончался 25 декабря 1922 г. Память прп.Алексия, человека Божия 17 марта.

⁶⁸ - См. прим.6.

⁶⁹ - Георгий Иванович Челпанов (1862–1936) – философ, психолог. До революции он «с большим успехом читал курс по критике материализма. [...] Челпанов был в философии прежде всего педагогом. Но он был очень живой человек, всем интересовавшийся, он был для того времени новым типом профессора» (Н.А.Бердяев. Самопознание. С.125).

⁷⁰ - Святитель Иоасаф Белгородский (Иоаким Андреевич Горленко, 8.9.1705 – 10.12.1754) – родился в зажиточной казацкой семье в Малороссии. До восьми лет рос в родительском доме, позже был отдан на учебу в Киево-Могилянскую академию. Пострижен в рясофор (27.10.1725), а через два года (21 ноября) совершен великий постриг с именем Иоасаф. Десять лет проходил Иоасаф различные послушания, перед тем как его назначили игуменом Мгарского Спасо-Преображенского монастыря в Полтавской губернии (1737). Наместник Троице-Сергиевой Лавры (1744), которую восстанавливал после постигшего ее пожара. Хиротонисан во епископа Белгородского (2.6.1748). Прославлен в лике святых 4 сентября 1911 г. в присутствии Великого Князя Константина Константиновича, Великой Княгини Елизаветы Феодоровны и 150 000 паломников. На всеподданейшем докладе обер-прокурора Св.Синода о прославлении Император Николай II начертал: «Благодатным предстательством Святителя Иоасафа да укрепляется в Державе Российской преданность

праотеческому Православию ко благу всего народа Русского. Приемлю предложение Св.Синода с искренним умилением и полным сочувствием». А 17 декабря 1911 г. состоялось Высочайшее паломничество в Белгород Государя, Государыни, Наследника и Августейших детей, коленопреклоненно молившихся у мощей Святителя Иоасафа, к сени над мощами которого ими была пожертвована лампада. Подробнее см. в кн.: Епископ Белгородский Никодим. Торжества прославления Святителя и Чудотворца Иоасафа. Курск. 1912. В 1991 г. произошло второе обретение мощей Святителя (см.: Архимандрит Симон. Второе обретение мощей свт.Иоасафа Белгородского // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. Вып.7. 1991. Июль. С.34–38).

⁷¹ - «Шура бедовая» – одна из певчих.

⁷² - Михаил Данилович Асикритов. См. о нем прим.

⁷³ - Мария Чудовская – см. прим. к письму № 26.

⁷⁴ - Серафимо-Знаменский скит – заложен 27.8.1910, освящен 23.9.1912 митрополитом Московским и Коломенским Владимиром (Богоявленским). В обители был храм в честь иконы Божией Матери «Знамение» (Серафимо-Понетаевской) и прп.Серафима Саровского с престолом (под землей) св. равноап. Нины с усыпальницей. Закрыт в 1924 г.

⁷⁵ - См. прим.

⁷⁶ - Храм Архангела Гавриила («Меншикова башня») – построен в 1701–1707 гг. на месте церкви XVII в. на средства кн. А.Д.Меншикова. После пожара был восстановлен (1787), и им завладела масонская ложа martinистов (профессор Московского университета К.Г.Шварц и «просветитель» Н.И.Новиков). «Братом» Г.З.Измайловым был украшен снаружи и внутри эмблемами, знаками и изречениями, мистический смысл которых был понятен только масонам. По распоряжению святителя Филарета, митрополита Московского, последовавшему в 1852 г., знаки эти, как чуждые Православной вере, были убраны лишь в 1863 г. (Московский журнал. 1995. № 7). Писатель А.Ф.Писемский в романе «Масоны» пишет, что в храме совершались масонские ритуалы. В 1930-е гг. храм был

закрыт. Возвращен верующим в 1947 г. С 1948 г. в храме размещается Антиохийское подворье.

⁷⁷ - См. прим.

⁷⁸ - См. прим.

⁷⁹ - Мефимоны – служба церковная, отправляемая в понедельник, вторник, среду и четверг первой недели Св.четырдесятницы. На этой службе читается покаянный канон св.Андрея Критского. Греческое название мефимон значит «с нами» и происходит от того, что в этой службе часто повторяется стих: «с нами Бог», и другой, по окончании повечерия: «Господи сил, с нами буди».

⁸⁰ - Дети о.Сергия Мечева – Зоя, Ирина, Алексей (23.10.1921 – 21.6.1988; погребен на кладбище «Введенские горы»). О.А.Остолопова

⁸¹ - См. прим.6.

⁸² - См. прим.

⁸³ - Вера и Елизавета – духовные дочери о. Алексия Мечева. Елизавета ездила в середине 1920-х гг. в Сэров и Дивеево. Была послушницей, а потом монахиней. Получив медицинское образование, работала терапевтом. Дожила до 90-летнего возраста, скончалась два года назад.

⁸⁴ - Ольга Александровна Остолопова – по происхождению дворянка; помещица. После революции работала бухгалтером. Попала на Маросейку через кружок о.Сергия Мечева. Уступила большую комнату своей квартиры о.Сергию – ее духовному отцу. Была арестована в одно время с ним, но выслана была в другой город. Именно она впоследствии познакомила с епископом Афанасием (Сахаровым, 2.7.1887 – 28.10.1962) Е.В.Апушкину, напечатавшую труд Владыки «О поминовении усопших по уставу Православной Церкви» и др. его работы.

⁸⁵ - Евфросиния Николаевна Мечева (урожд. Шафоростова, 28.12.1890 – 6.2.1959) была жертвенным человеком. Во время заключения о.Сергия она молилась, чтобы ей было хуже, а о.Сергию легче.

⁸⁶ - Наталия Левицкая (настоящая фамилия Врангель) – духовная дочь о.Сергия Мечева. Была замужем. После ареста

полгода от нее не было никаких вестей. Выслали. Жила в Семипалатинске.

⁸⁷ - Константин Константинович Апушкин (14/26.10.1898 – 28.5» 10.6.1965) – духовный сын о. Алексия и о.Сергия Мечевых, митрополита Макария (Парвицкого), Московского. В 1936 г. женился на Е.В.Апушкиной. Тайно рукоположен во священника. Погребен на кладбище «Введенские горы» подле о. Алексия Мечева.

⁸⁸ - В первое время о.Сергий особенно заботился о Батюшкиных духовных детях, о тех, кому особенно трудна была перемена. Прежним своим чадам он не раз говорил что теперь им надо потерпеть. Впоследствии он говорил еще, что тогда особенно рассчитывал на поддержку «своих», на помощь тех, кто были его учениками, на «интеллигенцию», но не получил ее на первых порах.

⁸⁹ - «Отче наш» (трижды), «Богородице, Дево, радуйся» (трижды) и Символ Веры.

⁹⁰ - Митрополит Филарет (Амфитеатов, 1779 f\57), Киевский и Галицкий – сын священника Орловской губернии. Окончив семинарию, принял монашество. Ректор духовных семинарий. Настоятель Иосифо-Волоколамского монастыря (1813). Доктор богословия. Ректор Московской духовной академии (1816). Хиротонисан во епископа Калужского (1819). Последовательно занимал кафедры: Рязанскую, Казанскую, Ярославскую. Митрополит Киевский (1837). Перед смертью принял схиму с именем Феодосии. Автор множества богословских сочинений, в том числе «Бесед на евангелие от Иоанна».

⁹¹ - См. прим.

⁹² - См. прим.

⁹³ - См. прим.

⁹⁴ - Игорь Эммануилович Грабарь (25.3.1871 – 16.5.1960) – живописец и искусствовед, один из организаторов и руководителей охраны памятников искусства и старины, один из основоположников музееведения и реставрационного дела. Вместе с Александром Ивановичем Анисимовым (1877–1932)

реставрировали чудотворную Владимирскую икону Божией Матери. Инициатор создания Центральных реставрационных мастерских (1918–1930 – директор).

⁹⁵ - Мария Николаевна Соколова (8.11.1899 – 3/16.2.1981) – родилась в семье священника Николая Александровича Соколова, настоятеля московского храма в честь Успения Пресв. Богородицы на Гончарной улице. Почувствовав необходимость духовного руководства, молилась, прося Свт.Николая указать ей ее путь. О.Алексий Мечев, к которому она пришла в 1913 г., встретил ее словами: «Давно я ждал эти глаза». На основе дневника, в который она вносила слова Батюшки со времени первой исповеди до его кончины, ею составлено изданное недавно «Жизнеописание старца о. Алексия Мечева». После окончания V Московской женской гимназии (1917) она поступила учителем рисования сначала в советскую школу, а потом в частную студию Ф.И.Рерберга и А.П.Хотулева в Москве; позже устроилась художником-графиком в издательство «Энергия». В храме на Маросейке ей была поручена ризница; в ее обязанности также входило следить за порядком во время исповеди у батюшки. Ее знакомая Е.А.Булгакова вспоминала: Вечером трамвайное движение прекращалось. Идти можно только пешком. Ни души на улице, шаги эхом отдаются на противоположной стороне, во дворах одиноко стоящих домов. Распространялись рассказы о каких-то бандитах, прозванных «прыгунчиками». Они вечерами нападали на одиноких прохожих. Но две девушки (одна из них – будущая монахиня Иулиания, другая – Павла [Федоровна Хватова]) ходили в храм утром и вечером каждый день. Батюшка благословил им дружить и поочередно ночевать друг у друга. Жили они обе недалеко, но с батюшкиным благословением ничего не страшно. Страшно было только, пока о том не знал батюшка, а если он благословил в дорогу, то все будет хорошо. Крепкая вера в его молитву делала девушек безстрашными, а частая исповедь и причащение давали бодрость и покой. Бывало, по окончании праздничной всенощной, когда храм был переполнен, батюшка начинал сам, встав на колени, петь полным бодрости голосом: «Под Твою

милость прибегаем...» – и вся церковь вторила ему как один человек, проникаясь надеждой, что Пресвятая Богородица не презрит моления находящихся в скорбях и пошлет Свою милость. Все расходились из храма в полной уверенности, что наступающая ночь, чреватая всякими последствиями, пройдет спокойно. После кончины батюшки Соколова духовно окормлялась у его сына о.Сергия Мечева, проявлявшего живой интерес к древней иконе и потому благословившего ее пойти учиться иконописи у В.О.Кирикова, «всегда с трогательной теплотой» отзывавшегося о Марии Николаевне, «считая ее своей самой верной и преданной ученицей». Изучая древние фрески, в эти годы она побывала в Новгороде, Пскове, Ферапонтовом монастыре, сделала там многочисленные зарисовки. Незадолго до закрытия храма на Маросейке Соколова выполнила 13 высокохудожественных акварелей с детальной проработкой интерьера всего храма, находящихся ныне в одном частном собрании. Тогда же она получила на хранение чтимую на Маросейке Феодоровскую икону Божией Матери, возвращенную туда в 1990 г. одновременно с передачей церкви верующим. Соколова неоднократно бывала у о.Сергия в ссылке. Там он, по свидетельству Е.А.Булгаковой, «благословил нуждающимся в духовной поддержке обращаться к ней с полной откровенностью и доверять ей так же, как и ему. Ей было всего 32 года, и она несла это, и польза от общения была большая, душа оживала». И далее: В Маросейской общине были группы, в которых под ее руководством изучали Библию. Это было очень интересно. Писали доклады на прочитанное. Проработать успели небольшую часть, но она осталась на всю жизнь живой. Ежедневно после богослужения бывало скромное угощение, во время которого Мария Николаевна читала что-нибудь ценное, интересное. Летом 1932 года она писала Житие Иоанна Кущника. Зайдешь – она прочтет написанную новую часть работы. Это можно назвать свободным пересказом, но это было глубокое духовное сочинение. Поразительно было, как она так глубоко могла понимать переживания святого. Перед войной Соколова поселилась в пос.Семхоз неподалеку от Сергиева Посада; писала иконы. В

1946 г. она, как художник-иконописец, получила приглашение во вновь открытую Троице-Сергиеву Лавру, где трудилась до самой своей кончины. В 1970 г. приняла тайный монашеский постриг с именем св. мц. Иулиании, день памяти которой (30 августа) совпадает с прп.Алипием Иконописцем. Погребена на кладбище в пос.Семхоз. См. о ней: Монахиня Иулиания (Мария Николаевна Соколова). Некролог // Журнал Московской Патриархии. 1981. №7. С.18; Монахиня Иулиания (М.Н.Соколова). Труд иконописца. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 1995.

⁹⁶ - Впрочем, на о.Сергии облачение зачастую сидело набок, за богослужением он уже не думал о нем. Так же бывало и у Батюшки.

⁹⁷ - Связь Маросейки с Оптиной – особая тема, заслуживающая отдельного обстоятельного разговора. См. прим.

⁹⁸ - Прпп. Пимен Великий (IV в.), память 27 августа; Арсений Великий (†449), память 8 мая; Макарий Великий (†391), память 19 января; Антоний Великий (†358), память 17 января.

⁹⁹ - Некоторые из этих снимков мы приводим в настоящем издании.

¹⁰⁰ - К изучению храма, как это видно из некоторых документов, приступили вскоре после революции. Так, в 1919 г. на заседании «Старой Москвы» Н.П.Виноградовым был прочитан доклад «О церкви Николы в Блинниках», а в 1925 г. П.И.Юкиным – «О расписной палате при церкви Николы в Блинниках» (Историко-краеведческие материалы фонда Общества изучения Московской губернии (области). К методике изучения истории советского исторического краеведения / Сост. и авт. ст. С.Б.Филимонов. Изд. 2-е, перераб. и доп. М. 1980. С. 85, 114). В 1926–1927 гг. по инициативе о.Сергия Мечева под руководством Д.П.Сухова в храме были проведены реставрационные работы, во время которых удалось выявить элементы древней архитектуры и остатки настенной живописи (Храм Николая Чудотворца в Кленниках. Издание «Московского журнала». М. 1991. С.4). В результате был восстановлен

«первоначальный внешний декор, утраченный при реконструкции в XVIII и XIX вв.» (Памятники архитектуры Москвы. Белый город. М. 1989. С.284). Итоги этих исследований отразились в неопубликованной работе знатока старой Москвы М.И.Александровского «Исторический указатель московских церквей» (М. 1917; с дополнениями до 1942 г.): «Внутри церковь сохранила некоторые древние иконы и книги. В 1927 г. при реставрации восстановлены наличники окон на южной стороне, а с севера – нижней церкви. Внизу устроена церковь Алексея Человека Божия с древними образами. Примыкающая с запада палата сохранила роспись около 1701 г. светского характера: орнамент и изображения деревьев» (Паламарчук П.Г. Сорок сороков. Т.2. М. 1994. С.93).

¹⁰¹ - Деревянная «обетная» церковь Прп.Симеона столпника на Дивной горе (†596) была построена 24 мая 1468 г. (день памяти Святого) Государем Иоанном III в благодарность за то, что сильный пожар не перекинулся на Кремль. «В архивных документах эта церковь упоминается впервые в 1625 году» (Церковные ведомости. 1901. № 27). В 1657 г. вплотную к этому храму была построена каменная церковь Свт.Николая (этим и объясняется перелом стены северного придела). В 1690 г. появился верхний этаж с приделом Казанской иконы Божией Матери. Церковь стала называться «Богородицы Казанския и Николая Чудотворца на Покровке в Блинниках» (с XVIII в. – в Кленниках). «Первоначально церковь представляла собой двусветный, вытянутый по оси север-юг четверик с двухчастным алтарем. Небольшая одноэтажная трапезная соединяла четверик с колокольной; с севера к четверику примыкал одноэтажный Никольский придел. В 1701 г., после большого пожара, верхняя часть четверика была разобрана, а нижняя превращена в подклет, расширенный к западу и надстроенный высоким двусветным объемом с апсидой и притвором; тогда же с юга возвели новый Казанский придел. Церковь была освящена, а вскоре был надстроен второй этаж над приделом. В 1749 г. была возведена существующая колокольня и частично переделаны фасады церкви» (Памятники архитектуры Москвы. Белый город. М. 1989. С.283). См. «Прошение Николаевской

церкви, что в Блинниках, священника Ивана Иванова об исправлении в этой церкви иконостаса и всей церковной ветхости». 18.5.1770 – 1.6.1770 (Центральный Государственный исторический архив г. Москвы. Ф.203. Оп.1. Е.х.877. Сретенский сорок); «Опись церковного имущества церкви Николая Чудотворца, что в Кленниках. 1814 г.» Там же. Ф.203. Оп.744. Е.х.2680). Храм обновлялся и позднее: в 1853, 1868 и 1894 гг. В начале XX в. при храме имелась церковно-приходская школа. В 1892–1923 гг. настоятелем храма был о. Алексей Мечев, после смерти которого общину возглавил его сын – о.Сергий. По свидетельству очевидцев, храм был закрыт в канун Благовещения 1931 г. (Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. Париж. 1977. С.484). По другим сведениям, это случилось в 1932 г. (Тропани Н.В. Воспоминания о храме на Солянке // Московский комсомолец. 14.9.1990). Др. утверждают, что это произошло в 1934 г. (Монахиня Иулиания (М.Н.Соколова). Труд иконописца. С.16).

¹⁰² - «Здание храма Николы-Кленники, – писала м.Иулиания, – имело два этажа: в верхнем помещался храм, нижний представлял собою в то время жилое помещение. Не сохранилось никаких сведений о существовании внизу храма этажа, может быть, он только предполагался. При капитальной реставрации нижнего помещения в 1926–1927 гг. было восстановлено древнее оформление нижних окон снаружи; внутри, в восточных стенах, обнаружены небольшие ниши, какие всегда устраивались в древних храмах для различных богослужебных нужд алтаря» (Жизнеописание... С.45). Реставрация осталась незавершенной, храм и колокольню обезглавили, внутри все перестроили, отдав под учреждения ЦК комсомола. Здание стояло под государственной охраной. Храм вместе с домом для причта, выстроенным тщанием известного русского издателя И.Д.Сытина, был возвращен верующим 18.7.1990, освящен 17.12.1990. (Дроздов С. ЦК ВЛКСМ думает о душе // Комсомольская правда. 10.10.1990; Червяков А. Старинный московский приход / « Московский художник. 2.11.1990; он же. У Николы в Кленниках // Литературная Россия. 14.12.1990. С.22; Московский журнал. 1991. № 5. С.52–58;

Московский литератор. 7.12.1990; Московские ведомости. 1990. № 3. С.4).

¹⁰³ - Св. прав. Василий Блаженный, Христа ради юродивый, Московский чудотворец (ок.1464 – 2.8.1552) – причислен к лику святых в 1558 году.

¹⁰⁴ - Именно такие сведения были приведены в Синодальном справочнике. По др. данным, «Кленники» трансформировались из «Блинников» (в XVII в. церковь так и называли – «Никола в Блинниках»). Здесь, у ворот Китай-города, жили мастера, славившиеся приготовлением блинов, которые они тут же и продавали. И, наконец, вероятно, наиболее достоверное объяснение: храм получил свое название от явленной иконы Святителя Николая в подмосковной деревне Кленники (Холмогоровы В. и Г. Исторические материалы о церквах и селах XVI-XVIII столетий. Вып.5. М. 1887. С.188).

¹⁰⁵ - Речь идет о церковном Юлианском календаре. Собственно Юлианский календарь просуществовал недолго: от реформы своего основателя Юлия Цезаря (46 г. до Р.Х.) до Первого Вселенского Собора в Никее, созванного Константином Великим в 325 г. Собор выработал (в числе важнейших догматических установлений) единые правила вычисления Пасхи и единую для всех христиан эру от Сотворения мира, что способствовало исполнению 7-го апостольского правила: «Аще же кто епископ, или пресвитер, или диакон святой день Пасхи прежде весеннего равноденствия с иудеями праздновати будет, да будет извержен из священного чина». Это же подтверждено и 1-м правилом Антиохийского Собора: «Все дерзающие нарушати определение святого и великого Собора, в Никее бывшего в присутствии благочестивейшего и боголюбезнейшего царя Константина о святом празднике спасительная Пасхи, да будут отлучены от общения и отвержены от Церкви, аще продолжат любопрительно восставати противу доброго установления. И сие речено о мирянах». «Аще же кто из предстоятелей Церкви: епископ, или пресвитер, или диакон, после сего определения дерзнет к развращению людей, и к возмущению Церквей, особитися, и со иудеями совершати

Пасху, такого святой Собор отныне уже осуждает быть чуждым Церкви, как соделавшегося не только виною греха для самого себя, но виною расстройства и развращения многих. И не только таковых Собор отрешает от священнослужения, но и всех дерзающих быть в общении с ними, по их извержению из священства. Изверженные же лишаются и внешней чести, каковы были они причастны по святому правилу и Божию священству». Тем не менее, только за период с 1851 по 1950 гг. принявшие Григорианский календарь праздновали Пасху 15 раз прежде иудеев и неоднократно вместе с ними: 1.4.1823, 17.4.1927, 18.4.1954, 19.4.1981. Тем не менее, переход на новый стиль считал в принципе приемлемым, например, Патриарх Тихон. В своем заявлении в ЦИК 17.9.1924 он писал: «Юлианское летоисчисление не возведено Церковью в неприкосновенный догмат веры, но, связанное с церковным обрядом, допускающим изменения, само может подлежать изменению. [...] Реформа календаря выдвинута потребностями жизни во всех Православных Церквях, и можно думать, что в недалеком будущем она будет принята Церквями без всяких внешних побуждений. [...] Когда новый стиль будет принят согласным голосом всей Кафолической Церкви, тогда можно надеяться, что нам удастся повлиять на верующих и убедить их в допустимости с церковной точки зрения реформы календаря и в ее желательности по практическим и государственным соображениям...» Однако так полагали далеко не все иерархи. Вот что писал по этому же поводу (патриархийный – И.И.) архиепископ Серафим (Соболев, 1881–1950): «Церковь установила в «Типиконе» определенные границы времени, в пределах коих празднуются неподвижные праздники, падающие на время Святой Четыредесятницы. [...] Церковь предвидела совпадения того или иного из великих неподвижных праздников с праздниками подвижными, а также с теми или другими днями Великого поста. На все эти случаи совпадений она установила свой точный богослужебный порядок. Но уничтожая данные границы, новостильники естественно уничтожают и это установление Православной Церкви. [...] Могут сказать, что нарушение «Типикона» не является тяжким грехом, ибо здесь

нет отступления от догматов. Но ведь и слова Христа: «Аще и Церковь преслушает, буде тебе якоже язычник и мытарь» (Мф.18:17), не говорят нам о нарушении тех или других догматических истин нашей веры. Тем не менее, по свидетельству этих божественных слов, кто из нас не окажет послушания Церкви, тот отсекается от нее и становится в ряд тяжких грешников, ибо в данном случае налагается высшая мера наказания – отлучение от Церкви. [...] С точки зрения Православной веры такое пренебрежительное отношение к «Типикону» чад Св.Церкви недопустимо, как недопустимо наше отступление от догматов и канонических правил. И это понятно. Как наше пренебрежение догматическими и каноническими определениями ведет к отступлению от Православия, так к тому же отступлению ведет и указанное пренебрежение «Типиконом». Ведь «Типикон» есть для нас священный закон, руководствующий нас в православном богоугождении богослужениями, праздниками и постами. «Типикон» есть святая книга, связанная с именем дивного сосуда благодати прп.Саввы Освященного, и принята Православною Церковью как одна из основоположительных книг. «Типикон» есть не что иное, как голос Матери нашей Церкви. И к этому голосу мы должны относиться не с пренебрежением, а с безусловным и неуклонным послушанием, если мы хотим быть верными и преданными Св.Церкви и всем ее православным нормам». А вот мнение епископа Зарубежной Церкви Григория (Габбе): Св.Василий Великий в 87-м и 91-м правилах объясняет, что хранение предания и древнего обычая имеет такое же значение, как и хранение писанного догмата. По 91-му правилу: «Из сохранных в Церкви догматов и проповеданий, некоторые мы имеем от письменного наставления, а некоторые прияли от Апостольского предания, по преемству в тайне, и те и другие имеют едину и ту же силу для благочестия. И сему не воспрекословит никто, хотя мало сведущий в установлениях церковных. Ибо аще предпримем отвергати неписанные обычаи, аки не великую имеющие силу, то непременно повредим Евангелию в главных предметах, или паче сократим проповедь в единое имя без самая вещи». Знаменитый канонист

еп. Никодим Милаш в толковании 87-го правила св. Василия Великого пишет: «Относительно обычая Василий Великий говорит, что первое и самое важное в подобного рода вопросах – иметь в виду обычай, ибо обычай имеет силу закона. Обычай всегда в Церкви имел одинаковое значение с законом, если только имел Церковью оправданное основание и если освящен древностью употребления». Юлианский календарь с Пасхалией был принят Первым Никейским Собором и освящен употреблением в Церкви более тысячелетия. Поэтому отказ от него или нарушение его является уже нарушением догмата о Церкви. Понятно, что православная совесть с этим не мирится и люди, хранящие ее, отходят от совершающих такой грех епископов». Епископ Григорий (Габбе). Церковь и ее учение в жизни. Собрание сочинений. Т.3. Джорданвилль. 1992. С.181. Святитель Филарет, митрополит Московский, писал: «Я отрицаю это разделение на существенные догматы и второстепенные мнения, я полагаю, что оно противно мнению всех Отцов [...]; и то и другое столь тесно соединено и практически неразделимо друг от друга, что допустить его (разделение – С.Ф.) совершенно несогласно с единством веры и Церкви» (Русский архив. 1894. Кн.3. С.92). «Кто после найденной истины, – говорится в Деяниях VII Вселенского Собора, – доискивается еще чего-то, тот ищет лжи».

¹⁰⁶ - «Юлианский календарь, – пишет современный православный исследователь календарной проблемы, – более полутора тысяч лет определявший ритм жизни народов Европы, закреплен отчасти и в генетических структурах человечества. Согласно многочисленным научным экспериментам последних лет, проведенным на биологических объектах разного уровня, живая материя и вместе с ней человек оказываются предельно чуткими к малейшим колебаниям геомагнитного поля; причем показатели земного магнетизма имеют очень четкую периодичность, связанную с равноденствием и солнцестоянием. «Человек вместе со всем живым вибрирует в такт колебаниям физических полей космической природы. Вибрации эти в связи с постоянными колебаниями точки равноденствия в Григорианском календаре не имеют правильной периодичности,

а это связано с неведомым, но несомненно существующим «терапевтическим эффектом» (Г.Могилевцев). Григорианский календарь, согласно которому живет современное человечество, задает неправильный и акосмический ритм. Поэтому вполне понятно, что он, не соответствуя тем биочасам и биокалендарю, которые на протяжении очень длительного времени вырабатывались у человека, возможно, их расстраивает. Заслуживает внимания и тот факт, что, согласно мысли В.И.Вернадского, ноосфера Земли слагалась – и, видимо, в дальнейшем будет слагаться в ритме Юлианского календаря. Поэтому «человечеству важно не растратить этого, во многом уникального единства». Римский престол, отойдя от Вселенской Церкви, отдалился и от вселенской истины: папство, навязывая свое мировоззрение, основанное на геоцентризме, не отличало метафизической стороны этого вопроса. Земля, будучи местом Боговоплощения, и в самом деле является центром мироздания, но центром не астрономическим, а духовным. Время – тоже творение Божие. Господь совершает освящение твари, которая причащается Его небесной жизни. Поэтому можно говорить о церковном Юлианском календаре как об иконе этого освященного времени. [...] Церковь Христова соединяет временное и вечное. Это осуществляется прежде всего в Таинстве Евхаристии. Пребывая во времени, Церковь реальным присутствием Христа преображает время, как преображает она и мир. Что же касается разногласий и разноречивых мнений по поводу Юлианского календаря, то нам видится, что аргументом по преимуществу является ежегодное схождение благодатного огня на Гроб Господень – чудо, которое происходит при многотысячном стечении паломников в Великую Субботу по Юлианскому календарю. В этом нам видится мистическое освящение этой 2000-летней иконы времени» (Л.Перепелкина. Экуменизм – путь, ведущий к гибели. Джорданвилль. 1992. С.88–89; см. др. ее работы: Юлианский календарь – 1000-летняя икона времени на Руси // Православный путь. 1988 г. Джорданвилль. 1989. С.113–144; L.Perepiolkina. La categorie du

temps dans la tradition orthodoxe // Espace et le Temps. Librairie Philosophique J.Vrin. Paris. 1991).

¹⁰⁷ - С астрономической точки зрения суть Никейской реформы календаря заключалась в том, что в юлианскую систему времяисчисления, строго ориентированную по солнцу, было введено «лунное течение» (движение луны со сменой ее фаз). Чисто внешне Григорианский календарь (введенный настойчивыми усилиями римского папы Григория XIII в 1582 г.) астрономически был точнее Юлианского. Но Вселенский Собор в Никее был озабочен, главным образом, не астрономической точностью календаря (хотя, по возможности, старался соблюсти и ее), сколько единством молитвенной жизни всех поместных Церквей. (О.Сергий Мечев подчеркивал еще один аспект единства: Церкви земной и Церкви Небесной). Однако и астрономическая точность Григорианского календаря оказалась весьма сомнительной. Причем сразу же после его введения. В 1583 г. ученый Жозеф Скаллигер опубликовал «Новый труд по улучшению счета времени», в котором писал о том, что только Юлианская календарно-хронологическая система может обеспечить непрерывный счет дней в мировой хронологии. Именно по освященному более чем тысячелетним употреблением в Церкви календарю до сих пор ведутся все хронологические и астрономические расчеты, относящиеся как к прошлому, так и к будущему. Недаром создатели Григорианского календаря (среди них иезуит-математик Христофор Клавий) отстранили от участия в реформе всех сколько-нибудь выдающихся астрономов и хронологов, выразивших сомнение в реформе. Образованная Русским астрономическим обществом для обсуждения реформы календаря Ученая комиссия заявила 18.2.1899 о том, что «нет оснований к введению в России (а тем более в Церкви) заведомо неправильного Григорианского календаря». Подробнее см.: А.Н.Зелинский. Конструктивные принципы древнерусского календаря // Контекст. АН СССР. М. 1978 (переиздана: Братством прп.Иова Почаевского. Монреаль. 1984; Подворьем Русского на Афоне Св.-Пантелеимонова монастыря в Москве. 1996); его же. Освященное время // Вестник Русского Западно-Европейского Экзархата. № 113.

Париж. 1983. С.209–250; его же. Литургическое время Христианской культуры // Православное чтение. Издание Московской Патриархии. 1990. № 6. С.1–5; Г.Могилевцев. Григорианская реформа календаря // Отчизна. М. 1991. № 8. С.33–36; К.В.П. Остановилось солнце, или подаренный день // Жизнь вечная. М. 1995. № 7(10). С.16; В.Губанов. Церковный календарь точнее иных // Жизнь вечная. М. 1995. № 9 (12). С.8.

¹⁰⁸ - Отношение Православной Церкви к Григорианскому календарному расколу 1582 г. с самого его возникновения было вполне определенным. 1582 г. Вселенский Патриарх Иеремия II вместе со своим Синодом осудил новое римское времяисчисление, как не согласное с преданием Православной Церкви. 1583 г. Константинопольский Церковный Собор, созванный Вселенским Патриархом, при участии Патриархов: Александрийского Сильвестра и Иерусалимского Софрония VI, – в своем постановлении, разосланном всем Восточным Церквам, заявил: Кто не следует обычаям Церкви и тому, как приказали семь Святых Вселенских Соборов о Святой Пасхе и месяцеслове и добре законоположили нам следовать, а желает следовать григорианской пасхалии и месяцеслову, тот с безбожными астрономами противодействует всем определениям Святых Соборов и хочет их изменить и ослабить – да будет анафема, отлучен от Церкви Христовой и собрания верных. Вы же, православные и благочестивые христиане, пребывайте в том, в чем научились, в чем родились и воспитались, и когда вызовет необходимость – и самую кровь вашу пролейте, чтобы сохранить отеческую веру и исповедание. 1756 г. В Окружном послании Вселенский Патриарх Кирилл V наложил на всех христиан, принявших новый стиль, страшные проклятия на временную земную и вечную жизнь. 1848 г. В Окружном послании от имени Единой Кафолической и Апостольской Церкви Вселенский Патриарх Анфим VI совместно с др. Восточными Патриархами: Александрийским Иерофеем, Антиохийским Мефодием и Иерусалимским Кириллом, и их Синодами высказали следующее исповедание веры: У нас ни патриархи, ни соборы никогда не могли ввести что-нибудь новое, потому что хранитель благочестия у нас есть самое Тело

Церкви, то есть народ, который всегда желает сохранить веру свою неизменною и согласною с верою отцов его [...] Да держим исповедание, какое приняли от таковых мужей – святых Отец, да отвращаемся всякого новшества как диавольского внушения, на что, если бы кто дерзнул или словом, или делом, или помышлением, таковой отрекся уже от веры Христовой, уже добровольно подвергся вечной анафеме за хулу на Духа Святого, якобы несовершенно глаголившего в Свящ.Писании и во Вселенских Соборах. Итак, все новшествующие: еретики ли то, или раскольники, добровольно облекушесь в клятву, яко в ризу, хотя бы то были папы, хотя бы патриархи, хотя бы миряне, аще бы ангел с небесе – анафема ему. 1899 г. Назначенный Св.Синодом Русской Православной Церкви делегатом в образованную Русским астрономическим обществом Комиссию по вопросу о согласовании старого стиля Православного календаря с новым профессор Петербургской духовной академии В.В.Болотов (1854–1900) в своей двухчасовой исторической речи сказал: Сам я отмену юлианского стиля в России нахожу отнюдь нежелательною. Я по-прежнему остаюсь решительным почитателем календаря Юлианского. Его чрезвычайная простота составляет его научное преимущество перед всякими другими календарными исправлениями. Думаю, что культурная миссия России по этому вопросу состоит в том, чтобы еще несколько столетий удержать Юлианский календарь и через то облегчить для западных народов возвращение от ненужной никому григорианской реформы к неиспорченному старому стилю. Именно это научно неопровержимо всесторонне обоснованное выступление подвигло Ученую комиссию высказаться в пользу старого стиля. Решительными сторонниками Церковного календаря были выдающийся русский ученый мирового масштаба Д.И.Менделеев и известный астроном Е.А.Предтеченский. Последний говорил, например, о составителях Великого индиктиона следующим образом: Этот коллективный труд, по всей вероятности, многих неизвестных авторов, выполнен так, что до сих пор остается непревзойденным. Позднейшая римская пасхалия, принятая теперь западной церковью, является по сравнению с

Александрийской до такой степени тяжеловесною и неуклюжею, что напоминает лубочную картинку рядом с художественным изображением того же предмета. При всем том эта страшно сложная и неуклюжая машина не достигает еще и предполагаемой цели. 1902–1904 гг. Автокефальные Православные Церкви: Константинопольская, Иерусалимская, Греческая, Русская, Сербская, Румынская и Черногорская, – высказались против Григорианской календарной реформы. В Послании Св.Синода Русской Православной Церкви к Вселенской Патриархии 25.2.1903, в частности, говорилось: Такая перемена, колеблющая исконный и много раз освященный церковный порядок, несомненно, сопровождалась бы некоторыми потрясениями в церковной жизни, а между тем в настоящем случае такие потрясения не находят для себя достаточного оправдания ни в исключительной правоте предполагаемой реформы, ни в назревшей церковной потребности. Вселенский Патриарх Иоаким III, суммируя мнения Православных Церквей, высказался так: Существенный признак Православия, составляющий самое основание всего его канонического и правительственного построения, – это не нарушать вековых определений, положенных нашими Отцами. Только это одно может отразить новейшие стремления и силы, исходящие, говоря словами апостола, от мудрости земной, душевной и бесовской. Ибо как тому, что в течение стольких веков существовало по чину и благообразно, не должно сохранить силу и не быть священным и на остальное время. 1918 г. Всероссийский Церковный Собор 1917–1918 гг. высказался за сохранение старого стиля: Ввиду важности вопроса о реформе календаря и невозможности, с церковно-канонической точки зрения, скорого самостоятельного решения его Русской Церковью без предварительного сношения по сему вопросу с представителями всех автокефальных Церквей, оставить в Русской Православной Церкви Юлианский календарь во всей полноте как на наступающий 1919 год, так и на следующие за ним годы, впредь до решения вопроса всею Православной Церковью... Это последнее тщательное рассмотрение календарной реформы, относящееся к июлю 1918

г., отображено в «Деяниях Совещания Глав и представителей автокефальных Православных Церквей в связи с празднованием 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви 8–18 июля 1948 г.» (Т.2. М. 1949. С. 290–320, 432–434). 1920 г. В «Окружном Послании» Вселенский Патриарх Мелетий IV Метаксасис выдвинул программу дальнейшей деятельности Православных Церквей, первым пунктом которой было принятие единого календаря «для одновременного празднования всеми Церквами великих христианских праздников». 1923 г. Вскоре после Пасхи в Константинополе Вселенским Патриархом Мелетием IV было созвано Совещание представителей Православных Церквей для предварительного обсуждения некоторых церковных вопросов, в том числе и перехода на новый стиль. Постановление об изменении богослужебного календаря и Пасхалии, разосланное автокефальным Церквам, встретило возражения большинства из них. На Совещании отсутствовали уполномоченные от Александрийского, Антиохийского, Иерусалимского и Русского Патриархатов. Александрийский Патриарх Фотий в послании на имя Антиохийского Патриарха Григория от 23.6.1923 объявил постановление Константинопольского совещания не имеющим канонического авторитета, а введение нового стиля без санкции Вселенского Собора невозможным. Решительно отказался ввести новый стиль в своем Патриархате Иерусалимский Патриарх Дамиан. Православный народ Константинополя был особенно сильно возмущен, что определять день Пасхи предполагалось с помощью... астрономических вычислений. Вселенский Патриарх Мелетий был вынужден уйти на покой. Обновленческое Высшее Церковное управление и созданный им в апреле схизматический собор постановили перейти на новый стиль. Однако столкнулись с неожиданными трудностями. По свидетельству Святителя Тихона: Когда летом 1923 г. обновленческое духовенство приступило к введению нового стиля в церковное употребление, против него единодушно восстал почти весь народ. Везде повторилась одна и та же картина: в праздники по новому стилю не приходил в церковь народ, в праздники по старому стилю, несмотря на

требования народа, не решалось отправлять богослужение духовенство. Иногда народ заставлял насильно священников совершать богослужение по старому стилю. Не прошло и месяца, как священники, перешедшие на новый стиль, под давлением своей паствы вынуждены были возвратиться на старый, а несколько позднее сам обновленческий синод разъяснил подведомственному ему духовенству, чтобы постановление о новом стиле проводилось в жизнь лишь там, где это по местным условиям представляется возможным. В октябре в силу целого ряда обстоятельств священноначалие Русской Православной Церкви сделало попытку перейти на новый стиль, но под давлением народа эта попытка провалилась (подробнее см. прим.50). 1924 г. Не дожидаясь решения других Православных Церквей, Греческая Православная Церковь перешла на новый стиль 1 марта. В Грамоте, разосланной всем Восточным Церквам, новый Вселенский Патриарх Григорий VII от своего имени и Синода объявил о переходе на новый стиль, оставив временно до созыва Вселенского Собора празднование Пасхи и зависящих от нее праздников на старой Александрийской Пасхалии. Одновременно с Грамотой Вселенского Патриарха о введении нового стиля с 10 марта Русская Православная Церковь стала испытывать давление со стороны советского правительства (см. прим.50). Такая синхронность, учитывая характер «турецкой» революции и национальный состав «младотурок», была, как представляется, далеко не случайной. Патриарх Тихон довел до сведения Вселенского Патриарха, что ввести новый стиль в Русской Церкви оказалось делом невозможным ввиду решительного сопротивления народа. Румынская Православная Церковь перешла на новый стиль 1 (14) октября. Архиерейские Соборы Русской Православной Церкви Заграницей 1923, 1924, 1926 и 1931 гг. постановили отвергнуть новый стиль ввиду того, что Восточными Патриархами в 1583 и 1756 гг. на новый стиль наложены клятвы, тяготеющие на нем доселе, ибо никаким Собором они не сняты и не разрешены. 1927 г. Когда все препятствия к созыву дважды назначенного и откладывавшегося Вселенского Собора, казалось, были

устранены, в Иерусалиме и его окрестностях 11 июля произошло сильное землетрясение, заставившее Иерусалимского Патриарха отказаться от участия в подготовке Собора, по этой причине вновь отложенного на неопределенный срок. 1929 г. В этом году перешедшие на новый стиль православные впервые вкусили горьких плодов от своего собственного календарного детища. Православная Пасха в 1929 году была очень поздняя – 22 апреля по старому стилю. Начало Петрова поста по новому стилю пришлось на 30 июня, то есть на второй день самого праздника. [...] Перешедшие на новый стиль Константинопольская и Элладская Патриархии от комментариев воздержались. Румыны же, дабы восстановить Петров пост, дерзнули, нарушив канон Никейского Собора о Пасхе, назначить этот величайший христианский праздник почти на месяц раньше подлинной его даты – на 31 марта. То есть румыны в 1929 году «праздновали пасху», совершенно обособясь от Православного мира». (Могилевцев Г. К «Заявлению» Святителя Тихона // Образ. Журнал писателей Православной России. М. 1995. № 4. С.67). 1948 г. На Московском совещании Глав и представителей Православных Церквей, посвященном 500-летию Автокефалии Русской Православной Церкви, календарный вопрос вновь был поднят. Большинство выступавших твердо стояло за сохранение Юлианского церковного календаря. Однако ради «всеpravославного мира» Совещание признало правомочным для Православных Церквей отмечать неподвижные праздники по тому стилю, который принят в данной Православной Церкви. 1968 г. Болгарская Православная Церковь отказалась от старого стиля, перейдя на новый с 20 декабря. 1992 г. В Послании Предстоятелей Святых Православных Церквей, участвовавших во Всеpravославном совещании в Фанаре 15.3.1992 г., говорилось о неких «группах раскольников», угрожающих «каноническому единству» Православия. После Совещания Вселенский Патриарх Варфоломей I разъяснил, что под этой формулировкой имелись в виду «старостильники в основном в Греции». И прибавил: «Мы были единодушны в их осуждении». В Совещании приняли участие представители всех 14

Поместных Православных Церквей. Причем Иерусалимская Православная Церковь отказалась подписать этот документ (Могилевцев Г. К «Заявлению» Святителя Тихона. С.60). В настоящее время Юлианского церковного календаря твердо держатся Русская Православная Церковь, Русская Православная Церковь Заграницей, Иерусалимская Православная Церковь, Грузинская Православная Церковь, Сербская Православная Церковь, монастыри Св.Горы Афон. В Церквах, перешедших на новый стиль, возникли календарные расколы. Особенно пострадала от календарной реформы Финская Православная Церковь, единственная в Православном мире дерзнувшая в полном объеме принять Григорианский календарь, порвавшая таким образом с Православной Пасхалией (см. прим.46). Самочинства там доходят до того, что к Св.Причастию там фактически допущены инославные, женщины в любом состоянии; фактически упразднена исповедь; в угоду лютеранам изменены богослужебные тексты, а венчаться разрешается в неположенные дни. Православные Церкви, перешедшие на Григорианский месяцеслов (тем самым разорвав богослужебное единство), но сохранившие Юлианскую Пасхалию, в недалеком будущем все-таки вынуждены будут принять какое-либо определенное решение: «По расчетам Д.П.Огицкого (Богословские труды, 1968. № 4. С.110–111), это приведет к тому, что у новоюлианцев (новостильников – С.Ф.) уже в 2515 году первый день Святой Троицы придется на следующий день после праздника святых апостолов Петра и Павла. Далее – более: к 6771 году, если новоюлианцы по-прежнему будут «сидеть на двух стульях», праздник Святой Троицы придется на второй день Успенского поста, а к 20700 году Троицын день придется на день заговенья на Рождественский пост. То есть в отдаленном будущем в новоюлианском месяцеслове праздники, посты и будни смешаются, чинопоследование времен, лет и праздников будет постоянно нарушаться, в результате чего в богослужении воцарится полнейшая анархия» (Могилевцев Г. К «Заявлению» Святителя Тихона С.82). Как сказано в Писании об антихристе:

«...И помыслит пременить времена и закон» (Дан.7:25), то есть «возмечтает отменить у них праздничные времена и закон».

¹⁰⁹ - Первая документально засвидетельствованная попытка введения Григорианского календаря в Русской Православной Церкви – Послание Патриарха Тихона Вселенскому Патриарху 21.1.1919, в котором он обращался «с запросом относительно календаря, выражая готовность перейти на новый стиль, если такова будет воля большинства поместных Православных Церквей. При этом он видел необходимость перехода на Григорианский календарь в тех странах, где православные являются меньшинством» (Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М. «Республика». 1995. С.93). К 1923 г. относится записка председателя антирелигиозной комиссии ЦК РКП(б) Ем.Ярославского (Губельмана) «В Политбюро ЦК тов.Сталину» (11.6.1923), в которой он предлагает сообщить арестованному Патриарху, «что по отношению к нему может быть изменена мера пресечения, если он: [...] е) выразит согласие с некоторыми реформами в церковной области (например, новый стиль). В случае согласия, освободить его и перевести в Валаамское подворье, не запрещая ему церковной деятельности» (Источник. Документы русской истории. М. 1995. №3. С.128). В «Краткой мотивировке предложения» Ярославский уточняет: «Из разговоров с [Патриархом] Тихоном выяснилось, что при некотором нажиме и некоторых обещаниях он пойдет на эти предложения [...] Согласие его хотя бы с какой-нибудь реформой (он согласен на признание нов. григор. календаря) делает его «еретиком» – новатором в глазах истинно православных» (Там же). Политбюро ЦК РКП(б) на своем заседании 14.6.1923 постановило «принять предложение т. Ярославского». О своей позиции Патриарх Тихон дает знать в интервью, данном им сотруднику Российского телеграфного агентства 15.6.1923 сразу по выходе из заключения: Патриарх «Тихон говорит, что из всех постановлений [обновленческого] Поместного [лже] Собора он согласен только с переходом на новый стиль» (Известия. 29.7.1923). Судя по документам, «среди окружающих [Патриарха] Тихона приверженцев» у большевиков были свои

люди. В «Кратком информационном отчете антирелигиозной комиссии ЦК РКП(б)», составленном около 15 сентября 1923 г. Ярославским, об этих «приверженцах» говорится: «Они стремятся повлиять на [Патриарха] Тихона в том смысле, чтобы [Патриарх] Тихон сам ввел ряд новшеств и изгнал от себя всякого рода подозрительных в политическом отношении, с точки зрения советской власти, лиц, они считают необходимым, несмотря на упорное сопротивление, которое встречает в крестьянских низах эту реформу, провести введение нового стиля с 1 октября (19)23 года, распустить и переизбрать все приходские советы, мотивируя эту меру тем, что они являются скрытыми черносотенными организациями [...], также ввести второбрачие духовенства. Эту меру тихоновцы намерены провести от имени самого [Патриарха] Тихона» (Ученые записки Российского Православного университета ап.Иоанна Богослова. Вып.1. М. 1995. С.164). Как бы то ни было, 18 сентября 1923 г. Патриарх обратился «к православному народу о реформе календаря в Русской Православной Церкви» (Журнал Московской Патриархии. 1952. № 11), а 24 сентября было принято Постановление Святейшего Патриарха Тихона и «Малого Собора епископов» о переходе на «новый» (григорианский) календарный стиль в богослужебной практике: По почину Вселенского Патриарха и в согласии с другими Православными Автокефальными Церквями, пропустить во времяисчислении 13 дней так, чтобы после 1 октября старого стиля следовало 14. Вопрос о времени празднования Пасхи решить в согласии с Православными Церквями по постановлениям бывшего в Константинополе в сем году Православного Собора. Призвать особым посланием всех архипастырей, пастырей и верующих мирян без смущения принять исправление церковного времяисчисления, так как это исправление нисколько не затрагивает ни догматов, ни священных канонов Православной Церкви, необходимо по требованиям астрономической науки и потребно для согласования церковной жизни с установленным уже во всех христианских странах времяисчислением... Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие

документы и переписка о каноническом преемстве Высшей Церковной власти. 1917–1943. М. Православный Свято-Тихоновский богословский институт. С.299. Об обстоятельствах обсуждения на «Малом Соборе епископов» читаем в «Словаре» (Т.IV. Erlangen. 1986. S.325) митрополита Мануила (Лемешевского): 11/24 сентября 1923 г. в Донском монастыре состоялось расширенное заседание Священного Патриаршего Синода в присутствии 23 святителей. По докладу Высокопреосв. Илариона, архиеп. Вереяского, о необходимости перейти с Покрова на новый церковный стиль, Святейший высказался за принятие предложения, также митрополит Тихон Уральский, митрополит Серафим (Александров) Тверской, архиеп. Петр Крутицкий (Полянский) и еще архиеп. Иларион и 13 святителей (имена которых в тот момент зафиксировать не удалось). Воздержался от голосования один и четыре архиерея высказались против введения нового стиля, а именно: б. митрополит Минский и Белорусский Мелхиседек [Паевский], архиепископ Борис [Соколов] Рязанский и Зарайский и епископ Мануил [Лемешевский] Лужский, управляющий Петроградской митрополией, и еще один малоизвестный святитель (имя которого так и не запомнилось). Таким образом, «Патриарший Синод в сентябре 1923 г. постановил принять новый стиль... но ввести его так, чтобы предстоящий Рождественский пост... обнимал полностью законный срок – 40 дней и поэтому фактически начался 15 ноября н.ст. Послание, в котором подробно объяснялись причины перехода на новый стиль, с упором на то, что все зарубежное Православие его приняло и Церковь должна быть едина с остальными Православными Церквями, было зачитано в конце Литургии в московском Покровском монастыре в день Покрова по ст.ст., т.е. 1(14) октября, по поручению Патриарха [профессором-протопресвитером] о. [Василием] Виноградовым, у которого был очень слабый голос. Следовательно, основная масса верующих ничего не услышала. Очевидно, как пишет Виноградов, Патриарх это сделал из предосторожности, боясь бурной реакции верующих. Затем текст был передан Тучкову для напечатания, с тем чтобы он был в руках Патриархии не позже

1–3 ноября н.ст.; иначе он не успел бы дойти до прихожан на периферии до начала поста по новому стилю. Патриархия считала, что верующие никак не примут Рождества без полных сроков поста. Тучков же, по мнению Виноградова, пытался переходом на новый стиль вызвать еще одно расстройство в Патриаршей Церкви, создать максимальную оппозицию Патриарху. «А так как все основания к такой оппозиции очень убедительно устранялись содержанием патриаршего послания, то Тучков решил лишить Патриаршее управление возможности разослать вместе с указами о введении нового стиля и объясняющее весь вопрос послание». Послание не было напечатано и в газетах. Вместо этого в них появилась статья о том, что «всеправославный конгресс» в Константинополе, который ввел новый стиль, был обновленческим. Иными словами, было сделано все, чтобы представить верующим Патриарха как обновленца и отшатнуть их от него. Делегация от Патриархии запросила Тучкова. Он сделал вид, что ничего не знает и-де не смог добиться напечатания Патриаршего послания вовремя. Теперь Тучков показывал полную незаинтересованность, так как – по мнению Виноградова – он был уверен, что назад Патриархии уже пути нет, новый стиль введен, и у Патриархии будут большие неприятности со своим народом. Но дело в том, что Синод указа о новом стиле по епархиям не разослал, желая это сделать совместно с посланием. В результате указ был разослан только по церквам города Москвы. Когда к 5 ноября отпечатанного послания все еще не было, по московским церквам был разослан указ, что, поскольку послание не напечатано к посту, переход на новый стиль откладывается на неопределенное время, и приходы с удовольствием вернулись к старому стилю. Обозленный Тучков, считая главным виновником епископа Илариона [(Троицкого)] и протоиерея Виноградова, сослал первого в концлагерь, «а Виноградову запретил появляться в Патриаршем управлении... на два месяца» (Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. С.93–94). По свидетельству самого Святителя Тихона, «как только распространился слух о введении нового стиля со 2(15) октября, в среде верующих

возникло сильное возбуждение. [...] К нам потянулись вереницы депутатов от верующих, чтобы осведомиться, действительно ли предполагается реформа календаря, и чтобы просить нас от лица народа воздержаться от нее, так как введение нового стиля всюду возбуждает тревогу, опасения, недовольство и сопротивление. [...] В глазах многих принятие нового стиля сделалось равнозначным отпадению от Православной Церкви» (Там же. С. 335, 336). Один из видных мирян во время выступления обновленческого «митрополита» заявил: Патриарха «Тихона мы любим и уважаем за то, что он ничего не изменил в Церкви и оставил Церковь в прежнем ее виде, но если [Патриарх] Тихон будет вводить в Церковь новшества, то мы, несмотря на уважение и любовь к нему, все от него отвернемся» (Ученые записки... С.165). Эти обстоятельства вызвали Патриаршее Распоряжение 26.10.1923: «Повсеместное и обязательное введение нового стиля в церковное употребление временно отложить» (Акты... С.300). «...Из епархий, – свидетельствует Святитель Тихон, – мы получили изъявления великой радости по поводу нашего распоряжения [...], а вся Москва облегченно вздохнула и немедленно возвратилась к старому стилю». Однако «после этого канцелярия наша была опечатана агентами Правительства, из нее были взяты неразошедшиеся экземпляры нашего, тогда уже отмененного послания о введении нового стиля и оказались расклеенными по улицам столицы без нашего ведома и согласия» (Там же. С.335). Однако давление на Патриарха по поводу введения нового стиля не ослабевало. Доказательством чему является изданный Святителем Тихоном в декабре 1923 г. Указ о разрешении праздновать Рождество Христово по григорианскому календарю «в тех местах, где по местным условиям гражданской и церковной жизни это окажется желательным и целесообразным». «Но, – как отмечает Патриарх, – этим разрешением нигде не пожелали воспользоваться, в чем снова проявилось единодушное желание народа сохранить старый обычай» (Там же. С.336). Следствием этого явилась Просьба, направленная Патриархом наркому юстиции Д.И.Курскому с разъяснением позиции Церкви

о календарной реформе и Послание Вселенскому Патриарху Григорию VII, написанные в начале 1924 г. В 1924 г. при председателе ВЦИК образовался Секретариат по делам культов во главе с П.Г.Смидовичем, который осенью возобновил переговоры о переходе Церкви на новый стиль, пригласив представителей Патриархии и обновленцев. В ответ на новый нажим Святитель Тихон направил 17.9.1924 в ЦИК СССР обширное Заявление, в котором писал: Ныне вопрос о введении нового стиля в церковное употребление снова возбуждается Правительством, и с его стороны заявлено настоятельное желание, чтобы нами были приняты решительные меры к согласованию церковного календаря с гражданским. Принимая во внимание свои прежние опыты, мы считаем себя вынужденными заявить, что решительно не находим возможным их повторять. Новое наше распоряжение о реформе календаря, пока не достигнуто общее согласие по этому вопросу всех Православных Церквей, и в глазах верующих, и по существу дела было бы лишено канонического основания и оправдало бы противодействие народа. По нашему глубокому убеждению, такое распоряжение, настойчиво проводимое нами и, может быть, поддержанное мерами государственного воздействия, послужило бы причиной больших волнений и несогласия в Церкви. Там же. С.337. В результате от перехода на новый стиль отказалась не только Русская Православная Церковь, но и обновленцы.

¹¹⁰ - Преподобный Феодор Студит (759–826) – 22-х лет поступил в монастырь, став одним из примеров деятельного иночества. Принимал деятельное участие в защите иконопочитания, за что подвергался заключению в темницу. Из литературных трудов особенно замечательны проповеди, собранные в Большом и Малом Катехизисах, и письма (550), касающиеся самых разных сторон церковной жизни. Подвиги Преподобного были особенно близки о.Сергию, он молился ему, считая его своим покровителем. Высылка из Москвы в день памяти преп.Феодора послужила для него свидетельством правильности его пути. Икона преп.Феодора Студита с житием была написана М.Н.Соколовой (см. прим.37) и подарена

о.Сергию его духовными чадами осенью 1929 г. в день ангела. Сам образ сохранился до сих пор и находится за границей у священника Владимира Шибаева. Воспроизведен в сб.:

Надежда. Душеполезное чтение. Вып.16. Базель – М. 1993.

¹¹¹ - См. прим.

¹¹² - См. прим.

¹¹³ - См. прим.

¹¹⁴ - Об участии о.Сергия в похоронах Оптинского старца Нектария подробнее см. в кн.: Цветочки Оптиной пустыни. Воспоминания о последних Оптиных старцах о.Анатолии (Потапове) и о.Нектарии (Тихонове). / Сост. С.В.Фомин. М. «Паломник». 1995. С.173–177.

¹¹⁵ - В др. месте А.Добровольский вспоминал: Я приехал из Петрограда в Москву в декабре 1916 года, но на Маросейку я попал только через два месяца. Замечательно, что мое посещение церкви «Николы в Кленниках» совпало с Февральским переворотом. Точно я инстинктивно стремился здесь, в православном храме, под покровом Божией Матери и Святителя Николая, укрыться от тех бед и несчастий, которые несло мне будущее. А.Добровольский. «1917–1918 годы»

¹¹⁶ - Анна Александровна Соколова (1865–1948) – дочь художника А.П.Соколова. В первом браке Бруни, во втором – Исакова. Мать священника Николая Бруни (1891–1938) и художника Льва Александровича Бруни.

¹¹⁷ - В др. воспоминаниях автор передает разговор, состоявшийся осенью 1916 г. между ним и А.А.Соколовой: : – Я бы хотел найти священника, который бы стал моим руководителем и наставником. – А вам и искать нечего, – ответила мне она с большим чувством. – У вас в Москве есть такие достойные священники, молитвенники и подвижники, как отец Владимир Богданов и отец Алексей Мечев. Идите к отцу Алексею. Он служит в храме святителя Николая на Маросейке, около Ильинских ворот. Это было в первый раз, когда я услышал имя дорогого Батюшки. Маросейка, Ильинские ворота. Каким родным, каким милым для меня было все это. А самое соединение двух слов – Алексей Мечев – показалось мне

полным силы и особого значения. Имя Алексей значит «защитник и помощник». А.Добровольский. «Петроград»

¹¹⁸ - А.А.Исакова многие годы была духовной дочерью оптинского старца Нектария, так же как и ее сыновья – о.Николай Бруни (до принятия сана – прихожанин Маросейки) и художник Л.А.Бруни (которому принадлежат известные зарисовки Великого оптинского старца).

¹¹⁹ - Это впечатление более подробно автор описал в др.воспоминаниях: Батюшку отца Алексея я сразу не почувствовал и дело его на Маросейке не понял. Была рядовая дневная служба Великого поста. Служба еще не начиналась. Я вошел в почти пустой храм. И вслед за мной сейчас же вошел Батюшка. Несколько женщин, бывших в храме, бросились к нему, и он остановился, благословляя их. Это дало мне возможность разглядеть его. Таких батюшек я видел на картинах художника Бакшеева: старичок с простоватым круглым русским лицом и рядом всегда две-три растроганные женщины в платочках. А чего ждал я? Может быть, пророка, священника чуть ли не с мечом (Мечев), разящего и рассекающего грешные души. Я подумал, а вдруг он, благословив старушек, обратится ко мне? Что я ему скажу? И я поспешил незаметно выйти из церкви. Незаметно! Вот какой я был еще духовный младенец. А.Добровольский. «1917–1918 годы»

¹²⁰ - Ср.: Я приехал в Москву в конце июля (1918 года), а уже за всеобщей, под 1 августа, я был в церкви «Николы в Кленниках» на Маросейке. Батюшки не было. Мне сказали, что его нет в Москве. Служил отец Сергей (имя его я узнал потом). Эта служба меня захватила. И я уже не отходил от полюбившегося мне храма. Каждый день я спешил прийти сюда с первыми богомольцами и не пропускал ни одной службы. В один вечер шелест прошел среди народа, переполнявшего храм: «Батюшка приехал». Я подходил к кресту. Батюшка стоял рядом с аналоем, где лежал крест. Я еще не подошел, а он, обернувшись ко мне ласковым, смеющимся лицом и все время смотря мне в глаза, сказал громко, на всю церковь, привлекая внимание всех: – Вот и он, наш усердный богомолец. Да, я усердно молился в его храме всю эту неделю, но ведь его не

было в Москве, и меня он не видел, и меня не знал. Тогда я еще не понимал, что Батюшка, и не видя меня, знал, что теперь я пришел навсегда. А.Добровольский. «1917–1918 годы»

¹²¹ - Православная народная академия богословских наук открылась в 1918 г. по единогласному постановлению Совета Союза духовенства и мирян г.Москвы, на что предварительно было испрошено благословение Святейшего Патриарха Тихона. Ее ректором стал профессор Московского университета протоиерей Н.Боголюбский (см. прим.8), а проректором профессор Московской духовной академии В.П.Виноградов (1885–1968; впоследствии протопресвитер). Перед Академией стояла задача «распространения православно-богословского просвещения среди самых широких кругов и масс православно-церковного общества и народа, с целью: 1) более глубокого и сознательного усвоения христианского мировоззрения между всеми слоями церковного народа; 2) подготовки всех членов Церкви к сознательной и плодотворной практической работе для Церкви во всех приходских и епархиальных учреждениях; 3) содействия в подготовке к пастырскому служению лиц, чувствующих к нему призвание, а также усовершенствования в деле пастырства лиц священного сана. Для выполнения этой задачи [...] Академия организует параллельные три рода самостоятельных курсов по богословским наукам или три отделения: 1) отделение “общедоступных богословских курсов” для всех желающих (обоего пола) вне зависимости от степени их общего образования; 2) отделение “высших богословских курсов” для лиц (обоего пола) со средним и высшим образованием, а также для лиц, прослушавших общедоступные богословские курсы; 3) отделение “пастырских курсов” для готовящихся к пастырству и проходящих пастырское служение» (Орловские епархиальные ведомости. 1918. № 15. С.388–389). Народная академия содержалась Союзом духовенства и мирян на средства, получаемые от платы за слушание лекций, и на частные пожертвования. Открытие состоялось 11(24).6.1918. Молебен перед открытием совершил Святейший Патриарх Тихон в Соборной Палате Епархиального дома. На следующий день начались регулярные занятия, проходившие по вечерам 3–

4 раза в неделю. Среди преподавателей были: И.М.Громогласов, Н.Д.Кузнецов (церковное право Русской Церкви), Н.Д.Протасов (церковная археология и иконография), Н.И.Серебрянский. Число слушателей достигало 225 человек.

¹²² - Протоиерей Николай Иванович Боголюбский (1856 – ?) – после окончания Самарской духовной семинарии (1876) и Московской духовной академии (1880; кандидат богословия) преподавал греческий язык в Подольской духовной семинарии (с 30.6.1880). Рукоположен во иереи (10.4.1883) и определен священником в Скорбященскую тюремную церковь Самары. Преподаватель греческого языка Самарской духовной семинарии (24.5.1883), законоучитель Самарской женской гимназии (24.10.1884). Возведен в сан протоиерея (5.6.1884), настоятель самарского Казанского собора. Магистр богословия (17.2.1887). Председатель Совета Самарского епархиального женского училища (10.7.1893). Ректор Самарской духовной семинарии (16.7.1897). Редактор «Самарских епархиальных ведомостей» (1893. № 5 – 1902. № 7). Профессор кафедры богословия Московского сельскохозяйственного института (1902), профессор кафедры богословия Московского университета и настоятель Татианинской церкви при нем (14.2.1911). Председатель Отдела публичных богословских чтений Московского общества любителей духовного просвещения (IX.1905 – 1.1908; около 1917 г. – председатель этого Общества). Заведующий женским Богословско-педагогическим институтом в Москве (1917). Товарищ председателя Исполнительного комитета объединенного духовенства Московской епархии (8.3.1917). Председатель президиума Всероссийского съезда духовенства и мирян (1–12.6.1917). Уклонился в обновленчество, член ВЦУ (1922–1923), председатель этического подотдела Предсоборного отдела (1923).

¹²³ - Протоиерей Николай Григорьевич Попов (1864 – ?) – по окончании Московских духовных семинарии (1887) и академии (1892) псаломщик Казанской церкви у Калужских ворот в Москве. Учитель русского и церковнославянского языков в Звенигородском духовном училище Московской епархии

(26.11.1892). Магистр богословия (1893). Преподаватель латинского языка Московской духовной семинарии (28.9.1895 – 24.9.1907). Священник Николаевской церкви при Московском институте инженеров путей сообщения (31.12.1898). Одновременно – приват-доцент по кафедре византийской истории Московского университета, законоучитель Московской XI-й мужской гимназии, а также директор и законоучитель содержавшейся им частной гимназии. Избран членом Исполнительного комитета объединенного духовенства Московской епархии (8.3.1917). Член Поместного Собора 1917–1918 гг. Уклонился в обновленчество. Член ВЦУ (1922–1923). Преподавал церковную историю в Московской богословской академии (1923). Участник соборов 1923 и 1925 гг. Член обновленческого Синода (с 1925).

¹²⁴ - Как сообщал о.Павел Флоренский в письме от 5.8.1920, Академия эта была «со спиритуалистическим уклоном и протестантствующая» (Игумен Андроник (Трубачев). Священник Павел Флоренский – профессор Московской духовной академии // Богословские труды. Юбилейный сборник. Московская духовная академия: 300 лет (1685–1985). М. 1986. С.240). Ректор ее (см. прим.8) и некоторые преподаватели (см. прим.9) уклонились в обновленчество, войдя в руководящие его структуры. Из слушателей ее известен, например, В.А.Путята (1869 – ?) – впоследствии обновленческий «архиепископ Виктор».

¹²⁵ - Вот как описывает А.Добровольский свой последний, перед отъездом на службу в армию, приход на Маросейку: : Мой последний день в Москве и на Маросейке. 8 июля. Праздник явления иконы Божией Матери Казанской. На Маросейке это был храмовый праздник, и служба в этот день совершалась особенно торжественно. Я старался не проронить ни одного возгласа, ни одного песнопения, ни одной молитвы. Все запечатлеть, все впитать в себя, запомнить, унести с собой. Ведь теперь, может быть, долго-долго я не прикоснусь к этой животворящей атмосфере христианского храма, не войду в строй православного богослужения, не буду ощущать благодати совершающихся здесь таинств. Неожиданно мобилизованный,

завтра ранним утром в партии таких же, как я, я уезжаю на фронт, в темное, внезапно разверзшееся передо мною будущее. И в какой момент! Когда сердце мое прилепилось к храму Божию, когда кроме храма, Божественной службы, все остальное уже не прельщало меня и не привлекало. Если бы была моя воля, я совсем бы убежал из мира, укрылся бы за монастырской стеной. Вечером я в последний раз пришел на Маросейку. Служили нервно, с каким-то особым подъемом. Храм, как всегда, был переполнен молящимися. Но вот служба кончилась. Что это? Батюшка вышел из алтаря на амвон и обращается ко всем замершим в ожидании его слов. Батюшка говорит. Я стою далеко. Я стараюсь уловить его слова. Он говорит обо мне: «Завтра один из наших братьев уезжает на фронт. Помолимся же все, все вместе, всем храмом, да благопоспешит ему Господь, да сохранит его Божия Матерь, наша Помощница и Заступница, и благополучно возвратит (“возвратит” – здесь Батюшка особенно усилил свой голос) назад в наш храм...» И весь наш храм молился обо мне, об «отъезжающем», и как молился. Тихо и проникновенно пели сестры. Я весь молебен простоял на коленях. И как трепетало мое сердце, когда над затихшими молящимися зазвучал такой глубокий, трогательный, взволнованный, прямо к Богу идущий голос: «И молим Тя, Владыко Пресвятый, и рабу Твоему Александру Твоею благодатию спутешествуй... мирна же и благополучна и здрава... и паки цела и безмятежна возвращающа...» Когда после молебна я подошел к Батюшке в последний раз, он, благословляя, надел на меня крест и все не отпускал, и долго на меня смотрел сосредоточенный, задумчивый, внутренне углубленный. Так он все еще и еще молился за меня неслышной мне молитвой.

¹²⁶ - Владимир Павлович Ютанов (1876–1950) – писатель.

¹²⁷ - Николай Сергеевич Ашукин (1890–1972) – историк литературы, критик, поэт.

¹²⁸ - Николай Николаевич Ляшко (1884–1953; псевдоним, наст, фамилия – Лященко) – писатель.

¹²⁹ - «...Я никогда не забуду, – вспоминал А.Добровольский, – одну прекрасную пару: Евгению Александровну и Степана

Павловича Галицких. Уже пожилые, они обладали такими нравственными достоинствами, что общение с ними было всегда полезно и радостно. Евгения Александровна сама была поэтессой, очень любила литературу, была ревностной посетительницей литературно-художественного кружка, дружила со многими крупными писателями, как, например, с Вячеславом Ивановым. Евгения Александровна была необыкновенно добрый, хороший и глубоко верующий человек. Когда я стал уже своим на Маросейке и в разговоре с Евгенией Александровной упоминал о Батюшке, она всегда очень оживлялась и начинала вспоминать: “А вы знаете, Александр Александрович, что отец Алексей венчал нас со Степой...” Батюшку она глубоко ценила, любила и почитала. Она умерла в 1925 году, в начале февраля. Весть о ее смерти пришла на Маросейку во время всенощной. Я стоял, как всегда, на своем месте, около столика с книгами, у окна, рядом с Евдокией Ефимовной Вишняк. Услыхав о смерти Евгении Александровны, Евдокия Ефимовна перекрестилась и сказала с твердым убеждением: “Ну, за Евгению Александровну нечего беспокоиться. Туда, куда пошла ее душа, там, где она сейчас, уже здесь ей все было знакомо”» (А.Добровольский. «1917–1918 годы»). С.П.Галицкий был видным московским хирургом.

¹³⁰ - Иван Алексеевич Белоусов (1863–1930) – поэт, прозаик, переводчик, один из руководителей «Суриковского кружка», участник «сред» Н.Д.Телешева (см. прим.17).

¹³¹ - Николай Димитриевич Телешев (1867–1957) – писатель.

¹³² - Николай Александрович Семашко (1874–1949) – в 1918–1930 гг. нарком здравоохранения.

¹³³ - Петр Никанорович Зайцев (1889–1970) – писатель, драматург.

¹³⁴ - Леонид Александрович Барабейчик (1889–1976) – пианист, профессор Музыкально-драматического училища Московского филармонического общества.

¹³⁵ - Исай Александрович Добровейн (1891–1953) – пианист, композитор, дирижер, профессор Московской консерватории,

дирижер Большого театра в Москве.

¹³⁶ - Давид Самойлович Шор (1867–1942) – пианист, дирижер, композитор, педагог.

¹³⁷ - Лев Моисеевич Цейтлин (1881–1952) – скрипач, профессор Московской консерватории.

¹³⁸ - Исаак Маркович Матковский (1862–1940) – пианист и педагог.

¹³⁹ - Михаил Александрович Чехов (1891–1955) – актер и режиссер, руководитель 2-го МХАТа.

¹⁴⁰ - Александр Кондратьевич Гольдебаев (1863–1924; псевдоним, наст. фамилия – Семенов) – прозаик и журналист.

¹⁴¹ - Ольга Эрастовна Озаровская (1874–1935) – артистка, исполнительница народных сказок, преподавательница художественного чтения, собирательница фольклора.

¹⁴² - Святитель Феофан Затворник (Георгий Васильевич Говоров, 10.1.1815 – 6.1.1894) – род. в семье священника с.Чернавские Елецкого уезда Орловской губ. Окончил Ливенское духовное училище, Орловскую семинарию (1837) и Киевскую духовную академию. В Киеве принял монашеский постриг (1841) с именем Феофан, рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Инспектор духовных учебных заведений, ректор С.-Петербургской духовной академии. Будучи настоятелем посольской церкви, совершал поездки в Святую Землю и Константинополь. Хиротонисан во епископа Тамбовского и Шацкого (1.6.1859). Епископ Владимирский и Суздальский (1863–1866). Подал в Св.Синод прошение об увольнении его на покой с правом пребывания в Вышенской пустыни Тамбовской губ. (1866). Устроив в своих келлиях малую церковь во имя Крещения Господня, Святитель пребывал в богослужении, молитве, богомыслии и трудах писательских. Его перу принадлежат толкования Священного Писания, сочинения по христианской нравственности и основам святоотеческой психологии, переводы трудов аскетических, включая «Добротолюбие». Из 28 лет пребывания в пустыни 22 года он находился в полном затворе. Прославлен на Поместном

Соборе Русской Православной Церкви, посвященном 1000-летию Крещения Руси. Память 10 января.

¹⁴³ - Речь идет о кн.: Епископ Феофан. Что потребно покаявшемуся и вступившему на добрый путь спасения. М. 1882 (2-е изд. М. 1889; 3-е изд. М. 1895; 4-е изд. М. 1899; 5-е изд. М. 1912).

¹⁴⁴ - Святитель Игнатий (Димитрий Александрович Брянчанинов, 6.2.1807 – 30.4.1867) – родился в с.Покровское Грязовецкого уезда Вологодской губ. в семье, происходившей от древнего и весьма чтимого рода. Окончил Главное инженерное училище в С.-Петербурге (1822–1826). Склонность к монашеству, обнаружившаяся еще до поступления в училище, укрепилась в нем в годы учебы под влиянием тесного общения с иноками Валаамского подворья и Александро-Невской Лавры. Выйдя в отставку (6.11.1827), он поступил сначала в Александро-Свирский монастырь, потом пребывал в Пощанской пустыни Орловской епархии (1829), Оптиной пустыни (май 1829), Кирилло-Новоезерском монастыре (1830), Семигородной пустыни Вологодской епархии (1830), Глушником Дионисиевом монастыре (февр.1831). 28.6.1831 послушник Димитрий был пострижен в малую схиму с наречением имени Игнатия. Вскоре состоялись рукоположения: во иеродиакона (4.7.1831) и иеромонаха (25.7.1831). Сначала иеромонах Игнатий был оставлен в Вологде при архиерейском доме, а потом назначен строителем Пельшемского Лопотова монастыря (6.1.1832; звание строителя и набедренник – 14.1; сан игумена – 28.5.1833). Сдав монастырь (27.11.1833), игумен Игнатий отправился в Петербург, где представлялся Императору Николаю I, который сказал ему: Ты мне нравишься, как и прежде! Ты у меня в долгу за воспитание, которое я тебе дал, и за мою любовь к тебе. Ты не хотел служить мне там, где я предполагал тебя поставить, избрал по своему произволу путь, – на нем ты и уплати мне долг твой. Я тебе даю Сергиеву пустынь, хочу, чтоб ты жил в ней и сделал бы из нее монастырь, который в глазах столицы был бы образцом монастырей. Без двух месяцев двадцать четыре года пробыл о.Игнатий в Сергиевой пустыни под Петербургом, способствуя

благоустройству монашеской жизни и благоукрашению обители. Возведен в сан архимандрита (1.1.1834). Назначен благочинным всех монастырей С.-Петербургской епархии (22.6.1838). В 1847–1848 гг. одиннадцать месяцев находился в отпуске для поправления здоровья в Николо-Бабаевском монастыре. Хиротонисан во епископа Кавказского и Черноморского (27.10.1857). Уволен на покой с предоставлением в управление Николо-Бабаевского монастыря (5.8.1861). Скончался в келлии во время молитвы в неделю Жен-Мироносиц. Прославлен в сонме святых на Соборе Русской Православной Церкви в год 1000-летия Крещения Руси. Память 30 апреля.

¹⁴⁵ - Преподобный Памва (†386) – современник прп.Антония Великого, жил в Нитрийской пустыне в Египте, прославился многими подвигами. Память 18 июля.

¹⁴⁶ - Преподобный Павел Препростой (†ок. 340) – ученик прп.Антония Великого. Житие см. в гл.31-й кн. пресвитера Руфина «Жизнь пустынных отцев». Память 7 марта и 4 октября.

¹⁴⁷ - Преподобный Пимен Великий (IV в.) – египетский авва, сподвижник преподобных Паисия Великого и Иоанна Колова; его назидательные проповеди пользовались большим успехом. Память 27 августа. Особо почитался на Маросейке. По свидетельству современников, о.Сергий Мечев «не раз говорил, что путь, нужный его душе, это не путь Исаака Сирина, не путь обличения других, но путь Пимена Великого, который находил нужным упокоить заснувшего на бдении брата и положить его голову на свои колени, лишь бы не обличить, не осудить и не впасть таким образом в грех самому. Он предупреждал духовных детей, что если они в этом не будут учиться от его жизни, не захотят сами работать на этом пути, то, может быть, скоро настанет время, когда он и они понимать друг друга перестанут. О.Сергий не только руководствовался примером Пимена Великого, но молился ему и ввел пение припева ему после окончания вечернего богослужения» (Надежда. Душеполезное чтение. Вып.16. Базель – М. 1993. С.72).

¹⁴⁸ - Преподобный Пимен Постник (†1113) – подвижник Киево-Печерский, друг прп.Кукши, имел дар исцеления и

пророчества. Мощи почивают в Антониевой пещере. Память 27 августа.

¹⁴⁹ - Иеромонах Феодор (Ушаков, 1718 – 19.2.1791) – старец, отличавшийся выдающейся духовной крепостью и духовной мудростью. Родился в родовом имении дворян Ушаковых на Волге близ г.Романова Ярославской губернии. Получив домашнее воспитание, был определен в квартировавший в Петербурге лейб-гвардии Преображенский полк. Переодевшись в нищенскую одежду, скрылся в пустынных поморских лесах на берегах Северной Двины, проведя в уединенной келлии три года. Перешел в Пощанскую пустынь. Будучи без документов, был схвачен сыскной командой, но, прощенный Императрицей Елизаветой Петровной, был определен в Александро-Невскую Лавру (1744), где был пострижен в монахи (19.9.1747). Вскоре к нему стали обращаться за духовными советами. Перешел в Саровскую пустынь (1757), а ученицы, последовавшие за ним, поселились в Алексеевском монастыре в Арзамасе (см. прим.36). Переведен по его просьбе в приписанную к Сарову Санаксарскую пустынь в Темниковском уезде. Рукоположен во иеромонахи (13.12.1762) с назначением настоятелем обители. Ввел откровение помыслов. Способствовал восстановлению и упрочению Санаксарского и Алексеевского монастырей. По ложному доносу был отправлен на Соловки, где провел девять лет. Возвратившись незадолго до смерти в Санаксарскую пустынь, некоторое время был лишен возможности руководить сестрами Алексеевской общины.

¹⁵⁰ - Арзамасский Новодевичий Алексеевский монастырь – основан князем Шаховским в царствование Михаила Феодоровича. Восстановлением своим обязан старцу Феодору Санаксарскому (см. прим.35), поселившему в ней несколько женщин, последовавших за ним из Петербурга. Вскоре под его руководством число сестер достигло 150. Два или три раза в год Старец приезжал в Арзамас и, останавливаясь на Санаксарском подворье, навещал общину. По заведенному о.Феодором уставу у сестер должно было быть все общее. Все должны были повиноваться настоятельнице и питаться от дел

рук своих. Во время работ одна из сестер должна была читать духовную книгу. В обычные дни в церковь ходили попеременно те, кто не имел особо важных работ. В праздники ходили все и стояли, скрытые занавеской от мирских. Кроме десяти старушек, ходивших в город за покупками, никто не выходил из ограды. Перед революцией обитель считалась одной из самых благоустроенных в России; в ней было свыше 700 сестер. Особенно славилась основанная еще при Старце золотошвейная мастерская, заказы в которую поступали даже из Греции и Палестины.

¹⁵¹ - В уставе, данном о.Феодором Санаксарским обители, говорится: На утреннем правиле, начинающемся всегда около 4 часов пополудни, читаются: утренние молитвы, две рядовые кафизмы и помянник. На вечернем правиле, положенном в 8 и 9 часах пополудни, а на воскресные и праздничные дни и ранее того, в будни читаются: повечерие, канон Иисусу Сладчайшему, акафист Божией Матери, уложенные поклоны, поучительное слово из Св.отцев, помянник, вечерние молитвы и рядовой акафист; на праздничные же дни, сверх показанного, прочитываются все стихиры и ирмосы канонов. Во все воскресные и праздничные дни должны быть у служб церковных все без исключения, а в седмичные – не ходить к службам позволяется только одним престарелым и немощным. Старческие советы некоторых отечественных подвижников благочестия XVIII-XIX веков. М. 1913. С.421–422.

¹⁵² - Лазаревское кладбище (первое общегородское) – основано в 1748 г., закрыто в 1933 г.

¹⁵³ - Храм Преподобного Серафима, Саровского чудотворца при приюте Мясницко-Басманного попечительства о бедных. Освящен 30.6.1905. До революции там располагались приют и школа для детей с дополнительными курсами по общеобразовательным предметам Мясницко-Басманного отделения Общества дамского попечительства о бедных. После 1917 г. в здании находилось общежитие и жилые квартиры вплоть до 1978 г. В самом начале 1979 г. здание было снесено во время строительства нового Олимпийского стадиона.

¹⁵⁴ - Митрополит Сергей (Ляпидевский, 1820–1898), Московский и Коломенский. Среди прочих автор труда «О поименовании усопших».

¹⁵⁵ - См. публикуемые в наст.изд. «Надгробное слово», составленное о. Алексием перед своей кончиной, а также статью о.Павла Флоренского «О надгробном слове о. Алексея Мечева». Установлено, что слово это было заимствовано и приспособлено к обстоятельствам о. Алексеем из слова архимандрита Григория (Борисоглебского) перед погребением прп.Амвросия Оптинского.

¹⁵⁶ - Никитский необщественный женский монастырь – основан в 1582 г. дедом Царя Михаила Феодоровича боярином Никитою Романовым. В обители были: собор Великомученика Никиты с приделами Введения во храм Пресв.Богородицы и Свт.Николая; храм Вмч.Димитрия Солунского и храм Воскресения Словущего. Последняя церковь обители закрыта в 1929 г. В последующие годы монастырь был полностью разрушен. В диаконы Батюшку посвятили сразу после женитьбы, которая состоялась в 1884 г., и определили в храм Вмч.Георгия.

¹⁵⁷ - Заиконоспасский мужской монастырь – основан в 1600 г. Царем Борисом Годуновым. Нижний храм Нерукотворного образа Спаса, а верхний – во имя иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость». В находившемся в этой обители Заиконоспасском духовном училище когда-то учился о. Алексей Мечев (см. прим.). К 1922 г. храм был захвачен обновленцами, а в июле 1929 г. окончательно закрыт.

¹⁵⁸ - Т.е. Святителя Тихона, Патриарха Московского и всея России.

¹⁵⁹ - См. прим.

¹⁶⁰ - Священник Константин Ровинский (†после ноября 1941) – принял священство по благословению Святителя Тихона и о. Алексия Мечева. Священник в храме при Иверской общине сестер милосердия (см.прим.8). Отец Сергей Сидоров вспоминал о нем как о «благодарном и глубоко верующем пастыре, бывшем губернаторе», а «ныне одним из самых

светлых и добрых священников Москвы» (Записки священника Сергия Сидорова с приложением его жизнеописания, составленного дочерью, В.С.Бобринской. М. 1999. С.62). Автор книги «Беседы старого священника со своими духовными чадами о некоторых событиях и случаях, коим он сам был очевидцем, которые он сам испытал и о которых слышал от заслуживающих доверия лиц, близких ему по духу» (М. «Паломник». 1995). Книга включает в себя «Воспоминания об отце Алексии Мечеве» (с.196–212). После смерти о. Алексия был арестован в 1929 г. вместе с о.Сергием Мечевым.

¹⁶¹ - Иверская община сестер милосердия при Иверском комитете Российского общества Красного Креста, председателем которого был Вел.Князь Сергей Александрович, а с 1905 г. (после его убийства) Вел.Княгиня Елизавета Феодоровна. С самого основания (1896) обитель на Б.Полянке, 20, пользовалась поддержкой и покровительством Императрицы-Матери Марии Феодоровны. В годы I мировой войны ее посещала и Императрица Александра Феодоровна с Вел.Княжнами Ольгой Николаевной и Татианой Николаевной. Попечительный совет последовательно возглавляли Е.П.Иванова-Луцевина, О.Г.Якунчикова, О.М.Веселкина и О.М.Михайлова. Духовниками общины состояли о.Константин Зверев и о.Сергий Махаев (с 1907 г.). Настоятельницами обители были: Варвара Георгиевна Терпигорева, с 1912 г. – Надежда Александровна Пушкина, а незадолго до революции – Елизавета Карловна Авеллан. Безсменным главным врачом Общины являлся хирург, профессор Иван Павлович Алексинский. При Общине существовали: 1) храм Иверской иконы Божией Матери, построенный на средства жительницы Замоскворечья Елизаветы Семеновны Ляминой по проекту архитектора С.К.Родионова в русско-византийском стиле [иконостас был из белого мрамора]. (15.10.1896 – 19.4.1901); 2) поликлиника (систематическое лечение массажем и электролизация, бесплатно); 3) больница (хирургическое отделение на 44 койки и терапевтическое на 7 коек – с бесплатными кроватями для бедных больных); 4) аптека. Настоятельницей в предреволюционную пору была Варвара

Сергеевна Терпигорева. В Общежительной общине состояло 50 крестовых сестер, принявших некоторые иноческие обеты (безбрачия и целомудрия), и 20 испытуемых. Община была закрыта в 1918 г. по обвинению в соучастии в антибольшевицком заговоре. Служба в храме совершалась с 1922 по 1925 гг. Ныне в помещениях Общины располагается городская детская больница № 20. Храм передан Русской Православной Церкви в 1992 г.

¹⁶² - Часовня Боголюбской иконы Божией Матери в Варварской башне Китай-города. Еще в XVII в. на наружной стене Варварских ворот Китай-города, выходящих на Соляную площадь, была установлена Боголюбско-Московская икона Божией Матери (на этом образе, написанном в конце XVII в., Царице Небесной молитвенно предстоят св. блгв. Кн. Андрей Боголюбский, Святители Московские Петр, Алексей, Иона, Филипп, блаженные Василий и Максим Московские, Святитель Василий Великий, св. мч. Параскева, св. Симеон, сродник Господень, прп. Параскева, а также ап. Петр, св. Алексей, человек Божий, и прп. Евдокия). Во время чумы 1771 г. москвичи, узнав о чудесных случаях исцеления жителей Владимира, прибегавших к молитвам перед образом Боголюбской иконы Царицы Небесной, спустили икону с ворот и стали служить ей молебны. «В XIX в. июньское празднество в честь иконы обычно продолжалось в Москве три дня. Накануне, когда собирался народ, хор пел канон Пресвятой Богородице. Икону опускали со стены и устанавливали на возвышении. Служили молебны, народ поклонялся святыне. Начинался праздник благовестом ко всеобщему бдению в храме во имя Всех Святых на Кулишках, расположенном неподалеку, и заканчивался крестным ходом, после которого икона снова утверждалась на своем месте – «на вратах». В 1880 г. по ходатайству митр. Московского Иннокентия была построена часовня у Варварских ворот, в которую перенесли чудотворный образ, а над вратами поместили его точный список, также прославленный чудотворениями» (Прот. А. Акимов. Московская Боголюбская икона Божией Матери // Журнал Московской Патриархии. 1982. № 7. С. 16–17). В 1918 г. список иконы со стены, называвшийся «заместительница»

(поскольку заменял главный, когда его уносили с крестными ходами), перенесли в храм Воскресения Христова в Сокольниках и поместили в украшенном киоте в приделе во имя первоверховных апостолов Петра и Павла (где он находится и до сих пор). Часовня была закрыта в 1923 г. (главная икона перенесена в храм Апп. Петра и Павла у Яузских ворот). Снесена в 1928 г.

¹⁶³ - Михаил Данилович Асикритов.

¹⁶⁴ - Святитель Митрофан (1627 – 23.11.1703), епископ Воронежский – уроженец Владимирской губернии, происходил из духовной семьи. Овдовев, поступил в Златников монастырь Владимирской епархии. После пострига и рукоположения во иеромонаха был настоятелем монастырей. Хиротонисан во епископа Воронежского (2.4.1682). Принял схиму с именем Макария (2.8.1703). В самый день кончины его посетил Император Петр I, глубоко почитавший Святителя и специально приехавший для этого в Воронеж. Несший гроб его до могилы Император сказал окружающим: «Не осталось у меня более такого святого старца!» Святые мощи свт. Митрофана были обретены нетленными в 1717 г., а в 1832 г. он был причислен к лику святых, причем совершилось много чудес, которые не прекращаются до нашего времени. Во время одного из своих явлений Святитель велел молиться об упокоении души Императора Петра Великого. Память 23 ноября.

¹⁶⁵ - В этом месте своих воспоминаний (см. полный текст этого фрагмента в кн.: Отец Алексей Мечев. С.32) их автор, думается, не во всем точен. Гораздо ближе к истине, видимо, другой прихожанин Маросейки: Следует упомянуть, что те из Святых Отцов и подвижников, которым дано было близко соприкоснуться с темной силой в противоборстве с ней (напр., преп. Антоний Великий), не любили много говорить и открывать о ней, считая это ненужным или, может быть, опасным. Другим примером является старец о. Алексей М. [мечев], который никогда не говорил своим духовным детям про лукавого и бесов. Они как бы не существовали для него, и он не хотел их знать. Его молитва и осияние Святым Духом отгоняли от него и его близких духовных детей всю темную силу, и он поэтому как

бы не знал ее и не встречался с ней. И вряд ли христианину нужно подробно знакомиться с сатаной, его царством, его свойствами и проявлениями. Можно думать, что здесь следует ограничиться тем, что открывает об этом Св.Писание и Творения Св.Отцов Церкви. И хотя христианину и нужно знать про все виды воздействия на его душу темных сил, но не надо искать и читать той литературы, которая непосредственно открывает ужасающий образ страшного врага человека и ту бездну ужасов, греха, порока и безобразия, которые насаждены им в человечестве. Зачем душой спускаться ко тьме, когда спасение души в приобщении к свету? И полезно ли дышать ядовитыми испарениями, которые идут из этой тьмы? И если эти испарения проникают в нас, то не надо ли скорее уходить от них на чистый воздух – веяние Духа Святого? Надо помнить, что по закону подражания опасно все, что порождается сатаной, – все виды порока и греха, страстей и пристрастий, лжи и лжеучений, душевного безобразия и нечистоты. И чем дальше стоять от них, чем меньше они западают в душу, тем безопаснее для души (Пестов Н.Е. Современная практика Православного благочестия. Кн.І. СПб. «Сатисъ». 1994. С.121).

¹⁶⁶ - См. прим.

¹⁶⁷ - Ср. с советами старца Нектария Оптинского.

Впоследствии протоиерей, Сергей Щукин вспоминал: «Летом 1918 года, когда уже вся русская жизнь была потрясена до основания, предо мной – как и перед всей интеллигенцией – стал вопрос: что делать дальше? Многие категорически отказывались поступать на службу в новые большевистские учреждения, рассчитывая на скорое падение их власти. Другие ждали иностранного вмешательства и выжидали. И когда частные и общественные учреждения закрывались, то безработные интеллигенты предпочитали торговать всяким старьем или жить на продажу своих вещей, чем идти на службу к большевикам. Наконец наступил и для меня такой момент [...] Вот в эти-то дни я особенно начал думать о необходимости поехать в Оптину, чтобы посоветоваться со старцем. [...] Когда о.Нектарий подошел ко мне, я начал как можно короче объяснять мое положение [...] Как я уже упоминал, мои

трудности заключались в том, какую выбрать службу и чем руководствоваться при этом. А о.Нектарий ответил мне примерно так (подлинных слов не помню, но смысл их таков): – Да, да, служите, конечно... вы ведь человек ученый. Но только не гонитесь за большим... а так, понемножку, полегоньку... [Ср. со словами о. Алексия: «Не задавайтесь большими заданиями, а делайте лишь то, к чему призовет Господь» (Пестов Н.Е. Современная практика Православного благочестия. Кн.ІІІ. С.294). – С.Ф.] [...] Старец [...] НИКОМУ НЕ ПОДАЛ НИ МАЛЕЙШЕЙ НАДЕЖДЫ на то, что новая власть скоро кончится. Напротив, о.Нектарий многим говорил о необходимости терпения, молитвы, подготовки к еще большим испытаниям...» (Цветочки Оптиной пустыни. С.138–139, 141). Тут же уместно будет привести запись, характеризующую отношение о. Алексия к большевицким властям: В конце 1924 г. в Москве к прозорливому старцу протоиерею о. Алексею Мечеву, настоятелю церкви на Маросейке, пришел незнакомый ему господин, сославшийся на рекомендацию своей тетки, хорошо известной о. Алексею, и просил принять его. О.Алексей был болен сердечною болезнью и лежал в постели, но тем не менее принял его. Господин этот собирался законным образом с семейством выехать из Москвы на свою родину, отошедшую в пределы другого государства, и пришел просить у о. Алексея благословения на этот шаг. О.Алексей охотно благословил его и совершенно неожиданно сказал ему резко: «Вы не воображайте, что ваше дело спасать Россию, – это совсем не ваше дело. Когда придет время, то Бог пошлет нужных людей, которые это дело сделают и уничтожат большевиков так, как буря ломает мачтовый лес». Месяца через два или три о. Алексей скончался. Эти слова очень поразили пришедшего, т.к. он ни о чем с о. Алексеем не беседовал, а между тем голова его была полна мыслями о том, что как только он выедет за границу, то сейчас же начнет читать на трех языках лекции и писать книги о том, что делается в России. Прозорливость старца была так ясна, что господин тот оставил политику и занялся другим (Сурский И.К. Отец Иоанн Кронштадтский. Т.1–2. М. «Паломник». 1994. С.185).

¹⁶⁸ - Заключительная третья строфа из стихотворения русского философа Владимира Сергеевича Соловьева (1853–1900) «Бедный друг, истомил тебя путь...». Было послано брату М.С.Соловьеву 18.9.1887 с припиской: «Плод безсонной ночи».

¹⁶⁹ - Вероятно, речь идет о сыне о. Алексия священномученике Сергии Мечеве (17.9.1892 – 6.11.1941).

¹⁷⁰ - «Душеполезные поучения и послания» аввы Дорофея (†620), переведенные на русский язык и неоднократно издававшиеся Оптиной пустынью, были одной из излюбленных книг русского монашества.

¹⁷¹ - Имеется в виду «Добротолюбие» в пяти томах, переведенное и составленное святителем Феофаном Затворником в 1877 г. Впервые этот сборник, состоящий из произведений, начиная от отцов-пустынников IV в. и кончая византийскими богословами XIV в., был издан по-гречески в Венеции в 1782 г. тщанием митрополита Макария Коринфского и монаха Никодима Святогорца. Через десять лет прп.Паисий (Величковский) перевел его на славянский язык. Успех «Добротолюбия» в России в прошлом веке был огромен.

¹⁷² - См. прим.

¹⁷³ - Ср. со словами преподобного Серафима: «Стяжи дух мирен, и вокруг тебя тысячи спасутся».

¹⁷⁴ - Имеется в виду сочинение Руфина Турания (†410), пресвитера Аквилейского «Жизнь пустынных отцев», впервые изданное по-русски Свято-Троицкой Сергиевой Лаврой в 1898 г. Еще при жизни Афанасия Великого совершил Руфин свою поездку в Египет, где встречался и беседовал с учениками преподобного Антония Великого. «Жизнь пустынных отцев» впоследствии почти целиком была включена в «Лавсаик».

¹⁷⁵ - Печатается по машинописной копии из архива Е.В.Апушкиной. Об авторе – Асикритове – см. прим.

¹⁷⁶ - Печатается по машинописной копии из архива Е.В.Апушкиной. Автор воспоминаний – Ирина Черная (прозвище, наст, фамилия неизвестна) – певчая храма Свт.Николая на Маросейке, была сестрой милосердия. Всю свою жизнь ухаживала за больными. В письме 1943 г.

М.Н.Соколова (см. прим. 247) сообщает своей подруге Е.А.Булгаковой: Пруська Черненькая по-прежнему обслуживает всех окрестных старушек и дум о поездке к тебе не имеет. Удивляться на нее приходится, но сила Божия в немощи совершается.

¹⁷⁷ - Часовня преподобного Серафима Саровского Серафимо-Дивеевского монастыря – построена в 1913 г. Стенная роспись и иконы часовни были выполнены художником Л.Париловым и сестрами обители. Среди святынь, находившихся в ней, был ковчег с частицей мощей Преподобного и точная копия чудотворной Серафимо-Дивеевской иконы Умиление. Закрыта осенью 1929 г. Перестроена до исчезновения.

¹⁷⁸ - Храм Святителя Филиппа, Митрополита Московского – построен на месте встречи мощей Святителя при переносе их из Соловецкого монастыря в Москву 9.7.1652. Нынешняя церковь построена в 1777–1788 гг. на месте деревянного (1677) и каменного (1691) храмов. После закрытия использовалась под склад. С ноября 1991 г. в храме возобновились богослужения.

¹⁷⁹ - Игумен Герасим (Анциферов, 1829 – 21.7.1911) – насельник Чудова монастыря. Стоял гробовым у раки с мощами Митрополита Московского Ионы в Успенском Соборе Московского Кремля. Подробнее о нем см. в восп.: Е.Л.Четверухиной. Отец Герасим, игумен Чудова монастыря // «Свете тихий». Жизнеописание и труды епископа Серпуховского Арсения (Жадановского). «Сост. С.В.Фомин. Т.1. М. «Паломник». 1996.

¹⁸⁰ - См. прим.

¹⁸¹ - См. прим.

¹⁸² - Зинаида Тимофеева – сестра автора воспоминаний.

¹⁸³ - В 1919 г. Святейший Патриарх Тихон дал благословение на устройство на Маросейке общины, которая, впрочем, «не была какой-то организацией, а свободно сложившимся сообществом без всяких бумаг и официальных разрешений». Святитель «благословил сестер за богослужением носить косынки (белые в праздник и черные в

будни). Право носить косынки получали те, кого на это благословлял настоятель. Это придавало поющим и прислуживающим в храме скромный и опрятный вид и соответствовало совету ап. Павла не присутствовать женщине за богослужением с непокрытой головой. Когда справляли первую годовщину смерти о. Алексия, сестры, с разрешения духовного отца, стали носить в храме серые туалъденоровые платья» (Надежда. Вып.16. С. 38, 99). Чисто внешне в образовании Маросейской Общины не было ничего необычного для того времени. А.Ч.Козаржевский (†1995) вспоминал: : Получил большое распространение институт сестричества. Совсем юные девушки, взрослые и пожилые женщины в скромных темных платьях и белых косынках следили за порядком во время богослужения, ставили свечи, опраляла лампады, подводили детей и немощных к Чаше, Кресту и иконам, ходили с блюдом для сбора добротных даяний. Функции сестричества ограничивались церковью; благотворительность, дела милосердия по тогдашнему законодательству запрещались. Сестры не были монахинями, у многих из них были мужья и дети». Козаржевский А.Ч. Церковноприходская жизнь Москвы 1920–30-х годов. Воспоминания прихожанина / « Москва. 1996. № 3. С.199. И все-таки в общине на Маросейке было нечто свое, отличавшее ее от других общин того времени. «Маросейская Община, – писал в 1924 г. о.Павел Флоренский, – была по духовному своему смыслу дочерью Оптиной Пустыни: тут жизнь строилась на духовном опыте. О.Алексий учил своею жизнью, и все вокруг него жило, каждый по-своему и по мере сил участвовал в росте духовной жизни всей общины. Поэтому, хотя Община и не располагала собственной больницей, однако многочисленные профессора, врачи, фельдшерицы и сестры милосердия – духовные дети о. Алексия – обслуживали больных, обращавшихся к о. Алексию за помощью. Хотя не было своей школы, но ряд профессоров, писателей, педагогов, студентов, также духовных детей о. Алексия, приходили своими знаниями и своими связями на помощь тем, кому оказывалась она потребной. Хотя и не было при Общине своего организованного

приюта, тем не менее нуждающихся или обращавшихся за помощью одевали, обували, кормили Члены Маросейской Общины, проникая во все отрасли жизни, всюду своею работою помогали о. Алексею в деле «разгрузки» страждущих. Тут не было никакой внешней организации, но это не мешало быть всем объединенными единым духом» (Священник Павел Флоренский. Сочинения в четырех томах. Т.2. С.626).

¹⁸⁴ - См. прим.

¹⁸⁵ - Храм Илии Пророка Обыденный – деревянный храм построен ок.1592 г. в один день (отсюда и название); каменный построен в 1702 г., впоследствии не однажды перестраивался и достраивался. В 1920–1936 гг. настоятелем храма был о.Виталий Лукашевич. В эти годы в атеистической литературе храм удостоился именоваться «цитаделью монархизма».

¹⁸⁶ - Храм Святителя Николая Чудотворца в Хамовниках – заложен 21.5.1679 несколько в стороне от прежней деревянной (1625) и каменной (1657) церкви. Освящен 25.6.1682. Впоследствии не раз обновлялся и достраивался. С 1921 г. в храме стали читать акафист и совершать службу особо чтимой чудотворной иконе Божией Матери «Споручница грешных» (находится здесь с 1848), составленные настоятелем храма прот.Виктором Лебедевым и одобренные Патриархом Тихоном. Акафист читался по вторникам.

¹⁸⁷ - См. прим. к письму № 26.

¹⁸⁸ - Мария Степановна «Курсовая» – канонарх-уставщик.

¹⁸⁹ - Мария Семенова (†1.9.1938) – регент левого клироса на Маросейке. О Марусе о.Сергий [Мечев] особенно заботился, потому что когда-то обещал заменить ей отца. [...] В 1931 г. она за пение в храме была арестована и выслана в Казахстан. В тюрьме она заболела туберкулезом. Отец Сергей как бы считал себя ответственным и за ее болезнь. Маруся была музыкально одаренным человеком, любила богослужение, умела крепко держать в руках свой хор. Происходила она из больной семьи: отец алкоголик, бросивший мать, а мать неполноценная, почти слабоумная. На фоне такой семьи Маруся выглядела тонким, изящным цветком». Надежда. Душеполезное чтение. Вып.16.

С.202–203. Летом 1938 г. рядом с дачей о.Сергия в «Красном бору» под Калининским специально для нее была снята дача. Скончалась она, можно сказать, на руках о.Сергия, напутствовавшего ее в жизнь вечную. Он же ее и отпевал.

¹⁹⁰ - Схиигумения Фамарь (Тамара Александровна Марджанова, 1.4.1869 – 23.6.1936) – родилась в Тифлисе в княжеской грузинской семье. Поступила в Бодбийский женский монастырь св. равноап. Нины (1889). Здесь приняла постриг в рясофор и мантию с именем Ювеналия. Возведена в сан игумений (12.10.1902). Переведена настоятельницей Покровской общины сестер милосердия в Москве (1907). По благословению старцев основала под Москвой Серафимо-Знаменский скит (см. прим.), став его настоятельницей (1912). Пострижена в схиму с именем Фамарь (20.9.1916). После закрытия скита (1924) жила в Марфо-Мариинской обители в Москве (1926) и в Борисо-Глебском Аносинском женском монастыре (см. прим.7). После этого по приглашению духовных детей переехала в Перхушково (по Белорусской железной дороге). В 1931 г. сослана в Сибирь. Вернувшись из ссылки (1934), жила на Пионерской (также по Белорусскому направлению), где и скончалась. Похоронена на Введенском кладбище в Москве рядом с о. Алексием Мечевым. Подробнее о ней см. в кн.: «Детки мои любимые...» Схиигумения Фамарь (княжна Марджанова). Воспоминания. Письма. Стихи. Сост. С.В.Фомин. М. «Паломник». 2002.

¹⁹¹ - Николо-Угрешский 3-го класса общежительный мужской монастырь – основан по повелению св. блгв. Вел. Кн. Димитрия Иоанновича Донского в 1380 г. в благодарность Богу и Его угоднику Николаю Чудотворцу за победу над монголо-татарами. В 1924 г. о.Сергий Мечев совершил с маросейскими богомольцами паломничество в обитель, где с весны 1917 г. жил на покое «живой русский святой» (слова о.Сергия) – митрополит Московский Макарий (Парвицкий). В том же году (24 августа) Святителя посетил Патриарх Тихон. В середине 1920-х гг. монастырь был закрыт. В 1990 г. обитель возвратили Церкви.

¹⁹² - См. прим.

¹⁹³ - Казанская Амвросиевская женская пустынь при с.Шамордино – основана в 1884 г. прп.Амвросием Оптинским. Сначала это была община, обращенная в 1901 г. в монастырь. После революции закрыта. Вновь открыта в последние годы.

¹⁹⁴ - См. прим.

¹⁹⁵ - См. прим.

¹⁹⁶ - Имеется в виду книга «Из рассказов странника о благодатном действии молитвы Иисусовой» (Издание Оптиной пустыни. Сергиев Посад. 1911). Подробнее об этой кн. см. в комментариях к «Исповеди внутреннего человека, ведущей ко смирению».

¹⁹⁷ - Евдокия Ефимовна – стояла на Маросейке за ящиком, где продавались и книги духовного содержания.

¹⁹⁸ - Подворье Русского на Афоне Пантелеимонова монастыря с содержавшимся убежищем для престарелых воинов русско-турецкой войны 1877–1876 – (Б. Петропавловский, ныне 1-й Хвостов пер., 3). Осенью 1918 г. на подворье был произведен обыск, в результате которого были изъяты материалы и средства, собранные для отправки на Афон. Храм во имя иконы Божией Матери «Скоропослушницы» (освящен 30.9.1918 Патриархом Тихоном) на подворье был закрыт перед Великим постом 1923 г.

¹⁹⁹ - Иеросхимонах Аристоклий (†26.8.1918) – старец Афонского монастыря. Одновременно с матерью поступили в монастырь (она – в женский Успенский, он – в мужской); больше в земной жизни они не виделись. Жил и скончался на Московском подворье обители (см. прим.22). Обладал пророческим даром. Среди его духовных чад была блаженная Паша Саровская, очень любил его преосв.Трифон (Туркестанов), был весьма расположен к нему Патриарх Тихон. Погребен на Даниловском кладбище. О нем см.: Житие иеросхимонаха Аристоклия. Подвиги и чудеса. М. «Красный звон». 1995.

²⁰⁰ - Александра Ивановна – стояла в храме на Маросейке за ящиком. Позже (1938) заведовала хозяйством на даче о.Сергия в «Красном бору» под Калининским.

²⁰¹ - Агапа или агапы (от греч. любовь) – «вечери любви», устраивавшиеся древними христианами в воспоминание Тайной вечери, с совершением на них таинства Евхаристии. С течением времени они превратились в пиршества, сопровождавшиеся иногда беспорядками. Св.Амвросий Медиоланский даже запретил их. Карфагенский собор 391 г. выделил из агап Евхаристию, а последующие поместные соборы запретили совершать агапы в храмах и, начиная с V в., они постепенно исчезли. «Около 8 часов (утра, после ночной службы – С.Ф.) певчие и постоянные духовные чада Батюшки собирались в нижнем помещении храма, где устраивалось скромное угощение потрудившимся за ночным бдением. Называлось это угощение «агапой». Сюда заранее, кто мог, приносил что-нибудь из овощей, хлеб, сахар или конфетки карамельки для чая. Расставлялись столы, скамьи, стулья; приходили священнослужители и Батюшка. Батюшка принимал участие в общей трапезе и, как на беседах по средам у себя на квартире, что-нибудь рассказывал, затрагивая самые насущные вопросы жизни и взаимоотношений. Высказывался кто-нибудь из присутствующих» (Жизнеописание... С.84–85). Разумеется, ни древние агапы, ни агапы, введенные о. Алексием Мечевым, не имеют ничего общего с деятельностью неомонохастического братства «Сретение», возглавляемого небезызвестным московским священником Георгием Кочетковым. Практикуемые им «полулитургические» агапы есть не что иное, как «полуцерковные-полуеретические полутаинства», ставящие их участников вне Православной Церкви (Сети «обновленного Православия». М. «Русский вестник». 1995. С.37–39). Ссылки же о.Георгия на появление в его братстве людей «из круга о. Алексея Мечева» (Там же. С.65) есть не более чем ловкая спекуляция, рассчитанная на людей, не знакомых с жизнью Маросейки.

²⁰² - Домик в Верее под Можайском, располагавшийся неподалеку от церкви св. пророка Илии (см. прим.27), был куплен на имя старшей дочери о. Алексия, Александры, жившей здесь со своей маленькой дочкой. Проводя тут свой летний отдых, Батюшка иногда брал с собой кого-нибудь из своих

духовных дочерей. В последний свой приезд сюда он взял с собой Нину (Неонилу), проживавшую на Маросейке в его квартире и помогавшую ему по хозяйству.

²⁰³ - Храм Пророка Илии в Верее был построен в 1803 г. в стиле раннего классицизма с чертами барокко. Храм кирпичный. К западному его притвору, занявшему место трапезной, примыкает трехъярусная колокольня. Храм сохранился до наших дней. Храм Пророка Илии

²⁰⁴ - См. прим.

²⁰⁵ - Прпп. Ксенофонт и Мария (VI в.). Память 26 января.

²⁰⁶ - См. прим.

²⁰⁷ - Св.Алексий, человек Божий (†411 г.) – происходил из семьи богатых и знатных патрициев; получил хорошее образование. По желанию родителей, придя в совершенные лета, обвенчался с найденной ими невестой «из рода царска». После окончания брачного пиршества молодой супруг тайно оставил родительский кров, сел на корабль, добравшись до Едессы Месопотамской, где, усердно помолившись Нерукотворенному образу Господа нашего Иисуса Христа, роздал все, что имел при себе, бедным и стал просить милостыню на паперти храма Пресвятой Богородицы. Так он провел 17 лет. Став известным и почитаемым в Едессе, решил перебраться в Киликию, где его никто не знал, но смотрением Божиим, вопреки желанию, был привезен в Рим, где нашел, неузнанный, приют в доме отца, перенося все лишения и невзгоды на глазах горячо любящих и постоянно оплакивающих его родителей и осиротелой супруги. Так прошло еще 17 лет. Только после смерти выяснилось, кто был этот нищий. Память 17 марта.

²⁰⁸ - Прп.Матрона Константинопольская (†458). Память 9 ноября.

²⁰⁹ - Мц.Анисия Солунская (†298). Память 30 декабря.

²¹⁰ - Прп.Таисия († ок. 340) – египетская подвижница, прежде блудница, крещенная прп.Пафнутием. Память 8 октября.

²¹¹ - Преподобная Мария Египетская (†522) – в молодости была блудницей. Отправившись с паломниками в Иерусалим, по предстательству Божией Матери, внесшей в ее душу стыд и раскаяние, была допущена до Креста Господня. Став ревностной христианкой, 47 лет провела в покаянии в Заиорданской пустыне. Память 1 апреля.

²¹² - См. прим.6.

²¹³ - См. прим.

²¹⁴ - Иеромонах Савва (Сергей Евстратович Борисов, 1871 – 31.10/13.11.1937) – из вдовых крестьян деревни Толсиково (по др. документам Толстикова) Новоторжской волости Тверской губернии. Насельник Саввино-Сторожевского монастыря под Звенигородом. Монашеский постриг принял на подворье Саввино-Сторожевского монастыря в Москве (25.3.1906). Духовник обители (авг.1916). Во время изъятия мощей прп.Саввы Сторожевского (весна 1919) сыграл особую роль. «Духовник иеромонах Савва, – доносил наместник игумен Иона (Фиргуф) (См. о нем.: Фомин С. Игумен Иона // Саввинское слово. Газета Саввино-Сторожевского ставропигиального монастыря. 2000. №№ 2–4.) викарному епископу Димитрию (Добросердову), – передавал мне, что когда я в облачении внес св.мощи в алтарь и (затем) был вызван для присутствия при осмотре раки, один из членов съезда [депутатов Звенигородского уездного совета] (в алтаре) ...около пяти раз плюнул на голову Преподобного. Некоторые другие члены съезда вели себя крайне неблаговидно в алтаре, изрыгая ужасные кощунства и касаясь святого престола...» Арестован на родине в Новоторжской обл. (14.8.1919). Приведен на допрос (21 авг.) и отправлен в тюрьму. Попытки оклеветать его путем поддельных «показаний» наместника и старшей братии обители провалились. Несмотря на угрозы безбожников, нашел в себе мужество подтвердить кощунство, совершенное в монастыре 4/17 марта. Подтверждал это и позднее, даже ходатайствуя об освобождении! Постановлением Московского революционного трибунала приговорен к 10 годам тюрьмы (16.1.1920), по амнистии (5.11.1919) тут же сокращенным до трех лет. Освобожден (24.3.1921) под подписку о невыезде. Вскоре после

освобождения, еще при о. Алексии пришел в храм Свт.Николая, где состоял в штате. Рекомендовал его туда его друг иеромонах Феодосий – лаврский инок, служивший в часовне прп.Сергия у Ильинских ворот в Москве. О.Савва служил на Маросейке и при о.Сергии. Вместе с последним и другими священниками с Маросейки отпевал в 1928 г. прп.Нектария Оптинского в с.Холмищи. С о.Сергием Мечевым и о.Константином Ровинским, О.А.Остолоповой и несколькими маросейскими братьями, среди которых был и будущий епископ Можайский Стефан (Никитин, 15.9.1895 – 15.4.1963), арестован (29.10.1929). Выслан на север. Вновь арестован в Малоярославце (1937). По ст.58–10 и 11 УК РСФСР приговорен к расстрелу (29.10/11.11.1937). Расстрелян.

²¹⁵ - Ивановский 2-го класса общежительный женский монастырь на Ивановской горке – основан в XV в.; в современном виде весь выстроен в 1861–1878 гг. К 1917 г. в обители было два храма: собор Усекновения главы Иоанна Предтечи (с приделами Казанской иконы Божией Матери и Свт.Николая) и церковь прав.Елисаветы. При монастыре была иконописная школа для сестер и ясли для детей. На 1907 г. при одной игумении насчитывалось 20 монахинь и 260 рясофорных послушниц и проживающих на испытании. Монастырь был закрыт в 1918 г. и превращен в концлагерь.

²¹⁶ - Смоленская Зосимова пустынь в Александровском уезде Владимирской губернии – основана в конце XVII в., несколько раз упразднялась и вновь восстанавливалась, с 1867 г. приписана к Троице-Сергиевой Лавре, но окончательное и устойчивое существование получила в конце XIX в. В 1920 г. Зосимову пустынь превратили в сельхозартель, а в 1923 г. – закрыли (последняя Литургия была отслужена 5.5.1923 – на след. день после Вознесения). Начало возрождению обители положило письмо иеромонаха Троице-Сергиевой Лавры Филадельфа (Боголюбова), в схиме Моисея, епископу Владимирскому Евлогию с просьбой об открытии пустыни, написанное 15.3.1992, в день чествования Державной иконы Божией Матери. Летом 1992 г. в обитель приехали первые монахи; 20.6.1993, в день памяти Всех Русских Святых был

освящен придел во имя Прпп. Зосимы и Савватия, Соловецких чудотворцев, храма Смоленской иконы Божией Матери. 26.7.1994 в пустыни состоялось торжество прославления святого угодника Владимирской земли преп.Зосимы, как местночтимого святого.

²¹⁷ - Иеросхимонах Алексей (Феодор Алексеевич Соловьев, 17.1.1846 – 19.9.1928) – родился в Москве в приходе Симеона Столпника в семье священника. После окончания Московской духовной семинарии (1866) и женитьбы (12.2.1867) на Анне Павловне Смирновой (†27.1.1872) рукоположен во диакона (19.2.1867) и назначен в храм Свт.Николая в Толмачах. Рукоположен во иереи (4.6.1895) и определен пресвитером в Большой Успенский Собор Кремля. Переехал в Зосимову пустынь (24.10.1898), пострижен игуменом Германом (30.11.1898) с именем Алексей, в честь святителя Алексия, митрополита Московского. Постепенно к старцу Алексею за духовным советом и утешением стали стекаться люди со всех концов России. К нему (как и к о.Герману) за духовным советом обращалась и преподобномученица Вел. Княгиня Елизавета Феодоровна. Ушел в затвор (6.6.1916). Участвовал в монашеском съезде в Троице-Сергиевой Лавре (июль 1917), где был избран на Всероссийский Церковный Собор. Именно он, после Литургии в храме Христа Спасителя, вынул из ларца перед образом Владимирской иконы Божией Матери жребий с именем Патриарха – Святителя Тихона. Пострижен в схиму (1919) с тем же именем – в честь Алексия, человека Божия. После закрытия Зосимовой пустыни переехал вместе со своим келейником о.Макарием в дом духовных своих детей в Сергиевом Посаде на улице Дворянской. Там он и скончался. 26.7.1994 одновременно с прославлением прп.Зосимы состоялось перенесение мощей старца Алексия с городского кладбища Сергиева Посада в Зосимову Пустынь. Прославлен в лике преподобных.

²¹⁸ - Отец Макарий (†1928). «Преданно и самоотверженно ходил за больным старцем его келейник отец Макарий. Суровый на вид, дисциплинированный и умный, он неутомимый был труженик, выполняя обязанности посредника между

приходящими и старцем со стойким терпением. До последней минуты жизни отца Алексия [...] отец Макарий неотлучно жил при нем, охраняя его сыновне. После кончины старца недолго отец Макарий, принявший иеромонашество, прожил в памятном для него домике. Он окончил жизнь свою в узах и там же принял смерть, ниспосланную ему Господом...» (Н.Верховцева. Насельник Святой веси // К свету. № 14. М. 1994. С.72).
Расстрелян.

²¹⁹ - «В южнорусском крае, – пишет прот.Константин Никольский, – в пятки 1-й, 2-й, 3-й и 4-й седмиц Великого поста совершается церковно-богослужебный обряд, называемый пассиею (страданием). Он бывает на повечерии и состоит в том, что тут читается Евангелие о страстях Христовых (откуда название обряда) [...] Пред Евангелием поется церковная песнь: “Тебе одеющегося светом, яко ризою...”, после Евангелия: “Приидите, ублажим Иосифа приснопамятнаго” – и затем говорится проповедь [...] В Цветной триоди, напечатанной в 1702 году при архимандрите Киево-Печерском Иоасафе Краковском, находится (в конце книги) прибавление к обыкновенному Церковному уставу, где описан обряд-пассия. Там сказано, что в четыре первые пятка Вел.поста, по установлению Митрополита Киевского Петра Могилы, в нарочитых монастырях и соборных церквях читаются на малых повечериях страстные Евангелия, с припевом пред чтением и после чтения: “Слава страстем Твоим, Господи”. В первый пяток читается от Мф., гл. 26 и 27; во второй пяток – от Мк., гл. 14 и 15; в третий – от Лк., гл. 22 и 23; в четвертый – от Ин., гл. 18 и 19. Евангелие читает иерей, облеченный в черные ризы, стоя на амвоне пред царскими вратами; пред чтением после молитв повечерия: “Не скверная, не блазная” и “Даждь нам, Владыко”, клир поет стихиру Великого пятка: “Слава и ныне”, “Тебе одеющегося светом, яко ризою”, а по прочтении Евангелия поет стихиру Великой субботы: “Приидите, ублажим Иосифа приснопамятнаго”. После того повечерие оканчивается пением: “Помилуй нас, Господи, помилуй нас”. В конце описания обряда пассии в упомянутой Цветной триоди сказано: “Сия вся воспоминаются по совету, а не по повелению, яже вся под

рассуждение Церкви Святыя Православныя подаются”. В “Церковных ведомостях” (1899, № 13) содержится также статья “Обряд пассив в Юго-Западном крае”. В ней сказано, что обряд пассив установил Киевский митрополит Петр Могила. Поводом к установлению послужили происки католического духовенства к соращению православных в католицизм» (Прот. К.Никольский. Пособие к изучению устава богослужения Православной Церкви. Изд. 7-е испр. и доп. СПб. 1907. С.585). После пассив обычно произносилась проповедь, которая большей частью поручалась профессорам Духовной академии. «...Об обязательном отправлении этого обряда в сельских церквях не может быть и речи, если только на этот счет нет особого распоряжения со стороны местной епархиальной власти» (Сборник решений недоуменных вопросов из пастырской практики. Вып.1. Киев. 1903. С.147).

²²⁰ - Храм Свт. Николая Чудотворца, что в Звонарях – построен в 1762–1781 гг. на месте первоначального, упоминаемого с начала XVII в. Обновлялся в 1900 г. Закрыт не позднее 1933 г.

²²¹ - См. прим.

²²² - Ср. с эпизодом из «Записок о Батюшке» маросейского алтарника П.Б.Юргенсона.

²²³ - Протоиерей Илия Васильевич Гумилевский (20.7.1881 – 7.12.1963) – родился на Дону в семье казака. После окончания Московских духовных семинарии (1903) и академии (1907; со степенью кандидата богословия) преподавал в Московской духовной семинарии. Рукоположен во диакона и иерея. Исправлял должность доцента Московской духовной академии по кафедре литургики (1912). Магистр богословия (1913), доцент, экстраординарный профессор. Служил в Храме Христа Спасителя (1914–1922), в церкви на Лазаревском кладбище, а затем свт.Николая («Николы Явленного») на Арбате (1922–1928) и храме свв. мчч. Флора и Лавра на Зацепе (1928). Арестован (20.12.1928). Приговорен к 3 годам ссылки в Сибирь (22.2.1929; до 2.12.1931). После ссылки вернулся на родину, затем жил в Москве в полном затворе. Погребен на Востряковском кладбище в Москве.

²²⁴ - Святитель Димитрий Ростовский (Даниил Туптало, дек. 1651 – 28.10.1709) – родился в местечке Макарьево в 40 верстах от Киева в семье казачьего сотника. Учился в Киевском Братском училище при Богоявленском монастыре (1662–1665). Поступил в Кирилловский монастырь (1668), где 9 июня принял монашеский постриг с именем Димитрий, а в 1669 возведен в сан иеродиакона. Посвящен во иеромонахи (23.5.1675) и назначен проповедником при кафедральном Успенском соборе г.Чернигова. В сане игумена и архимандрита настоятель разных монастырей. В 1684 г., по благословению митрополита Киевского Варлаама (Ясинского), принял на себя главный труд своей жизни – составление Четий-Миней или Житий Святых (окончены в 1705). Хиротонисан в Москве в митрополита Сибирского и Тобольского. Из-за плохого здоровья и необходимости завершить благословленный труд от назначения отказался. Назначен митрополитом Ростовским (1702). Кроме Четых-Миней перу Святителя принадлежат след. труды: «Летопись келейная», представляющая из себя связанное изложение событий библейской истории; «Розыск о раскольнической брынской вере»; «Руно орошенное, или сказание о чудесах черниговской Ильинской иконы Богоматери»; «Рассуждение об образе Божии и подобии в человеце»; «Диарии», или дневные записки; «Каталог российских митрополитов»; «Краткий мартиролог, остановленный на одном сентябре» и др. Скончался во время молитвы, стоя на коленях. В 1752 г. во время ремонта монастырского собора были обретены нетленные мощи Святителя, от которых исходили чудеса исцеления. Причислен к лику святых в 1757 г. Память 21 сентября.

²²⁵ - Прп.Кирилл Белоезерский (†1427) – сын именитых, но обедневших бояр. Бывая в монастырях, познакомился с прпп.Сергием Радонежским и Стефаном Махрищским. В преклонных летах оставил мир, удалившись в Симонов монастырь, где со временем стал игуменом. В видении повелено было ему пойти на Белоозеро и основать там монастырь, что он и исполнил. Обитель эта стала центром

просвещения, ревнителем Православия и образцом общежития. Память 9 июня.

²²⁶ - «Тон деспотин ке Архиереа имон, кирие, филатте ис полла эти деспота» (греч.) – т.е. «Господина и Архиерея нашего сохрани, Господи, на многая лета», – поют при архиерейском служении перед облачением.

²²⁷ - См. предыдущее прим.

²²⁸ - Антонин (Грановский, 21.11.1865 – 14.1.1927) – обновленческий «митрополит Московский». Родился в Полтавской губернии. Закончил Киевскую духовную академию (1891), во время учебы в которой постригся в монахи (1890). Хиротонисан во епископа Нарвского, викария Санкт-Петербургской епархии (1903). Уволен на покой (1908). Епископ Владикавказский и Моздокский (1913). Участник Поместного Собора 1917–1918 гг. Уволен на покой по болезни (1917), но остался жить в Москве в Заиконоспасском монастыре без назначения. Патриархом Тихоном на него наложен запрет за вводимые им новшества при богослужении. Уклонился в обновленческий раскол (апр.-май 1922), став первым архиереем обновленцев, председателем ВЦУ. «Митрополит» (авг. 1922). Провозгласил автокефалию собственной церкви, назвав ее «Союзом церковное возрождение». Литургию совершал вечером, причастие преподавал сахарными щипцами, престол вынес на солею, закрыв царские врата, молился на русском языке, пел канты. Уволен в отставку с должности председателя ВЦУ (июнь 1923). Обновленческим синодом лишен сана (окт.1923). Скончался в Москве.

²²⁹ - Нюра – маросейский регент.

²³⁰ - Священник Петр Пушкинский – настоятель храма Пророка Илии в Верее.

²³¹ - Имеется в виду Волоколамск.

²³² - Епископ Герман (Николай Степанович Ряшенцев, 10.11.1884 – 15.9.1937) – брат епископа Варлаама (Ряшенцева). Родился в Тамбове в купеческой семье. Окончил Казанскую духовную академию (1906), на четвертом курсе которой принял монашеский постриг. Ректор духовных семинарий: Вифанской

(1912) и Владимирской (1918). С епископом Феодором (Поздеевским) составил акафист св. блгв. Кн. Даниилу. Хиротонисан во епископа Волоколамского, викария Московской епархии (14.9.1919). Участвовал в отпевании своего духовного отца – прот.Алексия Мечева на Маросейке. Арестован и сослан в Тюменскую область (1923). Вновь арестован и приговорен к двум годам ссылки в Казахстан (1925). Назначен епископом Вязниковским, викарием Владимирской епархии (26.6.1928); к управлению не приступал в связи с тем, что находился в заключении вместе с епископом Серапионом в Зырянском краю, неподалеку от Усть-Сысольска. Расстрелян в Сыктывкаре.

²³³ - Епископу Арсению (Жадановскому). См. прим.

²³⁴ - Святитель Тихон Задонский (1724 – 13.8.1783) – родился в Новгородской губернии, закончил местную духовную семинарию. Принял схиму (1758), в сане архимандрита был настоятелем Желтикова монастыря, затем Дрочского. Хиротонисан во епископа Кексгольмского и Ладожского (1761), епископ Воронежский (1763). Проповедник, автор многих духовных сочинений. На покое (1767), поселился сначала в Толшевском монастыре, а потом в Задонском, где и скончался. Мощи открыты в 1861 г. Память 13 августа.

²³⁵ - Имеется в виду кн. свт.Тихона Задонского «Сокровище духовное от мира собираемое»

²³⁶ - См. прим.

²³⁷ - Священномученик Ермоген, Патриарх Московский и всея Руси (1530 – 17.2.1612) – родился в Казани в семье донских казаков. Был сначала приходским священником, а потом, после пострижения, в сане архимандрита, настоятелем Казанского Спасо-Преображенского монастыря. Хиротонисан во епископа (1589), заняв только что образованную митрополичью кафедру в Казани. В июле 1606 г. избран Патриархом. Старался содействовать успокоению смуты и изгнанию иноземцев. Перенес из Углича в Москву мощи царевича Димитрия, благословил принести в ополчение Казанскую икону Божией Матери. Скончался уморенный голодом поляками в подземелье Чудова монастыря. В том же монастыре его первоначально и

погребли. Тут же его стали и почитать как местного московского святого. Мощи его, обретенные нетленными и благоухающими, были перенесены (1652) в Большой Успенский собор. По изгнании Наполеона из Москвы мощи Священномученика были найдены выброшенными из гробницы. В третий раз они были обретыны нетленными во время реставрации Успенского собора перед коронацией Императора Александра III. К лику святых Патриарх Ермоген был причислен 12 мая 1914 г. Память 5 октября, 17 февраля и 12 мая.

²³⁸ - Отец Алексей уехал в Верею 30.5.1923.

²³⁹ - Мч.Трифон, Чудотворец – проповедник христианства, принял мученический венец в Никее в 250 г. Память 1 февраля. Храм Мч.Трифона на 3-й Мещанской. После закрытия храма чудотворная икона мч.Трифона была перенесена в церковь Знамения Божией Матери в Крестовском переулке.

²⁴⁰ - Архиепископ Феодор (Александр Васильевич Поздеевский, 21.3.1876 – 23.10.1937), Волоколамский, викарий Московской епархии – родился в с.Макарьевское Ветлужского уезда Костромской губернии в семье священника. После окончания Казанской духовной академии (1900) оставлен при ней профессорским стипендиатом. Принял монашеский постриг. Преподаватель, а затем инспектор Калужской духовной семинарии (1901–1902). Магистр богословия (1903). Ректор духовных семинарий: Тамбовской (1904) и Московской (1906). Ректор Московской духовной академии (1909). Хиротонисан во епископа Волоколамского (14.9.1909). Его духовником был известный старец – схиархимандрит Гавриил (Зырянов). Управляющий Московским Даниловым монастырем (1.5.1917). Читал курс аскетики в Высшей богословской школе, открытой при Даниловом монастыре (1918). Назначен Патриархом Тихоном на Пермскую и Кунгурскую кафедру (июнь 1918). Арест, а потом ссылка (1922). Возведен в сан архиепископа с правом ношения креста на клобуке (август 1923). Назначен управляющим Петроградской епархией (октябрь 1923); от назначения отказался. Арестован (16.4.1924). Постановлением особого совещания при Коллегии ОГПУ от 19.6.1925 осужден по ст.59 (сношение с иностранными государствами) и ст.73

(измышления и распространение в контрреволюционных целях ложных слухов или непроверенных сведений) УК РСФСР к высылке в Киркрай на три года. Ссылка (1925–1937).

Расстрелян в Ивановской тюрьме. Незадолго до кончины принял схиму с именем своего покровителя прп. Даниила Московского. Строгий монах и аскет, знаток святоотеческого богословия и канонического права, пользовался большим уважением среди архиереев. Предостерегал Патриарха Тихона против слишком больших уступок власти и против каких-либо переговоров с обновленцами. «Он считал, – вспоминал близко знавший владыку архиеп. Леонтий (Филиппович, 7.8.1907 – 2.7.1971), Чилийский, – что до тех пор, пока Православная Церковь не получит право на действительно свободное существование, не может быть никаких разговоров с большевиками. Власть только обманывает, ничего из обещанного не исполняет, а, наоборот, обращает все во зло Церкви. Поэтому лучше было бы Святейшему Патриарху Тихону сидеть в тюрьме и там умереть, чем вести разговоры с большевиками, потому что уступки могут привести Православную Церковь, в конце концов, к постепенной ее ликвидации и смутят всех, как в России, так и, особенно, за границей» (Монахиня Иоанна. Исповеднический путь владыки Феодора // Православная жизнь. Джорданвилль. 1995. № 9. С.24). «Как-то в конце лета 1919 года, – вспоминает очевидец, – трое каменщиков, ремонтировавших колонны Троицкого собора (Даниловского монастыря – С.Ф.), сели отдохнуть на лавочке у “черного хода” настоятельского дома. Среди них зашел разговор о недолговечности советской власти. Неожиданно из сеней дома вышел владыка Феодор в простом сереньком подряснике. Очевидно, он что-то мастерил в сенях. Он остановился около каменщиков и сказал: “Я невольно слышал ваш разговор. Те, кто думает, что советская власть недолговечна, – ошибаются. Эта власть – всерьез и надолго, потому что ее поддерживает большинство народа. Если вообще когда-либо произойдет замена этой власти другою, то это может случиться очень не скоро, через несколько поколений и только тогда, когда ее руководители оторвутся от народа”» (М.Макаров. Даниловцы //

Московский журнал. М. 1992. № 6. С.46). Считался главой «Даниловской» оппозиции митрополиту Сергию (Страгородскому). О.Алексий Мечев «очень чтил преосв.Феодора, как столпа Православия, завещал просить именно его совершить по нем отпевание, но немного опасался чересчур сильного аскетического влияния Владыки на своего сына» (Надежда. Вып.16. С.33). Такое отношение было, конечно, не случайным. «Как пишет А.Левитин, “Мечевец – это было в то время синонимом строго православного человека”. Надо упомянуть об особой духовной близости о. Алексия и архиепископа Феодора. Об этом мы узнаем из сохранившихся воспоминаний духовной дочери владыки Феодора: “Это было зимой, 1919-го или 1920-го года. [...] Я много раз встречалась с о. Алексием, и мы говорили о благотворительных делах. Один раз, будучи в гостях, когда прощались, батюшка сказал мне: – Вы пойдете меня провожать? – Нет, простите, не могу. – Ну, где мне, убогому, равняться с вашими храмовыми протоиереями! – А хозяева заметили: – Вы, батюшка, не шутите, а лучше насчет архиереев спросите. – Про кого же, про владыку Илариона? – Нет. – Владыку Варфоломея? – Нет. – Кто же тогда? – Преосвященный Феодор. – Ну, тут шутить нельзя, владыка из архиереев – архиерей”. [...] Когда здоровье о. Алексия было совсем плохо и он почувствовал приближение смерти, он написал свое последнее завещание пастве и просил, чтобы на его могиле не говорили речей, а прочитали бы его прощальное слово, и что он не только просит, умоляет Преосвященного Феодора отслужить заупокойную литургию и чин отпевания. Умер о. Алексий внезапно, от паралича сердца, 9 июня 1923 г. Услышал Господь молитву своего верного раба: владыка Феодор, арестованный в конце 1920 г. (или в начале 1921 г.) и находившийся в Таганской тюрьме, был освобожден 8 июня 1923 г., а 15 июня исполнилось желание о. Алексия: его отпевал епископ Феодор в сослужении 30 священников и 6 диаконов. А на погребение приехал только что отпущенный из тюрьмы Патриарх Тихон. О.Алексий очень чтил владыку Феодора, называя его столпом Православия, и поэтому именно его просил совершить рукоположение сына своего, о.Сергия Мечева

(владыка Феодор совершил хиротонию в Даниловском монастыре, 4 апреля 1919 г.). Надо отметить еще один интересный факт духовной близости Данилова монастыря (под руководством владыки Феодора) и прихода на Маросейке. В послереволюционные годы, когда Патриарх Тихон был арестован по «делу об изъятии церковных ценностей», многие священники стали бояться поминовения Патриарха и подчинились ВЦУ (Временному Церковному Управлению – обновленческому). В Москве лишь единичные приходы сохранили верность Патриарху. Среди них были Данилов монастырь, возглавляемый владыкой Феодором, и Маросейка» (Монахиня Иоанна. Исповеднический путь владыки Феодора. С.17–18; Отец Алексей Мечев. С.76–77).

²⁴¹ - Митрополит Тихон (Оболенский, 25.5.1856 – май 1926), Уральский – родился в семье священника Тамбовской епархии, учился в Тамбовской духовной семинарии. После окончания медицинского факультета Казанского университета (1880) работал врачом. Окончил Петербургскую духовную академию, пострижен в монашество (1890), занимался миссионерской деятельностью. Хиротонисан во епископа Николаевского, викария Самарской епархии (14.1.1901); епископ Уральский и Николаевский (7.11.1908); архиепископ (после 1918); митрополит (1924).

²⁴² - Похороны состоялись 15/28 июня 1923 г.

²⁴³ - В период содержания под стражей Патриарха Тихона советские спецслужбы внимательно следили за духовенством и верующими «Тихоновской ориентации». Вот выдержка из агентурной сводки от 17.4.1923 (н.ст.), с которой заместитель председателя ГПУ И.С.Уншлихт, не откладывая, счел необходимым ознакомить Рыкова, Троцкого и Сталина: «Среди духовенства ходят также разные слухи. Так 12 / IV церковный староста и свящ. МЕЧЕВ в церкви Николо-Путинки, что на М. Дмитровке, говорили, что ТИХОН, наверное, будет расстрелян, так как с польскими попами даже не постеснялись» (Источник. М. 1995. № 3. С.124). Как известно, 14 июня, в день памяти святителя Мефодия, Патриарха Константинопольского, который был заключен в подземной темнице, но в конце концов обрел

свободу, Святитель Тихон был выпущен из внутренней тюрьмы ГПУ и переехал на жительство в Донской монастырь. Наблюдение чекистов за о. Алексием велось и ранее: Глубокой осенью (1922 г.) Батюшка был вызван в ГПУ. В его отсутствие о.Сергий и все, проживавшие подле храма, духовные его дети горячо молились за него в храме. Между прочим Батюшке был задан такой вопрос: «Вот, о. Алексей, Вы уже стары; жизнь идет вперед, в храм ходят одни старухи, верующих становится все меньше. В ком же вы надеетесь найти себе смену, откуда возьмутся новые священники?» Батюшка ответил: «Верующими не рождаются, а становятся. Вот был Савл, и гнал Церковь Божию, а потом обратился и стал апостолом Павлом. Верующим можно стать в одну минуту. Вот, может быть, пройдет время, и Вы уверуете в Бога, захотите стать священником, придете ко мне, и я дам Вам рекомендацию к Святейшему Патриарху». Батюшка вернулся. Жизнеописание... С.142. Другие относят этот разговор (скорее всего, ошибочно) ко второму вызову о. Алексия в ГПУ после службы Литургии преждеосвященных Даров в день его ангела 17 марта 1923 г.: В начале 1923 года, уже слабого и больного сердцем, о. Алексия вызывали в ГПУ, допрашивали о его деятельности, о том, кто у него бывает. Батюшка отвечал очень мудро: на вопрос, кого он ожидает быть его преемниками по священству, сказал, что верующими не рождаются, а становятся, что Господь и гонителя Савла обратил в Апостола Павла и что сами спрашивающие его теперь, по милости Божией, смогут обратиться к вере в Бога и пожелать священства, «и я вам дам рекомендацию к Святейшему», – добавил Батюшка с улыбкой. Надежда. Вып.16. С.49. Долго не знали, чем дело кончится. Однако Батюшка опять вернулся. Вечером, лежа в постели, веселый и благостный, он принимал кое-кого, пришедших его поздравить. «Без Вас меня тут арестовать хотели», – сказал он посещавшей его ежедневно. Его спрашивали о друзьях. «Нельзя теперь быть моим другом, – задумчиво и грустно проговорил он. – Они моей одышки испугались, боялись, что я умру у них, потому так скоро и отпустили...» Он говорил это легко, но по его виду, по прерывистому и тяжелому дыханию было видно, что тяжело ему

достался этот второй допрос. Трудно было отвечать за «Маросейку». «Это последний... Больше не будет», – как-то особенно проговорил он. Жизнеописание... С.147–148.

²⁴⁴ - 15 июня «в 5 часов с торжественным пением похоронная процессия двинулась на Лазареве кладбище, куда прибыл для встречи Батюшки Святейший Патриарх Тихон, за несколько часов до этого (накануне) освобожденный из заключения. Святейший отказался войти в кладбищенский храм, ставший в его отсутствие обновленческим, и облачился на паперти. Здесь, таким образом, произошло всенародное осуждение Главой Русской Православной Церкви нового раскола, причем осуждение немедленное, как только можно было такое сделать. [...] Как только гроб внесли в церковные ворота, тысячная толпа забросала Святейшего и почившего Батюшку цветами. [...] Святейший отслужил по усопшем литию, гроб опустили в могилу, и он первый посыпал на него землю. Затем Первосвященитель Русской земли начал благословлять народ, что продолжалось несколько часов. За это время успели оправить могильный холм, водрузить крест, расположить в порядке венки и прочитать полную панихиду, которую отслужил сын покойного отец Сергей» (Надежда. Вып.16. С.65–66). Очевидец писал: «Стечение народа на похоронах священника Мечева было громадно, а когда узнали, что будет служить сам Патриарх, и увидали его едущим на извозчике, толпа быстро стала увеличиваться» (Современные записки. Париж. 17.3.1923). В 1923 г. о. Алексей был тяжело больным человеком. В день его именин – (17)30 марта – к нему пришли его друзья, и престарелый священник, поблагодарив за поздравление, заявил: «Я скоро умру, но в день моих похорон будет величайшая радость для всей Русской Церкви». Эти слова многие вспомнили через четыре месяца, когда тотчас после освобождения Патриарх поехал служить панихиду на могиле похороненного в этот день о.Мечева. [...] Второй день после освобождения Патриарха прошел в каком-то радостном угаре. В этот день Патриарх отправился на извозчике через всю Москву на Лазаревское кладбище, к могиле о. Алексея Мечева. Слух о намерении Патриарха посетить могилу популярного священника

разнесся в Москве еще накануне. Тысячные толпы загрохотали на кладбище. Обновленческое духовенство было встревожено: как принять Патриарха, если он зайдет в церковь. Святейший, однако, прошел мимо храма и последовал прямо к могиле протоиерея. Отстояв панихиду, которую совершал о.Анемподист («толстый, веселый архимандрит»; до ареста один из самых близких, «домашних людей» Патриарха – С.Ф.), Святейший благословил народ и тут произнес свои первые слова к народу: «Вы, конечно, слышали, что меня лишили сана (на обновленческом лжесоборе – С.Ф.), но Господь привел меня здесь с вами помолиться». И все кладбище огласилось криками: «Святейший! Отец наш родной! Архипастырь, кормилец!» Такого взрыва народного энтузиазма не видел еще ни один Патриарх на Руси. К Патриарху бросилась толпа, его буквально засыпали цветами. В течение трех часов Патриарха не отпускали с кладбища, сплошным потоком шли народные толпы к нему под благословение. И тут было впервые объявлено, что Святейший будет служить в воскресенье Литургию в Донском монастыре. Левитин А.Э., Шавров В.М. Очерки по истории русской церковной смуты. М. 1996. С.303, 311.

²⁴⁵ - Схиархиепископ Антоний (князь Давид Ильич Абашидзе, 12.10.1867 – 1943) – родился в Тифлисской губернии. После окончания Новороссийского университета (1891) принял монашество с именем Димитрий; иеродиакон. Окончил Киевскую духовную академию (1896) со степенью кандидата богословия; рукоположен во иеромонаха. Ректор Александровской миссионерской духовной семинарии, архимандрит. Хиротонисан во епископа Алавердского. Позднее епископ: Гурийско-Мингрельский (1903), Туркестанский и Ташкентский (1906), Таврический и Симферопольский (1912). С 1914 г. добровольно в качестве рядового священнослужителя в составе Черноморской эскадры участвовал в Германской войне. Архиепископ Симферопольский и Таврический (1915). Участник Поместного Собора 1917–1918 гг. Состоял во Временном Высшем Церковном Управлении Юго-Востока России и в организации Юго-Восточного Церковного Собора в Ставрополе (май 1919). В 1920-х гг. проживал в Киеве; был наместником

Киево-Печерской Лавры. Принял схиму с именем Антония, пребывал в затворе, старчествовал. Погребен на территории Киево-Печерской Лавры, у входа в Ближние пещеры. В настоящее время готовится его канонизация.

²⁴⁶ - См. прим.

²⁴⁷ - См. прим.

²⁴⁸ - См. прим.

²⁴⁹ - См. прим.

²⁵⁰ - А.М.Волковой – автора воспоминаний.

²⁵¹ - См. прим.

²⁵² - См. прим. к письму № 26.

²⁵³ - Епископа Арсения (Жадановского). См. прим.

²⁵⁴ - См. прим.

²⁵⁵ - См. прим.

²⁵⁶ - См. прим.

²⁵⁷ - См. прим.

²⁵⁸ - Об о.Валентине Амфитеатрове см. прим.

²⁵⁹ - См. прим.

²⁶⁰ - См. прим. и прим.

²⁶¹ - Священник Константин Димитриевич Всехсвятский (17.1.1871 – 4.6.1957) – родился в с.Некоуз Мологского уезда Ярославской губернии в семье священника. Окончил Ярославскую духовную семинарию и Московскую духовную академию (1895) со степенью кандидата богословия. Преподавал в Астраханской духовной семинарии на кафедре истории и обличения русского раскола, а потом был переведен в Самарскую, где трудился на кафедре философии, логики и психологии. Рукоположен во иереи (14.1.1901) и назначен одним из соборных священников в подмосковном Богородске, где преподавал Закон Божий в городском училище и гимназии. Переведен в Москву (1904) в храм Свт.Николая в Кошелях у Устьинского моста, близ Воспитательного дома. Одновременно был законоучителем в различных женских гимназиях: Енгальчевой на Таганке, Винклер – на Чистых прудах (вместе с о. Алексием Мечевым), Потоцкой – на Пушкинской площади; а

также в мужском реальном училище Лашука у Красных ворот. Священник в храме Сщмч.Власия в Староконюшенной (1916). В последнее время служил сначала одним из священников, а потом настоятелем храма Прп.Сергия в Рогожской (1920). В 1935 г. по болезни и семейным обстоятельствам вышел за штат; посещал ближайший храм Прор.Илии Обыденного (см. прим.), где помогал священнослужителям. В неопубликованных воспоминаниях о «Дедушке» (так называли о.Константина его духовные чада) говорится: «Покойный о. Алексей [Мечев] и сын его о.Сергий очень уважали Дедушку, хотя взгляды его на церковные дела и о.Сергия были неодинаковы. Одна из духовных дочерей последнего, Манюшка Тимофеева, запросила его, к кому ей теперь обращаться. – «Обращайтесь к Дедушке, – он в Москве отец отцов, первый и лучший духовник». – «Батюшка, да ведь он непоминающий!» – «Ну, ничего, это не мешает ему быть лучшим духовником!» Дедушка при жизни о. Алексея был его другом и охотно принимал его «сирот», стараясь им помочь. Но церковной позиции о.Сергия он не разделял и даже осуждал. Раз он очень искусил Манюшку. Сидя за трапезой, он сказал, что о.Сергий еще молод, почти мальчишка, а очень много на себя взял. Манюшка вскочила из-за стола и, не подойдя к Дедушке под благословение, ушла со словами: «Константин Дмитриевич, до свидания. Я не могу слушать это о моем духовном отце». Решила больше к Дедушке не ходить. Она написала об этом о.Сергию, но тот ответил опять советом обращаться к Дедушке. За послушание она пошла на исповедь к о.Константину, но исповедовалась очень обще, «как у чужого». Пошла в церковь, но в душе было смущение. Вернулась и попросила у Дедушки прощенья. Дедушка ответил: «А я и не сердился на вас. Напротив, меня тронула ваша искренняя и преданная любовь к духовному отцу» («Соль земли» Сост. С.В.Фомин. М. «Паломник». 1998. С.30).

²⁶² - Гимназия Елизаветы Владимировны Винклер, в которой одно время преподавал Батюшка, была протестантской, двое из преподавателей были атеистами, а большинство учащихся происходили из семей весьма далеких от Церкви. До нас дошли фрагменты воспоминаний о

пребывании о. Алексия Мечева в этом учебном заведении. Первое принадлежит одному из его сослуживцев по гимназии Винклер: Я встретился с о. Алексеем впервые в 1905 году в крохотной комнатке под лестницей, в доме церкви Троицы на Грязях (на Покровке), где помещалась тогда еще прогимназия Винклер. С тех пор мы виделись два раза в неделю в учебное время в течение тринадцати лет, пережили вместе тяжелые времена войны, революции и разгрома. Лица немногочисленных, но очень разнородных преподавателей всегда принимали приветливое выражение, когда быстрой нервной походкой, придерживая рясу одной рукой, широко размахивая другой, задыхаясь от поспешного вхождения по лестнице, появлялся в учительской о. Алексей, приветливая улыбка которого не покидала его лица, пока не заходила речь о серьезных вещах. В наших незатейливых товарищеских разговорах, какие мы вели на переменах, чтобы дать отдых усталым от урока мозгам, о. Алексей всегда охотно принимал участие, весело смеялся комическим выступлениям некоторых из нас и никогда не показывал вида, что его призвание – вести иные беседы. Но когда одному из нашей среды пришлось переживать тяжелую семейную драму, он подолгу тихо говорил о чем-то с о. Алексеем. Постоянно бросалось в глаза: встреча учениц с «маленьким батюшкой» в коридоре или зале; она сопровождалась шумными возгласами и обступанием его толпою, между тем как отношение к преподавателю Закона Божия другого исповедания ограничивалось сухим поклоном, а иногда сопровождалось боязливым взглядом. Бывали обстоятельства, когда о. Алексей глубоко входил в жизнь учащихся. Они были, вероятно, нередки, но, по понятным причинам, оставались большей частью скрытыми. В одном случае ученица 6-го класса по какой-то причине хлебнула нашатырного спирта и пролежала несколько дней в больнице. О.Алексей тотчас посетил ее там, а затем способствовал успокоению пострадавшей и тех, кого взволновало это происшествие. Скромно и застенчиво проводил свою деятельность в гимназии о. Алексей, никому не навязывая своих взглядов, едва заметно показывая вид, когда что-то ему

бывало не по душе. Но тихий свет, исходивший от него, влиял, хотя и бессознательно для нас, на всех соприкасавшихся с ним, невзирая на глубокое различие взглядов и образа жизни. Мы даже не знали, что этот свет являлся только слабым отблеском того яркого душевного огня, которым он жег и целил сердце людей, алчущих света Фаворского. Жизнеописание... С.38–39.

Отец Алексей Мечев с детьми А вот что вспоминал назначенный в 1905 г. в гимназию Винклер на должность председателя педагогического совета некто А.Воронец: В маленькой фигурке отца Алексея, казалось, ничего нет телесного; это был лишь клубочек до крайности напряженных нервов. Манеры, походка и телодвижения изобличали впечатлительность и глубокие переживания, тщетно скрывавшиеся молчаливостью и стремлением всегда поместиться в тени от других, быть незаметным. На уроках А.А.Мечева я не был ни разу, но был отлично осведомлен, благодаря рассказам моих дочерей, учившихся в гимназии Винклер, и их подруг. С формальной стороны А.А.Мечев не исполнял требований действовавших программ; он не требовал зубрения текстов из катехизисов, молитв и рассказов из Священной истории; он не требовал даже ответов от учениц; он спрашивал и отвечал сам. Все ученицы имели полный балл. Не было случая, чтобы А.А.Мечев поставил кому-нибудь балл 4. Такая система преподавания имела при добавочных обстоятельствах, о которых я упомяну, несомненно педагогическую ценность. Ведь в то время Закон Божий был официально главным учебным предметом. Действовало правило, по которому учащийся, аттестованный по Закону Божию неудовлетворительным баллом, автоматически получал пониженный балл за поведение. Наименьший удовлетворительный балл 3, по пятибалльной системе, поставленный в выпускном аттестате по Закону Божию, являлся как бы удостоверением политической неблагонадежности. Между тем преподавание Закона Божия сводилось, в сущности, к пустой и весьма нудной формальности. Большинство законоучителей относились к делу формально и преподавали главным образом догматическую часть. А.А.Мечев держался иного направления, он вел беседы с ученицами относительно

евангельской морали. Далеко не все семена, брошенные добрым законоучителем, пали на добрую почву. Дело в том, что А.А.Мечев был настолько снисходителен и мягок к ученицам, что последние злоупотребляли его добротой и невзыскательностью и много шалили на уроках, не слушали того, что им говорилось. Безконечная снисходительность А.А.Мечева отнюдь не была проявлением безразличного или апатичного его отношения к педагогической работе; он не был уставшим, флегматичным учителем, которому решительно все равно, что делается на уроке, лишь бы его самого оставили в покое. Он страдал от невнимания учениц, от того, что евангельская проповедь скользит мимо ушей шаловливых девочек, но он не мог принудить учащихся быть чинными на уроке. Не мог не потому, что он не умел водворить порядок, а потому, что всякое принуждение было чуждым его характеру. Принцип непротivления злу злом был руководящим во всех поступках А.А.Мечева и был доведен им в жизни до христианского предела; этот принцип в соединении с безконечной любовью к людям, истинно христианской любовью, и со всепрощением органически не мог вызвать даже напускной строгости, повышения голоса и какой бы то ни было требовательности. Конечно, ученицы этого не понимали, они пользовались по-своему безграничной добротой учителя и делали все, что хотели. Но никогда на уроках А.А.Мечева не было ни одной дурной шалости. Выявлялись детская резвость, шумливость, проказничество, но ни одна шалость не принимала некрасивой формы, потому что в присутствии такого человека, каким был А.А.Мечев, смолкали все дурные инстинкты. Обаяние его душевной чистоты сообщалось всем, приходившим с ним в соприкосновение. Я помню случай, как в учительской один из преподавателей, природный и профессиональный шутник, случайно занявшийся педагогической деятельностью, забавляя сослуживцев веселыми рассказами, перешел границы пристойности. Шумный смех сменился щемящим конфузом, когда веселившиеся взглянули на вспыхнувший на лице А.А.Мечева румянец и на дрожащую страдальческую улыбку. Но зато как от души и заразительно смеялся А.А.Мечев, когда

слышал остроумные и безобидные шутки. Можно ли было признать А.А.Мечева, применяясь к требованиям старой школы, хорошим законоучителем и каковы были результаты его преподавания? Если судить о работе учителя по экзаменационным ответам учащихся, то следовало бы поставить суровый приговор: ученицы, в общем, ничего не знали. То есть они не знали того, что полагалось знать по программе, что можно было только зазубрить без понимания по существу. Многие ученицы не слушали объяснений А.А.Мечева. Из тех же, которые слушали, часть осталась равнодушной, а часть, вероятно очень небольшая, усвоила истины высшей нравственности. Такой результат, формально ничтожный, следует признать существенно важным. Необходимо еще отметить, что А.А.Мечев по своему почину практиковал, так сказать, экскурсионный метод: он водил учениц в приходскую церковь, где был настоятелем, в свободное от богослужения время и, объясняя устройство церковное, показывал облачения, священные сосуды и т.д. Эти экскурсии производили огромное впечатление на всех без исключения учениц; они, кроме того, получали некоторые познания по богослужению и, следовательно, усваивали часть действовавшей программы. Как законоучитель в гимназии А.А.Мечев принимал участие в молебнах перед началом учения, в официальных панихидах и т.д., уступая обыкновенно первенствующее место или приходскому протоиерею, или законоучителю старших классов, так что за десять лет мне пришлось видеть А.А.Мечева не более трех раз в активной службе. Эти службы не производили особого впечатления, так как в молебнах и панихидах священник говорит очень мало и стоит спиной к молящимся. Надо было видеть выражение лица А.А.Мечева, чтобы понять его отношение к службе; и вот на тех службах, когда А.А.Мечев участвовал в сослужении, ничего не говоря, но стоял боком к публике, можно было заметить, что А.А.Мечев сам молится. Его моление не имело ни малейшего внешнего эффекта, но глубокая сосредоточенность взгляда, отрешенность от действительности, выдавали проникновенное отношение к богослужению и отсутствие обычного равнодушия большинства

священников. А.А.Мечев редко говорил поучения, а те, которые я слышал, произвели на меня большое впечатление своею особою простотою: никакой витиеватости, никаких признаков красноречия, не было и цитат, как будто говорил не представитель духовенства, а рядовой педагог, но при этом исключительно ласковый с детьми. В заседаниях педагогического совета А.А.Мечев говорил мало и редко, но переживал много. Когда кто-нибудь высказывался не в пользу ученицы, А.А.Мечев сидел с опущенными глазами и страдальческим видом; когда раздавалось слово заступничества за провинившуюся или малоуспевшую, А.А.Мечев не сводил сияющих глаз с говорившего и улыбкою и нервными жестами как бы побуждал сказать еще в защиту «подсудимой». Разумеется, когда дело доходило до голосования, голос А.А.Мечева всегда принадлежал партии милосердия и снисхождения. Трудно описать старания доброго законоучителя по поводу «разгрома», произведенного однажды окружным инспектором на выпускном экзамене по истории; тогда около десяти учениц получили неудовлетворительные отметки и должны были быть оставлены на второй год. Смятение в гимназии было великое, и больше всех волновался А.А.Мечев. Оставалось два-три дня до заключительного заседания педагогического совета, когда должно было быть запротоколировано оставление выпускных учениц на второй год. Никто не думал, что они могут быть спасены. Проштудировав устав женских гимназий, я нашел статью, по которой педагогический совет может признать экзаменационную неудачу случайной и противоречащей годовичным успехам, а потому может игнорировать эту неудачу и присудить аттестат. Этот выход из положения я приберег в качестве сюрприза. Явившись на заседание, я нашел всех собравшихся в крайне удрученном состоянии, а на А.А.Мечеве, как говорится, лица не было. Бледный, осунувшийся и дрожащий, он подошел ко мне и, видя мое спокойное и даже бодрое настроение, нервно заметался, как бы отказываясь понимать мое жестокосердие. Мне стало до того жаль А.А.Мечева, что я отвел его в сторону и шепнул, что я уверен в

благополучном исходе и что все сейчас узнают. Что сделалось с Алексеем Алексеевичем! Он чуть не бегом бросился к столу, сел на свое привычное место и затрепетал от радости со счастливой улыбкой на лучезарном лице. Происшедшая с ним перемена была замечена присутствующими, атмосфера безнадежности разрядилась, все ожили, и через несколько минут было вынесено милостивое постановление педагогического совета, не опротестованное потом и учебным Округом. Счастливое настроение охватило членов совета так сильно, что никому не хотелось расходиться; был организован экспромтом товарищеский завтрак, на котором А.А.Мечев веселился без вина больше всех подвыпивших. В те годы, когда я встречался с А.А.Мечевым в гимназии Е.В.Винклер, я не знал, что он пользуется огромной популярностью как духовник и утешитель прибегающих к нему за моральной поддержкой. Сопоставляя все свои впечатления, я должен признать, что А.А.Мечев обладал тою духовною силою, которая способна делать чудеса. Душевная чистота, бесконечная любовь, всепрощение и фактическая горячая вера, соединенные в одном человеке, должны были привлекать к нему «труждающихся и обремененных» для духовного успокоения. Там же. С.39–43; см. также с.43–45.

²⁶³ - См. прим.

²⁶⁴ - Анна Павловна Всехсвятская – матушка о.Константина. В семье было три дочери и четыре сына.

²⁶⁵ - Александра Константиновна Всехсвятская.

²⁶⁶ - Серафиму Ильиничну – келейницу. См. прим.

²⁶⁷ - Вознесенский женский монастырь в Московском Кремле был основан прп.Евфросинией Московской (1353 – 7.7.1407), в миру княгиней Евдокией – супругой блгв. Вел. Кн. Дмитрия Иоанновича. Обитель почиталась Царской, и ее игумений обладали правом входить к Государыне Императрице без доклада. Игуменья Евгения (Екатерина Алексеевна Виноградова, 1837 – ?), о которой идет речь в воспоминаниях, была последней (перед закрытием) настоятельницей этого

монастыря (с 26.4.1893). Постриженица (15.11.1871) Борнео-Глебского Аносина женского монастыря (см. прим. 380).

²⁶⁸ - См. прим. к письму № 18.

²⁶⁹ - Евфросиния Николаевна Мечева. См. прим.

²⁷⁰ - В Москве лишь единичные приходы сохранили верность Патриарху Тихону, поминая его на ектениях и Великом Входе. В числе их были «Маросейка» и Данилов монастырь.

²⁷¹ - «С официальной точки зрения легальны были только группы из двадцати мирян, снимавшие у властей церковные помещения. В таких условиях легализация фактически сводилась к регистрации; Церковь, как иерархическая организация, не получила в Советском Союзе статуса юридического лица. Согласно правительственному постановлению от 12 июня 1922 г., функционирование религиозных объединений считалось легальным только при условии их регистрации в местных государственных органах. Это узаконивало преследования незарегистрированных религиозных групп и их руководителей, как духовенства, так и мирян, и позволяло произвольно определять условия, требуемые для регистрации. НКВД имел право высылать на три года без суда «лиц, присутствие которых в данном районе может считаться опасным с точки зрения защиты революционного общественного порядка», что позволяло избавляться от неугодного духовенства, в особенности от правящих епископов. Регистрации подлежали все лица, обслуживающие данный храм, приход или епархию; таким образом правительство могло контролировать назначение духовенства, отказывая в регистрации тому или иному епископу. Патриаршая Церковь не признавала такие условия регистрации, правительство же отказывалось легализовать Церковь на каких-либо других условиях» (Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М. «Республика». 1995. С.114–115). Современник вспоминал: Очень тяжелое время переживаем. ВЦУ (обновленческое – С.Ф.) разослало по всем церквам анкетные листки, на которые должны отвечать члены приходских советов и священники. Между прочим, ответ священнику поставлен ребром: признает ли он ВЦУ. Засим

вменяется в обязанность не принимать и не допускать к служению в церкви епископов, не признающих ВЦУ, и требуется отчисление крупной суммы на расходы по созыву Собора. Казалось бы, что и не нужно принимать этих бумаг и расписываться в их получении, но на это почти никто не дерзнул, и несчастное запуганное духовенство частью подписывается без обиняков, частью измышляет компромиссные, а иногда и нелепые ответы, и, главное – совершенно не сознает важности совершаемого им шага. Церковное сознание до того запуталось, что священники не понимают последствий для себя от общения с отлученными иерархами и иереями. Епископы наши все перешли в «живую» церковь (так казалось автору письма – С.Ф.). У нас в приходе тяжелая борьба со священником, который ищет компромиссного решения. Вместе с тем в газетах уже напечатана программа собора, который созывает Антонин. Главной, основной задачей его является преобразование Церкви в согласии с настоящим государственным устройством и осуждение прежнего строя и его управления как явно контрреволюционных. Обещается сохранение прежнего обряда и догматов, но открывается возможность «свободного творчества». О том, что Антонин и Красницкий отлучены Вениамином, многие просто забыли, или хотят забыть, и не разъясняют прихожанам, которые в большинстве боятся одного – что к Пасхе их церковь закроют. Антонин совершенно изменил тактику: теперь он ничего не меняет в богослужебном обряде и с необыкновенной помпой совершает службу в Храме Спасителя. Н.Н. нечаянно попал туда и был в восхищении: «Объясните мне, пожалуйста, откуда вы взяли, что он еретик?» И не он один так рассуждает. К незаконным действиям и революционным ухваткам так привыкли, что и на самочинную власть в Церкви так смотрят. Поминают Петра Великого и его расправу с Патриархом. К сожалению, исторические примеры могут действительно давать оружие, если спор становится на каноническую почву. А принципиальная сторона всегда, во всех вопросах, как общественных и государственных, а теперь и церковных, очень плохо усваивается и считается как бы второстепенной. Наш

батюшка к этой стороне вопроса относится как к личной идеологии, которая для него необязательна, неавторитетна: «Я с вашей идеологией не согласен, нужно прежде всего сохранить храм». Тут вопрос попадает на тему о благодати: может ли такой священник совершать Таинство? Н. в прошлое воскресенье отправилась в церковь, исповедовалась и причастилась у «подписавшегося священника», и вернулась такая радостная и довольная: неужели же она не причастилась? Это вопрос самый трудный и тяжелый: мы легко можем очутиться без церкви и без пастырей. Если помрешь, как хоронить без отпевания в церкви? – и т.п. Все это невыносимо тяжело, и – отрадно, когда встречаешь таких людей, как Х. Он считает, что все к лучшему. Больше так жить было нельзя: «Нужно, чтобы вся гниль наружу вылезла; ведь вы сами видите, жить больше нечем». Да, но это сознание ужасно. Прежде, когда идешь ко всенощной и вся Москва гудит от благовеста – на душе радостно и тепло, а теперь от этого звона ком в горле становится. Были большие разговоры о снятии колоколов, мы ужаснулись от мысли остаться на Пасху без звона, а теперь это было бы нам к лицу. Поймите этот ужас: большая часть народа, сама того не зная, уйдет в раскол и порвет с преданием Отцов совершенно безсознательно, а другая – православная – останется без храмов, почти без священников и почти без Таинств... Прот.Кирилл Зайцев. Время Святителя Тихона. М. Издательство имени Святителя Игнатия Ставропольского. 1996. С.132–133. В том же 1922 г. нужно было решить и еще одну проблему: : Голод в Поволжье и в южной полосе России вызвал правительственный декрет об изъятии церковных ценностей. Церковные круги были встревожены. Возникал вопрос – допустимо ли это с церковной точки зрения. В батюшкиной (о. Алексия Мечева – С.Ф.) комнате происходило обсуждение этого вопроса в присутствии о.П.Флоренского и одного из духовных детей Батюшки. Батюшка лежал в постели, как это было теперь большей частью. Пересмотрены были исторические факты, аналогичные этому, примеры и слова Свв.Отцов Церкви, касавшиеся неприкосновенности церковного имущества, с одной стороны, и возможности пользоваться им в

благотворительных целях, с другой. Во время этого совещания о.Сергий несколько раз открывал дверь, пытаясь войти, но каждый раз слышал строгий голос Батюшки: «Сережа, закрой дверь!..» Пришли к тому, что можно выдать все, но надо постараться выкупить церковные сосуды как предметы, имеющие непосредственное отношение к совершению таинства Евхаристии. По закону дозволено было выкупить то, что было желательно для данного храма. Вещи выкупались по весу на драгоценный металл. Во время проведения этой меры в жизнь бывали в некоторых храмах столкновения с исполнителями декрета, проявляющими иногда резкость и неуважение к чувствам верующего человека. В храм Николы-Кленники комиссия по изъятию ценностей прибыла весной 1922 года, во второй половине дня. Дорого стоил этот день батюшке о. Алексею. Помимо личных переживаний он, знавший горячность о.Сергия, присутствовавшего вместе с ним в храме, все время старался успокоить его, уберечь от каких бы то ни было проявлений возмущения и резких слов, которые при сложившихся обстоятельствах могли только обострить и усложнить и без того трудный момент. Когда все было закончено и грузовая машина с заколоченными ящиками выехала со двора, Батюшка направился домой. Во дворе его ожидали несколько сестер и пошли проводить до квартиры. Измученный физически и нравственно, он едва шел, по-прежнему был ласков и даже как будто покоен, по-прежнему благословлял и подбадривал провожавших, как будто ничего не случилось. Жизнеописание... С.139.

²⁷² - См. прим. и прим.

²⁷³ - Из архиереев, приходивших на исповедь к о. Алексею, можно назвать епископа Германа (Ряшенцева). См. прим.

²⁷⁴ - См. прим.

²⁷⁵ - См. прим.

²⁷⁶ - Публикаторы кн. «Отец Алексей Мечев» полагают, что речь идет о диаконе Владимире Сысоеве.

²⁷⁷ - Редакторы кн. «Отец Алексей Мечев» полагают, что речь, возможно, идет здесь об о.Сергии Дурылине. Мы

сомневаемся в этом.

²⁷⁸ - См. прим.

²⁷⁹ - О.Сергием Дурылиным.

²⁸⁰ - Мч.Иоанн Воин – при Иулиане Отступнике был послан преследовать христиан, но, будучи сам христианином, чем мог, помогал им. Был ввергнут в темницу, по смерти императора получив свободу. Память 30 июля. В Москве существует храм Мч.Иоанна Воина на Большой Якиманке.

²⁸¹ - См. прим.

²⁸² - См. прим.

²⁸³ - См. прим.

²⁸⁴ - См. прим.

²⁸⁵ - Татиана Васильевна Фомина (31.12.1900 – 7/20.7.1980) – дочь профессора-медика, депутата Верховного Совета. Училась в гимназии Е.В.Винклер, где учителем был о. Алексей Мечев (см. прим.). Тайно от родителей ходила на Маросейку. По благословению прп.Алексия Зосимовского поступила в Борисо-Глебский Аносин женский монастырь (1922). В мантию с именем Магдалина ее постриг епископ Серафим (Звездинский, †1937) на ст.Пионерская в доме схиигумении Фамари (Марджановой). Дважды сидела в тюрьме. Своей пламенной молитвой привела к вере своих родных: мать и младшую сестру Людмилу. Жила в г.Шахты. См. кн.: «Женская Оптина». Материалы к летописи Борисо-Глебского женского Аносина монастыря. Сост. С. и Т. Фомины. М. «Паломник». 1997.

²⁸⁶ - Борисо-Глебский Аносин женский монастырь в Звенигородском уезде Московской губернии – основан в 1820 г. княгиней Е.Н.Мещерской, во иночестве игуменией Евгенией (†3.2.1837) в память ее почившего супруга. Начавший существовать сначала в виде богадельни, преобразовавшийся потом в общину, 18.9.1823 г. это был уже монастырь. Обитель управлялась по уставу общежительных монастырей прп.Феодора Студита. Имела подворье в Москве на Цветном бульваре. В середине 1920-х гг. здесь постригал в монахини послушниц епископ Серафим (Звездинский). Сюда же часто приезжал о. Сергей Мечев и многие прихожане с Маросейки.

Последняя служба была на Троицу 1928 г. Многие аносинские сестры умерли в ссылке, иные, нарушив данные обеты, вернулись в мир, другие жили в Москве небольшой общинкой с матушкой Антонией (казначеей монастыря). В 1992 г. обитель была возвращена Русской Православной Церкви.

²⁸⁷ - См. прим.

²⁸⁸ - «Потихоньку от родителей Таня ходила в храм на Маросейку к о. Алексею Мечеву. Там она подружилась с девочками, которые собирались в монастырь. Это было в 1922 году. Они просили благословения у Батюшки, но о. Алексей послал их в Зосимову пустынь к старцу Алексею. Таня рассказывала: Когда мы приехали в пустынь, одна из нас пошла к о. Алексею с просьбой благословить ее в монастырь. Но батюшка не благословил. Не благословил и вторую, и третью. Тогда пошла я. Стала на коленочки и заплакала. – Деточка, что же ты плачешь? – Батюшка, не хочу замуж. – Как же я тебя благословлю замуж, если ты в мантии родилась? Воспоминания схим. Анны Тепляковой.

²⁸⁹ - Игуменией монастыря в это время была мать Алипия (1875 – 18.3.1942). Девятилетней сиротой поступила она в монастырь св. равноап. Нины в Бодби (1884), где сошлась с м.Ювеналией (Марджановой), впоследствии схиигуменией Фамарью (см. прим.), вместе с которой позже перебралась в Москву и пребывала сначала в Покровской общине, а потом в Серафимо-Знаменском скиту. Вскоре после революции ее перевели игуменией в Борисо-Глебский Аносин женский монастырь, в котором она оставалась вплоть до его закрытия (1928). После этого последовали три года ссылки на Север. Вернувшись из ссылки, поселилась у благодетелей Аносина монастыря Лобовых в Москве на Большой Полянке, рядом с церковью Григория Кессарийского (зима 1931–1932 гг.), а с весны – на их даче в пяти километрах от Кубинки по Белорусской железной дороге. В 1930-е годы общалась со схиигуменией Фамарью, жившей на ст.Пионерская. Пострижена в схиму с именем Евгения. Скончалась и погребена рядом с домом, в котором жила (Воспоминания схим. Анны Тепляковой).

²⁹⁰ - См. прим.

²⁹¹ - Скорее всего, речь идет о митрополите Трифоне (кн. Борисе Петровиче Туркестанове, 29.11.1861 – 1/14.7.1934). По окончании гимназии в Москве (1883) назначен учителем Александровского Осетинского училища. Пострижен в монашество (31.12.1889); рукоположен во иеромонахи (6.1.1890). Окончил Московскую духовную академию со степенью кандидата богословия (1895) и назначен смотрителем Донского духовного училища. Ректор Вифанской духовной семинарии в сане архимандрита (1897); ректор Московской духовной семинарии (1899). Хиротонисан во епископа Дмитровского, викария Московской епархии (1.7.1901). С началом Германской войны был полковым священником на передовых позициях. Награжден панагией на Георгиевской ленте (26.2.1915). По болезни уволен на покой с пребыванием в Ново-Иерусалимском монастыре (2.6.1916). С 1918 г. проживал в Москве. В 1923 г. возведен в сан архиепископа, 14.7.1931 – в сан митрополита с правом ношения белого клобука и креста на митре по случаю 30-летия архиерейского служения. Скончался в Москве. Погребен на Введенском кладбище. Составитель благодарственного акафиста «Слава Богу за все».

²⁹² - Храм Преподобного Сергия в Рогожской – основан в начале XVII в.; в начале XVIII в. значится уже как каменный. В 1800 г. выстроена новая трапезная, а в 1818 г. нынешняя главная церковь. В 1838 г. обновлялся после пожара. В 1864 г. построена колокольня. В 1922 г. после закрытия Гефсиманского скита близ Троице-Сергиевой Лавры сюда, по ходатайству рабочих, была перенесена чудотворная Чернигово-Гефсиманская икона Божией Матери. Храм был закрыт в 1938 г. В храме пел известный хор слепых (возможно, перешедший сюда с Маросейки), у которых были ноты, специально изготовленные для незрячих. Слепые умоляли женщину, хлопотавшую о закрытии храма, а после кидавшую в разведенный ею огонь иконы и богослужебные книги, – не жечь их ноты, но та их сожгла, несмотря на мольбы. В 1990 г. храм возвращен верующим.

²⁹³ - Храм Святителя Николая в Песках – впервые упоминается под 1635 г., в 1657 г. значится как каменный.

Обновлялся в 1901 г. Разрушен в 1932 г.

²⁹⁴ - См. прим.

²⁹⁵ - Печатается по машинописи из архива Е.В.Апушкиной. Первая публикация в сб.: Отец Алексей Мечев. С.353–357 (с некоторыми неточностями). Заимствовано (с большими сокращениями и с приспособлением к обстоятельствам) из слова архимандрита Григория (Борисоглебского) перед чином погребения прп.Амвросия Оптинского. См.: Жизнеописание Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. М. 1900. С. XI-XIX. Архимандрит Григорий (Николай Иванович Борисоглебский, 1867–1893) – инспектор Московской духовной академии. (В книге «Пастырь добрый» даётся под названием «Надгробное слово, оставленное о. Алексием перед своей кончиной». Рассуждения П.Флоренского по данному вопросу не вполне обоснованы. См.далее. – И.И.).

²⁹⁶ - Печатается по изд.: Священник Павел Флоренский. Сочинения в четырех томах. Т.2. М. «Мысль». 1996. С.591–616. Данный текст основан на машинописи из архива о.Павла Флоренского с учетом авторской правки. Печатавшийся до этого текст (см., напр.: Отец Алексей Мечев. С.359–382) был датирован 23 августа 1923 г. и содержал многочисленные текстуальные различия. Парижские публикаторы (Н.А.Струве) отмечали: «Странным образом, о.Павлу Флоренскому, несмотря на его колоссальную эрудицию, осталось неизвестным, что надгробное слово о. Алексея Мечева было им не написано, а выписано из слова, произнесенного перед отпеванием Оптинского старца Амвросия. Тем не менее, духовная проблема, поставленная наличием слова, приготовленного самим о. Алексеем, остается и размышления о.Павла Флоренского сохраняют свою силу» (С.359). Однако в архиве о.Павла сохранились две записи, опровергающие это мнение. В первой из них говорилось: «Архимандрит Григорий (Борисоглебский). Сказание о житии оптинского старца отца иеромонаха Амвросия. М., 1893, с.149–163 – надгробное слово самого о.Григория, весьма похожее на надгробное слово о. Алексея Мечева». Другая запись: «Когда рассуждение это было уже написано, то нашелся и литературный первообразец Слова

о. Алексея. Это именно надгробное слово оптинскому старцу Амвросию, сказанное при его погребении архимандритом Григорием (Борисоглебским). Оно было несколько раз издано. В нем имеется ряд фраз почти тождественных с соответственными фразами Слова о. Алексея. Но переработка первого слова во второе идет всегда в одном смысле: исключается все, относящееся непосредственно к монастырю и монашеству, и оставляется, напротив, чистый дух самого старчества, независимо от частных обстоятельств его применения» (Игумен Андроник (Трубачев). Русский пастырь на приходе // Москва. 1990. № 12. С.161).

²⁹⁷ - См. прим. О.Павел Флоренский познакомился со старцем Анатолием 7.9.1905 г. во время поездки в Оптину пустынь.

²⁹⁸ - Исх.33:20.

²⁹⁹ - Рим.6:2–14.

³⁰⁰ - См. прим.

³⁰¹ - Св.Варсонофий (†конец VI в.) – отшельник, один из учителей аскетики.

³⁰² - Откр.20:10.

³⁰³ - 1Кор.12:4.

³⁰⁴ - Прп.Феодора Цареградская (†940). См. Житие прп.Василия Нового.

³⁰⁵ - 1Кор.1:26.

³⁰⁶ - 1Кор.2:15.

³⁰⁷ - Публикуется впервые по машинописи из архива Е.В.Апушкиной. Из контекста слова видно, что оно было сказано о.Сергием в 1923 г. еще до истечения сорока дней после кончины о. Алексея Мечева.

³⁰⁸ - «Решение принять священство было связано у Сергея Алексеевича [Мечева] с поездкой в Оптину пустынь осенью 1918 года. Когда он впервые приехал в Оптину, там было два старца – о.Анатолий и о.Нектарий. Сергей Алексеевич с первого взгляда выбрал о.Анатолия, в котором он почувствовал большую близость с батюшкой о. Алексеем. В беседе с

о.Анатолием было принято решение о вступлении на путь священнослужения» (Надежда. Вып.16. С.32).

³⁰⁹ - См. прим.

³¹⁰ - Живая церковь – получившая в 1922–1924 гг. наибольшую известность группа, возглавлявшаяся священниками Красницким, Белковым и Калиновским, активно сотрудничавшая с советскими карательными органами.

³¹¹ - См. прим.

³¹² - Публикуется впервые по записи в тетради в архиве Е.В.Апушкиной. Исходя из контекста, слово было произнесено о.Сергием после первых посмертных именин о. Алексия Мечева, т.е. после 17.3.1924 г.

³¹³ - Печатается впервые по машинописи из архива Е.В.Апушкиной. Автор воспоминаний неизвестен. (По стилю причислено нами к о.Сергию, – И.И.)

³¹⁴ - Публикуется впервые по машинописи из архива Е.В.Апушкиной. Автор воспоминаний неизвестен.

³¹⁵ - Публикуется по машинописи из архива Е.В.Апушкиной. Автор воспоминаний неизвестен. Его цитирует в своем очерке «Отец Алексей Мечев» владыка Арсений (Жадановский). См. его «Воспоминания». С.30–31.

³¹⁶ - См. прим.

³¹⁷ - См. прим.

³¹⁸ - Судя по всему, речь идет об Архиепископе Николае (Николае Павловиче Добронравове, 1863 – 10.12.1937), Владимирском и Суздальском. Родился в семье священника Московской губернии. После окончания Московских духовных семинарии и академии (1885) преподавал в Вифанской духовной семинарии. Рукоположен во иереи. Член Пермской духовной консистории, служил в местном кафедральном соборе (1889). Законоучитель Александровского военного училища (1890), 7-й Московской мужской гимназии (1892), протоиерей, магистр богословия. Участник Собора 1917–1918 гг. После смерти супруги постригся в монахи, архимандрит. Хиротонисан во епископа Звенигородского (31.7.1921), архиепископ Владимирский и Суздальский (1923). В резолюции митрополита

Петра Крутицкого (1.2.1926) назван первым членом временной коллегии. С 1926 г. в ссылке, а затем на покое в Москве. Расстрелян в пос.Бутово под Москвой.